

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

РЕАЛИИ И ЛЕГЕНДЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

Сборник научных статей

Санкт-Петербург
Тверь
2012

УДК 821.161.6.09(082)
ББК Ш5(2+411.2)-34
Р 31

Редколлегия:

В. Е. Багно, С. В. Денисенко (отв. ред.), А. О. Дёмин, Е. О. Ларионова,
С. Б. Федотова, С. А. Фомичев

Составитель: С. В. Денисенко

Рецензент: Т. С. Царькова

Реалии и легенды Отечественной войны 1812 года: Сборник научных статей / Отв. ред. С. В. Денисенко. – СПб.–Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2012. – 606 с.: илл.

ISBN 978-5-903728-60-2

Сборник научных статей «Реалии и легенды Отечественной войны 1812 года» посвящен 200-летию Отечественной войны. Включает в себя статьи российских и зарубежных исследователей: филологов, историков, музыковедов.

Издано при финансовой поддержке Российской Академии наук

- © Коллектив авторов, 2012
- © Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2012
- © Издательство Марины Батасовой, 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

События двенадцатого года	6
Статьи	
<i>М. В. Загидуллина</i> 1812 год как миф	9
<i>В. А. Кошелев</i> «Орлы двенадцатого года»: Реалии и мифология	29
<i>М. Г. Альтишуллер</i> Забытый сборник о войне 1812 года (Последняя книга Н. П. Николаева)	46
<i>Л. А. Сапченко</i> «О великих происшествиях нашего времени» (1812 и 1825 годы в письмах Н. М. Карамзина)	60
<i>А. И. Кондратенко</i> «Листки воспламенительной силы» (Литературное участие Ф. В. Ростопчина в информационной войне с Наполеоном)	71
<i>Н. А. Калёнова</i> Язык личного письма (На примере писем В. С. Норова 1812–1813 гг. родителям)	82
<i>И. А. Айзикова</i> Мемуары о войне 1812 года в библиотеке В. А. Жуковского	90
<i>Т. П. Нестерова</i> Литературные маски русского певца в поэзии Отечественной войны 1812 года	100
<i>Л. Н. Сарбаиш</i> Русские писатели XIX века об «иных племенах» в Отечественной войне 1812 года	111

<i>Д. Р. Невская</i> Кирасир Адрианов в книге Е. В. Тарле «Нашествие Наполеона на Россию» и литературная репутация Г. В. Геракова	121
<i>С. В. Фролов</i> М. И. Глинка и война 1812 года	146
<i>Анна Джуст</i> «Иван Сусанин» Кавоса – Шаховского: Предвестие официальной народности в 1812 году	154
<i>Н. А. Рыжкова</i> Музыкальная летопись Отечественной войны 1812 года	172
<i>О. Н. Гринбаум</i> «Бородино» М. Ю. Лермонтова: Ритм, смысл и эмоции в свете гармонии	195
<i>О. Б. Кафанова</i> Взгляд из Франции на войну Наполеона с Россией (Мысли и вымыслы Жорж Санд)	213
<i>К. Г. Алавердян</i> «Было ли это сражение?» (Остранение в описании битвы при Ватерлоо Стендаля и Бородинского сражения Л. Н. Толстого)	227
<i>М. А. Александрова, Л. Ю. Большухин</i> «...Вскоре после достославного изгнания французов» (Эмблема исторического рубежа в поэме Гоголя «Мертвые души»)	247
<i>А. Ю. Сорочан</i> 1812 год в русском историческом романе: Репрезентации (не)давнего прошлого	261
<i>В. А. Доманский</i> Изображение Отечественной войны 1812 года в русской поэзии: От высокой архаики к романтизму	290
<i>Н. Л. Вершинина</i> Книга А. Н. Яхонтова «Народная война 1812 года» как издание для «народного чтения»	308

<i>В. А. Котельников</i> Предпоследний юбилей империи	317

Публикации и сообщения

<i>Н. П. Николев</i> Речь, говоренная Верейской округи помещиком Николаем Петровичем Николевым собственным и соседним крестьянам 1812 года августа 12 дня. Публикация М. Г. Альтиуллера	335

Письма Д. В. Давыдова к А. И. Чернышеву. Публикация и пер. Н. Л. Дмитриевой	344

<i>Н. А. Хохлова</i> История одной дружбы: Письма Д. В. Давыдова к П. Д. Киселеву	359

<i>С. А. Васильева</i> Ф. Н. Глинка о войне 1812 года	439

<i>С. А. Кибальник</i> Неизданные произведения Н. И. Гнедича	450

<i>И. В. Коцценко</i> К истории создания «Опыта теории партизанского действия» Д. В. Давыдова	460

<i>А. Г. Штигоцкий</i> Тексты из Библии, примененные к Отечественной войне 1812 года. Публикация С. В. Денисенко, А. О. Дёмина	507

Библиография

Материалы к библиографии: Война 1812 года в истории русской литературы. Составитель Е. О. Кудина	525

Список условных сокращений	587

Указатель имен	588

СОБЫТИЯ ДВЕНАДЦАТОГО ГОДА¹

12 июня. Вторжение великой армии Наполеона чрез русскую границу (Неман), близ г. Ковно.

6 июля. Манифест императора Александра I об образовании ополчений, с выражением надежды, что неприятель встретит «в каждом дворянине — Пожарского, в каждом духовном — Палицына, в каждом гражданине — Минина».

4–5 августа. Сдача Смоленска.

8 августа. Назначение на место главнокомандующего Барклая-де-Толли, обвиняемого молвою в неспособности и даже измене, — князя М. Л. Кутузова (Смоленского).

17 августа. Прибытие Кутузова к войску.

26 августа. Бородинский бой.

1 сентября. Военный совет в Филях и решение Кутузова оставить Москву, за невозможность защитить ее, неприятелю.

2 сентября. Наполеон вступает в Москву.

3–10 сентября. Пожар Москвы.

Сентябрь и начало октября. Сидение французов в Москве. Кутузов собирает силы под Тарутином. Партизанская и народная война против французов.

7 октября. Наполеон выходит из Москвы, чтобы пробраться на юг России.

12 октября. После сражений под Малоярославцем французы отброшены войсками Кутузова на прежний свой путь к Смоленску.

5–6 ноября. Сражение под Красным и начало бегства французов.

15–17 ноября. Гибельная для французов переправа через Березину. — Бегство Наполеона за границу.

3 декабря. Остатки армии Наполеона переходят обратно Неман.

25 декабря. Манифест об окончании Отечественной войны.

¹ Отечественная война в родной поэзии: Сб. художественных произведений / Сост. Ч. Ветринский. Н. Новгород, 1912. С. 5. Даты приводятся по старому стилю.

СТАТЬИ

М. В. Загидуллина

1812 ГОД КАК МИФ

Все о мифе, или Миф обо всем

Рассуждение о мифе 1812 года уместно начать с конвенций — что мы понимаем под мифом, как мы выбираем дефиницию из тысяч, чья точка зрения на миф кажется нам более-менее верной и т.п.

Приводить в этой статье гигантскую библиографию понятия вряд ли уместно, но вехи должны быть отмечены.

Для современных представлений о мифе важны два имени — Карла Густава Юнга и А. Ф. Лосева.

Юнг выдвинул идею неостановимости мифотворческого процесса (неизбежности мифологизации действительности), а также показал возможную инвариантную структуру любого мифа (проекция — феномен мифологизации реалий окружающего мира, благодаря которому абстрактные структуры коллективного бессознательного обретают конкретную, понятную и приемлемую для членов соответствующего коллектива форму; миф формируется из плотного кольца легенд, обрастающих объект проекции)¹.

А. Ф. Лосев путем длительного философского анализа утвердил идею личностного наполнения каждого мифа. Миф, с его точки зрения, всегда порождается глубокой личностной эмоцией, а его объективным коррелятом выступает художественный символ. При этом, рассуждая о структуре мифа, ученый замечает: «Личность, история и слово — диалектическая триада в недрах самой мифологии. Это — диалектическое

¹ Карл Густав Юнг о современных мифах: Сб. тр. / Пер. с нем., предисл. и примеч. Л. О. Акопяна / Под ред. М. О. Оганесяна и проф. Д. Г. Лахути. М., 1994. С. 12, 36.

строение самой мифологии, структура самого мифа»². Предлагая формулу мифа, Лосев заключает: «*миф есть в словах данная чудесная личностная история*»³.

Отталкиваясь от этих двух различных подступов к понятию мифа, мы можем предложить их интерпретацию, обеспечивающую дальнейшие размышления.

1. Мифологизация событий неизбежна (не всех, а лишь тех, что создают крупный, общественно значимый эмоциональный подъем).

2. Этот эмоциональный фон и становится пружиной мифологизации.

3. Микроэлементом мифа является легенда — вербальная «версия» эмоционального фона, его объяснение.

4. Совокупность легенд заслоняет и подменяет исторически адекватный объект проекции.

5. В истории функционирует именно миф, а не «память о событии», другими словами, «память о событии» репрезентуется в виде мифа, берущего на себя роль исторически достоверного факта. Это не «игры разума», но неизбежность, обусловленная спецификой действия механизмов культуры.

Из этих рассуждений следует несколько значимых выводов: во-первых, возникновение мифа не может быть результатом сознательной деятельности отдельных лиц (можно распустить слух, можно пустить в ход какую-то заведомую ложь с определенной целью, но мифологизация произойдет только в случае встречных «брожений» в коллективном сознании — и в коллективном бессознательном тоже); во-вторых, нельзя уничтожить миф, развеять его полностью только усилиями научного, скажем, просвещения (сколько бы ни появлялись абсолютно достоверные факты и сведения, разоблачающие содержание мифа, в культурном поле миф будет продолжать свое существование в «первозданном» виде). Только длительные периоды времени «стирают» миф. Например, античная мифология «поблекла» примерно через 10 веков своего существования — что фиксирует Сократ. Но, согласимся, 1000 лет — действительно длительный период, и для Сократа мифы выступали «древними

² Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М., 1930. Цит. по электр. версии: http://www.philosophy.ru/library/losev/dial_myth.html.

³ Там же.

сказаниями», как для нас сейчас (примерно так же удаленные по времени) сказания древних летописей. Но и при всем при том художественная символика (по А. Ф. Лосеву) античных мифов оказалась нетленной вплоть до наших дней.

Если же вслед за Юнгом обратиться к мифотворчеству нашего времени, то мы обнаружим целый ряд закономерностей, действующих на коротких временных промежутках. Закономерности эти следующие.

1. Всякий значимый миф, приобретающий «вес» всеобщего мнения и подменяющий собой реальные факты, возникает в своем окончательном виде непосредственно вокруг объекта проекции еще при существовании самого объекта. Применительно к историческим фактам можно пояснить так: историческое событие в момент своего осуществления порождает и миф о себе самом.

2. Жизнь такого мифа в культуре представляет собой несколько стадий: всеобщее «усвоение», период полного согласия с мифом, период длительных попыток борьбы с мифом и его разоблачения или реформы в соответствии с вновь открытыми фактами или интерпретацией объекта проекции (в большинстве случаев такие попытки ревизии связаны с политическими, пропагандистскими задачами, стремлением приспособить миф для сиюминутных политических задач). Этот последний период жизни мифа может повлиять на его основные формулировки, однако, насколько можно судить по исторически отдаленным объектам проекции, незначительно.

3. Другая сторона жизни мифа связана с изменениями его *слова*, по Лосеву. Вербальная история, которая и репрезентует миф, редуцируется, упрощается, «сворачивается в ярлык»⁴, как замечал Н. А. Рубакин. Подробности испаряются, остается сущностное ядро, которое, уменьшившись до нескольких фраз, иногда слов или даже «картинок», и продолжает свою жизнь в культуре.

4. Наиболее значимым исследовательским полем, связанным с изучением мифотворчества как постоянной культурной практики, следует признать отслеживание и интерпретацию функционирования

⁴ Рубакин Н. А. Психология читателя и книги. Краткое введение в библиологическую психологию. М.; Л., 1929. С. 157.

мифа — то есть тех изменений, что вносит в структуру и рецепцию мифа время. С этой точки зрения большое значение имеют круглые даты и юбилеи разного типа. Активизируя внимание общества к объекту проекции, они тем самым заставляют и научное сообщество «подвести итоги» жизни мифа на определенную дату. Из таких обобщений, привязанных к датам, и складывается в конце концов «история мифа», в том числе и «история мифов об истории».

5. С этой позицией тесно связана и проблема нерасторжимости мифа и ритуала. Только в ритуальных практиках миф оживает в том своем виде, в каком он и может существовать — со всем шлейфом эмоций. Ритуальное «исполнение» мифа в каждом отдельном случае может иметь разное воплощение, однако важен сам факт такой ритуальной практики, поддерживающей жизнь мифа.

Так мы приходим к пониманию основных *неизбежностей* мифотворчества. Нет сомнений, что такое значимое событие, как война, уже в момент своего свершения мифологизируется. И всевозможные усилия историков *потом* доказать, что все было по-другому, будут обречены на неуспех. Миф все равно победит.

«Прошлое — чужая страна»

Так назвал свою книгу британский историк Д. Лоуэнталь. Он поставил целью своего исследования показать механизмы трансформации прошлого в сознании людей под воздействием целого ряда культурных практик. Лоуэнталь замечает: «Национальные и коллективные усилия по восстановлению и привлечению внимания к достойному гордости, если не сказать славному, прошлому поразительно напоминают мне потребности индивида в выстраивании собственной жизнеспособной и правдоподобной жизненной истории»⁵.

Однако дело не только в известной параллели филогенеза и онтогенеза, которую можно усмотреть в приведенном выше высказывании историка. Дело в том, что история, перенесенная в настоящее, никогда

⁵ Лоуэнталь Д. Прошлое — чужая страна. СПб., 2004. С. 18.

не будет идентична сама себе: «В противоположность распространенному стереотипу отношения к хранящемуся в памяти прошлому как к тому, что прочно зафиксировано и потому неизменно, в действительности воспоминания податливы и гибки. То, что, казалось бы, уже свершилось, продолжает претерпевать постоянные изменения. Преувеличивая в памяти те или иные события, мы заново их интерпретируем в свете последующего опыта и сегодняшних потребностей»⁶.

При этом чрезвычайно большое значение имеет «расстояние» — на сколько лет мы отодвинуты вдале от события? Редуцирование событий Пугачевского восстания для Пушкина было окрашено в тона «живой памяти» — он успел пообщаться со «свидетелями живыми». Те же полвека (примерно), как и в случае с работой над «Капитанской дочкой», отделяли Толстого от Бородинского сражения. Но сегодня, когда событие отодвинуто в прошлое на 200 лет, осязаемая часть истории утрачена, вернее, подменена симулякрами, главный из которых — миф о событии. Т. Дашкова замечает: «Подход, продуктивный для исследования, например, средневековой культуры, в отношении советского времени является “сетью” со слишком большими “ячейками” — культура “утекает”, остается структура. А структура и категориальный подход являются слишком простыми формами описания в ситуации, когда еще живы очевидцы и сильна “осязаемая” историческая память. Ведь “дух эпохи” еще реально присутствует, его практически не нужно реконструировать: живы люди (и дай Бог им здоровья!), которые могут рассказать, “как это было”, наши дома полны вещей, сохранившихся с тридцатых годов, в альбомах на нас смотрят молодые лица наших и не наших бабушек и дедушек... Невозможно “археологически” относиться к культуре, в которой мы продолжаем жить — пить из граненых рюмочек, хранить лекарства в коробочках из-под довоенных “монпансье”, постоянно видеть эти сумочки, зонтики, перчатки — и при этом говорить с их владельцами на разных языках, не понимая их нежности и привязанности к этим “вещичкам”, а не предметам тоталитарной эпохи»⁷. Заметим

⁶ Там же. С. 325.

⁷ Дашкова Т. «Я храню твоё фото...»: Советская культура 1930-х годов: Взгляд из 1990-х // Неприкосновенный запас. 2001. № 2 (16). С. 113.

по поводу этого высказывания, что исследователь «отстранен» от эпохи тридцатых годов примерно все тем же полувеком.

Здесь чрезвычайно значим механизм превращения события в «археологическую» данность, по словам Т. Дашковой. На наш взгляд, 50 лет как раз указывают на «последний рубеж» осязаемости события. «Свидетели живые» еще могут сказать свое слово очевидца (несомненно, тоже искаженное — по законам влияния на любые воспоминания множества факторов)⁸. Но вот и они умолкают навсегда — и начинается новая жизнь события, теперь уже не скованная «контролем свидетелей». Как показывает легко наблюдаемая сейчас история второй мировой войны, после преодоления 50-летнего рубежа неизбежно наступает период ревизии периферийных позиций мифа о событии, но так или иначе ядерные его значения сохраняются, культивируются и, откатанные до блеска, бережно передаются следующему поколению.

Нет сомнений, что культивирование сложившегося мифа — деятельность не столько просвещенчески-осмысленная, сколько неизбежно-деонтологическая. Поколение чувствует свою ответственность перед следующей генерацией — донести память о прошлом. И поэтому включаются собственно ритуальные практики, которые только и есть «пристанище мифа».

Прошлое при этом не становится яснее, исторически конкретнее. Напротив, оно все более превращается в «чужую страну», к которой можно (и нужно) относиться с трепетом чужестранца.

Если вновь вернуться к 1812 году, то мы увидим, как мемуары, широко публиковавшиеся на протяжении всего XIX века, постепенно превращаются в «археологическую данность» с закрепленными характеристиками, отражающими суть мифа о событии⁹. Но прежде чем перейти к собственно описанию структуры этого мифа, важно было бы заметить, что в жизни мифов о войнах действует принцип замещения.

⁸ См. подробное исследование этих законов: *Нарский И. В.* Фотокарточка на память: Семейные истории, фотографические послания и советское детство (Автобио-историко-графический роман). Челябинск, 2008.

⁹ *Тартаковский А. Г.* 1812 год и русская мемуаристика: опыт источниковедческого изучения. М., 1980.

Это означает, что каждая последующая война такого же примерно размаха, как предыдущая, или превосходящая ее, заслоняет события прошлого. Другими словами, в своеобразном «перечне» актуальных мифов война всегда одна — последняя. Все предшествующие войны выведены из зоны активного мифотворческого процесса. Они живут в культурной памяти, скорее, от случая к случаю, в качестве некоего собрания «интересных фактов», что проявляется, в первую очередь, в ослаблении искренней эмоциональности в переживании потомками событий той давней эпохи. Эмоции (а значит, и «серьезное отношение») остаются только на долю последней войны, непосредственно приближенной к каждому очередному поколению.

Мы можем наблюдать это не только на примере 1812 года, «растасканного» на символы, но и войны гражданской, например. Тем не менее следует констатировать, что этот принцип замещения не способен стереть миф полностью. Так, в коллективной культурной памяти остаются яркие формулы-ярлыки (как именовал их Н. А. Рубакин) Ледового побоища или Куликовской битвы — несмотря на значительное удаление от времени тех событий.

Миф о 1812 годе функционирует в культурном пространстве, находясь в тени других военных событий, но периодически напоминая о себе ярко и весомо, как это бывает в дни юбилеев.

Юбилей: ритуалы нового времени

Хотя миф проявляется именно в ритуале (это способ существования, бытования мифа), ритуальная практика нового общества вносит свои коррективы в универсальные характеристики *ритуалем*, приводимые классиками-антропологами.

Э. Шилз отмечает, что массовое общество — своеобразный новый первобытный коллектив¹⁰. При этом «первобытность» понимается в леви-брюлевском смысле. В «Первобытном мышлении» Леви-Брюль

¹⁰ Shils E. Center and Periphery: Essays in Macrosociology. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1975. P. 97–98.

подчеркивал: «Не существует двух форм мышления у человечества, одной пралогической, другой логической, отделенных одна от другой глухой стеной, а есть различные мыслительные структуры, которые существуют в одном и том же обществе и часто, — быть может, всегда — в одном и том же сознании»¹¹.

В силу особых механизмов «иквэлитаризма» — уравнивания всего со всем — происходит рассеивание харизмы (от центра к периферии). При этом очень важно, что харизма непременно редуцируется и подчиняется во многом процессу этого уравнивания, то есть усредняется. Шилз подчеркивает, что «идеалы пророков и святых могут укорениться только тогда, когда они ослаблены, терпимы и компромиссны к другим противоречащим им идеалам»¹². Таким образом, рассеиваясь во времени и пространстве, харизма, будучи по сути этими самыми идеалами, воплощенными в определенных «материальных» проявлениях, упрощается и начинает соответствовать «среднему представлению» о собственной сути. Постоянным средством сохранения харизмы от полной редукции является ритуал.

Согласно выводам этого ученого, «ритуал — стереотипическое, символически концентрированное выражение верований... Это способ обновить контакт с исключительными вещами или способ оживить в сознании через символическое представление определенные центральные нормы и процессы... Ритуал — часть сложного действия самозащиты от деструкции, вырождения, аморализма... Логически верованиям можно обойтись и без ритуалов, но ритуалам без верований — никогда. Ритуал ближе к церемониалу, чем к этикету»¹³. Ритуальная практика помогает «сформулировать» харизму, перевести ее из мира абстрактных воздействий в сферу четких и ясных сценариев, наглядно «исполняемых» в ритуале. В. Н. Топоров полагает, что ритуал вступает в борьбу с хаосом, упорядочивая его, обозначая в нем определенные вехи, организовывающие этот хаос¹⁴. М. Евзлин, развивая эти идеи, выдвигает

¹¹ Леви-Брюль Л. Первобытное мышление // Психология мышления. Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер и В. В. Петухова. М., 1980. С. 131.

¹² Shils E. Op. cit. P. 11.

¹³ Op. cit. P. 154–155.

¹⁴ См.: Топоров В. Н. О ритуале. Введение в проблематику. М., 1988.

мысль об основном космогоническом ритуале — обращении хаоса в космос¹⁵. А. М. Пятигорский отмечает: «Ничто в содержании мифа не может однозначно свидетельствовать о его функции, ибо последняя всегда останется субъективной, зависящей от передачи, восприятия и использования мифа, в то время как миф может быть рассмотрен объективно, как текст и содержание. (Даже если миф включает в себя ритуал, он нейтрален, а в конкретном религиозном контексте наполняется конкретным смыслом.)»¹⁶ П. Дебрецени, обосновывая важность ритуальных практик в общественной жизни, приводит обширную цитату из работы Бронислава Малиновского (*The Myth in Primitive Psychology*. NY: Norton, 1926), где, в частности, говорится: «...миф — постоянный субпродукт живой веры, которой необходимы чудеса; социологического статуса, который занят прецедентом; моральных правил, которые требуют санкций»¹⁷.

Сейчас антропология вышла на новый уровень анализа мифо-ритуальных практик современного общества¹⁸. Этот уровень связан с переходом от «полевой» практики в условиях примитивных сообществ к «полевой» практике в условиях современного «окультуренного» массового общества. Важность ритуальной практики в жизни человечества очевидна и несомненна, уничтожить ее невозможно. Всякий ритуал, оживляя и воспроизводя содержание мифа, возвращает человека в ту самую «нуминозную зону» (по Юнгу), которая неуничтожима рационализмом, позитивизмом и другими рациональными схемами мировоззрения. Очевидно также, что любой ритуал отвечает глубинным национальным потребностям, последовательно связан с ними, не может быть конфликтен по отношению к системе национальных ценностей.

¹⁵ См.: *Евзлин М.* Космогония и ритуал. М., 1993. С. 81.

¹⁶ *Пятигорский А. М.* Мифологические размышления. Лекции по феноменологии мифа. М., 1996. С. 168–169.

¹⁷ *Débrecezy P.* Social Functions of Literature: Alexander Pushkin and Russian culture. Stanford University Press. Stanford, California, 1997. P. 235.

¹⁸ См.: *Лобок А. М.* Антропология мифа. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1997. 668 с. Автор этой книги выступил инициатором специального семинара, собравшегося под лозунгом «Мифодизайн». Проблемы современного мифотворчества и ритуальных практик интересуют участников семинара прежде всего с точки зрения информационно-психологического воздействия на массовое сознание.

Юбилей представляет собой искусственное напоминание о событии. Здесь круглые даты производят совершенно «волшебное» действие на общество, заставляя искать активные формы приобщения к такому событию. Это может быть и установка памятников, приуроченная к юбилею, и активизация музеев и выставочных залов, и «народные чествования» всех типов и видов, и, разумеется, энергия научного сообщества. Так же, как юбилей человека становится поводом для окружающих сказать важные слова об этой персоне, попытаться объяснить значение этого человека в своей жизни и жизни других, так и юбилей давно прошедшего события или чествование уже ушедшего знаменитого человека есть повод манифестации мифа о них.

200-летний юбилей войны 1812 года всколыхнул общественность — выходят тематические сборники, научные и популярные журналы посвящают событию специализированные выпуски, по радио идут тематические программы, телевидение транслирует фильмы соответствующей тематики... Политические круги, всегда активно стремящиеся «присвоить» культурный шлейф национальных мифов и ритуалов, тоже не остаются в стороне. Так, например, премьер-министр России, кандидат в Президенты страны В. В. Путин, выступивший на митинге в свою поддержку в Лужниках 23 февраля 2012 г., прибегнул к цитате из стихотворения Лермонтова «Бородино» (кстати, выбрав именно тот фрагмент, что, согласно наблюдениям О. Н. Гринбаума, и является ритмо-смысловой доминантой всего произведения¹⁹): «Благодарю вас за каждый ваш голос. Мы еще очень многое должны сделать для России, и мы будем делать это, опираясь на талант нашего народа, на нашу великую историю, которая написана потом и кровью наших предков. В этом году мы будем отмечать 200-летие со дня Бородинской битвы, и как не вспомнить Лермонтова и его Чудобогатырей? Мы помним эти слова еще с детства, со школы, помним этих воинов, которые перед битвой за Москву клялись в верности отечеству и мечтали умереть за него. Помните, как они говорили? И Есенина будем помнить, будем все помнить наше величие. Так вот, вспомним эти слова:

¹⁹ См. статью О. Н. Гринбаума в наст. сб.

Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!
И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали!

Битва за Россию продолжается, победа будет за нами!»²⁰

Очевидно, что «чудо-богатыри» Лермонтова причудливо объединились в этой речи с богатырями Лукоморья Пушкина, Есенин «выскочил» автоматически как «певец Родины» из хрестоматийных учебников, а усечение цитаты (убрана строка «Мы в Бородинский бой») — подстройка под «универсальность» содержания. Почему выборы Президента сравниваются с Бородинским сражением — понятно: есть враги (оппозиция), значит, есть и защитники отечества. Так миф манифестируется в политически удобном (нужном) моменте.

Что же касается самих форм юбилейных чествований, они традиционны. Приведем фрагмент из обзора А. А. Подмазо: «В рамках подготовки к празднованию 200-летия победы России в Отечественной войне 1812 года помимо федерального плана основных мероприятий, утвержденного распоряжением Правительства Российской Федерации от 2 ноября 2009 г. № 1628-р, в ряде субъектов Российской Федерации созданы Организационные комитеты и утверждены планы региональных и муниципальных мероприятий по подготовке и празднованию юбилея. По **федеральному плану** предусмотрено выделение в 2010–2012 гг. 2 миллиардов рублей из федерального бюджета и 317 миллионов рублей из средств бюджетов субъектов (в т.ч.: 218,2 — Московская обл.; 96,8 — Москва; 1,5 — Смоленская обл.; 0,75 — Калужская обл.) на реализацию следующих основных мероприятий: строительство Музея 1812 года в Москве, строительство Путевого императорского дворца в Бородино, реставрация памятников в Бородино, Смоленске, Тарутино, Малоярославце, создание музейных экспозиций, документальных и художественных фильмов, издание и переиздание научных трудов и сборников документов, проведение научных конференций и военно-

²⁰ Сохранена орфография оригинала стенограммы.
См.: <http://sterlegrad.ru/russia/politician/24040-vystuplenie-vladimira-putina-namitinge-v-luzhnikah.html>.

патриотических мероприятий. План Москвы, утвержденный 11 сентября 2007 г. (Постановление Правительства Москвы от 11.09.2007 № 792-пп «Об утверждении Организационного комитета и Плана основных мероприятий по подготовке и проведению празднования 200-летия победы России в Отечественной войне 1812 года»; постановление Правительства Москвы от 10.04.2007 № 237-пп «О подготовке к празднованию 200-летия победы России в Отечественной войне 1812 года»), предусматривает выделение в 2007–2012 гг. 255,5 миллионов рублей на реализацию следующих основных мероприятий: реставрация существующих в Москве памятников, тематическое оформление города к юбилею, проведение конференций, выставок, фестивалей, конкурсов, военно-исторических и спортивных мероприятий, издание и переиздание научных трудов, популярной литературы и сборников документов»²¹.

Юбилей предполагает активное «проговаривание» основных позиций мифа, использование их как сценария для основных мероприятий. Было бы уместно эти основные позиции мифа охарактеризовать.

Космос мифа против хаоса реальности

Как уже было отмечено выше, в ритуале исследователи усматривают «сюжет борьбы с хаосом». Однако следовало бы говорить, что ритуал, выступая практической стороной мифа, лишь отражает эту сущностную черту мифотворчества: сотворение любого мифа (в том числе и мифа персонального) своей идеологической основой предполагает *упорядочивание* хаоса реальности. В случае с мифом о 1812 годе это особенно явно.

П. Бергер и Т. Лукман предлагают понятие «легитимации» вместо собственно понятия «миф», размышляя о творении символического универсума: «Как мы уже видели, символические универсумы осуществляют исчерпывающую интеграцию *всех* разрозненных институциональных процессов. Все общество приобретает теперь смысл. Отдельные институты и роли легитимируются благодаря их включению

²¹ http://www.museum.ru/1812/2012/news_010.html#SN1

во всеобъемлющий смысловой мир. Например, политический порядок легитимируется благодаря его соотнесению с космическим порядком власти и справедливости, а политические роли легитимируются в качестве репрезентаций этих космических принципов. Институт божественного происхождения царской власти в древних цивилизациях – блестящий пример того, как действует предельная легитимация такого рода. Важно, однако, понять, что как институциональному порядку, так и порядку индивидуальной биографии постоянно угрожает наличие реальностей, бессмысленных в терминах этих порядков. Легитимация институционального порядка сталкивается также с настоящей необходимостью сдерживания хаоса. Всякая социальная реальность ненадежна. Все общества конструируются перед лицом хаоса. Постоянно существующая возможность анемического ужаса актуализируется, когда легитимации, сдерживающие опасность, находятся под угрозой или разрушены. Страх, сопровождающий смерть царя, особенно если она была внезапной и насильственной, выражает этот ужас. Помимо чувств симпатии или практических политических интересов, смерть царя при таких обстоятельствах вызывает ужас перед хаосом»²².

В свете таких взглядов уместно было бы рассмотреть легитимацию (сотворение мифа) отдельного события — а именно войны 1812 года. Задача мифотворчества — борьба с неясностью, хаосом этого исторического события (показывая этот хаос в «Войне и мире», Толстой все равно оказывался в жестких рамках сформированного мифа, согласно которому все, что ни делалось в этой войне, было «бессознательно правильным» ответом на вызов Наполеона и его войск).

В «сухом» остатке мы имеем следующую стройную картину.

1. Редукция всех исторических событий войны с Наполеоном только к 1812 году и — конкретно — к Бородинскому сражению. Это означает, что именно Бородинское сражение и становится синекдохой всего исторического события. Поход в Европу оказывается за рамками мифа и рассматривается уже просто как исторический факт. Но именно

²² Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 169–170 (*Berger P. L., Luckmann T. The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge. 1966.*)

Бородинскому сражению суждено стать символом несгибаемой воли русских в борьбе за отечество. «Борьба с хаосом» в мифотворческой практике проявляется как раз в победе над фактами: следствием Бородинского боя была сдача Москвы. Тем не менее, эта сдача легитимирована мифом как единственно правильный ход — французы погублены именно своим вступлением в Москву (Москва как ловушка). Само Бородинское сражение «каменеет в мифе» во многом благодаря стихотворению М. Ю. Лермонтова «Бородино». Временная дистанция с событием составляла здесь 25 лет, стихотворение собирало и обобщало несколько разрозненные, неупорядоченные элементы мифа (который всегда рождается одновременно с масштабным событием — либо с моментом осознания масштабности события, личности и др.). Причем и стихотворение уже современниками воспринимается «редуцированно»: так, для В. Г. Белинского все стихотворение стилистически совершенно выдержано: «Что же до “Бородина”, — это стихотворение отличается простотою, безыскусственностью: в каждом слове слышите солдата, язык которого, не переставая быть грубо простодушным, в то же время благороден, силен и полон поэзии. Ровность и выдержанность тона делают осязаемо ощутительною основную мысль поэта»²³. Приводя это высказывание, С. И. Кормилов убедительно показывает, что критик оказался совершенно нечувствителен к поэтическим «сбоям» в речи солдата: «Лермонтов явно потесняет иногда своего героя-рассказчика и начинает декламировать за него, отдавая дань привычной романтической манере»²⁴.

2. Следствие битвы — пожар Москвы как очистительная жертва. Миф равнодушен к тому, кто поджег Москву — здесь важнее указать на пожар, приготовленный «нетерпеливому герою» вместо «ключей от города». Пожар Москвы рассматривается не как ужасное событие, но как символ противостояния, неизбежное продолжение дыма и огня Бородинского сражения.

3. Гибель французской армии среди морозных просторов России. Как известно, эта часть мифа легитимировалась с положительным

²³ Белинский. Т. 4. С. 503–504.

²⁴ Кормилов С. Лермонтов и 1812 год // Вопросы литературы. 2011. № 6. С. 29.

коннотатом (мороз рассматривался как сопутствующий фактор, а не главная причина гибели французов). В то же время складывалась и западная трактовка, согласно которой русские были совершенно неспособны противостоять французским войскам, а победил их «генерал мороз». Отметим, что стихотворение Лермонтова (рассказ старого солдата) во многом упреждает и развенчивает подобное мнение — отступление показано там как тактический ход, не разделяемый старыми бойцами, ждущими решительной схватки с врагом («Не смеют, что ли, командиры // Чужие разорвать мундиры // О русские штыки?»). Мороз и неподготовленность французов к таким холодам оказывается в мифе частью общего космоса — природа выступает на стороне своего народа (традиция рассматривать природные явления как часть исторических событий восходит еще к «Слову о полку Игореве»). В то же время здесь реализуется «националистическая» поговорка «Что русскому хорошо — то немцу (т.е. иноземцу) смерть».

В связи с «генералом морозом» как раз уместно сказать о «ножницах» в легитимации похода 1812 года со стороны Западной Европы. Там основным мифообразующим центром стала река Березина и битва на этой реке, унесшая жизни множества французов²⁵. Чрезвычайно интересно, что для отечественного мифа о 1812 годе сражение на Березине не слишком отличается от других сражений этого похода. Только Бородинский бой по праву стал синонимом героизма и победы русских над врагами.

Важно, что уже в стихотворении А. С. Пушкина «Клеветникам России», воспринимавшемся как знак перехода Пушкина в «придворные поэты» и вызвавшем скандал в передовых (оппозиционных) кругах, мы можем обнаружить суть формируемого мифа:

...И ненавидите вы нас...

За что ж? ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы

²⁵ Англоязычная Википедия указывает, что «Березина» во французском языке стала синонимом «ужаса» (кстати, франкоязычный вариант статьи такой информации не содержит). Так или иначе, потери французов в 10 раз превосходили потери русских и определяются между 25 и 45 тысячами человек.

Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?..

Вы грозны на словах — попробуйте на деле!
Иль старый богатырь, покойный на постеле,
Не в силах завинтить свой измайльский штык?
Иль русского царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русской от побед отвык?
Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижимого Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?..
Так высылайте ж нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов²⁶.

Пожар Москвы, гордость (как и в «Евгении Онегине»: «...не пошла Москва моя...»), воинская доблесть, богатырство, соборность («Иль мало нас?..») — аукнется в «Скифах» Блока), наконец, бескрайние поля России (природа, мороз) — все это определяет миф о 1812 годе. Важно, что пафос пушкинского стихотворения сводится к утверждению готовности к бою — и победе в этом бою. Другая сторона этого поэтического послания — мысль о спасении всей Европы. Россия как единственная страна, не склонившая головы перед «кумиром», гордится своей

²⁶ Пушкин. Т. 3. С. 269–270. Кстати, скандальная ситуация вокруг этого и других «антипольских» выпадов Пушкина вполне могла послужить причиной закрепления за Пушкиным клише «в бой! в бой!», о чем говорит Базаров у Тургенева (ср. с иным мнением В. А. Кошелева в наст. сб.).

нравственной (а не только военной) победой над Наполеоном. Бородино и позже горящая Москва стали символами неповиновения и неподвластности сложившимся стереотипам. Именно подчеркивание этой неподвластности и есть главный «стереотип» стихотворения Пушкина — ему важно показать способность «старого богатыря» в любую минуту «завинтить штык» против врага, независимо от того, насколько этот враг «озлоблен».

Огромная страна (география России дважды маркирована по линии север — юг и один раз по линии запад — восток) «поглощает» врагов — это не только отблеск представлений о «скифской тактике» 1812 года (заманивание в глубь страны), но и констатация факта — как ни старалась армия французов «компактно» двигаться по русским землям, потери были колоссальными. Именно с этим моментом мифа связана история партизанского движения. Как известно, возник исторический спор о праве «первопроходца» этой идеи; тем не менее, в мифе оседает только сама идея народного сопротивления французам. Толстовская «дубина народной войны» (в противовес «фехтованию» профессиональных армий) стала лучшим выражением этой стороны мифа о 1812 году. Неартикулированная «любовь к Родине» (скрытая теплота патриотизма, по Толстому), охватившая все слои населения, и стала гарантом победы. То, что утверждение это спорно, понимал и сам Толстой. Но в его концепции эгоистичные действия людей, направленные на удовлетворение личных интересов, всегда непостижимым образом приводят к нужным результатам, сливаясь с общим вектором победительного и очистительного действия. Вообще, в самих принципах описания кампании 1812 года в романе Толстого мы могли бы усматривать образец «развенчания» мифа с целью его утверждения в первоизданном виде. Это пример победы мифа над творческим сознанием, однако эта позиция требует особого рассмотрения.

Если же говорить о мифе о 1812 году как о символическом тексте культуры, посвященном победе русских над хаосом, который нес им Наполеон, то наиболее значимым памятником этому символу стала военная галерея 1812 года в Зимнем дворце. На сайте Эрмитажа информация о галерее дана следующим образом: «Военная галерея Зимнего дворца... С портретов прославленных полководцев Отечественной войны 1812 года, виртуозно написанных Джорджем Доу, на нас смотрят красивые мужественные лица, “полные воинственной отваги”, как

сказал о них Пушкин. На темной ткани их мундиров горят воинские награды, переливается муар орденских лент, блестит золотое шитье, аксельбанты и эполеты... Император Александр I лично утверждал составленные Главным штабом списки генералов, чьи портреты должны были украсить Военную галерею. Это были 349 участников Отечественной войны 1812 года и заграничных походов 1813–1814 гг., которые состояли в генеральском чине или были произведены в генералы вскоре после окончания войны. За 10 лет работы Джордж Доу и его русские помощники В. А. Голике и А. В. Поляков создали 333 портрета, которые размещены в пять рядов на стенах галереи. Тринадцать портретов по разным причинам так и остались невыполненными. Вместо них в галерее находятся рамы с именами генералов. Вся Россия знала имена людей, чьи портреты были помещены в Военной галерее. О каждом из них можно было бы написать героическую оду»²⁷. Тема мужественных военных, не страшась вражеских полчищ, готовых к смерти, оказалась частью романтического флера мифа о 1812 годе. В приведенном высказывании «хромает» математика, но общая задача — поразить воображение читателя грандиозной картиной великого множества отважных людей — достигнута. Е. Шраговиц замечает, что, например, «Батальное полотно» Б. Окуджавы прямо связано с этой галереей²⁸. Так или иначе, иконическое изображение мифа — значимая сторона его манифестации. Важно, что вообще многое, связанное с «царской армией» в обыденном представлении, маркируется как часть мифа о 1812 годе, и стихотворение Окуджавы прекрасно это подтверждает. Военные мундиры, эполеты, кони, оружие — все это «плавится» в единое целое со стихами Д. Давыдова, неоромантикой 20-х годов XX века и нео-неоромантикой бардов конца XX века.

Героическое прошлое Родины, полное бесстрашия и отваги, становится своеобразным идеалом и недостижимой высотой. Но одновременно это и космическое упорядочивание хаоса — именно эти гордые люди в «аксельбантах и эполетах» отстояли Россию...

²⁷ http://www.hermitagemuseum.org/html_Ru/05/hm5_8_4.html.

²⁸ Шраговиц Е. Генезис «Батального полотна» Булата Окуджавы // Вопросы литературы. 2011. № 6. С. 74.

А этот выпал из гнезда

Проблема мифа в том, что, будучи создан и закреплён раз и навсегда, он никогда не меняет своей сущностной структуры и ядра. Объект его проекции может подвергаться любым нападкам, знаки могут меняться с минуса на плюс и наоборот. Но суть остаётся прежней, «первозданной»²⁹. И именно поэтому то, что было отсеяно на этапе формирования мифа, не может занять своё достойное место в памяти культуры.

Все, что касалось наполеоновского нашествия, свелось к священным дням Бородина, пожару гордой Москвы и повальной гибели французов, против которых ополчились и народ, и природа. Поход 1814 года, вход в Париж, неразбериха военной кампании, отдельные героические личности — все оказалось несущественным. Даже 349 генералов, облечённых честью украшать своими портретами военную галерею Зимнего дворца, «сжались» до эполетов, аксельбантов и белых перчаток. Осталась одна генеральная линия — русские разбили французов в пух и прах и другим тоже «покажут кузькину мать» при случае.

Рассматривая «выпавшие звенья» объекта проекции мифа о 1812 году, мы неизбежно приходим к выводу об инвариантных чертах мифов о войнах вообще. Даже «обратная сторона медали», миф о 1812 году со стороны французов, оказывается согрет темой «победительности»: да, понесли колоссальные потери, да, были поморожены и обессилены, но ведь не сдались! Но ведь избежали позорной капитуляции! И это оказывается более значимой чертой мифотворческой энергии, чем здравый смысл, очевидные факты и отчаянные попытки научного сообщества «прояснить истину». Миф и в самом деле ускользает от логики и разума — хотя обладает собственной рациональностью, в рамках которой он безупречно логичен. Переживая вновь и вновь события 1812 года — неважно, бродя ли вдоль портретов генералов в Зимнем дворце или читая старинное повествование, — потомок неизбежно «утыкается» сознанием в лермонтовское:

²⁹ См. подробнее: *Загидуллина М. В.* Пушкинский миф в конце XX века. Челябинск, 2001.

– Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри – не вы!³⁰

Остается вздыхать о тех временах, где, как полагал Толстой всего 50 лет спустя после Бородино, и гнездилась *настоящая жизнь*: «В то время как Россия была до половины завоевана, и жители Москвы бежали в дальние губернии, и ополчение за ополчением поднималось на защиту отечества, невольно представляется нам, не жившим в то время, что все русские люди от мала до велика были заняты только тем, чтобы жертвовать собою, спасать отечество или плакать над его погибелью»³¹. Толстой пытался такое представление опровергнуть — но это нелегко, если учесть, что «...рассказы, описания того времени все без исключения говорят только о самопожертвовании, любви к отечеству, отчаянье, горе и геройстве русских»³². Писатель спорил с этим мифом, так плотно находясь внутри него, что невозможно было представить хоть какой-то другой ход мысли, что был дан им в этом повествовании. Если уж какие-то ненужные моменты «выпали из гнезда», их не вернуть — несмотря на грандиозные усилия убеждения или пропаганды. И тут уж остается только радоваться, что прошлое всегда рядом с нами, мы можем путешествовать туда по страницам книг и статей и все искать и искать истину, которой нет и быть не может, но ощущение присутствия которой нам жизненно необходимо.

³⁰ Лермонтов. Т. 2. С. 10.

³¹ Толстой. Т. 12. С. 13–14.

³² Там же.

В. А. Кошелев

О ЛИТЕРАТУРНОЙ «МИФОЛОГИИ» 1812 ГОДА

Тургеневский Базаров, не обремененный историко-литературными знаниями, предполагает, что Пушкин «должно быть, в военной службе служил». И подтверждает наблюдение «текстуально»: «...у него на каждой странице: На бой, на бой! за честь России!»¹

Тургенев отнюдь не придумал эту «клевету» на Пушкина, исходящую от «нигилиста» эпохи реформ: писатель почти буквально повторил характеристику пушкинской поэзии, данную Н. В. Успенским, встречавшимся с ним в Париже. Ср. в письме Тургенева к П. В. Анненкову от 7 (19) января 1861 г.: «На днях здесь проехал человеконенавидец Успенский (Николай) и обедал у меня. И он счел долгом бранить Пушкина, уверяя, что Пушкин во всех своих стихотворениях только и делал, что кричал: “на бой, на бой, за святую Русь”»².

Но откуда возникло столь странное «массовое» представление о поэзии Пушкина, в которой вовсе немного подобных «громопобедных» лирических призывов? Чем оно было вызвано? Что стояло за ним? Почему именно эти «возгласы» предстали характеристической чертой всей поэзии пушкинского времени?

«Шестидесятники» попросту перепутали поэтические эпохи. Лет за пятьдесят до Пушкина в таком духе писал, например, Державин, творивший в эпоху могучего роста России, которая решала «вековые споры» и героически отражала вторжения иноземных держав. Поэты оказались рядом с неслыханными дотоле успехами русского оружия – победами Румянцева во время первой турецкой войны при Ларге и Кагуле,

¹ Тургенев. Соч. Т. 7. С. 121.

² Там же. Письма. Т. 4. С. 280.

морской победой при Чесме, победами во время второй турецкой войны при Фокшанах, Рымнике, Очакове, Измаиле, покорением Польши, блестящими «викториями» Суворова в Италии. Перед поэтом действительно встал образ «величавой России, озирающей себя в осьми морях своих»³ (Гоголь); этот образ и стал источником его «громотрубности». *Гром* – неперменный спутник стихов того же Державина («Позволь, коль грянет гром, домой...»; «Из жерл чугунных гром»; «Пред кем орел и громы дремлют»; «Чтоб сей, подобный грому, крик...»; «Там бубнов гром»; «Грохочет эхо по горам, / Как гром, гремящий по громам...»; «Как трубный гром меж гор гремит...»; «Гром от лиры отдавался...» и т. д.). Чаще всего этот «гром» — военный: «*Гром победы, раздавайся!*...» Даже в соловьином пении Державин улавливает громовые раскаты и, желая подражать соловью при восхвалении дел «храбрых россиян», восклицает: «О! коль бы их воспел я сладко, / Гремя поэзией моей...»

Пушкин был свидетелем иных исторических процессов — и создателем лирики иной тональности. Но в «массовом» сознании позднейших поколений оказался неотличим от «громопобедного» Державина. И прежде всего потому, что своеобразным «рубежом» осознания русского патриотизма стала Отечественная война 1812 года — последняя «рыцарская» война, которую вела Россия в ее истории. Это обусловило особый интерес к образу эпохи «двенадцатого года», воспринятую уже как образ «давнопрошедшего».

Подобное осознание «эпохи Пушкина», впрочем, было характерно не только для «незнающих» Базаровых — такой же представлялась она и Льву Толстому в повести «Два гусара» (1856). Повесть открывается громадным периодом, в котором «перечислительно» соединяются мелочи быта и данности психологии людей ушедшей эпохи:

«В 1800-х годах, в те времена, когда не было еще ни железных, ни шоссежных дорог, ни газового, ни стеаринового света, ни пружинных низких диванов, ни мебели без лаку, ни разочарованных юношей со стеклышками, ни либеральных философов-женщин, ни милых дам-камельи, которых так много развелось в наше время, – в те наивные

³ Гоголь Н. В. В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность // Гоголь. Т. 8. С. 373.

времена, когда из Москвы, выезжая в Петербург в повозке или карете, брали с собой целую кухню домашнего приготовления, ехали восемь суток по мягкой пыльной или грязной дороге и верили в пожарские котлеты, в валдайские колокольчики и бублики, <...> – в наивные времена масонских лож, мартинистов, тугендбунда, во времена Милорадовичей, Давыдовых, Пушкиных...»⁴

Именно эти «наивные времена» Толстой представит позднее в «Войне и мире», уверенный, что устремленность в ту давнопрошедшую эпоху сможет научить нынешних людей особенно «полюблять жизнь». Показатели этих давнопрошедших времен, перечисленные Толстым, разделяются на пять «разрядов»:

1) отсутствие прямых данностей последующего технического прогресса (железные и шоссейные дороги, стеариновые свечи, газовое освещение); 2) отсутствие данностей современной моды («пружинные диваны», «мебель без лаку», «коротенькие талии и огромные рукава»); 3) утрата старинной «бытовой мифологии» («верили в пожарские котлеты, в валдайские колокольчики и бублики»); 4) утрата прежних возможностей общения людей («семейные кружки из двадцати и тридцати человек») — и появление новых «персонажей», явившихся в результате отсутствия прежнего «общения»: «разочарованные юноши со стеклышками», «либеральные философы-женщины», «милые дамы-камелии»; 5) показательные три имени персонажей, ставших своеобразными «символами» ушедшей эпохи: «во времена *Милорадовичей, Давыдовых, Пушкиных*»⁵.

Эти «символы», однако, кажутся противостественными в одном смысловом ряду: по позднейшим представлениям, они выражают не *одну*, а, по крайней мере, *три* последовательно сменившиеся эпохи.

Граф Михаил Андреевич Милорадович (1771–1825) был почти на 30 лет старше Пушкина и больше подходил к «эпохе Державина». Известный боевой генерал, он участвовал еще в Шведском походе 1778 г., а в 1798 г., став шефом Апшеронского мушкетерского полка, под начальством Суворова совершил Итальянский и Швейцарский походы. Во время наполеоновских войн будучи генерал-губернатором в Киеве, он прославился как

⁴ Толстой. Т. 3. С. 145.

⁵ Здесь и далее в цитатах курсив наш. — В. К.

человек «нетрадиционного» поведения и герой множества анекдотов. В 1812 г., после Бородинского сражения, ему постоянно поручалось командование то авангардом, то арьергардом — дело, требующее особенной отваги и бдительности. Назначенный командующим гвардейским корпусом, а потом петербургским генерал-губернатором, он умер от раны, полученной 14 декабря 1825 г. К этому времени популярность Милорадовича, «суворовского генерала», уже несколько померкла.

Денис Васильевич Давыдов (1784–1839) был старше Пушкина на 15 лет. Был он знаменитым «поэтом-гусаром» эпохи наполеоновских войн — прославился и как воин (дослужился до звания генерал-лейтенанта), и как самобытный поэт, автор популярных стихов и песен. Пик его поэтической славы пришелся на 1810-е гг.

Пушкин стал восприниматься как «эпохальный» деятель десятилетие спустя — начиная с 1820-х гг. В те времена и Милорадович, и Давыдов перестали уже ощущаться как «знаковые» фигуры.

Соединяя эти три имени, Толстой *расширяет эпоху действия*, представляя ее не с привычных позиций движения «общественной мысли», а с собственно «бытовой» точки зрения. Границы этой «бытовой» эпохи могут вмещать в себя несколько различных «общественных эпох». Но в центре ее — война 1812 года, ярчайшим символом которой воспринимается тот же Пушкин...

Война 1812 года — последняя в истории России война, воспринятая даже ее участниками и их ближайшими потомками не как «бедствие», а как череда «счастливых дней»⁶ (Д. Давыдов). Уже в пушкинские времена она оказывалась в ореоле собственной мифологии, которая с годами постоянно множилась...

В основе этой мифологии — три собственно патриотических ощущения.

Во-первых, это ощущение *победы* — воспринятой как *победа* даже в том случае, если действительной победы не было. Юный М. Ю. Лермонтов в стихотворении «Поле Бородина» (1830–1831) совершенно

⁶ Здесь и ниже стихотворения Д. Давыдова цит. по изд.: Давыдов.

четко фиксировал отличие Бородинского сражения от прежних «победительных» батальей русского оружия:

Что Чесма, Римник и Полтава?
Я вспомня леденею весь,
Там души волновала слава,
Отчаяние было здесь⁷.

Однако в 1837 г. Лермонтов, в связи с приближающимся юбилеем Бородинской битвы, переделал это стихотворение (превратив его в рассказ старого солдата) — и оно оказалось с иным финалом, вовсе не «отчаянным»:

Вот смерклось. Были все готовы
Заутра бой затеять новый
И до конца стоять...
Вот затрещали барабаны —
И отступили басурманы...⁸

Между тем в реальном Бородинском сражении «басурманы» вовсе не «отступили». Напротив, французские войска ценой огромных усилий сумели, после мощного натиска, отбросить русскую армию с ее первоначальной позиции, захватить большинство русских полевых укреплений. В военно-тактическом отношении это была победа Наполеона. Но в поэтической «транскрипции» Лермонтова (прекрасно знавшего этот исторический эпизод) необходимо было ощущение именно «победного» отступления «басурман».

Во-вторых, с этой войной связалось неожиданное ощущение *радости*: «Саблю вон и в сечу! Вот / Пир иной нам Бог дает, / Пир задорней, удалее, / И шумней, и веселее...» (Д. Давыдов). «Как весело перед строями / Летать на ухарском коне / И с первыми в дыму, в огне / Ударить с криком за врагами!..» (К. Батюшков). Эти поэтические признания тем замечательнее, что принадлежат прямым участникам наполеоновских войн, испытавшим и военную грязь, и опасности, и раны, и горечь

⁷ Лермонтов. Т. 1. С. 289.

⁸ Там же. Т. 2. С. 82.

потери близких. И тем не менее, лозунгом восприятия войны того же Батюшкова становится клич: «О, радость храбрых!»⁹

Не случайно и никогда не воевавший Пушкин готов воспринять будущую войну (стихотворение «Война», 1821) как ожидание *радостных* поэтических ощущений:

И сколько сильных впечатлений
Для жаждущей души моей!
Стремленья бурных ополчений,
Тревоги стана, звук мечей,
И в роковом огне сражений
Паденье ратных и вождей!
Предметы гордых песнопений
Разбудят мой уснувший гений!¹⁰

В-третьих, это ощущение войны как особенной «радости» и «веселья» соотносилось с восприятием ее как дела «*бранной чести*» (Пушкин). В классическом послании «К Дашкову» (1813) Батюшков провозглашал собственное устремление не на поле *битвы*, а на «поле *чести*». Для русского воина понятие «честь» осмыслялось как основное составляющее *государственности*: оно выявлялось русским офицером именно в бою: «Я люблю кровавый бой, / Я рожден для службы царской!» (Д. Давыдов). Русский воин бьется «за *честь граждан*» своего отечества, «за *честь твердынь, и сел, и нив опустошенных*» (К. Батюшков). А регулятором этого ощущения становится правитель, который прежде всего озабочен именно показателями чести: «Озарен ли *честью новой* / Русской штык иль русской флаг?»¹¹

Честь была опорной категорией русского дворянства — а именно дворянство составляло офицерский корпус армии в битвах с Наполеоном. Именно дворянство, более всех других сословий заинтересованное в победе над захватчиком, явилось основной цементирующей силой российского государства. И именно оно определило мифологию Отечественной войны, рассмотренной с опорой на *честь* русского свободного человека.

⁹ Батюшков. Т. 1. С. 238.

¹⁰ Пушкин. Т. 2. С. 166.

¹¹ Пушкин. Т. 3. С. 408.

Мифология «двенадцатого года» начала складываться уже в ходе самой войны. А потом, в течение сорока последующих лет, разрасталась и «разветвлялась». И в конце концов мифологизация заслонила историческую конкретику. Эта «неотделимость» мифологии от истории привела к массе искаженных представлений об Отечественной войне. В 1992 г., в пору очередной переоценки истории, в составе популярного журнала «Родина» появилась статья профессора Б. С. Абалихина «О вреде чтения школьных и институтских учебников»¹² — в ней приведены образчики той «искаженной информации», которая в учебниках содержится.

Неточны почти все сообщаемые факты. О том, что Великая армия перешла границу России «без объявления войны». О том, что Наполеон собирался «расчлнить» Россию. О том, что в начале войны русской армии приходилось действовать «без стратегического плана» и только с назначением Кутузова таковой появился. О том, что «поджигателями» Москвы были исключительно французы. И так далее. Особенно впечатляет в этих учебниках цифра потерь русских войск: около 2 миллионов человек. Цифра эта явно «фантастическая»: доказано, что за полгода Отечественной войны русская армия лишилась примерно 300 тысяч воинов; боевые потери составили около 130 тысяч, остальные выбыли во время дальних переходов из-за плохих дорог, недостатка продовольствия, теплого обмундирования, из-за болезней¹³.

Конечно, и это — огромная цифра. Но несопоставимая с русскими потерями, например, в Великой Отечественной войне XX века — 26 млн. человек! Главное отличие в том, что погибшие на полях «народной» и «священной» войны XIX века (в отличие от войны XX столетия) могли быть «обозримы» и выявлены поименно. Эти потери были, соответственно, тогда же литературно «легендированы» — как, например, одновременная гибель на Бородинском поле от одного ядра двух старших сыновей видных государственных деятелей: поручика Семеновского полка графа Татищева и прапорщика Николая Оленина; или судьба четырех братьев Тучковых; или гибель в Лейпцигской «битве народов» полковника И. А. Петина. А ранение в этих баталиях

¹² Родина. 1992. № 6–7. С. 180–182.

¹³ Там же. С. 176.

приводило к всеобщему уважению и почету на всю жизнь. Например, семнадцатилетний прапорщик А. С. Норов, потерявший при Бородине правую ногу, человек вообще-то легкомысленный и небрежный в делах, поступив в гражданскую службу, станет министром народного просвещения и яростным критиком толстовской эпопеи...

А в литературе возникал образ кумира барышень полковника Бурмина с его перевязанной рукою, Георгиевским крестом и интересной бледностью... У человека начала XIX столетия существовал совершенно иной образ войны, воина и даже ветерана, — чем тот, который утвердился позднее. Война — что-то желаемое, долженствующее раз и навсегда «по-мужски» решить какую-то проблему. А тезис Льва Толстого из «Севастополя в мае» (1855): «вопрос, не решенный дипломатами, еще меньше решается порохом и кровью»¹⁴ — не очень волновал тогдашних мыслящих русских людей.

«Гром победы» в войне 1812 года определил внешнюю политику России на 40 последующих лет. Политика эта создала простенькую идеологию: наша армия самая сильная — нас не победить! Через 20 лет после Бородина (в сентябре 1832 г.) профессор истории М. П. Погодин в своей вступительной лекции прямо использовал победу русской армии над Наполеоном как аргумент, доказывающий непобедимость России: «Отразив победоносно такое нападение, освободив Европу от такого врага, низложив его с такой высоты, обладая такими средствами, не нуждаясь ни в ком и нужная всем, может ли чего-нибудь опасаться Россия? Кто осмелится оспаривать ее первенство, кто помешает ей решать судьбу Европы и судьбу всего человечества, если только она сего пожелает?»¹⁵

В духе той же «балаганной идеологии» выступала и словесность. В пьесе «первого драматурга эпохи» Н. В. Кукольника «Князь М. В. Скопин-Шуйский» (1835) ее герой Прокопий Ляпунов восклицал:

Да знает ли ваш пресловутый Запад,
Что если Русь восстанет на войну,

¹⁴ Толстой. Т. 4. С. 18.

¹⁵ Погодин М. Взгляд на Российскую историю // Ученые записки императорского Московского университета. 1833. Ч. 1. № 1. Это же перепечатано в 1 т. Собр. соч. Погодина (М., 1872).

То вам почудится седое море,
Что буря гонит на берег противный!¹⁶

Те же, собственно, идеи развивал и Пушкин в своих патриотических стихах 1831 г.: и напоминание о былых русских победах («Иль русской от побед отвык?»¹⁷), и апелляция к огромным просторам страны («Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды...»¹⁸), и, наконец, обещание будущим завоевателям «не чуждых им гробов». Собственно, подобная «громопобедная» идеология и стала одной из причин трагедии Крымской войны.

С другой стороны, именно эта идеология сформировала и уникального человека пушкинской эпохи: человека, воплощавшего в себе понятия *победа*, *радость* и *честь*. Прямыми наследниками 1812 года были декабристы — и только они могли позволить себе восклицание, приписываемое А. И. Одоевскому: «Мы умрем! Ах как славно мы умрем!»¹⁹. Дело не в смерти самой по себе — дело в том, что Бог посылает *славную* смерть. А слава может быть только радостной. В предельном виде подобное ощущение отразилось в «Песне» Д. Давыдова («Я люблю кровавый бой...», 1815): «страшно» умирать «на постеле» («Ждать конца под балдахинном») и совсем другое — «среди мечей», где

Смерти в когти попадешь,
И не думая о ней!²⁰

Кроме того, война 1812 года заставила русского человека зримо ощутить внутреннее могущество российских просторов. Как известно, для отражения Великой армии Наполеона М. Б. Барклай-де-Толли сознательно применил тактику «заманивания» противника в глубь страны, приведшую в действие мощный механизм патриотизма и превратившую отражение «дванадцати языков» в народную войну. Именно эти неожиданно включившиеся помощники армии победителей оказались открытием для образованных воинов...

¹⁶ Цит. по: Русское общество 30-х годов XIX в.: Люди и идеи. М., 1989. С. 31–32.

¹⁷ Пушкин. Т. 3. С. 270.

¹⁸ Там же. Кстати, это прямое заимствование из патриотической элегии Батюшкова «Переход через Рейн» (1814).

¹⁹ Писатели-декабристы в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1980. Т. 2. С. 266.

²⁰ Давыдов. С. 95.

В основе тактики Баркляя лежала известная по Геродоту тактика «диких скифов», заманивших на необъятные свои просторы армию персидского царя Дария. Но при апелляции к античности значимой оказалась и конкретика достигнутого результата, во многом неожиданного. Кстати говоря, и позднее Россия терпела самые неприятные поражения не в «великих», а в локальных войнах, разворачивавшихся на отдаленных границах: Крымская война, русско-японская война. В данном же случае образ великой России предстал русскому воинству во всей ее материальной и духовной объемности.

В осмысление возникшего «противостояния» сразу же включилась вся Россия — и представила очень показательный «образ врага». В 1814 г. вышло весьма любопытное «Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» в двух частях, объединившее полторы сотни самых разнородных поэтических текстов. Весьма показателен один из них, сейчас как будто совершенно забытый. В конце текста помета: «Вологда», а заглавие: «Песня к русским воинам, написанная отставным из Фанагорийского гренадерского полку солдатом Никанором Остафьевым июля ... дня 1812». Отставной суворовский солдат, живущий в тылу военных действий (в Вологду вскоре прибудет много беглецов из оставленной Москвы, в частности, П. А. Вяземский), обращается к «русским воинам» с патриотическим призывом:

Братцы! грудью послужите,
Гряньте бодро на врага
И вселенной докажите
Сколько Русь вам дорога!..

Дальше старый ветеран начинает воодушевлять нынешних солдат: ведь враг-то на этот раз «слабенький»:

Посмотрите, подступает
К вам соломенный народ;
Бонапарте выпускает
Разных наций хилой сброд.
Не в одной они все вере,
С принуждением все идут;

При чувствительной потере
На него же нападут.

Таким «соломенным» воинством предстают в глазах суворовского солдата «двунадесят язык». А их предводитель воспринимается действительно как «муж судьбы», избравший Россию в качестве объекта завоевания, дабы утвердиться в Европе:

Всем наверно дал он слово,
Что далеко к нам пойдет;
Знает, дома нездорово,
Дома также пропадет.
Мыслит, коль пришла невзгода,
Должно славу потерять,
Так от русского народа
Мне и смерть честней принять²¹.

Стихотворение написано в невеселую пору отступления «русских воинов» перед Великой армией Наполеона. Но уже в это время отставной солдат-стихотворец из отдаленной провинции России предпочитает мыслить европейскими политическими категориями.

При этом основными носителями подобного типа патриотического сознания оказались как раз сугубо «штатские» личности. В том же «Собрании стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» почетное место занимает известное послание В. Л. Пушкина «К жителям Нижнего Новгорода». Послание помечено «1812 года. Сентября 20 дня. Нижний Новгород» — в это время войска Наполеона находились в оставленной русскими Москве, а многие известные москвичи нашли убежище в Нижнем Новгороде. Там оказалось и большинство живших в Москве литераторов: Н. М. Карамзин, К. Н. Батюшков, С. Н. Глинка, И. М. Муравьев-Апостол, В. Л. и А. М. Пушкины... В «лихую» осень 1812 г. все они жили в очень стесненных условиях и представляли собой, по выражению Батюшкова, из послания «К Д<ашко>ву», «сонмы богачей, / Бегущих в рубищах издранных»²².

²¹ Собр. стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году: В 2 ч. М., 1814. Ч. 1. С. 181–182.

²² Батюшков. Т. 1. С. 190.

Пушкин-дядя написал свое послание, едва оправившись у «волжских берегов» от своего поспешного бегства из столицы. Он, как отметил тот же Батюшков, «забыл в Москве книги и сына: книги сожжены, а сына вынес на руках его слуга»²³. Сам Василий Львович в письме к П. А. Вяземскому от 14 декабря 1825 г. так описывал свое положение: «Другой Москвы не будет, и час от часу разорение столицы нам будет чувствительнее. Я потерял в ней все движимое мое имение. Новая моя карета, дрожки, мебели и драгоценная моя библиотека, все сгорело. Я ничего вывезть не мог; денег у меня не было, и никто не помог мне в такой крайности. <...> Ты спрашиваешь, что я делаю в Нижнем Новгороде? Совсем ничего. Живу в избе, хожу по морозу без шубы, и денег нет ни гроша. Вот завидное состояние, в котором я теперь нахожусь»²⁴.

В стихотворном послании изгнанник-поэт много плакался об «осквернении» святынь Москвы и древнего Кремля, о пожаре, от которого «жилища в пепел обратились», — а в конце, обращаясь к «питомцам Волжских берегов», предрекал скорую победу над нечестивым врагом:

Погибнет он! Москва восстанет!
Она и в бедствиях славна;
Погибнет он! Бог Русских грянет!
Россия будет спасена.

Это патриотическое «пророчество» покоилось в основном на «отрицательных» данностях. Оно дается от лица лирического «*мы*», «детей матушки-Москвы», вдруг оставшихся без крыши над головой. «Веселья, счастья дни златые» остались в прошлом. В настоящем — неискупленная кровь «чад, братьев наших» и торжество неприятеля:

А враг коварный веселится
На башнях древнего Кремля!²⁵

Остается привычное упование на абстрактного «Бога сильных брани» и на конкретного «Русского Бога», который возьмет да и «грянет»: он Русь во все времена вывозил...²⁶

²³ Там же. С. 232.

²⁴ Пушкин В. Л. Стихи. Проза. Письма. М., 1989. С. 216–217.

²⁵ Там же. С. 123–124.

Послание Василия Пушкина к нижегородцам сделалось очень популярным и даже было положено на музыку профессором Московского университета Г. И. Фишером (тоже бежавшим в Нижний Новгород): ноты ромansa были позднее напечатаны в «Вестнике Европы» (1815. № 16). Батюшков, сообщая Вяземскому об этом (еще не опубликованном) стихотворении, связывает его со своими чувствами после московского пожара: «При имени Москвы, при одном названии нашей доброй, гостеприимной, белокаменной Москвы, сердце мое трепещет, и тысяча воспоминаний, одно другого горестнее, волнуются в моей голове. Мщения! мщения!»²⁷

Пределы этого «мщения» оказываются чрезвычайно широки — и тоже покоятся на чувствах «штатского москвича». Вот урожденный «москвич» А. И. Тургенев (тоже потерявший с пожаром столицы «все акты, грамоты, библиотеку») пишет тому же Вяземскому: «Зная твое сердце, я уверен, что ты не о том, что потерял в Москве, но о самой Москве тужишь и о славе имени русского; но Москва снова возникнет из пепла, а в чувстве мщения найдем мы источник славы и будущего нашего величия. Ее развалины будут для нас залогом нашего искупления, нравственного и политического, и *зареву Москвы, Смоленска и пр. рано или поздно осветит нам путь к Парижу*»²⁸. Возникает ощущение необходимости «возмездия» разрушителю устоявшегося порядка России — вплоть до «пути к Парижу».

Вяземский, живший в «тыловой» Вологде, прочел цитированное письмо Тургенева вологодским знакомым — в частности, губернскому прокурору Н. Ф. Остолопову. И далее:

«Вологодский поэт Остолопов, заимствовав тогда счастливое и пророческое выражение из письма ко мне А. И. Тургенева, заключил одно патриотическое стихотворение следующим стихом:

Нам зареву Москвы осветит путь к Парижу...

Мог ли Наполеон вообразить, что он имел в Остолопове своего злого вещаго и что отречение, подписанное им в Фонтенбло в 1814 году,

²⁶ См. подробнее: Кошелев В. А. «Рука Всевышнего» и «Русский Бог» // *РЛ*. 2008. № 1. С. 181–194.

²⁷ Батюшков. Т. 2. С. 235.

²⁸ Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 1. С. 6 (письмо от 27 октября 1812 г.).

было еще в 1812 году дело уже порешенное губернским прокурором в Вологде?...»²⁹

Но даже при таком патриотическом устремлении стихотворение В. Л. Пушкина, созданное в самую лихую и страшную годину военных бедствий, призывавшее к «мщению» и апеллировавшее к «Русскому Богу», сразу же вызвало ироническое отношение. Батюшков в письме к Вяземскому от 7 декабря 1812 г. (враг еще в России!) сообщает: «Тебе известны стихи В. Л. Пушкина:

О, волжских жители брегов,
Примите нас под свой покров...

Но ты, конечно, не знаешь, как А. М. Пушкин их пародировал»³⁰. Пародия Алексея Пушкина до нас не дошла — но сам факт появления в это время такой *пародии* выглядит странно: никому не приходило в голову в 1941 г. как-то пародировать стихотворные воззвания К. М. Симонова или А. А. Суркова!

Позднее Вяземский, публикуя эти же стихи (в составе письма В. Л. Пушкина к нему), счел нужным привести остроту «старшего карамзиниста»: «Ив. Ив. Дмитриев любил Пушкина, но не щадил его своими шутками: он говорил, что эти стихи напоминают ему колодника, который под окном просит милостыню и оборачивается с ругательством к уличным мальчишкам, которые дразнят его»³¹.

Через полтора года стихотворные «пророчества» исполнились: русские воины оказались в Париже. И тот же Батюшков из Парижа 3 мая 1814 г. в письме к Е. Г. Пушкиной (жене «пародиста» А. М. Пушкина) с умилением вспоминает нижегородскую «эвакуацию»: «Признаюсь вам, часто, очень часто, возвратясь в мою комнату, я забываю и шум Парижа, и Дюшенуа, и проказы Брюнета, и красавиц Тиволи, все забываю и мысленно переносюсь в Нижний, то на площадь, где между телег и колязок толпились московские франты и красавицы, со слезами вспоминая о бульваре, то на патриотический обед Архаровых, где

²⁹ Русский архив. 1866. № 2. С. 242. Имеется в виду стихотворение Остолопова «Моя молитва» (Собр. стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. Ч. 1. С. 209–212).

³⁰ Батюшков. Т. 2. С. 238.

³¹ Русский архив. 1866. № 2. С. 365.

от псовой травли до подвигов Кутузова все дышало любовью к отечеству, то на ужины Крюкова, где Василий Львович, забыв утрату книг, стихов и белья, забыв о *Наполеоне, гордящемся на стенах древнего Кремля*, отпускал каламбуры, достойные лучших времен французской монархии, и спорил до слез с Муравьевым о преимуществе французской словесности, то на балы и маскарады, где наши красавицы, осыпав себя бриллиантами и жемчугами, прыгали до первого обморока в кадрилих французских, во французских платьях, болтая по-французски бог знает как, и проклинали врагов наших»³².

Ироническое отношение к «патриотической» мифологии оказалось вполне естественным.

В человеке этого времени ярко проявился особенный, трудно объяснимый для нас, тип патриотического сознания. В своей «Песне» (1815) Д. Давыдов высказывал пожелание:

За тебя на чорта рад,
Наша матушка Россия!
Пусть французишки гнилые
К нам пожалуют назад!..³³

Само это — искреннее! — желание (высказанное боевым офицером сразу же после окончания Отечественной войны и заграничного похода русской армии) выглядит неестественно: никто из героев, допустим, Великой Отечественной войны не стал бы в 1946 г. желать возвращения врага. К тому же указание на основное качество этого врага — «*французишки гнилые*» — предполагает неминуемое предощущение будущей победы над ним: мудрено ли свалить «гнилое» дерево, к тому же сравниваемое с «чортом» (когого русский богатырь тоже всегда побеждал)?

Показательно, что в первой публикации этого стихотворения под заглавием «Военная песня» («Сын отечества». 1820. Ч. 66) другой патриот, редактор журнала Н. И. Греч заменил этот стих на «Пусть *французы удалые*...». Греч убирал явную «наивность» автора, представившего врага так, как в середине XX столетия представляли фашистов: глупыми,

³² Батюшков. Т. 2. С. 282. Курсив Батюшкова.

³³ Давыдов. С. 95.

смешными и трусливыми, которых, при всем их коварстве, ничего не стоило победить (возникал естественный вопрос: от кого же до Волги отступали?). Греч, конечно же, был логичнее и точнее — но Давыдов и в 1832 г., готовя издание своих стихотворений, вернулся к прежнему варианту, настаивая на «гнилых французишках».

Дело здесь не в субъективной «наивности» Давыдова, а в общем уровне представлений о воинстве 1812 года как о лихих рубаках, с успехом рубивших «супостата» и не особенно задумывавшихся о всяких там интеллектуальных вопросах бытия. Агрессивная «не-интеллектуальность» поддерживалась и в быту воинства, и в словесных манифестах, отражавших этот быт. По свидетельству мемуариста, «многие офицеры гордились тем, что, кроме полковых приказов, ничего не читали»³⁴. Подобная протivoестественная «гордость» отразилась и в словесности.

Лев Толстой эпиграфом к повести «Два гусара» поставил знаменитую антиномию Д. Давыдова из «Песни старого гусара» (1817), где «гусары коренные» поколения 1812 г., гармонично соединявшие «лихое» удачество и «молодецкую» пирушку, противопоставлялись современным гусарам, среди которых уже трудно найти «собутыльников»:

Говорят умней они...
 Но что слышим от любова?
 Жомини да Жомини!
 А об водке — ни полслова!³⁵

Имя *Жомини* становится ярким литературным сигналом, который как будто не имеет непосредственного отношения к реальному барону Анри (Генриху) Жомини (1779–1869), французскому генералу, который отрекся от Наполеона в 1813 г. и вступил на русскую службу в качестве военного историка. В 1816 г. он выпустил восьмитомное сочинение, в котором сопоставлял военные операции Наполеона и стратегию Фридриха Великого — тех, коих русские войска «бивали». Волею судеб этот труд получил статус «образцового» — и позднее Жомини был даже назначен преподавателем стратегии к наследнику престола. Давыдов сам

³⁴ Дубровин Н. Ф. Русская жизнь в начале XIX в. // Русская старина. 1901. № 12. С. 471.

³⁵ Давыдов. С. 106.

немало занимался проблемами стратегии и военной истории, знал многих ученых. Но для своего стихотворения выбрал *Жомини*, прежде всего, из-за экзотического звучания «жеманного» имени. Очень уж эта «жеманность» противостояла «прямоте» отношений к другому субъекту оппозиции — к *водке*.

Из стихотворения Давыдова *Жомини* «перекочевал» и к Пушкину, который в своих сочинениях упоминал ученого генерала трижды — и каждый раз иронически. Так, в первой сцене незавершенной «<Комедии об игроке>» (1821) разворачивается диалог брата и сестры; последняя упрекает «игрока» за то, что слишком увлекается посещениями гусар. Тот приводит аргумент: «В кругу своем они / О дельном говорят, читают Жомини». На что сестра возражает: «Да ты не читывал с тех пор, как ты родился...»³⁶ «Жомини» появляется и в рукописной редакции «Онегина» (1823) — в перечислении предметов «ученых споров» героя: «О господине Мармонтеле, / О карбонарах, о Парни, / Об генерале Жомини»³⁷. И столь же иронично замечание о персонаже отрывка «Гости съезжались на дачу» (1828): «...весь его гений выкраден из Жомини»³⁸.

В повести же Толстого *Жомини* вообще лишен признаков какого-то реального персонажа: прямо проведенная и «оголенная» оппозиция превращает это имя в некий «символ» чего-то малопонятного и вполне «жеманного». А потребление *водки* не требует особенных интеллектуальных усилий.

Словом, литературный миф о герое 1812 года, бесшабашном человеке победы, веселья, чести, соединившего презрение к смерти и нежелание образования, был необходим именно для эпохи военных побед русского оружия. С такого рода эпохами прежде всего связываются и поэтические «взлеты», и «массовый» всплеск интереса к поэзии. И облик даже великих поэтов «притягивается» прежде всего к этим эпохам. Поэтому оригинальное представление Базарова о Пушкине было не таким уж бесосновательным, как показалось его оппоненту.

³⁶ Пушкин. Т. 7. С. 246–247.

³⁷ Там же. Т. 6. С. 545.

³⁸ Там же. Т. 8. С. 40.

М. Г. Альтшуллер

ЗАБЫТЫЙ СБОРНИК О ВОЙНЕ 1812 ГОДА (ПОСЛЕДНЯЯ КНИГА Н. П. НИКОЛЕВА)

В 1814 г. в Москве вышла небольшая книжка «Три лирические стихотворения Н. П. Николева»¹. Она небрежно сброшюрована, напечатана на плохой бумаге, выглядит неряшливо. Это последняя вышедшая при жизни книга поэта.

По нашим расчетам, Николеву было уже более шестидесяти (возраст для того времени весьма почтенный), а материальное положение его после войны сильно ухудшилось: подмосковное имение, видимо, было разрушено². Николев жаловался Хвостову, что ограблен, потерял до ста тысяч и пр. (см. ниже). К этому времени поэт совсем ослеп и сам следить за изданием не мог. Книжку напечатал его верный ученик Стефан Маслов, но, видимо, не очень внимательно следил за изданием, да, наверное, и не располагал достаточными деньгами.

Сборник состоит из трех стихотворений и представляет собою интересный литературный отклик на события 1812 г.

Первое стихотворение называется «Отголосок лиры на случай изданного манифеста государем императором Александром Первым по взятии неприятелем Смоленска и прибытии его величества в Москву

¹ Три лирические стихотворения Н. П. Николева, изданные С. Масловым. М., 1814. Цензурное разрешение от 5 июня 1814 г. В дальнейшем ссылки на это издание в тексте.

² Биографические сведения о нем см.: *Кочеткова Н. Д.* Николев Н. П. // *Словарь русских писателей XVIII века*. СПб., 1999. Т. 2. С. 350–356; *Альтшуллер М.* Спорные вопросы биографии Н. П. Николева: (Когда родился? Когда женился? Когда ослеп?) // *Study Group on Eighteen Century Russia. Newsletter*. 2009. № 37. July. P. 42–51.

июля 12 дня». Оно, как увидим, очень точно приурочено к историческим событиям и имеет очень личное, не входящее в привычную литературную традицию название — «Отголосок лиры».

Государь прибыл в Москву 13 июля, русская армия оставила Смоленск 5 августа, манифесты о вторжении Наполеона, о создании народного ополчения и пр. были датированы 6 июля³. Это события, о которых пишет Николев в своем стихотворении.

В манифесте от 6 июля 1812 г. говорилось: «Для первоначального составления предназначенных сил предоставляется во всех губерниях *дворянству* сводить поставляемых ими для защиты отечества людей, избирая из среды самих себя начальников над ними...»⁴ И Николев рассказывает в стихах об этом патриотическом порыве:

И враг в пронырствах не успеет.
Уже услышан глас отечества отца.
Вспылала кровь сынов, забились сердца.
Слились в единый круг слуги его и други,
Стеснились города, наполнились округи. (С. 5)

Как явствует из манифеста, на начальной стадии войны ведущая патриотическая роль предназначалась дворянству. То же и у Николева: дворянство выступает как основа государства, «краеугольный камень» монаршей власти.

...Кого хвалой вознесть,
Чьи действия таковы, чья верность, доблесть, честь,
В ком чувствование столь сильно и велико?
Тебя, почтенное сословие дворян,
Тебя, орудие всех действий россиян,
Тебя, побед и славы знамень,
Громады царственной краеугольный камень,
Законов твердый столб, порфиросцев жезл... (С. 7–8)

³ См.: Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова: В 2 т. / Изд. Н. Киселева и Ю. Самарина. Берлин, 1870. Т. 1. С. 425–427.

⁴ Там же. С. 427. Курсив мой. — М. А.

В действительности все было гораздо сложнее. Дворянство в массе своей находилось в оппозиции либеральному царю. Оно навязало ему Кутузова в главнокомандующие. Подчиняясь мнению дворянства, Александр сместил и сослал Сперанского и, будучи человеком очень умным, понимая настроения общества (т.е. дворянства), назначил государственным секретарем Шишкова, а не лично гораздо ему более близкого и, конечно, более талантливого Карамзина. К концу войны недоверие к главному государственному сословию, успешно мешавшему проведению либеральных реформ, проявилось у Александра со всей очевидностью. Сохранился выразительный рассказ Шишкова об одном из последних написанных им манифестов: «...государь с некоторою суровостью спросил у меня: для чего дворянство поставил я выше воинства? (ибо так сперва у меня было). Я отвечал, что дворянство есть первое государственное сословие, снабжающее войско из среды себя полководцами, военачальниками, ратниками, <...> а потому яко целое долженствует преимуществовать перед частью самого себя. <...> Государь, не слушая меня, повелительным голосом приказал мне статью о воинстве поставить выше статьи о дворянстве...»⁵ Николев, очевидно, разделял настроения Шишкова, а не Александра. Его «три стихотворения», вышедшие, напомним, в 1814 г., «написанные для славы и чести России», посвящены «знаменитому российскому дворянству».

Наполеоновская армия, в соответствии со сложившейся в России с началом войны традицией, изображена у Николева отвратительным фантастическим мифологическим чудовищем, что вполне соответствовало метафорической составляющей манифестов, написанных Шишковым («Слияние обезьяны с тигром», «Лукавство в сердце и лесть на устах» и пр.⁶). У Николева враг

Смущается, дрожит, как туча хмурит брови,
Как гидра жадная, лишена в пищу крови,
Влача от Вислы хвост, сквозь ста устен шипит... (С. 7)

⁵ Там же. С. 308. Кстати, не связано ли настойчивое стремление Александра учредить военные поселения с его неприязнью к дворянскому сословию в целом? Он хотел сделать военное сословие, армию ведущей силой в государстве.

⁶ См.: Альтшуллер М. Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. [М.], 2007. С. 337–350.

Впрочем, этот образ ведет нас уже ко второму стихотворению, которое называется «Гимн песнопевца, сочиненный в Тамбове по изгнании всеобщего врага из пределов российских». Название сопровождается следующим примечанием издателя: «Гимн сей еще 1813 года отправлен был к Гавриилу Романовичу Державину для помещения оного в изданиях санктпетер<бургской> “Беседы”; но по причине замешательства почт по случаю тогдашних обстоятельств оный не был ему доставлен; то посему сочинитель и препоручил мне напечатать оный в Москве». Примечание указывает на приблизительное время написания гимна. В ноябре 1812 г. Николев был в Тамбове, где оставался, видимо, до середины 1813 года⁷. Стихи были созданы, по всей вероятности, в начале 1813 г., когда, как писал Николев, «богатая материя открылась <...> для поэтов российских»: в декабре 1812 г. остатки армии Наполеона были изгнаны из пределов России.

У Николева с Державиным были далеко не простые отношения. Державин называл Николева «злым дураком» и, вслед за И. И. Дмитриевым, «куликом» из «гнилого болота»⁸. Однако «Гимн» не случайно послан был именно к Державину. Стихи являлись явным подражанием только что опубликованному «Гимну лиро-эпическому», который был написан в 1812 г. и напечатан отдельно, а в «Чтениях в Беседе любителей русского слова» уже в феврале 1813 г. (кн. 10; цензурное разрешение от 30 янв.). Тогда же Николев мог ознакомиться с ним — и уже в начале 1813 г., как он сам говорит, написал свое творение и отправил его Державину. Неясно, действительно ли последний не получил эти стихи или попросту не захотел печатать достаточно слабое подражание, написанное человеком, которого он сильно недолюбливал.

Полное название весьма объемного (646 стихов) произведения Державина таково: «Гимн лиро-эпический на прогнание французов

⁷ Николев Н. П. Письма Д. И. Хвостову / Публ. И. Ф. Мартынова <М. Г. Альтшуллера> // Письма русских писателей XVIII века: Сб. Л., 1980. С. 410. Поскольку я эмигрировал, мое имя не могло появиться в тогдашней советской печати. По моей просьбе И. Ф. Мартынов подписал публикацию писем С. С. Боброва и Н. П. Николева (см. ниже). Мартынов рассказал об этом эпизоде в «Открытом письме в Президиум Академии наук СССР» (Обозрение. 1984. № 10. Июль. С. 35–37).

⁸ Державин. Т. VI. С. 55, 68.

из отечества. Посвящен во славу всемогущего Бога, великого государя, верного народа, мудрого вождя и храброго воинства российского». В названии перечислен порядок воспеваемых объектов: Бог, царь, народ, вожди, воины. Наполеон в этих стихах является воплощением антихриста, мирового зла. Текст наполнен цитатами и отсылками к Ветхому и Новому Завету, изобилует архаизмами и библеизмами. Таково, например, начало «Гимна»:

Благословен Господь наш, Бог,
На брань десницы ополчивый
И под стопы нам подклонивый
Врагов надменных дерзкий рог⁹.

Николев тоже начинает свой гимн обращением к Богу в столь же архаичной манере:

Сый, троичный и повсеместный:
Премудростию — свет светил,
Любовью — океан небесный,
И силою — всемогущество сил;
Седяй превыспрь духовных ликов,
Склони от сладкогласных кликов
На дол любви отчий слух!
Услышь со высоты надзвездной!
Поющий после доли слезной
Тобой, Господь, восторжен дух! (С. 9)

Только в отличие от Державина уже первую строфу он заканчивает словами о себе, авторе, плачущем, но вдохновенном самим Господом. И далее именно о себе, о своей личности и о своих деяниях повествует он в следующих стихах:

Лишенный зрения — оставлен
На произвол своей судьбе,
И благостью Твоей избавлен,
Я ль не воздам, Господь, Тебе?

⁹ Державин. Т. 3. С. 137.

Бог уберег автора средь ужасов войны:

Я ль не познаю милосерда,
Сил не лишаясь духа тверда
И посреди ужасных бед,
Убийств, грабительства, пожаров,
Летающих громовых ударов
Отвсюду — в встречу мне и в след? (С. 9)

Комментарием к этим строчкам может послужить начало письма поэта к Д. И. Хвостову от 5 ноября 1812 г.: «Разоренный, ограбленный, лишенный в подмосковной и в Москве более нежели на сто тысяч имения от общего врага России и, наконец, кой-как дотащившийся с бедной семьею своею до Тамбова, почитая за милость Божию и то, что в крестьянской избе покамест определил Бог безопасную кровлю далее от супостата...»¹⁰

В следующей строфе еще раз упоминается, что автор лишен зрения (об этом Николев никогда не упускает сказать в своих стихах):

Ах, нет! Ты был и мощь, и зренье
В сии напасти для слепца,
Ты показал чудотворенье,
Да славит всё любовь Творца...

Далее речь идет о неких действиях, «слепцом» предпринятых:

Ты даровал ему возможность,
Надежду, бодрость, осторожность,
Собрать оставшу верных горсть
В защиту родины любезной;
Ты в час отчаянный и слезный
Жезлом слепцу соделал трость. (С. 10)

«Верных горсть» — вероятно, крестьяне, к которым с увещаниями обратился Николев. Биограф рассказывает: «Во время всеобщего смущения перед нашествием французов он, живя в подмосковной деревне, видел

¹⁰ Николев Н. П. Письма Д. И. Хвостову. С. 410.

опыт доверенности и любви к нему даже простого народа. Крестьяне Верейской округи, в коей находилось поместье Николева, зная его любовь к Родине и благоразумие, в числе шестисот, пришли к слепцу требовать совета и помощи»¹¹. Николев произнес перед крестьянами возвышенную речь в духе архаично-торжественных шишковских манифестов. Эта речь вскоре была напечатана¹². Николев призывал крестьян в соответствии с июльскими манифестами¹³ вступать в ополчение: «лететь всюю поголовщиною для коего <отечества. — М. А.> защиты, лететь орлиным полетом, львиною яростию и неустрашимостью силача русского...»¹⁴

Свою речь он сопоставляет с жезлом Моисеевым, когда Господь повелел пророку ударить жезлом по скале, чтобы напоить народ израильский (Исх. 17:6). Так же, считал поэт, своим красноречьем он упоил, укрепил дух своих крестьян:

Ты в час отчаянный и слезный
Жезлом слепцу соделал трость.

«Трость» превращается в «жезл» — это, вполне вероятно, тоже имеет некий реальный биографический подтекст. Павел I, хорошо относившийся к Николеву и называвший его «aveugle claire voyant» («слепой провидец»), подарил ему «трость, украшенную бриллиантами и с своим вензелем». Слепой, очевидно, всегда пользовался для ходьбы именно этой тростью, и она-то превратилась в стихах в священный жезл, отверзший сокровища народного патриотического духа. Ср. с рассказом С. А. Маслова: «Какое зрелище! Опираясь на *посох*, он выходит к ним с веселым лицом, и простым, но трогательным и понятным языком говорит...»¹⁵

Затем автор вновь возвращается к теме противоборства астральных сил, заданной «Гимном» Державина. У последнего Наполеон является исчадием ада, воплощением зла:

¹¹ Памятник друзей Николаю Петровичу Николеву. М., 1819. С. 27–28.

¹² *Николев Н. П.* Речь, говоренная Верейской округи помещиком Николаем Петровичем Николевым собственным и соседним крестьянам 1812 года августа 12 дня. Б. м. [1812]. Речь перепечатана без изменений в «Памятнике друзей» (1819).

¹³ Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Т. 1. С. 426–427.

¹⁴ Памятник друзей Николаю Петровичу Николеву. С. 38.

¹⁵ Там же. С. 23, 28. Курсив мой. — М. А.

Ишел из бездн огромный зверь,
Дракон иль демон змиевидный;
Вокруг его ехидны...¹⁶

Таков же враг и у Николева:

И древний Божий враг закона,
Преобразясь, Сатанаил
Под именем Наполеона
Мгновенно образ свой явил;
Дхнул адской лютости дыханьем,
Потряс растленным чувствованьем
Окованных страстьми властей.
Путь правый к благу потерявших
И блага без заслуг жадавших,
Очаровал порок людей. (С. 12)

Слово *Сатанаил*, т.е. Сатана, может быть непосредственно позаимствовано у Державина, у которого Наполеон тоже назван Сатанаилом: «...Наполеон / Упал в душе своей, как дух Сатанаила, / Что древле молнией Михаила / Пал в озеро огня ...»¹⁷

Поскольку Сатана был низвергнут в ад архангелом Михаилом (Откр. 12:7–9; 20:1–10) и если Наполеон — олицетворение Сатаны, то архангел ассоциируется с Михаилом Кутузовым, который «Вспарил орла в подобьи, — / И грянул бородинский гром»¹⁸.

Рассказ (действительный или вымышленный) об орле, парящем над головой вновь назначенного главнокомандующего, был необычайно популярен летом 1812 г. «Северная почта» печатала в № 71 (4 сент. 1812 г.) письмо из армии от 26 августа: «В самый первый день, когда главнокомандующий наш ездил для осмотра местоположения, орел появился парящим над его головою». Позднее этот рассказ приурочивался не к приезду Кутузова к войскам, а к кануну Бородинского сражения. Поэты радостно откликнулись на знаменательное событие.

¹⁶ Державин. Т. 3. С. 138.

¹⁷ Там же. С. 156.

¹⁸ Там же.

В том числе и Жуковский в знаменитом «Певце во стане русских воинов» (1812):

О диво! Се орел пронзил
 Над ним небес равнины...
 Могущий вождь главу склонил;
 Ура! кричат дружины.
 Лети ко прадедам, орел,
 Пророком славной мести!¹⁹

Комментируя эти строки, Д. В. Дашков писал: «У древних парящий орел почитаем был предвестником победы; знамение сие не обмануло и нас на достопамятном бородинском поле»²⁰.

Помянув орла в «Гимне лиро-эпическом», Державин посвятил этому полубогородному событию «Оду по случаю парения орла над российскою армиею под предводительством князя Кутузова при селе Бородине 1812 года в августе», опубликованную в октябре. В этой оде он говорил, что Кутузов послан самим Всевышним («На подвиг сей тебя блюл Бог»), и предсказывал его неминуемую победу:

Коль над тобой был зрим орел,
 Ты верно победишь французов
 И, россов защита предел,
 Спасешь от уз и всю вселенну.²¹

В такой же ипостаси Божия посланца, осеняемого летящим орлом, изображен Кутузов и в «Гимне» Николева:

Как войску Михаил предстал
 В венце, победами блестящем,
 С орлом, впереди его парящим,
 Как Бог спасителя послал! (С. 15)

Следующее стихотворение сборника называется «Ода победам российского воинства». Как и в «Гимне», заглавие сопровождается

¹⁹ Жуковский. Т. 1. С. 229–230.

²⁰ Там же. С. 602.

²¹ Державин. Т. 3. С. 134.

примечанием. Теперь издатель от имени автора обращается уже не к Державину, а к Шишкову: «Ода сия с некоторою переменой была послана в главную квартиру к государственному статс-секретарю Александру Семеновичу Шишкову; а теперь, по соображению с настоящими обстоятельствами, для которых она написана, издается в свет. Издатель».

Оба примечания должны были продемонстрировать связь слепого поэта с «Беседой любителей русского слова», коей он был почетным членом, а также его причастность к влиятельной на тот момент патриотической консервативной партии — иначе зачем нужно сообщать читателям, что тексты были посланы двум влиятельным людям?

В третьем тексте Николев возвращается к традиционной поэтической системе. Его стихотворение уже не «отклик», не «гимн», а привычная торжественная ода.

Если во втором стихотворении Николев явно ориентировался на державинский гимн, то в «Оде», кажется, у него тоже был образец. Это знаменитый «Певец во стане русских воинов» Жуковского, поименно перечисляющий героев войны 1812 года²². Перечисление героев составляет содержание и «Оды» Николева. «Певец» Жуковского, особенно во втором издании, невероятно растянут (672 стиха!). «Ода» Николева гораздо короче («всего» 170 стихов). Он следовал общему плану Жуковского, во много раз сократив перечень упоминаемых героев. Как и Жуковский, свою «Оду» Николев начинает с царя:

Ура! меч Божий, броня света!
Земли и неба Геркулес!
Чья кровь из рода в род нагрета
Для жертвы, пользы и чудес
Любовью к Родине бесценной —
Ура! Защитник всей вселенной,
Возобновленье древних царств,
Непобедимых победитель,
И Бога самого отмститель,
Казнь злобы, подлости, коварств! (С. 19)

²² О связи «Певца» с одической традицией (Ломоносов, Петров, Державин) см. комментарий А. С. Янушкевича (Там же. С. 599).

Александр сравнивается с Геркулесом, возможно, по некоторой аналогии с «Певцом» Жуковского, второе издание которого заканчивалось виньеткой, на которой был изображен «русский Геркулес, около него двуглавый орел, поразивший змеевидное чудовище...»²³ Возможно, к Жуковскому восходит (хотя само по себе это достаточно традиционно) сопоставление Александра с Петром I. У Жуковского Петр (как и, подразумевается, Александр), изгоняет из пределов России «орды пришельца, снедь мечей». У Николева Александр

Идет — в преступничьей крови
 Омыть честь подданных усердных.
 <...>
 ...не сам ли Петр Великий
 Злодейства полчища толики
 С небес нисходит поражать? (С. 19)

Затем, естественно, появляется Кутузов («Обматерелый в бранях славных, / Плодом побед упитан всыть»), а также Витгенштейн, остановивший движение французов к Петербургу. О Витгенштейне писал Жуковский («...вождь — герой / Петрополя спаситель»), Державин напечатал в «Сыне отечества» достаточно тяжеловесное четверостишие «К портрету графа Витгенштейна», каламбурно обыгрывая имя Витгенштена (Stein — камень, *нем.*):

Петрополю грозил в Наполеоне пламень,
 Иль разъяренный понт свирепостию волн.
 Но кто его скала был, ограждавший камень?
 Он!²⁴

Николев тоже уделяет Витгенштейну четыре строки, повторяя в общем хвалы своих предшественников:

...Явление ново
 Чад русских и даров, и сил —
 Бессмертно здание Петрово
 Своею грудью заслони... (С. 21)

²³ Там же. С. 598.

²⁴ Державин. Т. 3. С. 96.

Затем перечисляются известные имена героев войны 1812 года:

Багратион, Барклай-де-Толли,
Раевский, Бенигсен, Толстой,
И сокол гурт донских удалый,
И войск предтеча безусталый —
Граф Милорадович, герой. (С. 21)

«Сокол гурт донских» — это атаман Платов, любимый герой стихотворцев, воспевавших войну 1812 года. Державин воспел его еще в 1807 г. в большом стихотворении «Атаману и войску донскому»²⁵, а в «Гимне лиро-эпическом» посвятил ему две неуклюжие строки:

Вождь не предзримый, гром как с облаков,
Слетал на вражий стан, на тыл — Платов²⁶.

Вслед за стихотворением Державина 1807 г. Жуковский в «Певце» изобразил русского богатыря, пользуясь фольклорными мотивами, взятыми из «Слова о полку Игореве («Орлом шумишь по облакам, / По полю волком рыщешь»²⁷).

В перечислении других героев войны знаменательно упоминание имени Баркляя-де-Толли. У Жуковского оно достаточно демонстративно отсутствует. Нужно сказать, что духовные лидеры консервативной партии (Шишков, Державин, Крылов) в общем не позволяли себе высказываться против опального Баркляя²⁸. Следует отдать справедливость и Николеву, не забывшему назвать полководца среди других героев 1812 года.

В заключение следует отметить еще одну важную идею книжки Николева. Через манифесты Шишкова постоянно проходит мысль, что революция во Франции есть нарушение мирового порядка, уродливый зигзаг истории. Понятие прогресса для Шишкова не существует. Он отрицает самую возможность поступательного движения истории.

²⁵ Державин. Т. 2. С. 648.

²⁶ Державин. Т. 3. С. 160.

²⁷ Ср. в «Слове»: «...носился <...> серым волком по земле, сизым орлом под облаками» (Слово о полку Игореве. Л., 1986. С. 12).

²⁸ См.: *Альтишуллер М.* Беседа любителей русского слова... С. 239.

По этому главная цель войны для него — вернуть народам «прежнее их достоинство, спокойствие и свободу <...>, привести все царства в прежнее их состояние». С точки зрения Шишкова, такой поворот истории вспять и остановка ее движения вполне возможны²⁹. Ту же идею восстановления нарушенной гармонии мы находим и у Николева. Так, в первом стихотворном «Отголоске» Николев утверждает, что, сокрушив «дракона» в его логове, русский царь прославится, восстановив поверженных царей:

Повергнем, сокрушим оплоты зла, коварства,
 Дойдем до нырища дракона самого,
 Низринем трон его
И троны сверженных властителей восставим,
 Свое отечество и Тита своего
 На все грядущи дни в подсолнечной прославим! (С. 8)

В «Гимне» выражается желание «воскресить» прежнюю идеологическую систему Европы («вера прежняя»), что, с точки зрения Николева, вполне доступно, если уничтожить причины, породившие трагедию:

Европа зрит свою беду;
Да вера прежняя в ней воскреснет,
 Надутый адом горволь³⁰ треснет
 И в тьме кромешной — примет мзду! (С. 16)

В заключающей цикл «Оде» уже в первой строфе Александр снова изображается как восстановитель, по воле Бога, утраченного порядка, уничтоженной супостатом мировой гармонии:

Ура! Защитник всей вселенной,
Возобновленья древних царств³¹,

²⁹ Там же. С. 343–345.

³⁰ Горволь — пузырь на воде (Алексеев П. А. Церковный словарь, или Истолкование речений словенских древних, також иноязычных, без перевода положенных в священном писании и других церковных книгах... <Изд. 3> М., 1815. Т. 1. С. 229).

³¹ Во всех трех цитатах курсив мой. — М. А.

Непобедимых победитель,
И Бога самого отмститель... (С. 19)

Таким образом, тексты Николева при весьма средних художественных достоинствах органично вписываются в идеологическую систему стихотворства, посвященного войне 1812 года. В этом отношении они сохраняют для исследователя несомненную ценность и добавляют несколько любопытных черточек в историю русской культуры. Нужно надеяться, что когда-нибудь будет издана достаточно полная антология русских стихов о войне 1812 года³². В такой антологии забытая книжка Николева, несомненно, найдет подобающее ей место.

³² Кстати, в начале 1970-х гг. Ю. М. Лотман и автор этих строк собирались в «Библиотеке поэта» издать подобную книгу. Кажется, была даже подана заявка. Во всяком случае, полная договоренность с редакцией была достигнута, и авторы собирались приступить к работе. Однако в это самое время либеральный Б. Ф. Егоров был смещен на посту главного редактора Ф. Я. Приймай. И все планы Лотмана и Альтшуллера были в тот же момент похоронены...

Л. А. Сапченко

**«О ВЕЛИКИХ ПРОИСШЕСТВИЯХ
НАШЕГО ВРЕМЕНИ»
(1812 И 1825 ГОДЫ
В ПИСЬМАХ Н. М. КАРАМЗИНА)***

Уже в «Письмах русского путешественника» (1791–1792) Карамзин обратился к описанию великих происшествий своего времени. На страницах книги предстала развернутая картина европейской жизни в первый год Великой Французской революции. В политических обозрениях «Вестника Европы» (1802–1803) довольно полно освещались события начала века, действия Бонапарта. Однако карамзинская интерпретация как современных исторических событий, так и концепция российской истории в целом получила более прямое выражение в его эпистолярной.

В качестве политического комментатора событий, происходящих в Европе, Карамзин предстает в письмах к брату Василию Михайловичу. Чрезвычайно любопытно проследить, пишет публикатор писем Е. Я. Колбасин, «как наш историк сначала только сообщает брату, в виде слуха, что Бонапарт возвратился из Египта и сделан первым консулом, и как потом, с течением событий, взгляд его на Наполеона делается шире и шире, и под конец, незаметно, но весьма естественно начинает возмущаться горькими чувствами взволнованного современника, очевидца совершающихся событий. Как ни кратки, как ни отрывочны эти известия, они гораздо живее и интереснее тех взглядов, которые печатал Карамзин для публики, говоря о Наполеоне»¹.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФНФ (проект 10-04-21403 а/В).

¹ Колбасин Е. Переписка Н. М. Карамзина с 1799 по 1826 год // Атеней. 1858. № 19. С. 195.

В письмах Карамзина «новости» появляются лишь в тех случаях, если они еще не известны адресату из прессы. И эти новости писатель сопровождает поразительно точными политическими прогнозами.

2 февраля 1799 г. Карамзин пишет брату: «Везде приготавливаются к войне, которая будет без сомнения очень кровопролитна»². В последующих письмах он продолжает информировать о ходе войны, комментируя происходящее и предсказывая дальнейшее: «...Наше войско, под командою Бенигсона, вошло уже в прусское владение: мы идем опять против французов. Будем ли счастливее? Увидим. Боюсь, чтобы они уже не управились с пруссаками до прихода русских. Австрийцы ни с места и дают Бонапарте время раздавить Пруссию. Дела чудные! Бонапарте должен быть помешан, перебьет и перестреляет он еще многих, пока совершенно не сойдет с ума или не взбесится. Такого медведя давно не было в свете»³. 25 января 1809 года: «Бонапарте оставил Мадрид и поскакал дать сражение англичанам <...>. Он их побьет... а там? Не хочется и говорить о следствиях. Волгу легко запрудить в Тверской губернии, а в Симбирской уже трудно. Чего хочет провидение, не знаю; но если великий Наполеон проживет еще лет десять или более, то будет много чудес!»⁴

Письма Карамзина 1812–1813 гг. к жене Екатерине Андреевне и к И. И. Дмитриеву представляют собой актуальный репортаж с места событий, сочетающийся с выражением глубочайшей тревоги за судьбу своего отечества и своей семьи, с чувством беспредельной любви к ним⁵.

23 августа 1812 г. он пишет жене: «...не перестаю надеяться на милость Божию, хотя и не люблю обольщать себя малодушно, как другие, которые то бледнеют от страха, то видят Наполеона у ног своих. Моя надежда основана на сердечном уверении, что Господь в одно мгновение может все переменить, постыдить врага нашего и спасти Россию. Еще судьба не решилась, ждем сражения, которое должно быть

² Атений. 1858. № 19. С. 197.

³ Атений. 1858. № 21. С. 341.

⁴ Атений. 1858. № 22. С. 421.

⁵ См.: Карнишина Л. М. Н. М. Карамзин: Письма 1812 года к жене // Остафьевский сборник. Остафьево, 2005. Вып. 10. С. 12–20.

в 117 верстах от Москвы, если французы захотят в этом месте атаковать нас. <...> Я наложил на себя трудную епитимью разлукою с моим бесценным другом; однако и теперь думаю, что мне нельзя было поступить иначе, хотя пребывание мое здесь и бесполезно для отечества: по крайней мере, не уподоблюсь трусам и служу примером *государственной*, так сказать, *нравственности*. Наши добрые москвитяне изъявляют готовность умереть за честь древней столицы: вооружаются саблями и пиками, купцы, ремесленники, мещане, фабричные. Впрочем, дай Бог, чтобы армия не имела нужды в них. <...> Все казаки идут с Дона к Москве. Нынешний день увидим шар, над которым один немец долго трудился в Воронцове и которым надеется сделать большой вред неприятелю: я не легковерен. Москва пуста: уезжают и увозят. Воспитательный дом, Оружейная палата, архивы, межевая, всё отправляется. Привезли уже к нам около трех тысяч раненых. Между тем город спокоен и тих удивительно»⁶. 25 августа, ей же: «Вчера в 115 верстах от Москвы неприятель атаковал наш арьергард; ожидают, что нынешний день будет решительная баталия. <...> Слышно, что все от генерала до солдата готовы умереть. Ставят 5000 лошадей на станциях от Москвы до Можайска для раненых. Между тем в городе все тихо и спокойно»⁷. 27 августа Карамзин сообщает брату: «Вчера началось кровопролитнейшее сражение, и ныне возобновилось. Слышно, что мы еще удерживаем место. Убитых множество; французов более. Из наших генералов ранены: Багратион, Воронцов, Горчаков, Коновницын. С обеих сторон дерутся отчаянно: Бог да будет нам поборник! Через несколько часов окажется, что Россия спасена, или что она пала»⁸.

Предельно лаконичный и максимально информативный стиль изложения (факты говорят сами за себя) сочетается с молитвенным обращением к Богу и признанием Его воли в исходе событий.

Историк своего времени или летописец, Карамзин обладал способностью предвидеть ход событий. М. П. Погодин сообщает, что в доме Ростопчина Карамзина увидел А. Я. Булгаков и описал эту встречу:

⁶ ОР РГБ ф. 488. К. 1. Ед. хр. 1. Лл. 97–97 об.

⁷ ОР РГБ ф. 488. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 99.

⁸ Атений. 1858. № 23. С. 485.

«Я никогда не забуду пророческих изречений нашего историографа, который предугадывал уже тогда начало очищения России от несносного ига Наполеона». Булгаков передал слова Карамзина: «Ну, мы испили до дна горькую чашу... Но зато наступает начало *его* и конец наших бедствий. Поверьте, граф: обязан будучи успехом своей дерзости, Наполеон от дерзости и погибнет!» «Казалось, — продолжал Булгаков, — что прозорливый глаз Карамзина открывал уже вдали убийственную скалу Св. Елены!»⁹

После 1812 г. перед историографом государства российского со всей прямотой встал вопрос — быть или не быть... историком нынешнего времени, летописцем современности.

Как известно, в 1811 г. по просьбе великой княгини Екатерины Павловны Карамзин составил записку «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях», где уже выступил историком своего времени и где, как всегда, следовал принципу «ничего не утаю»¹⁰.

О минувшем и настоящем Карамзин говорил с государем по праву «любви к отечеству и монарху». Принципиальным был для Карамзина вопрос о личных свойствах государственного деятеля. Говоря о том, что император Александр «умел быть человеком на троне»¹¹, автор «Древней и новой России», он же, по словам Пушкина, «прямодушный подданный», надеялся на понимание. В то же время, как пишет Ю. М. Лотман, «трудно найти в истории пример», где бы подобная возможность использовалась для того, «чтобы высказать максимум горьких истин»¹², но говорить правду позволяли ему права друга и гражданина.

⁹ *Погодин М. П.* Н. М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Материалы для биографии с примечаниями и объяснениями: В 2 ч. М., 1866. Ч. 2. С. 99.

¹⁰ «Эпиграф к истории я бы написал: "Ничего не утаю". Мало того, чтобы прямо не лгать, надо стараться не лгать отрицательно – умалчивая», — писал Л. Н. Толстой (*Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1928–1958. Т. 46. С. 212).

¹¹ Николай Карамзин: Сб. М., 1998. С. 295.

¹² *Лотман Ю. М.* «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» Карамзина — памятник русской публицистики начала XIX века // Лотман Ю. М. Карамзин: Сотворение Карамзина. Статьи и исследования 1957–1990. Заметки и рецензии. СПб., 1997. С. 591.

Если в «Письмах русского путешественника» читаем: «Предадим, друзья мои, предадим себя во власть провидению: оно конечно имеет свой план; в его руке сердца государей — и довольно»¹³, то и в записке «О древней и новой России...», и во «Мнении русского гражданина» (1819), не доверяя всецело провидению, Карамзин перед государем решительно высказывается по поводу необходимости или, напротив, недопустимости тех или иных проектов и действий.

Одушевленный надеждами, связанными с воцарением Александра, Карамзин не ожидал, что его нелицеприятные, но искренние суждения в «Записке...» вызовут охлаждение и равнодушие императора. Однако, возвратившись «к безмолвию подданного», он вскоре переживет новый всплеск восторга и любви к победителю Наполеона. Взамен исторического повествования появляется ода.

Карамзин писал императрице Марии Федоровне, что из его сердца излились стихи, которые, «против обыкновения поэзии, содержат в себе, кажется, одну истину». «Теперь время стихов — время прозы впереди»¹⁴. В предисловии Карамзина к стихотворению «Освобождение Европы и слава Александра I» говорится: «Счастлив буду, если, пользуясь остатком дней моих и способностей, успею изобразить на скрижалях истории чудесную, беспримерную славу Александра I и нашу: ибо слава монарха есть народная»¹⁵. Это означало, что воля Бога, царя и народа слились здесь в неразрывное единство.

Предложение императрицы-матери и великой княгини Екатерины Павловны быть «историком нашего времени», написать о 1812 годе и славе Александра поначалу воодушевило Карамзина. Историограф ощущал в себе «ревность беседовать с потомством о чудесных действиях провидения», отмечал, что «картина минувшего слабо действует на сердце, сильно волнуемое настоящим»¹⁶, но вскоре засомневался в своем намерении. В письме к Екатерине Павловне читаем: «Вы меня приглашаете быть историком нашего времени: в первом моем воодушевлении,

¹³ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984 С. 227. (Лит. памятки).

¹⁴ Русская старина. 1898. № 10. С. 33.

¹⁵ Карамзин Н. М. Освобождение Европы и слава Александра I. М., 1814. С. 4.

¹⁶ Русская старина. 1898. № 10. С. 35, 37.

произведенном великими событиями, я сам думал об этом, но размышления живо представили трудности для моего ума. История <...> любит безмолвие страстей и могил, отдаление и сумерки, и из всех грамматических времен более других ей подходит прошедшее законченное. Живое движение, шум настоящего, близость предметов и их слишком яркий свет его оглушают; то, что воспламеняет поэта, оратора, то стесняет историка, который всегда имеет “но” на своих устах»¹⁷.

Карамзин полагал, что современникам далеко не всегда может быть ясен «план» *провидения* – он постигается лишь на огромной исторической дистанции, спустя годы, а может быть, столетия, когда «вечный чертеж творения открывается уму – цель творения открывается...»¹⁸. Поэтому ближе к истине оказывается взгляд потомков. Но в 1812 г. промысел Божий и «рука» Всевышнего явственно ощущались россиянами и историографом. Неожиданно Карамзин узнает, что поведать потомкам об Отечественной войне уже поручено другому, о чем сообщает И. И. Дмитриеву 17 февраля 1813 г.: «Ты знаешь Бардовского? Он публиковал в газетах, что император приказал ему описать бедствие Москвы»¹⁹. Известие о Бардовском²⁰ несколько не смутило Карамзина: историк по призванию, он смотрел на должность историографа порой отстраненно и нередко с иронией (в этом смысле он говорил о себе: «*историограф* еще менее Карамзина»²¹).

Россия, ее великая и удивительная судьба всегда были предметом тревог и надежд Карамзина, свято верующего в божественное

¹⁷ Карамзин Н. М. Неизданные соч. и переписка. СПб., 1862. Ч. 1. С. 119 (оригинал по-фр.).

¹⁸ Детское чтение для сердца и разума. Изд. 2-е. Владимир, 1800. Ч. 12. С. 177.

¹⁹ Карамзин Н. М. Письма И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 172.

²⁰ Яков Иовлевич Бардовский (1779 — после 1851) «происходил из духовного звания, обучался в семинарии, по окончании которой, благодаря переводам религиозных книжек, сблизился с Шишковым и его кружком, а через него стал известен и министру народного просвещения А. Н. Голицыну. В 1813 г. Шишков выхлопотал Бардовскому высочайшее поручение описать “происшествия”, бывшие в Москве и окрестностях во время французского нашествия, с ежегодным жалованьем в 1500 рублей. Но о результатах его занятий, как видно из ответа министра народного просвещения на запрос управляющего министерством внутренних дел, не было “никаких сведений” даже в начале 1827 г. и, вероятно, тогда же была прекращена выдача ему жалованья» (См.: Русский биографический словарь. СПб., 1900. Т. 2. С. 500).

²¹ Карамзин Н. М. Письма И. И. Дмитриеву. С. 248.

покровительство России. Отечественная война укрепила эту веру. В событиях российской истории он желал бы видеть провиденциальный смысл и, в соответствии с летописной традицией, усматривать в событиях русской истории и Божью милость, и Божью кару²²: «...Как ни жаль Москвы, как ни жаль наших мирных жилищ и книг, обращенных в пепел, но слава Богу, что отечество уцелело и что Наполеон бежит зайцем, пришедши тигром. <...> С нетерпением жду, чем закончится эта удивительная кампания. Есть Бог! Он наказывает и милует Россию»²³ (из письма к И. И. Дмитриеву от 26 ноября 1812 г.).

Постигая, казалось бы, «план» *провидения*, он пишет Дмитриеву: «Российская история может сделаться еще любопытнее» (18 декабря 1812 г.); «Отечество наше, потрясенное бурей, укрепитя, может быть, в корне своем на новое тысячелетие» (30 апреля 1813 г.)²⁴.

Историк усматривал в реальном бытии присутствие божественного промысла: «...желанное знание было, говоря словами Погодина, попыткой осознания “путей господних” в жизни мира, стремлением “почуять Бога”»²⁵. В то же время Карамзин писал Марии Федоровне: «Ободряемый вами, могу смело приступить к замышляемому мною описанию великих происшествий нашего времени, столь удивительных и в особенности славных для России, для ее бессмертного монарха. Знаю трудность говорить о современниках: страсти хотят пристрастия, и людям надобны идолы; а мне желалось бы не смешивать человеческого с божественным. В самом деле, когда провидение действовало явнее, разительнее? Должно найти середину между двумя крайностями: не умничать с излишнею *прагматическою* гордостью и не быть проповедником, ни Боссюэтом²⁶, ни Бурдалу: ибо история обязана сохранить свой

²² Об актуальности для Карамзина христианской концепции исторического бытия см., напр.: *Лузянина Л. Н.* Проблемы историзма в творчестве Карамзина — автора «Истории государства Российского» // Проблемы историзма в русской литературе. Конец XVIII — начало XIX века. XVIII век. Л., 1981. Сб. 13. С. 157, 165 и др.

²³ *Карамзин Н. М.* Письма И. И. Дмитриеву. С. 168.

²⁴ Там же. С. 170, 172–173.

²⁵ *Кардаш Е. В.* Критерий подлинности исторического знания в романтической культуре (метафора — сюжет — реальность) // *РЛ*. 2005. № 1. С. 21.

²⁶ Имеется в виду идея *промысла* в историческом процессе, признание Бога главным фактором истории. Обширный фрагмент из Боссюэ Карамзин поместил в своих двух рукописных альбомах, адресованных великой княгине Екатерине

человеческий характер»²⁷ (из письма от 6 июня 1814 г.). Другими словами, Карамзин желал бы достичь такого уровня исторического знания, на котором «реальное действие или событие, не утрачивая своей “стихийной”, “случайной” природы, одновременно осознавалось бы как проявление божественной “необходимости”»²⁸.

Для Карамзина история обретала «человеческий характер» и в лице Александра, и в лице «доброто, доброга народа русскога»²⁹. После вступления русских войск в Париж, поздравляя Дмитриева со «счастливыми и славными происшествиями», Карамзин вновь чувствует присутствие божественного промысла: «Я не прыгаю, но глаза мои иногда наполняются слезами благодарности к тому, кто карает по справедливости и спасает по милосердию...» (из письма от 20 апреля 1814 г.). В этом же письме читаем: «Мысль описать происшествия нашего времени мне довольно приятна; но должно знать многое, чего не знаю. Не возьмусь за перо иначе, как с повеления государева. Не хочу писать для лавок: писать или для потомства или не говорить ни слова...»³⁰

Писать для потомства означало для Карамзина основываться на истине. Истина заключалась для него не только в правдивости, достоверности описаний, но и в любви к России, в способности постигать в ее исторической судьбе волю Бога, высший *промысел*. 11 мая 1814 г. он обращается к Дмитриеву: «Не имею нужды уверять тебя, какое живое участие беру в великих происшествиях, в особенности столь славных для нашего любезнейшего государя. Я готов явиться на сцену с своєю полушкою,

Павловне (1811) и императрице Елизавете Алексеевне (1821): «Бог на высочайшем небеси держит правление всех царств; сердца всех в руке его; иногда воздерживает, а иногда попускает он страсти, и чрез то колеблет всем человеческим родом и т.д.». (*Боссюэт И. Б.* Разговор о всеобщей истории / Пер. В. Наумова: В 3 ч. М., 1761–1762. Ч. 1. С. 83–84). См.: *Лыжин Н.* Альбом Н. М. Карамзина // *Летописи русской литературы и древности*: В 5 кн. М., 1858. Кн. 2. С. 164; *Карамзин Н. М.* Альбом с различными выписками: (Стихи, пословицы и др.) // ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Т. 1. Инд. 567. Развороты 5–6. Раздел «Христианская политика» (оригинал по-фр.).

²⁷ Русская старина. 1898. № 10. С. 33–34.

²⁸ *Кардаш Е. В.* Критерий подлинности исторического знания в романтической культуре... С. 23.

²⁹ Письма Н. М. Карамзина к А. И. Тургеневу // *Русская старина*. 1899. Январь. С. 237.

³⁰ *Карамзин Н. М.* Письма к И. И. Дмитриеву. С. 180.

и если буду жив, то непременно предложу усердное перо мое на описание французского нашествия; но мне нужны, любезный, сведения, без которых могу только врать: почему буду просить их etc.»³¹. Карамзин подчеркивает необходимость знания всех фактов, концепция у него уже есть: «Бог через нас истребляет всемирного злодея»³².

Шли годы, но мысль описать великие происшествия своего времени не становилась реальностью, хотя Карамзин поместил в записной книжке свои наброски к истории Отечественной войны. Как писал он Вяземскому, «мысль не дело; а дело будет не по нашим мыслям, а по уставу судьбы»³³. Карамзин уже не стремится быть советчиком императору Александру: «Государь займется основанием лучшей администрации. Я стараюсь ничего не желать, кроме добра царю и царству; не умничать, не предсказывать, не предвидеть, а все оставлять на волю Божию» (из письма к И. И. Дмитриеву от 26 декабря 1818 г.)³⁴.

Кончина Александра I обернулась для Карамзина окончательной невозможностью «быть историком нынешнего времени». В письме к П. А. Вяземскому от 31 декабря 1825 г. читаем: «Можно ли читать без умиления, что пишут об Александре умнейшие французы и англичане? Нам лучше безмолвствовать красноречиво. От русской фабрикации меня тошнит. Я не напишу ни слова: разве скажу что-нибудь в конце XII-го тома, или в обзоре нашей новейшей истории — через год или два, если буду жив. Иначе поговорю с самим Александром в полях Елисейских. Мы много не договорили с ним в здешнем свете». В этом же письме эмоциональная реакция на события 14 декабря: «Сколько горести и беспокорства в семействах. Еще не имею точного, ясного понятия об этом и злом и безумном заговоре. Верно то, что общество тайное существовало и что целию его было ниспровержение правительства. От важного к неважному: многие из членов удостоивали меня своей ненависти, или по крайней мере не любили; а я, кажется, не враг ни отечеству, ни человечеству. Слышно, что раскаяние некоторых искренно и полно. Бедные матери,

³¹ Там же. С. 181.

³² Там же. С. 169–170.

³³ Карамзин Н. М. Письма к князю Вяземскому (1810–1826) // Старина и новизна: Исторический сб.: В 22 кн. СПб., 1897. Кн. 1. С. 65.

³⁴ Карамзин Н. М. Письма И. И. Дмитриеву. С. 254.

жены, дети, младенцы! Не имея никакого политического влияния, молюся за Россию. Бог спас нас 14 декабря от великой беды. Это стоило нашествия французов: в обоих случаях вижу блеск луча как бы неземного. Опять могу писать свою историю: жив, жив, курилка!»³⁵

Но, постигая волю *провидения* и видя в ней причину всего происходящего, Карамзин не переставал быть историком, т.е. аналитиком времени, переживаемой или описываемой им эпохи. При полном, казалось бы, погружении в историю он никогда не отлучался от современности. Его тома были злободневны, как «свежая газета». По наблюдению А. С. Янушкевича, уже в неоконченном романе Карамзина «Рыцарь нашего времени» (1802–1803) появляется образ времени, «необычайно многоликий и подвижный»³⁶, который становится организующим стержнем произведения. Понимание взаимосвязи человека и эпохи проявилось и в осмыслении декабрьских событий. По воспоминаниям А. Е. Розена, Карамзин, «имевший доступ к государю, дерзнул замолвить слово, сказав: “Ваше величество! Заблуждения и преступления этих молодых людей суть заблуждения и преступления нашего века”»³⁷.

«Человеческий характер» истории и власть *провидения* над судьбами людей и царств не всегда обретали концептуальную целостность у историографа. Примером такого единства, когда совпали цель человечества и цель Бога, было для него правление Александра I и победа России в войне с Наполеоном. Но наступившая затем эпоха, декабрьское восстание, воцарение Николая I поколебали уверенность Карамзина в великом будущем России («Один Бог знает, каким будет новое царствование»³⁸).

Исповедуя провиденциализм в исторической реальности³⁹, Карамзин постепенно отходил от Боссюэ, приближаясь к историзму, к пониманию духа времени, своего века, но вновь и вновь убеждался в том, что постигнуть законы мирового существования, определяющие судьбы народов и государств, невозможно. Размышляя о движущих силах истории,

³⁵ Карамзин Н. М. Письма к князю Вяземскому (1810–1826). С. 169.

³⁶ Янушкевич А. С. Особенности романной эстетики в «Рыцаре нашего времени» Карамзина // Художественное творчество и литературный процесс. Вып. 1. Томск, 1976. С. 17.

³⁷ Розен А. Е. Записки декабриста. СПб., 1907. С. 112.

³⁸ Карамзин Н. М. Неизданные сочинения и переписка. Ч. 1. С. 20.

³⁹ См. цитированное выше письмо к Вяземскому от 31 декабря 1825 г.

о роли личности в историческом процессе, Карамзин писал: «Мы все как *муха на возу*: важничаем и в своей невинности считаем себя виновниками великих происшествий! — Велик тот, кто чувствует свое ничтожество — пред Богом!»⁴⁰ Ни циклическая, ни поступательная модели исторического процесса, к которым обращался Карамзин прежде, не оказались соответствующими тому, что он видел вокруг себя. Он окончательно уверился в том, что лишь за гранью земного бытия откроется *истина*. В ожидании этого можно чем-нибудь занять себя, хотя бы и описанием происшествий нынешнего и минувшего времени⁴¹, но без надежды постигнуть план *провидения*. Еще в 1819 г. он писал П. А. Вяземскому: «Живем здесь, как птенцы в яйце; смерть разбивает скорлупу; взглянем, оперимся и полетим! В ожидании сего времени или вечности, если угодно, будем заниматься кое-чем; вы — новою всемирною конституциею и стихами, я — старою российскою историею и прозою; а более всего станем любить жен, детей и добрых людей, к числу которых принадлежат наши друзья...»; «...Закрою глаза, для здешнего света, *roug voir plus clair* (дабы лучше видеть — *фр.*)»⁴², — пишет он А. И. Тургеневу 6 сентября 1825 г.

Незадолго до смерти Карамзин решительно отказался от продолжения работы над «Историей государства Российского». 20 апреля 1826 г., собираясь отплыть во Флоренцию, он пишет П. А. Вяземскому: «С этого места сорвала меня буря или болезнь, и я имею неописанную жажду к разительному новому, к другим видам природы, горам, лазури италианской etc. Никак не мог бы я возвратиться к моим прежним занятиям, если бы здесь и выздоровел»⁴³. 26 мая Карамзина не стало.

Открыв русскому читателю его историю, Карамзин пришел к выводу, что настоящее непознаваемо, а будущее непредсказуемо. Все это привело его к отказу быть историком и прошлого, и своей современности — и к жажде «разительно нового». Возможно, за гранью земного бытия.

⁴⁰ Карамзин Н. М. Неизданные сочинения и переписка. Ч. 1. С. 197.

⁴¹ Карамзин Н. М. Письма к князю Вяземскому (1810–1826). С. 90.

⁴² Письма Н. М. Карамзина к А. И. Тургеневу // Русская старина. 1899. Апрель. С. 229.

⁴³ Карамзин Н. М. Письма к князю Вяземскому (1810–1826). С. 173.

А. И. Кондратенко

«ЛИСТКИ ВОСПЛАМЕНИТЕЛЬНОЙ СИЛЫ» (ЛИТЕРАТУРНОЕ УЧАСТИЕ Ф. В. РОСТОПЧИНА В ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЕ С НАПОЛЕОНОМ)

Имя Федора Васильевича Ростопчина (1763–1826), одной из заметных фигур истории России на рубеже XVIII — XIX вв., нередко упоминается в исследованиях, посвященных Отечественной войне 1812 года¹. Военный губернатор Москвы, популярный публицист, искушенный царедворец... Консерватор по своим убеждениям, проницательный Ростопчин видел, какую разрушительную опасность представляют для российской элиты и для Российской империи в целом идеи Французской революции. Его тревожила явная популярность среди соотечественников лозунгов вольнодумства.

Там, где бессильно всё, всевластно и всеильно сатирическое слово. Ростопчин, прежде целые годы блиставший остроумным злословием во дворцах и салонах, после ухода в отставку искал единомышленников не только в ближнем окружении, но и во всем русском народе. Из-под его пера в начале XIX в. выходили разящие наповал сатиры и комедии. История повторялась: так было сто лет назад, когда дерзкие памфлеты будоражили Англию, так было недавно, когда слово электрической искрой пронизывало революционную Францию.

Ростопчин откровенно презирал Наполеона: «...Стоило ли жизни близ двух миллионов людей, потрясения всех властей и произведения

¹ *Тихонравов Н. С.* Граф Ф. В. Ростопчин и литература в 1812-м году // Тихонравов Н. С. Соч. М., 1898. Т. 3, ч. 1. С. 305–379; Отечественная война и русское общество: 1812–1912: В 5 т. Т. 4. М., 1912; *Жилин П. А.* Отечественная война 1812 года. М., 1988; *Овчинников Г. Д.* «И дышит умом и юмором того времени...» // *Ростопчин.* С. 3–16.

непонятных варварств и безбожия то, чтобы сделать из пехотного капитана императора и короля?»² И понимал всю трагичность положения России: «...Мы можем всегда спасти Англию, а она нас никогда»; «Министерство великобританское не более дорожит жизнью людей, чем хвостами лошадиными»³.

С течением времени сатира становилась всё острее, всё явственнее была потребность обратиться к народу: «Пора духу русскому приосаниться. Шепот — дело сплетниц»⁴. Однако его голос был приглушен не только светскими приличиями. После Тильзитского мира русская цензура начала преследовать любые публичные порицания Наполеона. Рассылались циркуляры: «выражения неприличны и предосудительны настоящему положению...», «строжайшим образом предписать...», «с наибольшею строгостью...», «не пропускать никаких артикулов, содержащих известия и рассуждения политические»⁵.

Ростопчин со своими выступлениями оказался своеобразным предвестником Отечественной войны. В генеральном сражении у Прёйсиш-Эйлау в январе 1807 г. была, наконец, опровергнута легенда о всепобеждающем военном гении Наполеона и его армии. Это и побудило Ростопчина написать брошюру под названием «Мысли вслух на Красном крыльце ефремовского помещика Силы Андреевича Богатырева» (СПб, 1807). Как потом он признавался, «небольшое сочинение, изданное мною в 1807 году, имело своим назначением предупредить жителей городов против французов, живших в России, которые старались приучить умы и мысли пасть перед армиями Наполеона»⁶.

Ростопчин творчески перенимает особенности сатирического стиля у англичан — авторов политических памфлетов. К тому же в его памфлетах звучат и суворовские интонации: Ростопчин пытается от имени великого полководца дать оценку событиям начала нового века. В брошюре впервые

² Цит. по: *Тихонравов Н. С.* Граф Ф. В. Ростопчин и литература в 1812-м году. С. 342.

³ Там же. С. 326, 348.

⁴ *Ростопчин Ф. В.* Письмо к С. Н. Глинке // Русское чтение. М., 1845. Ч. 1. С. 225.

⁵ *Скабичевский А. М.* Очерки истории русской цензуры (1700–1863). СПб., 1892. С. 107.

⁶ *Ростопчин Ф. В.* Правда о пожаре Москвы // Ростопчин Ф. В. Соч. СПб., 1853. С. 222–223.

появляется предшественник героев афиш 1812 года — ефремовский дворянин, отставной полковник, который воскликнул по поводу одолевавшей соотечественников моды: «Господи, помилуй! да будет ли этому конец? долго ли нам быть обезьянами? Не пора ли опомниться, приняться за ум, сотворить молитву и, плюнув, сказать французу: “Сгинь ты, дьявольское наваждение! Ступай в ад или восвояси, всё равно, – только не будь на Руси”. <...> Господи, помилуй! только и видишь, что молодежь, одетую, обутую по-французски; и словом, и делом, и помышлением французскую. Отечество их на Кузнецком мосту, а царство небесное Париж. <...> Ох, тяжело! дай Боже сто лет здравствовать государю нашему, а жаль дубины Петра Великого: взять бы ее хоть на недельку из кунсткамеры, да выбить дурь из дураков и дур»⁷.

Обаяние патриотических речей и чисто русского склада Силы Богатырева было столь велико, что Ростопчин моментально стал известен в качестве литератора. Русское общество (особенно купеческая среда) на ура встретило брошюру «Мысли вслух...», которая разошлась тиражом в семь тысяч экземпляров. По словам М. А. Дмитриева, «эта книжка прошла всю Россию; ее читали с восторгом! Голос правды, ненависть к французам, насмешки над ними и над русскими их подражателями, русская простая речь, поговорки — все это нашло отголосок в целой России, тем более что все здравомыслящие люди и самый народ уже ненавидели нашу галломанию. Ростопчин был в этой книжке голосом народа; немудрено, что он был понят всеми русскими. Оно же было и вовремя!»⁸.

В историю русской литературы вошел не только сам памфлет, но и подражания ему: «Мысли не вслух у деревянного дворца Петра Великого, что подле церкви Троицы на Петербургской стороне, или Послание Силы Сидоровича Правдина к Силе Андреевичу Богатыреву» А. Дмитриева (СПб., 1807), «Мысли для всех от сердца и души, или Послание украинского помещика, отставного капитана Трифона Сидоровича Правоговорова к старому сослуживцу своему и приятелю

⁷ *Ростопчин*. С. 148–149.

⁸ *Дмитриев М. А.* Мелочи из запаса моей памяти // Дмитриев М. А. Московские элегии. Стихотворения. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1985. С. 294.

Никите Севастьяновичу Праворусскому» М. С. Бранкевича (М., 1813). Драматург В. М. Федоров посвятил Ростопчину свою драму в одном действии «Прасковья Борисовна Правдухина» (СПб., 1814; написана в 1813 г.) с девизом «Русскому — русское».

Сила Богатырев стал главным действующим лицом и в одноактной комедии «Вести, или Убитый живой», которую Ростопчин сочинил в связи со слухами, окружавшими сражение при Прёйсиш-Эйлау. Пьеса, игранная в первый раз на императорском Московском театре 27 января 1808 г., была снята со сцены после трех представлений. Необычайно емко выразил Ростопчин в этой комедии свою любовь к родине: «...Я люблю все русское и если бы не был русский, то желал бы быть русским, ибо я ничего лучше и славнее не знаю. Это бриллиант между камнями, лев между зверьми, орел между птицами»⁹.

Из уст в уста передавалось то, как лихо прошелся Ростопчин в этой комедии по новомодным русским барыням и поклонникам Франции. Сила Богатырев восклицал:

«Да за что вы губите молоденьких девушек вашим безобразным одеванием? Это мерзкая мода обливает любовь и уважение холодной водою и, вместо того, чтобы привлекать, гонит прочь, и женихов ловят, как беглых. В старину, и не очень давно, у иной девушки в месяц не увидишь руки без перчатки, а нынче воображенью и догадке дела нет. Да, прежде сего одевались, а ныне раздеваются. Иная едет на бал, как модель для живописцев; другая из отцовского дома, как из кунсткамеры: на руке мешок с бельем, всё сквозит, всё летит; раз взглянул, точно как от купели принимал. <...> От безрассудного пристрастия и ослепления к иностранным мы обращаемся из людей в обезьяны, из господ в слуги, из русских в ничто. Этот разврат есть болезнь завозная, прилипчивая и иных у нас обезобразила так, что и узнать нельзя»¹⁰.

В том же духе отзывался о русских модниках И. А. Крылов в комедии «Урок дочкам» (1807), а в другой его комедии — «Модная лавка» (1806) — госпожа Сумбурова попросту саморазоблачалась, восхваляя старания жениха своей дочери: «Зятюшка-то мой, господин Недошкетов,

⁹ *Ростопчин*. С. 164–165.

¹⁰ Там же. С. 201–202.

будет у меня загляденье; он, моя жизнь, был в Лондоне, в Париже и заезжал в Европу, — уж нечего сказать, ученый человек, да эконом какой, и теперь для экономии остался в деревне; знаешь — все на иностранный манер, и сеет и жнет все по немецкому календарю; да полно, земля-то у нас такая дурацкая, что когда ему надобно лето, тут-то, как на смех, и придет осень, — разоренье, да и всё тут!»¹¹

Увы, никакие комедии и насмешки, никакие потрясения не смогли изменить отношение русского общества к новомодным веяниям. Литератор и страстный публицист, соратник Ростопчина С. Н. Глинка писал уже в конце 1830-х гг.:

«Решительно можно сказать, что сила заграничного оружия никогда *не успеет* (Курсив мой. — А. К.) внутри России, хотя бы и другой Наполеон предводил нашествием. Нашествие *мод* сильнее нашествия ратного. Потомство, может быть, будет этому удивляться; но мы видели, что нашествие исчезло, а моды остались»¹².

Глинка, издатель основанного в 1808 г. патриотического журнала «Русский вестник», признавался позднее, что на идею издания его натолкнули именно выступления Ростопчина. Уже в первом номере «Русского вестника» было опубликовано датированное 22 декабря 1807 г. «Письмо к издателям Устина Веникова из села Зипунова» (автором его, разумеется, являлся Федор Ростопчин):

«Милостивый государь мой издатель “Русского вестника”! Хотя я имел и сам человек с десятков заморских учителей, зевал на чужой земле и говорю на нескольких иностранных языках, но со всем тем Бог охранил меня от заразы. И я узнал свою отчизну, помня примеры предков <...>. А как заставить любить по-русски отечество тех, кои его презирают, не знают своего языка и по необходимости русские?»¹³

Журнал «Русский вестник», по сути, развивал идеи, высказанные в «Мыслях вслух...» Ростопчина. Главной своей задачей на издательском поприще Глинка считал поднятие народного духа на неизбежную войну с Наполеоном.

¹¹ Крылов И. А. Полн. собр. драматич. соч. СПб., 2001. С. 318.

¹² Глинка С. Н. Записки о Москве и о заграничных происшествиях от исхода 1812 года до половины 1815 года. СПб., 1837. С. 304.

¹³ Ростопчин. С. 155.

В 1812 г. назначенному на должность московского военного губернатора Ростопчину предстояло выполнить непростую, очень тяжелую по эмоциональной нагрузке роль. Чтобы успокоить москвичей и «действовать сообразно событиям», Ростопчин командировал в Смоленск полицейского офицера Вороненко. Посланец должен был получать у военного министра известия (добрые или худые) и по эстафете немедленно передавать их в Москву. Ростопчин установил порядок, при котором граф Н. И. Салтыков без промедления сообщал ему журнал боевых действий. Тотчас отдавалось приказание печатать эту информацию в Управе благочиния и раздавать по городу.

Первая афишка была напечатана 1 июля 1812 г. Она рассказывала о бравом мещанине Корнюшке Чихирине, который бросал вызов самому Наполеону: «Полно тебе фиглярить: ведь солдаты-то твои карлики да щегольки; ни тулупа, ни рукавиц, ни малахая, ни онуч не наденут. Ну, где им русское житье-бытье вынести? От капусты раздует, от каши перелопаются, от щей задохнутся, а которые в зиму-то и останутся, так крещенские морозы поморят...»¹⁴

Публичные выступления и практическая деятельность Ростопчина на посту военного губернатора Москвы вызывали ярость Наполеона. Прочтем, к примеру, статью в «Journal de l'Empire», которая была опубликована поистине «по горячим следам» после вступления в Москву: «Если бы можно было сомневаться в ужасном варварстве русских, то их образ действия в собственной их стране лучше убедил бы нас в оном, чем всё до сих пор напечатанное об их нравах. <...> Мы словно преследуем их лишь для того, чтобы защищать их от собственной их злобы, и наше войско, которому в опьянении победы можно было бы простить некоторые беспорядки, наступает лишь для того, чтобы спасти народ от неистовств того войска, которое должно было бы его защищать. Что случилось бы с образованною Европою, если бы в нее могли вторгнуться эти полчища грабителей? На это дают ответ развалины Рима и Италии. Варвары и ныне всё те же, как и во время оно. Если когда-либо была война народная, то такова, конечно, война, имеющая целью ниспровержение этого кровавого колосса, который уже в течение ста лет, при громе цепей, коими

¹⁴ Там же. С. 209.

он угрожает свободе Европы, и при свете факелов, коими он хочет озарить ее развалины, наступает на нас. <...> Но до того велик беспорядок в России, что наместник (Ростопчин. — А. К.) дерзает собственной властью устраивать шайки разбойников и злодеев и надеется защитить город, в коем не могла удержаться целая армия, с ватагою преступников. Никогда безумнейшая жестокость не изобретала более ужасного дела: имя человека, совершившего его, должно вызвать проклятия современников и отвращение потомства. <...> Но ужаснее всего то, что татарин, наместник Москвы, — от этого дела содрогнулись бы и людоеды — прежде всего велел зажечь ту часть города, в которой находились больницы, и что 30 000 раненых и больных, спасшихся от смерти в битве 7 сентября (при Бородине. — А. К.), нашли ее в пламени, зажженном их соотечественниками. Можно ли называть народом безумцев, сожигающих своих раненых? Нет, Европа с гневом призывает на них презрение всех образованных наций и проклятия грядущих столетий»¹⁵.

В то время как французы яростно ругали Ростопчина, называя его инициатором московского пожара, он сам с не меньшей ненавистью давал словесный отпор захватчикам. Москва была еще под властью врага, но уже рождались строки веры и надежды. В них было много архаики, похожей на церковную риторику. Обращаясь к языку предков, Ростопчин убежденно говорил людям о скоро грядущем очищении от скверны. В его афише, написанной уже после сожжения Москвы, но еще во время ее оккупации, есть много стилистических примет, которые предвосхищают стиль басен Крылова, а также советской публицистики времен Великой Отечественной войны:

«Крестьяне, жители Московской губернии! Враг рода человеческого, наказание Божие за грехи наши, дьявольское наваждение, злой француз взошел в Москву: предал ее мечу, пламени; ограбил храмы Божии; осквернил алтари непотребствами, сосуды пьянством, посмешищем; надевал ризы вместо попон; посорвал оклады, венцы со святых икон; поставил лошадей в церкви православной веры нашей, разграбил дома, имущества; наругался над женами, дочерьми, детьми малолетними;

¹⁵ Цит. по: Из воспоминаний Э. М. Арндта о 1812 годе // Русский архив. 1871. № 2. Стб. 95–97.

осквернил кладбища и, до второго пришествия, тронул из земли покойников, предков наших родителей <...>. Оставайтесь, братцы, покорными христианскими воинами Божией Матери, не слушайте пустых слов! Почитайте начальников и помещиков; они ваши защитники, помощники, готовы вас одеть, обусть, кормить и поить. Истребим достальную (т.е. оставшуюся. — А. К.) силу неприятельскую, погребем их на святой Руси, станем бить, где ни встренутся <...> а злодей француз — некрещеный враг. Он готов продать и душу свою; уж был и туркою, в Египте обасурманился, ограбил Москву, пустил нагих, босых, а теперь ласкается и говорит, что не быть грабежу, а все взято им, собакою, и все впрок не пойдет. Отольются волку лютому слезы горькая. Еще неделки две, так кричать “пардон”, а вы будто не слышите. Уж им один конец: съедят всё, как саранча, и станут стенью, мертвецами непогребенными; куда ни придут, тут и вали их живых и мертвых в могилу глубокую. Солдаты русские помогут вам; который побежит, того казаки добьют; а вы не робейте, братцы удалые, дружина московская, и где удастся поблизости, истребляйте сволочь мерзкую, нечистую гадину, и тогда к царю в Москву явитесь и делами похвалитесь»¹⁶.

Об афишах Ростопчина сохранились довольно противоречивые отклики. Одни свидетели тех горячих дней писали позднее, что это «мас-терская, неподражаемая вещь в своем роде! Никогда еще лицо правительственное не говорило таким языком к народу»¹⁷. Правда, тот же автор подчеркивал, что иным москвичам претило ростопчинское «хвастовство», и «язык их казался неприличным»¹⁸. «Пошлым и площадным» называл язык афиш А. Д. Бестужев-Рюмин¹⁹. По воспоминаниям других, «в среде мещан и купцов летучие листки читались с восторгом»²⁰, афиши «по справедливости заслуживают перейти в потомство»²¹.

¹⁶ *Ростопчин*. С. 219–220.

¹⁷ *Дмитриев М. А.* Мелочи из запаса моей памяти. С. 296.

¹⁸ Там же.

¹⁹ *Бестужев-Рюмин А. Д.* Краткое описание происшествий в Москве в 1812 году // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. 1859. Кн. 2. Отд. V. С. 77.

²⁰ *Снегирев И. М.* О простонародных изображениях // Труды общества любителей российской словесности при имп. Московском университете. М., 1824. Ч. 4. С. 144.

²¹ *Бантыш-Каменский Д. Н.* Биография графа Федора Васильевича Ростопчина, генерала инфантерии и московского главнокомандующего, впоследствии

В резко негативном свете Ростопчин выведен в романе «Война и мир» Л. Н. Толстого. Историк П. Н. Милюков был также категоричен: «В общественном слое, привыкшем стоять близко к власти, чаще всего и прочнее всего прививались идеи национального самовозвеличения, так тесно связанные с направлением внешней политики Екатерины. Отсюда выходили такие типичные националисты и враги Запада, как Ростопчин или Семен Воронцов»²². Для Милюкова патриотизм, опирающийся «исключительно на чувства», был не чем иным, как ультранационализмом.

Несколько язвительных фраз посвятил Ростопчину Н. Н. Булич, автор монографии «Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX века». Назвав Ростопчина «диким барином, испорченным крепостным правом», приписав ему «инстинкты чисто татарского свойства» и «жестокость башкира» (!), Булич вынес приговор: «Он сделал свое дело в свое время, но не был народным писателем, потому что не любил народа, не уважал ни его ума, ни сердца, а смотрел на народ как на грубую и темную массу, с которой можно поступать деспотически и произвольно»²³.

Профессор А. А. Кизеветтер ростопчинские «Мысли вслух...» назвал манифестом шовинистического национализма²⁴, а о самом авторе памфлета высказался не менее жестко: Ростопчин «выступил в 1806 г. духовным вождем национального шовинизма и социально-политической реакции»²⁵. Если вспомнить, что книга Кизеветтера «Исторические отклики» с монографическим очерком о Ростопчине была издана в 1915 г., в разгар первой мировой войны, можно представить, сколь зловеще была подана в этом контексте фигура типичного русского консерватора. Он представал в однозначной роли охранителя политического рабства, виновника национальной катастрофы:

обер-камергера // Бантыш-Каменский Д. Н. Словарь достопамятных людей русской земли. М., 1847. Ч. 3. С. 127.

²² Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры: В 3 т. М., 1993–1995. Т. 3. С. 379.

²³ Булич Н. Н. Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX века. 2-е изд. СПб., 1912. С. 389–392.

²⁴ Кизеветтер А. А. Исторические силуэты. Ростов-на-Дону, 1997. С. 218.

²⁵ Там же. С. 219.

«Своими стараниями разбудить в народе и обществе патриотический жар Ростопчин ломился в открытую дверь: нужна была вся самоуверенность презирающего народ бюрократа для того, чтобы прийти к мысли, что без жестов, прибауток и побасенок народ не пожелал бы отстаивать родину от вторжения иноземцев»²⁶.

В советское время историки вспоминали о Ростопчине крайне редко. Академик Е. В. Тарле для создания негативного портрета не пожалел мрачных красок, и чувство меры порой явно изменяло солидному ученому. Как иначе можно оценить почти площадную брань в адрес Ростопчина: «шарлатан, авантюрист в душе», «человек быстрого и недисциплинированного ума, остряк (не всегда удачный), крикливый балагур, фанфарон, самолюбивый и самоуверенный, без особых способностей и призвания к чему бы то ни было»? По словам Тарле, «он, ненавистник французов, ближе был — некоторыми чертами, по крайней мере своей психики — к худшему типу марсельца, южного француза, к болтуну, хвостуну, говоруну, легкомысленному вралю»²⁷.

Завершая эту статью, обратимся к воспоминаниям одного из участников великих событий 1812 года. Поэт Петр Вяземский писал, что афиши Ростопчина были «новым и довольно знаменательным явлением в нашей гражданской жизни и гражданской литературе. Знакомый нам Сила Андреевич 1807 года ныне повышен чином. В 1812 году он уже не частно и не с Красного крыльца, а словом властным и воеводским разглашает свои “Мысли вслух” из своего генерал-губернаторского дома на Лубянке. Карамзину, который в предсмертные дни Москвы жил у графа [Ростопчина], разумеется, не могли нравиться ни слог, ни некоторые приемы этих летучих листков. Под прикрытием оговорки, что Ростопчину, уже и так обремененному делами и заботами первой важности, нет времени заниматься еще сочиненьями, он предлагал ему писать эти листки за него, говоря в шутку, что тем заплатит ему за его гостеприимство и хлеб-соль. Разумеется, Ростопчин, по авторскому самолюбию, тоже вежливо отклонил это

²⁶ Там же. С. 309.

²⁷ Тарле Е. В. Отечественная война 1812 года: Избр. произв. М., 1994. С. 181–182, 185.

предложение. И признаюсь, по мне, поступил очень хорошо. Нечего и говорить, что под пером Карамзина эти листки, эти беседы с народом были бы лучше писаны, сдержаннее и вообще имели бы более правительственного достоинства. Но зато лишились бы они этой электрической, скажу: грубой воспламенительной силы, которая в это время именно возбуждала и потрясала народ. Русский народ — не афиняне: он, вероятно, мало был бы чувствителен к плавной и звучной речи Демосфена и даже худо понял бы его»²⁸.

Таким образом, крупный вельможа Ростопчин в час испытаний стал публицистом, народным глашатаем. Информационная война уже в начале XIX в. была составной частью грандиозного столкновения государств, элит, идеологий. Исход противоборства идей предопределял победу или поражение в целом.

²⁸ *Вяземский П. А.* Записные книжки // Русские мемуары. Избр. страницы: 1800–1825 гг. М., 1989. С. 551.

Калёнова Н. А.

ЯЗЫК ЛИЧНОГО ПИСЬМА (НА ПРИМЕРЕ ПИСЕМ В. С. НОРОВА РОДИТЕЛЯМ 1812–1813 гг.)

Важнейшее, судьбоносное событие в жизни страны становится таким и для каждой семьи. Война 1812 года нашла отражение не только в разных литературных жанрах, но, прежде всего, в документальных источниках. Если обратиться к воспоминаниям, автобиографиям и другим личным документам современников тех страшных событий, то, безусловно, картина времени станет более полной, выразительной. Лингвисты рассматривают личное письмо в разных аспектах¹. Лингвистический интерес к письмам обусловлен тем, что автор письма как уникальная языковая личность в языке созданного им произведения вербализует некие когнитивные структуры. Некоторый объем информации нуждается в том, чтобы передать его адресату. Возникшую коммуникативную цель адресант реализует в соответствии, с одной стороны, с его коммуникативной целью, с другой – со способностями и особенностями его как языковой личности. В механизме объективации этого ментального образования играют роль как собственно лингвистические факторы, так и экстралингвистические. Учет их взаимодействия — неперемнное условие лингвокогнитивного подхода.

¹ *Макаркина Ю. В.* Эпистолярное наследие Б. Пастернака: Композиционно-коммуникативные особенности и концептуальное содержание. Дисс. ... канд. филологич. наук. Орел, 2000; *Наумова Т. С.* Коммуникативное поведение Л. Н. Толстого: На материале эпистолярного наследия и мемуаров. Дисс. ... канд. филологич. наук. Тула, 2009; *Фесенко О. П.* Комплексное исследование фразеологии дружеского эпистолярного дискурса первой трети XIX века. Автореф. дисс. ... д. филологич. наук. Томск, 2009; *Фокина К. В.* Аксиологическая модель языковой личности в дружеском эпистолярном дискурсе: на материале писем швейцарского писателя XX в. Макса Фриша. Дисс. ... канд. филологич. наук. Саратов, 2010 и др.

Рассмотрим язык писем одного из участников войны 1812 года Василия Сергеевича Норова. Обратимся к публикации писем в седьмом выпуске альманаха «Российский архив»². Адресуя сообщение родителям, Василий Сергеевич крайне нежен и внимателен: «Здравствуйте, любезный папилька и любезная маминька, целую ваши ручки и прошу вашего благословения» (1812 г., Вильна)³. Находясь в гуще военных событий, адресант осторожен в выборе языковых средств. Безусловно, коммуникативная цель адресанта не столько рассказать о реальных фактах, о реальном положении дел, сколько успокоить родителей: «Поздравляю вас с радостью: братец оставлен в Москве, вылечен от раны и хотел скоро отправиться к вам. Сию приятную весть привез мне Парфен, с которым получил я ваши письма и посылки»⁴. В. С. Норов использует в тексте письма языковые единицы с положительным эмоционально-оценочным содержанием: «с радостью», «приятную весть». О лишениях и трудностях Норов не умалчивает, однако использует для объективации подобной информации устойчивые единицы, словно устраняющие личное причастие автора письма к событиям: «Я по милости Божьей до сих пор здоров, был под ядрами и пулями, но жив. Надеюсь, что и впредь сохранит меня Господь милостию своею»⁵. Даже говоря о сражении, явно кровопролитном и страшном, Василий Сергеевич избегает подробностей военных действий: «Последнее сражение, которое наиболее расстроило французов, было под Красным. Мы день и ночь преследовали неприятеля, наконец, под городом Красным недалеко от Смоленска настигли мы французскую армию. Сам Наполеон остановил ее и расположил в боевой порядок, но сильной огонь нашей артиллерии скоро принудил их к отступлению. Целой день продолжалась сильная канонада с обеих сторон. Наконец, велено нам было атаковать в штыки, и наш полк, построясь в колонну, первый на них ударил, закричав “Ура!”. Все, что нам сопротивлялось, положено было на месте.

² Норов В. С. Оригинальные письма из армии 1812–1813 гг. // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 1996. Вып. 7. С. 152–169 (публикация Ф. А. Петрова).

³ Там же. С. 154.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Множество взято в плен. Корпус фельд<маршала> Нея был отрезан и истреблен. Французы потеряли 200 пушек и 20000 пленных. Ночью я был послан со стрелками, чтоб выгнать из деревни остающихся французов. Они долго защищались, но мы, зажегши деревню, принудили их сдаться. Подле меня разорвало одну гранату, но мне не причинило никакого вреда»⁶. Подчеркнем, лексема «расстроило» автором используется применительно к неприятелям. В описании собственного участия в военных действиях Норов не использует эмотивно-оценочные единицы. Фразеология нейтральна: «день и ночь», «целой день», хотя, если вдуматься, чего только стоит это «мы день и ночь преследовали неприятеля»: сколько потерь, сколько усилий, мужества, физической и моральной силы! Обратим внимание на использование числительных: с редкой фактологической точностью адресант сообщает о потерях врага, но умалчивает о потерях своей армии. Ночное сражение, в котором принимал участие автор письма (а он был прапорщиком), описано так же скудно: «я был послан со стрелками», «они долго защищались», «но мы принудили их сдаться». И ни слова о том, какие чувства при этом он испытывал, о том, как гибли рядом товарищи, и т.д. Судя по письму, единственное, что произошло за всё это время, действительно угрожающее жизни, — это то, что «разорвало одну гранату», да и то «не причинило никакого вреда».

Анализируемое письмо — первое в публикуемой подборке. Война только началась, Василий Сергеевич поступил на военную службу и покинул дом родителей, где, безусловно, за него очень волновались. Если учесть такие экстралингвистические данные, что автору писем и участию войны было всего 19 лет, то становится понятно, каково могло быть волнение родителей за сына, тем более что другой их сын, Авраам Сергеевич, младше Василия на 2 года, к тому времени уже побывал в двух сражениях и был ранен⁷. Уважение вызывает настрой молодого гражданина: «Как можно думать о спокойствии и о жизни, когда дело шло до спасения отечества! Тот день, в которой я в первый раз был в сражении, был самый щастливый для меня в жизни. Любовь к отечеству, вера

⁶ Там же. С. 155.

⁷ См.: Там же. С. 150–152.

и честь — вот о чем помышлял я ежеминутно и часто даже не примечал падающие около меня ядра»⁸. Вот чем объясняет свои скудные описания военных действий адресант: тем, что он просто не замечал того, что происходит вокруг, тех страшных картин войны, думая о спасении отечества. Тем не менее, описывая свое первое сражение, Василий Сергеевич тщательно подходит к выбору языковых средств, что проявляется в отсутствии эмотивно-оценочных единиц в описании картин сражения. Если автор и использует эмотивно-оценочные единицы, то с положительным содержанием, если речь идет о нем или об армии, в которой он состоит, с отрицательным — если речь идет о неприятеле.

Несмотря на очевидную субъективность в освещении происходящих на поле боя событий, обусловленную комплексом экстралингвистических факторов и коммуникативных установок, в письмах В. С. Норова есть информация, позволяющая использовать ее для формирования реальной картины, для историографического описания войны 1812 года: «Извините, что нет времени более писать к вам. Сейчас на аванпостах начинается дело, сего дни должны мы получить 15000 свежего войска и пойдем завтра или послезавтра атаковать французов» (5 мая 1813 г., лагерь под Бауценом)⁹. О движении войск, в составе которых был Норов: «На сих днях получил я два письма от вас, чему чрезвычайно рад и вижу, что ваши письма гораздо вернее доходят сюда, нежели отсюда к вам, ибо вы пишете, что ничего от меня не получаете, а я писал к вам из Ляд, Вильны, Калиша, Силезии и Саксонии» (20 мая 1813 г., лагерь под Швейдницею)¹⁰. Или: «Притом мы стояли под Витебском верстах в 5 от французов, и велено даже нам было готовыми быть совершенно для вступления в дело; французы доходили до 2-х верст до нас, наш другой корпус, там их встретив, дал сражение, и от нас был виден огонь от стрельбы и ружейные выстрелы, а, смотря в подзорную трубу, видны были даже движения войск; раненых и пленных ежеминутно мимо нас провозили, совсем было доходило до нас и очень жаль, что не послали нас. Французов же опрокинули и прогнали. Сегодня к<нязь> Багратион с корпусом своим к нам

⁸ Там же. С. 154–155.

⁹ Там же. С. 157.

¹⁰ Там же.

присоединился. Платов там же» (Смоленск, 22 июля 1812 г.)¹¹. Всё так же отстраненно объективируя не самый простой период в своей жизни, Василий Сергеевич признается родителям: «Получил я, слава Богу, письмо ваше, можете поверить, как я оному рад был, не получая так давно от вас оных; также доволен, что могу и вам почаше писать, адресовав на имя графа Аракчеева письма. Целую ручки ваши за деньги <...>, ибо они мне довольно нужны, и непременно буду стараться умереннее употреблять оные. Я от того не мог писать вам некоторое время, что не было okazji и почты»¹². Автор писем искренне рад, получив письмо от родителей, ведь любая весточка из родного дома на войне дорогого стоит. Тем более от-
радно автору письма, что и он теперь может почаше писать письма своим родным: Василий Сергеевич знал, как волнуются за него родители и как важно успокоить их, сообщив, что он жив и здоров. И даже когда стало известно о ранении его брата, он постарался как можно осторожнее сообщить об этом родителям. Две коммуникативные цели преследует адресант: 1) сообщить о ранении (всё равно они узнают, так уж лучше подгото-
вить их, осторожно сообщить об этом); 2) успокоить родителей, пред-
ставить ситуацию недостойной волнения и тревоги, насколько это воз-
можно, так как ситуация уже завершена и жизнь их сына вне опасности: «Богу угодно было, чтоб братец пролил кровь свою за отечество и попал в руки неприятеля. Но сам братец пишет, что ему и всем раненым нашим офицерам весьма хорошо, доктора искусные и рана его заживает. – Он потерял только кисть ноги: сперва оторвало только ему носок, но отрезав немного повыше, его тем спасли» (10 октября 1812 г., на поле при реке Наре)¹³. Обратим внимание на использование фразеологической единицы «пролил кровь», что помогает адресанту достичь некоторого эффекта отстранённости. Кроме того, он включает в структуру высказывания эмо-
тивные единицы «весьма хорошо», «только» («потерял только кисть но-
ги»), «спасли». Далее он пишет: «Итак, кажется, по милости Божьей, бра-
тец не в самом худом положении: по окончании же войны будет возвра-
щен к нам, а может быть и скорее, по стараниям любезного князя Сергея

¹¹ Там же. С. 152–153.

¹² Там же. С. 152.

¹³ Там же. С. 153.

Сергеича. По крайней мере, к утешению нашему я извещу вас, что братец действовал столь отлично во время сражения, что обратил на себя внимание начальников и награжден орденом Святого Владимира с бантом и чином подпоручика»¹⁴. Василий Сергеевич более не акцентирует внимание родителей на самом ранении, а подробно описывает заслуги брата, с удовольствием рассказывает об авторитете, который он имеет среди сослуживцев. Трудно сказать с уверенностью, было ли содержание письма отражением истинного настроения его автора, испытывал ли сам Норов тревогу, волнение в связи с ранением брата. Можно только предположить, что: 1) Василий Сергеевич скрывает собственную тревогу, тщательно обдумывая структуру письма и подбирая соответствующие коммуникативному замыслу языковые единицы, либо 2) он действительно уверен в том, что рана неопасная, видя ежедневно гибель сотен людей, страдания тяжелораненых: «Всё, что случилось, то Богу было угодно, и христианину грех унывать и роптать на судьбу. Братец же ранен совсем неопасно, правда, как не жалеть, но вместе и не благодарить Господа Бога, что он сохранил его живым там, где 1100 офицеров остались на поле сражения. Еще Господь милосерд и услышал молитвы наши»¹⁵. Следуя тем же принципам, Василий Сергеевич сообщает о своем ранении: «Не скрою от вас, что я ранен пулею в ляжку в сражении 17-го августа под Теплицем, не скрою вам, что рана не легкая. Но опасности никакой нет. Теперь нахожусь я в городе Праге в Богемии и лечусь весьма спокойно, и по милости Божией все идет хорошо, доктора свое дело знают, а я уповаю всем сердцем на Господа Бога, на коего и вас прошу возложить всю вашу надежду. Явно до сих пор хранил меня святой его промысел. В трех больших сражениях оставался невредим, но в четвертом угодно было святой Его воле, чтоб я был ранен, и кто может роптать!» (17 сентября 1813 г.)¹⁶ Адресант лишь через месяц после ранения решает сообщить о нем родителям, когда реальная опасность уже миновала: «Рана моя ничего опасного не имеет, и доктора говорят мне, что так как я всегда себя берег и имею крепкое сложение, то рана моя скоро заживет. Я только месяц как

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 154.

¹⁶ Там же. С. 162.

ранен и уже гораздо лучше против прежнего. Почитаю себя щастливым, что пролил кровь за отечество и сделал довольно для своей чести, которая мне всего дороже»¹⁷. Таким образом, В. С. Норов, создавая текст письма, имеет две коммуникативные цели: 1) сообщить о каком-либо реальном событии; 2) с учетом возможной реакции адресатов (родителей, волнующихся за своих детей) воздействовать на их эмоциональное состояние (успокоить, постараться устранить тревогу, волнение, страх). В конечном итоге письмо родителям становится компромиссом в реализации этих двух целей.

Роль фразеологии в письмах чрезвычайно велика. Уже отмечалось, что использование фразеологических единиц позволяет автору добиться эффекта некоторой отстранённости. Наиболее частотными в личных письмах В. С. Норова родителям являются фразеологические единицы с компонентом «Бог»: «Я, слава Богу, по сих пор жив и здоров. <...> Прошу вас, папінька и мамінька, не беспокоиться обо мне – уже не раз Господь Бог спасал меня. Вы видите, я уже три раза был в сражении и слава Богу жив. Так и впредь надо надеяться на милость Божию» (18 февраля 1813 г., Елитов)¹⁸. Анализ материала показывает, что грань между фразеологическим значением и семантической структурой свободно-синтаксического словосочетания в употреблении автором единицы размыта: «Я слава Богу здоров и по сих пор не ранен, в чем я вижу один только промысел Божий, ибо редко бывали такие жаркие сражения, как у нас теперь» (20 мая 1813 г., лагерь под Швейднице)¹⁹. Или: «К папіньке и маміньке уж Бог знает сколько переписал писем. По крайней мере, ежели ты получишь письмо сие, то уведоми их, что нигде не был ранен и Слава Богу здоров» (из письма к А. С. Норову между 23 мая – 29 июля 1813 г.)²⁰. В первом примере актуализировано лексическое значение компонента «Бог» в смысловых структурах обеих фразеологических единиц. Фразеологическая единица «Бог знает» использована в значении «много», актуализации семантической структуры компонента «Бог» не наблюдается. Отметим также

¹⁷ Там же. С. 163.

¹⁸ Там же. С. 155–156.

¹⁹ Там же. С. 157.

²⁰ Там же. С. 160.

специфику включения фразеологической единицы «жив и здоров» в семантическую структуру высказывания: «Я по сих пор по милости Божией слава Богу жив и здоров» (5 мая 1813 г., лагерь под Бауценом). Или: «Я, слава Богу, по сих пор жив и здоров» (18 февраля 1813 г., Елитов). Если учесть, что одной из главных коммуникативных целей адресанта является сообщение адресату о том, что адресант жив (в первую очередь!) и здоров/не ранен, то данная фразеологическая единица актуальна в структуре высказывания, является одним из средств реализации коммуникативной установки. Указанные экстралингвистические факторы обуславливают структурные и семантические преобразования единицы, приводящие к буквализации: «Я по милости Божьей до сих пор здоров, был под ядрами и пулями, но жив» (1812 г., Вильна). Сравним с примером ещё более сложного преобразования фразеологической единицы: «В сражениях 2-го и 9-го мая я слава Богу не ранен, хотя и не ожидал остаться живым. В протчем всегда здоров как нельзя больше и весьма доволен как службою, так и начальниками своими» (26 июня 1813 г., Швейдниц)²¹. Как видим, адресант, тщательно относясь к выбору языковых средств, столь же точен и щепетилен в выборе фразеологии, гармонично сочетая всю возможную палитру языковых средств, позволяющих ему наиболее полно и эффективно реализовать коммуникативные цели.

В заключение хочется отметить, что личные письма (в данном случае письма В. С. Норова) — уникальный источник научных исследований. Особое место может занять лингвистическое изучение писем как документов личного происхождения, ведь анализ языка писем дает представление и о языковой личности автора письма, и об особенностях разговорного стиля того времени, и о коммуникативно-прагматических механизмах объективации некоторого объема информации, и т.д.

²¹ Там же. С. 160.

И. А. Айзикова

МЕМУАРЫ О ВОЙНЕ 1812 ГОДА В БИБЛИОТЕКЕ В. А. ЖУКОВСКОГО¹

Как было показано томскими исследователями, творчество В. А. Жуковского неотделимо от материалов его библиотеки, которая расширяет наши представления об эволюции мировоззрения поэта и его эстетическом развитии². Большой интерес, в частности, представляют сочинения о войне 1812 года, находящиеся в книжном собрании Жуковского, в первую очередь, сочинения мемуаристов. Внимание к запискам, очеркам, воспоминаниям об Отечественной войне определялось не только его личным участием и пониманием принципиального значения этого исторического события для России и Европы. Оно было связано и с художественными поисками писателя, отражавшими самые перспективные направления развития всей русской словесности, ее устремленность к факту, к историческому повествованию, к решению проблемы соотношения в художественном произведении невымышленного и субъективного.

Прежде всего следует подчеркнуть ценность имеющейся в книжном собрании Жуковского мемуарной литературы об Отечественной войне. Хронологически она принадлежит к самому раннему слою воспоминаний о событиях 1812 г., писанных военными и гражданскими лицами в гуще войны или по ее горячим следам и изданных в 1830-е гг. в связи с 25-летием победы русской армии над Наполеоном. Помет Жуковского в большинстве этих изданий нет, или они сводятся

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 11-04-00022а.

² См.: *Лобанов В. В.* История и состав библиотеки В. А. Жуковского // Библиотека В. А. Жуковского в Томске: В 3 ч. / Ред.: Ф. З. Канунова, А. С. Янушкевич, Н. Е. Разумова и др. Томск, 1978. Ч. 1. С. 3–14; *Канунова Ф. З.* Некоторые проблемы изучения библиотеки В. А. Жуковского // Там же. С. 14–24.

к нескольким записям, но листы всех книг разрезаны; у некоторых испорчены или вообще отсутствуют переплеты, обложки.

Реконструировать процесс чтения Жуковским мемуаров о войне 1812 года и понять смысл его рецепции этих сочинений при почти полном отсутствии непосредственных следов чтения представляется возможным именно в силу единства творческой и мировоззренческой эволюции поэта и «жизни» его книжного собрания. Как справедливо указывает Ф. З. Канунова, «библиотека Жуковского дает возможность наглядно увидеть и живо представить эстетическое развитие поэта на протяжении нескольких десятилетий»³. Оттолкнемся в своем анализе от того, что названные сочинения предстали перед Жуковским, с одной стороны, широкой панорамой исторической информации, достоверной и в то же время преломленной через личное восприятие мемуаристов, которую он мог соотносить с собственными воспоминаниями, с другой — не менее широким проблемным полем философских, эстетических, социально-исторических вопросов, обретших для поэта в 1830-е гг. принципиальный характер.

Интересно и то, что в состав библиотеки Жуковского входят мемуары, в которых центральное место занимают изображение и осмысление одних и тех же событий войны 1812 года, привлекающие внимание разным соотношением достоверности и субъективности повествования, разностью повествовательных стратегий, ориентированных на описание или на сюжетность, разной степенью известности авторов, их социальным положением, авторитетностью в обществе. Так, практически во всех мемуарах из библиотеки Жуковского описывается Бородинское сражение. Например, эта тема является главной в «Очерках Бородинского сражения» Ф. Н. Глинки⁴. Воспоминания Глинки были прочитаны Жуковским с большим вниманием. Об этом свидетельствует характер его помет. На с. 64 и 107 исправлены опечатки. На с. 34

³ Канунова Ф. З. Некоторые проблемы изучения библиотеки В. А. Жуковского. С. 16.

⁴ Очерки Бородинского сражения. Воспоминания о 1812 годе. Сочинение Ф. Глинки, автора «Писем русского офицера». М., 1839. Ч. 1–2 (см.: Библиотека В. А. Жуковского: Описание / Сост. В. В. Лобанов. Томск, 1981. С. 20, № 77). Далее при цитировании в тексте статьи в скобках указываются часть и страница.

примечание «Последние слова раненого полковника»⁵ уточнено Жуковским: «Монахтина»⁶. На с. 46 на полях против описания генерала Ермолова читаем запись: «отсюда читать примечание 5-ое».

«Очерки...» начинаются описанием соединения войск под Смоленском в июле 1812 г. Яркая зарисовка передает настроение русских солдат, собравшихся под стенами древнего города перед сражением: «Солдаты наши желали, просили боя! Подходя к Смоленску, они кричали: “Мы видим *бороды наших отцов!* пора драться!”» (Ч. 1, с. 8). Двадцатью годами ранее, в сборнике Ф. Н. Глинки «Подарок русскому солдату» (СПб., 1818), была опубликована посвященная этому же событию знаменитая «Солдатская песнь, сочиненная и петая во время соединения войск у города Смоленска в июле 1812 года». Картина, нарисованная в «Очерках...» в 1830-е гг. по памяти, по сравнению со стихотворением, созданным в 1812 г., очевидно более детальна, конкретна, но при этом читателю невозможно не заметить субъективность видения события, выдвинутую в стихотворении на первый план и повторенную в мемуарах, хотя и размытую там деталями эпического повествования. Такая особенность мемуаров, сближающая их с лирикой, вполне могла определять специфику рецепции Жуковским воспоминаний не только как исторического источника, но и как перспективного для собственного творчества и развития русской литературы в целом жанра.

В повествовании об историческом событии у Глинки всегда акцентирован его субъект, что, соответственно, подразумевает изображение фактов как экстраординарных, не предполагающих отстраненного объективного описания. Рассказ Глинки строится на ярких образах и сравнениях. Так, описание французской оккупации запоминается читателю образом «страшной занозы», проникающей «в здоровое тело России» (Ч. 1, с. 6). Далее Глинка подчеркивает апокалиптичность событий, происходивших в России летом 1812 г.: «какое-то особенное время» «всеобщего перемещения», «смешения языков» и т.п.

В «Очерках...» Глинки Жуковского могли привлечь и воспомина-ния о конкретных фактах и лицах. Так, нервом первой части является

⁵ К фразе в основном тексте «Наши дрались как львы: это был ад, а не сражение».

⁶ Ф. Ф. Монахтин — командир Московского полка.

подробнейшее описание «Бородинской позиции», какой ее запомнил автор 22–23 августа 1812 г. Эта картина уводит автора в рассуждения об истории общей и частной. Вторая часть книги полностью посвящена описанию самой битвы, которая, по словам Глинки, «не должна идти в разряд ни с какою другою» (Ч. 2, с. 29). Что касается изображения реальных исторических лиц, то в первую очередь мемуарист сосредоточен на фигуре М. И. Кутузова. Он подчеркивает его нравственную силу, питаемую всенародной поддержкой и доверием. Образ Кутузова, его масштаб, показанный в воспоминаниях Глинки, очень близок тому, что мы встречаем в поэтической антологии, посвященной «незабвенному 1812 году»⁷. В нее вошло более двух десятков произведений о гениальном полководце, которые складываются в летопись его жизни, начиная с избрания в июле 1812 г. на Собрании дворянства и купечества начальником Петербургского, а потом и Московского ополчения.

Интересно сравнить мемуары Глинки с тем, что примерно в одно время с ним вспоминал о Бородинском сражении Жуковский в письме к великой княгине Марии Николаевне. Жуковский тоже пишет о ночи накануне сражения — ночи, «овладевшей небом, которое было темно и ясно, и звезды ярко горели; зажглись костры, армия заснула вся с мыслью, что на другой день быть великому бою». Жуковский вспоминает тишину, воцарившуюся тогда повсюду, распростершуюся «над двумя армиями, где столь многие обречены были на другой день погибнуть»: в этом, по мнению поэта, «было что-то роковое и несказанное». И далее описывает сам бой, «кровавую свалку», за которой следил, находясь в резерве на левом фланге»⁸. А в стихотворении «Бородинская годовщина», написанном в августе 1839 г., Жуковский назовет поименно многих, отличившихся в сражении: М. И. Кутузова, М. Б. Барк-лая-де-Толли, П. П. Коновницына, Н. Н. Раевского, М. И. Платова, М. А. Милорадовича, Д. С. Дохтурова, П. А. Строгано-ва, Э. Ф. Сен-При, С. Н. Ланского, А. П. Тормасова, Д. П. Неверов-ского, А. Ф. Ланжерона, Л. Л. Бенигсона, Д. В. Давыдова, П. И. Багратиона. Эти же имена указывает Глинка в своих очерках. Он описывает, например, Коновницына, «истого

⁷ Собр. стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. М., 1814.

⁸ Жуковский В. А. Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб., 1902. Т. 12. С. 53.

представителя тех коренных русских, которые с виду кажутся простаками, а на деле являются героями» (Ч. 1, с. 22; ср. у Жуковского: «Дерзкой бодростью дививший <...>, Коновницын, ратных честь»⁹), военную операцию, проведенную под командой Платова, о которой вспоминает и Жуковский, пишет о батарее Дохтурова и т.д. Называет в своих очерках Глинка и имя Жуковского: «В числе молодых людей, воспитанников Московского университета, чиновников присутственных мест и дворян, детей первых сановников России, пришел в стан русских воинов молодой певец, который спел нам песнь, песнь великую, святую, песнь, которая с быстротою струи электрической перелетала из уст в уста, из сердца в сердце; песнь, которую лелеяли, которою так тешились, любовались, гордились люди XII года! Этот певец в стане русских был наш Кернер, В. А. Жуковский. Кто не знает его песни, в которой отразилась высокая поэзия Бородинского поля?» (Ч. 1, с. 20). Сравним этот фрагмент с тем, как в «Подробном отчете о луне» (1820) Жуковский описывает вечер, когда в лагере под Тарутином он читал свои стихи: «В рядах отечественной рати, / Певец, по слуху знавший бой, / Стоял я с лирой боевой / И мщенье пел для ратных братий»¹⁰.

Заботясь об исторической достоверности своих очерков, Ф. Н. Глинка приводит фронтовые записи, ссылаясь на документы, в частности, на донесения Кутузова императору, на собственные «Письма русского офицера», созданные «по горячим следам» событий, а также на чужие мемуары — «Рассказ артиллериста о деле Бородинском» Николая Любенкова (СПб., 1837). Эта книга есть в библиотеке В. А. Жуковского¹¹. Ее содержание, описание в ней событий от лица малоизвестного участника, одного из многих, чье имя не запомнилось, сам принцип изображения истории («передаем, как чувствуем») не могли не привлечь внимания Жуковского. Поразительно совпадение общего пафоса «Рассказа...» Любенкова с главной идеей воспоминаний о Бородинском сражении Жуковского: авторы размышляют об обреченности в ситуации войны множества людей на гибель и воспевают мирную жизнь.

⁹ Жуковский. Т. 2. С. 318.

¹⁰ Там же. С. 197.

¹¹ Библиотека В. А. Жуковского: Описание. С. 38, № 201.

В «Записках о 1812 году Сергея Глинки, первого ратника Московского ополчения» (СПб., 1836), которые также входят в состав библиотеки Жуковского¹² и по праву считаются русской мемуарной классикой, во многом опередившей отечественную прозу, тема Бородинского сражения рассмотрена в контексте событий 1812 г. Представляя массу исторически достоверных материалов, эти записки отличаются личностным взглядом на картину войны, в фокус которого вошли и конкретные факты, и поведение человека на войне, и мир его переживаний (что, по видимому, больше всего ценилось Жуковским). Записки С. Н. Глинки запечатлели голос штатского человека, вступившего в военные действия по зову совести и гражданского долга, и в силу этого они, конечно, отличаются от офицерских записок его брата.

С. Н. Глинка запечатлел в подробностях весь ход событий 1812 года: воззвание Александра I к москвичам от 6 июля 1812 г., московское ополчение, взятие Смоленска, партизанскую войну, Бородинское сражение. Одним из самых трагических событий 1812 г. представлено оставление Москвы.

Интересно, что С. Н. Глинка, как и брат его, в своих записках о 1812 г. упоминает Жуковского: «С пламенной душой поспешил он к развевающимся знаменам русским. Парение духа его усиливалось полетом необычайных событий. Он видел сподвижников новой, небывалой дотоле войны на лице земли. Он вник в душу каждого из них и в песнях своих передал им блеск их доблестей, в тех песнях, которые сливались с громами пушечными. Пылкая душа окрылялась, видя сотоварищей юных дней своих, летевших на смерть или к победе»¹³.

Книга, содержащая еще одно мемуарное сочинение С. Н. Глинки — его знаменитые «Записки о Москве...»¹⁴, пришла к Жуковскому по подписке. Среди подписавшихся на нее, кроме Жуковского, были императрица Александра Федоровна, великий князь Александр

¹² Там же. С. 339, № 2499.

¹³ Записки о 1812 году Сергея Глинки, первого ратника Московского ополчения. СПб., 1836. С. 169.

¹⁴ Глинка С. Н. Записки о Москве и о заграничных происшествиях от исхода 1812 до половины 1815 года. СПб., 1837 (Библиотека В. А. Жуковского: Описание. С. 19, № 73). Далее сочинение С. Н. Глинки цитируется по этому изданию с указанием страниц в тексте.

Николаевич, великая княгиня Мария Николаевна, князя А. Н. Голицын, П. М. Волконский, П. А. Вяземский, митрополит Филарет, А. А. Вельяминов, Н. М. Лонгинов, П. А. Плетнев, М. Ю. Виельгорский, Н. И. Греч, А. Ф. Воейков, Ф. Н. Глинка, И. В. Киреевский, Н. А. Полевой и др. Сам круг названных имен показателен для характеристики рецепции книги С. Н. Глинки в России. Она открывается эпитафиями из стихотворений Г. Р. Державина и М. В. Ломоносова, объединенных общераспространенным взглядом на Россию как защитницу Европы. Раздел мемуаров, озаглавленный «Записки о событиях заграничных и происшествиях московских 1813, 14 и до половины 15 года», в котором изложена историческая концепция Глинки, открывается предисловием, где автор утверждает, что его записки вышли «из незабвенного времени, ему и должны принадлежать» (С. II). И далее это «незабвенное время» характеризуется через категорию «духа самоотречения, восставшего тогда за жизнь отечества», который «будет переходить из века в век до тех дней, доколе не исчезнет в душе сила нравственная, охраняющая народы и человечество» (С. III). Здесь обозначен краеугольный камень романтического понимания истории, близкого и Жуковскому: ее нравственный смысл и важнейший, в представлении Глинки, двигатель исторического развития — народный «дух», народное единство в достижении высоких целей истории.

Особый интерес в «Записках о Москве...» представляют «дополнительные статьи». Среди них — статьи о Наполеоне и Александре I, которые, по мнению автора, в годы Отечественной войны боролись как «сила и доверие человечества к любви к человечеству» (С. 227). Глинка цитирует стихотворения Карамзина («Освобождение Европы и слава Александра I») и Жуковского («К императору Александру») как бы в подтверждение, что его взгляды отражают некую общую точку зрения.

Еще одна книга из библиотеки Жуковского о событиях, произошедших после Бородинского сражения, — поэма «Москва и Париж в 1812 и 1814 годах» А. А. Шаховского (СПб., 1830)¹⁵. Она могла привлечь поэта по ряду причин. Во-первых, его должен был заинтересовать

¹⁵ Библиотека В. А. Жуковского: Описание. С. 70, № 444.

сам замысел художественного произведения об исторических событиях, которые еще не ушли в прошлое. В этом отношении интересно письмо Жуковского М. Н. Загоскину от 12 января 1830 г., в котором поэт высказывает свои сомнения и опасения по поводу задуманного Загоскиным романа о 1812 г.: «...не хочу с вами спорить; но боюсь великих предстоящих вам трудностей. Исторические лица 1612 года были в вашей власти, вы могли выставлять их по произволу; исторические лица 1812 года вам не дадутся! С первыми вы легко могли познакомить воображение читателя, и он, благодаря вашему таланту, уверен с вами, что они точно были такими, какими ваше воображение их представило ему; с последними этого сделать нельзя: мы знаем их; мы слишком к ним близки; мы уже предупреждены на счет их, и существенность для нас загородит вымысел»¹⁶. Кроме того, обращает на себя внимание авторский подзаголовок к поэме: «Воспоминания, в разностопных стихах», указывающий на органичное сочетание мемуарного нарратива с разностопным стихотворным размером. В «Предисловии», которое носит программный эстетический характер, Шаховской объясняет это так: «...писал, как чувствовал <...>. Начав в минуту восторга, порожденного воспоминаниями, <...> я не думал ни о форме, ни о заглавии моего сочинения, и еще не знаю точно, принадлежит ли оно к классическому или романтическому роду». И далее: «...я желаю душевно, чтобы сведущие словесники признали разностопное стихосложение красивым свойством нашего рифмического стиха»¹⁷. Наконец, поэма Шаховского могла быть интересна Жуковскому синтезом лирических отступлений и эпических картин, а также обширными прозаическими примечаниями к стихотворному тексту, где автор восторженно рассуждает о политике Петра I, по контрасту с которым характеризует Наполеона, приводит множество конкретных деталей, представляющих вступление русской армии в Париж, размышляет об «Энциклопедии» Дидро и ее роли в подготовке революции и т. д.

Примечательна и последняя (по времени публикации) книга о войне 1812 года из библиотеки Жуковского: «Разговор Неаполитанского

¹⁶ В. А. Жуковский: Эстетика и критика. М., 1985. С. 371–372.

¹⁷ Шаховской А. А. Москва и Париж в 1812 и 1814 годах. СПб., 1830. С. 6.

короля Мюрата с генералом графом М. А. Милорадовичем на аванпостах армии 14 октября 1812 года. (Отрывок из воспоминаний 1812 года)» А. Я. Булгакова¹⁸. Она открывается рассуждением автора о роли воображения в описании исторических событий, о соотношении в историческом нарративе занимательности и исторической правды: «Кажется, что писатели нашего времени <...> приняли правилом отвергать по произволу исторические и достоверные материалы и пользоваться сомнительными документами, лишь бы сходны были они с духом и чувствами, коими руководствуется перо их» (С. 2).

Центром воспоминаний Булгакова становится рассказ о том, как он случайно услышал историю о встрече Мюрата и Милорадовича, который объезжал свои передовые посты, о том, как, узнавши друг друга, они «переключались и обменялись несколькими фразами» (С. 15). И далее Булгаков посвящает читателя в процесс перерождения исторического факта в художественный вымысел. Желая позабавить большого Ф. В. Ростопчина, Булгаков придумал разговор, якобы состоявшийся между «любимцем Наполеона и любимцем Суворова», в котором Ростопчин без труда разгадал вымысел. Однако, дослушав историю до конца, он предложил автору опубликовать ее: «Пусть басенка эта ходит по рукам; пусть читают ее; у нас и у французов она произведет действие хорошее» (С. 17). С благословения Ростопчина Булгаков отправил свой рассказ к А. И. Тургеневу, презентовав его как «новость, только что из армии полученную», и «не прошло двух недель, как разговор короля Мюрата с графом Милорадовичем был напечатан в “Сыне отечества”» (С. 17). Спустя несколько лет, читая историческое сочинение «L'Europe pendant le Consulat et l'Empire de Napoléon par Capefige», Булгаков обнаружил в XI главе 9-го тома весь этот вымышленный им разговор уже на французском языке, передаваемый Капфигом «довольно верно», но как реальный исторический факт. Причем Капфиг указывал, что он заимствовал этот разговор из депеши лорда Каткарта, бывшего в то время английским послом в Петербурге. «Et voila comme on écrit l'histoire!» — этой французской поговоркой Булгаков начал и закончил свои воспо-

¹⁸ Оттиск из журнала «Москвитянин». 1843. № 2 (Библиотека В. А. Жуковского: Описание. С. 13, № 29а).

минания, оформив их в значимую, по-видимому, для него кольцевую композицию.

Таким образом, включив рецепцию мемуаров о войне 1812 года в контекст мировоззренческих и творческих поисков Жуковского 1830-х гг., можно сделать вывод о том, что проблема историзма художественного сознания являлась для поэта-романтика важнейшей в осмыслении русско-европейской истории и в ее изображении в литературе. Все сочинения об Отечественной войне, имевшиеся в книжном собрании Жуковского, воспитывают отношение к современности (или к недалекому прошлому, которое все еще хорошо помнят) как к истории, являющей собой непрерывный процесс, движимый вечным столкновением добра и зла, мира и войны, смысл которой — нравственное восхождение человека и общества к идеалу.

Т. П. Нестерова

ЛИТЕРАТУРНЫЕ МАСКИ РУССКОГО ПЕВЦА В ПОЭЗИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

Среди множества героев в поэзии Отечественной войны 1812 года особое место занимает русский певец, являющийся носителем авторской оценки. Создавая свои произведения, поэты ориентировались на сложившуюся традицию в зарубежной и в особенности в русской литературе предшествующих десятилетий, на которой, думается, следует остановиться подробнее.

С конца XVIII в., предвосхитив появление Бояна¹, в русской поэзии начинает активно использоваться имя Оссиана, пришедшее из западноевропейской литературы. Сначала в Англии, а затем во всей Западной Европе получили широкую известность поэмы Д. Макферсона «Фингал» (1761) и «Темора» (1763), в 1765 г. появившиеся под общим заглавием «Сочинения Оссиана, сына Фингала». Культ Оссиана быстро проник в Россию через переводы Е. И. Кострова, Н. М. Карамзина, И. И. Дмитриева. Только к середине девятнадцатого столетия было обнаружено, что в основе сборника лежит фальсификация Макферсона, создавшего произведения на основе древних сюжетов. У русских поэтов и их читателей до той поры не возникало никаких сомнений в подлинности находок Макферсона. Даже в 1842 году в «Москвитянине» с удовольствием отмечалось, что Петрик Мекгрегор в связи с сочинением г-жи Тальвы, в котором она объявила о «подложности оссиановых песен и особенно макферсонова Оссиана», «издал новые исследования об этом предмете, где, кажется, неоспоримо доказывает, что песни Оссиана

¹ В цитатах сохранено авторское написание слова, а в самой работе оно пишется как имя собственное, с буквой «о».

действительно подлинны, и что Макферсон нисколько не заслуживает возводимого на него обвинения в литературном подлоге»².

Думается, что истолкование генезиса оссианизма в русской поэзии и литературе в целом напрямую зависит от осмысления национально-исторических истоков, приведших к появлению феномена Бояна. Недостаточные знания отечественной истории породили необходимость искать ее источники, говоря словами П. А. Вяземского, «в баснословных преданиях народа, имеющего нечто общее с ее народом»³. Специфика русского оссианизма заключается в том, что с вовлечением образа Бояна в поэзию «чистый» оссианизм исчезает из нее, заменяясь взаимовлиянием и взаимозамещением образов северного барда, скальда и русского певца. В. И. Маслов, отмечая изменение взглядов Н. М. Карамзина на поэзию Оссиана, обратил внимание на то, что до появления первого печатного известия об открытии «Слова о полку Игореве» (в гамбургском журнале «Spectateur du Nord» в октябре 1797 г.) отзывы об Оссиане были полны восторженности, а с конца 1790-х гг. происходит более критическое усвоение оссиановских традиций: иногда высказывается неудовольствие по поводу стилевого однообразия и религиозной безыдейности его поэзии⁴.

Имея о певце Бояне скудные сведения из единственного источника — «Слова о полку Игореве», — поэты начала XIX в. оказывались в ситуации, когда вымышленная реальность превалировала над объективной действительностью. Это было связано и с мироощущением русского человека той поры, только начинающего вглядываться в отечественную историю, а потому принимающего ее в идеальном свете. В ту «глянцевую картинку», какой представлялась национальная старина, удачно вписался образ юного певца — именно таким часто изображался Боян поэтами той поры. Это «житель юный брегов Ильменя» по имени Всеглас из поэмы А. Н. Радищева «Песни, петье на состязаниях в честь древним славянским божествам» (1800–1802), один из «киевских Баянов» по имени Певислад из поэмы А. Х. Востокова «Певислад и Зора» (1804). Однако уже

² Москвитянин. 1842. № 1. С. 329.

³ Вяземский П. А. О жизни и сочинениях В. А. Озерова // Вяземский П. А. Соч.: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 26.

⁴ Маслов В. И. Оссианизм Карамзина. Прилуки, 1928. С. 12–16.

в этих произведениях заметны патриотические мотивы. В поэме Радищева песни исполняются не для развлечения слушателей – в них прославляются древние герои или воспевается «слава богов».

Понимая, что наличие лишь интимно-личных переживаний и поступков делает героя мелким, несоизмеримым со званием певца, Востоков в поэме через прием «рассказа в рассказе» домысливает героические моменты его биографии: Певислад — «с князем Ольгом на войне Буй-тур». Но это событие находится за границей сюжета. В большей степени принципом духовного родства с героем «Слова о полку Игореве» Востоков руководствуется при создании общей характеристики образов «киевских Баянов». В поэме они выступают хранителями национальных традиций и порядка в княжестве, благодаря чему «люди киевски» живут счастливо.

В поэме Востокова «Светлана и Мстислав» (1802) певцы, появляющиеся лишь в двух эпизодах, играют весьма важную роль в раскрытии идейного смысла произведения. Сначала они воспринимаются лишь певцами в анакреонтическом духе, поскольку проясняют любовную коллизию («И брачну песнь поют Баяны»). Однако мощный заряд историзма, заложенный в эти образы, поднимает их над другими персонажами и над частными переживаниями Светланы, Мстислава, Владимира. С изображением певцов, а не князей связана проблема национального единства и целостности рубежей отечества, эскизно намеченная в поэме. Если для Владимира и Мстислава важным является то, чтобы Светлана находилась именно в его уделе, а не в уделе соперника, то для певцов эти княжества не противопоставлены друг другу; они представляют единое пространство русской земли — прекрасной, богатой, изобильной. Хорошо жить «в Киеве счастливом», но и «остров» молодого князя Мстислава «пажитями красен», и «престольный град его обилен, весел, безопасен». Тем самым конфликт сужается, перемещаясь из рула княжеских междоусобиц на уровень личных драматических отношений.

Культурно-исторические корни, идущие от «Слова о полку Игореве», скрестившись с оссиановскими мотивами, размыли в культурном сознании границы между образами Бояна и Оссиана. Это самым непосредственным образом преломилось в поэзии В. А. Жуковского 1800-х гг. и позднее — во время Отечественной войны 1812 года. В «Песне Барда над гробом славян-победителей» (1806), посвященной антинаполеоновской военной кампании, которую вели в качестве союзников Россия

и Австрия, В. А. Жуковский, называя героя Бардом, наделяет его чертами, идущими и от поэм Макферсона, и от «Слова о полку Игореве». Это особенно ярко проявляется в портрете («венчанный сединою», «могучими перстами») и в определении *вещий*, семантически тяготеющем к памятнику древнерусской словесности. Да и воинский плач, лежащий в основе стихотворения, соединенный с мотивами прославления павших на поле боя ратников, имел место в древнерусской литературе.

Жуковский совершил прорыв в русской поэзии тех лет, «узаконив» литературный статус Бояна в качестве мудрого старца, являющегося носителем «духа» народа, его персонифицированным воплощением. Творческая самореализация поэта отвечала не только чисто художественным задачам, но и согласовывалась с динамикой времени. Достаточно безмятежный период в России внезапно миновал к середине 1800-х гг., к началу войн с Францией. Юный герой, представленный в поэмах Радищева и Востокова, уже не мог отвечать требованиям эпохи — и это является важным аргументом в пользу литературной самостоятельности образа, созданного Жуковским.

Однако, соединившись с сюжетами из русской истории, оссиановские сюжеты не уходят из литературы, о чем свидетельствует устойчивый поэтический дуэт Оссиана с Бояном в произведениях той поры. Один северный певец уже не удовлетворяет эстетическим пристрастиям, характерным для русской жизни накануне Отечественной войны 1812 года. Парность оказалась необходимой и для образа Бояна. За ним закрепляется поэтическая репутация певца духовно-национальных и государственных ценностей, которая давно была утверждена за шотландским бардом. Тревожные предчувствия, пронизывающие общество, заставляли поэтов жить ощущением родовой, генетической связи с прошлым, искать в истории России оберегающий народ идеал, способный помочь ему выстоять, не потерять самобытности.

В отрывке из поэмы А. А. Палицына «Димитрий Донской» (1808), повествующем о русской земле накануне Куликовской битвы, автор не жалеет темных красок для нагнетания тягостного ощущения всеобщей трагедии, акцентируя внимание на разрушении институтов государственности во времена, когда русские князья, «венчанные главы», защитники свободы, прав, законов, должны «кумиров гнусных чтить». «Боян и Оссиан забвенья стали жертвы», — с горечью констатирует поэт.

Литературный ход, осуществленный Палицыным в отношении Бояна и Оссиана, в высшей степени знаменателен, поскольку приобретает особый принципиальный смысл в связи с постижением глубинного архетипа национального сознания – государственного мировоззрения. Для Бояна (речь, безусловно, идет именно о нем, поскольку другое имя в данном случае есть лишь литературная маска русского героя), являющегося выразителем народного мироощущения, нет больше повода для песен: Русь поругана иноземцами, ее властители «свергались силою иль через ковы с тронов»⁵. Да и некому стало его слушать. Хаос в отечестве опустошил души людей, забывших своего звонкоголового певца.

В 1808 г., когда было опубликовано произведение Палицына, идеи, заложенные в нем, воспринимались злободневно. Стало очевидным, что войны на территории России, несравненно более страшной, чем предшествующие сражения с французами на полях Европы, не избежать. Впрочем, сами по себе мысли, озвученные Палицыным, не были открытием для русских людей.

Отечественная война 1812 года дала новый всплеск интереса к герою-певцу. Этот образ оставил глубокий след в художественном сознании В. А. Жуковского 1800-х годов и вошел в ряд его произведений 1810-х гг., среди которых самым известным, разумеется, является «Певец во стане русских воинов» (1812).

Военная угроза со стороны Франции, а затем и война с ней обратили поэтов к прямым агитационно-воспитательным и пропагандистским задачам. В письме к А. И. Тургеневу от декабря 1806 г. В. А. Жуковский писал по поводу манифеста об образовании ополчения: «Вообще написан хорошо; но вы забыли <...>, что вы говорите с русским народом, следовательно, не должны употреблять языка ораторского, а говорить простым, сильным и для всех равно понятным. Нынче и тот, кто привык читать и знает риторiku, пленяется меньше украшениями, нежели простотою. <...> Для простого народа и для большей части высшего дворянского сословия важнейшие места из манифеста будут почти непонятны, следовательно, потеряют большую часть своего действия. <...> Представить бы опасность не риторски, а просто, сильно и языком

⁵ Русский вестник. 1808. № 8. С. 243.

для всех понятным»⁶. Сам поэт видел героя-певца как лицо, выражающее его собственные помыслы и чаяния современников.

Для художественной манеры Жуковского по-прежнему характерна «привязка» свойств оссиановской поэтики к традициям, идущим от «Слова о полку Игореве». Однако в отличие от «Песни Барда над гробом славян-победителей» теперь автор заостряет внимание на конкретных реалиях русской жизни. В «Певце во стане русских воинов» показаны два певца: Боян, взирающий с небес на русское войско и оберегающий его, и другой Певец, играющий среди ночи на арфе и восхваляющий особо отличившихся в боях защитников отечества. При кажущейся типологической общности у каждого из певцов-героев своя четко очерченная функция. «Певец» оценивает сегодняшние ратные дела. «Радость древних лет» Боян, играющий на оссиановой арфе, выступает в качестве канонического образа певца. Культурно-историческая аксиоматика, содержащаяся в этом образе, заключает в мифологическую модель времени прошлое и настоящее, где доблестные поступки воинов осмысливаются с позиций богопромыслительной значимости совершающихся событий.

Не размежевываясь с эстетикой романтизма, позволяющей создать идеальный образ певца, В. А. Жуковский пересматривает один из важнейших принципов романтического миромоделирования – *двоемирие*. В своей патриотической поэзии об Отечественной войне он не разделяет действительность на «здесь» и «там», а, напротив, расширяет границы художественного пространства за счет соединения земного (Певец — современник войны с французами) и небесного (Боян) миров.

Жуковский, передав свойственный «атмосфере» ставки Кутузова взгляд на события и их участников⁷, сумел его согласовать с нравственными идеалами народа, что сделало «Певца во стане русских воинов» одним из самых читаемых и почитаемых произведений об Отечественной войне 1812 года не только для современников, но и для будущих поколений. Этот поэтический настрой и связанная с ним система

⁶ Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. М., 1895. С. 25–26.

⁷ Лотман Ю. М. Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени. Тарту, 1958. С. 188.

этических установок прослеживаются в стихотворении «Певец в Кремле» (1814). Но если в произведении 1812 г. с образом певца связаны национально-патриотические мотивы, то в стихотворении 1814 г. они уходят на периферию, уступая место державным темам. В «Певце во стане русских воинов» целый ряд одических топосов вводится в балладу, разрушая границы между видимым и невидимым мирами, включая сражение 1812 г. в контекст вечности и в общий процесс национальной государственности. Это было важно для русских людей военной поры, верящих в помощь Творца и опирающихся на военный опыт предков и их высокий дух. Одическая топика играет немаловажную роль и в «Певце в Кремле». Певец 1812 г. находится на бранном поле, а герой 1814 г., «возвратившийся на Родину» из освобожденной Россией Европы, поет «песнь освобождения на Кремле среди граждан московских». Нет сомнения, что образ Кремля в рамках ценностно-смыслового уровня национального целого играет роль символа духовного единения общества и верховной власти в современной реальности уже мирного времени, что выражается через траекторию художественного движения, направленного к Кремлю, куда устремляются «калмык, башкир, черкес и финн», чтобы стать «вокруг престола». Певец, находящийся в гуще народа, является его голосом, обращенным к власти. Обостренное восприятие времени, присущее Жуковскому, позволило ему почувствовать сердечный пыл соотечественников (достигший своего апогея после взятия Парижа), горевших желанием деятельного участия в судьбе России.

У Жуковского нашлись последователи, среди которых И. Попов со стихотворением «Певец среди московских граждан 11 октября 1813 года»⁸. Наряду с заглавием можно найти и другие черты сходства с произведениями Жуковского. Стихотворение Попова, построенное по принципам «Певца во стане русских воинов», представляет собой его идейное продолжение. Перемещение смысловых акцентов с военно-патриотических на национально-державные, с выраженными мотивами благодарения Богу за победу русского оружия в войне («Возжем сердечный фимиам, / Дань должную Владыке!»), восхвалением Александра

⁸ Собр. стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году: В 2 ч. Ч. 1. М., 1814. С. 134–139.

I («Хвала тебе, наш царь-отец»), изменяет состав героев. Певца окружают граждане, как в стихотворении «Певец в Кремле», а не воины. Однако военно-патриотическая тональность не уходит, являясь необходимым элементом текста. В связи с актуальностью военных действий на территории России в «Певце во стане русских воинов» Жуковского главенствующей является тема освобождения отечества. В патриотические декларации певца у Попова органично входят мессианские мотивы (что подспудно просматривается в «Певце в Кремле»). Русское войско под руководством «царя-отца» «для блага» «страны родной и счастья полуселенны» «еще сражается со злом, дать миру мир желая».

Очевидным подтверждением высказанных выше соображений о стремлении Жуковского показать неразрывную связь Певца 1812 г. с героями древности служат упоминание о Бояне и оссиановская арфа в руках Певца. Таких прямых установок Попов не дает. Однако косвенным подтверждением мироощущения певца в стихотворении и связанной с ним системы нравственных установок является его обращение к русским воинам как к витязям, что помогает рассматривать его образ в контексте героев-певцов русской старины.

Другой тип певца представлен в стихотворении неизвестного автора «Певец на гробах братьев-воинов россиян» (1812). Поэт, обращаясь к теме героической гибели за отечество, пытается моделировать образ «певца уединенна» сквозь призму его душевного состояния и одновременно вопреки ему. В отличие от певцов Жуковского и Попова, Певец неизвестного автора — не публичный человек. Но в своей полной «чувств горестных» и одновременно торжественной речи он желает «воздыхать» «о павших воинах»:

Лети, мой дух, туда, где рок и галл надменной,
Где росс — друг правоты, где галл — злодей вселенной,
Сраженный смертью в боях...
Росс с славой, галл с стыдом сокрылся в прах!⁹

Патриотический пафос в стихотворении прослеживается через осмысление кровного родства с погибшими защитниками отечества (о чем

⁹ Там же. С. 151.

заявлено уже в названии) и духовной связи с родной землей, которая олицетворяется, приобретая черты живого страдающего существа:

Когда серпы смертей телесну ниву жали,
Когда от ужаса дубравы трепетали,
Тонули в гибели и веси, и поля,
Рыдала кровию увлажненна земля...¹⁰

Русская поэзия, продолжая освещать военные действия и тесно связанные с ними события русской жизни, уже не испытывает пиетета перед оссиановой лирой, которая все чаще становится малосущественным элементом текста, как это, в частности, происходит в элегии К. Н. Батюшкова «На развалинах замка в Швеции» (1814). Образ северного скальда, тенью возникающий в произведении, слишком архаичен и хрестоматиен для живописной картины об «отважных толпах богатырей», посеявших в душах французов «страх». В другом стихотворении Батюшкова — «Переход через Рейн» (1814) — о бардах «современных» лишь упоминается, то же самое происходит и с образами трубадуров. Звуки «сладкой трубадуров лиры» воспевают не победителей военных сражений, а участников рыцарских турниров. На первый взгляд кажется, что именно от лица героя стихотворения П. А. Корсакова «Песнь Барда на кончину князя Г. К. Смоленского» должно идти повествование, но этого не происходит — он выступает в роли слушателя, воспевает же дела великого полководца Ангел. Скорбные чувства Барда не дают ему права заполнить своей лирой художественное пространство. Почти безмолвный, певец может лишь с трепетом внимать словам «бессмертного»:

Во струны робко ударяет, —
Звучит... и умолкает...¹¹

Планомерное расширение поэтического контекста, в котором представлены образы певцов, дает возможность облекать определенными чертами героев, не имеющих такой каноничности, как Боян и Оссиан, не названных певцами, но несущих в себе комплекс их мироощущения.

¹⁰ Там же. С. 150.

¹¹ Там же. С. 232.

Как правило, в название произведений вносится дефиниция *песня*, а также информация о тех, кто доносит ее до читателей.

Образ солдата-певца прочно вошел в русскую поэзию военного времени. Сама историческая ситуация обязывала ввести «народный голос» в литературу, и поэзия откликнулась на призыв разработкой солдатской песни в «народном духе», появившейся в русской поэзии в конце XVIII в. Переломное событие в истории России, каким стала Отечественная война 1812 года, внесло существенное изменение в содержание «песен». Как и раньше, они изображали тяготы солдатской службы, но теперь наполнились высоким смыслом защиты отечества и соборного единения нации в период опасности. Поэты по-разному отразили «народную правду» служения России. В «песнях» В. Ф. Раевского, Ф. Н. Глинки преобладали приемы одического стиля, выражавшегося в употреблении «высокого слога», повышенной метафоричности, за счет чего в речах певцов терялась конкретика, но приобреталась символическая общность национального мира. Певец становится объективным выразителем русского мировоззрения, а именно — отношения народа к войне и злободневным задачам, с ней связанным. Он не просто воспеваеет героев или призывает воинов к ратным подвигам, он — один из тех, «кто друзьям пред боем пел» («Песнь сторожевого воина перед Бородинскою битвою» Ф. Н. Глинки), чтобы затем разделить вместе с ними все тяготы сражения. Единение певца с защитниками отечества подчёркивается обращением к ним — «братцы», «ребята», «друзья», замене «вы» на «мы».

Другие поэты активно использовали образную лексику, взятую из фольклора или созданную поэтами в соответствии с устными образцами, вводили просторечие («За горами, за долами...» И. М. Коваленского, «Солдатская песня» И. А. Кованько). Певец превращался в этакого балагура, весельчака. В «Солдатской песне»¹² И. А. Кованько, созданной в период захвата французами первопрестольной столицы, исторические аллюзии, напоминающие о поляках, которые «встарь бывали также в ней», но с позором были изгнаны оттуда, помогают создать жизнеутверждающий настрой. В качестве рупора авторских идей здесь предстает певец-солдат, без всякой высокопарности

¹² Сын отечества. 1812. № 1. С. 45–46.

и напыщенности, но с поистине народным остроумием оценивающий перспективу пребывания французов в Москве. Он сравнивает врага нынешнего с неприятелем двухсотлетней давности. Иронические выпады в отношении польских захватчиков XVII в. переходят и на нынешних противников, намекая на ожидающую их участь. О том, что автор нашел верный ход для передачи трагической ситуации, не оставившей равнодушными никого из русских людей, свидетельствует переписка того времени. 3 сентября 1812 г., то есть примерно в дни создания «Солдатской песни» (под стихотворением стоит дата 15 сентября 1812 г.) фрейлина императрицы Марии Федоровны М. А. Волкова из Тамбова (куда она приехала, спасаясь от французов) рассказывает светской даме В. И. Ланской о своих опасениях: «Ведь ежели Москва погибнет, все пропало! Бонапарту это хорошо известно <...>, он знает, что в России огромное значение имеет древний город Москва <...>, это неоспоримая истина <...>, во время всего путешествия нашего, даже здесь, вдалеке от театра войны, нас постоянно окружают крестьяне, спрашивая известий о матушке-Москве»¹³.

Как правило, «солдатские песни» просты по содержанию и незамысловаты в передаче фактов. Однако в калейдоскопе выхваченных из жизни событий, эмоций и конкретных представлений выстраивается общая картина двенадцатого года. В произведениях «в народном духе» отчетливо проявляется присущий времени тип миропонимания. Поэтому-то они стали столь популярны во время войны с Наполеоном.

Можно сделать вывод, что в художественном сознании эпохи «Певец» выступал носителем национальной самобытности. Он, облеченный в различные литературные маски, формировал общественное мнение, являлся мощным средством воспитания патриотизма, утверждения величия России и ее народа.

¹³ К чести России: Из частной переписки 1812 года. М., 1988. С. 94.

Л. Н. Сарбаш

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ НАЧАЛА XIX ВЕКА ОБ «ИНЫХ ПЛЕМЕНАХ»: НАРОДЫ ПОВОЛЖЬЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА

В творчестве русских писателей, принимавших непосредственное участие в Отечественной войне 1812 года, появляется изображение не только русского народа, но и «иных племен». Тема участия в войне нерусских поволжских народов (башкир, татар, тептярей, калмыков, чувашей) возникает как в мемуарной, так и художественной литературе первой четверти XIX века: в творчестве Д. В. Давыдова, К. Н. Батюшкова, Ф. Н. Глинки, С. Н. Глинки, В. А. Жуковского.

Даровитый писатель и знаменитый партизан Отечественной войны 1812 года Денис Давыдов в своих произведениях, описывающих Бородинское сражение, партизанскую войну и заграничные походы русской армии, рассказывает о нерусских народах, участвующих в этих исторических событиях. В прозаическом отрывке «Тильзит в 1807 году» Давыдов пишет о том, что к регулярной армии в арьергард было прислано несколько конных башкирских полков. Давыдов этнографически подробно их описывает: воины одеты в вислоухие шапки, в кафтаны «вроде халатов», на неуклюжих, малорослых лошадях, вооружены стрелами и луками, за что французы прозвали их «северными купидонами». Поэт отмечает традиционное вооружение и снаряжение кочевников, коней степной породы. В объявлении военного министерства от 8 августа 1812 г. о формировании башкирских полков предлагалось вооружение оставить «употребляемое» и одежду дозволить иметь «по своему обычаю», не требуя единообразия. Давыдов пишет о храбрости «башкирцев» и с военной точки зрения оценивает эффективность их участия в разворачивающихся событиях. После поражения русских под Фридландом и отступления к Неману присланные башкирские полки уже не могли

© Л. Н. Сарбаш

изменить сложившуюся военную ситуацию: «Как было уверять себя в успехе, противопоставляя оружие XV столетия оружию XIX-го и метателям ядер, гранат, картечи и пуль — метателей заостренных железом палочек, хотя бы число их доходило до невероятия!»¹ Опытный воин упрекает военное руководство в том, что оно обманывает себя «несбыточными надеждами». Д. В. Давыдов пишет и о «приключениях с башкирцами», одно из которых с добродушной иронией передает. Он был непосредственным свидетелем забавного случая: в плен взяли французского подполковника, большой нос которого был насквозь пронзен стрелой. Когда лекарь собирался распилить стрелу надвое, то башкир, узнавший свою стрелу, схватил лекаря за обе руки и предложил ее вынуть по-другому. Давыдов приводит диалог, с характерным обращением башкира к русским: «Нет, <...> нет, бачка, не дам резать стрелу мою; не обижай, бачка, не обижай! Это моя стрела; я сам ее выну». — “Что ты врешь, — говорили мы ему, — ну как ты вынешь ее?” — “Да, бачка! возьму за один конец, — продолжил он, — и вырву вон; стрела цела будет”. — “А нос?” — спросили мы. — “А нос? — отвечал он, — черт возьми нос!..” Можно вообразить хохот наш»². Писатель замечает, что француз, не понимая русского языка, догадывался, о чем идет речь, и умолял отогнать башкира, что было и сделано. Давыдов иронически замечает, что «французский нос восторжествовал над башкирскою стрелою».

В Бородинском сражении, в партизанской войне и в заграничном военном походе 1813–1814 гг. принимали участие башкирские, тептярские, мишарские полки, о чем и упоминали в своих произведениях русские офицеры-писатели. Денис Давыдов в «Дневнике партизанских действий 1812 года» приводит рапорт Баркляя-де-Толли о Бородинском сражении, в котором упоминается Уфимский полк, особенно отличившийся: один из его батальонов совместно с Восемнадцатым егерским полком по приказу генерала Ермолова бросился на захваченный французами редут Раевского и выбил их оттуда³.

¹ Давыдов Д. В. Тильзит в 1807 году // Давыдов Д. В. Военные записки. М., 1982. С. 85.

² Там же. С. 86.

³ Там же. С. 157.

Описывая события народной партизанской войны, Давыдов отмечает, что русские крестьяне охраняли свои селения, и ему пришлось отпустить бороду, надеть кафтан, так как гусарский ментик, с мужицкой точки зрения, был похож на «одежу» французов. Он приводит один трагический случай: за французов мужиками была принята команда Тептярского полка: «За два дня до моего прихода в село Егорьевское, что на дороге от Можайска на Медынь, крестьяне ближней волости истребили команду Тептярского казачьего полка, состоящую из шестидесяти казаков. Они приняли казаков сих за неприятеля от нечистого произношения ими русского языка»⁴. Известно, что в 1798 г. башкиры и тептяри были переведены в военно-казачье сословие, и их военная служба стала узаконенной, она рассматривалась как основная повинность. Первый Тептярский полк майора Темирова, являвшийся частью Калужского ополчения, находился в составе партизанского отряда Дениса Давыдова. Поэт Ф. Н. Глинка, воспевая партизана Давыдова, указывает на конкретные исторические детали, изображая его в окружении башкир, русских мужиков и баб:

То *невидимкой* он, то рядом,
То, вынырнув опять, следом
Идет за шумными французскими полками
И ловит их, как рыб, без невода, руками.
Его постель — земля, а лес дремучий — дом!
И часто он с толпой башкир и с козаками
И с кучей мужиков, и конных русских баб,
В мужицком армяке...⁵

В статье «О партизанской войне» Давыдов размышляет о сути партизанского движения, о силе и мощи своего отечества. В поэтической образной форме дается представление о могучей многоплеменной державной России: она еще не поднялась в свой «исполинский рост», располагает множеством народов, готовых ее защищать: «и горе ее неприятелям, если она когда-нибудь подыметься!»⁶ Один

⁴ Там же. С. 164.

⁵ Глинка Ф. Н. Соч. М., 1986. С. 22.

⁶ Давыдов Д. В. Тильзит в 1807 году. С. 298.

из могущественных «слоев лавы», покоящихся на дне Российской империи, состоит из «воинственных народов», населяющих огромную территорию, пространство которой писатель определяет географически: лежит между Днпром, Доном, Кубанью, Терекон, верховьями Урала. «Поголовное ополчение» этих народов может выставить в поле «сто, полтораста, двести тысяч природных наездников»⁷. Конечно, кроме казаков и горцев, Давыдов имеет в виду здесь и поволжские народы — ополчение башкир, калмыков, татар, тептярей, с которыми он вместе сражался против неприятеля в своем отечестве и участвовал в заграничном походе русской армии. Это был взгляд на военные события непосредственного очевидца. В художественной прозе об исторических событиях 1812 года появляется значимая для русской литературы XIX в. мысль о России как отечестве многочисленных иноплеменных народов, защищающих «землю русскую».

Д. Давыдов в своих прозаических статьях выступает как литератор и как военный. Он утверждает значимость легкой конницы, которая мало полезна для генеральных сражений, но «превосходна и неподражаема в отдельных поисках», особенно в партизанской войне. Россия, обладающая целыми народами «врожденных наездников», должна их использовать, так как эта конница состоит из бригад и дивизий «целых племен воинственных всадников», передающих из рода в род свое наездническое мастерство. «Единое мановение царя нашего — и застонут поля неприятелей под копытами сей свирепой, неутомимо подвижной конницы, предводимой просвещенными чиновниками регулярной армии!»⁸ Поэтическими определениями писатель создает образ грозного воина-инородца: он владеет наездническим мастерством, идущим от предков, бесстрашный, «летучий», «неутомимый». Денис Давыдов определяет конкретное тактическое использование этих ополченских отрядов: они направляются в тыл вражеских войск, нанося им невосполнимые потери. Характеристика конницы возникает в форме риторического вопроса: «Не разрушится ли, не развеется ли, не снесется ли прахом с лица земли все, что ни повстречается, живого и неживого, на ши-

⁷ Там же.

⁸ Там же.

роком пути урагана, направленного в тыл неприятельской армии, занятой в то же время борьбой с миллионною нашею армией, первую в мире по своей храбрости, дисциплине и устройству?»⁹ Огромная сила конных полков передается через сопоставление их с природными неукротимыми явлениями, такими, как «лава», «ураган», которые сметают все на своем пути. Давыдов, повествуя о военных событиях 1812 года, будет отстаивать значение конных «летучих» полков. Писатель и офицер русской армии Ф. Н. Глинка тоже отмечал, что французам, гордящимся своими конными стрелками, русским есть кого противопоставить: это гребенские казаки и инородческие полки — «прочие племена», как их определяет Глинка, которые воюют искусно и превосходят французов в стрельбе со скачущей лошади¹⁰. Военные записки Давыдова соединяют в себе историческую достоверность документа и замечательную выразительность художественного повествования: яркую образность, поэтичность описаний, необычность сравнений. В. Г. Белинский в статье «Сочинения в стихах и прозе Дениса Давыдова» писал о несомненном литературном достоинстве военных произведений писателя, называя их «перлами» литературы, отмечая живое изложение и особый литературный слог — «быстрый, живописный, простой и благородный, прекрасный, поэтический»¹¹. Критик выделял три славы Давыдова: «слава воина, слава поэта и слава отличного прозаического писателя»¹².

К. Н. Батюшков, участвуя в исторических событиях 1812 года и заграничном походе русских в 1813–1814 гг., являясь свидетелем «битвы народов», воспеваает в своем творчестве героический воинский подвиг, патриотизм и славу русского оружия. В элегиях, связанных с войной 1812 года («Переход русских войск через Неман 1 января 1813 года», «Переход через Рейн»), возникают не только исторические личности («старец-вождь» Кутузов и «царь молодой» Александр I), но и безвестные воины: «ратники», «богатыри», «полки славян». И этот ряд естественно продолжают в стихотворении «К Никите» (1817) «донцы»,

⁹ Там же.

¹⁰ Глинка Ф. Н. Очерки Бородинского сражения: (Воспоминания о 1812 году): В 2 ч. М., 1839. Ч. 1. С. 101.

¹¹ Белинский. Т. 4. С. 369.

¹² Там же.

«башкирцы, горцы и татары» — многоплеменная российская армия, одержавшая победу:

Как весело перед строями
Летать на ухарском коне
И с первыми в дыму, в огне
Ударить с криком за врагами!
Как весело внимать: «Стрелки,
Вперед! Сюда, донцы! Гусары!
Сюда, летучие полки,
Башкирцы, горцы и татары!»
Свисти теперь, жужжи свинец!
Летайте ядры и картечи!¹³

В элегии «Переход через Рейн» (1816–1817) русская армия предстает как огромная сила: «под знаменем Москвы» у Батюшкова собраны разные народы, но все они «сыны снегов», необъятной России. Возникает повторяющееся собирательное «мы», создающее представление об огромном русском воинстве:

И час судьбы настал! Мы здесь, сыны снегов
Под знаменем Москвы, с свободой и с громами!..
Стеклись с морей, покрытых льдами,
От струй полуденных, от Каспия валов,
От волн Улеи и Байкала,
От Волги, Дона и Днепра,
От града нашего Петра,
С вершин Кавказа и Урала!..
<...>
Мы здесь, о Рейн, здесь! ты видишь блеск мечей!
Ты слышишь шум полков и новых коней ржанье,
«Ура» победы и взыванье
Идущих, скачущих к тебе богатырей!¹⁴

¹³ Батюшков. Т. 1. С. 238.

¹⁴ Там же. С. 251–252.

Поэт изображает переход русских через Рейн как значительное событие, которое «видится» в контексте истории. Рейн, как «свидетель всех времен», поил своими водами древних германцев, воинов Юлия Цезаря и «Атилы нового» — французов. Сейчас на его берегах русские, которые библейски именуются «новыми Маккавеями» — народом, восставшим против Наполеона. В Рейне отражаются «стяги древние», «родитель вод» слышит стук секир и «клик геройский» воинов многоплеменной России.

Поэт создает образ огромного многонационального отечества, воины которого пришли из разных географических мест, с необъятных российских просторов: из русской столицы — «от града нашего Петра»; с берегов финской Улеи и сибирского Байкала; с рек Волги, Дона и Днепра; с морей, покрытых льдами, и теплого Каспия; «с вершин Кавказа и Урала». К. Н. Батюшков пишет о силе русского оружия, упоминая различные рода войск:

Там шлемы воев оперенны,
Тяжелой конницы строи,
И легких всадников рои,
В текучей влаге отраженны!
<...>
Там ратник ратника объемлет;
Там точит пеший штык стальной;
И конный грозною рукой
Крылатый дротик свой колеблет¹⁵.

В последнем двустишии угадывается конный воин — донской казак или инородец из какого-либо башкирского, калмыцкого или тептярского полка. Передается единение — русские никогда не считали чужими другие народы, населяющие Россию.

В стихотворении В. А. Жуковского «Певец во стане русских воинов» (1812), в отрывке, посвященном Платову и «бестрепетным вождям», содержится косвенное указание на воинов из инородческих полков, которые, единственные из всех казачьих, были вооружены луками и стрелами:

¹⁵ Там же. С. 252.

Хвала, наш вихорь-Атаман;
 Вождь неведимых, Платов!
 Твой очарованный аркан
 Гроза для супостатов.

<...>

Летаешь страхом в тыл врагам,
 Бедой им в уши свищешь;
 Они лишь к лесу — ожил лес,
 Деревья сыплют стрелы;

<...>

Хвала бестрепетным вождям!

<...>

Днем мчатся строй на строй; в ночи
 Страшат, как привиденья;
 Блистают смертью их мечи;
 От стрел их нет спасенья...»¹⁶

А. Ф. Раевский в своих «Воспоминаниях о походах 1813–1814 годов» проводит мысль о том, что Россию отстаивали вместе с русскими и другие народы страны. В разгроме наполеоновских войск принимала участие армия, в ряды которой, наряду с костромскими, рязанскими, нижегородскими полками, входили башкирские, тептярские, калмыцкие: «Всего страннее, как замечали жители, было видеть в числе мстителей за свободу, независимость и благосостояние Европы обитателей берегов Урала и моря Каспийского... Башкирцы, калмыки, тептярки и другие племена... разделяли святой подвиг брани народной; и они смиряли дерзость *просвещенных* французов»¹⁷. Раевский отмечает, что Наполеон, отступая, распространял среди немецкого населения слухи о приходе русских «варваров», которые «питаются неприятелями» и особенно «охотники до детей»: «По сказаниям Наполеона они (жители Лигницы. — Л. С.) ожидали видеть диких варваров, и, к удивлению, встречают приветливых, добрых друзей»¹⁸. Европейцев, в частности

¹⁶ Жуковский. Т. 1. С. 231, 233.

¹⁷ Раевский А. Ф. Воспоминания о походах 1813–1814 годов: В 2 ч. М., 1822. Ч. 2. С. 36.

¹⁸ Там же. Ч. 1. С. 54.

немцев, удивили одежда и вид башкир, но «невинное простосердечие сих людоедов рассеяло совершенно всякое сомнение»¹⁹. Автор «Воспоминаний» описывает вход в Гамбург башкирских полков, которые, одержав победу, надели свой национальный праздничный наряд: «Мы сами удивились опрятности и чистоте их одежды, которую берегли они только для случаев торжественных. Белые кафтаны и красные шапки в сомкнутых рядах нескольких полков представляли новое, но довольно приятное зрелище»²⁰.

«Первый ратник Московского ополчения» С. Н. Глинка в «Записках о 1812 году» замечает, что русские офицеры-писатели, как очевидцы и непосредственные участники военных сражений, «не сочиняли», а «излагали», как проходили события: он пишет о патриотическом подъеме, свойственном всем народам Российского государства: «Не токмо стародавние сыны России, но и народы отличные языком, нравами, верою и образом жизни... и те наравне с природными россиянами готовы были умереть за землю русскую. Мордва, тептяри, мешчеряки, черемисы ревностно и охотно шли на службу; башкирцы оренбургские сами собою вызывались и спрашивали у правительства, не нужны ли их полки»²¹. С. Н. Глинка утверждает, что «народы кочующие», «составляющие» Россию, были готовы умереть за отечество. В произведении возникает разговор Наполеона с начальником продовольствия Лесепсом, который не может получить от русских мужиков продовольствия для армии. Лесепс говорит о многоплеменном составе российской армии: «...в русских полках есть и татары, и мордва, и черемисы, и чувашы: это обыкновенный ход службы»²². Пожар Москвы Наполеон приписывает татарам, которых якобы правительство призвало на помощь, а они все опустошают. Военачальник разуверяет в этом своего полководца: русское правительство не могло призвать откуда-то со стороны «никакого целого племени татар», так как и они тоже — часть русской армии. Ф. Н. Глинка в «Очерках Бородинского сражения» неоднократно утверждает, что русская армия состояла «из всех народов и племен России».

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Ч. 2. С. 36.

²¹ Глинка С. Н. Записки о 1812 году. СПб., 1836. С. 340.

²² Там же. С. 287.

Писатель особо отмечает многонациональный состав наполеоновской армии, которой противостояла также многоплеменная российская. «На девяти европейских языках раздавались крики: соплеменные нам, по славянству, уроженцы Иллирии, дети Неаполя и немцы», служившие в наполеоновской армии, дрались не только с «подмосковною Русью», но и с «уроженцами Сибири, соплеменниками черемис, мордвы, заволжской чуди, калмыков и татар»²³. В Париже тоже было русское воинство, в составе которого были и российские нерусские народы: как пишет Ф. Н. Глинка, «коня степного на Сену пить водил калмык» и «в Тюльери у часового сиял, как дома, русский штык».

В литературно-художественном сознании XIX в., в произведениях русских писателей-офицеров об Отечественной войне идет процесс осознания России как многонационального отечества, народы которого вместе с русскими отстаивали его свободу и независимость.

²³ Глинка Ф. Н. Очерки Бородинского сражения: (Воспоминания о 1812 году). Ч. 2. С. 101.

Д. Р. Невская

КИРАСИР АДРИАНОВ В КНИГЕ Е. В. ТАРЛЕ «НАШЕСТВИЕ НАПОЛЕОНА НА РОССИЮ» И ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕПУТАЦИЯ Г. В. ГЕРАКОВА

Проблема выявления источников произведений русской литературы, посвященных Отечественной войне 1812 года, по сей день остается актуальной и вызывающей неизменный интерес историков и литературоведов. Юбилейные годы особенно способствуют целенаправленным поискам и открытию новых исторических источников, хотя такая возможность у исследователей этой темы появляется все реже и реже. Между тем юбилейные старания могут увенчаться интересными находками, порадовать «странными сближениями» и удивительными фактами, позволяющими прояснить то, что, казалось, не нуждалось в дополнительных разысканиях и не требовало разъяснений. Для этого достаточно более пристально взглянуть на давно забытые сочинения первой четверти XIX в., в которых отразились события Отечественной войны 1812 года. К таким сочинениям относится и историко-патриотический труд забытого писателя-«шишковиста» Г. В. Геракова «Твердость духа русских», изданный в 1813–1814 гг. и прославивший его имя. Именно после этого издания критики и публика начинают почтительно прибавлять к фамилии писателя: «автор “Твердости духа русских”». А в 1838 г. «Сын отечества» сообщит читателям печальное известие: «В нынешнем году скончался в Петербурге Гавриил Васильевич Гераков, известный сочинением “Твердости духа русских” и многих других книг»¹.

Занимаясь реконструкцией судьбы и творчества Г. В. Геракова, я обратилась к тексту «Твердости духа русских». На этот раз мое внимание

¹ Сын отечества. 1838. Ч. 5. С. 108.

привлекли герои 1812 года, чьи подвиги писатель увековечил в своем сочинении. И если некоторые из этих подвигов (например, смоленского помещика П. И. Энгельгардта² или убитого при Бородине капитана гвардейской артиллерии Ростислава Захарова³) нам известны по документам времен Отечественной войны 1812 года и мемуарам офицеров, то другие героические поступки зафиксированы только в «Твердости духа русских». Среди них — два геройских поступка унтер-офицера Андриянова «при Бородине» и унтер-офицера NN «при Салтановке», объединенных одной рубрикой «Герои русские под предводительством славного и бесстрашного князя Багратиона, 1812». Эпизод с офицером Андрияновым построен по жанровой модели героического анекдота:

«...Екатеринославского Кирасирского полку унтер-офицер Андриянов в день кровопролитного и славного для России Бородинского боя находился при лице неустрашимого, мужественного князя Багратиона, и хотя был везде, где смерть перелетала из ряда в ряд, но по долгу своему возил за князем зрительную трубу, географические карты и проч. и даже виду не показывал, что хочет сражаться; но когда храбрый Андриянов увидел бесстрашного Багратиона крепко раненного, когда увидел, что князя готовы были везти назад с поля боя, смело подошел к любимому солдатами полководцу и, вытянувшись, сказал: “Ваше сиятельство! полк наш два раза был в атаке, вас везут лечить; позвольте мне поравняться с товарищами; я надеюсь изрубить несколько французов”. Неустрашимый военачальник позволил, и Андриянов в виду тысяч, как стрела пустился, врезался в ряды врагов, перебил многих, и пал мертв на поле чести»⁴.

Особый интерес вызывает судьба этого эпизода в исследовании историка Е. В. Тарле «Нашествие Наполеона на Россию» (три прижизненные издания: 1938, 1940 и 1943 гг.). В главе «Бородино», описывая бой,

² В очерке, посвященном этому герою, Гераков использует написание его фамилии как Энгельгарт, так и Энгельгард. Последний вариант используется в «Прибавлении», в котором Гераков помещает царский «Указ Правительствующему Сенату» о начислении пенсии семьям помещиков Смоленской губернии «Павла Энгельгарда и коллежского асессора Шубина» (*Гераков Г. Твердость духа русских*. СПб., 1813–1814. Кн. 2. С. 166–168).

³ Там же. С. 52–55.

⁴ Там же. С. 160–161.

в результате которого был смертельно ранен князь Багратион, историк ссылается на «Очерки Бородинского сражения (Воспоминания о 1812 году)» Ф. Н. Глинки. Приведем этот отрывок из книги Е. В. Тарле:

«Сейчас после атаки 2-й армии, отброшенной контратакой французов, Федор Глинка увидел у подошвы пригорка раненого генерала. Белье и платье на нем были в крови, мундир расстегнут, с одной ноги снят сапог, голова забрызгана кровью, большая кровавая рана выше колена. “Лицо, осмугленное порохом, бледно, но спокойно”. Его сзади кто-то держал, обхватив обеими руками. Глинка узнал его. Это и был “второй главнокомандующий”, смертельно раненный Багратион. Окружающие видели, как он, будто забыв страшную боль, молча вглядывался в даль и как будто вслушивался в грохот битвы. “Ему хочется разгадать судьбу сражения, а судьба сражения становится сомнительной. По линии разнеслась страшная весть о смерти второго главнокомандующего, и руки у солдат опустились”⁵. Багратиона унесли, и это был критический, самый роковой момент битвы. Дело было не только в том, что солдаты любили его, как никого из командовавших ими в эту войну генералов, исключая Кутузова. Они, кроме того, еще и верили в его непобедимость. “Душа как будто отлетела от всего левого фланга после гибели этого человека”, – говорят нам свидетели.

Ярое бешенство, жажда мести овладели теми солдатами, которые были непосредственно в окружении Багратиона»⁶. Последняя фраза отрывка предваряет следующий эпизод, которого нет в очерках Ф. Глинки: «Когда Багратиона уже уносили, кирасир Адрианов, прислуживавший ему во время битвы (подававший зрительную трубу и пр.), подбежал к носилкам и сказал: “Ваше сиятельство, вас везут лечить, во мне уже нет вам надобности!” Затем, передают очевидцы, “Адрианов в виду тысяч пустился, как стрела, мгновенно врезался в ряды неприятелей и, поразив многих, пал мертвым”»⁷.

⁵ В этом месте Е. В. Тарле дает ссылку на очерк Ф. Н. Глинки: Очерки Бородинского сражения (Воспоминания о 1812 г.) / Соч. Ф. Глинки, автора «Писем русского офицера». М., 1839. Т. 2. С. 73.

⁶ Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. [М.]: Госполитиздат, 1943. С. 166.

⁷ Там же. Эпизод с кирасиром Адриановым отсутствует в первом издании «Нашествия Наполеона на Россию» ([М.]: Соцэкгиз, 1938. С. 132). Он появляется

Совершенно очевидно, что этот эпизод воспроизводит (вплоть до текстовых совпадений) анекдот Геракова о подвиге доблестного офицера из его книги «Твердость духа русских». Однако в сочинении Е. В. Тарле нет ссылки на сочинение Геракова. Историк ссылается лишь на мемуары Ф. Н. Глинки «Воспоминания о 1812 годе», изданные в 1839 г. Почему эпизод, заимствованный у Геракова, он не захотел сопроводить ссылкой на «Твердость духа русских»? Выскажу предположение, что ему могла помешать литературная репутация Геракова. Писатель был известен своими верноподданническими настроениями и консервативными политическими взглядами. В частности, он сам не скрывал, что был автором «благожелательного доноса» в Цензурный Комитет на публицистическое сочинение И. Н. Пнина «Опыт о просвещении относительно к России» (1804), в котором публицист предложил, вслед за А. Н. Радищевым, изменить положение крестьян. Вследствие доноса Геракова второе издание «Опыта» Пнина не было разрешено, «дабы не воспламенить страсти» и «не разгорячать умы»⁸. Возможно, уже одной этой причины хватило Тарле, чтобы не оглашать такой сомнительный «источник». Историк не мог не знать, что в «Русском биографическом словаре» (1914) имелась статья Б. Л. Модзалевского о Геракове, в которой упоминается донос на «Опыт» Пнина⁹. Посмертную репутацию забытого писателя можно выразить несколькими предложениями из статьи «Нового энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона: «Гавриил Васильевич Гераков <...>, педагог и писатель, по происхождению грек; преподавал историю в первом кадетском корпусе. Автор многих бездарных историческо-анекдотических творений в ультрапатриотическом духе, Гераков давал обильную пищу насмешкам и причинял большие неприятности журналистам, отказывавшимся помещать его статьи»¹⁰. Несмотря на дальнейший сбор биографических сведений и разработку литературной биографии Геракова,

во втором издании этой книги (М.; Л.: Детгиз, 1940. С. 198), предназначенном для детского чтения, а затем повторяется в третьем издании (см. выше). Во всех трех изданиях легендарный кирасир назван Адриановым.

⁸ *Пятковский А. П.* Из истории нашего литературного и общественного развития: В 2 т. СПб., 1876. Т. 2. С. 90–104.

⁹ *Русский биографический словарь.* М., 1914. Гаг — Гербель. [Т. 4.] С. 463–466.

¹⁰ *Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона.* СПб., 1892. Т. 8. С. 445.

отношение к нему среди историков литературы и поныне остается прежним¹¹. Тем не менее, тонкий знаток и ценитель литературы¹² академик Е. В. Тарле включил в свой научный труд эпизод из «Твердости духа русских», безусловно привносящий динамику и пафос в трагическую картину гибели Багратиона. Но так ли был далек от истины академик, когда сослался в этом эпизоде Геракова на безыменных «очевидцев»? И какие факты биографии Геракова все-таки позволили советскому историку доверять его литературному сочинению? Для того чтобы ответить на эти вопросы, попробуем понять, что же происходило с репутацией Геракова до и после издания «Твердости духа русских».

Г. В. Гераков заявил о себе как писатель в 1801 г., когда вышла его первая книга «Герои русские за 400 лет» (СПб., 1801). В книгу были включены изложенные высокопарным слогом очерки по русской истории, которые он сочинял для своих учеников в Первом кадетском корпусе¹³. Это сочинение, как и последующие, не принесло Геракову ни славы, ни большой известности, но определило его «призвание» — воспитывать соотечественников на примерах русской истории. Гавриил Гераков (Гераки), сын грека из Мореи (Пелопоннеса), был искренне предан своему второму отечеству. Он родился в Москве 26 марта 1775 г. и позже, еще младенцем, был перевезен в Санкт-Петербург. После смерти отца в 1783 г. был вместе с братом определен в Корпус чужестранных единоверцев, или Греческий кадетский корпус, где по замыслу Екатерины II обучались молодые греки, определявшиеся затем в русскую армию и на флот. Гераков же по окончании корпуса остался в нем в должности учителя истории. Позднее в своем сочинении «Слава женского пола» (1805) он с признательностью вспомнит «екатерининские щедроты» и воскликнет: «Россия! народа твоего история, занятие мое любимое!»¹⁴ В искренности этого признания сомневаться не приходится, так как за всю свою недолгую творческую биографию Гераков издал более двадцати сочинений,

¹¹ См.: Толстихина О. А. Гераков Г. В. // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 1. А — Г. М., 1989. С. 539–540.

¹² См.: Из литературного наследия академика Е. В. Тарле. М., 1981.

¹³ Об увлеченности Геракова историей можно судить по воспоминаниям одного из его учеников — Фаддея Булгарина. См.: Булгарин Ф. Воспоминания: В 6 ч. СПб., 1846. Ч. 1. С. 116–117.

¹⁴ Гераков Г. В. Слава женского пола. СПб., 1805. С. 23.

главным образом посвященных знаменательным событиям русской истории и подвигам русских людей разных сословий и чинов. В числе его первых книг была «Твердость духа некоторых россиян», изданная в Петербурге в 1803 г. и переизданная в 1804 г. уже под названием «Твердость духа русских». Это сочинение состояло из исторических анекдотов, в центре которых поступок, остроумный ответ или речь какой-нибудь исторической (или легендарной) персоны — Нарышкина, княгини Евпраксии, Александра Ивановича Румянцева, «добродетельной Барсуковой», «олонецкого воеводы», князя Долгорукова, новгородского купца Иголкина, «двух хлебопашцев», князя Голицына и других известных или забытых героев русской истории. Жанровые источники этих анекдотов весьма однообразны, а само повествование разбавлено сравнительными рассуждениями автора о веках «минувших» и веке «нынешнем», с явной идеализацией прошлого. И, возможно, эти написанные «пухлым слогом» подражания «русским Плутархам» так и остались бы незамеченными современниками, если бы не удачные попытки Геракова восстановить вместе с именем забытого героя и историческую справедливость.

Занимаясь историческими изысканиями, Гераков обнаружил, что турецкий флот во время битвы при Чесме поджег не английский офицер в «нашей службе» Эльфингтон по приказу английского же адмирала Грейга, а русский флотский капитан Ильин по распоряжению графа А. Г. Орлова. Этим открытием писатель поделился с читателями в своей книге «Твердость духа некоторых россиян», присовокупив к самой истории рассказ о бедности дочери героя Ильина с мыслью «облегчить участь и наградить в ней подвиг славного родителя». В 1805 г. журнал «Вестник Европы» сообщил, что «доброе желание г-на Геракова исполнилось, к истинному удовольствию всех почитателей заслуг, всех сердцем чувствительных». Дело в том, что высочайшим указом дочь героя была избавлена от бедности, получив ежегодный пенсион «по триста рублей по смерти ея, и о внесении в банк единовременно 5 тысяч рублей на приданное»¹⁵. Кроме того, согласно другому указу, «предписывается Кабинету производить коллежскому асессору Геракову сверх

¹⁵ Вестник Европы. 1805. № 12. С. 301–302. Это событие было освещено и в «Новостях русской литературы» за 1805 год (№ 13. С. 202).

получаемого им жалования, по четыреста рублей на год»¹⁶. По следам этого события он тут же выпускает книгу «Счастливым случаем в тридцатый год жизни» (СПб., 1805), в которой подробно описывает все, что предпринял для установления доброго имени героя Ильина и для вызволения из бедности его дочери. Главным героем этого сочинения становится не столько офицер Ильин, поджегший турецкий флот, сколько сам Гераков, восстановивший справедливость. Тем самым нравственный подвиг писателя приравнялся к подвигу героя Чесмы. Этот же «счастливым случаем» сочинитель включает и в самое значимое свое произведение «Твердость духа русских», состоящее из описаний воинских и нравственных подвигов. Свой собственный нравственный «подвиг» автор на этот раз скромно помещает в сноску¹⁷.

Гераков свой поступок сознательно поставил в пример тем согражданам, которые не только забыли умерших героев России, но и не видят

¹⁶ Вестник Европы. 1805. № 12. С. 301–302.

¹⁷ Гераков всю жизнь придавал этому событию очень большое значение, так как первый раз власть его заметила и отметила. Всю жизнь он добивался признания публики и повышений по службе, и «счастливым случаем» позволил ему убедиться в том, что заслуженная награда рано или поздно найдет не только забытого героя, его семью, но и того, кто вызволил из неизвестности доброе имя героя и привлек к нему внимание читателей и властей. Полученное от царя подтверждение его правоты позволило «горделивому греку» еще больше возгордиться и поставить себя в пример своим соотечественникам. В рукописном дневнике писателя (1812–1813) также есть упоминание «счастливого случая». 9 марта 1813 г. Гераков записывает: «Сего дня минуло 8 лет как я получаю 400 руб. пансиону» (С. 193). Дневник Геракова, находящийся в личной коллекции автора статьи, был полностью опубликован с комментариями Д. Р. Невской и В. М. Боковой в сб.: Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. IV / Труды Государственного Исторического музея. М., 2005. Вып. 147. С. 125–215. Здесь и далее ссылки на него даются по этому изданию. Документу посвящен также ряд исследований: *Невская Д. Р.*: 1) Гавриил Гераков и его неопубликованный дневник 1812–1813 годов (К реконструкции личности забытого писателя) // PHILOLOGIA. Миф. Культура. Литература. Быт. Рижский филологический сборник. Рига, 2002. Вып. 4. С. 23–73; 2) Война 1812 года в неопубликованном дневнике Г. В. Геракова // «Недаром помнит вся Россия...»: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 160-летию В. В. Верещагина и 190-летию Бородинского сражения. Череповец, 2003. С. 182–200; 3) Парадигма холостяка в дневнике забытого писателя // Opus 1–2. Русский мемуар. Соавторство / Научные труды Вильнюсского университета. Вильнюс, 2005. № 47 (5). С. 52–67; 4) «Свое» и «чужое» слово в дневнике Г. В. Геракова 1812–1813 годов // Эго-документ: Мемуары, записные книжки, дневники писателей / Studia Rossica XIX. Warszawa, 2007. С. 29–43.

горя простых людей. Понятие «подвиг» он, видимо, понимал очень широко — возможно, так, как его понимали в «век Просвещения». Подвиг — это не только мужество, проявленное в сражении с неприятелем, но и нравственный подвиг, связанный с выполнением долга перед отечеством. Вот почему на страницах его книги рядом с именами Петра Великого, Долгорукова, Минина и Пожарского, Меньшикова и Кутузова появляются имена крестьян, солдат, помещиков, которые своим мужеством и высоким духом доказали преданность Родине. Поэтому кажется совершенно естественным появление самого Геракова в числе других персонажей. Видимо, только так — посредством литературы и в традиции «прошлого века» — Гераков пытался «достучаться» до своих современников. И во многом благодаря тому, что литератор сам становится персонажем собственных сочинений, он смог обрести славу «доброхота» и утвердиться в роли посредника между просителями и приближенными императрицы с целью последующей апелляции к императору¹⁸.

Если бы писатель был просто «тщеславным греком» (как часто называли его современники), то он не преминул бы в своих сочинениях описать и другие подобные нравственные подвиги, коих в его жизни было немало¹⁹. Но он ограничился только двумя событиями, имевшими

¹⁸ Несомненно, решающее значение здесь имело расположение к писателю приближенной фрейлины императрицы Елизаветы — А. К. Стурдзи (в замужестве графиня Эделинг). Но немаловажное значение для выполнения Гераковым роли «доброхота» сыграло стремление самого писателя восстановить историческую справедливость — и, опять же, прославиться.

¹⁹ «Как бы я счастлив был, ежели средство мое помогло бы несчастным», — записывает Гераков в своем дневнике. И «посредство» его, действительно, оказалось не напрасным для Н. Ф. Хопылевой, просившей за брата, который судился семь лет, доказывая свою непричастность к смерти жены, для генеральши Тетериной, старика Иеголя, «которого император простил... и позволил ему въехать в Петроград. — Одиннадцать лет, кто ни просил о старике, а государь и слышать не хотел, а мне посчастливилось, благодарение Богу — что я пользуюсь дружбою ангела — Стурдзи». О роли Геракова в судьбе всех этих людей мы узнаем только из дневника писателя. «Добрый грек» помогал и пострадавшим от судебной волокиты, и просто бедным людям, например, собрал деньги для незаслуженно забытых дочери фельдмаршала Эльмта фон Гротгуза (прославившегося в Прусской войне и в турецкой кампании), бедного офицера Андреева, бедного офицера Викторова, «у которого два брата убиты, а он с братом изуродованы, а два других — готовы пасть на поле славы». По просьбе Геракова А. Л. Нарышкин выхлопотал братьям Викторovým по 300 рублей пансиона, и писатель делает в дневнике запись: «Я рад, что не имея

значимые последствия как для него самого, так и для отечества, которому он преданно служил. Речь идет об истории с девицей Ильиной и... истории о том, как он вдохновил скульптора Ивана Мартоса на создание памятника Минину и Пожарскому. «Пусть пишут критики на слабые труды мои, но потомство скажет: Гераков, хотя и слабым пером, но успел воспламенить славного художника, и мы зрим монумент Минину и Пожарскому, воздвигнутый по желанию императора Александра I и всех россиян»²⁰. И в том, и в другом случае «внутритекстовой персонаж» действует в соответствии с жанром его «героико-патетических» сочинений и, по сути, решает поставленные писателем просветительские задачи. «Персонаж Гераков» сближался с «читателями», но, в отличие от них, уже выполнил то, чего сам ожидал от читателей как автор, а именно: славные примеры истории подвигли «маленького человека» на добрые дела во имя славы отечества. Возможно, это были те самые «дела», которые подтверждали идею Геракова о преемственности подвигов в России²¹.

Приверженность писателя нравственным ценностям «века минувшего», неумное желание приобщить соотечественников к родной истории, правя современные нравы еще не забытыми методами — все это позволяет говорить о Геракове как о человеке, укорененном в XVIII в. и усвоившем просветительскую веру в действенную силу мысли и слова.

ничего, успеваю облегчить участь себе подобным» (137, 139, 147, 152, 153; 152, 154; 166–167; 178–180; 189; 193–194).

²⁰ В своей книге «Твердость духа некоторых россиян» (СПб., 1803), рассказывая о подвиге Минина и Пожарского, Гераков с удивлением заметил, что в России до сих пор нет памятника эти героям. Но уже в 1813 г. в примечаниях к книге «Твердость духа русских» Гераков не без гордости сообщает своим читателям, что известный русский скульптор И. П. Мартос по прочтении его труда о Минине и Пожарском решил сделать памятник героям. Писатель рассказывает, что когда скульптор сделал модель, то «удостоил меня видеть оную, говоря, что он был возбужден моими строками к сему приятному труду» (Ч. 2. С. 39).

²¹ Возможно, по замыслу Геракова, его «персонаж», вдохновленный историей «маленького человека», должен был «работать» на просветительскую задачу точно так же, как это до того делали персонажи сатирических журналов XVIII в. или, например, внутритекстовой персонаж «издателя» Николая Новикова, обращавшийся со страниц своего предисловия к «Повествователю древностей российских», к персонажу «читателя», наделенного качествами, заданными жанром произведения и просветительской задачей издателя, в том числе качествами «любителя российских древностей» и патриота России.

Однако Гераков пытался решить задачу, поставленную просветителями, не считаясь ни с изменившимися историческими реалиями, ни с господствующими литературными вкусами; он использовал для достижения своей цели приемы и повествовательный слог, более подходящие для литературы XVIII в. Кроме того, восприятию гераковского «персонажа» как «героя своего времени» могла помешать и его одиозная репутация. Совершенно очевидно, что Геракова всю жизнь сопровождал разлад между его самооценкой и оценкой его современниками, для которых он был, прежде всего, «домашним человеком в знатных домах», «шутком», «тираном читателей», «моралистом», «приживалой в домах богатых людей», «бедным своенравным, самолюбивым греком», который почему-то взялся их поучать. Гераков любил всем говорить «резкую правду», в том числе и об испорченности современных нравов, и о пагубной увлеченности русских французским языком и литературой. Однако современники часто высмеивали его. И желание говорить всем правду приводило к тому, что люди, хорошо знавшие писателя, отзывались о нем как о шуте. Например, критик М. Н. Лонгинов (его отец — Н. М. Лонгинов, секретарь императрицы Елизаветы, тесно общался с Гераковым) дал писателю такую уничижающую характеристику: «Гераков этот был маленький человек, родом грек, а званием шут в разных знатных домах»²². Так учитель-моралист в общественном мнении превратился в шуту. А шутов, как известно, отличает нетрадиционное поведение, идущее вразрез с общепринятым. С. Н. Марин, близко знавший Геракова и «прославивший» его в своих сатирических стихотворениях, пишет в 1810 г. М. С. Воронцову: «Хотя я не вижу молодого грека, но по слуху полагаю, что его скоро высекут в Управе благочиния, он много болтает, да и не худо бы это было, чтобы его проучили»²³. Совершенно очевидно, что к 1810 г. негативная репутация Геракова уже сложилась. В этой связи совершенно объяснима

²² Лонгинов М. Н. Соч. СПб., 1915. Т. 1. С. 119.

²³ Архив князя Воронцова. М., 1889. Кн. 35. С. 454. Сергей Никифорович Марин (1776–1813), поэт-сатирик, принадлежал к кружку литераторов Преображенского полка и примыкавшим к ним (гр. М. С. Воронцов, А. А. Шаховской, Д. В. Давыдов, Ф. И. Толстой и др.). В числе «примкнувших» по странному стечению обстоятельств был и Г. В. Гераков. По словам Ф. В. Булгарина, Марин прославил Геракова в своих сатирических стихах, т.к. тот «служил Марину оселком, на котором он острил свой ум» (*Булгарин Ф.* Воспоминания. Ч. 1. С. 287).

и та уничижительная интонация, которая слышится в отзыве В. К. Кюхельбекера, который, анализируя наиболее интересные статьи из журнала «Сын отечества», вдруг с удивлением обнаруживает: «...первую мысль к сооружению памятника Минину и Пожарскому подал — можно ли было это подумать — Гераков!»²⁴ Но Гераков яростно защищал свою репутацию и искренне считал, что «пока старины будут держаться, дотеле Россия устоит против всех». Он находил иное объяснение тому, почему ему, вместо благодарности и лавровых венков от современников, достаются одни насмешки и оскорбления:

Россия! Народа твоего история,
Занятие мое любимое.
Как больно оскорбительно
Для истинного россиянина:
Что мало кто занимается
Историєю своего отечества.
Есть дела великие,
Отыскивать же оные,
Стоит труда долговременного.
Я, который с охотою роюся,
В славных былях, небылицах,
Терплю много неприятностей
От россиян, образованных
В краях чужих
Или иностранцами;
Иногда слыву глупцом для них,
Что занимаюсь пустотой одною.
Они российскую историю,
Начинают со времен Великого.
Увы! Не знают бедные,
Сожаления достойные,
Что Петр, Екатерина
Почерпнули для себя полезное

²⁴ Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 178.

Из летописей русской древности.
Я стараюсь быть философом
И сношу насмешки глупые,
От людей, не знающих
Историю своего отечества²⁵.

Личная и писательская репутация Геракова могла бы быть спасена очередным нравственным подвигом. Но кто знает, нашли бы эти нравственные подвиги писателя отклик в сердцах современников, если бы не Отечественная война 1812 года, позволившая Геракову изменить мнение современников о себе и создать репутацию русского Тацита или Флавия.

Это был кратковременный момент в творческой судьбе писателя, когда его самооценка совпала с оценкой современников. Причиной тому было появление на волне патриотических настроений в русском обществе новой версии «Твердости духа русских», главного труда Геракова. В другое время эта книга не собрала бы такое количество столь редких для трудов Геракова положительных отзывов. В своих мемуарных записках «Продолжение путевых записок по многим российским губерниям 1820 и начала 1821 года» (СПб., 1830) Гераков не без гордости отмечал, что его хвалили «мыслящие люди может быть не за слог, но за предмет писания». Среди этих «мыслящих людей», по свидетельству Геракова, были Ахвердов, Державин, Карамзин, Капнист, Каченовский. А «славный партизан» Денис Давыдов по прочтении этого труда прислал ему стихи: «Гераков! Прочитал твое я сочиненье; / Оно утешило мое уединенье; / Я несколько часов им душу восхищал; / Приятно видеть в нем, то сердце благородно, / Что пылкий дух любви к отечеству внушал. / Ты чтить отечество, и русскому то сродно: / Он ею славу, честь, бессмертие достал»²⁶. Геракова могли хвалить не столько за само сочинение (которое, как и все предыдущие, не отличалось литературными достоинствами), сколько за то, что он стал одним из первых, кто увековечил примеры героизма и патриотизма, проявленные

²⁵ Гераков Г. В. Слава женского пола. С. 23–24.

²⁶ Гераков Г. В. Продолжение путевых записок по многим российским губерниям 1820 и начала 1821 года. СПб., 1830. С. 56–58.

современниками во время войны 1812 года, включив их в новое издание «Твердости духа русских». Остановимся на этом подробнее.

«Кто льет слезы при виде бедствий или слыша о делах добродетельных, тот способен усладить первые и творить последние». Этот эпитафический эпиграф к первой книге «Твердости духа русских», как, впрочем, и все последующие эпитафические эпиграфы, по всей видимости, были призваны характеризовать автора как добродетельного гражданина, любящего историю отечества, распространяющего свет исторической истины и восстанавливающего справедливость. И на этот раз Гераков включил в комментарий к подвигу Ильина при Чесме подробное описание своего собственного нравственного «подвига» и его последствий с приложением документов (писем и указов), подписанных министром уделов Д. П. Троцинским и императором Александром I, а также подробное описание своей роли в создании памятника Минину и Пожарскому. Но, вписывая свои нравственные подвиги в ряд подвигов прославленных героев российской истории, он не предполагал, какой резонанс вызовет его сопричастность фактам новейшей истории. Стоит отметить, что в «Твердости духа русских» сошлись две традиции — художественная традиция «русских Плутархов» и традиция публицистики. Гераков одним из первых дал описание героических эпизодов, которые происходили совсем недавно и были у всех на слуху благодаря реляциям из армии, указам о награждении героев и устным рассказам офицеров — очевидцев событий. Писатель увековечил подвиги «героев русских под предводительством славного и бесстрашного князя Багратиона», подвиги Энгельгардта, Черневича и Граббе, Ростислава Захарова и Андриянова при Бородине, офицера NN при Салтановке, Харитонов, Багговута. Стоит особо отметить, что у этих историй, зафиксированных в «Твердости духа русских», были как устные, так и письменные источники. Причем путь, который проходил каждый военный эпизод от устного рассказа очевидца или родственников очевидца, от писем с мест сражений, от реляций из армии и манифестов Ростопчина до публикации их в «Твердости духа русских», был чрезвычайно коротким. Достоверно узнать о том, на какие источники опирался Гераков, описывая подвиги русских офицеров и солдат, поможет его рукописный дневник, датированный одним годом — «с марта 17 1812 до 1813 марта 20».

В дневнике в первую очередь обращают на себя внимание записи, отражающие положение дел в действующей армии. Основными

письменными источниками сведений о потерях с обеих сторон, о победах, поражениях и перемещениях русской и французской армий служат как рескрипты и реляции, дословно цитируемые в дневнике, так и письма из армии, включая письма М. И. Кутузова²⁷ жене, письма Александра I императрице Марии Федоровне.

Первые записи дневника, отражающие военную тему, основываются на официальных документах: «Читал Рескрипт к Н. И. г<рафу> Салтыкову²⁸ о объявлении войны французам» (17 июня. С. 156). Известно, что к 21 июня в Петербург пришли «Известия о военных действиях» от 17 и 19 июня 1812 года, и Гераков сразу фиксирует этот факт в своем дневнике: «Получена реляция о движении всех армий» (21 июня. С. 157). А 22 июня Гераков записывает: «Получено письмо от им<ператора>. Добрая мать! Сын ваш Ал<ександр> жив, здоров и благополучен. Дела наши идут нельзя лучше, — француза бьем и гоним. Надеюсь, в скором времени злодей получит должное возмездие за свой адский умысел. Более некогда писать. Остаюсь ваш сын Ал<ександр>» (С. 157).

Гераков — певец подвигов минувших времен — не мог не осознавать, что стал современником великих событий и героических людей. А занятия историей научили его ценить факты. Вот почему в своем дневнике Гераков практически не ошибался в изложении сведений военного времени.

«...Был у Авдулиной, где и взял записку о победе Платова над Понятовским, — 937 взято в полон — и 13 пушек»²⁹ (10 июля. С. 159). «...Победа Витгенштейна в самом Полоцке. Ранен в плечо Удино³⁰. Черт бы взял всех французов!» (17 августа. С. 161).

²⁷ М. И. Кутузов хорошо знал Геракова еще по Первому кадетскому корпусу, где с 1795 по 1797 год служил в должности директора, и где Гераков преподавал историю. Кроме того, Гераков и впоследствии поддерживал приятельские отношения с семьей Кутузова, о чем свидетельствуют записи дневника.

²⁸ Салтыков Николай Иванович (1736–1816), светлейший князь, генерал-фельдмаршал, председатель Государственного совета и Комитета министров. Воспитатель Александра I. Рескрипт был написан 13 июня 1812 г. в Вильне.

²⁹ Имеется в виду сражение под Миром 28 июня 1812 г.

³⁰ Витгенштейн Петр Христианович (1764–1843), генерал-лейтенант. В 1812 г. командовал отдельным корпусом, прикрывавшим Петербургское направление. 5 августа произошло сражение под Полоцком, где был ранен маршал Удино.

Безусловно, Гераков не мог не передавать и слухи, которые наполняли Петербург, продолжающий жить прежней довоенной жизнью. В основном эти неподтвержденные слухи были связаны с надеждами на то, что русская армия быстро одолеет «разбойника Бонапарта». Например, запись от 26–28 июня: «Дела воинские идут хорошо, и Бог накажет Бонапарта» (С. 158) – не отражала истинного положения дел. На самом деле «дела воинские» шли плохо: 1-я и 2-я Западные армии отступали, увеличивая разрыв между собой, а 26 июня французы заняли Минск. И опять, опережая события, Гераков 9 сентября передает, правда, уже с определенной долей сомнения, слух о том, что «Бонапт опять разбит и ранен; как бы желательно, чтобы это правда была» (С. 164).

Но сведений, основанных на слухах, в дневнике совсем мало, и в записях чрезвычайно редко встречается глагол «говорят»: «...Говорят утвердительно, что граф Кутайсов³¹ убит. Жаль душевно» (31 августа. С. 162).

И все же главными источниками информации для Геракова становятся письма из армии и рассказы офицеров — очевидцев событий: «В 5 часов читал письмо кн<язя> Кутузова, что левый фланг под начальством кн<язя> Багратиона — совершенно разбил фран<цузов> в большей силе — и в плен было взято два орла — и 15 тысяч положено на месте³². Слава Богу!» (29 августа. С. 162). «...Обедал у Куту<зовых> — Неклюдовых, откуда с письмом от Шевича был у Шевичевой³³, где пил чай, и читал письмо, в котором Шевич говорит о мужестве наших войск и о Кутузове с восхищением. Левенвольде³⁴ убит, и кавалерия потеряна. Кон<ной> гвардии убит Со<л>нцев³⁵

Удино Николая-Шарль (1767–1847), маршал Франции, командир 2-го армейского корпуса Великой армии.

³¹ Кутайсов Александр Иванович (1785–1812), генерал-майор, погиб в сражении при Бородине.

³² Речь идет о Бородинском сражении.

³³ Шевич Иван Георгиевич (1754–1813), генерал-майор, в 1812 г. командовал гвардейской кавалерийской бригадой. Его жена — Шевич (урожд. Бенкендорф) Мария Христофоровна (1784–1841).

³⁴ Левенвольде Карл Карлович (1779–1812), барон, полковник кавалергардского полка. Убит в Бородинском сражении.

³⁵ Солнцев 2-й Григорий Александрович (ум. 1812), штабс-ротмистр л.-гв. Конного полка.

и 80 рядовых» (2 сентября. С. 163). «...С 12 часов на даче Нарышкина — там читал письма Майкова³⁶ к Александру Льв<овичу> Нарыш<кину>, где, между прочим, говорит: 1) что Левушка³⁷ 28 уже отъехал в Армию, отказался быть при кн<язе> Кутузове — четыре дня только и был в покое от раны своей в голове; 2) что сын его старший больно ранен в обе ноги, и что привезли его с шефом его, Титовым³⁸, ранен тоже. 3) Оленина два сына убиты³⁹. 4) Кутайсов убит, 5) что Москва из себя представляет великий госпиталь — но все хотят драться» (3–4 сентября. С. 163). «Праз<д>нество — молебен по победе, одержанной к<нязем> Кутузовым. Весь город иллюминирован — и радость, как в Светлое Воскресенье, все крестятся, все от радости слезы льют. Кутузов пишет к жене своей: От 7 октября: “Бог мне даровал вчерась победу при Черемшине; французами командовал король неаполитанский. Они были от 45 до 50 тысяч; не мудрено было их разбить, но надобно было их разбить дешево для нас, и мы потеряли всего ранеными до 300 человек, недоставало еще немного счастья, и была бы совсем баталия Кремская. В первой раз французы потеряли столько пушек, и в первый раз бежали как зайцы. Между убитыми много знатных”»⁴⁰ (16 октября. С. 169–170).

Особый интерес для нас представляют устные рассказы офицеров, записанные Гераковым в свой дневник. Обращают на себя внимание обстоятельства, при которых писатель получал эту информацию. Некоторые записи дневника подтверждают тот факт, что рассказчики намеренно

³⁶ Майков Аполлон Александрович (1761–1838) занимал место директора императорских театров. Его сын — Александр (1792–1886).

³⁷ Нарышкин Лев Александрович (1785–1846), сын Марии Алексеевны и Александра Львовича Нарышкиных; в 1812 г. ротмистр Изюмского гусарского полка. Воевал в составе отрядов Ф. Ф. Винцингероде.

³⁸ Титов Адам Агеевич, полковник, шеф Тарнопольского пехотного полка.

³⁹ Речь идет о сыновьях директора Публичной библиотеки, писателя и художника Алексея Николаевича Оленина (1763–1843). Николай (1793–1812) — прапорщик л.-гв. Семеновского полка, погиб в Бородинском сражении; Павел (1793–1868) — прапорщик л.-гв. Семеновского полка, был тогда же тяжело контужен.

⁴⁰ Цитируемое письмо М. И. Кутузова к жене см.: М. И. Кутузов: Сб. документов. М., 1954. Т. 4. Ч. 2. С. 22. Черемшина (правильно: Чернишня) — приток р. Нары неподалеку от Тарутина; баталия Кремская — сражение при Кремсе 30 октября 1805 г., когда русские войска разбили корпус французского маршала А. Мортье.

сообщали Геракову о подвигах солдат и офицеров, с той целью, чтобы Гераков увековечил их в своем сочинении: «Третьего дня Лев Нарышкин говорит мне: пиши о майоре Ахтырского гусарского полка Кнабе⁴¹ — под Бородиным лишился ноги, <ранен в> плечо — лечился в Москве и уже на костылях скакал — готов опять... — Но как узнал, что французы вступили в Москву, он не мог пережить сего — разорвал бинты — и истек кровью...» (7 декабря. С. 180). «...Был у Пушкина-Брюса — и там свидился с Мариным <...>. Он сказал два анекдота, которые я и написал — об ун<тер>-офи<цере> Екате<рининского> ки<расирского> полку Андриянове — и N полковнике N-ого полку — спасибо...» (19 января).

Безусловно, Л. А. Нарышкин и С. Н. Марин знали о том, что Гераков способен не только воспевать воинские подвиги, но и привлекать внимание высокопоставленных особ к судьбам героев. В дни войны эта «миссия» писателя оказалась особенно востребованной. И офицеры не ошиблись в своем намерении рассказать о недавних событиях Геракову. А ротмистр Л. А. Нарышкин не только рассказывал Геракову о подвигах других офицеров, но, видимо, решил воспользоваться посредничеством Геракова, с тем, чтобы через него передать совместно обдуманную с Ф. Ф. Винценгероде «героическую» версию своего пленения. Дело в том, что 11 октября 1812 г. генерал Ф. Ф. Винценгероде, взяв с собой ротмистра Л. А. Нарышкина, приехал в город для «побуждения к сдаче» оставшихся там неприятельских войск. Оба офицера были взяты в плен, хотя имели переговорный знак. И сразу после самого события в свете и в российской военной среде возникла версия о честолюбивых планах генерала, который хотел первым освободить Кремль, не ставя в известность даже фельдмаршала, и о его пленении как следствии его «неимоверной неосторожности»⁴² (М. И. Кутузов). Генерал А. П. Ермолов, например, вменял в вину Винценгероде стремление прославиться и снискать себе славу освободителя Москвы (С. 186)⁴³. Нарышкину было

⁴¹ Возможно, речь идет о Федоре Федоровиче фон Кнабе, майоре Елизаветинского гусарского полка, который был смертельно ранен при Бородине.

⁴² Это выражение Кутузов использовал в своем донесении Александру I. См.: М. И. Кутузов: Сб. документов. Т. 4. Ч. 2. С. 175.

⁴³ А. П. Ермолов в своих «Записках» так объясняет причину пленения Винценгероде: «С малым конвоем и немногими из свиты своей генерал Винцингероде подъехал к заставе города, конечно, не для обозрения, но правдоподобнее, с

важно сделать известной свою версию, которая могла способствовать героизации как необдуманного поступка Винценгероде, так и обстоятельств пленения самого молодого ротмистра. И Гераков, выслушав рассказ Л. А. Нарышкина о его «чудесном избавлении» из плена, записывает в тот же день (10 ноября) в дневнике: «...что он говорил, напишу подробно» (С. 174), а уже 13 ноября передает весь рассказ, но только почему-то не о «чудесном избавлении» из плена, а об обстоятельствах, при которых оба офицера попали в плен: «...Почти так рассказывал 11 октября⁴⁴ Лев Але <ксандрович> Нарышкин: “Я, привязав белый платок к казацкой пике, велел ехать вперед, затем еще два казака, потом Винценгерод⁴⁵ и я, — а за нами 15 казаков с Иловайским 4-трусом генералом⁴⁶ ехали по Тверской улице. Винценгерод приказал через меня

намерением, устранив неприятеля готовностью к бою, склонить к сдаче Москвы. Сопровождавший его слабый конвой был опрокинут и, не подавши знака, что прислан для переговоров, хотя и настоятельно утверждал, что все против него были обстоятельства, и он был взят под стражу» (См.: Записки А. П. Ермолова: 1798–1826. М., 1991. С. 264).

⁴⁴ Здесь Гераков либо ошибся, указывая дату рассказа Нарышкина, либо опустил предлог «о» («о 11 октября»), указывая дату пленения.

⁴⁵ Винцингероде Фердинанд Федорович (1770–1818), барон, с 1812 года — генерал-майор и генерал-адъютант. Командовал отдельным отрядом, прикрывавшим направление Москва — Петербург.

⁴⁶ Иловайский (4-й) Иван Дмитриевич (1766 — после 1827), генерал-майор. После пленения Ф. Ф. Винцингероде возглавил его отряд. Указывая Геракову на «трусость» Иловайского, Нарышкин, возможно, хотел скомпрометировать Иловайского, зная, что у того есть другая точка зрения на «геройство» Винцингероде и Нарышкина. Известно, что Иловайский в своем рапорте М. И. Кутузову не был склонен героизировать факт пленения генерала и ротмистра: «Корпусный командир генерал-лейтенант его императорского величества генерал-адъютант Винцингероде, вчерашнего числа по полудни в 7 часов, прибыв ко мне из с. Чашникова в таковое ж Никольское, где я находился с авангардом его корпуса, объявил, что он непременно должен быть в Москве дабы лично убедить оставшегося в Кремле начальником из неприятельской армии к сдаче, приказав с сим вместе двинуть к столице весь авангард; все сие было исполнено в самое короткое время, и он, корпусный командир, приближаясь к городу, приказал полки оставить при Петровском дворце, а сам немало медля поехал во внутрь города к Кремлю; взяв туда же с собою Изюмского гусарского полка ротмистра Нарышкина; я находясь при нем, хотя неоднократно сам тогда, и прежде еще приближения к Москве в присутствии штаб и обер-офицеров, предлагал ему не ездить самому к неприятелю и тем удалить себя от каких-либо неприятельских действий, но все осталось безуспешно, ибо Винцингероде не выждав еще возвращения посланного <...> к неприятельским аванпостам вроде парламентаря сотника Попова и приближаясь к самой заставе неприятельской, которая была у Тверских ворот,

Иловайскому возвратиться со всеми казаками, мне не следовать за ними, а сам поехал вперед. Караул, стоящий у губернаторского дома, вышел в ружье; офицер бледный, преклонил саблю, спросил, что угодно? Винценгерод сказал, что желает говорить с Мортье⁴⁷. В сие время какой-то гусарский французский офицер, бежавший при виде казаков, бросился в сие мгновение на Винценгерода, говоря, что он его пленник. С сим словом поскакал. Я, — продолжал Нарышкин, — потеряв из глаз своего генерала, поскакал. Караул стрелял <в> меня, но Бог спас меня, и я успел офицера уговорить препроводить меня к Мортье; <он> согласие дал; и велел слезать с лошади; обезоружили и скорыми шагами по развалинам Москвы любезной, по телам, по ужасам для всякого русского — в поте лица, привели меня в Кремль.

Первое лицо было Лесепс⁴⁸, который распинался чертом передо мною, но я его холодно принял и требовал вести меня к Мортье. Только около 7 стали в ружье. Все пьяны, готовы были выступить из Москвы.

Винценгерод, увидев меня, вошедшего к Мортье, ужаснулся, но дело уже было сделано.

Мы из Москвы поехали в Власовой карете, но, подъезжая к новому мосту, лошади начали бить, и мы выскочили из одной; и принуждены были пешком идти по чрезвычайной грязи»» (С. 174–175).

Обращает на себя внимание оговорка Геракова: «почти так рассказывал» Нарышкин. Оговорка могла быть связана с тем, что с момента самого рассказа прошло два дня, и писатель был не уверен в точности некоторых подробностей, который доверил бумаге. Но что ему мешало в дневнике, который не был рассчитан на постороннего читателя, не делать

у Тверских ворот, и оставив позади себя всех при нем бывших, тотчас подъехал к неприятелю, тогда его взяли 2 неприятельские солдата и отвели к Кремлю, а вслед за ним подобным образом въехавшего ротмистра Нарышкина, не прошло еще нескольких минут, после того сделано по сотнику Попову довольно ружейных выстрелов, а спустя еще несколько времени, вышло из Кремля 2 роты пехоты, которые, стреляя залпом, принуждали удаляться помянутого офицера» (Отечественная война 1812 года: Материалы Военно-учетного архива. СПб., 1912. Отд. 1. Т. 19. С. 66–67).

⁴⁷ Мортье Адольф Эдуар (1768–1835), герцог Тревизский, маршал Франции, военный губернатор Москвы.

⁴⁸ Лесепс Жан Батист (1766–1834), гражданский интендант Москвы и Московской губернии.

такую оговорку? Безусловно, Гераков собирался описывать это событие в своем сочинении и стремился держаться исторической истины, так как понимал, что участник этого события будет самым строгим судьей его сочинения. Однако обращает на себя внимание тот факт, что Гераков документирует в дневнике только эпизод, способствующий прославлению героя. И в этом выбранном Гераковым эпизоде особенно подчеркивается бесстрашный характер поступка Нарышкина, который добровольно сдался в плен, чтобы разделить участь своего командира. Гераков расставляет акценты в изложении эпизода таким образом, чтобы придать поступку молодого Нарышкина, сына своего покровителя А. Л. Нарышкина, статус «подвига». Возможно, он остановился именно на этом эпизоде и расставил, вслед за самим Нарышкиным, акценты, уже зная, что существует другая точка зрения на причины и обстоятельства этого пленения. Однако Гераков почему-то ограничился только дневниковой записью и не прославил Нарышкина в своих сочинениях. Предположу, что Гераков мог усомниться в справедливости слов молодого Нарышкина, столкнувшись с точкой зрения М. И. Кутузова на обстоятельства пленения офицеров. Например, в одном из своих писем к жене Кутузов в мягкой форме развенчивает «подвиг» Нарышкина и Винцингероде: «Не знаю, как быть с Марией Алексеевной? Она поручила мне сына <Льва Нарышкина>, которого я было и взял к себе, но не мог удержать. Пристал ко мне и выпросился командовать полком у Винцингерода, и по непонятной глупости Винцингерода попался в полон с ним вместе в самой Москве»⁴⁹. Гераков уважал мнение своего бывшего начальника по Первому кадетскому корпусу, а в те дни, когда фельдмаршал решил оставить Москву и общественное мнение было не на его стороне, писатель решительно встает на сторону Кутузова, о чем свидетельствуют записи дневника: «...Говорят, что 6 числа, в день именин князя Кутузова, злодеи впущены в западню — Москва да послужит злодеям гробом — Бог справедлив и сила русская — велика и неустрашима» (11 сентября. С. 164). «...Все умные утверждают, что к<князь> Кутузов очень хорошо сделал оставив Москву — и я так же думаю и надеюсь, что злодей, разве сам только унесет кости свои, за то у себя встреча ему будет адская...» (12 сентября. С. 164). «Ек<атерина>

⁴⁹ М. И. Кутузов: Сб. документов. Т. 4. Ч. 2. С. 193–194.

Анд<реевна> Иеголь дельно журила меня, что я у графа Васильева Казадавлеву сказал много правды, слыша, что он смеет Витгенштейна сравнивать с <князем> Кутузовым» (10 января. С. 185).

История с эпизодом пленения ротмистра Нарышкина, отраженным в дневнике Геракова, не может не указывать на важное обстоятельство творческой биографии писателя: его способности «прославлять», «увечивать» и «восстанавливать справедливость» оказались востребованными в дни войны еще до выхода в свет «Твердости духа русских». Но восстановление писательской и личной репутации Геракова произошло именно после издания этой книги.

Нам доподлинно неизвестно, когда именно Гераков принял решение переиздать «Твердость духа русских», дополнив сочинение недавними подвигами. Но из дневника мы узнаем, что Гераков еще до начала войны приступил к работе над переизданием своего сочинения и, возможно, уже весной 1812 г. был готов отдать его в издательство, о чем свидетельствует запись 13 апреля: «...Наконец переписали мне мою книгу — Т. Д. Р.⁵⁰; посмотрим, что-то будет с нею» (С. 137). А 2 мая он препровождает свою книгу цензору И. О. Тимковскому и радостно сообщает, что «получил очень лестный ответ для меня» (С. 148). В мае подписка на книгу еще продолжалась: «Обедал у Стурдзи и доволен — подписано на мою книгу на 90 рублей» (29 мая. С. 154).

В дни войны Гераков ни разу не упоминает о книге. Лишь в августе 1812 г. он приводит в дневнике восторженный отзыв девицы Екатерины Скульской на предыдущее издание книги «Твердость духа русских»: «Скульская в письме к любезнейшей девице Е<катерине> Ва<сильевне> Нелидовой пишет ко мне следующее: “Я очень много наслышалась об вас, м. г., от сестры моей, и давно уже желала познакомиться с издателем Т. Д. Р. Я с большим удовольствием читала, ибо я русская и люблю мое отечество! Люблю также и почитаю тех, кто умеет ценить истинное достоинство и отдавать ему справедливость; следовательно, вы имеете право на мое хваление... Вам преданная Катери<на> Скульская”» (30 августа. С. 162).

⁵⁰ Т. Д. Р. — книга Г. В. Геракова «Твердость духа русских».

Можно предположить, что в дни войны отношение к Геракову и к тому, что он делал на поприще русской истории в среде современников, настроенных на патриотический лад, изменилось в лучшую сторону. Надо сказать, что в это время писатель не только не изменил своим взглядам, которых придерживался до войны, но, наконец, почувствовал, что правда на его стороне, и стал еще с большим энтузиазмом всем говорить эту «правду». Из дневника мы узнаем о том, что Гераков не только вступает в спор с министром внутренних дел О. П. Козодавлевым, чтобы защитить Кутузова, но и о том, как клянет французов и «всех иностранцев» («Обедал у Сосновского и верно надоел, говоря всегда против иностранцев...» (С. 193), а заодно и тех русских, кто «в душе француз» («Много спорил с вонючим к<нязем> Тифякиным, который все так <же> любит французскую нацию. Эк злодей!» (С. 172). Геракову всю жизнь доставалось за «правду», и он продолжал переживать «непонимание», с которым сталкивался в свете, и в дни войны: «...Я за то, что пишу и твержу о любви к отечеству, я должен терпеть — Боже! защити меня...» (С. 164). Но вместе с тем в дни войны писатель получил столь значимый повод для публичного изложения своей прежней позиции, что это могло расположить к нему ту часть петербургского общества, которая в другое время и не обратила бы внимания на его пафосные высказывания о необходимости служения отечеству. И такие фразы, как «любовь к отечеству» и «преданность долгу перед отечеством», в дни войны для многих перестали маркировать лишь ценности ушедшего века и наполнились новым смыслом. А увлеченность Геракова русской историей в новых условиях приобрела иной смысл и значение. В дневнике встречаются записи, которые свидетельствуют о том, что Гераков был искренне уверен в том, что враг не может одолеть народа, одержавшего такие славные победы в прошлом: «...В <...> 1612 году Пожарский совершенно рассеял всех врагов⁵¹. Дай-то Бог, чтобы и ныне к<нязь> Кутузов то же бы совершил»

⁵¹ 24 августа 1612 г. войско гетмана Ходкевича, пришедшее на помощь к осажденным в Кремле полякам, было разбито ополчением К. Минина и Д. Пожарского, что в конечном итоге обеспечило полное освобождение Москвы. На близость этих дат также обращал внимание Ф. Н. Глинка в письме к М. П. Погодину (*Погодин М. П.* Простая речь о мудреных вещах. М., 1873. С. 78).

(24 августа. С. 161). «Рождество Богоматери. <...> В <...> 1380 году Мамай разбит на Куликовом поле. Дай Бог, чтобы сегодняшней день на века был поражен злодей Бонопарт» (8 сентября. С. 164).

Писатель не оставлял привычку, приобретенную им, видимо, в годы учительства, подбирать исторические ключи ко многим современным ему событиям. Он охотно проводил параллели между победами и поражениями, одержанными его славными современниками, и событиями прошлого: «...Чичагова⁵² реляция чуть было с ума не свела — пропустил, дурак, Бонопарта — так, как отец его при Ека<терине> II — Густава III!» (25 ноября. С. 177).

Вот такая практическая ценность истории, которая многим вдруг стала очевидной в дни Отечественной войны, позволила Геракову восстановить доброе имя⁵³. К нему пришла долгожданная слава. И даже С. Н. Марин по случаю издания «Твердости духа русских» отложил свое привычное сатирическое перо и восславил Геракова за его усилия: «Сей автор не во зло перо употребил — / Он многих россиян им твердость возвестил»⁵⁴. Очевидно, что все эти люди хвалили Геракова не за литературный талант, а за его нравственный подвиг. Более того, можно даже утверждать, что Гераков способствовал появлению у соотечественников, продолжающих в дни войны посещать балы и театры, чувства

⁵² Чичагов Василий Яковлевич (1725–1809), адмирал, участник русско-шведской войны 1788–1790 гг.

⁵³ Перу Геракова принадлежат два патриотических сочинения, связанных с началом Отечественной войны и ее победным завершением: «Чувства русского» (СПб., 1812) и «И мои мысли по истреблении армий Бонопартовых мудрым князем Голенищевым-Кутузовым-Смоленским с русскими» (СПб., 1813). В первом сочинении Гераков убеждает своих соотечественников в том, что победа русских неминуема, и в качестве аргументов приводит героические события русской истории. Во второй книге Гераков высказывает удовлетворение не столько по поводу победы М. И. Кутузова над французами, сколько по поводу того, что он оказался прав в своем сочинении «Чувства русского», предсказав скорую победу российской армии. Своей правотой он не перестает гордиться и в «Твердости духа русских». В Прибавлении к третьей книге писатель публикует письмо своему другу, в котором признается, что гордится тем, «что написал, уверен быв, что злодеи пограны», передав потомству свои чувства. (Гераков Г. Твердость духа русских. Кн. 3. С. 101).

⁵⁴ Этот доброжелательный отзыв С. Н. Марина впервые был опубликован Г. В. Гераковым в его сочинении «Продолжение путевых записок по многим российским губерниям 1820 и начала 1821 года» (СПб., 1830. С. 57).

сопричастности подвигам предков и современников. Но не исключено также, что Геракова могли хвалить и потому, что никто не ожидал такого именно от Геракова (учитывая его «дурную» репутацию), и тогда такая похвала вполне могла соседствовать с плохо скрываемым (как у Кюхельбекера) удивлением: «Смотрите-ка, оказывается, на что способен этот Гераков!..» Так или иначе, но именно в дни войны 1812 года Гераков зарекомендовал себя как человек, способный дать новую жизнь и давно забытым подвигам, и открыть путь к славе новым героям. В РО ИРЛИ хранится письмо неизвестного, адресованное Геракову. Оно без даты, но, судя по водяному знаку на бумаге, письмо относится к 1813 г. Автор послания рассказывает о нравственном подвиге своего деда, который однажды спас статую Петра Великого. Неизвестный корреспондент, видимо, надеялся на то, что Гераков увековечит этот поступок в своем следующем сочинении⁵⁵.

Однако слава Геракова оказалась мимолетной. Гераков оправдался на какое-то время перед своими современниками, но не перед потомками. Академик Е. В. Тарле не знал о существовании этого дневника 1812 г., но, безусловно, знал о скоротечной славе, которая пришла к писателю после издания «Твердости духа русских». И, воспроизводя эпизод про кирасира Андриянова, Тарле мог довериться Геракову, руководствуясь доброжелательными отзывами о его сочинении участников и очевидцев событий войны 1812 года: «чуткого к истине» Дениса Давыдова и гераковского друга-оппонента С. Н. Марина. Историк имел все основания предполагать, что включенные в книгу военные эпизоды были рассказаны Геракову очевидцами или участниками событий. А поскольку некоторые из эпизодов были подтверждены документами из военных архивов (например, факты смерти П. И. Энгельгардта и майора Ф. фон Кнабе), то историк мог с чистой совестью сослаться на безымянных «очевидцев» вместо того, чтобы сослаться на Геракова. Кроме того, нам известно, что историк относился с большим интересом к литературным произведениям на историческую тему и был строгим критиком некоторых из них. Он понимал, какую ответственность несет художник, чье произведение может для многих

⁵⁵ РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. № 589.

читателей стать источником исторического знания. В беседе с историком Г. С. Фридляндом Тарле высказался по этому поводу так: «Бывает, что художественная литература блестяще подменяет историю»⁵⁶. И литературная версия подвига Андриянова, «подменившая» рассказы очевидцев, неплохо вписалась в научный труд историка. Вместе с тем, «плохая репутация» Геракова и спустя сто лет со дня его смерти сыграла с забытым писателем дурную шутку и не позволила вернуть его имя в список тех, кто прославлял подвиги русских офицеров в дни Отечественной войны 1812 года. Если проследить судьбу эпизода с Андрияновым дальше, то можно увидеть, что его постигла «участь» всех исторических «случаев и характеров русской истории», которые призваны «прославлять русское» и «приучить россиян к уважению собственного» (Н. М. Карамзин). Этот эпизод стал «предметом изображения» на картине советского художника-монументалиста А. И. Вепхвадзе (1921(?)–1982), который в 1948 г. создал батальное полотно «Смертельное ранение генерала Багратиона на Бородинском поле»⁵⁷. На картине, помимо истекающего кровью Багратиона, изображен и кирасир Андриянов на коне в тот самый момент, когда он просит князя отпустить его в бой.

⁵⁶ *Серебрякова Г. И.* Историки // Из литературного наследия академика Е. В. Тарле. М., 1981. С. 296.

⁵⁷ Сейчас картина хранится в Санкт-Петербурге, в Военно-медицинском музее Министерства обороны Российской Федерации.

С. В. Фролов

М. И. ГЛИНКА И ВОЙНА 1812 ГОДА

Об Отечественной войне 1812 года хорошо и много написано в художественной и научной литературе. В рассказах о ней, помимо военных событий, особое место занимает тема нравственных и душевных потрясений, пережитых русским обществом. Уже сам факт перенесения военных действий из центральной и восточной Европы на западные русские земли, более ста лет не видевшие врага, поражал их жителей, вызывая у одних чувство негодования, а других приводя в состояние паники. К тому же боль и увечья пострадавших в сражениях, гибель десятков тысяч людей, ужасы насилий, сопровождающие действия захватчиков на чужой стороне, отвратительные поступки предателей и мародеров обеих воюющих сторон — все это так или иначе коснулось едва ли не всех жителей территорий, на которые обрушилось вражеское нашествие.

Не миновали эти несчастья и средней руки смоленского помещика Ивана Николаевича Глинку, старшего сына которого, Михаила, ждала будущность основоположника русской классической музыки. К началу военных действий Михаилу, или, как звали его родные и друзья, Мишелю, только исполнилось 8 лет, и он, естественно, не мог не пережить впечатлений от тех событий, непосредственным участником которых был сам или о которых ему было известно со слов окружающих. И хотя имение родителей Мишеля в селе Новоспаском Ельнинского уезда не находилось на пути передвижения больших масс войск и в непосредственной близости от него не разворачивалось крупных военных действий, но и в нем побывали французские мародеры, разорившие помещичий дом. Сами же Глинки вынуждены были бежать и провести почти год вне дома.

Конечно же, военные события в Европе накануне «нашествия двенадцати языков на Россию» обсуждались в среде просвещенного русского дворянства. Однако, скорее всего, поначалу они мало интересовали

© С. В. Фролов

обитателей Новоспасского, занятых своими семейными делами. Впрочем, активные военные действия русской армии в Европе в конце XVIII — начале XIX вв. требовали увеличения ее численности и расходов на ее содержание. И рост благосостояния Ивана Николаевича Глинки в эти годы был в немалой степени обеспечен поставкой водки и продажей лошадей в действующую армию. К тому же численно растущие войсковые части, располагавшиеся в боевом состоянии у западных рубежей империи, требовали все большего обеспечения продовольствием, и помещики приграничных губерний выгодно продавали, в общем-то, мало востребованную в деревенской России продукцию сельскохозяйственного труда своих крестьян.

И все же, пока гром наполеоновских орудий не был услышан на русской земле, ее жители спокойно предавались повседневному радостям помещичьего бытоизживания и трудовых крестьянских будней. Лишь как мощный художественный прием в описаниях уже прошедших событий в литературе о том времени вводятся рассказы о каких-то роковых предчувствиях. Они якобы посещали накануне грядущих потрясений наиболее чутких людей. Например, дальний родственник композитора, известный писатель Федор Николаевич Глинка, вспоминая о своих ощущениях, переживаемых в своем духовщинском поместье в мае 1812 г., писал: «Природа в полном цвете!.. Зеленеющие поля обещают самую богатую жатву. Все наслаждается жизнью. Не знаю, отчего сердце мое отказывается участвовать в общей радости творения. Оно не смеет вернуться, подобно листьям и цветам. Непонятное чувство, похожее на то, которое смущает нас перед сильною летнею грозою, сжимает его. Может быть, это одна мечта. Предчувствие какого-то отдаленного несчастья меня пугает. <...> Но, может быть, это мечты! “Недаром, говорят простолюдины, прошлого года так долго ходила в небесах *невиданная звезда*; недаром горели города, селы, леса и во многих местах земля выгорала: не к добру это все! Быть великой войне!” Сии добрые люди имеют свои замечания»¹. Для других же россиян ни комета 1811 года,

¹ Глинка Ф. Н. Письма русского офицера. СПб., 1815. Цит. по: Глинка Ф. Н. Письма русского офицера о военных происшествиях 1812 года // Глинка Ф. Н. Соч. / Сост., автор послесл. и коммент. В. И. Карпец. М., 1986. С. 223.

ни даже само нашествие, ни начавшие бушевать в Москве во время него порывистые вихри, несшиеся от юга, затмевавшие небо пылью, ломавшие заборы и срывавшие кровли с домов, поначалу не имели существенного значения. Ничуть не замечая происходящего, они не отвлекались от привычных занятий, развлечений, карточной игры или обыденного всепоглощающего ничегонеделания. Вот как пишет об этом, например, старший брат того же Федора Глинка — Сергей Николаевич: «...ни волнение природы, ни гром пушек, час от часу приближавшийся к стенам Москвы: ничто не могло одолеть неугомонной привычки к *картам*. Посылали справляться гонцов: *где и далеко ли неприятель?* А получа ответ и поговоря несколько минут о военных действиях, опять провозглашали: *бостон! вист!* и так далее»².

В начале войны не только мирные жители постепенно вовлекаемых в боевые действия русских земель, но и военные не до конца осознавали все ужасы, которые несло России наполеоновское нашествие. Лишь столкнувшись с реалиями военных действий на родной земле, люди внезапно начали осознавать масштабы разворачивающейся трагедии, понимать отличия всего происходящего от прежнего ведения войны на чужой территории. «Разрушение Смоленска, — пишет один из наиболее значительных русских генералов того времени, — познакомило меня с новым совершенно для меня чувством, которого войны, вне пределов отечества выносимые, не сообщают. Не видел я опустошения земли собственной, не видел пылающих городов моего отечества. В первый раз жизни коснулся ушей моих стон соотичей, в первый раз раскрылись глаза на ужас бедственного их положения»³.

Вероятно, как и большинство россиян того времени, новоспаские Глинка были совсем не готовы к приходу врага. Может быть, по этой причине жизнь в 1811 и в первой половине 1812 гг. ничем не отмечена в их воспоминаниях, будучи вытесненной из них страшными впечатлениями последующих месяцев 1812 и начала 1813 гг.

² Глинка С. Н. Записки о 1812 годе Сергея Глинка, первого ратника Московского ополчения. СПб., 1836. С. 48.

³ И это пишет человек, вошедший в историю как «гроза Кавказа» — А. П. Ермолов (1777–1861). См.: Записки А. П. Ермолова. 1798–1826 гг. / Сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. В. А. Федорова. М., 1991. С. 168.

Так или иначе, но события Отечественной войны 1812 года развивались своим чередом. 10 июня Наполеон приказал начать наведение мостов через Неман, а 12 июня его громадная многонациональная армия начала переправляться на российский берег и вступать во взаимодействие с русскими войсками. Вести с театра военных действий доходили медленно. К тому же никто не ожидал, что враг, оказавшись на русской земле, долго не будет получать решительного отпора и стремительно продвинется к Москве. Поэтому сообщения середины июля о том, что русские армии, с трудом сдерживая мощный натиск неприятеля, отступают к Смоленску, пришедшие в мирные ельнинские селения, вероятно, произвели эффект разорвавшейся бомбы. И хотя неприятель, осадивший в начале августа Смоленск и располагавшийся поначалу только на больших трактах, был еще далеко от Новоспасского, опасность оказаться в районе боевых действий стала настолько очевидной, что семья Ивана Николаевича Глинки спешно в десяти экипажах на собственных лошадях выехала в Орел.

Там в доме богатого купца Глинки пережили зиму 1812–1813 гг., спасаясь «от грабежа, а главное, неприятностей и оскорблений от разных забегавших солдат и крестьян, недовольных своими помещиками»⁴.

Между тем 26 августа отступающая русская армия, возглавляемая М. И. Кутузовым, дала, наконец, под Москвой около села Бородина решительный бой, в котором если и не победила французов, то, во всяком случае, не потерпела и поражения. Но потери россиян были настолько велики, что отступление было неизбежно, и 2 сентября армия оставила Москву. А на следующий день, при вступлении туда неприятеля, в городе начались пожары. Прямые их причины в точности не выяснены, хотя в их возникновении и обнаруживается какая-то закономерность: русское население стало прибегать к огню всюду, где ступала нога французов. После взятия Смоленска жители лежащих на их пути городов и придорожных деревень, спасаясь в лесах, предавали пламени все, чего не могли увести с собою. Как справедливо принято считать, с этого времени война становится поистине народной.

⁴ Шестакова Л. И. Былое М. И. Глинки и его родителей // Глинка в воспоминаниях современников / Под общ. ред. А. А. Орловой. М., 1955. С. 33.

Захват Москвы дорого обошелся французам, и вскоре они вынуждены были покинуть сначала древнюю русскую столицу, затем и не покорившуюся им страну. К середине декабря 1812 г. в пределах России не оставалось ни одного вооруженного противника.

Победа была полной, но и разорение, которое враги принесли с собой, было ужасным. Кроме сожженной Москвы они оставили после себя опустошенными многие другие города и селения. Особенно сильно пришлось претерпеть Смоленщине, где пострадали все города, лежавшие на дороге к Москве: Красный, Смоленск, Дорогобуж, Вязьма и Гжатск, который вообще был выжжен начисто. Как сообщается в книге, посвященной 100-летию этой войны, «ко времени окончательного выхода неприятеля Смоленск представлял ужасное зрелище. Города как бы не существовало; повсюду виднелись жалкие остатки разрушенных и выжженных домов»⁵. Из всех храмов Смоленска оказался почти нетронутым один только кафедральный Успенский собор... Общая убыль населения Смоленской губернии в год войны достигала 60 тысяч человек.

Побывали неприятельские войска и в Ельне, и в окружающих ее деревнях и поместьях, включая Новоспасское. В целом Ельнинский уезд оказался в числе наиболее пострадавших в Смоленской губернии.

Уже в начале августа 1812 г. в Ельню вступила французская конная дивизия с артиллерией. Но, не найдя в ней никаких жизненных припасов и воспользовавшись чем только было возможно, на другой же день ушла по Вяземской дороге. Так же поступали и другие неприятельские отряды, проходившие через город. Лишь зимовавший в Ельне отряд из корпуса генерала Ожеро «привел город в оборонительное состояние и оставался в нем до прибытия русских»⁶.

Возможно, что именно отсюда 30 августа отряд французских фуражиров или просто мародеров, числом до 70 человек, добрался до Новоспасского. Перепуганные крестьяне, ободренные мужественными призывами местного священника отца Иоанна Стабровского, совсем недавно еще учившего Мишеля чтению, заперлись в каменной церкви

⁵ *Вороновский В. М.* Отечественная война 1812 г. в пределах Смоленской губернии. [Полная версия.] СПб., 1912. С. 298.

⁶ *Цебриков М. М.* Смоленская губерния. СПб., 1962. С. 368.

и терпеливо переживали, «пока неприятель, не имевший возможности через железные двери и решетки окон проникнуть в храм, ушел, разграбив дома причта и господскую усадьбу»⁷.

Но и тут врагам не сильно повезло, так как «имущество все было ограждено и скрыто крестьянами»⁸. По словам Шестаковой, так произошло потому, что крестьяне любили Ивана Николаевича Глинку: «Он не только обращался с ними человечно, но с радостью и любовью узнавал их нужды и помогал им. В губернии нашей многие помещики, по случаю войны, были совершенно разорены своими крестьянами. Не только те, которые уезжали на это время, но даже при самих помещиках обирали все, что только хотели, и даже мучили их, а иных убивали»⁹.

Впрочем, в Ельнинском уезде было немного мародерских неприятельских грабежей и крестьянских бесчинств, так как здесь развернулось мощное, официально организованное партизанское движение, возглавляемое Денисом Давыдовым, Александром Сеславиным и Александром Фигнером. 28 октября соединенные силы этих партизан вместе с отрядом графа Орлова-Денисова разбили на дороге из Ельни в Смоленск и взяли в плен отряд генерала Ожеро, бежавший из Ельни и временно стоявший в селах Ляхове и Язвине.

Одним словом, когда в начале лета Глинки вернулись в родные края, большая часть их имения была целой, и жизнь быстро возвратилась в привычное русло. К тому же материальные утраты были вытеснены из их сознания более важными семейными событиями. 29 июня 1813 года родилась дочь Мария. Ее брат Михаил и сестра Пелагея стали при крещении восприемниками. А через неделю неожиданно после какой-то скоротечной болезни умер полуторагодовалый Иван, которого похоронили рядом с родителями Ивана Николаевича на погосте у Новоспасской церкви.

Кажется немного странным, что Михаил Иванович Глинка, до самых поздних лет отличавшийся великолепной памятью и очень внимательно относившийся к детальным описаниям своих впечатлений

⁷ *Вороновский В. М.* Отечественная война 1812 г. в пределах Смоленской губернии. С. 269.

⁸ *Шестакова Л. И.* Былое М. И. Глинки и его родителей. С. 33.

⁹ Там же.

от пережитых событий, в «Записках» лишь вскользь и с ошибочным указанием своего возраста («по 8-му году» — тогда как на самом деле ему тогда шел уже девятый год) упоминает о том, как его семья спасалась «от нашествия французов в Орел»¹⁰. Более того, в «Записках» он никак не связывает это упоминание с периодизацией своей жизни, как-то неловко помещая его между двумя очевидно более важными для себя вехами — «от кончины бабки до проявления первого музыкального чувства»¹¹.

Не исключено, что такое невнимание к событиям 1812 года могло быть привито ему родителями. Нет никаких свидетельств тому, что их можно было бы причислить к ряду тех людей, которые, подобно персонажам из неоконченной повести Пушкина «Рославлев», в 1812 г. «закаились говорить по-французски; все закричали о Пожарском и Минине, и стали проповедовать народную войну, собираясь на долгих отправиться в саратовские деревни»¹². И тот факт, что сразу же после военных действий они наняли в качестве первой более или менее серьезной воспитательницы своих детей «француженку» Розу Ивановну¹³, также свидетельствует об отсутствии у них проявлений показного квасного патриотизма. Не только обремененность семейно-бытовыми заботами, но и здравомыслие, и нравственное здоровье, которые они передали своим детям, позволили им пережить трагические обстоятельства бегства и разорения. И далее без какой-либо аффектации сохранять в семейной памяти лишь самое необходимое, избегая того, что могло бы заронить в сознание детей зерна ксенофобии или каких-либо иных чувств человеконенавистничества.

Не менее вероятным представляется и то, что сам Глинка, будучи ребенком тонкой нервной организации и чрезвычайно острой впечатлительности, непроизвольно и спасительно для психики выбросил из своей памяти все, что могло бы напоминать о страхах надвигавшихся военных действий или возможных крестьянских погромов, об ужасах

¹⁰ Глинка М. И. Записки // Глинка М. И. Литературные произведения и переписка. М., 1973. Т. 1. С. 213.

¹¹ Там же. С. 212.

¹² Пушкин. Т. 8. С. 153.

¹³ Шестакова Л. И. Былое М. И. Глинки и его родителей. С. 33.

панического бегства из родных мест и о не очень-то комфортном, сравнительно с благоустроенной помещичьей усадьбой, обитании в провинциальном купеческом доме.

Однако представляется, что грандиозные события противостояния русского «Мира» (понимаемого не как покой, а как община) и общеевропейской «Войны» того времени, а также острота сопровождавших их переживаний не могли, хотя бы на подсознательном уровне, не отразиться впоследствии в его творчестве. И мы нарочито вводим эти заимствованные из великого романа Льва Толстого символические дефиниции и пишем, как и у Толстого, слово «Мир» через «і» десятиричное, чтобы аналогиями с ним подчеркнуть суть и масштабы того, что происходило вокруг Глинки в 1812 г. Исходя из этих аналогий, позволим себе предположить, что и первая гениальная глинкинская опера «Жизнь за Царя» в известном смысле может рассматриваться как воспроизведение столь же грандиозного противостояния, разворачивавшегося на русских землях ровно за 200 лет до этого. Но в те далекие времена не французская война, а польский «Мир» столкнулся с русским. И тогда, в «смутное время», как и во время Отечественной войны 1812 года, то есть как и всегда это происходит в истории, у каждого представителя этих «міров» была своя правота, свои герои, отдававшие жизнь за своего царя...

Анна Джуст

**«ИВАН СУСАНИН» КАВОСА — ШАХОВСКОГО:
ПРЕДВЕСТИЕ ТЕОРИИ
ОФИЦИАЛЬНОЙ НАРОДНОСТИ
В 1812 ГОДУ**

В истории России 1812 год был поистине знаменательным. Существенной особенностью этого исторического момента было поведение народа, который и в самых трудных военных обстоятельствах показал свою сплоченность перед лицом врага. Вся страна встала на сторону императора Александра I, выступив против армии, которая считалась непобедимой. Историки подчеркивают важную роль партизан, которые объединялись в отряды, ослабляли врага частыми нападениями, разбивали французские дозоры и подразделения, удалившись от главного корпуса в поиске запасов; брали в плен гонцов, курьеров и препятствовали связи с Парижем. Русские партизанские отряды нередко возглавляли опытные офицеры, но чаще всего они состояли из крестьян.

Писатели посвятили событиям этого года множество произведений разных жанров. В отражении событий 1812 года также принял участие театр. Исследователь истории русского театра Н. Н. Прокофьева отмечает, что тема войны 1812 года волновала драматургов на протяжении не одного десятилетия. В конце 1830-х и в начале 1840-х гг. еще будет жив интерес к ее событиям, прежде всего потому, что 1837 и 1842 гг. были памятными датами, связанными с нею¹.

¹ Прокофьева Н. Н. Отечественная война 1812 года и русская драматургия первой четверти XIX века // Отечественная война 1812 года и русская литература XIX века / под ред. В. Ю. Троицкого. М., 1998. С. 216. Далее ссылки на эту работу даются в тексте статьи с указанием фамилии автора и страницы. Дальше: «В репертуаре театров появляются пьесы А. С. Титова «Возвращение из Франции, или Русский воин на родине» (1842 г), С. И. Стромилова «Русский

Начальный этап освоения событий наполеоновских войн отечественной драматургией и театром ознаменовался возникновением большого количества произведений исторической тематики, определивших направление поисков национального репертуара для русского театра². Это были пьесы патриотического характера, полные исторического оптимизма, направленные на осмысление истории через современность. Так, по словам Прокофьевой, намек на антинаполеоновскую направленность присутствует в пьесе Державина «Пожарский, или Освобождение Москвы» (1806) и в «Пожарском» Крюковского, где рисуется «идея бескорыстного служения Отечеству князя Пожарского и объединение всех сил Руси для борьбы с иноземцами». Внимание к историческому сюжету Минина и Пожарского понятно, поскольку освободительная война 1612 г. против иностранных захватчиков, сплочение всех общественных сил и единство в борьбе народа и дворянства находили горячий отклик в годы антинаполеоновских войн³.

В число драматических сочинений, непосредственно отражающих события наполеоновского похода в Россию в музыкальном театре⁴,

инвалид на бородинском поле» (пьеса шла в Москве и Петербурге в 1839, 1840 гг.), пьесы И. Н. Скобелева «Кремнев, русский солдат» (1839), «Сцены в Москве, в 1812 году» (1839 г.) и пьеса неизвестного автора «Сражение при Тарутине в 1812 году» (1841 г.)» (*Прокофьева*. 210).

² Стоит упомянуть трагедию В. А. Озерова «Димитрий Донской» (1807); пьесы Г. Р. Державина «Пожарский, или Освобождение Москвы» (1806), «Евпраксия» (1808), «Грозный, или Покорение Казани» (1814); трагедии С. Н. Глинки «Сумбека, или Падение Казанского царства» (1807), «Михаил, князь Черниговский» (1808), «Минин» (1809); трагедию А. Н. Грузинцова «Покоренная Казань, или Милосердие Иоанна Васильевича» (1813); пьесу Б. М. Федорова «Русские вятязи при князе Владимире» (1814); трагедию В. М. Крюковского «Пожарский» (1807) (*Прокофьева*. 195).

³ *Прокофьева*. 195–200.

⁴ Н. Н. Прокофьева называет среди них: «Торжество победы» С. И. Давыдова, комическую оперу В. А. Жуковского «Козак и прусский волонтер в Германии», а также спектакли «Возвращение героев», «Праздник донских козаков» (1815), «Торжество россиян, или Бивак под Красным» (1816). В ряд произведений, отмеченных сниженной стилистикой, тяготеющей к простонародности, исследовательница включает следующие пьесы: «Всеобщее ополчение» С. И. Висковатого, поставленную в Петербурге 30 авг. 1812 г.; «Кирилловцы при нашествии врагов» (1813) А. П. Вронченко; «Освобождение Смоленска» (1813) И. Н. Свечинского; «Прасковья Борисовна Правдухина» (1813) М. В. Федорова; «Крестьянин-офицер, или Известие о прогнании французов из Москвы» (1813) Б. М. Федорова; «Крестьяне, или Встреча незваных» (1815) А. А. Шаховского;

входят и произведения, сочиненные венецианским композитором Катарино Кавосом (Catarino, или Catterino Camillo Cavos, 1775–1840), известным в России под именем Катерино Альбертовича⁵. Его оперы и балеты характеризуются яркими русскими народными чертами. По примеру водевиля «Казак-стихотворец», они отличаются вниманием композитора к народной песне, русской и малороссийской, в частности, к протяжной и плясовой. В произведениях Кавоса звучат русские песни «Ивушка, ивушка», «Кабы я, млада», «Возле речки, возле мосту», казачьи танцы, военные песни и марши⁶.

После первоначального периода пребывания в России и работы при французской труппе под управлением Ф. А. Буальдьё (Boieldieu, 1775–1834)⁷ Кавос в 1803 г. перешел в русскую труппу и уже в 1804 г. поставил первую часть оперы «Леста, днепровская русалка», за которой последовали еще три части. В 1805 г. он сочиняет свою первую полную оперу «Князь-невидимка». Так было положено начало его деятельности, которую позднейшие критики (Ж. Гийу, Г. А. Блох, Р. М. Зотов, В. Е. Чехихин) признали важным вкладом в формирование самостоятельного жанра русской национальной оперы.

По мнению П. В. Грачева, патриотические оперы (водевили) и балеты Кавоса, посвященные событиям антинаполеоновских войн, представляются «наиболее ценной и прогрессивной» частью его наследия: «в этих произведениях, быстро возникших и столь же быстро

«Хижина, спасенная козаком, или Признательность» (1816); пьесу неизвестного автора «Филатка-воин, или Возвращение из ополчения»; «Козаки в Швейцарии» Федора Вертера. (*Прокофьева*. 203–204).

⁵ «Ополчение, или Любовь к Отечеству» (1812), «Русские в Германии, или Следствие любви к Отечеству» (1813), «Праздник в стане союзных армий при Монмартре (1813), «Казак в Лондоне» (1813), «Торжество России, или Русские в Париже» (1814), «Возвращение ополчения в село Усердово» (1815), «Возвращение Пожарского в свое поместье» (1826).

⁶ Кавос не ограничивается цитированием, а сочиняет и темы в народном духе, как, например, в маршах «Ополчения», где русские напевы встраиваются в итальянский музыкальный язык.

⁷ Будучи уже на русской службе, Кавос сочинил французские комические оперы «L'alchimiste», «L'intrigue dans les ruines», «Le mariage d'Aubigny», «Les trois sultanes» (1808) и «Les trois bossus» на либретто, приписываемое ему самому (1808 г.). См.: *Зотов Р. М.* Биография капельмейстера Кавоса: (Письмо к Песочкому) // Репертуар русского театра. 1840. Т. 2. Кн. 10. С. 10.

исчезнувших, господствовали в течение нескольких лет партизаны, ратники ополчения, солдаты и крестьяне»⁸.

В этих пьесах, официальных и развлекательных, события войны еще не воспринимались как исторические и, соответственно, не осмыслились во всей трагической глубине и значительности⁹. Подчеркнуто патриотический характер этих произведений компенсировал художественные недостатки. Поскольку патриотические пьесы, исполнявшиеся на сцене в эти годы, проходили цензуру военного времени, на операх и водевилях Кавоса, посвященных событиям антинаполеоновских войн, осталась печать дворянско-монархической идеологии¹⁰.

Произведение Кавоса, более всего связанное с 1812 годом не только тематически, но и, как я попытаюсь доказать, с точки зрения официальной идеологии, — это опера «Иван Сусанин» (1815) на либретто А. А. Шаховского. Основное внимание уделяется ее текстуальному и идеологическому аспекту и ее связи с будущей триадой Официальной народности¹¹. Опера была представлена в первый раз в Малом театре Санкт-Петербурга 19 октября 1815 г., но ее сюжет, связанный с взятием Москвы вражескими иноземными войсками в эпоху Смутного времени, ясно перекликается с недавними событиями антинаполеоновских войн. Сходны обстоятельства: трудная година в истории России, когда в опасности была независимость страны из-за отсутствия власти и постоянной внутренней неустойчивости, которая сделала ее уязвимой для внешних вторжений. Этот период был переломным и потому, что именно тогда были заложены основы нового русского государства. Во главе его встала династия Романовых — она будет управлять страной

⁸ Грачев П. В. К. А. Кавос // Очерки по истории русской музыки: 1790–1825 / под ред. М. С. Друскина и Ю. В. Келдыша. Л., 1956. С. 291.

⁹ В 1824–1825 гг. к теме Отечественной войны в историческом аспекте обратился А. С. Грибоедов, и возникли замысел и план его драмы «1812-й год», которая, однако, не была завершена (Прокофьева. 209).

¹⁰ После 1815 г. военная цензура исчезла, и в театральном репертуаре сохранились только «казенно-патриотические пьесы». Лишь позже, когда созреет движение декабристов, музыкальный театр обратится к операм, отражающим борьбу против тирании и против всякого принуждения человека. См.: Грачев П. В. К. А. Кавос... С. 291.

¹¹ Теория официальной народности оформилась в ряде нормативных документов, составленных С. С. Уваровым в 1830-е гг. См.: Уваров С. С. Избранные труды. М., 2010. С. 204–213, 234–248, 249–251, 489–496, 497–501.

без перерыва вплоть до революции 1917 г. Первым представителем этой династии стал царь Михаил Феодорович, образ которого, не будучи сценическим, организует сюжет оперы.

Аллегорическая связь сусанинского сюжета с современными событиями устанавливается посвящением либретто царю Александру I, где автор упоминает «россиян правдивых», которые выступили «против супостат» и дали таким образом «урок народам и векам». Среди других перечисляемых Шаховским исторических личностей – «Скопин брат, защитник царский», Пожарский, Минин, «в хижине рожденный». Автор надеется, что не будет забыт и Сусанин, как подобает таким героям, поскольку он «победоносцам равен», «верный селянин» и «сын России»¹².

В основе сюжета оперы лежит рассказ о том, как простому крестьянину Ивану Сусанину удалось спасти царя Михаила Феодоровича, отдав жизнь за отечество. Как значится в либретто, «действие происходит близ Костромы, в вотчине Романовых, в 1612-м году, вскоре после освобождения Москвы Князем Пожарским» (*Шаховской*. 1). После освобождения русского царства от польских врагов, объединившихся с внутренними противниками Романовых, страна вновь обрела спокойствие, и молодые Маша и Матвей, дочь Сусанина и ее жених, собираются, наконец, сыграть свадьбу. Но Машин отец Иван еще опасается за судьбу своего барина Михаила Феодоровича, владельца костромской усадьбы. Опасение его не напрасно: в деревню приходит гетманский отряд, который ищет молодого боярина. Разгадав намерение врагов убить Михаила Феодоровича, Иван обещает показать им дорогу в барскую усадьбу, но заводит их в лес, обступивший деревню, чтобы они заблудились и чтобы Матвей успел предупредить боярина об угрозе.

Пробродив в лесу всю ночь, Иван, якобы заблудившийся, приводит врагов к своей избе и, объявив, что хочет спрашивать о дороге, спрашивает у детей, успел ли Матвей предупредить боярина. Так как Матвей еще не вернулся с верной вестью о том, что царь успел спастись, Сусанин отправляет своего сына Алексея через окошко к боярину, простившись в последний раз с детьми. Потеряв терпение, воины врываются в избу, узнают

¹² *Шаховской А. А.* Иван Сусанин: Опера в двух действиях. СПб., 1815. Посвящение Александру I. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы.

Машу и понимают, что Иван их обманул. Они пытаются получить силой нужные им сведения, но Иван им противится, заявляя, что он готов отдать счастье и даже жизнь, чтобы спасти царя и отечество. Трагической развязке препятствует прибытие Матвея, вернувшегося, чтобы защитить своих близких. В ту минуту, когда гетманские воины нападают на Ивана и его семью, русская дружина, предупрежденная маленьким Алексеем, входит в избу и задерживает врагов. Благодарные Сусанину за жертву, все радуются благополучному окончанию действия и спасению отечества и его главы.

Персонажи оперы, иногда под другими именами, соответствуют историческим лицам. Кроме Ивана, реальную дочь Сусанина, Антонида, изображает Маша, а Матвей — его зятя Богдана Собинина¹³. Роль последнего значительно расширена в сравнении с действительными событиями, в которые он не был прямо вовлечен¹⁴. Плодом фантазии либреттиста является и второй сын Сусанина Алексей. Ввод в действие чуждых истории образов с большой вероятностью вызван драматургическими и чисто музыкальными требованиями, то есть необходимостью иметь в наличии любовный сюжет и достаточное количество женских голосов (в равном числе с мужскими).

Не имеют прототипов в исторической действительности начальник русской дружины и все русские воины. Как и введение образа Алексея, это связано с поэтической вольностью Шаховского в трактовке сюжета. Как известно, конечная развязка не отражает исторический факт, по которому Иван Сусанин, заведший гетманский отряд в чашу, был, наконец, замучен и убит. Либреттист решил спасти главного героя, совершившего такой смелый подвиг. Это отступление от истории было замечено и часто расценивалось многими критиками того времени как серьезный недостаток, вызывая многочисленные споры. Может быть, самая

¹³ У Сусанина действительно была дочь Антонида, которая в 1612 или 1613 гг., вероятно, была уже замужем за местным крестьянином Богданом Собининым. См.: Зонтиков Н. А. Иван Сусанин: легенды и действительность. Кострома, 1997. С. 65. Далее это издание цитируется в тексте статьи с указанием имени автора и страницы.

¹⁴ Это, вероятно, связано с привилегиями, полученными потомками Сусанина после распространения известия о подвиге: в 1619 г. царь Михаил Федорович выдал Собинину грамоту, которой освободил его и его потомков от всех видов повинностей и налогов. Потомки Собинина были заинтересованы в том, чтобы он считался участником событий (Там же).

резкая критика принадлежит В. И. Моркову, хотя и нашедшему объяснение подобной вольности в театральных вкусах первой четверти XIX века¹⁵. Р. М. Зотов тоже предпочел бы, чтобы действительный ход событий был сохранен¹⁶. Еще в рецензии, появившейся в 1851 г. в рубрике «Русский театр», критик не мог не подчеркивать отступление от исторического факта, объясненное соблюдением тогдашних правил классического театра, на которые уже сослался Морков¹⁷. Между прочим, он ссылается и на трагедию Озерова «Эдип в Афинах» – пример, который приводит и Зотов¹⁸. Критик и композитор А. Н. Серов в 1851 г., по случаю возобновления оперы Кавоса уже после смерти ее автора, также критически оценивал ее счастливый конец¹⁹. Впрочем, М. И. Глинка, который в своем произведении «Жизнь за царя» (1836) на тот же сюжет следовал историческим событиям и изобразил гибель Сусанина в конце IV действия, при первой постановке получил от царя Николая I вместе с поздравлениями и критическое замечание, оттого что смерть главного героя была показана на сцене²⁰.

Действительно, с драматической точки зрения благополучное окончание оперы не соответствует заявленному трагическому сюжету и лишает оперу последовательности. Шаховской не сумел вполне освободиться от условностей того времени. Но сегодня, толкуя этот выбор как

¹⁵ См.: *Морков В. И.* Исторический очерк русской оперы с самого начала по 1862 г. СПб., 1862. С. 64.

¹⁶ *Зотов Р. М.* Биография капельмейстера Кавоса... С. 7–8.

¹⁷ *Р. З.* [*Зотов Р. М.*] Пчелка: Театральная хроника, Александринский театр, Беневис г. Артемовского: Иван Сусанин, опера Кавоса. Дебюты г-жи Орловой // Северная пчела. 1851. № 166. 26 июля. Арапов тоже объясняет такое отступление условностями той эпохи, которые не позволяли добродетели погибнуть. См.: *Арапов П. Н.* Летопись русского театра... С. 243.

¹⁸ Зотов узрел причину творческого решения драматурга во внешнем воздействии, в частности, в требовании государственного секретаря А. Н. Оленина, которому якобы не нравилось окончание трагедии Софокла, где Эдип умирает от удара молнии. Озеров был вынужден переделать пятое действие, несмотря на защиту его замысла А. А. Шаховским. «Подобную же и еще важнейшую историческую ошибку заставил Оленин сделать князя Шаховского в опере “Иван Сусанин”. И там <осподам> классикам не понравилось, что Сусанин в конце умирает, и убедили автора оставить его в живых» (*Зотов Р. М.* Театральные воспоминания, автобиографические записки. СПб., 1859. С. 57).

¹⁹ См.: *Серов А. Н.* Заметки о петербургских театрах // «Смесь», «Современник». Т. 29. № 9. 1851. С. 47–48.

²⁰ См.: *Глинка М. И.* Записки. М., 2004. С. 121.

жертву условностям той эпохи, добровольную или вынужденную, мы можем, кажется, рассматривать его в историческом плане и сосредоточиться на трагедийном смысле пьесы, то есть на решении Сусанина умереть за царя и отечество.

За исключением конечной развязки, либретто излагает историю по «традиционной» версии сусанинского мифа, закреплённой преданием и официально утверждённой, в частности, в указе императрицы Анны Иоанновны 1731 г., освобождавшем потомков героя от общего тягла. Эта версия, изменявшаяся в связи с исторической конъюнктурой в течение веков, несколько отличается от исторической действительности. Считается, что событие, ставшее источником легенды, произошло в поместье М. Ф. Романова, сына Федора Никитича и К. И. Шестовой; центром этого поместья, где находился двор, была деревня Домнино, при Костроме, недалеко от которой действительно жил крестьянин Иван Сусанин. Предполагается, что он был приказчиком поместья К. И. Шестовой и жил при доме бояр (*Зонтиков*. 28). Большинство историков считает, что в октябре 1612 г., после освобождения столицы, Романовы вернулись из Москвы. В первой половине ноября Ксения (в монашестве Марфа) и ее сын приехали из Костромы в Домнино. Здесь они остановились на несколько дней, чтобы перебраться отсюда в Маркарёвский монастырь на Унже, куда приехали в конце ноября или в начале декабря 1612 г., чтобы молиться за освобождение Ф. Н. Романова (в монашестве Филарета) из польского плена. С большой вероятностью, после Унжи Романовы отправились в Кострому, где жили, по крайней мере, до февраля 1613 г. (*Зонтиков*. 50 и дальше).

Воссоздание пути инокини Марфы и Михаила Федоровича вызывает сомнения в том, когда точно Сусанин совершил свой подвиг. Событие имело место после того, как Романовы покинули Домнино. В настоящее время считается, что смерть Сусанина произошла осенью 1612 г., а не весной 1613 г., как гласит предание. Эта деталь является значимой, потому что относит события за много месяцев до собрания Земского собора, который решит избрание Михаила Федоровича русским царем. Таким образом, в действительности Сусанин спас еще не царя, а лишь боярина, хотя и потомка знатного, даже царского, рода (*Зонтиков*. Там же).

В своей опере Шаховской, кажется, не подходит критически к этой детали. Действительно, в либретто нет четких указаний на хронологию

избрания Михаила Феодоровича на царство. Действие происходит в одни только сутки, соблюдается классическое правило единства времени. Время года не названо, но из некоторых деталей текста можно понять, что автор относит действие к осени, ко времени до Покрова Пресвятой Богородицы. Этот праздник отмечается русской православной церковью 1 октября (14 октября по григорианскому календарю).

Во втором действии, первом явлении, сын Сусанина Алексей понимает, что его сестра Маша переживает за отца, и настаивает, чтобы ему сказали правду: «Ты не говоришь ничего, а сама вздыхаешь. Вить уж я не маленькой, о Покрове будет четырнадцать лет, так мне можно все говорить» (*Шаховской*. 28). Значит, события разворачиваются до Покрова 1612 г. Кроме того, в начале первого действия имеется ремарка: «Сквозь крышу (овина, где собрались крестьяне. — *А. Д.*) и открытие бока виден уже поблекший от осени лес» (*Шаховской*. 1). Хор крестьян поет о «листьях желтого леса». Крестьяне просят осень продлиться, зиму — подождать, дать окончить «всю работушку» (Там же). Когда Иван выходит на сцену впервые, он говорит о причинах своего опоздания: «Осеннее время — грязь по колени, дорога ж в лесу такая узкая, да негожая; правда, не до мостки нам было» (*Шаховской*. 10). Шаховской много раз дает понять, что действие происходит осенью; зрители должны обратить внимание на эту существенную деталь.

Когда Иван и Матвей обсуждают дорогу до усадьбы Романовых, время года играет драматургическую роль. Иван хочет доказать, что достигнуть барского дома прямым путем нельзя из-за плохого состояния дороги: «Да, не пуще далеко зимою; а теперь, как болота разольются, большой объезд... <..> Конь по брюхо вязнет» (*Шаховской*. 19). Благодаря этому обстоятельству Иван может обмануть злодеев и спасти своего барина.

В этом пункте либретто следует канве реальных событий. Впрочем, это может быть чистое совпадение, ибо исследователь истории Ивана Сусанина Н. А. Зонтиков замечает, что вопрос датировки подвига еще не решен (*Зонтиков*. 50). Скорее всего, Шаховской, — писатель, а не историк, — опирался на самый известный вариант легенды, используя время года как драматургический элемент и обращаясь к уже существовавшим у публики представлениям.

Точное датирование (1612 г. или 1613 г.) не имеет значения только с точки зрения драматургии. Эта деталь оказывается важной для

понимания идеологии сюжета. Кого именно спас Сусанин? От датировки зависит ответ на этот вопрос. Большинство историков согласно в том, что Сусанин спас Михаила Федоровича – еще не царя России, а боярина (описываемое событие произошло осенью 1612 г., а Земский собор, избравший Михаила Федоровича царем, состоялся весной следующего года). Таким образом, подвиг крестьянина, хотя и отражающий любовь его к господину и уважение народа к общественной иерархии, много теряет в политическом значении.

Шаховской не удовлетворяется такой трактовкой событий и придает политический смысл своей пьесе. Вернувшись из дома Михаила Федоровича, Сусанин рассказывает дочери Маше и ее жениху Матвею о пленении Феодора Никитича (в тексте — Филарета Никитьевича) и об освобождении Москвы князем Пожарским, что помогает публике понять контекст действия. В конце он объявляет: «Чуть ли нашего боярина не выберут в цари; вить он всех ближе родня покойному государю Феодору Ивановичу» (*Шаховской*. 12). Но при этом известии все трое обращают внимание еще и на то, что войска «неприятельские», «шайки злодеев» «езде как волки рыщут» в поисках его с матерью (*Шаховской*. 13). Чтобы утешить невесту, Матвей утверждает: «Небось, Бог помилует, и Михаил Федорович будет царем» (*Шаховской*. 14). Известие это вызывает сомнения вплоть до первой сцены второго действия, где Маша с неуверенностью сообщает Алексею о возможном избрании Михаила Федоровича на царство (*Шаховской*. 29).

В других местах текста будущий царь назван или боярином, или Романовым. Тем не менее, уже в конце первого действия вероятность избрания становится тем яснее, чем сильнее желание воинов враждебного гетманского отряда отыскать Михаила. В конце второго действия об избрании говорится уже как о свершившемся факте: Иван оказывается спасителем *царя* (*Шаховской*. 48–49).

Итак, следуя традиции, официально закрепленной указом 1731 г., Шаховской как писатель, а не историк, пользуется поэтической вольностью и реализует в своем сюжете идеологию приверженности народа царю²¹.

²¹ В своем исследовании этого сюжета Зонтиков подчеркивает, что легенда не была внедрена монархией с целью пропаганды, но родилась в народной среде и только потом была с удовольствием поддержана двором (*Зонтиков*. 91 и далее).

Будучи выразителем дворянского классового сознания, автор в этом либретто выражает не только собственный взгляд на вещи, но – косвенным путем – также мировоззрение некоторой важной части общества своего времени. Переход от частного случая до государственно-го дела расширяет значение пьесы: Иван становится воплощением монархической идеологии.

Поэтическая вольность Шаховского в пользу официальной идеологии отражается и в проблеме установления личности врагов, тоже выражающей дух эпохи 1812 года. Отступления от исторических фактов касаются национальной принадлежности войск, нападавших на Сусанина (и в действительности его убивших). По мнению некоторых историков (С. Ф. Платонов, Р. Г. Скрынников и Н. И. Костомаров), это были не польско-литовские войска, как передано легендой, а отдельные воины из польских и казацких войск, рассеянные по России после Тушина и превратившиеся в разбойников. Эти люди грабили народ и часто похищали важных лиц с целью шантажа. Вероятно, Сусанин был жертвой таких бродяг, бывших на самом деле в поиске Михаила Феодоровича, но не с чисто политическими намерениями.

Тем не менее, политический мотив нельзя исключить вполне. Михаил Феодорович действительно был ближайшим родственником династии Ивана Калиты и потому препятствовал взойти на престол Владиславу, сыну польского короля Сигизмунда III. Устранение Михаила Феодоровича до Земского собора обеспечило бы воцарение Владислава.

Определяя врагов Михаила Феодоровича в либретто, Шаховской нигде не употребляет слова «поляки». (Зато оно в ходу у либреттиста «Жизни за царя» Е. Ф. Розена.) Враги у него — «воины гетманского отряда», «военные люди», «злые люди» или «злодейские руки», «убийцы». Вероятно, упоминание «чужеземцев» является самым показательным. Конкретное применение этого наименования не составляло труда для современных зрителей, твердо знавших, что поляки были главными врагами России в Смутное время, поскольку стремились расширить свои владения, пользуясь внутренней слабостью страны. Такое понимание свойственно и современной критике – в рецензиях отождествление врагов с поляками кажется общепринятым. Однако в самом тексте прямое именование отсутствует, вероятно, для того чтобы не лишить публику возможности угадать в иностранном отряде

наступающих французов, что хорошо вязалось с обстоятельствами создания оперы. Эта особенность либретто соотносит его с упомянутым выше процессом «осмысления истории через современность» в русском театре эпохи 1812 года.

Патриотический подъем эпохи наполеоновских войн способствовал росту национального самосознания россиян, самоопределению народа. Как заметила Н. Н. Прокофьева, в ранних театральных произведениях этой эпохи национально-патриотическое содержание подавалось в образной канве «легких» сюжетов, оформленных поверхностными стилизациями или заимствованиями из русского фольклора (как в случае оперы «Старинные святки» Малиновского и Блимы, 1800). «Иван Сусанин», как кажется, знаменует собой новый этап в художественном освоении темы, а также новый шаг к созданию национальной оперы и официальной идеологии, ибо эти два аспекта оказываются тесно взаимосвязанными. Среди идей, выраженных автором либретто, находятся те, что можно отнести к патриотическому подъему 1812 года, и те, что можно считать предвестниками будущей теории Официальной народности – три компонента знаменитой триады С. С. Уварова и Николая I: православие, самодержавие, народность.

В тексте Шаховского имеются фрагменты, которые можно толковать как предвосхищение особенно первых двух элементов формулы. Вступительный хор крестьян после увертюры «Не бушуйте, ветры буйные» (*Шаховской*. 1) исполняет двойную функцию: придает действию местный колорит, а также информирует зрителя о беспокойстве крестьян Михаила Федоровича за их боярина. Это чувство свидетельствует о привязанности народа к царю и готовит трагическое действие, внося элемент интереса и ожидания. Крестьяне не могут дать себе отчет о своем настроении («Эх, ребята! Кстати ли мы так заунывно распелись?»). Упоминание осени не только устанавливает время сценического действия, но также является метафорой эмоциональной обстановки и подготавливает речь о новоизбранном царе, который в тексте называется «ясным солнцем». Освобождение Москвы отмечено куплетами Матвея («Слава Богу милосердому»), молодой человек предстает в них готовым повторить подвиг Минина и Пожарского: те изгнали супостатов из столицы, он готов защитить отечество от всякого нападения. Так он выражает чувства всего русского народа, представляемого хором, подхватывающим его песню. Статья в

«Северной пчеле» от 28 июля 1828 г. по случаю представления оперы передает реакцию публики на эти куплеты: «Представление шло как нельзя лучше. Рукоплескания, “фора” и “ура!” не умолкали. Да и какой русский прослушает хладнокровно следующие стихи: “Чужеземцам не достанется / Русским царством николи владеть!”»²² Близкую идею самопожертвования за господина повторит позже и Матвей: «Чего ты напугалась? Разве нас мало? Мы все за барина нашего умрем, а его не выдадим».

Но еще до появления врагов общая радость о возвращении мира сливается с радостью частной: наконец Маша и Матвей могут совершить бракосочетание, на которое Иван долго не давал разрешения из-за неблагоприятного положения страны (*Шаховской*. 5). Кстати, намек на возможность устроить свадьбу после окончания войны перешел из либретто Шаховского непосредственно в либретто оперы Глинки²³. Ожидая Ивана, девушка с женихом вспоминают о внимательном отношении к Сусанину со стороны отца Михаила Федора Никитича. Они уверены, что он непременно благословит их брак. Так автор подчеркивает близость народа к государю, его благодарность боярину за благоволение и готовность отблагодарить, жертвуя самой жизнью. Связь между народом и царем так тесна, что переход от разговора об общем благе к теме частного благополучия происходит плавно и логично.

Собственно трагический выбор Сусанин совершает в конце первого действия. Он выбирает между частным благополучием и более возвышенной ценностью, то есть спасением отечества. В длинном музыкальном потоке ансамблевого финала первого действия выделяются «говорком» слова Ивана, обращенные к Матвею: «...Со мной Бог <...>. Не диво что убьют, да не о том дело; спасай нашего боярина» (*Шаховской*. 23). Музыка прерывается для того, чтобы зрители могли понять суть дела: самое главное для Сусанина — уважение к самодержавию опирается на веру в Бога. Таким образом, приверженность героя к самодержцу и его религиозность предвосхищают первые две составные части уваровской триады.

²² В статье цитируются и другие места произведения, которые якобы вызвали восторг зрителей. См.: *М-л Я-в*. Русский театр, Опера в 2 действ., соч. князя А. А. Шаховского; в первый раз Лавровый венок, или праздник в лагере, Дивертиссемент (Предст. на Каменноостровском Театре 22 Июля) // Северная пчела. 1828. № 90, 28 июля.

²³ См.: *Левашева О. Е.* Михаил Иванович Глинка. М., 1987. Кн. 1. С. 317–318.

В начале второго действия дети ожидают возвращения отца у себя в избе (*Шаховской*. 26). После пасторального начала, в котором передается беспокойство за судьбу Сусанина и за будущее его семьи, пока Маша уходит расспросить об отце у соседа, Алексей в арии мечтает о восхождении Михаила Феодоровича на престол и о своей встрече с ним. Подобно сестре, которая воображала, как боярин присутствует на ее свадьбе, он представляет, как поздравит его и получит подарок. Шаховской вновь облакает в образы идею участия царя в жизни народа, близости его простому люду и ответной привязанности подданных. Ария передает и всю непосредственность Алексея²⁴. Текст и музыка выражают юную энергию и наивность мальчика. Ария напоминает буффонные роли первых русских комических опер, для которых типично не виртуозное пение, а скороговорка²⁵. Вообще он передает образ представителя русского народа, веселый и безудержный.

Обрисовке русского характера в опере Кавоса — Шаховского стоило бы посвятить отдельную работу; здесь же необходимо ограничиться некоторым соображением. Не обсуждая вопрос о том, каким является русский характер, можно все-таки заметить, что в опере присутствует особый вид традиционного представления русских. Это — введение народных напевов, принятое композиторами не только после Глинки (в чьи оперы на самом деле было введено мало цитат как таковых), а уже с самых первых опытов создания русской оперы в последней четверти XVIII в. В то же время издавались и собрания русских песен, составленные первыми фольклористами для пользы оперных

²⁴ Зотовым отмечена «сельская простота, веселость юношества и тонкая сметливость русского мальчика», которые «очень удачно соединены в этом лице и прекрасно выражены в музыке», в отличие от героизированного и утяжеленного образа сироты, созданного Глинкой: «Мы недавно видели этого же Ваню в опере Глинки и при всех красотах его творения сожалеем, что Ваня так изменен, а особенно вставная его ария, в которой он является не русским деревенским мальчишкой, а каким-то древним героем, Арзасом, богатырем. Ария, которую Ваня (т. е. Алексей. — А. Д.) поет у Кавоса, может служить образцом легкости, живости и приятности». См.: *Зотов Р. М. Биография капельмейстера Кавоса...* С. 7.

²⁵ Напомним, что композитор написал партию Алексея специально для Е. Я. Воробьевой (дочери известного баса-буфф Я. С. Воробьева), которая исполнила эту роль в первом представлении. Успешное исполнение роли Алексея в этой опере стало большим шагом вперед в ее карьере. См.: *История русской музыки: В 10 т. М., 1986. Т. 4. 1800–1856. С. 53.*

композиторов. Среди этих самым известным является, безусловно, собрание Львова – Прача, из второго издания которого (1806) Кавос черпал напевы для своих сочинений²⁶. Такой прием отвечал требованию изображать русский характер в самостоятельных, а не в подражательных произведениях. Так, например, в опере «Иван Сусанин» композитор использовал несколько тем русских песен, особенно протяжных: «Не бушуйте, ветры буйные» в первом хоре (№ 1), «Ах, жарко в тереме свечи горят» в куплетах Матвея «Слава Богу милосердому» (№ 2), «Чем тебя я огорчила» во второй части дуэта из первого действия «Ах, тебя на свете белом, кажется милее нет» (№ 4). В явлении II первого действия Алексей исполняет музыкальную тему, похожую на мелодию малороссийской песни из сборника Прача «Биду соби купила», а в следующем дуэте, в котором дети выражают страх остаться сиротами, вызывается напев «Ивушка, ивушка».

Ария Алексея составляет некий триптих вместе с предыдущим антрактом в пасторальном духе и с печальным дуэтом. Таким образом, либреттист и композитор изображают полную картину эмоциональной жизни русского народа: жизнь в семье, веселье и горе (через введение протяжных песен). Здесь уместен вопрос о том, можно ли говорить о народности в том смысле, что композитор пытался воплощать в музыке начало, только впоследствии обозначенное этим термином. Современные критики не употребляют в данном контексте это слово, которое даже впоследствии с трудом найдет точное определение²⁷, но кажется,

²⁶ Там же. С. 136.

²⁷ Слово «народность» появляется в 1807 г. в дневнике С. П. Жихарева, где используется в значении, калькирующем французское слово «popularité», т.е. «популярность», любовь народная (см.: Богданов А. К. О крокодилах в России: Очерки из истории заимствований и экзотизмов. М., 2006. С. 130). Другим исторически ранним примером употребления слова «народность» служит и письмо П. А. Вяземского к А. И. Тургеневу от 22 ноября 1822 г., где этот неологизм используется для перевода французского слова «nationalité» на основе польской кальки «narodowość». По словам редакторов собрания трудов С. С. Уварова, «под “народностью” Вяземский понимал культивируемое европейскими романтиками национальное своеобразие и совершенно не имел в виду именно русскую народность», но что касается понятия Уварова, «третья составляющая <формулы> — “народность” — осталась без какой-либо определенной характеристики. Министр просвещения ограничился общими рассуждениями о том, что «вопрос о народности не имеет того единства, какое представляет вопрос о самодержавии». <...> Вводя понятие “русская народность”, Уваров, с одной стороны, открывал возможности для конструирования широкой

что начало «народности» можно соотносить с поисками «русского характера» в искусстве этой поры. Приходится ограничиться обсуждением конкретного случая. Исследование проблемы «русского характера» в русском искусстве даже первой четверти XIX в. было бы, конечно, гораздо более пространным.

После временного отступления действие вновь начинает быстро развиваться с возвращения Сусанина на сцену. Иван знает, что скоро воины раскроют его обман. В сцене прощания с детьми автор еще раз пользуется случаем, чтобы показать идиллические отношения между царем и народом. Иван надеется, что царь возьмет на себя опеку его детей после его смерти. Как он был для них отцом, так царь для всего народа является батюшкой — в переносном смысле, но при необходимости и в прямом. Именно эта мысль подчеркивает сознательность трагического выбора героя: «Я смертию моею спасу вам другого отца. А ежели мне жить, то не вы одни, вся наша вотчина, а может, и вся святая Русь осиротеет; что ж легче, беда одной семьи или целого государства?» (Шаховской. 23). В крайней опасности Иван просит детей быть верными самым высшим властям: Богу и его представителю на земле — царю, независимо от того, будет ли Михаил Феодорович на престоле или нет: «...служите верой и правдой господам вашим и белому царю. Храните православную веру, вот вам отцовская заповедь; не можете ее переступить» (Шаховской. 40).

Готовность Сусанина к самопожертвованию подтверждается автором еще несколько раз (Шаховской. 41, 44). Хотя такие повторы могут показаться художественным просчетом, они служат подкреплению идейного тезиса произведения. С точки зрения автора, важно решение Сусанина, и потому ему было не столь важно, действительно ли герой умрет или нет. По обычаю оперы спасения, с жанром которой напрямую соотносится «Иван Сусанин», в самую последнюю минуту слышится набат, возвещающий прибытие русской дружины. Начальник дружины благодарит крестьянина за подвиг и обещает благодарность царя. Иван становится для всего народа примером того, как всякий русский

общенациональной идеологии, а с другой — правительству предоставлялось право решать, что может считаться подлинно народным, а чему должно быть в этом отказано» (Парсамов В. С., Удалов С. В. Сергей Семенович Уваров // Уваров С. С. Избранные труды. М., 2010. С. 41–42). Авторами романтического национализма этот термин был понят в смысле «национального духа».

поступил бы при необходимости. И это, кажется, доказали события 1812 года. Такое убеждение из данной оперы переходит прямо в общеизвестную оперу Глинки. В сочинении Шаховского — Кавоса главную мысль высказывает последний хор, рефрен которого был лейтмотивом целой оперы. Как это ни странно для такого трагического сюжета, хор (и музыка) имеет «легкий» характер в духе водевиля:

Пусть злодей страшится
И грустит весь век;
Должен веселиться
Добрый человек²⁸ (*Шаховской*. 49–50).

Опера рождается в антифранцузском идеологическом контексте — как в политическом отношении, так и в художественном. Автор не только здесь, а вообще в своем творчестве обращается к русским темам. Для него освободиться от французских моделей значит то же самое, что отвергнуть французские опасные, то есть революционные, идеи. Но элемент водевиля и самая форма *opéra-comique*²⁹ (в варианте «à sauvetage»³⁰) выдают зависимость от этих моделей, в которых драматическое действие связано с диалогами, а пение образует лирические паузы. Здесь автор оказывается «побежден французами».

Это замечали и критики (например, В. И. Морков). Но в последнем хоре, по замыслу авторов завершающем оперу «гимном в честь России», и есть, как представляется, связь с попытками воплотить национальную идеологию следующим поколением. Еще при жизни Кавоса оперу начали исполнять, добавляя в конце новый русский гимн А. Ф. Львова «Боже, царя храни» (1833)³¹. Идея хора широкого дыхания, который должен был придать анекдоту универсальное значение, воплотилась у Глинки в знаменитом «Славься!». Как известно, опера

²⁸ Тема, соответствующая этим строчкам, звучит также в увертюре, в трио № 5: «Заранее крушиться, / Даром жизнь губить», и в финале первого действия: «В дом Романовых без спора / Проводи, старик, нас скоро».

²⁹ Комическая опера (*франц.*)

³⁰ «Опера спасения» (*франц.*)

³¹ Об этом свидетельствуют афиши императорских театров и неопубликованные письма А. Ф. Львова к А. Н. Верстовскому, директору московского театра, хранящиеся в Государственном Центральном Театральном музее им. А. А. Бахрушина в Москве.

«Жизнь за царя», не без творческого вклада такого выдающегося лица, как В. А. Жуковский, способствовала распространению идеологической формулы, впоследствии созданной Уваровым, но восходящей ко второй половине царствования Александра I³².

В заключение стоит отметить, что мысль, выраженная либреттистом А. А. Шаховским, кажется основной для развития будущей идеологической триады официальной народности. В образах событий 1612–1613 гг. автор прославляет подвиг Александра I в 1812 г., подчеркивая важность самопожертвования русского народа в пользу отечества и его сплоченность перед царем в критический момент истории государства. Отношения между царем и народом в либретто Шаховского оказываются аналогичными связям между отцом и сыновьями. Те и другие основываются на начале христианского (православного) вероучения.

Характеристика отношений государя с подданными, переданная Шаховским, предвещает начала православия и самодержавия, которые сплелись двадцать лет спустя в уваровской триаде. Кроме того, использование композитором народных напевов можно толковать как ссылку на третью опору триады — народность. Опера Кавоса — Шаховского отражает вызванную критическим моментом наполеоновских войн перемену европейской политической обстановки начала XIX в. в направлении охраны существующей социальной иерархической структуры, утвержденную на Венском конгрессе 1814–1815 гг. В этом смысле «1812 год» достался в наследство царствованию Николаю I от царствования Александра I. В музыкальной сфере воплощение трех ценностей официальной народности переходит от «Ивана Сусанина» к «Жизни за царя».

³² См.: *Taruskin R. Defining Russia Musically. Princeton, N. J., 1997; Frolova-Walker M. Russian Music and Nationalism, From Glinka to Stalin. New Haven and London, 2007.*

Н. А. Рыжкова

МУЗЫКАЛЬНАЯ ЛЕТОПИСЬ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

О влиянии Отечественной войны 1812 года на русское искусство написаны десятки и сотни книг и статей. Однако наименее изученной из всех искусств оказалась музыка. Работ, посвященных музыке, созданной в годы Отечественной войны, считанные единицы¹. И дело совсем не в малом интересе исследователей к этому вопросу, а в том, что далеко не все произведения дошли до нашего времени. Мы до сих пор не имеем полного представления о действительном объеме музыки, созданной в то время. Сохранилась лишь ее небольшая часть. Уцелевшие музыкальные рукописи и нотные издания давно стали библиографической редкостью и рассредоточены в разных библиотеках и архивах России и зарубежья.

В настоящей статье предпринята попытка представить сохранившиеся произведения, составляющие музыкальную летопись Отечественной войны и военных событий 1813–1814 гг. Материалом послужили нотные издания того времени, хранящиеся в библиотеках

¹ Напр.: *Финдейзен Н. Ф.* Музыка и театр в эпоху Отечественной войны // Русская музыкальная газета. 1912. № 33–34. Сведения о некоторых произведениях содержатся в изд.: *Столянский П. Н.* Музыка и музицирование в старом Петербурге. Л., 1925; 2-е изд. Л., 1989; *Музалевский В. И.* Русская фортепианная музыка. М.; Л., 1949; *Вольман Б.* Русские нотные издания XIX — начала XX века. Л., 1970. История русской музыки: В 10 т. / Под ред. Ю. Келдыша. М., 1986. Т. 4; *Рыжкова Н. А.*: 1) Батальная музыка в России // Старинная музыка. М., 2002, № 2. С. 8–13; 2) Музыка Отечественной войны 1812 г. (Каталог) // Старинная музыка. М., 2002, № 3. С. 26–29; 3) Музыка Отечественной войны 1812 года (по фондам Российской национальной библиотеки) // Российская национальная библиотека и отечественная художественная культура. Сб. ст. и публ. СПб., 2002. Вып. 2. С. 51–77.

Санкт-Петербурга и Москвы (РНБ, РГБ, Кабинет рукописей РИИИ, Отдел редких изданий Московской государственной консерватории и др.)².

Музыка времен Отечественной войны — это, в первую очередь, военные песни и марши: победные — на взятие городов и траурные — на смерть героев. Кроме того, это произведения, воспевающие победу: хоры, куплеты на возвращение войск и императора, торжественные полонезы с хором и т.п. Их авторы — как известные в то время профессиональные отечественные композиторы (Д. С. Бортнянский, О. А. Козловский, Д. Н. Кашин), так и великосветские любители музыки (князь П. И. Долгорукий, граф Д. Салтыков и др.). Встречаются и иностранные композиторы и музыканты, жившие в России (Д. Штейбельт, Ф. Антониони, В. Ауман (Оман)). Наконец, немало неизвестных авторов и анонимов. События Отечественной войны запечатлены и в так называемых музыкальных баталиях — программных пьесах, описывающих музыкальными средствами битвы и сражения. Этот ныне забытый жанр был очень распространен в начале XIX в.

Все эти произведения создавались в ходе непрестанно меняющейся картины войны, отражали ее основные события и возникали «по горячим следам». Можно сказать, что это была своеобразная музыкальная хроника войны 1812 года.

Одним из первых музыкальных свидетельств стала песня Д. С. Бортнянского для солиста с хором на слова Жуковского «Певец во стане русских воинов». До нас дошли рукопись и печатный экземпляр в виде партитуры для солиста, хора и оркестра. История произведения такова. В конце сентября — начале октября 1812 г. молодой московский ополченец В. А. Жуковский написал стихотворение «Певец во стане русских воинов». Впервые стихотворение было напечатано в «Вестнике Европы» (1812. №№ 23, 24) с подзаголовком: «Писано после отдачи Москвы перед сражением при Тарутине». Вскоре «Певец во стане...» стал выходить отдельными изданиями, каждый раз с некоторыми изменениями в тексте, отражающими ход военных действий. В зависимости от картины военных действий менялись характеристики военачальников, вводились

² Их описания и указания на место хранения см.: Сводный каталог российских нотных изданий. XIX век (1-я четверть). Т. 2. СПб., 2005.

новые имена. Вскоре, вероятно, также осенью 1812 г., Д. С. Бортнянский положил его на музыку. Из огромного текста стихотворения он выбрал 8 строф из разных разделов. По жанру это, как и у Жуковского, застольная песня с хоровым припевом, которую воины поют после боя. Ее исполняют солист (тенор), хор и оркестр:

На поле бранном тишина,
Огни между кострами:
Друзья, здесь светит нам луна,
Здесь кров небес над нами.
Наполним кубок круговой!
Дружнее, руку в руку!
Запьем вином кровавый бой
И с падшими разлуку.

Произведение Бортнянского сначала ходило в рукописи, а в 1813 г. партитура «Певца во стане русских воинов» вышла в Петербурге в издательстве Дальмаса³.

Большой известностью пользовалась «Военная песнь» Д. Н. Кашина⁴. Она была написана в честь успешных действий корпуса под командованием генерал-лейтенанта графа П. Х. Витгенштейна, защищавшего Петербургское направление.

³ О петербургских нотоиздателях см.: *Вольман Б.* Русские нотные издания XIX — начала XX века. Л., 1970; *Пуртов Ф.* Немецкие нотоиздатели Санкт-Петербурга в первой половине XIX века // Нотные издания в музыкальной жизни России. Российские нотные издания конца XVIII — 1-ой половины XIX вв. СПб., 1999. С. 51–74; *Рыжкова Н.* Музыкальное издательство Дальмаса «Северный трубадур» // Нотные издания в музыкальной жизни России. Российские нотные издания конца XVIII — 1-ой половины XIX вв. Вып. 2. СПб., 2003. С. 15–29.

⁴ Автор песни, композитор Даниил Никитич Кашин (1769–1841), был крепостным генерала Г. И. Бибикова и лишь к 30 годам получил «вольную». Обучался музыке у итальянца Дж. Сартти. Его концертная деятельность началась в 1790 г. После освобождения от крепостной зависимости он состоял «сочинителем музыки» и преподавателем музыкальных классов Московского университета. Кашин — автор народно-бытовых опер «Сельский праздник» и «Ольга Прекрасная». В 1806–1809 гг. композитор издавал «Журнал отечественной музыки», в котором помещал свои обработки народных песен и былинных напевов, а также вариации на народные темы. В 1812 г. он написал несколько патриотических песен, которые в короткий срок сделались подлинно народными.

В первые месяцы войны многие, в том числе царь и двор, думали, что Наполеон будет наступать на Петербург, и серьезно опасались за судьбу города. Тогда «Петербург переживал тревожные дни, укладывались и увозились из Петербурга сокровища Эрмитажа, книги Публичной библиотеки; делались даже приготовления к вывозу памятника Петру I Фальконе...»⁵. Для защиты Петербургского направления был выделен 25-тысячный корпус под командованием генерал-лейтенанта графа П. Х. Витгенштейна. Он сражался с войсками французских генералов Макдональда, Удино, Сен-Сира. После успешных действий Витгенштейн был прославлен как «спаситель Петрова града» и награжден многими орденами. В честь генерала-защитника Кашин написал песню-марш на слова Л. Кобякова. Полное название этого произведения: «Военная песнь в честь генералу графу Витгенштейну, посвящается храбрым воинам его Данилом Кашиным». Песня начиналась словами:

Защитника Петрова града
Велит нам славить правды глас,
Его был Витгенштейн ограда,
И враг не смел идти на нас.

Хвала, хвала тебе, герой,
Что град Петров спасен тобой.

«Витгенштейновский марш» («Защитника Петрова града...») буквально на другой день пел весь Петербург. Н. А. Полевой следующим образом передает историю создания песни «Защитника Петрова града»: «Д. Н. Кашин, решась дать в концерте гимн, соответственный тогдашним великим событиям, просил написать стихи Милонова; тот обещал и не сделал ничего, и Кашин, накануне концерта, в отчаянии, встретивши Злова (певца-баса. — *Н. Р.*) в магазине Плавильщикова, открыл ему свое горе. Тут случился Кобяков. Злов знал его, свел тотчас с Кашиным. И гимн был тут же написан; в ночь Кашин положил его на музыку, а на другой день весь Петербург с восторгом напевал: “Хвала, хвала тебе, герой, что град Петров спасен тобой”».

⁵ Столпянский П. Музыка и музицирование в старом Петербурге. С. 51–52.

«Военная песнь», или, как ее стали называть по первым словам, песнь «Защитника Петрова града», стала своеобразной музыкальной эмблемой Отечественной войны 1812 года. Она пользовалась огромной популярностью, часто исполнялась на сценах театров, где ее пел знаменитый бас П. В. Злов, и вызывала у публики бурю восторга. П. А. Каратыгин вспоминал: «Куплеты в честь Кутузова, Витгенштейна и Платова были петы тогда на сцене почти ежедневно. Из всех героев 12-го года эти три имени были самые популярные, но благодарность и признательность петербуржцев к гр. Витгенштейну, после сражения в Чашниках, 19 октября 1812 г., где он отрезал дорогу к Петербургу маршалу Удино и разбил его наголову, дошла до обожания. Стихи в честь Витгенштейна “Защитника Петрова града” распевались в то время не только в театре, но и чуть ли не на каждой улице»⁶.

Песня в честь Витгенштейна дошла до нас в нескольких изданиях. Первоначально она была издана для пения с сопровождением фортепиано (в Петербурге у Дальмаса), затем — в упрощенном виде, рассчитанном на широкую публику, для одного фортепиано с подтекстовкой (в Петербурге у Пеца). В таком варианте она неоднократно переиздавалась в последующие годы. В 1813 г. она вышла в переложении для гитары известного гитариста Андрея Сихры⁷.

Песня Кашина с ее торжественной маршевостью, яркостью, простотой и выразительностью интонаций сразу же «ложилась на слух» и запоминалась. Она пользовалась поистине всенародной любовью и прочно вошла в музыкальный быт. На балах исполняли «военные полонезы», написанные на тему «Защитника Петрова града». На эту тему были написаны и фортепианные вариации, сочиненные И. Кайзером.

Впоследствии, уже после победы над Наполеоном, к песне Кашина сочинили новый текст, прославляющий уже не Витгенштейна, а Александра I (автор слов — П. А. Корсаков).

Другая песня Кашина — «Авангардная песнь пред боем» на слова Ф. Глинки — была посвящена, как написано на титульном листе,

⁶ Каратыгин П. А. Записки. Л., 1970. С. 15–16.

⁷ Любопытная деталь: в «Собрании разного рода легких пьес, положенных для гитары А. Сихрой» (СПб., у Пеца [1813]), текст был напечатан следующим образом: «Защитника Петрограда (вместо Петрова града — Н. Р.) велит нам славить правды глас». Здесь мы встречаем одно из ранних употреблений топонима «Петроград».

«начальствовавшему авангардом армии г-ну генералу от инфантерии, всех Российских и разных иностранных орденов кавалеру, графу Михайле Андреевичу Милорадовичу»:

Друзья! враги грозят нам боем,
Уж села ближние в огне!
Уж Милорадович пред строем
Летает вихрем на коне!

Идем, идем, друзья, на бой!
Герой! нам смерть сладка с тобой!

Ф. Н. Глинка — участник войны, адъютант Милорадовича, многие свои стихотворения о войне 1812 года называл «песнями». Некоторые из них пелись «на голос» известных в то время народных песен. Как писал сам Глинка, «русский солдат любит петь! И радость и горе изливает он в песнях веселых и жалобных. <...> Сильное влияние песен на дух войска и народа неоспоримо»⁸.

«Авангардная песнь», положенная на музыку Кашиным для солиста с хором, — одна из самых ярких солдатских песен тех лет. Она сочетает черты песни и походного марша. Сохранился печатный экземпляр 1812 г., изданный в Москве «Гульямом Копом»⁹. Уникальность этого издания еще и в том, что оно выпущено в первые месяцы войны — впоследствии типография сгорела во время московского пожара. Позже «Авангардная песнь» была напечатана в виде нотного приложения к книге «Подарок русскому солдату, соч. Федора Глинки» в 1818 г.

Первые сражения Отечественной войны, отступление русской армии, Бородино, оставление Москвы, контрнаступление, победы и изгнание Наполеона — все эти события были отражены в музыке тех лет. Своеобразным летописцем военных событий стал князь Павел Иванович Долгорукий¹⁰ (Долгоруков), написавший целый ряд маршей для фортепиано

⁸ Глинка Ф. Н. Избр. произв. Л., 1957. С. 453–454 (Библиотека поэта).

⁹ В ОР РНБ (ф. 86, Финдейзен, ед. хр. 3119), имеется экземпляр с автографом Кашина, а также полным текстом стихотворения Ф. Глинки.

¹⁰ Князь Долгоруков (1787–1845), сын поэта И. М. Долгорукова, любитель-пианист и композитор, в юности учился музыке в Московском благородном пансионе у Д. Шпревица. После окончания Геттингенского университета находился на гражданской службе.

(они были изданы в годы войны). Это траурные марши: на смерть генерала Кульнева, князя Багратиона; победные: на взятие Полоцка, на «вшествие» русских войск в Вильну 5 декабря 1812 года, на взятие Варшавы, на победу при Кацбахе. Полные названия нотных изданий:

«Марш на смерть генерал-майора Кульнева, павшего со славою за отечество в сражении против французов 20-го июля 1812 года. Сочинен к[нязем] Павлом Долгоруким»¹¹;

«Марш на смерть генерала от инфантерии князя Петра Ивановича Багратиона, посвященный большой действующей армии к<нязем> Павлом Долгоруким»;

«Марш на смерть генерала Моро = Marche funebre sur la mort du général Moreau / Сочинен к<нязем> П. Долгоруким» ;

«Марш на вшествие российской гвардии в Вильну 1812 года 5 декабря. Посвященный его светлости господину генерал-фельдмаршалу главнокомандующему всеми армиями и всех российских орденов кавалеру князю Михаилу Ларионовичу Кутузову-Смоленскому к<нязем> Павлом Долгоруким»;

«Марш на взятие российскими войсками Полоцка, посвященный господину генералу от кавалерии графу Петру Христиановичу Витгенштейну и всем храбрым сподвижникам его князем Павлом Долгоруким»;

«Марш на победу при Кацбахе, сочиненный и посвященный королевско-прусскому генерал-фельдмаршалу князю Блюхеру-Вальштатскому к<нязем> П. Долгоруким»;

«Марш на взятие Варшавы, сочиненный и посвященный господину генералу от инфантерии Милорадовичу к<нязем> Павлом Долгоруким»...

Первым появился марш на смерть Кульнева¹².

¹¹ Полные библиографические описания упоминаемых здесь и далее изданий см.: Рыжкова Н. А. Музыка Отечественной войны 1812 г. С. 26–29.

¹² Генерал-майор Яков Петрович Кульнев (1763–1812) был героем суворовской школы и чуть ли не всех войн России своего времени, сделал блестящую военную карьеру. О храбром кавалерийском генерале ходили легенды, передавались его слова: «Люблю нашу матушку Россию за то, что у нас всегда где-нибудь да дерутся!» (Цит. по: Троицкий Н. А. 1812: Великий год России. М., 1988. С. 72). В 1812 г. он сражался в армии Витгенштейна и здесь окончил свой

Марш представляет собой цепь эпизодов — от траурного шествия, предваряемого звуками трубы, до просветленного мажорного воспоминания в трио. Почти все эпизоды марша открываются призывами труб (Trombe — обозначено над нотным текстом), которые играют здесь роль своеобразного «военного» лейтмотива. Возможно, первоначально марш был предназначен для оркестра, и его «трубная заставка» отразилась и в фортепианном переложении. Каким-то непостижимым образом в центре средней части марша оказалась одна из тем финала Симфонии № 3 («Героической») (ор. 55, 1802–1804) Л. ван Бетховена. Трудно сказать, что это — намеренная цитата или результат случайного совпадения. Во всяком случае, в основе бетховенской темы лежат те же обще-европейские интонации марша, которые были использованы и Долгоруким — вполне возможно, независимо от Бетховена.

«Марш на смерть Кульнева» был издан в Петербурге, вероятно, в декабре 1812 г.¹³ и затем неоднократно переиздавался. К 100-летию войны, отмечавшемуся в 1912 г., он был переиздан с портретом Кульнева.

Близок ему по характеру и другой траурный марш Долгорукого — на смерть князя Багратиона¹⁴. Маршу предпослан эпитафия: «Его нет уже! Непобедимого, храброго на полях брани. Памятник его в сердцах наших». Марш представляет собой программную цепь эпизодов, рождающих целую картину. Пьеса открывается введением — фанфарой трубы, «отголоском победы», как написано в нотном тексте. После

славный боевой путь: 20 июля под Клястицами при преследовании неприятеля ему оторвало ядром обе ноги, и он, не приходя в себя, в тот же день скончался. Это была первая гибель русского генерала в 1812 г.

¹³ См. объявление о продаже: Санкт-Петербургские ведомости. 1812. № 97. 3 дек.

¹⁴ Командующий 2-й армией князь Петр Иванович Багратион (1865–1812) — любимый ученик и сподвижник Суворова, «генерал по образу и подобию Суворова», как его называли. «Стремительный и неустрашимый, с открытой, пылкой и щедрой душой, он к 1812 году был самым популярным из русских генералов — и не только в России, но и за границей» (См.: *Троицкий Н. А.* 1812: Великий год России... С. 72). Багратион погиб на Бородинском поле, защищая левый фланг русских войск. Именно на Багратионовы плечи был направлен главный удар французской армии, здесь развернулась небывалая по ожесточению битва. Солдаты боготворили своего полководца и свято верили, что, пока он жив, плечи останутся русскими. Плечи Багратиона выдержали восемь атак неприятеля. Во время последнего прорыва французов Багратион сам повел войска в контратаку. В этот момент он и был сражен осколком ядра.

медленного перехода разворачивается собственно траурный марш. Ритм печального шествия, многократно повторяющиеся минорные аккорды, нисходящие задержания с подчеркнуто горестными «стонами» — все это создает картину всенародной скорби. Средний раздел марша, в соответствии с традицией, — светлое мажорное «воспоминание». Здесь оно почти целиком основано на призывных «военных» фанфарах трубы — отзвуках славных побед, одержанных в битвах с участием знаменитого полководца. Воспоминание вскоре сменяется прежними скорбными стонами задержаний, словно оплакивающих его смерть. Последний раздел — звуки удаляющегося траурного шествия с замирающими вдали, в басах, печальными аккордами. «Марш на смерть Багратиона» — одна из лучших фортепианных пьес того времени, не утратившая своего художественного значения до наших дней.

2 сентября русская армия оставила Москву. Вместе с солдатами уходили и жители Москвы. В тот же день в город вступили французы, и тогда же начался грандиозный московский пожар, продолжавшийся непрерывно шесть дней. Наполеон пробыл в городе 36 дней. Вскоре началось контрнаступление русской армии и изгнание наполеоновских войск.

Эти события также запечатлены в музыке. «Марш для семиструнной гитары “На бегство неприятеля из Москвы”, посвященный его благородию Михайле Ильичу Анитову, сочинен Михайлой Высоцким в Москве» — уникальное издание, напечатанное в одной из московских типографий, уцелевших после пожара. Две страницы нотного текста на грубоватой плотной бумаге, содержащие бесхитростную музыку — печальную первую часть и радостный финал — являются редким историческим документом.

Другое произведение гораздо более масштабно и предназначено для концертного выступления. Это фортепианная фантазия Д. Штейбельта «Изображение объятый пламенем Москвы» — одна из первых программных пьес, написанных в России¹⁵. Ее полное название:

¹⁵ Даниэль Готтлиб Штейбельт (1765, Берлин – 1823, Петербург) разделил участь многих некогда чрезвычайно популярных и модных композиторов, впоследствии совершенно забытых. Его имя блистало в Вене, Париже и Петербурге в начале XIX в., он был признанным виртуозом игры на фортепиано, соперником Плейеля и Фильда. Как виртуоз и импровизатор он уступал только Бетховену, которому

«Изображение объятой пламенем Москвы: Фантазия для фортепиано. Сочинение, посвященное россиянам, двора его и. в. капельмейстером Д. Штейбельтом».

Фортепианная фантазия была исполнена Штейбельтом в концерте 26 марта 1813 г. в Петербурге¹⁶ и стала одним из первых образцов программной батальной музыки, опередив подобные сочинения других авторов, в том числе знаменитую «Победу Веллингтона, или Битву при Виттории» (ор. 91, 1813) Бетховена. Фантазия имеет следующую программу:

«Интродукция. Горесть и уныние, которыми переполнен сочинитель, начиная изображать сию картину».

Вход Наполеона в Москву, торжественный марш на голос: «Мальбрук на войну едет».

Начало пожара. Вопль злополучных, отчаяние жителей, мольбы их к Предвечному.

Моление о сохранении дней его императорского величества Александра, адажио на голос английской арии: “God save the King” (“Господи, спаси царя”).

Продолжение пожара, взорвание Кремля, всеобщий ужас.

Вступление донских казаков. Сражение, всеобщая брань.

Прибытие российской инфантерии.

Стоны и вопли побежденных на голос известной арии: “Allons enfants de la patrie” (“Пойдем, сыны отечества, настал день славы”) (“Марсельеза”. — *Н. П.*). Внезапное бегство побежденных.

осмелился бросить вызов в Вене в 1800 г. Произведения Штейбельта пользовались громкой славой, он был автором 6 опер, 5 балетов, 8 фортепианных концертов и огромного количества фортепианных произведений. Многие знатные дамы добивались чести брать у него уроки. Фортепианные сонаты Штейбельта и его рондо «Роза» охотно и «весьма опрятно» играл в юности М. И. Глинка. (М. Глинка: Автобиографические и творческие материалы / под ред. В. Богданова-Березовского. Л.; М., 1952. С. 68). Приглашенный в Россию в 1809 г. Александром I, Штейбельт стал придворным капельмейстером и руководителем французского оперного театра, сменив на этом посту Буальде. Он оставался здесь до конца жизни. В России Штейбельт сразу завоевал себе славу популярного композитора, блестящего виртуоза и модного педагога; написал здесь три оперы: «Золушка» (1810), «Саржины» (1811) и «Суд Мидаса» (не окончена), два балета: «La fête de l'Empereur» («Празднество императора»), «Der blöde Ritter» («Глупый рыцарь») и огромное количество фортепианных произведений. Подробнее о Штейбельте см.: *Золотницкая Л.* Даниэль Штейнбельт в России. СПб., 2000.

¹⁶ *Стопьянский П. Н.* Музыка и музицирование в старом Петербурге. С. 52.

Радость победителей. Русские пляски с вариациями».

Фантазия состоит из нескольких крупных, большей частью замкнутых разделов. Основной раздел изображает вход Наполеона в Москву. Довольно непритязательная мелодия песни «Мальбрук в поход собрался» подана Штейбельтом с виртуозным размахом. Он использует разные регистры фортепиано, добиваясь оркестрового звучания, вводит «флейтовые» пассажи в верхнем голосе. В репризе раздела мелодия песни, звучащая в среднем регистре, украшается гирляндой фигураций в верхнем, изображающих, видимо, праздничный въезд.

Музыка марша внезапно обрывается: начинается пожар. Это центральный раздел фантазии. Думается, именно желание изобразить пожар музыкальными средствами было решающим для Штейбельта в выборе программы пьесы. Именно здесь оказались уместными всевозможные виртуозные эффекты и новшества, включая необычное по тем временам употребление педали, которые отличали музыку Штейбельта. Изображение пожара в музыке — бесспорная удача композитора. Он передал пожар как постепенно разворачивающуюся стихию, используя весь арсенал виртуозных выразительных средств. Пассажи, захватывающие все регистры, изображающие яростное буйство пламени, неожиданно прерываются музыкой, рисующей «воплъ злополучных, отчаяние жителей и мольбы их к Предвечному». Центром раздела служит «Моление о сохранении дней его императорского величества Александра». В его основе — английская песня «God save the King», которая с русским текстом «Боже, спаси царя» служила в те годы официальным гимном России. Но молитва звучит здесь с тремоло, как бы в колеблющихся отсветах пламени (композитор особенно любил тремоло, его даже упрекали в злоупотреблении этим приемом).

Пожар, однако, продолжается с новой силой: возвращается та же звуко-изобразительная тема, но в более высоком регистре. Внезапно следует удар уменьшенного вводного септаккорда, гаммообразные пассажи через всю клавиатуру — это «взрывание Кремля» и «всеобщий ужас» — завершающий каданс тремоло. Начинается собственно батальный раздел: «вступление донских козаков, прибытие российской инфантерии и сражение, всеобщая брань».

Музыкальные приемы в фантазии традиционны. Наиболее интересный момент — «стоны и вопли побежденных». Штейбельт использовал

здесь «Марсельезу», но значительно трансформировал ее. Она звучит в миноре, в медленном темпе, с многочисленными «чувствительными» украшениями, хроматическими проходящими звуками и пассажами, превращаясь в трогательное *Adagio*, характеризующее побежденных французов.

За «внезапным бегством побежденных» следует финал. В основе темы – один из вариантов «Камаринской», предваряемый инструментальным наигрышем. Семь развернутых блестящих вариаций с кодой изображают народное ликование и одновременно демонстрируют виртуозное мастерство исполнителя.

Фантазия, видимо, пользовалась успехом и почти одновременно была издана в России, Германии, Австрии. В Петербурге вышла в издательстве Пеца с иллюстрацией на титульном листе, где был изображен двуглавый орел, сидящий в облаках в лучах славы с эмблемой Александра I и молниями, повергающий на землю одноглавого орла (герб Наполеона).

Лейпцигское и венское издания¹⁷, озаглавленные «Die Zerstörung von Moskwa» («Разрушение Москвы»), были также украшены великолепными гравюрами. В лейпцигском издании, как и в петербургском, на титульном листе изображен двуглавый орел. В венском – Кремль и силуэты церквей на фоне зарева пожара и языков пламени, а на переднем плане – набережная и мост через Москву-реку, запруженные повозками беженцев. Интересно, что жанр пьесы Штейбельта в этих двух изданиях обозначен по-разному: «Eine grosse Fantasie» («Большая фантазия») — в лейпцигском и «Ein charakteristisches Tongemälde» («Характеристическая звуковая картина») – в венском.

В те же годы Штейбельт создал еще несколько произведений, посвященных событиям Отечественной войны. Это «Торжественный марш на вход в Париж его величества императора Александра I» и военная пьеса для фортепиано под названием: «Le retour de la cavalerie russe à St. Pétersbourg le 18-e octobre 1814» («Возвращение русской кавалерии в Санкт-Петербург 18 октября 1814»). Однако программных пьес, подобных «Сожженной Москве», он более не писал.

¹⁷ Leipzig bei Peters; Wien in Verlage des kai. könig. Kapellmeisters Thade Weigl.

Существовали и другие батальные пьесы. Каждая иллюстрировала какое-либо военное событие и имела программу. Обычно она печаталась прямо над нотным текстом, часто на двух языках – русском и французском. Программа могла быть как краткой, так и очень подробной, насыщенной многими мелкими деталями. Сочинял ее, видимо, автор пьесы, который пытался сочетать в ней исторические реальные факты и художественные черты. Программа отражала не только военные события – прибытие войск, битву и ее перипетии, победу, но и чувства, которые испытывали участники сражений – «горесть и уныние», «всеобщий ужас», «всеобщий восторг» и «радость победителей». Особое место занимали царствующие особы, в первую очередь русский император. Авторы батальных пьес всячески старались подчеркнуть его роль в победоносном сражении. Программа нередко включала различные подробности. Последний раздел пьесы обычно — победа, всеобщая радость, народные танцы и песни.

«Музыкальные баталии», или «битвы, изображенные музыкою», исполнялись в концертах. Так, «Московские ведомости» в 1814 г. сообщали об исполнении произведения Доминитиса (Доминичиса) «Сражение под Тарутиным»:

«Г. де Доминитис, сочинитель музыки и учитель пения, имеет честь объявить московской почтеннейшей публике, что в четверток 9 апреля дает в доме е. в. Ст. Степ. Апраксина маскарад, соединенный с вокальным и инструментальным концертом, коего предметы следующие:

1. Гимн и марш в честь е. и. в.
2. Хор в честь ея и. в. Елизаветы Алексеевны.
3. Хор в честь ея и. в. Марии Федоровны.
4. Сражение под Тарутиным.
6. Польский, петой российскими войсками.

Все сочинения есть произведения г. де Доминитиса. За всем сим последует бальная музыка»¹⁸.

Концерт, соединенный с маскарадом, был дан почти сразу же после вступления русских и союзных войск в Париж. «Сражение» составляло

¹⁸ Московские ведомости. 1814. № 27. С. 650.

основную, центральную часть концерта и предварялось необходимыми в этом случае официальными гимном и хорами в честь императора и обеих императриц (супруги и матери).

Другая «музыкальная баталия», «Освобождение Смоленска, или Сражения при Красном 4 и 5 ноября 1812 года» Фридриха Боссера, была исполнена в 1813 г. в Петербурге и в 1815 г. в Москве, в зале Знаменского театра. Она имела следующую программу:

«1. Ночная тишина в стане пред первым днем сражения. 2. Рассвет дня. 3. Неприятельские отряды приближаются к передовым постам. 4. Барабанный бой и трубный звук. 5. Всеобщее движение в войске, солдаты вооружаются и спешат к своим знаменам. 6. Главнокомандующий дает приказания. 7. Армия идет навстречу к неприятелю. 8. Армия становится в боевой порядок, пушечная пальба, притворное отступление кавалерии. 9. Трубный звук, что собирает войска. 10. Российский марш и песнь солдат. Увеселения в лагере. 11. Баварский марш. 12. Восхождение солнца в 5 день ноября 1812. 13. Трубный звук. 14. Всеобщее движение в армии. 15. Речь к воинству. 16 и 17. Российская армия становится в боевой порядок и опрокидывает неприятеля на всех пунктах. 18. Окончание сражения, знаменитая победа россиян. 19 и 20. Хор торжествования победы и освобождения Смоленска»¹⁹.

Освободительные битвы в Европе также отражены в «музыкальных баталиях», например: «Сражение при Лейпциге, или Освобождение Германии, характеристическая картина на музыку для фортепиано» неизвестного композитора, «Bataille de St. Chaumont et entrée dans Paris de s. s. m. m. l'empereur de Russie et le roi de Prusse à la tête des armées alliées: Pièce historique pour le piano-forte par Pacini» («Сражение при Сен-Шомоне и вступление в Париж их величеств императора России и короля Пруссии во главе союзных войск: историческая пьеса для фортепиано Пачини») и др.

Музыкальной летописью начавшегося контрнаступления русских войск, изгнания Наполеона из России и победоносных сражений союзных войск в Европе стали многочисленные победные марши. Некоторые из них:

¹⁹ Санкт-Петербургские ведомости. 1813. С. 69.

«Марш “Победа”, сочиненный и посвященный в честь главнокомандующего армиями генерала-фельдмаршала князя М. Л. Голенищева-Кутузова-Смоленского в память знаменитой победы, одержанной над французскими войсками 1812 года 8 ноября И. А. Ленгардом (воспитанником Бетховена)»;

«Марш на вшествие российской гвардии в Вильну 1812 года 5 декабря, посвященный его светлости господину генерал-фельдмаршалу главнокомандующему всеми армиями и всех российских орденов кавалеру князю Михаилу Ларионовичу Кутузову-Смоленскому к <князем> Павлом Долгоруким»;

«Марш на победу при Кацбахе, сочиненный и посвященный королевско-прусскому генералу-фельдмаршалу князю Блюхеру-Вальштатскому к. П. Долгоруким»;

«Marche triomphale sur l'entrée des troupes russes à Francfort sur le Mein / Composée pour le piano-forte et dédiée à Sa Majesté Imperiale l'Empereur Alexandre I-er par W. d'Aumann amateur; Cette marche, arrangée pour l'orchestre militaire par M-r Doerffeltdt a été exécutée le 15 de novembre l'an 1813 au concert de la Société philharmonique» («Триумфальный марш на вход русских войск во Франкфурт-на-Майне, сочиненный для фортепиано и посвященный... Александру I... В. Ауманом; этот марш, аранжированный для военного оркестра Дерфельдтом, был исполнен 15 ноября 1813 года на концерте Филармонического общества»);

«Triumpf — Marsch der verbündeten Krieger nach dem Sturme von Leipzig fürs Forte-Piano componirt und der erhabenen Mutter des Weltbefreyers Ihre Majestat der Kayserinn Maria Feodorowna unterthänigst dedicirt von W.von Aumann vormals Adjutant des Oberbefehlshabers der russischen Armee in Persien» («Триумфальный марш союзных войск после взятия Лейпцига, сочиненный для фортепиано и покорнейше посвященный великой матери всемирного освободителя ее величеству императрице Марии Федоровне В. фон Ауманом, ранее адъютантом главнокомандующего русской армии в Персии»).

Марш «Победа» Ленгарда написан, вероятно, по случаю сражения под Красным. Трехдневная битва, в которой французы потеряли свыше девятнадцати тысяч человек пленными, закончилась крупнейшим поражением армии Наполеона. Именно после Красного началось фактическое бегство «Великой армии» по Смоленской дороге.

Выяснить, кем был И. А. Ленгард и действительно ли он являлся учеником Бетховена, к сожалению, не удалось. В те годы многие начинающие сочинители пользовались именем Бетховена, чтобы придать себе больший интерес в глазах публики. Возможно, Ленгард был одним из них. Однако музыка его марша действительно напоминает некоторые страницы Бетховена. Интересно, что победный марш предваряет, как указано в нотах, хор из русской оперы «Добрые солдаты» Г. Ф. Раупаха – «Веселись в чистом поле». Почему автор ввел цитату из оперы немецкого композитора, написанной еще в XVIII в.? Дело в том, что на «голос» этой мелодии в июле 1812 г. Ф. Глинка написал «Солдатскую песню, сочиненную и петую во время соединения войск у города Смоленска» с новыми словами: «Вспомним, братцы, россов славу и пойдем врага разить». Такая практика была очень распространена в то время. Именно как солдатская песня о Смоленске, с которого и началось отступление наполеоновских войск, и была использована Ленгардом эта мелодия.

«Марш на вшествие российской гвардии в Вильну» П. И. Долгорукого предваряет эпитафия: «С нами Бог!» Марш открывается темой, очень напоминающей популярный «Преображенский марш», но получает иное продолжение. Этот торжественный праздничный марш, рисующий победное шествие российских войск, возможно, был предназначен для исполнения военными оркестрами. Напечатан он был в виде переложения для фортепиано.

Еще одно сочинение, воспевающее победы русской армии, — «Польский с хором О. Козловского (“Лиры, арфы и тимпаны”) на победы светлейшего князя Михаила Ларионовича Голенищева-Кутузова-Смоленского, спасителя отечества», написанный на слова Н. П. Николаева. Полонез был предназначен для исполнения солистами, хором и оркестром (в нотном издании — в переложении для фортепиано):

Лиры, арфы и тимпаны,
Стройтесь в единый лад!
Пиндары и Оссианы,
Воспевайте русских чад.
<...>
Славьте гения Смоленска,
Он спаситель русских царств!

В начале 1813 г. русские войска перешли Вислу и Одер, и в войну против Наполеона включились германские государства.

«Марш на взятие Варшавы, сочиненный для пиано форте И. З.» был напечатан в Петербурге в издательстве Пеца. Автор, скрывший свое имя под инициалами «И. З.», — вероятно, Иван Семенович Захаров, сенатор, член Российской академии, председатель «Беседы любителей русского слова». Это героический марш (Patetico — обозначил автор его характер) со всеми его атрибутами: пунктированным ритмом, трубными фанфарами, мелодическими фразами по звукам мажорного трезвучия.

«Марш на победу при Кацбах» сочинен П. Долгоруким и посвящен королевско-прусскому генерал-фельдмаршалу Г. Л. Блюхеру-Вальштатскому. Сражение у реки Кацбах, где войска Блюхера — командующего одной из союзных армий, включающей русские и прусские войска, — разгромили корпус Макдональда, произошло 14 августа 1813 г. Марш Долгорукого — сравнительно небольшое произведение, насыщенное бодрыми маршевыми ритмами. Обозначенное в нотах соло «trompettes» (трубы) дает основание предполагать, что он был предназначен для исполнения духовым оркестром.

16 апреля 1813 г. из Германии пришло скорбное известие: в Бунцлау скончался Кутузов. Памяти главнокомандующего посвящены многочисленные траурные марши, сочиненные разными авторами. Сохранились некоторые из них: «Марш, играный при привезении в столицу тела фельдмаршала князя Кутузова-Смоленского, положенный на фортепиано графом Д. Н. Салтыковым», марш С. Аксенова для семиструнной гитары «на погребение его светлости генерал-фельдмаршала князя Михаила Ларионовича Кутузова-Смоленского», «Печальный марш в память незабвенного спасителя отечества его светлости покойного генерал-фельдмаршала князя Михаила Ларионовича Голенищева-Кутузова-Смоленского, сочиненный г. Кизеветтером», «Печальный марш на погребение тела его светлости покойного генерал-фельдмаршала князя Михаила Ларионовича Кутузова Смоленского, соч. для фп. Иваном Прачем» и др. В рукописном альбоме начала XIX в. нами было обнаружено еще одно произведение — «Соната на кончину его светлости господина генерал-фельдмаршала князя Михаила Ларионовича Голенищева-Кутузова-Смоленского, сочиненная для фортепиано Александром Полянским, 1813»²⁰.

²⁰ Кабинет рукописей РИИИ. Ф. 2., оп. 1.

И, наконец, еще одно траурное произведение того времени: «Марш для фортепиано с аккомпанементом скрипки на погребение капитана и кавалера Михайлова, убитого при взятии неприятельской батареи при городе Мангейме 20 декабря 1813 г. Усерднейшее приношение брата его родного в пользу подчиненных покойному воинов 11 егерского полка 8 роты нижних чинов. Сочинил Ф. Грандмезон». Вероятно, марш был заказан композитору братом убитого капитана и погребенного, как сказано перед нотным текстом, «на месте сражения в продолжении атаки». Возможно, это — единственное сохранившееся произведение, увековечивающее память не военачальника, а простого русского воина.

Русская армия продолжала преследовать Наполеона в Европе, а российское ополчение тем временем возвращалось в освобожденные города. Этим событиям посвящен «Хор на возвращение российского ополчения в Москву после победы над французами» И. Г. Кизеветтера на слова Я. Деминского. Стихи Деминского воспевают победу росссов и Александра в 14 строфах. Фрагмент:

Славься, славься, победитель,
Славься, славься, храбрый росс;
Славься, мира повелитель,
Ты врага царей потрёс.

Очевидна ориентация на знаменитый державинский «Гром победы, раздавайся», особенно в последней строфе:

Звук воинский, раздавайся,
Развевайтесь, знамена:
Глас веселий, повторяйся,
Славься, русская страна!

19 марта 1814 г. союзные войска вошли в Париж. Этому событию посвящен «Торжественный марш на вход в Париж его величества императора Александра I» Д. Штейбельта — блестящая фортепианная пьеса, предназначенная для концертного исполнения.

Известие о том, что русские войска вошли в Париж и что война окончена, вызвало в России бурную радость. Последовал ряд торжеств в честь победителей, самое значительное из которых было устроено в присутствии императрицы-матери. Кульминацией праздника стало

исполнение певцом П. Зловым в театре песни Кашина «Защитника Петрова града» с новыми словами²¹, сочиненными П. А. Корсаковым в честь императора Александра. В каждом из куплетов поочередно прославлялись «цари союзных войск», император Александр («А ты, наш ангел-избавитель, / Подпора царств, злодеев страх, / Народных прав восстановитель, / На троне Тит, Перун в боях») и императрица Мария Феодоровна («А ты, кем царств земных к спасенью / Рожден наш ангел, злобных страх, / Внемли сердец благодаренью, / Благословенная в женах»). Вместе с тем песня обращалась ко всем героям войны и славила весь «род славян»:

Герои! грозны, чада славы!
 Мир вам! Под ваш священный кров
 Стеклись вселенской всей державы
 Ваш вождь — к отечеству любовь.
 Союзных войск хвала царям,
 Союзных войск хвала вождям!
 <...>
 В победах род славян возрос!
 Ликуй, Москва: в Париже росс!

С новыми словами «куплеты» обрели неслыханную популярность и исполнялись на многих торжествах и концертах, повторяясь по требованию публики несколько раз. Текст знали наизусть, а слова припева «В победах род славян возрос, / Ликуй, Москва, в Париже росс...» неизменно сопровождались криками «ура!» и громкими рукоплесканиями. Песня Кашина была настолько знаменитой, что ее воспроизвел Дж. Россини в опере «Путешествие в Реймс» (1825). В качестве русского гимна ее исполняет один из персонажей, русский граф

²¹ С этими словами песня Кашина была напечатана в Петербурге у Дальмаса: «Couplets en russe sur l'air de Mr. Kachin "Защитника Петрова града" à la gloire de Sa Majesté Imperiale Alexandre Premier, Autocrate et Empereur de toutes les Russies, chantés sur le théâtre national, devant Sa Majesté l'Impératrice Maria Feodorovna» («Куплеты на песню Кашина "Защитника Петрова града" во славу его величества императора Александра Первого, самодержца и императора всея Руси, петье в русском театре перед ее величеством императрицей Марией Феодоровной»).

Либенскофф, — разумеется, в итальянском стиле, со всевозможными украшениями, с новым итальянским текстом.

С Отечественной войной 1812 года связано еще одно важное музыкальное событие. 15 ноября 1813 г. Филармоническим обществом в Петербурге был устроен первый благотворительный концерт в пользу инвалидов, «кои в нынешнюю войну спасли отечество и кровью своею искупили Европу». С тех пор «инвалидные концерты»²², как их называли, стали ежегодными и проходили 19 марта — в день входа русских войск в Париж. Программа первого концерта включала разные произведения: Большую воинскую симфонию Б. Ромберга, Концерт Дж. Фильда, Воинский хор Дж. Сартти, Большой марш на вступление победоносных российских войск в Франкфурт-на-Майне Вильгельма Аумана и Музыкальный дивертисмент для духовой музыки И. Гартмана. Концерт оканчивался пением русского гимна на мелодию английского «God save the King»²³ с новыми словами. Русский перевод текста был сделан А. Х. Востоковым и посвящен императору Александру по случаю победы над Наполеоном. Гимн пел известный певец В. М. Самойлов в сопровождении хора придворных певчих. Спустя несколько дней были изданы ноты со следующим титулом: «Песнь русскому царю (Прими побед венец) на голос английской народной песни (Боже! Спаси царя)». Это был первый русский гимн, хотя и положенный на английскую мелодию²⁴.

Прими побед венец
Отечества отец.
Хвала тебе!

Между тем русские войска и император возвращались на родину. Радостная встреча государя состоялась в Павловске 27 июля 1814 г. Праздник был устроен с привлечением всех лучших тогдашних писателей

²² Инвалидные концерты просуществовали 100 лет.

²³ В течение XIX в. мелодия английского гимна использовалась в 23 странах.

²⁴ Указ о порядке исполнения гимна Александр I издал в 1816 г. Гимн со словами Востокова пели до 1818 г., когда к той же музыке В. А. Жуковский написал новый текст: «Боже! Царя храни! / Славному долги дни / Дай на земле!» В таком виде русский гимн с английской мелодией в основе просуществовал до 1833 г., когда А. Ф. Львов написал новую музыку на слова Жуковского. Подробнее см.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 1999. Т. 1. С. 784.

и музыкантов Петербурга: Г. Р. Державина, Ю. Л. Нелединского-Мелецкого, К. Н. Батюшкова, Н. М. Карамзина, Д. С. Бортнянского, К. А. Кавоса, Ф. Антонолини. Императрица Мария Федоровна следила за всеми приготовлениями и руководила ими. Вот как описывает этот праздник очевидец: «Около Розового павильона, в парке, был пристроен зал в величину павильона. По дороге — двое ворот с надписью:

Тебя, грядущего к нам с бою,
Врата победы не вместят.

У первых ворот государя встретил хор в русских костюмах, исполнивший гимн “Гряди, гряди, Благословенный” Нелединского; у вторых ворот императора приветствовал другой хор четверостишием кн. П. Вяземского. Музыка к тому и другому сочинил Бортнянский. У самого павильона первые артисты русской оперы (В. М. Самойлов, П. В. Злов, Н. С. Семенова и др.) с воспитанниками и воспитанницами Театрального училища представили интермедию в 4 сценах. <...> В заключение интермедии Самойлов спел кантату Державина:

Ты возвратился, благодатный!
Наш кроткий ангел, луч сердец!

Каждая строфа заканчивалась троекратным “Ура”, которое повторялось многими тысячами голосов и не умолкало, по окончании спектакля, до начала бала...»²⁵

Музыка гимнов Бортнянского до нас, к сожалению, не дошла, а ноты кантаты на слова Державина сохранилась. Титул нотного издания: «Куплеты на возвращение государя императора во время праздника государыни императрицы Марии Федоровны, слова гос. Державина, музыка гос. Антонолини, капельмейстера его императорского величества». Перед нотным текстом указано: «петые в Павловском г-м Самойловым».

«Куплеты» Антонолини²⁶ представляют собой торжественный марш для солиста и хора в сопровождении фортепиано или арфы

²⁵ Цит. по: *Финдейзен Н. Ф.* Музыка и театр в эпоху Отечественной войны. С. 670.

²⁶ Фердинанд Антонолини (2-я половина XVIII века – 1824) – композитор и педагог, итальянец по национальности, учитель пения в театральном училище,

(обычное переложение того времени) с яркой, выразительной мелодией, имеющей явно оперное происхождение. Каждый куплет — а их три — оканчивается припевом:

О, сколько мы благополучны,
Имеv отца царя.
Ура, ура,
Имеv отца царя.

Последнюю строку вместе с солистом повторял хор и, вероятно, зрители. Можно представить, с каким торжеством и гордостью исполнялись эти куплеты!

Музыкальную летопись Отечественной войны можно было бы продолжить. Это, например, песня Г. И. Фишера на слова В. Л. Пушкина «К нижегородским жителям в 1812 г.: Примите нас под свой покров», написанная в дни, когда В. Л. Пушкин в числе других жителей покинул Москву и спасался в Нижнем Новгороде²⁷. Это песнь воинов «Гремит, гремит священный глас отечества» и «Марш всеобщего ополчения россиян» неизвестных авторов, сочиненные в первые дни войны. Это Фантазия для фортепиано известного пианиста и композитора И. Б. Крамера, жившего в Лондоне, «В честь побед Кутузова в тон арии славного Генделя “Пренебрегая опасность”», посвященная генерал-фельдмаршалу князю Смоленскому, храбрым офицерам и российскому воинству» (*Kutusoff's victory: An impromptu for the pianoforte by J. B. Cramer, London*), большая фантазия Т. Хаслингера «Александр I и Вильгельм Фридрих III в Вене» (*Alexandre I et Frédéric Guillaume III à Vienne, grande fantaisie pour le pianoforte*). Отзвуки войны 1812 года можно найти и в совершенно неожиданных изданиях. Так, в «Азиатском музыкальном журнале», выходившем в Астрахани в 1816 г., была напечатана калмыцкая песня «Маштык Бодо, или Малая лошадь, сочиненная во время кампании 1812 г. после первого сражения с французами калмыцкого войска под начальством владельца их князя Тюменя».

придворный капельмейстер, автор многих опер и балетов (в сотрудничестве с Дидло).

²⁷ Вестник Европы. 1815. № 16. С. 256.

Поиск музыкальных свидетельств Отечественной войны 1812 года еще не закончен. Новые материалы порой неожиданно обнаруживаются в рукописных альбомах, нотных каталогах, газетах и журналах того времени. Конечно, многое безвозвратно утрачено. От некоторых произведений остались только фрагменты, так, например, от хора Верстовского «Восторг российских героев, возвратившихся из Парижа в свое отечество» уцелела лишь партия кларнета. От других произведений до нас дошли только названия в объявлениях книготорговцев.

Но и сохранившиеся произведения — бесценные свидетельства героической эпохи — остаются «немыми» и продолжают пребывать на полках архивов и библиотек. Помочь им зазвучать и обрести голос — задача наших музыкантов.

О. Н. Гринбаум

«БОРОДИНО» М. Ю. ЛЕРМОНТОВА: РИТМ, СМЫСЛ И ЭМОЦИИ В СВЕТЕ ГАРМОНИИ

Нетрудно предвидеть несколько скептическую и даже ироничную реакцию филолога, встретившего название «Бородино» в заглавии новой научной работы. Такой читатель-профессионал будет по-своему прав: что же еще можно сказать и, тем более, добавить к уже известным и многократно представленным в историко-филологической литературе комментариям к этому хрестоматийному произведению великого поэта?¹ Достаточно вспомнить хотя бы некоторые фундаментальные работы В. Г. Белинского, И. Л. Андроникова, В. Э. Вацура, Д. Е. Максимова, В. А. Мануйлова, Э. Найдича, В. Н. Турбина, Б. М. Эйхенбаума, чтобы усомниться уже в самой возможности существования в тексте стихотворения «Бородино» (и вокруг него) чего-либо неизвестного, неясного или малоубедительного. И все же один исследовательский вопрос до сих пор остается без ответа, и этот вопрос – о ритме стихотворения Лермонтова и, более того, о ритме стихотворения «Бородино» в ракурсе триединой формулы поэтического текста «ритм — форма — содержание». В свое время Андрей Белый писал о едином «ритмо-смысле» стиха и о том, что «лишь у плохих поэтов аллегоризируется смысл, насильственно отрываясь от ритма»². Если с этих позиций взглянуть на рассматриваемую проблему, то окажется, что все

¹ «Бородино» Лермонтова принадлежит к тем немногим классическим произведениям русской литературы, интерпретирование, прочтение которых можно, казалось бы, считать завершенным...» (*Турбин В. Н.* О литературно-полемическом аспекте стихотворения Лермонтова «Бородино» // М. Ю. Лермонтов: Исследования и материалы. Л., 1979. С. 392). Текст стихотворения приводится по: *Лермонтов*. Т. 2. С. 80–83.

² *Белый А.* Ритм как диалектика и «Медный Всадник». М., 1929. С. 67.

историко-литературные штудии лермонтоведов если и затрагивают тему ритма и метра в стихотворении «Бородино», то лишь в самом общем виде, указывая на ряд его хорошо известных строфических, рифмических и метрических особенностей, но никак не исследуя собственно ритмику этого произведения. Причина тому проста — классический метод изучения ритма поэтического текста, основанный на статистике «профилей ударности» стиха, не способен «справляться» с текстами, написанными разноstopными стихотворными размерами, — а именно разноstopным ямбом и написано стихотворение Лермонтова «Бородино».

Для менее искушенного читателя подобное утверждение может стать откровением, учитывая, что ритм (и это известно еще со школьной скамьи) — именно то особое свойство стиха, которое вычленяет поэзию из всего многообразия художественных текстов. Увы, но ситуация такова, что изучать единый «ритмо-смысл» в рамках традиционных воззрений на теорию ритмики стиха невозможно. Чтобы не оказаться голословными, нам в краткой форме предстоит продемонстрировать это положение на конкретном фрагменте стихотворения Лермонтова.

Нам не раз приходилось писать о том, что современное состояние стиховедческой науки настоятельно требует глубокого и всестороннего переосмысления ее основных теоретических положений. Широкое использование количественных (статистических) методов анализа стиха в большинстве случаев позволяет исследователям получать весьма важные и ценные результаты, проливающие свет на материю стиха (лексику, синтаксис, строфику, метрику, рифму). Однако математика полезна в стиховедении лишь в том случае, если ее методы соответствуют природе стиха (ритму и смыслу), а неизбежные в любой научной деятельности ограничения и упрощения — не выхолащивают имманентное, художественное, эстетически значимое начало художественного текста. Применительно к ритмике разноstopных стихов (и не только к ним) теория и практика классического стиховедения оказывается бессильной.

В отличие от традиционного, метод ритмико-гармонической точности основан на концептуальных философско-феноменологических положениях гармонического (эстетико-формального) направления стиховедческой науки, и именно такой подход к поэтическому тексту как объекту научного познания позволяет решить данную проблему. Наши исследования гармонической организации русского классического стиха и динамики

развития художественного повествования опираются на закон «золотого сечения» (универсальный закон художественной формы). В основании метода ритмико-гармонической точности движения поэтической мысли лежат числовые ряды Фибоначчи, позволяющие оценивать не только степень структурно-композиционной гармонии русского стиха, но и с тех же позиций – временные характеристики и особенности ритмико-экспрессивного течения поэтического повествования³.

Итак, целью данной работы является анализ стихотворения Лермонтова «Бородино» с позиции структурно-композиционного и ритмико-смыслового (эмоционально-содержательного) развертывания всего текста от его начала («Скажи-ка дядя, ведь не даром / Москва, спаленная пожаром, / Французу отдана») до завершающей фразы: «Когда б на то не Божья воля, / Не отдали б Москвы».

Стихотворение «Бородино» было написано Лермонтовым в конце 1836 или начале 1837 г. и передано поэтом для публикации в журнал «Современник» еще до высылки на Кавказ. Творческая история стихотворения начинается с романтического стихотворения «Поле Бородина», написанного поэтом за несколько лет до «Бородина» и давшее последнему несколько строк, включая знаменитую «Ребята, не Москва ль за нами?». Преобразившись, «Бородино» заняло достойное место среди лирических шедевров поэта наряду с «Завещанием», «Валериком» и «Родиной». «Радикально изменился, – писал В. Н. Турбин, – и жанр стихотворения. Невнятная дидактика “Поля Бородина” была решительно вытеснена чуть-чуть иронической, естественной в своем выражении дидактикой подчеркнуто бесхитростного повествования. “Бородино” – новелла. Дидактическая новелла, батальные сцены которой полемически обращены к инертному, по мнению поэта, настоящему. И в патриотических строках “Бородина” Белинскому слышалась “...жалоба на настоящее поколение, дремлющее в бездействии, зависть к великому прошедшему, столь полному славы и великих дел”. Белинский, таким образом, трактовал “Бородино” как вещь принципиально двуплановую: на первом плане – рассказ старого солдата, реалистическая баталистика, панорама великой битвы; на втором – горечь

³ См.: Гринбаум О. Н. Гармония стиха Пушкина. СПб., 2008.

публицистического упрека, инвективное сопоставление прошедшего и настоящего, осуждение коего в еще более полной мере впоследствии сказалось в “Думе”⁴. Это высказывание верно не только по сути читаемого нами текста Лермонтова. Оно с необычайной ясностью отражает эмоциональное восприятие поэтом истории России первой трети XIX века в преддверии празднования в стране 25-летнего юбилея Бородинского сражения. Для нашего же исследования мысль о «принципиальной двуплановости» стихотворения оказывается одной из основных, поскольку представленный ниже гармонический структурно-композиционный анализ текста подтверждает ее *математически*.

Далее мы покажем, как на практике реализуется традиционный подход к изучению ритмики поэтического текста. Материалом нам послужат два фрагмента классического русского стиха: первое четверостишие стихотворения Пушкина «Ангел» (равностопный 4-стопный ямб) и первая строфа стихотворения Лермонтова «Бородино» (неравностопный 4- и 3-стопный ямб). Мы не ставим здесь своей целью детально обоснованную критику статистического метода при изучении ритмики стихотворных текстов, хотя не можем не отметить тот факт, что С. М. Бонди считал этот метод «ошибочным», подчеркивая, что «во многих наших работах по теории стиха слово “ритм” приобрело особое, специально “стиховедческое” значение, резко сузившее его содержание и превратившее это столь объемлющее понятие в чисто условное обозначение, приноровленное к данной⁵ стиховедческой теории...»⁶.

Ниже в табл. 1 показана процедура построения «профиля ударности» для первого 4-стишия стихотворения Пушкина «Ангел»: сначала для строк стиха выявляются ударные (◌◌) и безударные (◌◌) гласные, тем самым формируя ритмическую схему каждой строки. При построении

⁴ Турбин В. Н. О литературно-полемическом аспекте стихотворения Лермонтова «Бородино». С. 392.

⁵ Речь идет о теории «раннего» А. Белого, которая была представлена в его книге «Символизм» (1910). Позднее в 1929 г. А. Белый отказался от этой теории, предложив новый метод, основанный на «ритмических фигурах», но этот метод не обрел своих последователей.

⁶ Бонди С. М. О ритме // Контекст—1976: Литературно-теоретич. исследования. М., 1977. С. 113.

«профиля ударности» учитываются только ударные слоги на «сильных» (для ямба – четных) местах ритмической схемы, результаты записываются в виде чисел в соответствующих столбцах для четырех стоп I, II, III и IV каждой строки текста⁷. Затем подсчитываются суммы ударений по горизонтали (тоническая длина строки *T*) и вертикали (сумма ударений в табл. 1) и процентное отношение суммарного числа ударений стопы к общему числу строк (процент ударности в табл. 1).

Четыре полученных числа (100–100–25–100) и есть «профиль ударности» первого 4-стишия стихотворения «Ангел».

Таблица 1

**Ударные и безударные слоги
в стихотворении Пушкина «Ангел»**

Текст первой строфы	Ритмическая схема									Ударность стопы				<i>T</i>
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	I	II	III	IV	
1 В дверях Эдема ангел нежный	◡	◡	◡	◡	◡	◡	◡	◡	◡	1	1	1	1	4
2 Главой поникшею сиял,	◡	◡	◡	◡	◡	◡	◡	◡		1	1	0	1	3
3 А демон мрачный и мятежный	◡	◡	◡	◡	◡	◡	◡	◡	◡	1	1	0	1	3
4 Над адской бездною летал.	◡	◡	◡	◡	◡	◡	◡	◡		1	1	0	1	3
Сумма ударений										4	4	1	4	13
Процент ударности (%)										100	100	25	100	

Перейдем к стихотворению «Бородино» (табл. 2). Строки 1, 2, 4, 5 и 6 каждой строфы написаны 4-стопным ямбом (по девять слогов в каждой строке – с учетом женских окончаний), но строки 3 и 7 написаны

⁷ Стопа в ямбе – это два слога, следующих друг за другом: сначала безударный (◡), затем ударный (◡́).

3-стопным ямбом (по шесть слогов в каждой – здесь окончания мужские). Позиции в строках 3 и 7, где согласно процедуре построения «профиля ударности» для 4-стопного ямба должны находиться либо ударные, либо безударные слоги, не заполнены и принципиально не могут быть заполнены какими-либо данными (в табл. 2 они отмечены символом X). Следовательно, математически корректное вычисление⁸ суммы ударений для стопы IV невозможно, как и невозможно корректное вычисление процента ударности для стопы III, поскольку стопы III и IV играют в 4-стопном ямбе принципиально разную функционально-смысловую роль.

Таблица 2

**Ударные и безударные слоги
в стихотворении Лермонтова «Бородино»**

Текст первой строфы	Ритмическая схема									Ударность стопы				T
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	I	II	III	IV	
1 Скажи-ка, дядя, ведь не даром	У	У	У	У	У	У	У	У	У	1	1	1	1	4
2 Москва, спаленная пожаром,	У	У	У	У	У	У	У	У	У	1	1	0	1	3
3 Французу отдана.	У	У	У	У	У	X	X	X	У	1	0	1	X	2
4 Ведь были ж схватки боевые,	У	У	У	У	У	У	У	У	У	1	1	0	1	3
5 Да, говорят, еще какие!	У	У	У	У	У	У	У	У	У	0	1	1	1	3
6 Не даром помнит вся Россия	У	У	У	У	У	У	У	У	У	1	1	1	1	4
7 Про день Бородина!	У	У	У	У	У	X	X	X	У	1	0	1	X	2
Сумма ударений										6	5	5	5	21
Процент ударности										86	72	?	?	

⁸ Статистика как раздел математики требует строгого соблюдения двух условий: независимости включаемых в счетное множество элементов и их однородности. В нашем случае речь идет о втором условии; относительно несоблюдения первого условия см., напр.: Гринбаум О. Н. Эстетико-формальное стиховедение: Методология. Аксиоматика. Результаты. Гипотезы. СПб., 2001. С. 34–36.

Но «профиль ударности» является важнейшим исходным параметром для всех традиционных исследований ритма поэтического текста, включая анализ историко-литературной эволюции ритмики русского стиха, выявление и обоснование ритмических законов или построение вероятностно-статистических моделей ритмики стиха. Как результат, ни в одном из известных трудов по ритмике стиха не представлены профили ударности для неравноstopных стихотворных текстов, включая такие шедевры мировой лирики, как «Шепот, робкое дыханье...» Фета или «Бородино» Лермонтова.

Итак, мы на небольшом примере убедились в том, что метод «раннего» А. Белого применим и одновременно ограничен только стихами «прямоугольной» силлабо-тонической архитектоники. Первопричиной тому является само исходное понимание ритма как некоторого отступления от метра, на ошибочность которого без обиняков указывал С. М. Бонди: «Непригодность определения понятия “ритм” как противопоставления “метру”, стихотворному размеру... очевидна»⁹. Но не менее важна в этом вопросе и позиция К. Ф. Тарановского, чьи работы составляют важнейшую часть базовых знаний современного стиховедения. «Нужно раз и навсегда, – писал К. Ф. Тарановский, – покончить с теорией ритма как нарушения метрической схемы. К несчастью нашей науки, мы унаследовали схоластическую теорию стиха, в чьих понятиях и в чьей терминологии все еще путаемся. Если бы Ломоносов не пытался писать полноударными 4-стопными ямбами, придерживаясь рецептов немецкой школьной метрики, и если бы Белый не начал изучение стиха именно с этого размера, то, может быть, понятие “отступление от метра” никогда бы не возникло в нашей науке»¹⁰. Эти слова были написаны в 1966 г., но практически стиховедами услышаны не были¹¹. Отчетливо формулировал свои мысли и В. Е. Холшевников: «Ритм не выступает в стихотворном произведении в качестве некоторой метрической схемы (будем ли мы понимать ее как схему размера или станем учитывать реальное

⁹ Бонди С. М. *О ритме*. С. 15.

¹⁰ Тарановский К. Ф. *О поэзии и поэтике*. М., 2002. С. 246.

¹¹ Более обширный комментарий к позиции структуралистов см.: Гринбаум О. Н. Пушкинский стих как ритмическая система // *Язык и речевая деятельность*. 2002. Т. 5. СПб., 2003. С.67–82.

распределение ударений по сильным и слабым местам, в данном случае безразлично)»¹². Напомнить об этом нам представляется весьма важным по той причине, на которую уже более тридцати лет назад указывал С. И. Гиндин: «Статистическое стиховедение (от А. Белого до А. Колмогорова) <...> *ритма*, как это ни парадоксально, не изучало и не изучает. Статистическое описание лишь вскрывает вероятностные ограничения на употребление элементов метра, для изучения же ритма мы должны от интегрального рассмотрения текста в целом перейти к дифференциальному анализу текста в его развертывании»¹³.

Наше понимание ритма как *гармонии* отношений, а *гармонии* как эстетически осознанной *меры*, не может не противостоять тому пониманию ритма, которого придерживаются представители традиционного стиховедения. Более десяти лет назад мы представили новую концепцию эстетико-формального стиховедения¹⁴, в которой ритм понимается как гармония отношений, как динамический конструктивный фактор стиха, а основным инструментом практических исследований выступает гармоническая «божественная» пропорция «золотого сечения»¹⁵. Мы считаем, что относительные отклонения фактических показателей стихового ритма от гармонического («золотого» ритма) могут служить количественной характеристикой читательских ритмико-гармонических ощущений. Речь идет не только о качестве ощущений, которые мы стремимся сопоставить с количественными данными, не только о гармонии и дисгармонии, но и о возможности изучения содержания стиха и его ритма в их динамически существующем единстве¹⁶.

¹² Холшевников В. Е. Стиховедение и поэзия. Л., 1991. С. 123.

¹³ Гиндин С. И. Пути моделирования ритмической организации текста // Структурно-математические методы моделирования языка. Тез. докл. и сообщений Всес. науч. конф.: В 2 ч. Ч. 1. Киев, 1970. С. 34.

¹⁴ Гринбаум О. Н. Гармония строфического ритма в эстетико-формальном измерении. СПб., 2000.

¹⁵ Развитие методологии и метода эстетико-формального (гармонического) стиховедения см., напр., в наших работах: Гринбаум О. Н. 1) Гармония стиха Пушкина. СПб., 2008; 2) Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: ритмико-смысловый комментарий. Главы первая, вторая, третья. СПб., 2010.

¹⁶ Изучению подвергаются темпоральные соотношения между ударными и безударными слогами стихотворного текста в бинарной и тернарной моделях ударности слогов.

Наша концепция ритма опирается на закон «золотого сечения» («универсальный закон художественной формы»¹⁷ по А. Ф. Лосеву) и собственную оригинальную процедуру вычисления ритмико-гармонической точности движения поэтической мысли. Ритм как имманентная основа движения поэтической мысли определяется в русском стихе соотношением ударных и безударных слогов. Соотношение это не абсолютно, а относительно, и измеряется оно как отклонение реального ритма от ритма идеального, гармонического. В свою очередь, гармонический ритм определяется пропорцией «золотого сечения» в узловых (рифменных) точках стиха. Динамический принцип «золотого сечения» позволяет объединить в едином критерии *три* показателя, характеризующих стихотворный текст: ритм, рифму и строфику. Подобными возможностями не обладает ни один из известных методов исследования стихотворного текста. Становится все более очевидным, что, измеряя степень отклонения реального ритма от ритма идеального (гармонического), мы получаем возможность изучать характер изменения единого ритмо-смысла поэтического текста в полном соответствии с уже упомянутой мыслью А. Белого: «лишь у плохих поэтов аллегоризируется смысл, насильственно отрываясь от ритма».

Как и любой другой, ритмический процесс характеризуется двумя временными параметрами: 1) гармоничностью τ , то есть величинами собственных значений, отражающими степень приближенности ритма к гармоническому в каждой i -ой точке стиха; 2) K_3 – скоростью изменения значений τ , которая указывает на степень экспрессивности ритмического движения. В рамках гармонического стиховедения операндами гармонической пропорции ритма являются: (а) величины слогового объема S текста, читаемого от его начала; (б) величины тонического объема T того же текста. Расчеты для каждого i -го рифменного узла (2-стишия, 4-стишия и др.) ведутся по трем силлабо-тоническим параметрам стиха, а именно по общему накопленному от начала текста числу слогов S_i («целое»), числу накопленных безударных слогов V_i («большее») и числу накопленных ударных слогов T_i («меньшее»):

¹⁷ Лосев А. Ф. Музыка как предмет логики // Лосев А. Ф. Из ранних произведений. М., 1990. С. 361.

$$ti = 0,087 / \Delta i = 0,087 / (Si / Bi - Vi / Ti), \quad (1)$$

где коэффициент 0,087 соответствует¹⁸ единичному уровню $\tau_0 = 1$. Для перехода от показателя гармоничности ритма ti к оценке его психофизиологического восприятия мы используем известный в психолингвистике закон Вебера — Фехнера, который устанавливает логарифмическую зависимость между силой внешнего воздействия и интенсивностью человеческих ощущений, возникающих в результате этих воздействий. Формула

$$PGTi = Oi = 1 + \ln(ti) \quad (2)$$

представляет собой динамическую (темпоральную) оценку ритмико-гармонического восприятия текста. Для измерения скорости изменения гармонического ритма используется относительный показатель экспрессивности ритмоощущений K_3 , вычисляемый по формуле:

$$K_3(i) = (ABS(Oi - Oi_{-1}) / (xi - xi_{-1})) / K_0, \quad (3)$$

где разность $(xi - xi_{-1})$ – расстояние (число строк) между двумя соседними узловыми рифменными точками стиха, ABS – абсолютная величина, а K_0 есть средний уровень $K_3 = 0,034$ для первой главы *ЕО*, принятый нами за единицу.

Параметры O_i и K_3 выступают, таким образом, как *индикативные корреляты психофизиологического процесса восприятия стиха*, а построенные на их основе динамические ритмико-экспрессивные ореолы дают возможность изучать естественный (темпоральный) ритмо-содержательный процесс восприятия разных по объему поэтических произведений, в том числе проводить сопоставительный анализ текстов разной строфической организации и разных стихотворных размеров.

Теперь обратимся к поэтическому материалу – стихотворению «Бородино». Картина соотношенности гармонического ритма (параметры РГТ и K_3) и содержания стихотворения «Бородино» приведена на рис. 1.

¹⁸ Подробнее см.: Гринбаум О. Н. Гармония строфического ритма в эстетико-формальном измерении. С. 57.

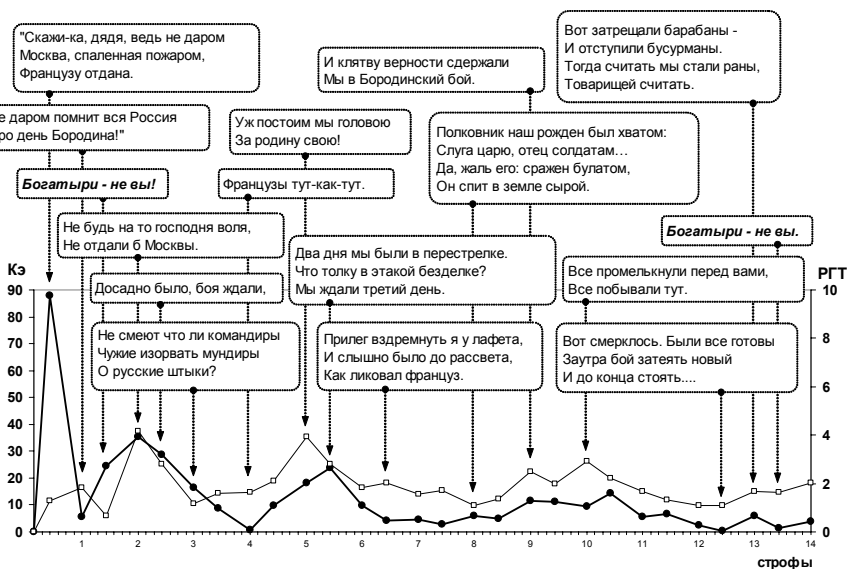

Рис. 1. Гармония и экспрессия ритма в стихотворении Лермонтова «Бородино» (тонкая линия — PГТ)

Дадим некоторые пояснения к рис. 1. Вычисление значений параметров PГТ и K_3 производилось по формулам (1) — (3) для значений S_i , V_i и T_i в конце каждой третьей и седьмой строк каждой строфы стихотворения «Бородино» ($i=1, 2, 3, \dots, 28$), таким образом, всего графики на рис. 1 формируют 28 значений. Выбор в пользу такого способа вычислений был сделан исходя из особой рифмической цепи AAbCCCb «бородинской строфы» Лермонтова, которой и написано стихотворение «Бородино». Так, например, в конце третьей строки первой строфы накопленные от начала текста значения S_i , V_i и T_i равны 24, 15 и 9 соответственно, тогда по формулам (1) — (3) величины PГТ = 1,84 и K_3 = 87,9. Для седьмой строки третьей строфы значения S_i , V_i и T_i равны 171, 107 и 64, а величины PГТ = 1,17 и K_3 = 16,4.

Теперь займемся вопросами темпоральной соотношенности поведения кривых PГТ и K_3 (рис. 1) и содержания стихотворения «Бородино».

Первое, что сразу обращает на себя внимание, – это то, что кривые PГТ и K_3 по своему поведению весьма схожи, заметно отличаясь лишь в самом начале стихотворения. Опыт наших исследований текстов

Пушкина показывает, что подобное поведение РГТ и K_3 по-своему (математически) отражает открытость и искренность поэтического повествования. Такую синхронность мы наблюдали, во-первых, в рассказе Пушкина о Татьяне Лариной (в третьей главе романа «Евгений Онегин») и, во-вторых, в письме самой Татьяны к Онегину¹⁹. Несмотря на кажущуюся неуместность проводимой здесь аналогии, реальное восприятие этих конкретных текстов Пушкина и Лермонтова весьма близко по своему эмоциональному настрою: в обоих случаях читатель прежде всего ощущает неподдельную искренность героев повествования и выраженную в словах правду жизненных обстоятельств. Подобные мысли в отношении «дяди»-рассказчика из стихотворения «Бородино», бывшего солдата и участника Бородинской битвы, рефреном проходят через все комментарии к этому тексту²⁰. Теперь общепризнанное мнение получило и свое математически точное подтверждение.

Рассмотрим теперь некоторые моменты более обстоятельно. Останемся вначале на первой строфе, где значение экспрессии $K_3 = 87,9$ – наибольшее во всем стихотворении. Обращенные к старому воину слова молодого солдата «Скажи-ка, дядя, ведь не даром...» представлены читателю в такой вопросительно-восклицательной речевой форме, которая уже сама по себе предполагает эмоциональный всплеск – его мы и наблюдаем на рис. 1. Кривая РГТ демонстрирует усиление гармонии (0–1,3–1,8), но более интересно здесь поведение параметра K_3 : на первом 3-стишии экспрессия резким скачком достигает своего абсолютного в стихотворении максимума ($K_3 = 87,9$), а к концу строфы падает до величины $K_3 = 5,8$. Подобных перепадов величин K_3 не будет на протяжении всех последующих 13 строф, и этот факт полностью соответствует

¹⁹ Гринбаум О. Н. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»... С. 154, 176.

²⁰ Например, вот что мы читаем у И. Л. Андроникова: «Обычным разговорным языком ветеран Отечественной войны, человек уже не молодой – “дядя”, начинает по порядку излагать события великого дня, попутно давая им простую, житейскую оценку. Но в этих-то, казалось бы, немудреных суждениях о том, что враг извещал в тот день силу русского рукопашного боя, что армия, обещав умереть, сдержала под Бородином “клятву верности” и была готова к новому сражению, уверенность, что если бы не “Божья воля”, Москва не была бы сдана, – в эти рассуждения старого солдата Лермонтов сумел вложить собственный взгляд на события Отечественной войны и на ее глубоко народный характер» (Андроников И. Л. Лермонтов. Исследования и находки. М., 1977. С. 97).

композиционному построению стихотворения: если текст первой строфы представляет читателю речь-вопрос молодого солдата, то остальные строфы – это ответ бывалого воина. Молодость и горячность первой строфы сменяются неторопливым рассказом очевидца, умудренного опытом Отечественной войны 1812 года и самого Бородинского сражения. Поэту удалось как нельзя выразительнее подчеркнуть не только завершенность (в первой строфе) вступления к рассказу о битве на Бородинском поле, вернув эмоциональное возбуждение почти что к исходным значениям, но и установить весьма высокий начальный уровень гармонии, с которого предстоит стартовать основной части повествования. Заметим, что этот начальный для второй строфы уровень гармонии РГТ = 1,8 лишь незначительно уступает своему финальному значению РГТ = 2,0 и средней величине РГТ по всему стихотворению РГТ = 1,9.

Второй строфой начинается рассказ старого солдата, сразу же озвучившего две свои главные мысли о пережитом: «Богатыри – не вы!» и «Не будь на то господня воля, / Не отдали б Москвы»²¹. И первая, и вторая фразы повторяются еще раз в самом конце стихотворения (строфа 14). Но вот что интересно: во второй строфе на словах «Богатыри – не вы!» гармония уменьшается, а экспрессия растет (см. рис. 1) – такое поведение параметров РГТ и K_3 (согласно нашим исследованиям пушкинских текстов²²) соотносится с эмоцией «сожаление», и именно это настроение ощущается в самих словах старого солдата! Но после долгого рассказа было бы несколько наивно ожидать от него тех же эмоциональных переживаний. И, действительно, в конце рассказа, в первом трехстишии 14-й строфы значения параметров РГТ и K_3 одновременно уменьшаются, но величины РГТ меняются мало и значительно меньше, чем во второй строфе. Так, значение РГТ меняется от 1,7 до 1,6 (в первом случае от 1,8 до 0,7), а значения K_3 от 6,2 до 1,2 (в первом случае от 5,8 до 24,5). «Душевное успокоение» – такой вердикт выносят наши кривые

²¹ «Вся основная идея стихотворения выражена во втором куплете <...>. Эта мысль – жалоба на настоящее поколение, дремлющее в бездействии, зависть к великому прошедшему, столь полному славы и великих дел» (Белинский. Т. 4. С. 503).

²² См.: Гринбаум О. Н. Четвертая глава романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Монолог Онегина в ритмико-смысловом освещении // *Respectus Philologicus*. 2011. N. 20 (25). P. 138.

эмоциональному настрою первых трех строк последней строфы «Бородин». И, как нам представляется, он полностью совпадает со смысловым аспектом анализа этого стихотворения.

Зато слова вторых частей второй и последней строф стихотворения (строки 4–7) оба раза возвращают читателю определенный оптимизм уже потому, что, по мнению солдата, сдавать врагу Москву или не сдавать – решала «Господня воля», а вовсе не успехи или неудачи тактики и стратегии полководцев. Русские солдаты Бородинского сражения не проиграли – именно эту мысль подчеркивает старый солдат, и его гордость за своих товарищей, за их готовность умереть за Родину, за их верность клятве и порождают в читателе оптимистическое настроение. Оба раза значения параметров РГТ и K_3 одновременно растут, что, согласно нашим данным, говорит об усилении чувства «воодушевления».

Таким образом, первая и последняя строфы рассказа старого русского солдата порождают у читателя (слушателя) некоторое чувство разочарования, тут же вытесняемое более радостным и оптимистическим настроем.

Нам представляется правомочным следующий вывод. Лермонтов следует здесь за Пушкиным, в чем поэтическое кредо и сформулирована суть настоящей поэзии: «Истина страстей, *правдоподобие* чувствований в известных обстоятельствах – вот чего требует сердце наше»²³.

Третья строфа, повествующая об отступлении русских войск («Мы долго молча отступали...»), сопровождается одновременным снижением величин гармонии и экспрессии – и в этот раз в полном соответствии со смыслом читаемого текста. Крайне трудно представить себе другую картину, где слова «Досадно было...» или «Ворчали старики...» могли бы сопровождаться усилением положительных эмоций. Но уже в четвертой строфе намечается перелом: командиры находят удобное место для предстоящего сражения, солдаты готовят фортификационные сооружения («Построили редут...») – отрицательная тенденция к снижению величин РГТ прекращается и меняется на положительную. И вот пятая строфа:

²³ Пушкин. Т. 11. С. 421.

Забил заряд я в пушку туго
И думал: угощу я друга!
Постой-ка, брат, мусью:
Что тут хитрить, пожалуй, к бою;
Уж мы пойдем ломить стеною,
Уж постоим мы головою
За родину свою!

Настроение у солдат приподнятое и боевое – а наши кривые идут вверх, наглядно демонстрируя единство ритма и смысла этого фрагмента, поскольку, согласно прежним оценкам²⁴, такое поведение ритмико-экспрессивных параметров связано с чувством «воодушевления».

В конце пятой строфы величина РГТ достигает своего локального максимума (РГТ = 3,9), лишь незначительно уступая своему значению в конце второй строфы («Не отдали б Москвы») – рефрене всего стихотворения «Бородино». Далее следует затяжной спуск, гармония уменьшается вплоть до конца восьмой строфы – в этих строфах старый солдат рассказывает о первых двух днях сражения («Два дня мы были в перестрелке. / Что толку в этакой безделке...»), «И слышно было до рассвета, / Как ликовал француз...») и о своем отце-командире («Да, жаль его: сражен булатом, / Он спит в земле сырой»). Экспрессия тоже снижается, а локальный минимум приходится на третью строку седьмой строфы («Как ликовал француз»). Следующие две строфы (девятая и десятая) – новый подъем, битва вступила в решающую фазу. Читая призыв полковника: «Ребята! не Москва ль за нами?» – мы не можем предположить иного, чем усиления у читателя положительных эмоций. Но само описание боя (строфы 11 и 12) опять дают спад значений РГТ и K_3 : в этих строчках война предстает не в виде победных реляций, а как самое жестокое и человеконенавистническое действие («Рука бойцов колоть устала», «Наш рукопашный бой», «Гора кровавых тел»). Не может описание смертельного побоища породить у великого поэта положительных эмоций – мы в этом уверены²⁵ и наблюдаем это при

²⁴ См.: Гринбаум О. Н. Четвертая глава романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин»... С. 138.

²⁵ Здесь наша позиция несколько отличается от мнения, например, Д. Е. Максимова, который писал о «Бородине» следующее: «когда он <поэт> переходит к картинам начавшегося сражения, его речь разгорается, делается взволнованной

анализе 11-й и 12-й строф «Бородина». Не менее важно учитывать здесь и то обстоятельство, что рассказ о Бородинском сражении ведет его участник спустя четверть века после самого сражения – эмоциональный накал по мере говорения снижается, и это вполне объяснимо с позиций обычных знаний о психофизиологии человеческого организма. Рассказчик, вспоминая прошлое и лично им прожитое (и пережитое) горькое и молодорадостное событие, устает. И прежде всего устает психологически, тратя на подобные воспоминания очень много нервной энергии. Эту картину мы и наблюдаем в завершающих строфах стихотворения «Бородино». Но не менее важно принимать во внимание вновь звучащие здесь недопонимание и недоумение от стратегического плана этой войны. Простому русскому солдату, пролившему кровь за родину, было особенно трудно понять: как это так, Бородинское сражение русская армия не проиграла, а столицу отечества врагу на растерзание сдала! «Не будь на то господня воля...» – лучшее, видимо, для них и оправдание, и объяснение.

И все же в середине 13-й строфы падение параметров гармонии и экспрессии заканчивается, а мы читаем:

Вот затрещали барабаны —
И отступили бусурманы...

Все стихотворение заканчивается на оптимистической ноте, что хорошо видно по росту (пусть и не столь яркому, как во второй строфе) величин гармонии РГТ и экспрессии K_3 в конце 14-й строфы.

Завершая наш ритмико-смысловый анализ, обратим внимание на общее поведение параметров гармонии и экспрессии (рис. 1) и вспомним слова В. В. Набокова, который говорил о «набегающих, точно волны, стихах»²⁶ Пушкина. Эмоциональные волны «Бородина», фиксируемые с помощью метода ритмико-гармонической точности, не только

и одушевленной» (*Максимов Д. Е.* Поэзия Лермонтова. М.; Л., 1964. С. 139). Наша позиция отличается прежде всего в отношении слова «взволнованной», поскольку патриотически заостренная дидактика известного литературоведа не получает в строфах 10–12 реального ритмико-экспрессивного подтверждения. В этой связи напомним слова В. Г. Белинского: «Если б сказали Лермонтову о значении его направления и идей, он, вероятно, многому удивился бы и даже не всему поверил...» (Белинский. Т. 4. С. 474).

²⁶ *Набоков В. В.* Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб., 1998. С. 198.

подтверждают гениальность этого стихотворения Лермонтова, но и дают основания к важному в литературоведении обобщению: «волны» в гениальных стихах и есть эмоциональные волны их единого ритмо-смысла – об этом, по крайней мере, свидетельствует весь наш опыт ритмико-смыслового анализа поэтических текстов.

Интерес представляет и вопрос о структурно-композиционной организации стихотворения, точнее, о том, какие слова находятся в его структурно-гармоническом центре. Для выявления такого центра используется весьма простая арифметика: общее число строк стихотворения делится на коэффициент «золотого сечения» 1,618. Строка, в пределах которой будет находиться полученная величина, и является гармоническим центром произведения. Практика подобных исследований показывает, что «закон золотого сечения проявляется чаще всего в наиболее точных и логических формах у наиболее гениальных авторов и, главным образом, в наиболее одухотворенных творениях их», поскольку этот закон «в высшей степени характеризует самый процесс творчества»²⁷.

Применительно к стихотворению «Бородино», подсчеты, использующие параметр «число строк», должны быть заменены более точными вычислениями на основе параметра «число слогов». Причина проста – Бородинская строфа написана разностопным ямбом, а число длинных и число коротких строк находятся между собой в соотношении 5:2. Итак, в стихотворении «Бородино» насчитывается 798 слогов; деление этого числа на коэффициент «золотого сечения» 1,618 дает значение 493, следовательно, строка стихотворения, включающая этот 493-й слог от начала текста, и образует структурно-гармонический центр стихотворения. Такая строка расположена в 9-й строфе, это ее пятая строка: «И умереть мы обещали...» Еще точнее: 493-й слог принадлежит слову «умереть» – одному из ключевых слов в общем смысловом контексте стихотворения. Умереть за родину – клятва, которую русские солдаты не только дали, но и сдержали, только были ли оправданы такие жертвы?

²⁷ Розенов Э. К. Статьи о музыке: Избранное. М., 1982. С. 156.

Ответ на такой вопрос стихотворение Лермонтова не дает, этот ответ дала История. Но для нашего исследования важно еще одно: по мнению А. Бергсона, на точку «золотого сечения» следует смотреть «как на некий водораздел исключительной важности для осознания природы человеческого сознания, где его наиболее обширная область охватывает сферу интуитивного, а меньшая будет определяться контекстом рационального»²⁸. Если вспомнить текст «Бородина» (и мы выше об этом писали), то вплоть до 10-й строфы читателю дана лишь прелюдия к Бородинской битве, и даже рассказ о двух днях оружейных баталий («Что толку в этакой безделке?») ничего не меняет в восприятии этой части стихотворения. Но начало 10-й строфы («Ну ж был денёк! Сквозь дым летучий / Французы двинулись как тучи...») переводит повествование в плоскость материального – рукопашный бой, кровь, тысячи орудий, кони, люди... Затем следует тот самый вопрос, ответ на который не знал старый солдат и на который ответила История. В структурно-композиционном плане, как мы видим, «интуитивное» и «рациональное» представлено в стихотворении «Бородино» в полном соответствии с «золотым» водоразделом целого.

²⁸ Бергсон А. Творческая эволюция // Бергсон А. Собр. соч.: В 4 т. М., 1992. Т. 1. С. 42.

О. Б. Кафанова

ВЗГЛЯД ИЗ ФРАНЦИИ НА ВОЙНУ НАПОЛЕОНА С РОССИЕЙ (МЫСЛИ И ВЫМЫСЛЫ ЖОРЖ САНД)

Авроре Дюпен, будущей Жорж Санд, было 8 лет, когда Наполеон Бонапарт вторгся в Россию. Впечатлительный ребенок в этом возрасте уже многое понимал и запомнил на всю жизнь. В «Истории моей жизни» («Histoire de ma vie», 1847–1855), созданной в зрелости, писательница оставила интересные размышления как о самом Наполеоне, так и о его военном походе в Россию. При этом в произведении восприятие и оценка событий даются в двух ракурсах. «Взрослая» Жорж Санд, взгляды которой сложились в 1830–1840-е гг., комментирует многочисленные письма своего отца, служившего в гвардии Наполеона и участвовавшего во многих военных кампаниях. Одновременно она передает свои детские впечатления, грезы по поводу этого события.

В целом концепция войны Наполеона с Россией складывалась у Жорж Санд под воздействием двух обстоятельств, связанных между собою. Это суждения отца о Наполеоне и собственные личные воспоминания о периоде 1812–1814 гг. Вместе с тем несомненное влияние на нее оказали ее друзья-поляки: дружба с Ф. Шопеном и А. Мицкевичем определила негативное отношение Жорж Санд к России как стране деспотии и рабства. Оба эти факта обусловили некий романтический ореол, в котором писательница видела поход Наполеона в Россию, желавшего установить в этой стране более гуманный способ правления. Однако было бы неверно говорить об идеализации французского императора с ее стороны.

Внезапная гибель отца в результате случайного падения с лошади в 1808 г. помешала ему участвовать в походе на Россию, который был бы неизбежен в его биографии, как, например, в жизни Анри Бейля,

© О. Б. Кафанова

будущего Стендаля. Из подлинных писем Мориса Дюпена, в изобилии цитируемых Жорж Санд, выясняется, что молодой человек критически воспринял отказ консула Бонапарта от революционных идеалов и провозглашение его императором. Именно память об отце, пренебрегшем аристократическими предрассудками и женившемся на простолюдинке, дочери парижского продавца птиц, заложила основы демократических, а затем и республиканских убеждений будущей писательницы¹. Бабушка Авроры, ведущая свой род от Мориса Саксонского, убежденная роялистка, не испытывала никакого почтения к новоявленному императору. Однако отец Авроры в последние годы своей жизни не раз говорил о своей любви к нему. Он, по свидетельству Жорж Санд, часто признавался своей жене: «...Несмотря на его заблуждения по поводу революции и по отношению к себе самому, я его люблю. Есть в нем что-то, я не знаю, что: его особая гениальность, которая заставляет меня приходиться в волнение, когда мой взгляд встречается с его взглядом. Он совсем не внушает мне страха, и именно поэтому я чувствую, что он лучше, чем хочет казаться»².

Сама Жорж Санд считала ошибкой Наполеона реставрацию по сути прежнего монархического режима. С ее точки зрения, «этот чудочеловек, человек судьбы» должен был бы почувствовать, что «нация, столь сильно возбужденная новыми идеями, способна создать нечто более величественное, чем империя одного человека» (Р. 411). По ее мнению, Наполеон мог произвести нравственную реформу и способствовать созданию самого прогрессивного государства своего времени. Но, к сожалению, он этого не сделал: «Его величие скрывало оригинальный порок, это глубоко аристократическое честолюбие парвеню, которое заставило его совершить все его ошибки и постепенно сделало бесполезным для спасения Франции красоту гениальности и характера

¹ *Chastagnaret Y.* L'image du père dans «Histoire de ma vie»: contribution de la formation du sentiment républicain chez George Sand // Lire «Histoire de ma vie» de George Sand. Études réunies et publiées par S. Bernard-Griffits et J.-L. Diaz. Cahier romantique № 11. Clermont-Ferrand, 2006. P. 113–125. Переводы с фр. здесь и далее в статье мои. — О. К.

² *Sand G.* Histoire de ma vie. Texte établi, annoté par G. Lubin // Œuvres autobiographiques. V. 1. Paris, 1970. P. 692. Ниже страницы на это изд. приводятся в тексте в скобках.

человека, с которым страна себя отождествляла» (Р. 690). И далее Жорж Санд дает интересный психологический портрет Наполеона, настаивая на его «замечательном человеческом характере», потому что «даже честолюбие <...> не смогло истребить в нем такие естественные черты, как лояльность, доверчивость, благородство». «Лицемерный в мелочах, — утверждала Жорж Санд, — он был наивным в делах великих. <...> Все ошибки, которые ускорили его падение как военного и государственно-го деятеля, произошли от его слишком большого доверия к таланту или порядочности других. Он не презирал род человеческий, как говорили, чтобы уважать только себя самого <...>. Всю свою жизнь он доверял предателям. Всю свою жизнь он доверял соблюдению договоров, признанию обязательств, патриотизму своих ставленников. Всю свою жизнь он был обманутым или преданным» (Р. 690–691).

Санд, размышляя о подготовке похода Наполеона в Россию, запечатлела хор разных мнений: «Мысль, что Наполеон мог быть побежден, приходила в голову только тем, кто его предавал. <...> Люди предубежденные, но честные, даже проклиная его, абсолютно ему доверяли, и я слышала, как одна из подруг моей бабушки сказала: “И что ж, когда мы завоюем Россию, что мы будем с нею делать?” Другие говорили, что он намеревался покорить Азию, а русская кампания была не чем иным, как первым шагом на пути к Китаю. “Он хочет стать властелином мира, — восклицали некоторые, — и он не уважает прав ни одной нации. Где он остановится? Когда он почувствует себя удовлетворенным? Это невыносимо, все ему удастся”. И никто не говорил, что у него могут быть неудачи и что он может заставить Францию дорого заплатить за славу, которой был опьянен» (Р. 731).

Известие о неудачах Наполеона в последних военных походах вызвало радость бабушки Авроры, которая читала вслух письма, получаемые от парижских роялистов. Однако мать девочки только пожимала при этом плечами. «Моя мать, — поясняла писательница, — была как народ, она восхищалась императором и обожала его в это время. А я, я была как моя мать и как народ» (Р. 694).

Эти факты сопровождаются в «Истории моей жизни» описанием поэтических грез девочки, вокруг которой «не говорили ни о чем, кроме как о кампании в России», которая представлялась ей чем-то «громдным и сказочным, наподобие походов Александра в Индию» (Р. 737).

При первых «зловещих» известиях о разгроме и отступлении французской армии Аврора начала представлять «ужасающие и скорбные картины». Особенно она была поражена тем, что в течение двух недель не было никаких известий о Наполеоне и его солдатах. Ее экзальтированное воображение не могло постичь, как триста тысяч человек во главе с императором где-то бесследно исчезли. И она воображала, что, благодаря выросшим у нее крыльям, преодолевает огромное пространство, открывает для себя «снежные просторы, бесконечные степи белой России», затем, наконец-то, находит «заблудившиеся колонны несчастных легионов» и «выводит их к Франции». Больше всего ее мучило то, что, как ей казалось, французы «не знали, где находятся, шли в направлении Азии, все больше углубляясь в пустыни, повернувшись спиной к Западу». «Когда я приходила в себя, — комментировала это видение Жорж Санд, — я чувствовала себя усталой и разбитой в результате долгого полета, мои глаза были ослеплены снегом, на который я смотрела; мне было холодно, я чувствовала голод, но я ощущала большую радость оттого, что спасла французскую армию и ее императора» (Р. 737–738).

Уже в детстве в воображении будущей писательницы сложился мифологизированный образ России с присущими ему такими внешними характеристиками, как холод, белизна снегов, бескрайность просторов. И эти черты внешней экзотики навсегда вошли в арсенал художественной образности писательницы. Но в дальнейшем к этому образу добавились дополнительные, в основном негативные коннотации, связанные с осмыслением российской монархии и ее политики, крепостного права, бесправия основного населения страны. Под непосредственным влиянием этой концепции сформировалась и ее интерпретация военных действий русской армии в 1812–1813 гг. Жорж Санд вспоминала, что, когда она была ребенком, «пожар Москвы» поразил ее как «великий акт патриотизма». Но впоследствии она начала оценивать это событие иначе. У нее также сложился мифологизированный образ царя, воплощающего все самые крайние проявления авторитарической власти. «Способ, которым пользовались русские, воюя с нами, является чем-то бесчеловечным и диким, что не может иметь аналогий у свободных наций», — писала она. По ее мнению, «разорение своих собственных полей, сожжение своих домов, обречение на голод целых городов» можно было бы

считать проявлением героизма, если бы «население действовало подобным образом по собственному движению» (Р. 734–735).

Но в представлении Жорж Санд русский царь, подобно Людовику XIV считавший, что «государство — это я», не спрашивал согласия рабов, населяющих территорию России, «он вырывал их из жилищ, опустошал их земли, гнал их перед своими войсками наподобие стада». «Эти несчастные были бы гораздо менее угнетены, разорены и доведены до отчаяния нашей победившей армией, чем своей собственной армией, повинующейся диким приказам власти беспощадной, немилосердной, — власти, лишенной всякого понятия о человеческом праве» (Р. 735), — заключала писательница.

Жорж Санд считала московского губернатора Ф. В. Ростопчина виновным в том, что он организовал сожжение столицы, «не спросив согласия населения этого огромного города». В результате она создает такой символический образ: «Война России — это корабль, пораженный грозой, который сбрасывает в воду свой груз, чтобы облегчить балласт. Царь — это капитан; тюки, которые потопляют, — народ; спасаемый корабль — политика монарха» (Р. 735). И далее следовало противопоставление русского царя и французского императора, олицетворяющих, с ее точки зрения, разные формы правления: «Если когда-нибудь власть глубоко презирала и ни во что не ставила жизнь и собственность людей, то именно в абсолютных монархиях следует искать идеал подобной системы. Но власть Наполеона начала, с момента наших несчастий в России, представлять индивидуальность, независимость и достоинство Франции» (Р. 735).

Писательница запечатлела и чувство разочарования, вызванное в ней портретом Александра I, увиденным ею в подростковом возрасте. С этого момента для нее начал разрушаться созданный французскими роялистами миф о нем. «Я слышала столько всего, что не знала уже, что думать. Император Александр был великим законодателем, философом новых времен, новым Фридрихом Великим, человеком в высшей степени умным. <...> Его внешность, которую я внимательно изучала, потому что говорили, будто Бонапарт был рядом с ним маленьким мальчиком, меня совсем не растрогала. У него была тяжелая голова, вялое лицо, фальшивый взгляд, глуповатая улыбка. Я всегда видела только его живописное изображение, но полагаю, что среди такого количества

портретов, в изобилии распространенных во Франции, некоторые были похожи. Ни один не внушил мне симпатии, и помимо своей воли я всегда вспоминала прекрасные светлые глаза *моего императора*» (Р. 782).

Известия о крахе Наполеона, Ста дней и последующих событиях глубоко потрясли девочку и заставили ее вновь вспомнить о своих «крыльях». Не в силах разобраться в постоянно меняющихся мнениях окружающих, она устремлялась на воображаемых крыльях к Наполеону, чтобы «потребовать от него отчета обо всем том плохом и хорошем, что о нем говорили». «Однажды я вообразила, что перенесла его через пространство и поставила на купол Тюильри. Там у меня состоялся долгий с ним разговор, я ему задавала тысячи вопросов, и я ему говорила: “Если ты подтвердишь своими ответами, что ты, как говорят, чудовище, честолюбец, кровопийца, я сброшу тебя вниз и сокрошу на пороге твоего дворца. Но если ты оправдаешься, если ты такой, как я о тебе думаю, — добрый, великий, справедливый император, отец французов, — я возвращу тебя на твой трон и с помощью своего огненного меча защищу от твоих врагов”. Тогда он открывал мне свое сердце и признавался, что совершил много ошибок из-за слишком большой любви к славе, но он мне клялся, что любит Францию и отныне будет думать только о счастье народа, после чего я прикасалась к нему своим огненным мечом, который делал его неуязвимым» (Р. 783).

Таким образом, Жорж Санд отнюдь не оправдывала попытки Наполеона завоевать Россию. Вместе с тем она была неумолима по отношению к стране, сохраняющей рабство. Описывая вступление русской армии в Париж, она изобразила российских военных как варваров, распространяя на них бранное для нее слово *cosaque*. Это слово она, скорее всего, узнала и усвоила от Луи Виардо, который с помощью И. С. Тургенева в 1845 г. впервые выпустил во французском переводе несколько произведений Н. В. Гоголя (наибольший успех во Франции выпал на долю повести «Тарас Бульба»). С этого времени Жорж Санд любила называть русских «козаками» и только для наиболее приятных для нее представителей этой нации делала исключение. Так, предлагая А. Дюма-сыну в январе 1864 г. ложу для княгини Нарышкиной, его будущей жены, на представление пьесы А. Мансо, она назвала ее «русской», но «очень мало похожей на козачку» (*très peu cosaque*) — в ее устах это звучало комплиментом. Вместе с тем Жорж Санд замечала

в этом письме-приглашении, что герой Мансо «поносит Россию»³. В «Истории моей жизни» она вспоминала, что после разгрома наполеоновской армии «добрых господ козаков» очень боялись, и многие богатые люди спасались бегством.

Упоминания о России только в негативном ключе в связи с распространением в ней рабства неоднократно встречаются в переписке Жорж Санд. В письме к Люку Дезажу в 1837 г. Россия называется в ряду самых антигуманных стран: «В Азии, в России и т.д. рабы белые. В Америке рабы черные» (IV, 10). Россия постоянно предстает как место угнетения отдельной личности и целых народов, а также рабства крестьян. В письме к Ш. Дюверне от 20 февраля 1844 г. она выдвигает аргумент, которым республиканцы могут оправдать свою борьбу: «Нам мешают родиться, нас душат, даже не узнав, что мы хотим сделать, совсем как это сделали бы в России...» (VI, 240).

Сохранилось довольно резкое письмо Луи Виардо к Жорж Санд, из которого становится понятным, что она была недовольна описанием страны в его книге «Охота в России» («Les Chasses en Russie»). «Почему Вы мною недовольны, в отношении самодержца? — не без иронии писал он. — Потому что, рассказывая истории охотников, в которых участвуют мои друзья, я не поношу Россию, как, например, это делает почтенный и религиозный г-н де Кюстин?» И далее Виардо напоминал, что он несет ответственность за свою жену, с которой он вновь вернется в Россию ради ее гастролей. И хотя «дорогая г-жа Санд» могла считать его «осторожным, слабым, продажным», он утверждал, что слывет в России «республиканцем, проповедником революции» (VI, 598).

Особенно много негативных эмоций у Жорж Санд Россия вызывала в период подавления польского восстания. В письме к американцу Дж. Самнеру (Sumner), хорошо знавшему Россию, в апреле 1846 г. Санд с возмущением писала, что «все благородные и цивилизованные нации» должны были бы подняться и сбросить «антигуманные правительства Австрии и России» (VII, 307).

³ Sand G. Correspondance. Textes réunis, classés et annotés par G. Lubin: En 24 v. Paris, 1964–1990. V. XVIII. P. 212–213. Ссылки на это издание приводятся с указанием тома и страниц в тексте. — О. К.

Примерно в это же время Жорж Санд оставила интересное художественное изображение своего восприятия России. В письме к сыну Морису в феврале 1848 г. она описала свой сон, в котором она вместе с детьми побывала в Петербурге. В ее сне Петербург предстал как мегаполис «совершенно черный, грязный, со старыми низкими домами, с дугообразными проходами», похожий на запущенную деревню. Писательница изобрела для его обозначения неологизм *villasse* (от *ville* — город, *village* — деревня) с суффиксом *asse*, придающим слову уничтожительный оттенок⁴. Она вместе с детьми сочла удобным нанести визит царю. Позволю себе процитировать эту часть сна с небольшими купюрами, сохраняя сбивчивый переход глагольных времен с настоящего на прошедшее. «Мы отправились к нему, не стесняясь, мокрые и забрызганные грязью, как свиньи. Его дворец был грязной лачугой, где, однако же, была превосходная мебель, очень старинная и занимательная, но находилась она в таких черных и низких комнатах, что невозможно было отыскать дорогу. Наконец, мы находим самодержца лежащим *на твоём диванчике*. Ему было 17 лет, он был маленького роста, светлорус, а костюмом ему служила маленькая блуза из черного бархата с кожаным поясом. Он принимает нас очень хорошо и говорит, что покажет нам свои войска. Ты был очень рад увидеть старых служак. (Жорж Санд употребляет здесь простонародное слово *troubade*, синоним разговорного *troupiier*. — О. К.) Но ничуть не бывало: он говорит, что их слишком много, и это будет очень долго, но он нам представит по человеку от каждого полка в качестве образца. <...> Открывают дверь кабинета, лишенного всякого запаха, и оттуда выходит скверно одетый турок <...>, потом китаец с зонтиком на голове, а потом так называемый черкес в карнавальном костюме, и в таком роде дальше. И вот мы начали хохотать до упаду. <...> Но ты приходишь в ярость, ты говоришь, что русские — бесчестные хвастуны, что они выдают себя во всем мире

⁴ Слово *villasse* не является изобретением Жорж Санд. Его можно встретить, например, в дневнике Стендаля 7 июля 1801 г.: «Crémone est une grande villasse où l'on meurt d'ennui et de chaleur» (Пер.: «Кремона — большой скверный город, где можно умереть от скуки и жары»). См.: *Stendhal. Journal / Texte établi et annoté par Henry Debray et Louis Royer. Paris, 1923. T. 1. P. 21. — Примеч. ред.*

за богатых, могущественных, хорошо вооруженных людей, а на самом деле у них только <...> паяцы и м<.....>, вплоть до личности императора, которая тоже сплошь вранье, потому что он слывет человеком великим и сильным, а оказывается — это рахитичный ребенок. И мы снова принялись хохотать <...>. Тогда император сердится, вызывает свою охрану, чтобы швырнуть нас в тюрьму» (VIII, 174).

Все отрицательные впечатления о России и русском царе, возникшие у Жорж Санд уже в детском возрасте, сублимировались в этом сне. Привлекает его богатое «зрительное содержание», а наличие в нем нелепостей означает «противоречие, насмешку и издевку в скрытых мыслях»⁵. В этом «сгущении» и «смещении», по терминологии З. Фрейда, эмоциональных образов сказалось психическое потрясение маленькой Авроры, пережившей крушение военной славы Франции, а также неприятие зрелой Жорж Санд любой автократической антидемократической власти, наиболее ярко воплощенной здесь в фигуре русского царя.

Наиболее законченный художественный образ войны Наполеона с Россией, а точнее, разгрома Наполеона Жорж Санд создала в романе «Франсия» («Francia», 1871). Этот роман был переведен на русский язык в том же году под названием «Кзаки в Париже» (переводчик не указан). Его сюжет, несомненно, был навеян гнетущими впечатлениями от франко-прусской войны, но действие в нем происходило в 1814 г. Так Жорж Санд сблизила два трагических события в истории Франции и своей собственной жизни, но детские болезненные впечатления возобладали. В качестве экспозиции в романе описывалось вступление русских войск в Париж. Уже в первых строках Жорж Санд выразила всю свою недоброжелательность по отношению к российскому венценосцу и его армии. Этот фрагмент был значительно сокращен в русском переводе, а иронические, политические и нравственные акценты подлинника в нем, по вполне понятным причинам, исчезли. Поэтому приводим его в нашем переводе: «Царь Александр с находящимся справа от него прусским королем, а слева — принцем Шварценбергом, представителем императора Австрии, в сопровождении блестящего генерал-майора и эскорта

⁵ Фрейд З. Психология бессознательного: Сб. произведений. М., 1989. С. 328–329.

в пятьдесят тысяч человек отборного войска, медленно продвигался по предместью Сен-Мартен. Царь был внешне спокоен. Он играл высокую роль, роль благородного победителя, и играл он ее хорошо. Его эскорт был торжественным, солдаты величественными. Толпа безмолвствовала. <...> Потому что, как всегда, когда отказываешь народу в праве и средствах защищаться самому, не доверяя ему, отказываешь ему в вооружении, — оказываешься побежденным. Молчание толпы было, таким образом, ее единственным протестом, печаль была ее единственной славой»⁶. Подобная реакция французского народа обескуражила Александра, потому что «он хотел войти в Париж как ангел-спаситель наций, то есть как глава европейской коалиции. Он все наивно приготовил для этой величественной и жестокой комедии»⁷.

Это описание гордого внутреннего протеста народа контрастирует с подлым, по мысли Жорж Санд, поведением роялистов. Свое негодование по этому поводу она выразила еще в «Истории моей жизни», когда описывала впечатление своей матери: та увидела «вместе с изумленной и ошеломленной толпой вход варваров, которых прекрасные дамы спешили обнять и увенчать цветами» (Р. 753). В романе писательница еще раз, но более определенно, говорит о предательстве французских роялистов: «По мере продвижения к богатым кварталам устанавливалось взаимное согласие, иноземец вздохнул <...>. Роялисты сняли маску и бросились в объятия победителя. Волнение овладело толпой <...>, Александра любили. И бессердечных женщин, которые бросались к его ногам, прося назначить короля, национальная гвардия, печально наблюдавшая за происходящим, не отгоняла и не оскорбляла, полагая, что иностранца просто благодарят за то, что он не разорил Париж». Гвардейцы находили «эту признательность детской и чрезмерной; они не видели еще, что эта безумная радость рукоплескала падению Франции»⁸.

Оппозиция России и Франции выражена в произведении Жорж Санд через взаимоотношения прелестной девушки-гризетки, носящей говорящее имя Франсия (Francia: от France), и русского офицера, кото-

⁶ Sand G. Francia // Sand George. Œuvres complètes. V. XII. Starkine Reprints, Genève, 1980. P. 1–2.

⁷ Ibid. P. 4.

⁸ Ibid. P. 7.

рый в романе изображен как грубый варвар. В русском переводе довольно точно передан внешний облик этого героя: «Вообще фигура этого офицера, черты лица и одежда были чрезвычайно типичны — уроженец востока сказывался в нем. У него был необыкновенно красивый профиль, прекрасные смелые глаза и толстые, чувственные губы; одежда этого офицера не скрывала его великолепно развитых мускулов. Могучим колоссом казался он на коне»⁹. Молодой русский офицер с экзотической национальной (по представлению Жорж Санд) фамилией Мурзакин «олицетворяет силу, топчущую цивилизацию»¹⁰.

Писательница раскрывает свое понимание варварства, свойственного, по ее мнению, всем «козакам», в которых она видела выражение русской ментальности. Это, прежде всего, отсутствие рефлексии, подмена духовного развития физическими потребностями. Главный герой романа не привык думать, он живет только чувственными впечатлениями и плотскими желаниями. Он был свидетелем патриотизма русских, обречших на пожар Москву в момент вторжения в нее наполеоновских войск. Поэтому при виде восторженного приема парижанами неприятельской армии его охватывает презрение к Франции и французам. Но Жорж Санд размышляет об обманутых народах России и Франции в ходе этой войны, развивая мысли, впервые выраженные ею в «Истории моей жизни». Она считает, что Москва не была разрушена руками народа, что согласия «рабов» никто не спрашивал; «они были героями поневоле». С другой стороны, и французы были «только в весьма относительном смысле свободным народом», потому что «наверху спекулировали его судьбами»¹¹. Однако князь Мурзакин, «который во многих отношениях был сам дик», не задумывался о природе патриотизма, поэтому «и считал себя вправе глубоко презирать Париж и Францию»¹².

Еще один аспект психологии личности, превращающий Мурзакина в варвара, связан с его отношением к любви и к женщинам. Как и в своих ранних романах, Жорж Санд не считала чувственную любовь

⁹ Занд Ж. Казаки в Париже. (Francia). М., 1876. С. 2.

¹⁰ Генералова Н. П. И. С. Тургенев: Россия и Европа. Из истории русско-европейских литературных и общественных связей. СПб., 2003. С. 132.

¹¹ Sand G. Francia. P. 7–8.

¹² Ibid. P. 8–9.

истинной, поэтому русский «дикарь» при всей своей внешней привлекательности и успехе у женщин выглядит существом неполноценным. «Мурзакин вовсе не был человеком чувства, — сообщает о нем автор. — Француз потерял бы время на споры, на желание победить или убедить умом или сердцем. Мурзакин, не претендуя ни на сердечность, ни на остроумие в любви, не приводя никакого аргумента, не давая никаких обещаний, не требуя любви душевной и даже не спрашивая себя самого о том, существует ли такая любовь, может ли он ее внушить, способна ли маркиза ее почувствовать, обратился к ней дикие настойчивые притязания»¹³.

Неразборчивость героя в любви приводит к цинизму: он обладает одновременно двумя женщинами и не чувствует никаких угрызений совести по этому поводу. За это русский князь и поплатился жизнью.

Намного выше в нравственном смысле оказывается Франция, бедная гризетка, далеко не безупречная с общепринятой точки зрения, поскольку в ее жизни было несколько мужчин, на средства которых она содержала младшего брата. Жорж Санд придумала для своей героини судьбу, связанную с Россией. Ее мать, танцовщица, была на гастролях в Санкт-Петербурге вместе со своей дочерью, когда началась кампания 1812 года. Женщинам пришлось бежать с солдатами французского императора, и при переправе через Березину мать погибла, а дочь чудом спаслась. Видя в Мурзакине своего спасителя, она и привязалась к русскому князю, очень страдая оттого, что полюбила чужестранца, врага своей родины. Но Франция любит искренне и глубоко. Она воплощает *credo* самой Жорж Санд, выражаемое писательницей на протяжении всей жизни в автодокументах и в романном творчестве. Женщину не может унижить любовь, которую она считает истинной, настоящей. Она может ошибиться в своем избраннике, но это не делает ее безнравственной, поскольку помыслы ее были высокими и чистыми.

Жорж Санд постепенно разоблачает лживость, черствость души, эмоциональную неразвитость русского князя, о происхождении которого она делает нелестное замечание: «Эти князья, происходящие из кавказских областей, имели иногда в качестве всего своего родового име-

¹³ Ibid. P. 77.

ния палатку, красивое оружие, хорошую лошадь, тощее стадо и несколько слуг, состоящих наполовину из пастухов и наполовину из бандитов»¹⁴. Однако доверчивая и наивная Франция, искренно верившая в клятвы Мурзакина любить ее вечно, видела в нем «принца из волшебных сказок». Обнаружив его обман, измену, предательство, она в порыве беспамьятства закалывает его кинжалом, а затем через год сама умирает от туберкулеза.

Фабула этого романа может показаться довольно скучной и даже примитивной, если не видеть в ней символическую картину взаимоотношений России и Франции после разгрома Наполеона в восприятии Жорж Санд. Романистка запечатлела сложный сплав чувств притяжения и отталкивания между представителями двух наций. Но неприглядный образ Мурзакина, красивого внешне и уродливого душой в силу присущей ему неискоренимой дикости человека восточного происхождения, не был исключением. Еще более отталкивающим оказывался его дядя, богатый граф Оготской, фамилия которого указывает скорее на польские корни. Старый и уродливый граф ради удовлетворения своего сластолюбия был способен уже на насилие, на настоящее преступление. Таким нелестным было суждение Жорж Санд о русском человеке/мужчине, остающемся варваром, то есть человеком грубым в духовном своем развитии. Ибо, по ее мнению, невозможно стать цивилизованным в стране насилия и рабства.

Таким образом, в представлении автора о России реальность перемешивалась с вымыслом, но неизменным оставалось неприятие рабства, автократической власти русского царя, которое и определяло ее интерпретацию военной кампании 1812 г.

Можно заметить интересную переключку во взглядах Жорж Санд и Стендаля, сочинения которого о Наполеоне и русской кампании появились только в XX в.

Идеи французской писательницы оказались близки к воззрениям декабристов, которые именно под влиянием народной войны 1812 г. увидели всю антигуманность существующего в России строя. К середине XIX в. необходимость освобождения русских крестьян от рабства

¹⁴ Ibid. P. 111.

и ограничение (отмена) самодержавия стали очевидными для всей культурной элиты страны. Жорж Санд, как, пожалуй, никто из западных писателей того времени, остро и глубоко осознала это социально-политическое несовершенство, не позволяющее, по ее мнению, России называться цивилизованным государством.

К. Г. Алавердян

**«БЫЛО ЛИ ЭТО СРАЖЕНИЕ?»
(ОСТРАНЕНИЕ В ОПИСАНИИ
БИТВЫ ПРИ ВАТЕРЛОО СТЕНДАЛЯ
И БОРОДИНСКОГО СРАЖЕНИЯ Л. Н. ТОЛСТОГО)**

Л. Н. Толстой не только хорошо знал творчество Стендаля, но и высоко ценил стиль французского писателя. Особенно ему нравились описания войны и, в частности, битвы при Ватерлоо: «Лев Толстой внимательно перечитывал те страницы “Пармской обители”, которые отведены описанию поведения молодого Фабрицио на поле боя. Будучи непревзойденным психологом, Толстой, тем не менее, изумлялся тому, с каким проникновением в психику своего героя изображал Стендаль перестройку сознания юного Фабрицио»¹.

До нас дошло свидетельство Мориса Дени Роша, посетившего Льва Толстого 1 июня 1899 г. в Ясной Поляне, о том, что русского писателя особенно поразила точка зрения Фабрицио, наблюдающего за событиями и не понимающего их: «Говоря о более старых наших писателях, Толстой заметил, что на него произвел сильнейшее впечатление Стендаль, и что, работая над “Войной и миром”, он испытал заметное влияние “Пармской обители”. Точка зрения Фабрицио на происходящее сражение, которое он наблюдает из своего уголка, не понимая его общего смысла, сильно поразила Толстого»². Если, как утверждает А. П. Скафтымов, сходство в стиле Толстого и Стендаля —

¹ *Медянцев И. П.* Молодые герои Фабрицио дель Донго и Николай Ростов в батальных сценах романов «Пармская обитель» и «Война и мир»: (Психологическая параллель) // Толстовский сборник: Доклады и сообщения VII и IX Толстовских чтений. Тула, 1970. С. 148.

² Лит. наследство. Т. 75. Кн. 2: Толстой и зарубежный мир. М., 1965. С. 29.

«очевидное недоразумение»³, то можно ли утверждать, что Стендаль повлиял на описание Бородинского сражения? В ответ на этот вопрос даже Ю. З. Янковский, настаивающий скорее на различии между соответствующими фрагментами «Пармского монастыря» и «Войны и мира», признает, что между ними есть некоторое сходство: «В литературоведении не раз говорилось о возможных связях бородинских эпизодов “Войны и мира” с описанием битвы при Ватерлоо в “Пармском монастыре” Стендаля. Какие-то основания для подобных ассоциаций, конечно, были. Оба писателя, и Стендаль и Толстой, взглянули на войну с нетрадиционной точки зрения, решительно отмежевав ее от официально-патриотического славословия, что уже само по себе позволяет говорить об известной общности»⁴.

Бывший артиллерист, офицер русской армии, Толстой лично участвовал в боевых действиях на Кавказе и в Крымской войне. У Стендаля тоже был многолетний опыт службы в составе военной администрации Наполеона. Однако, в отличие от русского писателя, «оригинальный во всем» (по определению С. Малларме) Анри Бейль, пройдя в качестве курьера весь путь от Парижа до Москвы и обратно через Вильну в Париж, оставил удивительно мало записок или воспоминаний о войне 1812 г., крупнейшем историческом событии своего времени, свидетелем которого он был. Однако и этих скудных заметок достаточно, чтобы убедиться, что эти дни действительно были для французского писателя «одними из самых тяжелых, тоскливо тяжелых дней» его жизни⁵. Так или иначе, поход на Москву имел решающее влияние на замысел романа «Пармский монастырь».

Находясь по разные стороны фронта, французский и русский писатели защищали интересы враждующих сторон и, соответственно, воспринимали и отражали судьбу наполеоновских завоеваний с противоположных позиций, но при этом их объединяла ненависть к любой войне вообще и недоверие к официальным историческим описаниям в частности. Л. Н. Толстой предвзвешивает и заключает главы романа «Война

³ Скафтымов А. П. О психологизме в творчестве Стендаля и Л. Толстого // Скафтымов А. П. Поэтика художественного произведения. М., 2007. С. 306.

⁴ Янковский Ю. З. Человек и война в творчестве Л. Н. Толстого. Киев, 1978. С. 80.

⁵ *Stendhal. Œuvres intimes: En 2 vol. Paris, 1981. Vol. 1. P. 833.*

и мир», посвященные битве под Бородином, пространными авторскими отступлениями, в которых приводятся всевозможные доказательства ненужности, бессмысленности (как для французов, так и для русских) этого кровопролитного сражения, а также разоблачаются историки, создавшие ложное представление о войне 1812 года и ее «гениальных» полководцах. В отличие от русского писателя, Стендаль избегает давать свою оценку событиям, но, по словам его биографа Клода Руа, скептический подход к достоверности исторических источников характерен и для него: «Стендаль — полная противоположность тем умам, которые полагают, что одной лишь истории доступна правда. Он считает, напротив, что человеческая правда никогда не познается в истории, поскольку последняя не может позволить себе роскоши тех самых, мелких, деталей, которые лежат в основе правды»⁶.

Целью настоящей работы является подробное рассмотрение приема остранения, разработанного Стендалем в описании битвы при Ватерлоо в «Пармском монастыре», и его переработки у Толстого для изображения Бородинского сражения в «Войне и мире». Мы попытаемся показать, в чем сходство и различие приема остранения у двух гениальных писателей, и пролить дополнительный свет на сложную проблематику их литературной преемственности.

Если обычно героя «Пармского монастыря» Фабрицио дель Донго сравнивают с Николаем Ростовым Толстого, то в данной работе мы впервые сопоставим этого персонажа Стендаля с Пьером Безуховым. Между ними, на первый взгляд, мало общего. Но, несмотря на внешнюю несхожесть, их объединяет довольно многое: благородство души и аристократическое происхождение, отсутствие отцовской ласки и поиск духовного отца, культ Великой французской революции и юношеский «бонапартизм», стремление к подвигам и самопожертвованию, искренность, суеверие и т.п. Немаловажным является и тот факт, что они оба являются если не «alter ego», то, во всяком случае, наиболее любимыми персонажами авторов. Для нас особенно важно, что Фабрицио и Пьер являются непосредственными участниками сражений, предпрешивших

⁶ Roy C. Stendhal. Editions du Seuil. Paris, 1995. P. 66 (пер. с фр. наш. — К. А.).

судьбу наполеоновских завоеваний, и что именно через призму их восприятия авторы доводят до нас изображаемые события.

Сомневаясь в правильности решения отправиться на поле боя, сознавая, что там им не место, оба героя чувствуют необходимость «вопросить судьбу». Случайно услышав новость о высадке Наполеона 7 марта 1815 г. в бухте Жуан, Фабрицио загорается желанием присоединиться к его войскам. Понимая, что попытка Наполеона вновь захватить власть обречена на неудачу, Джина Пьетранера старается удержать Фабрицио от этого опасного поступка. В качестве главного аргумента, побудившего его принять решение отправиться воевать во Францию, суеверный юноша ссылается на знак судьбы. Как только до него дошел слух о высадке Наполеона, он заметил над озером летящего к Парижу орла (птицу Наполеона): «И я сейчас же сказал себе: “Я тоже пересеку Швейцарию с быстротою орла, я присоединюсь к этому великому человеку и принесу ему то небольшое, что могу дать ему, — поддержку моей слабой руки. Он хотел дать нам родину, он любил моего дядю!” Когда орел еще не совсем скрылся из виду, у меня вдруг почему-то высохли слезы, и вот тебе доказательство, что эта мысль была ниспослана мне свыше: лишь только я безотчетно принял решение, в тот же миг я увидел, какими способами можно осуществить его» («Пармский монастырь», 33)⁷.

Несерьезность, «забавность» решения героя участвовать в сражении при Ватерлоо сразу же подчеркивается автором-рассказчиком, сопровождающим пылкую тираду своего персонажа ремарками, иронизирующими над наивностью и экзальтированностью его риторики, заимствованной из «стихов знаменитого Монти» («Пармский монастырь», 33). Но Фабрицио не ограничивается одним этим знаком свыше. С намерением еще раз испытать судьбу, он идет к заветному каштану своего детства, заранее загадав, что если найдет его листья уже позеленевшими, то это будет еще одним «убедительным» аргументом в пользу его решения: «Весна еще совсем недавно началась, и, если на нем уже есть листья, — это хороший знак для меня. Я тоже должен стряхнуть с себя оцепенение, в котором прозябаю здесь, в этом унылом и холодном

⁷ Ссылки на «Пармский монастырь» приводятся в тексте по: *Стендаль*. Собр. соч.: В 12 т. М., 1978. Т. 4 — с указанием страницы.

замке. <...> Вчера вечером, в половине восьмого, я пришел к каштану, и — поверишь ли, Джина? — на нем были листья, красивые зеленые листочки, уже довольно большие! Я целовал листочки тихонько, стараюсь не повредить им»⁸ («Пармский монастырь», 34).

Точно так же, вопреки здравому смыслу, ведет себя Пьер Безухов в Москве накануне вступления французских войск, не только не предпринимая каких-либо мер для собственной безопасности, но и с нетерпением и даже удовольствием ожидая наступления неминуемой катастрофы. Подобно суеверному герою Стендаля, он отдается в руки судьбы и дважды раскладывает пасьянс на картах, перед тем как решить, остаться или уехать на фронт (так по привычке поступал сам Лев Николаевич, чтобы решить дальнейшую судьбу того или иного персонажа).

Конечно, и в том и другом случае решение отправиться на войну имеет более глубокие и серьезные мотивы (благодарность и любовь Фабрицио к Наполеону; патриотизм, стремление пожертвовать всем Пьера). Поэтому нам думается, что в данном случае странное, иррациональное решение персонажей отправиться на поле сражения является частью авторской стратегии остранения. Термин «остранение» понимается специалистами в широком или узком смысле. Например, французская славистка Мари Семон в своей статье «Остранение от Я» расширяет рамки этого понятия до «отчуждения»⁹. Напомним, что, согласно определению В. Б. Шкловского, прием остранения заключается в том, чтобы не называть вещь своим именем, а описывать ее как нечто странное, до сих пор неизвестное. При этом ученый ставит акцент на «акте удивления», которое отличается от отчуждения, «отодвигания мира»: «Остранение — это удивление миру, его обостренное восприятие. Закреплять этот термин можно, только включая в него понятие “мир”. Этот термин предполагает существование и так называемого содержания, считая за содержание задержанное внимательное рассматривание мира»¹⁰.

⁸ Этот эпизод явно напоминает знаменитую сцену со старым дубом в «Войне и мире», символизирующую возрождение князя Андрея и его возвращение к активной жизни.

⁹ *Sémon M.* L'étrangement du moi // *Cahiers Léon Tolstoï.* № 1. Anna Karénine. Paris, Institut d'Etudes Slaves. P. 77–88.

¹⁰ *Шкловский В. Б.* Собр. соч.: В 3 т. М., 1974. Т. 3. С. 665.

Именно такое замедленное рассматривание заложено в основу нарративной стратегии изучаемых нами батальных сцен Стендаля и Толстого: два самых далеких от военного дела и неприспособленных к нему героя с удивлением наблюдают за совершенно новыми для них людьми и событиями и постепенно меняют свое отношение к войне. Чувства, которые они ощущают на поле боя, идентичны; им обоим в равной степени не терпится увидеть сражение, они испытывают облегчение и радость от его приближения: «Время от времени пушки как будто громыхали ближе, и тогда грохот мешал маркитантке и Фабрицио слышать друг друга. Фабрицио вне себя от воодушевления и счастья возобновил разговор с нею. С каждым ее словом он все больше сознавал свое счастье» («Пармский монастырь», 41); «Пьер торопился скорее ее ехать вперед, и чем дальше он отъезжал от Москвы и чем глубже погружался в это море войск, тем больше им овладевала тревога беспокойства и не испытанное еще им новое радостное чувство» («Война и мир», XI, 184)¹¹.

В первое время наши герои несколько не чувствуют опасности и, к удивлению окружающих, с бессознательным весельем наблюдают за происходящим, продолжая восхищаться зрелищем, которое, в принципе, должно внушать страх и отвращение.

Взобравшийся на курган и получающий огромное эстетическое удовольствие от расстилающейся перед его глазами картины Пьер Безухов ведет себя в начале сражения как обыкновенный «турист»: «Войдя по ступенькам входа на курган, Пьер взглянул впереди себя и замер от восхищения перед красотой зрелища. Это была та же панорама, которою он любовался вчера с этого кургана; но теперь вся эта местность была покрыта войсками и дымами выстрелов...» («Война и мир», 11, 227). Точно так же поступает Фабрицио. При этом Стендаль и Толстой называют по отдельности части панорамы, где элементы живой природы сочетаются со следами присутствия войны.

Даже оказавшись вовлеченным в сражение, герой Стендаля по инерции сохраняет некоторое время позицию восторженного наблюдателя: «Фабрицио ликовал. “Наконец-то я по-настоящему буду драться,

¹¹ Толстой. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте, с указанием в скобках тома и страницы.

убивать неприятеля! — думал он. — Нынче утром они угощали нас пушечными ядрами, а я ничего не делал, только понапрасну рисковал жизнью, — дурацкое занятие!» Он глядел во все стороны с крайним любопытством» («Пармский монастырь», 58). То же самое можно сказать о Пьере на роковом редуте. Он либо сидел, внимательно изучая лица окружающих, либо «прохаживался по батарее под выстрелами, так же спокойно, как по бульвару» («Война и мир», 11, 233).

Однако для обоих новичков наступает момент неминуемого прозрения. Пьер возвращается на роковой курган, где он провел более часа времени, и, не найдя ни одного живого человека из того «семейного кружка», частью которого он был, содрогается от ужасной кровавой бойни, свидетелем которой он стал. «Много было тут мертвых, знакомых ему. Но некоторых он узнал. Молоденький офицерик сидел, все так же свернувшись, у края вала, в луже крови. Краснорожий солдат еще дергался, но его не убирали. Пьер побежал вниз. “Нет, теперь они оставят это, теперь они ужаснутся того, что они сделали!” — подумал Пьер, бесцельно направляясь за толпами носилок, двигавшихся с поля сражения» («Война и мир», 11, 238).

Точно так же бледнеют в контакте с кровавой действительностью честолюбивые грезы Фабрицио: «Позади раздался короткий крик: упали с седла двое гусаров, убитые пушечным ядром, и, когда он обернулся посмотреть, эскорт уже был от них в двадцати шагах. Ужаснее всего было видеть, как билась на вспаханной земле лошадь, вся окровавленная, запутавшись ногами в собственных своих кишках: она все пыталась подняться и поскакать вслед за другими лошадьми. Кровь ручьем текла по грязи» («Пармский монастырь», 49).

Следует отметить некоторую симметрию у обоих писателей в изображении ужасов войны, где сцены агонии и крови даются попеременно в несобственно-прямой и прямой речи.

Фабрицио не просто наблюдает за французскими военными, он восхищается этими непохожими на него настоящими героями и завидует им: «Маршал остановился и опять стал смотреть в подозрную трубку. На этот раз Фабрицио мог вволю любоваться им. Оказалось, что у него совсем светлые волосы и широкое румяное лицо. “У нас в Италии нет таких лиц, — думал Фабрицио. — Я вот, например, бледный, а волосы у меня каштановые, мне никогда таким не быть!” — мысленно добавил

он с грустью. Для него эти слова означали: “Мне никогда не быть таким героем!”» («Пармский монастырь», 49).

Точно так же, с восторгом первооткрывателя, рассматривает русских солдат и офицеров Пьер, любуясь их лицами, быстрыми, слаженными действиями и героизмом и с грустью констатируя, что ему не суждено стать таким, как «они»: «А они... они все время, до конца были тверды, спокойны...” — подумал он. Они в понятии Пьера были солдаты — те, которые были на батарее, и те, которые кормили его, и те, которые молились на икону. Они - эти странные, неведомые ему доселе они, ясно и резко отделялись в его мысли от всех других людей. “Солдатом быть, просто солдатом!” — думал Пьер, засыпая» («Война и мир», 11, 292–293).

В течение всего времени, проведенного на поле боя, в поведении Фабрицио и Пьера будут противоборствовать две тенденции: с одной стороны — констатация странности и жестокости «обыкновенной войны», а с другой — стремление интегрироваться в бой, смешаться с солдатской массой и как можно больше походить на настоящих воинов. Тут уместно вернуться к дефиниции Шкловского и уточнить, что если главные действующие лица «Пармской обители» и «Войны и мира» в рамках остранения все же «отодвигаются» от окружающих их людей и событий, то это происходит как бы по воле обстоятельств, вопреки их стремлению к интеграции.

По аналогии с русским фольклором Шкловский выделяет в остранении «образцы странности художественного описания, которые уместно сопоставить с нарочитым “оглувлением” повествования, ведущегося от лица названного или скрытого в авторе-рассказчике “простака”»¹². Этот аспект остранения присутствует в обоих романах – в облике и в поведении главных героев Стендаля и Толстого действительно немало смешного и глупого.

«Ребяческая слабость» персонажа Стендаля подчеркивается еще до его ухода на войну: «Будь у Фабрицио хоть самый малый опыт, он прекрасно понял бы, что графиня сама не верит благоразумным доводам, которые спешит привести» («Пармский монастырь», 34). Детская наивность будет едва ли не главным отличительным признаком Фабрицио,

¹² Шкловский В. Б. Художественная проза. Размышления и разборы. М., 1961. С. 19.

постоянно отмечаемым не только автором-рассказчиком, но и большинством персонажей, с которыми он столкнется в Ватерлоо.

В Париже Фабрицио остановится в гостинице, где из-за своей излишней разговорчивости и доверчивости тут же станет жертвой мошенников, приняв их за таких же восторженных патриотов, как он сам. Снова автор-рассказчик открыто осуждает его безрассудное поведение, в очередной раз намекая на глупость Фабрицио, который, отправляясь в армию, «ничего не знал о ней, кроме того, что войска стягиваются к Мобежу» («Пармский монастырь», 36). Не дойдя до поля сражения, он попадает в руки жандармского офицера, и это неудивительно: все во внешнем виде и повадках Фабрицио, от его «буржуазного» наряда и «генеральской» лошади, не говоря об иностранном акценте, убеждает французов, что он не иначе как подосланный к ним шпион. После долгих тридцати трех дней заключения в тюрьме, где его едва не расстреляли, ничего не понимающему узнику удастся бежать с помощью жены смотрителя, умиленной его юным возрастом и беззащитностью. Появившись на бельгийской границе, Фабрицио сразу же вызывает удивление французских солдат.

Не в меньшей степени интригует русских солдат барский наряд Пьера на спуске с Можайской горы: «Пьер ехал, оглядываясь по обе стороны дороги, отыскивая знакомые лица и везде встречая только незнакомые военные лица разных родов войск, одинаково с удивлением смотревшие на его белую шляпу и зеленый фрак» («Война и мир», 11, 190). «Белая шляпа и зеленый фрак», отличительные черты Пьера, будут подчеркиваться с такой же иронией и настойчивостью, как и богатое обмундирование Фабрицио. Безусловно, есть что-то комическое, шутовское в полном отсутствии военной выправки и карнавальном внешнем облике наших героев (чересчур длинная сабля Фабрицио, толстый Пьер, неуклюже громоздящийся на лошадь). Нет ничего удивительного в том, что «взрослые» персонажи «Пармской обители» постоянно учат, воспитывают, одергивают «дурня» и «увальня» Фабрицио, не умеющего даже зарядить ружье. Пьер, бестолково мелькая по полю боя, тоже мешает занятым привычной работой солдатам, на него тоже кричат со всех сторон. Неприспособленность, непутевость чужаков особенно бросается в глаза на поле боя, где они постоянно путаются под ногами воюющих, вызывая то снисходительные советы, то сердитые окрики

со стороны солдат и командования. Их горячий энтузиазм, стремление во что бы то ни стало поскорее совершить геройский поступок и тем самым привлечь внимание к себе, доказать другим легитимность своего присутствия на поле боя, только усугубляют положение. Снижающие комментарии автора сопровождают поступки Фабрицио; Толстой тоже не упускает случая сделать акцент на смешной стороне своего персонажа. Но даже когда оба чужака, кажется, ведут себя как подобает, например, выказывают элементарное человеколюбие, их почему-то вновь одергивает военное начальство: «Наш герой, жалостливый по натуре, изо всех сил старался, чтобы его лошадь не наступила копытом на кого-нибудь из этих людей в красных мундирах. Эскорт остановился. Фабрицио, не уделявший должного внимания своим воинским обязанностям, все скакал, глядя на какого-то несчастного раненого.

— Эй, желторотый, стой! — крикнул ему вахмистр» («Пармский монастырь», 48).

«На том самом лужке с пахучими рядами сена, по которому он проезжал вчера, поперек рядов, неловко подвернув голову, неподвижно лежал один солдат с свалившимся кивером.

— А этого отчего не подняли? — начал было Пьер; но, увидев строгое лицо адъютанта, оглянувшегося в ту же сторону, он замолчал» («Война и мир», 11, 231).

В конце концов, поступив геройски и заслужив похвалу, наши герои почему-то не осознают этого сами. Да и вообще, они мало что понимают из всего увиденного. Так, например, Фабрицио проспит главные события, которые приведут к поражению и отступлению французов, и, слишком много выпив, не узнает своего кумира Наполеона, когда тот появится совсем рядом. Перед нами типичный прием остранения в понимании Шкловского: вещи не называются своим именем, а постепенно по частям узнаются. Добавим, что в интересующем нас случае довольно часто они не узнаются вовсе.

Как полагал Шкловский, остранение приводит не к отчуждению, а, напротив, к сближению людей — оно не столь мешает, сколь способствует взаимопониманию и толерантности. Как бы для усиления эффекта остранения странность реакции солдат в глазах Пьера оговаривается дважды — сначала в несобственно-прямой, а затем в прямой речи: «Кавалеристы идут на сраженье и встречают раненых, и ни на минуту

не задумываются над тем, что их ждет, а идут мимо и подмигивают раненым. “А из этих всех 20 тысяч обречены на смерть, а они удивляются на мою шляпу! Странно!” — думал Пьер, направляясь дальше к Татаринновой» («Война и мир», 11, 192).

Интересно отметить, что удивление на поле боя «взаимно», ведь в то время, когда Фабрицио и Пьер, оказавшись в новой среде, наблюдают за военными, те, в свою очередь, с не меньшим любопытством разглядывают пришельцев и удивляются их странному внешнему виду и повадкам. Недаром Безухова так удивляет непривычный вид бородатых мужиков-ополченцев в белых рубашках с крестами на шапках и «странными, неуклюжими сапогами». При этом парадоксальным образом в сознании Пьера констатация пропасти, существующей между ним, графом, и простыми мужиками, не укрепляет, а разрушает социальные барьеры, объединяя их судьбы в решительную для всего народа минуту.

В романе Стендаля насмешливая реакция французских солдат вызывается, кроме прочего, нелепыми попытками голодного Фабрицио получить от них еду за деньги:

« — Товарищи, не можете ли продать мне кусок хлеба?

— Гляди-ка! Он нас за булочников принимает!..

Эта жестокая шутка и дружный язвительный смех, который она вызвала, совсем обескуражили Фабрицио. Так, значит, война вовсе не тот благородный и единоклассный порыв сердец, влюбленных в славу, как он это воображал, начитавшись воззваний Наполеона!..» («Пармский монастырь», 55).

В сходной ситуации Пьер чуть не повторяет ошибку Фабрицио, намереваясь заплатить за вкусный кавардачок, которым его угостила группа солдат у огня: «”Надо дать им!” — подумал Пьер, взявшись за карман. — “Нет, не надо”, — сказал ему какой-то голос» («Война и мир», 11, 292). Естественно, аристократу и иностранцу дель Донго, впервые в жизни сталкивающемуся с нравами и привычками простого народа, гораздо сложнее почувствовать себя своим среди французов, на стороне которых он сражается. Несмотря на это, он искренне верит, что окружен друзьями и братьями, — до тех пор, пока неосторожная привычка говорить вслух то, что он думает, не приводит к открытому конфликту между ним и единственным отрядом, где ему вроде бы нашлось место:

«За час до рассвета капрал разбудил свой отряд и велел всем перезарядить ружья. С большой дороги по-прежнему доносился гул, не прекращавшийся всю ночь: казалось, слышится отдаленный рев водопада.

— Точно бараны бегут, — сказал Фабрицио, с простодушным видом глядя на капрала.

— Заткнись, молокосос! — возмущенно крикнул капрал.

А трое солдат, составлявших всю его армию, посмотрели на Фабрицио такими глазами, словно услышали кощунство. Он оскорбил нацию» («Пармский монастырь», 61).

Таким образом, можно заключить, что наши герои являются одновременно объектом и субъектом острашения. У русских солдат на редуте Раевского, после изначального «недоброжелательного недоумения», странность Пьера вызывает скорее добродушную улыбку. Привыкнув к нему, они смотрят на него ласково, как на домашнее животное (т.е. не как на равного, а как на существо иное, низшее). В ситуации острашения Пьер неожиданно приходит к выводу, что он является частью общего великого дела — *«всем народом навалиться хотят»* («Война и мир», 11, 193). Фабрицио же обманывается в своих романтических иллюзиях и все более разочаровывается в своих новых французских друзьях, хотя и тут верный своей привычке автор-рассказчик корректирует слишком поспешные умозаключения юного героя «Пармского монастыря»: «Он развенчивал одну за другой свои прекрасные мечты о рыцарской, возвышенной дружбе, подобной дружбе героев “Освобожденного Иерусалима”. Совсем не страшна смерть, когда вокруг тебя героические и нежные души, благородные друзья, которые пожимают тебе руку в минуту расставанья с жизнью! Но как сохранить в душе энтузиазм, когда вокруг одни лишь низкие мошенники! Как всякий возмущенный человек, Фабрицио преувеличивал» («Пармский монастырь», 54–55).

Даже если у Фабрицио есть веские основания для того, чтобы разочароваться в своих идеальных представлениях о героической наполеоновской армии, это не дает нам оснований говорить о полном отчуждении. Тот самый солдат, который несколько минут назад язвительно насмехался над Фабрицио, все-таки сжалится и по-матерински всунет кусочек хлеба в рот ослабевшему от голода чужаку. Нам кажется, не следует также преувеличивать степень интеграции Пьера Безухова в демократическую среду. Его допуск в семейный кружок защитников редута

Раевского — событие исключительное и временное. Как только Безухов попадет в плен к французам, от недавней «соборности», солидарности с простым русским народом не останется и следа: «Все русские, содержащиеся с Пьером, были люди самого низкого звания. И все они, узнав в Пьере барина, чуждались его, тем более что он говорил по-французски. Пьер с грустью слышал над собою насмешки» («Война и мир», 12, 34).

Чтобы не выдать себя итальянским акцентом, Фабрицио, находясь на территории Бельгии и Франции, вынужден как можно меньше говорить и по мере возможности объясняется знаками. Даже когда ему удастся, наконец, присоединиться к отряду капрала Обри и проявить себя достойным, храбрым солдатом, языковой барьер мешает его сближению с французскими солдатами: «Он казался им совсем чужим, непохожим на них, а это их обижало» («Пармский монастырь», 63).

Окончательные изменения происходят с Фабрицио после сражения, в харчевне гостеприимных фламандок: «Большая потеря крови и слабость, которую это вызвало, привели к странному явлению: Фабрицио почти совсем забыл французский язык; он обращался к своим хозяевам по-итальянски, а они говорили только на фламандском наречии, — словом, собеседники понимали друг друга лишь с помощью жестов» («Пармский монастырь», 78).

К странности внешности и поведения героев добавляются ложность их положения и невозможность отождествления их личности. Сразу видя, что он находится не на своем месте, даже сочувствующие Фабрицио французы меньше всего верят ему, когда он называет свое имя, социальное положение и настоящую причину своего присутствия на войне. Еще до прихода в Ватерлоо правдивая история Фабрицио вызвала смех у его спасительницы, смотрительницы тюрьмы, которая, переодев его в гусарский костюм, снабдила его саблей и новой легендой: «И, знаешь, не повторяй больше никому дурацкой басни, будто ты миланский дворянин, переодетый в платье купца, который торгует барометрами, — это уж совсем глупо» («Пармский монастырь», 38–39).

Не прошло и дня, как встречающая маркитантка придумала свое, еще более далекое от действительности, объяснение его странному присутствию на войне. История с переменной имени преследует Фабрицио, рискуя превратиться в какую-то трагикомедию. Чем больше

он проявляет усилий для интеграции, чем ближе Фабрицио знакомится с французами, тем больше ему приходится лгать и изворачиваться. Мало того, что настоящие данные о его личности никого не устраивают на поле боя: с момента поражения французского войска ему придется скрывать и отрицать даже сам факт, что он участвовал в сражении при Ватерлоо. Знакомые маркитантка и капрал в один голос советуют ему переодеться в штатское и бежать как можно дальше от разбитой армии, а главное — никому не говорить, где он был, и делать вид, что просто возвращается с прогулки.

Конечно, в отличие от Фабрицио, итальянца, который выдает себя за француза, Пьер находится среди своих соотечественников. Но, тем не менее, внешний образ и поведение Пьера настолько удивляют русских солдат, что они видят в нем инопланетянина или животное, не одаренное способностью изъясняться человеческим языком. Намек на подозреваемую немоту Пьера присутствует в следующем авторском комментарии: «Несколько солдат с веселыми и ласковыми лицами остановились подле Пьера. Они как будто не ожидали того, чтоб он говорил, как все, и это открытее обрадовало их» («Война и мир», 11, 233).

Ситуация с изменением, фальсификацией личных данных не имеет соответствия в эпизоде Бородинского сражения в «Войне и мире». В отличие от Фабрицио, Безухов, будучи русским среди русских, хоть и удивляет своим экзотическим видом на Бородинском поле, не может вызывать каких-либо подозрений в шпионской деятельности и потому не испытывает нужды скрываться под чужим именем. Вместе с этим некоторый элемент анонимности все же сохраняется, поскольку даже солдатами и офицерами, рядом с которыми он проводит больше часа времени на редуте и которые принимают его в свою семью, Пьер Безухов в основном идентифицируется как некий безымянный «наш барин». Однако как только позволит сюжетная линия — когда герой Толстого, вернувшись после сражения в осажденную Москву, окажется в окружении французов, — тут же в его судьбе появится целый ряд соответствий с арестом Фабрицио до сражения под Ватерлоо. Сначала французы примут Безухова за своего, но вскоре он тоже окажется под подозрением в шпионстве и будет вынужден, скрывая свое звание и положение, выдавать себя за другого и ходить в костюме простолюдина. Стендалевский мотив путаницы в именах и вынужденной утраты

личностных данных еще более акцентируется Толстым в тот момент, когда его герой, в свою очередь, попадает в плен к французам и по воле обстоятельств превращается в того, «кто не хочет говорить своего имени»: «...ответы его, данные на допросе, вернулись к нему в форме наименования его: celui qui n'avoue pas son nom. И под этим названием, которое страшно было Пьеру, его теперь вели куда-то...» («Война и мир», 12, 37). Когда Пьер, рискующий быть расстрелянным, наконец откроет свою настоящую фамилию (Besouhof), ему, как и Фабрицио, не поверят: «Vous n'êtes pas ce que vous dites» («Вы не то, что вы говорите» («Война и мир», 12, 39)). Таким образом, можно заключить, что, как в Ватерлоо, так и в Бородине, независимо от желания и усилий главных действующих лиц, не происходит ни полной интеграции героев, ни полного отчуждения. Такое намеренное отталкивание, оставление персонажей в стороне от событий, мы склонны рассматривать как еще одну составляющую остранения.

На этом странные метаморфозы не заканчиваются – к запутанным личным данным присоединяется географическая запутанность. Оказавшись в незнакомой им местности и непривычной обстановке, оба героя продвигаются машинально или по воле случайных попутчиков; куда бы они ни направлялись, им приходится постоянно менять направление. Фабрицио не знает армии, не знает, куда идти; в тюрьме ему советуют найти Четвертый гусарский полк, где служил гусар, чье обмундирование ему досталось. Но встретившаяся ему случайно добросердечная маркитантка, поменяв его слишком тяжелую саблю на ружье, ведет его за собой в Шестой легкий полк. Даже оказавшись на возвышенности, не только Фабрицио, но и опытной маркитантке трудно понять расстановку сил из-за дыма и деревьев. Вот какая картина открывается перед их глазами, когда они, под ужасный грохот пушек и ружей, осматривают местность сверху: «И так как роща, из которой они выехали, была на холме, поднимавшемся над лугом на восемь-десять футов, им был виден вдаль один угол сражения, но на лугу, перед рощей, никого не оказалось. На расстоянии тысячи шагов от них луг был перерезан длинной шеренгой очень густых ветел; над ветлами расплывался в небе белый дым, иногда взлетая клубами и кружась, как смерч.

— Эх, если б знать, где наш полк, — озабоченно проговорила маркитантка («Пармский монастырь», 45).

В «Войне и мире» заблудившийся на Бородинском поле Пьер взирается на курган, чтобы получить общее представление о происходящем, и тоже не может разобраться в увиденном: «Всё, что видел Пьер направо и налево, было так неопределенно, что ни левая, ни правая сторона поля не удовлетворяла вполне его представлению. Везде было не поле сражения, которое он ожидал видеть, а поля, поляны, войска, леса, дымы костров, деревни, курганы, ручьи; и сколько ни разбирал Пьер, он в этой живой местности не мог найти позиции и не мог даже отличить наших войск от неприятельских» («Война и мир», 11, 194).

Как видим, эти два описания, близкие по форме и по содержанию, являются типичными примерами остранения, четко соответствующими дефиниции этого художественного приема Шкловским.

Принято считать, что остранение — это не видение, а узнавание. Мы уже обращали внимание на то, как затруднительно видение на поле сражения. Причем это относится не только к нашим героям, а к большинству участников событий. В «Войне и мире» всеобщее взглядывание и невозможность увидеть, что происходит на самом деле, генерализируется через символический образ мертвого полковника: «Он увидел старшего полковника, задом к нему лежащего на валу, как будто рассматривающего что-то внизу, и видел одного замеченного им солдата, который, порываясь вперед от людей, державших его за руку, кричал: “братцы!” — и видел еще что-то странное.

Но он не успел еще сообразить того, что полковник был убит, что кричавший “братцы!” был пленный, что в глазах его был заколот штыком в спину другой солдат» («Война и мир», 11, 237).

Фабрицио не видит и, значит, не может понять, кто кого атакует: «Но сколько он ни вглядывался в ту сторону, откуда прилетали ядра, он видел только белый дым, — батарея стояла далеко, — а среди ровного, непрерывного гула, в который сливались пушечные выстрелы, он как будто различал более близкие ружейные залпы; понять он ничего не мог» («Пармский монастырь», 49).

Странность, запутанность увиденного и замедленность его восприятия симптоматичны и для описания эпизода первой физической встречи и схватки Пьера с неприятелем: «Едва он вбежал в окоп, как худощавый, желтый, с потным лицом человек в синем мундире, со шпагой в руке, набежал на него, крича что-то. Пьер, инстинктивно

обороняясь от толчка, так как они, не видав, разбежались друг против друга, выставил руки и схватил этого человека (это был французский офицер) одной рукой за плечо, другой за горло. Офицер, выпустив шпагу, схватил Пьера за шиворот.

Несколько секунд они оба испуганными глазами смотрели на чуждые друг другу лица, и оба были в недоразумении о том, что они сделали и что им делать. «Я ли взят в плен, или он взят в плен мною?» — думал каждый из них» («Война и мир», 11, 237).

Точно так же дико и нелепо происходит у Стендаля потасовка Фабрицио с гусарами: «Он так забавно размахивал длинным и прямым кирасирским палашом, слишком тяжелым для его руки, что гусары скоро поняли, с кем имеют дело; они стремились теперь, не задевая его самого, изрезать на нем весь мундир. Три-четыре раза они оцарапали ему руку у плеча. А Фабрицио, следуя наставлениям маркитантки, с величайшим усердием старался колоть острием сабли. На свою беду, нанося удары, он и в самом деле ранил одного из верховых в кисть руки; гусар рассвирепел оттого, что его задел саблей такой молокосос, сделал выпад и ранил Фабрицио в бедро. Случилось это потому, что лошадь нашего героя не только не боялась схватки, но, видимо, находила в ней удовольствие и сама бросалась навстречу нападающим. А они, увидев, что у Фабрицио из правого плеча течет по рукаву кровь, и боясь, как бы игра не зашла слишком далеко, отеснили его влево, к перилам, и ускакали» («Пармский монастырь», 73–74).

Казалось бы, со временем пребывания на поле битвы и с приобретением элементарных навыков военного дела Фабрицио и Пьер должны были лучше ориентироваться на местности. На самом деле происходит обратное: даже зная, куда идти, наши герои большую часть времени блуждают наугад. И чем дальше развиваются военные события, тем труднее для всех участников ориентироваться в пространстве и понять рокировку. Если они хотят разглядеть поле сражения сверху, им мешают дым снарядов, туман и деревья; если пересекают населенные пункты, то долго петляют между улиц, загроможденных повозками и людьми. Другие странные явления (или оптические обманы) имеют место и на Бородинском поле. Так, в определенный момент сражения Пьеру кажется, что он видит солдат, бегущих «не вперед, а назад с криком “ура”». Это повторяется чуть позже с Наполеоном, рассматривающим в трубу пространство, на котором происходило главное действие Бородинского сражения.

Атмосфера остранения и непонятности сгущается по мере развития событий, и вот уже Фабрицио в позиции постороннего наблюдателя, сидя один в поле, следит за тем, как под напором казаков бежит разбитое французское войско. Когда французская армия начинает отступать в панике и вопреки приказам командования, небольшой отряд Фабрицио долго блуждает в деревне и почти не продвигается вперед. Окружающая местность становится все более странной и загадочной. Наконец, окончательно заблудившись, Фабрицио непонятным образом набредает на одинокую харчевню, где видит трех раненых кавалеристов, похожих на окаменелых сказочных богатырей.

Точно так же затруднено и запутано движение войск по Бородинскому полю. Хаотически, «по случайному настроению толпы», кидаются в разные стороны и не продвигаются никуда участники этой битвы. Некая заколдованность, необычность местности подразумевается и у Толстого – этим объясняется выделение курсивом («оттуда»). Бегущему от огня Пьеру кажется, что его хватают за ноги и удерживают трупы убитых солдат. В самый разгар сражения бессмысленно кружатся на одном месте, попеременно сменяя друг друга, то русские, то французы.

Неуверенность в самом факте участия в битве под Ватерлоо и отрицание того, что место, в котором он находился, было действительно полем сражения, подводит окончательный итог всему эпизоду участия Фабрицио в наполеоновской войне. Создается ощущение, что, вопреки желанию героя Стендаля, как бы в силу самих обстоятельств, отрицаются его личные данные и заматаются следы его участия в битве. Более того, каким-то непонятным образом после сражения при Ватерлоо (которое оказало огромное влияние на Фабрицио) он начинает сомневаться в достоверности прожитого им опыта и искать в чужих реляциях ответа на собственный вопрос: а было ли это сражение?

Замечательно постоянство, с которым Толстой, в свою очередь, заставляет своего героя сомневаться, где же все-таки тот находится — является ли это место полем сражения. Находясь в самой горячей точке сражения, на большом редуте, Пьер воображает, что нашел себе безопасное убежище. Не подозревая, что он находится в эпицентре исторически важного события, он снижает и минимизирует роль своего местоположения: «Входя на этот курган, Пьер никак не думал, что это окопанное небольшими канавками место, на котором стояло и стреляло несколько пушек, было самое важное место в сражении.

Пьеру, напротив, казалось, что это место (именно потому, что он находился на нем) было одно из самых незначительных мест сражения» («Война и мир», 11, 232).

В результате Стендалем и Толстым ставится под сомнение все увиденное и рассказанное о войне – как само сражение, так и подлинная личность его главного свидетеля.

Вопрос: «а было ли это сражение?» – позволяет придать всему пребыванию наших героев на войне характер остранения, поскольку *«описанные события не называются своим именем»*. Пьер после Бородине надолго исчезает из поля зрения читателя (до того времени, как попадает в плен к французам), а Фабрицио, опасаясь преследований, поневоле отдаляется от исторических событий, которые сыграли такую важную роль и в его жизни, и в истории человечества.

Таким образом, Стендаль, а вслед за ним Толстой (оба далеко не новички в военном деле) решают показать кульминационные моменты наполеоновской кампании глазами самых неопытных и далеких от войны персонажей — то есть изначально создают все условия для атмосферы странности, неизвестности. Как уточняет Г. В. Якушева, целью употребления такого художественного приема является «желание противостоять косности восприятия и стимулировать свежесть последнего с помощью неожиданного, не отягощенного культурным контекстом взгляда на реалии бытия и искусства»¹³. Устранению литературных условностей способствует тот факт, что Фабрицио и Пьер не имеют никакого отношения к военному сословию и не прикреплены ни к какому отряду или командованию, а потому свободно передвигаются по всему полю боя и оказываются в нужное автору время в нужном автору месте. Не будучи занятыми какими-либо прямыми военными обязанностями, они могут без помех наблюдать за происходящим со стороны, «из своего уголка». Их свежий, совершенно незнакомый с войной глаз более чем любой другой схватывает всю жестокость, бессмысленность войны.

Как правильно пишет Ю. З. Янковский о Толстом, «уже в севастопольском цикле восприятие войны развивалось от констатации ее “странности” к сознанию ее трагической нелепости. Не изменив своим

¹³ Остранение // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Н. Николюкина. М., 2003. С. 704.

прежним взглядам на войну, в частности войну оборонительную, автор “Войны и мира” осмыслил ее значительно глубже: в ряду проблем, волновавших Толстого в 60-е годы, тема человека и войны приобрела некое “многоголосое”, полифоническое звучание»¹⁴.

Наше исследование выявило повышенную частотность у обоих писателей категорий странного, удивительного и непонятного не только в самих героях, их внешнем облике, поведении, манере говорить, но и во всем том, что они видят, а точнее, затрудняются увидеть и понять на поле боя. Как мы показали, у Стендаля и Толстого остранение в батальных сценах включает в себя, в большей или меньшей степени, целый ряд общих ситуаций и отличительных признаков, а именно: иррациональность мотивации ухода на войну, наблюдательская позиция, медленное рассматривание, странный внешний вид и странное поведение (не только субъектов, но и объектов остранения), оглупление, смена масок (герои меняют костюмы, имя, язык и социальную принадлежность), странная местность, желание стать составляющей частью событий и отодвигание, затрудненное видение и узнавание, демистификация сражения и, наконец, сомнение в самой сути того, что имело место (*а было ли это сражение?*).

Все эти художественные средства преследуют одну цель: максимальное обличение войны. Если в литературе и кино о войне давно уже стало привычным обращение к остранению, то этим мы обязаны в первую очередь таланту двух гениальных писателей — Стендаля и Толстого.

¹⁴ Янковский Ю. З. Человек и война в творчестве Л. Н. Толстого. С. 76.

М. А. Александрова, Л. Ю. Большухин

**«...ВСКОРЕ ПОСЛЕ
ДОСТОСЛАВНОГО ИЗГНАНИЯ ФРАНЦУЗОВ»:
ЭМБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОГО РУБЕЖА
В ПОЭМЕ ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ»**

*«Скромный образованный офицер.
Молчаливый. С глушинкой. Член Южного
Общества (Союз Благоденствия). После
декабрьских событий вынужден был выйти в
отставку. Выслан в деревню, Маниловку»*

А. М. Ремизов. «Огонь вещей»

Смена эпохи, отодвинувшая в историческую даль события наполеоновского нашествия, была осознана современниками к началу 1820-х гг. А. А. Бестужев одним из первых охарактеризовал 1814 г. как апофеоз русского духа — и как точку отсчета в процессе послевоенной стагнации: «Огненная лава вырвалась, разлилась, подвинула океан — и застыла...»¹ Позднее, в 1830-е гг., именно до взятия Парижа и Венского конгресса, авторы учебных книг уже излагали новейшую историю.

Гоголь еще в юности приурочил день своего рождения к годовщине взятия Парижа в 1814 г.², и рефлексия по поводу этой исторической

¹ *Бестужев А. А. Взгляд на русскую словесность в течение 1823 года // Декабристы: Эстетика и критика. М., 1991. С. 110. Статьи Бестужева, чрезвычайно популярные в свое время, несомненно, были известны Гоголю. С процитированным фрагментом и самой образностью Бестужева перекликается оценка творчества Языкова в «Выбранных местах» («Предметы для лирического поэта в нынешнее время»): стихотворение «Землетрясение» восхищает Гоголя как одическое полновесное высказывание, способное прервать «богатырскую дрему» современников.*

² *Русская старина. 1892. № 2. С. 432; Лит. наследство. Т. 58. С. 725, 757, 759, 775.*

даты сопровождала писателя в течение всей его жизни. В ранней статье «О преподавании всеобщей истории» он увенчивает «эскиз всей истории человечества» событиями 1814–1815 гг., сообщая концу обзора характер эмблематический: Россия-победительница «останавливается в грозном величии на своем огромном северо-востоке»³. Образ остановленного на историческом рубеже движения не получает у молодого Гоголя того амбивалентного смысла, который принципиально важен для его предшественника. Однако в «Мертвых душах» историософская концепция, трактовка последствий для России войны с Наполеоном, усложняется; рубежный 1814 г., вводимый в текст разнообразными способами, становится одним из важнейших смысловых «узлов» поэмы.

Напомним знаменитую деталь второй («маниловской») главы: «В его кабинете всегда лежала какая-то книжка, заложённая закладкою на 14 странице, которую он постоянно читал уже два года»⁴. Что позволяет истолковать 14 страницу книги как эмблему исторической даты?

Поскольку многие образы-реалии в «Мертвых душах» (в частности, книга, книжная страница) относятся к числу конвенциональных, сугубо традиционных мотивов, живая конкретность детали не мешает читателю предполагать ее иносказательный характер. Аллегии, эмблемы, символы зачастую функционируют в гоголевском тексте на правах «вещи», зримо представляющей явление другого смыслового уровня. При этом многие авторские комментарии лишь намекают на сокровенные смыслы изображенного, которым предстоит открыться в свете второго и третьего томов. Иначе говоря, исследователю необходимо принять во внимание как примеры иллюзорной дидактической ясности, так и случаи «немотивированной» темноты, а также иметь в виду потенциал «нейтральных» деталей, выполняющих, на первый взгляд, служебную функцию.

Поэтика «Мертвых душ» глубоко рациональна, изображенный мир пребывает под тотальным контролем авторского сознания. Однако корреляция каждого образа со множеством других компенсирует рациональную интенцию; особый эффект художественной свободы возникает в силу «валентности», принципиальной неизолированности деталей.

³ Гоголь. Т. 8. С. 35. Здесь и далее в статье курсив в цитатах наш. — М. А., Л. Б.

⁴ Там же. Т. 6. С. 25.

Авторская идея в «Мертвых душах» выражается далеко не с той степенью доктринерства, которая будет характерна для позднего Гоголя. Реализации идеи в тексте присущ «диалогический» момент, что знаменует некую неуверенность автора в полномочиях «последнего слова», способного завершить картину мира. Таков финал знаменитого обращения к Руси: состояние мистического прозрения – «И грозно объемлет меня могучее пространство, страшную силою отразась во глубине моей; неестественной властью осветились мои очи...» – нарушается вторжением голоса из другой сферы: «Держи, держи, дурак! – кричал Чичиков Селифану»⁵. Это свойство мышления (многократно отмечавшееся) обусловливает и особый характер гоголевской полемики.

Гоголь ведет напряженный спор не с определенным адресатом, но со всем современным сознанием, которое, в понимании автора, утратило духовные ориентиры. Историческая эмблематика в «Мертвых душах» позволяет увидеть, насколько конкретно рисовался Гоголю сам момент рокового перелома в судьбе современного поколения.

Маниловскую *книжку с закладкою* традиционно включают в систему образов ложного просвещения: и лакей Чичикова имел «благородное побуждение к <...> чтению книг, содержанием которых не затруднялся»⁶, и в кругу чиновников губернского города «кто читал Карамзина, кто “Московские Ведомости”, кто даже и *совсем ничего не читал*»⁷. Но если исходить из прямого значения сказанного (а поэтика Гоголя это позволяет), то окажется, что книга в маниловском кабинете — в отличие от «какой-то *старинной книги* в кожаном переплете с красным обрезом»⁸ среди хлама Плюшкина — отнюдь не забыта хозяином. Манилов действительно читает свою единственную книгу «постоянно уже два года», не преодолевая *14 страницы*. Буквальность этой ситуации и делает ее истинно гротескной.

Именно в маниловской главе, почти синхронно, автор вводит образ *книги* и образ *дороги*. Отнесенные поначалу к сфере «низкой существенности» (не книга, но *книжка*, «чушь и дичь по обеим сторонам»

⁵ Там же. С. 221.

⁶ Там же. С. 20.

⁷ Там же. С. 157.

⁸ Там же. С. 115.

дороги»⁹, ведущей из города в Маниловку), образы эти в перспективе оказываются равноправны по характерному двуединству предметного и отвлеченного планов. У *книги* и *дороги* есть общий семантический компонент — *история*. На этой основе Гоголь создает сложный эмблематический образ в финале первого тома: «всемирная *летопись* человечества», открытая взорам «текущего поколения», остается непрочитанной, хотя «небесным огнем *исчерчена сия летопись*» и «кричит в ней *каждая буква*»; «отвсюду устремлен пронзительный перст, на него же, на него, на текущее поколение; но смеется текущее поколение и самонадеянно, гордо начинает ряд новых заблуждений», сбивается с прямого пути на «искривленные, глухие, узкие, непроходимые, заносящие далеко в сторону дороги»¹⁰. «Пронзительный перст» устремлен и на знаки, оставленные Гоголем в тексте поэмы. Читатель «Мертвых душ», как замечает по иному поводу С. А. Гончаров, поставлен автором «в активную позицию “разгадчика”, “дешифровщика”»¹¹.

Итак, у Гоголя фигурирует *14 страница*, между тем в реальности книга может быть заложена только на развороте двух страниц. Нарочитое неправдоподобие детали до сих пор не отмечалось, а попытки метафорического прочтения давали произвольные результаты¹². Будучи важным слагаемым маниловского мира, книжная страница должна быть осмыслена в ряду столь же ответственных элементов других «персональных» глав. Скрытый от прямого видения сверхсмысл не может возникнуть из простого суммирования локальных значений.

Стоит напомнить ряд известных в гоголеведении наблюдений. Оглядывая комнату в доме Коробочки, Чичиков «заметил, что на картинах не всё были птицы: между ними висел портрет Кутузова и писанный масляными красками какой-то старик с красными обшлагами

⁹ Там же. С. 21.

¹⁰ Там же. С. 210, 211.

¹¹ Гончаров С. А. Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте. СПб., 1997. С. 116.

¹² Например: «...книга, постоянно лежащая в кабинете и заложённая на четырнадцатой странице (не пятнадцатой, которая могла бы создать впечатление, что тут читают хотя бы по десятичной системе, и не тринадцатой — чертовой дюжине, а на розовато-блондинистой, малокровной четырнадцатой странице — с таким же отсутствием индивидуальности, как и сам Манилов)» (Набоков В. В. Лекции по русской литературе. М., 1996. С. 99).

на мундире, как нашивали при Павле Петровиче»¹³. Портрет исторического лица, «проступающий» при утреннем свете в окружении птиц, особенно любопытен в перспективе ближайшей сцены — со знаменитым индейским петухом, который фамильярно приветствовал пробуждение гостя и заслужил в ответ «дурака». «Своей неожиданной репликой, — замечает Ю. В. Манн, — Чичиков снимает <...> дистанцию» между человеком и птицей, словно допуская возможность оскорбления со стороны равного себе существа¹⁴. Но ведь и с Кутузовым птицы находятся в отношениях фамильярной близости, а Чичикову предстоит прослыть Наполеоном. Итак, соотнесено изображенное и настоящее, человеческое и птичье, историческое и современно-бытовое; каждому образу присваивается дополнительное значение, возникающее первоначально в другом локальном контексте.

Вариации того же принципа наблюдаем и далее. В лице «исторического человека» Ноздрева оказывается бессмертен отчаянный поручик, чью крикливую глотку давно захлопнула пуля. Если один лез на великое дело, воображая себя *Суворовым*, то другой «велел принести бутылку мадеры, лучше которой не пивал *сам фельдмаршал*»¹⁵. Рядом с Ноздревым, который «выразил собою <...> отчаянного поручика»¹⁶, Чичиков принужден «выразить» осажденную крепость. И зять Мижуев в качестве «тени» Ноздрева оказывается вовлечен в круг военно-исторических ассоциаций: «По загоревшему лицу его можно было заключить, что *он знал, что такое дым, если не пороховой, то по крайней мере табачный*»¹⁷; историческое проступает в облике «фетюка» как бы насильственно, вопреки его натуре.

В мире Собакевича напоминание о 1812 годе акцентировано благодаря разномасштабному изображению персонажей прошлого и настоящего. В тот период, к которому приурочены события первого тома, портреты воинственных греков — знак современной политической ситуации. Героизм греческих полководцев **воплощен** в буквальном смысле —

¹³ Гоголь. Т. 6. С. 47.

¹⁴ Манн Ю. В. Поэтика Гоголя. Вариации к теме. М., 1996. С. 267.

¹⁵ Гоголь. Т. 6. С. 75.

¹⁶ Там же. С. 86.

¹⁷ Там же. С. 63.

то есть весь перешел в «такие толстые ляжки и неслыханные усы», что «дрожь проходила по телу»¹⁸; своим обликом они подтверждают, что единственная форма нынешнего богатства — телесно-желудочная. Гротескная худосочность Багратиона — «тощий, худенький, с маленькими знаменами и пушками внизу и в самых узеньких рамках»¹⁹ — воистину «игра природы»²⁰, странное отклонение от правил и закономерностей (в данном случае — от личного вкуса Собакевича) как особое свойство гоголевского мира²¹. Но это еще и по-своему логичное следствие «превращенного» героизма: избыточная телесность не может не быть агрессивной, и олицетворенная в Багратионе история оказывается умаленной в своем значении, потесненной.

Крайне любопытны в этом плане исторические оппозиции в доме Плюшкина. С одной стороны, великое прошлое овеществляется в чем-то ничтожном: это «зубочистка, совершенно пожелтевшая, которою хозяин, может быть, ковырял в зубах своих *еще до нашего нашествия на Москву французов*»²²; с другой стороны, именно там, где все материальное обращено в «прореху», возможен неожиданный прорыв истории в настоящее, ее активное напоминание о себе: «По стенам навешано было весьма тесно и бестолково несколько картин: длинный пожелтевший гравюр какого-то сражения, с огромными барабанами, кричащими солдатами в трехугольных шляпах и тонущими конями, без стекла <без дополнительной преграды! — Авт.>, вставленный в раму красного дерева с тоненькими бронзовыми полосками и бронзовыми же кружками по углам»²³. Подробное описание рамы отсылает к стилю ампир, то есть «обрамляет» всё ту же историческую эпоху. Прошлое представлено двумя вехами: «до нашего нашествия на Москву французов» и после изгнания Наполеона (в сюжете «пожелтевшего гравюра» угадывается переправа через Березину). Акцентирована взаимная обратимость ничтожного и грандиозного: пожелтела и зубочистка, и картина битвы.

¹⁸ Там же. С. 95.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 9.

²¹ Манн Ю. В. Поэтика Гоголя. Вариации к теме. С. 256.

²² Гоголь. Т. 6. С. 115.

²³ Там же.

Наконец, соседствует с батальной сценой фламандский натюрморт размером в полстены, где последняя в перечислении деталь — «висевшая головою вниз *утка*»²⁴. Сравним с процитированным описанием переход (в гл. V) от Багратиона к любимцам хозяина дома: «Потом опять следовала героиня греческая Бобелина <...>. Возле Бобелины <...> висела клетка, из которой глядел *дрозд* темного цвета с белыми крапинками, очень похожий <...> на Собакевича»²⁵. Воспроизведение структурной пары «птичье — историческое» поддерживает остраляющий эффект, соотнося эпизоды между собою.

По ходу повествования детали наполеоновской эпохи накапливаются, взаимно резонируют, вследствие чего триумф и катастрофа Чичикова воспринимаются (это многократно отмечалось) как травестия исторической драмы: *миллионщик* преобразается в глазах губернских дам («стали находить величественное выражение в лице, что-то даже *марсовское и военное*»), прямо уподобляется Наполеону («очень сдает на портрет Наполеона. <...> тоже нельзя сказать, чтобы слишком толст, однако ж и не так, чтобы тонок») и повторяет его завоевательный поход («пробирается в Россию, будто бы Чичиков, а в самом деле вовсе не Чичиков»²⁶). Никем, однако, до сих пор не замечено, что Гоголь уделяет особое внимание моменту перехода от войны к миру — 1814 году.

Рассказ о бедствиях капитана Копейкина в столице предварен сообщением: «А государя, нужно вам знать, в то время *не было еще* в столице; войска, можете себе представить, *еще не возвращались из Парижа, всё было за границей*» (VI, 200). В свете европейского триумфа и новых государственных задач петербургскому сановнику кажется ничтожной (*копейчной*) насущная забота просителя. «Перевернутый» исторический масштаб реализован по-своему и в дамском сюжете IX главы. В черновых <Заметках> «К 1-й части» осталось упоминание Венского конгресса²⁷, который имел свое «историческое значение» для губернских модниц: они жадно читают описания балов, прогремевших в зимний сезон 1814–1815 гг. Именно это впечатление служит точкой

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 95.

²⁶ Там же. С. 165, 206.

²⁷ Там же. С. 693.

отсчета для дам «просто приятной» и «приятной во всех отношениях», которые деятельно участвуют в общеевропейской битве ампирной моды и стиля Реставрации (присоединяясь, как водится, к победившей стороне)²⁸, а едва не заслоненная этим великим прением «сконапель истоар» с Чичиковым в главной роли есть дамская версия Большой Истории, где перепутаны поводы, причины и следствия.

Принимают Чичикова за Наполеона те, кто в атмосфере послевоенного брожения вознесся мысленно на политические вершины: «Впрочем, нужно помнить, что всё это происходило вскоре после достославного изгнания французов. В это время все наши помещики, чиновники, купцы, сидельцы <...> сделали, по крайней мере на целые восемь лет, заклетыми политиками»²⁹. Ограничение во времени здесь — литота, замаскированная под гиперболу, ироническая оценка самозванных «политиков на час». Таким образом, высший момент отечественной истории, пик военной славы оказывается поворотом к современной пошлости.

Описанная выше синтагматика образов подчинена столь определенной художественной логике, что из общей системы не может выпасть маниловский эпизод. По всей видимости, *восемь* послевоенных лет и *восемь* лет мирной супружеской жизни Манилова³⁰ — не простое совпадение, но еще один гоголевский «знак».

О прошлом персонажа известно лишь то, что он «служил в армии, где считался скромнейшим, деликатнейшим и образованнейшим офицером»³¹. Согласно концепции Ю. В. Манна, эта подробность характеризует неизменность «мертвой души»; ни служба, ни выход в отставку никак не повлияли на «сахарного» Манилова³². Между тем удивителен

²⁸ В пушкинском «Графе Нулине» («пародии на историю и Шекспира») смена модного силуэта в начале 1820-х гг. — новость общеевропейского масштаба, наряду с «ужасной книжкой Гизота» «Опыт истории Франции»: «Как тальи носят?» — «Очень низко, / Почти до... вот, по этих пор» (Пушкин. Т. 5. С. 7). В набросках к IX главе гоголевские дамы обсуждают именно этот «исторический переворот»: «И талии уж совсем сделались низки, на поясе, почти как у мужчин». — «Как же, будто тальи так низки? Это ничего?» — «Низки, низки, совсем низки...» (Гоголь. Т. 6. С. 613–614).

²⁹ Гоголь. Т. 6. С. 206.

³⁰ Там же. С. 25.

³¹ Там же.

³² Манн Ю. В. Поэтика Гоголя. С. 279.

сам факт его офицерства (особенно на фоне кутящего и понтирующего с лихими драгунами Ноздрева). Странная «игра природы» может служить достаточным, по законам гоголевской поэтики, объяснением этого феномена. Однако в актуальном для писателя культурном контексте «странность» Манилова соотносится с репутацией исторического лица, чья военная деятельность вызывала у современников иронические оценки³³. Пародийная аналогия «Манилов — Александр I» убедительно показана А. Ю. Сергеевой-Клятис³⁴. В. М. Гуминским реконструирован исторический фон маниловского эпизода: знаменитый поединок любезности перед дверями гостиной травестирует свидание Наполеона и Александра при заключении Тильзитского мира, подробности которого были широко известны по историческим анекдотам и мемуарам. Чтобы сократить церемонии на пороге кабинета для переговоров, российский император сказал: «Так войдёмте вместе», – и «так как дверь была очень узкая, оба государя принуждены были тесно прижаться друг к другу, чтобы войти одновременно»³⁵; у Гоголя «оба приятеля вошли в дверь боком и несколько притиснули друг друга»³⁶.

Пародийной связи Манилова с историческим лицом не противоречит и его литературное родство с идеологически значимой фигурой послевоенного искусства. Для этого периода характерна следующая связь жанра и героя времени. Облик воина воссоздавали по горячим следам преимущественно лирика и публицистика; другие жанры (по разным причинам) эту задачу не решали: сентименталистская повесть утратила свои позиции, романтической еще предстояло сформироваться³⁷; роман образца Вальтера Скотта появится в России только к началу 1830-х гг.; трагедия — с ее условием исторической

³³ Достаточно вспомнить пушкинскую эпиграмму: «Воспитанный под барабаном, / Наш царь лихим был капитаном: / Под Австрийцем он бежал, / В двенадцатом году дрожал...» (Пушкин. Т. 2. С. 459).

³⁴ Сергеева-Клятис А. Ю. Помещик Манилов — человек эпохи ампира // Сергеева-Клятис А. Ю. Русский ампир и поэзия Константина Батюшкова: В 2 ч. М., 2001. Ч. 1. С. 93–99.

³⁵ Гуминский В. М. Гоголь и 1812 год // Отечественная война 1812 года и русская литература XIX века. М., 1998. С. 51.

³⁶ Гоголь. Т. 6. С. 27.

³⁷ Троицкий В. Ю. Тема Отечественной войны 1812 года и формирование прозы русского романтизма // Там же. С. 164–174.

дистанции — не разрабатывала современных сюжетов. Комедия и водевиль, напротив, живо откликнулись на злободневные события³⁸, однако инерция жанра предопределила глубокую трансформацию того жизненного материала, который был знаком публике по «Дневникам» и «Запискам» участников войны. С момента появления «Липецких вод» А. А. Шаховского (1815) герой-военный попадает в такое художественное поле, где нивелируются колоритные признаки реального исторического характера. Славному воину было присвоено ампула «первого любовника»³⁹, но в этом качестве герой **не мог**: 1) быть предприимчивым, поскольку единственная форма активности в комедии — интрига — поприще для лукавых «помощников в женитьбе», а не для прямодушных «сынов отечества»; 2) слишком эмоционально — в духе будущего Чацкого — спорить с «космополитом», ибо заведомо недостойный противник сделал бы смешным самого патриота (отсюда — описание Пронского в паре с графом Ольгиным у Шаховского); иных же ситуаций для проявления гражданского темперамента комедийный конфликт практически не допускал; 3) раскрывать в перипетиях действия бытовые и психологические черты боевого офицера, нарушающие «хороший тон»; последнее уместно лишь для второстепенного⁴⁰ или внесценического лица⁴¹.

³⁸ Прокофьева Н. Н. Отечественная война 1812 года и русская драматургия первой четверти XIX века // Там же. С. 203–208.

³⁹ См. об этом подробно: Зорин А. Л. «Горе от ума» и русская комедиография 10–20-х годов XIX века // Филология. Вып. 5. М., 1977. С. 68–81.

⁴⁰ Таков Саблин в «Студенте» Грибоедова и Катенина (1817). В комедии Шаховского, Хмельницкого и Грибоедова «Своя семья, или Замужняя невеста» (1817) гусар Любим участвует в комедийной интриге на правах традиционного «повесы», а для характеристики его как участника недавней войны отводится специальный эпизод, исключенный из сценического действия: «Ты никогда гусарить не забудешь, / Всё станешь вспоминать с восторгом старину, / И молодечество, и службу, и войну. / Я вижу уж тебя: ты в дядюшкины годы, / Как он, в седых усах, про славные походы, / Про Лейпциг, Кульм, Париж без памяти кричишь, / Без милосердия всё новое бранишь, / Свой полк, своих друзей, свои проказы славишь, / Повесам будущим себя примером ставишь / И сердиться за то, что рано устарел» (*Шаховской А. А. Комедии. Стихотворения. Л., 1961. С. 298*).

⁴¹ Ср. также портрет поколения в пушкинском наброске «<Комедии об игроке>»: «...Ну, я прощаю тем, / Которые, пускась в пятнадцать лет на волю, / Привыкли — как же быть? — лишь к пороху <да к> полю. / Казармы нравятся им больше наших зал» (*Пушкин. Т. 7. С. 246*).

Иначе говоря, центральный герой эпохи отражается в комедийном зеркале как «человек без свойств» в самом буквальном смысле, пригодный единственно для брачного союза с благонравной девицей. Реализация жанровой модели объективно, даже вопреки сознательной установке комедиографа, совпадала с переживанием конца великого исторического этапа. Эту логику впервые осмыслил Грибоедов: женатый Горич за флейтой вздыхает о «шуме лагерном, товарищах и братьях». Показательна переключка сцен «семейной нежности» в IV акте «Горя от ума» («Мой ангел, жизнь моя, / Бесценный, душечка, Попощь...»⁴²) и в «Мертвых душах» («Разинь, душенька, свой ротик, я тебе положу этот кусочек»⁴³): общий структурный признак здесь — нивелирование мужского характера, неузнаваемость бывшего воина «на лоне счастья».

Радикально изменившийся облик послевоенного мира, переключение с героического регистра на пошлый — всё это в маниловском варианте предстает неким беспамятством, протрацией: обычное состояние персонажа («Дома он говорил очень мало и большею частию размышлял и думал, *но о чем он думал, <...> разве Богу было известно*»)⁴⁴ пародийно соответствует «воспоминаниям воина». Гоголь воплощает аномалию исторической преемственности, гиперболизируя единственную офицерскую черту Манилова — его пристрастие к трубке: в кабинете табак «был в разных видах: в картузах и в табашнице, и наконец насыпан был *просто кучею* на столе. На обоих окнах тоже помещены были *горки выбитой из трубки золы*, расставленные не без старания очень красивыми рядками. Заметно было, что это иногда доставляло хозяину препровождение времени»⁴⁵. Образ может быть соотнесен с устрашающей «кучей» Плюшкина: то и другое — «памятник», созидаемый в течение жизни, овеществленное время, его могильный курган.

Особый характер получает и описание погоды, как бы навсегда устоявшейся после исторических бурь: «день был не то ясный, не то мрачный, а какого-то светлосерого цвета, какой бывает только на старых мундирах гарнизонных солдат, этого, впрочем, *мирного войска*,

⁴² Грибоедов А. С. Полн. собр. соч.: В 3 т. СПб., 1999-2006. Т. 1. С. 100.

⁴³ Гоголь. Т. 6. С. 26.

⁴⁴ Там же. С. 24.

⁴⁵ Там же. С. 32.

но отчасти нетрезвого по воскресным дням»⁴⁶. Гротескная параллель к «пиру войны» — пьяное буйство в мирное время — здесь сопровождается многократными оговорками-ограничениями: войско всего лишь *нетрезвое*, нетрезвое *отчасти* и только *по воскресным дням*. Неизбежный в историческом соседстве *петух*, чья «голова продолблена была до самого мозга носами других петухов по известным делам волокитства»⁴⁷, оказывается единственным носителем боевого задора.

Редукция военной героики акцентирована и в завершении главы: «“Прощайте, миленькие малютки!” – сказал Чичиков, увидевши Алкида и Фемистоклоса, которые занимались каким-то деревянным гусаром, у которого уже не было ни руки, ни носа. <...> “Тебе привезу саблю; хочешь саблю? <...> А тебе барабан; не правда ли, тебе барабан? <...> Такой славный барабан!.. Этак всё будет: туррр... ру... тра-та-та, та-та-та... Прощай, душенька! прощай!” Тут поцеловал он его в голову и обратился к Манилову и его супруге с небольшим смехом, <...> давая им знать о невинности желаний их детей»⁴⁸. Обещание сабли и барабана как будто поощряет маленьких разрушителей к дальнейшим «невинным подвигам».

Пострадавший в руках детей *гусар* предвещает появление капитана Копейкина, лишённого *руки и ноги* (с поправкой на любимый гоголевский *нос*): в мирное время воин оказывается фигурой гротескно-уродливой в прямом и переносном смысле, становится объектом манипуляций; даже его «историю, или, как выразился почтмейстер, презентательную для писателя, *в некотором роде, целую поэму*»⁴⁹, можно изложить лишь «исковерканным» слогом (подобно тому, как портрет Багратиона может быть только шаржированным). Соответственно, послевоенные мечты Манилова профанируют идею боевых заслуг: «...и что будто бы государь, узнавши о такой их *дружбе*, пожаловал их *генералами*, и далее наконец Бог знает что такое, чего уже он и сам никак не мог разобрать»⁵⁰. В гоголевском мире заманчив чин военный, а не статский, но карьера генерала теперь никак не связана с войной.

⁴⁶ Там же. С. 23.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. С. 38.

⁴⁹ Там же. С. 199.

⁵⁰ Там же. С. 39.

Во втором томе «Мертвых душ» исторический подтекст эксплицирован. Упрощенной вариацией маниловского типа предстает *полковник Кошкарев*. Боевой офицер, он «учтив и деликатен»⁵¹ до приторности. Если Манилов украшает садовую беседку надписью «Храм уединенного размышления», то в поместье Кошкарева «выстроены были какие-то дома, в роде каких-то присутственных мест», с торжественными вывесками: «Школа нормального просвещения поселян»⁵² и пр. Показательно, что Чичиков направляется к полковнику от генерала Бетрищева (представленного как «один из тех картинных генералов, которыми так богат был *знаменитый 12-й год*»⁵³), а по возвращении слышит приговор Кошкареву из уст Костанжогло: «Вот как<овы?> эти умники. Было поправились, *после француза двенадцатого года*, так вот теперь всё давай расстроивать сызнова. Ведь хуже француза расстроили...»⁵⁴ Образец для эфемерных проектов полковника — «Англия и *сам даже Наполеон*»⁵⁵, что конкретизирует в духе времени фантазии Манилова о «подземном ходе»⁵⁶ или «огромнейшем доме», с высоты которого можно «видеть *даже Москву*»⁵⁷. Кошкарев окружен множеством книг — в параллель к обладателю единственной *книжки с закладкою*. Наконец, иносказательная (в мире Манилова) цифра становится здесь точной датой: полковнику не удастся «просветить» своих крестьян на европейский лад, «тогда как в Германии, где он стоял с полком в *14-м году*, дочь мельника умела играть даже на фортепиано»⁵⁸. Итак, удвоение в полковнике Кошкареве отставного офицера Манилова делает первого из галереи «мертвых душ» таким же, как персонаж второго тома, участником войны 1812–1814 гг.; их опыт приобщения к Европе, будучи спроецирован на русскую жизнь, порождает утопизм. Пассивное или деятельное, даже самоотверженное, их прожектерство губительно и само по себе, и ввиду торжествующего повсеместно лихоимства.

⁵¹ Там же. Т. 7. С. 66.

⁵² Там же. С. 62.

⁵³ Там же. С. 37.

⁵⁴ Там же. С. 67.

⁵⁵ Там же. С. 64.

⁵⁶ Там же. Т. 6. С. 25.

⁵⁷ Там же. С. 38–39.

⁵⁸ Там же. Т. 7. С. 63.

Очевидно, что образ Кошкарева (в сохранившихся редакциях) значительно уступает Манилову с его неисчерпаемой глубиной. Но само появление «дублирующего» персонажа во втором томе следует признать важной частью авторского замысла: *закладка на 14 странице* эмблематизирует исторический рубеж, к которому Гоголь настойчиво возвращается. Кульминацией этого лейтмотива поэмы становится эпохальное обобщение в устах военного генерал-губернатора: «Дело в том, что пришло нам спасти нашу землю, что гибнет уже земля наша не от нашествия двадцати иноплеменных языков, а *от нас самих*»⁵⁹. Самообвинение в устах идеального (по замыслу Гоголя) персонажа способно осветить значение заветной — и роковой — даты в идейной структуре поэмы. Великое торжество 1814 года и великое бедствие, сопоставимое с нашествием Наполеона, оказываются не просто последовательными этапами русской жизни, но обнаруживают диалектическое единство.

⁵⁹ Там же. С. 126.

А. Ю. Сорочан

1812 ГОД В РУССКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ РОМАНЕ: РЕПРЕЗЕНТАЦИИ (НЕ)ДАВНЕГО ПРОШЛОГО

Трансформация исторических событий, историософских концепций, изменение той роли, которую они играют в художественных текстах, крайне значимы для литературного процесса. Иногда это воздействие проявляется опосредованно, но чаще — ярко и выразительно. Так происходило в русской литературе, где драматизм истории осваивался в самых разных формах. Сначала возник интерес к ярким, «вершинным» моментам истории, потом начались попытки художественного освоения исторических законов, потом настало время психологического анализа характеров и философских закономерностей истории.

В 1830–1840-е гг. – и позднее, в 1870–1890-е гг., – исторические жанры даже количественно занимают первое место в литературном процессе. Так, в 1831–1839 гг. отдельными изданиями вышло более 300 исторических романов¹; а в одном только 1884 г., по данным журнала «Книжный вестник», их вышло около 80. Именно литература исторических жанров в наибольшей степени репрезентативна для анализа среднего уровня литературного развития того или иного периода, для уяснения тех эстетических и мировоззренческих принципов, которые утверждаются и активно воплощаются в художественной литературе. А в историческом романе подобные принципы даны наиболее развернуто. По данным указателя Д. Ребеккини, в 1830-е гг. исторические романы посвящены прежде всего двум темам: Смутному времени и Отечественной войне 1812 года². Обе позиции легко объяснить: «интерпретативные

¹ *Ребеккини Д.* Русские исторические романы 30-х гг. XIX в. (Библиографический указатель) // Новое литературное обозрение. 1998. № 34. С. 416–447.

² Там же. С. 421.

модели, приобретшие в 1830-е гг. официальный статус»³, основываются на мифологизации русской государственности и создании картины прямой преемственности идеологических принципов. Однако в дальнейшем 1812 год остается одной из ключевых тем в русской исторической романистике — и описание трансформаций, которые претерпевают события начала века в художественной прозе, позволяет многое объяснить и в судьбе жанра, и в характеристике репрезентаций истории в целом. В данной статье не ставится цель охватить все произведения об Отечественной войне (что, впрочем, трудно себе представить)⁴. А вот общие тенденции наметить несколько проще.

Начинать следует, вероятно, с М. Н. Загоскина. Пушкин недаром увидел в первом русском историческом романе — «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» (1829) — изображение прежде всего «доброе нашего народа»⁵. Интерес к национальному началу, столь остро осознанный в литературе романтизма, со всей полнотой раскрылся в историческом романе: «Настоящий русский народный роман должен быть романом патриотическим»⁶.

Взгляды романиста явственно выразились в заглавии произведения; повествование о герое становится описанием национального характера. Логичным продолжением романа о Смуте становится роман об Отечественной войне «Рославлев, или Русские в 1812 году» (1831); с ними логически связан роман «Русские в начале осмнадцатого столетия» (1848)⁷. Романист предлагает читателям вместе с ним рассмотреть преемственность эпох и поколений, увидеть все достоинства народного духа, выжившие в годы войн и кризисов. Основой цельного понимания истории становится единство национальное, выражающееся в неизменности национальных характеров, не зависящих от внешних обстоятельств.

³ Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла... М., 2004. С. 162.

⁴ См. антологии, посвященные данной теме, например: И славили Отчизну меч и слово... М., 1987. См. также: 1812 год в истории России и русской литературы: Материалы Всероссийской научной конференции (Смоленск, 15–17 ноября 2010 г.) / Сост. и ред. Л. В. Павлова, И. В. Романова. Смоленск, 2010.

⁵ Пушкин. Т. 11. С. 92.

⁶ Надеждин Н. И. Рославлев. Статья вторая // Телескоп. 1831. № 14. С. 220.

⁷ См. о нем: Сорочан А. Ю. Государственный миф петровской эпохи в последнем романе М. Н. Загоскина // Тверская филология: прошлое, настоящее, будущее. Тверь, 2002. С. 320–326.

Все историческое в условной трилогии Загоскина основано на национальной принадлежности и проявлениях народного духа.

Довольно простой путь художественного описания истории, изобретенный Загоскиным, позднее авторы русских исторических романов использовали крайне часто., Весьма продуктивный, на первый взгляд, подход постепенно был сужен до предела, что не могло пойти на пользу жанру и авторам. История 1812 года замыкалась в рамках статичных моделей, авторы избирали лишь отдельные аспекты из системы описания прошлого, созданной Загоскиным.

Начало ее самоограничению положил сам автор. В романах, начиная с «Рославлева...», героям уже не свойственна душевная борьба, которая так усложняла путь Милославского и объясняла все перипетии его судьбы (измена клятве или измена Родине). Герои, будучи воплощением всех черт национального характера, с самого начала не изменяют избранному идеалу и поступают в соответствии с требованиями народного духа. Любовь всецело подчиняется представлению о национальных основах. Рославлев, как истинно русский, тотчас отвергает возлюбленную, поскольку она изменила отчизне, предпочтя француза: «В этой смертной борьбе нет середины, или мы, или французы должны погибнуть; а вы — жена француза! Умрите, несчастная, умрите сегодня, если можно, — я желаю этого»⁸. А сама Полина, полная «бурных страстей», переживает эволюцию, сходную с той, какую пережил Шалонский в первом романе Загоскина. Она освобождается от ложной страсти и, раскаиваясь в том, что поступила «не по-русски», возвращается к православным русским традициям: «О, если бы прошедшее было в нашей воле, я не стала бы тогда заботиться о моем спасении! С какою б радостью я обрекла себя на смерть, чтоб только умереть в моем отечестве»⁹.

Один и тот же набор «внешних» (православие, самодержавие, народность) и «внутренних» черт русского человека реализуется во всех романах Загоскина и определяет целостность истории и связность событий прошлого. Строгое соответствие наблюдается и в изображении

⁸ Загоскин М. Н. Соч.: В 2 т. М., 1988. Т. 1. С. 430.

⁹ Там же. С. 602.

представителей других наций. Француз Сеникур в «Рославлеве» очень похож на поляка Тишкевича из «Юрия Милославского» — «благородный враг», в характере которого все черты враждебного России народа проявляются достаточно ярко. Но личная вражда и тут приносится русским в жертву во имя любви к отечеству. Все русские ведут себя в отношении благородных врагов в соответствии с широтой русской души, незлобивостью и благородством. И лучшие из французов отвечают героям тем же. Один из наполеоновских генералов формулирует это отношение так: «Я горжусь именем француза. Но оттого-то именно и уважаю благородную русскую нацию. Это самоотвержение, эта беспредельная любовь к отечеству — понятны душе моей: я француз»¹⁰. Такой француз делается симпатичным читателю, невзирая на вражду двух народов. По мысли Загоскина, русский человек таков, что, если это не причиняет ущерба народу и государству, он может испытывать добрые чувства и к врагам.

Образ мрачного офицера в «Рославлеве», кажущийся условно-романтическим, а на самом деле столь реальный¹¹, напоминает о других идеях Загоскина. Этим героем движут только месть и ненависть к врагам России: «Этот бесчувственный, неумолимый взор, выражающий одно мертвое равнодушие, не обещал никакой пощады»¹². Отвергая христианскую любовь к ближнему и другие черты, свойственные «доброму нашему народу», загадочный офицер уподобляется представителям «буйной толпы» из «Юрия Милославского». Для автора неправота таких воззрений очевидна. Модификации национального характера недопустимы; всякое отступление от общего принципа ведет к трагедии. Так, русский офицер оказывается способен вопреки кодексу чести на хладнокровное убийство беспомощного противника.

Прочие образы романа (исторические и вымышленные лица) только подтверждают намеченную автором систему, его концепция национальной истории остается неподвижной и базируется на том же принципе. Но одно важнейшее ограничение автор сам отмечает в предисловии

¹⁰ Там же. С. 482.

¹¹ См.: Песков А. М. Комментарии // Загоскин М. Н. Соч. Т. 1. С. 712–713.

¹² Там же. С. 295.

к «Рославлеву». То, что нам кажется ущербным в его воззрениях, для Загоскина представлялось несомненным: «Хотя наружные формы и физиономия русской нации совершенно изменились, но не изменились вместе с ними: наша непоколебимая верность престолу, привязанность к вере предков и любовь к родимой стороне»¹³. Таким образом, «национальная» репрезентация истории совсем не требует историзма в нашем понимании этого термина. Всякая возможность истории как процесса безапелляционно отвергается. Движения нет, есть лишь изменение внешних форм, и то, впрочем, не везде: «Простонародный наш быт нисколько не переменялся»¹⁴. Именно поэтому принципы описания прошлого в романах Загоскина нисколько не изменяются, независимо от того, какое время изображает писатель.

Систему, созданную Загоскиным, пытались повторить многие романисты так называемого «патриотического направления», для которых «официальная народность» стала единственным руководством к действию при художественном описании исторического мироустройства. Вечными качествами русских в их исторических романах объяснялось абсолютно все, а «внутренние», душевные состояния выводились из «внешних». Иностранцы, у которых эти качества отсутствуют, действуют на основе своих национальных характеров, большей частью изображенных отрицательно — в сравнении с «народным духом» россиян. Таким историческим романам чужда развернутая характерологическая система, свойственная первым опытам Загоскина. Из всех черт русского характера избирается одна — магистральная, из которой выводятся все прочие. Естественно, что осознание причастности к этой центральной национальной характеристике было едва ли не единственной основой миропорядка. Репрезентация национальной истории в этом случае предельно проста: он русский, следовательно, он должен быть православным и/или верным престолу и/или верным отечеству, следовательно, он должен поступить так, а не иначе. Если персонаж нарушает этот императив, то он как бы утрачивает свою национальную принадлежность и переходит в лагерь противника.

¹³ Там же. С. 287.

¹⁴ Там же. С. 44.

Особенно продуктивно такая система применялась к изображению военных событий, прежде всего войны 1812 года. Например, в романе А. А. Павлова «Рыцарь Креста» (1840) верность самодержавию (точнее: лично самодержцу) признана основной чертой национальности. Очень характерна формула: «Для нашего возлюбленного государя и отечества я пожертвую всем»¹⁵. Сам император выведен как действующее лицо, принимающее активное участие в развитии сюжета. Не будем обсуждать его неправдоподобность, вытекающую из патриотических обязательств, взятых на себя романистом. Вот как обращается герой к еще не узнанному им императору: «Ваше лицо выражает самую добродетель, глаза излучают радушие»¹⁶. А вот речь его возлюбленной: «Государь уверен в своих подданных... И после того кто осмелится из русских быть равнодушным зрителем наступающей борьбы?»¹⁷ Православие поначалу не включается в систему обязательных национальных качеств. Само заглавие и посвящение героя в рыцари придают повествованию оттенок религиозности общего характера: «...будем сохранять по возможности заповеди Божии; если же преступим их, то принесем чистое раскаяние»¹⁸.

Во второй части повествования христианские мотивы первенствуют в авторских отступлениях, пафосная риторика которых никак не увязана с собственно историческим романом: «В последнюю минуту злоба уступала место любви, которая составляет вечный смысл всех народов»¹⁹. Однако в систему исторических представлений религиозные мотивы не включаются. Религиозность действительно свойственна всем героям, ратующим за царя и отечество. Этот императив никак не развивается, а упоминается изредка как нечто само собой разумеющееся. Монарх как личность — вот единственное мерило национального духа: «Он, этот владыка, нисходит с своего трона в убогие хижины и сыплет милости неимущим и отирает слезы несчастливцам»²⁰. К данной

¹⁵ Павлов А. А. Рыцарь Креста: Роман, повесть. М., 1995. С. 37.

¹⁶ Там же. С. 13.

¹⁷ Там же. С. 29.

¹⁸ Там же. С. 56.

¹⁹ Там же. С. 107.

²⁰ Там же. С. 173.

нехитрой формуле сводится содержание романа Павлова (как и многих подобных ему «исторических» сочинений Сергея С...кого (С. М. Любецкого), Ал. Кузмича²¹, А. Чуровского), где упоминаются неперменный изменник-поляк, злодей-Наполеон, раскаивающаяся в грехах де-вушка, обольщенная каким-нибудь иностранцем, и т.п. Нет необходимости подробно рассматривать эту продукцию, тем более что она развивала и упрощала на свой лад принципы Загоскина.

Так, Н. М. Коншин в романе «Граф Обоаянский, или Смоленск в 1812 году» (1834) сводит все национальные качества к принятию/отрицанию православных догматов. Русский человек — прежде всего православный, в этом причина всех поступков как отдельного представителя нации, так и всего народа; а цель действий — сохранение православия и борьба с его противниками. Белинский справедливо негодовал на топорность этого «дюкредюменилевского романа с вальтер-скоттовскими переходами»²², далекого от какой бы то ни было исторической реальности. Герои произведения, среди которых «дурными людьми оказываются только управляющий и камердинер Богуслава, остальные все до одного хорошие»²³, отличаются исключительной приверженностью нормам религии: «Перекрестимся и возложим твердое упование на Бога: он будет заботиться о жизни нашей — нам теперь не до того»²⁴. А злодеи, напротив, всячески извращают религиозные нормы. Они преступают каноны православия — и уже не являются представителями народного духа. Во всех действиях героев национальное начало обнаруживается как воздействие принятой всей Россией религии. Не догматы ее мотивируют поведение персонажей, а сам факт принадлежности к нации и, как следствие, к определенному вероисповеданию. Интересно, что жесткая определенность качеств народного духа детерминирует и содержание «Записок о 1812 годе» Коншина, где содержится, в частности, следующий вывод из пережитого: «Армия наша

²¹ Впрочем, поздние работы А. Кузмича носят некоторый оттенок «экспериментальности».

²² *Белинский*. Т. 1. С. 126.

²³ *Кирпичников А. И.* Очерки по истории русской литературы: В 2 т. СПб., 1908. Т. 2. С. 110.

²⁴ Цит. по: Три старинных романа: В 2 кн. М., 1990. Кн. 2. С. 402.

управлялась нравственным началом: *любовь* подчиненных к своим начальникам составляла душу ее; теперь холодный немецкий расчет давил эту народную силу»²⁵.

Количественно именно этот род исторических романов решительно возобладал во второй половине 1830-х гг. Засилье «литературы толкучего рынка» стало одной из непосредственных причин упадка жанра. По сравнению с прозой А. А. Павлова, П. П. Свиньина, П. П. Зубова, И. Н. Глухарева и других романы Загоскина казались глубокими, а его исторические концепции — сложными. Сведение национальной тенденции к описанию какой-либо одной присущей народному духу черты не могло быть продуктивным.

Несколько иначе представлено недавнее прошлое в текстах Булгарина. Особый интерес в данном случае представляет «Петр Иванович Выжигин, нравоописательный исторический роман XIX в.» (1831), логично продолжающий самое популярное произведение романиста; предметность подчеркивается и подзаголовком, в котором история объединена с нравописанием.

Исторические персонажи представлены у Булгарина как личности, движимые определенными душевными силами, не зависящими от эпохи. Они, как и «обычные» люди, могут быть либо добры, либо порочны. Но и добродетель, и порок у выжигиных смягчаются воздействием обстоятельств. У «великих» же исторических натур (Наполеон, Димитрий Самозванец, Мазепа) они достигают крайнего выражения, обстоятельства не могут смирить их гигантской духовной силы во всей ее односторонности. И положительные, и отрицательные качества устремлены к своему пределу, обретая деятельную реализацию в исторических событиях, в корне отличных от бытовой реальности, в которой и добро, и зло существуют в «ретушированном» виде.

В дальнейшем упрощенное нравственно-историческое и национально-историческое представление о событиях 1812 года было в полной мере реализовано в книгах для «грамотных» читателей рубежа веков, открывших для себя историю в представлении низовых авторов. Для сочинителей собственно описание прошлого оставалось лишь

²⁵ Исторический вестник. 1884. № 8. С. 280. Курсив мой. — А. С.

средством для репрезентации некой тенденции. Количественное изобилие подобной романистики поражает воображение. «Образованные» читатели открывали для себя художественную составляющую истории в книгах Загоскина, «грамотным» приходилось довольствоваться Д. С. Дмитриевым, Ф. Е. Зариным-Несвицким и А. И. Соколовой²⁶.

Остановимся на одном из примеров. В романах И. К. Кондратьева события 1812 года зачастую становятся основой «детективного» сюжета — с неизменной разгадкой тайны (как правило, уголовного свойства). В финале «Божьего знаменья» «тайна отношений отца с дочерью была погребена вместе с трупом первого»²⁷. Сюжет исчерпывается смертью героев и указанием на связывавшие их узы. А история как будто и не отделена от современности: «...ясное понятие о настоящем редко бывает уделом человечества. <...> Пора действия и волнений не есть пора суда»²⁸. Поэтому легко объяснить, почему герои 1812 года говорят и действуют в точности так же, как современники автора. В тех же случаях, когда речь заходит об осмыслении минувшего, Кондратьев предлагает читателям примитивные сентенции: «Нравственная сила неприятеля была окончательно истощена. Как раненый зверь, французское войско могло еще докатиться до Москвы, по силе инерции. Но там оно должно было погибнуть без всяких усилий с нашей стороны»²⁹. Как видим, единственным объяснением происходящего оказывается нравственное превосходство русских над французами; схема, кажется, нисколько не изменилась со времен Павлова и других романистов первой половины столетия.

Тенденциозная репрезентация истории становится уделом в основном низовой беллетристики, романа-фельетона. Иные формы художественного воплощения прошлого в настоящем постепенно занимают свое место в литературном процессе. И литература об Отечественной войне позволяет продолжить разговор об этих иных формах, появившихся очень рано, но претерпевших сложную эволюцию.

²⁶ Дмитриев Д. С. Кавалерист-девица. М., 1898; Дмитриев Д. С. Русский американец. СПб., 1912; Зарин-Несвицкий Ф. Е. За чужую свободу. М., 1912 и др.

²⁷ Кондратьев И. К. Драма на Лубянке. Божье знаменье. М., 1992. С. 315.

²⁸ Там же. С. 267–268.

²⁹ Там же. С. 316.

Особую роль вымысла в историческом романе подчеркнул Н. И. Надеждин в рецензии на «Рославлева» (1831): у Вальтера Скотта впервые «свободный выбор и устройство занимательных точек зрения» сменяет историю и ее «непреложный угол естественной перспективы»³⁰. От идей, от побуждений, руководящих романистом, от глубины и зрелости таланта, проявляющегося в их раскрытии, зависит художественный успех исторического романа. И новые способы организации художественного представления истории должны были сообщить жанру ощущение реальности и художественную убедительность. Знакомый сказочный сюжет становился основой произведения, будучи условно привязан к условному прошедшему времени. История подавалась как чистый вымысел, хотя в фольклорные формы со временем вносилось все больше оригинальности. Примером полной реализации такой репрезентативной техники, лишь намеченной на рубеже веков (и получившей развитие в поэме Пушкина «Руслан и Людмила»), стало творчество В. Т. Нарезного. Его «Славенские вечера» (1809–1826) — публицистический гимн доблести славян, находящийся в тесной связи с внешнеполитической обстановкой и ожиданием войны. Это скорее задуманная весьма оригинально поэма в прозе, а не цикл исторических повестей. Однако финалом цикла, связывающим времена «русских богатырей» с современностью, стало изображение событий 1812 года в повести «Александр». Даже Париж здесь именуется «древним именем» Лютеция, а действия императора представлены в псевдофольклорном ключе: «Востекло солнце светозарное. Воссел Александр на коня своего бурного; вожди полков его последовали ему. Он пролетел ряды свои бесчисленные, и став посередине, вешал: “Воины, <...> вижу рвение ваше неодолимое отворить ворота гордого града и пригвоздить к вершине башен его орлов русских!”»³¹

Сказочно-условная репрезентация недавнего прошлого, конечно, не была продуктивной; а вот поиск в этом прошлом «скрытых пружин», наоборот, оказался весьма интригующим. Здесь следует привести в пример прежде всего «дюмасовские» романы Р. М. Зотова.

³⁰ Надеждин Н. И. Литературная критика. Эстетика. М., 1972. С. 279.

³¹ Нарезный В. Т. Романы и повести Василия Нарезного. Изд. 2-е. М., 1836. Ч. 10. С. 223.

А. М. Скабичевский, находя исторические концепции писателя «бедными», отметил совершенно особое построение его прозы, где романические главы правильно чередовались с историческими. Эта композиция, позволявшая «не читая, перевертывать те главы, в которых излагается скучная история, и переходить лишь к тем, где заключались разговоры действующих лиц»³², реализовалась во всей полноте в массовой исторической прозе конца века (В. П. Авенариус, Е. А. Салиас и др.). Конечно, в основе такого рода сочинений лежала модель, предложенная А. Дюма, которой в разное время пользовались самые разные литераторы. А в 1830-х гг. в России у Зотова было не так уж много последователей, хотя десятилетием позже некоторые романисты «патриотического» направления восприняли сам принцип внешнего построения исторических романов по образцу Зотова. Популярность его прозы некоторое время была очень велика; ее композиционная организация мотивирована особыми воззрениями романиста на сочетание популяризации и развлечения; у Зотова история и вымысел отнюдь не так жестко разделены, как казалось Скабичевскому: «У него правильно чередуются главы романические и исторические»³³. Оригинальность концепции Зотова для русской литературы того времени несомненна, но ее влияние на русскую литературу и первой, и второй половины XIX в. не могло быть сколько-нибудь глубоким из-за целого ряда внутренних неувязок, сводивших на нет все новаторство репрезентационных техник.

Базовая модель построения «текста о прошлом» у Зотова была донельзя примитивной, но в ее тенденциозную по существу основу он сумел ввести элементы фактографии. Первый же его роман — «Леонид, или Некоторые черты из жизни Наполеона» (1831) — содержал полное развитие этой модели, остальные были более или менее неудачными попытками перенести ее на иную историческую почву и как-то дополнить. Но при всей своей внешней мобильности концепция Зотова не подвержена никакому развитию. Созданное им описание динамики истории осталось формальным и поверхностным и тяготело к признанию

³² Скабичевский А. М. Наш исторический роман в его прошлом и настоящем // Скабичевский А. Соч.: В 2 т. СПб., 1890. Т. 2. Стлб. 767.

³³ Там же.

status quo, которое дает тенденциозное обоснование всему происходящему с историческими и вымышленными лицами.

Преимущественный интерес романиста к личности и эпохе Наполеона I объясняется не только участием Зотова в войне 1812 года³⁴ и хронологической близостью этих событий, но и своеобразной исторической концепцией писателя. Вторая половина заглавия романа Зотова («Некоторые черты из жизни Наполеона»), над которой иронизировал Белинский, отнюдь не случайна. У автора книги это указание на невозможность в принципе показать в историческом романе все черты какой бы то ни было эпохи или царствования. Многие поступки, их причины и цели окутываются флером не столько легенды, сколько загадки, и ключ к ней лежит в важнейших для Зотова понятиях – «политика», «гражданская жизнь». Эта жизнь первенствует даже в сфере интимных отношений. Через все любовные коллизии в романе проходит мысль о первенстве таинственного долга перед некими силами. Здесь показательна прежде всего история графини Авроры, участницы тайных обществ, сыгравшей немалую роль в судьбе героя. Когда Леонид нарушает тайну, Аврора без колебаний оставляет его: «Если бы грустный остаток дней моих не был нужен для содействия высокой цели, коей посвятила я всю мою жизнь, я в тот же день умервила бы себя»³⁵. Сюжеты всех романов Зотова сводятся к одной коллизии: молодой человек, оставив узкий круг семейной жизни, приобщается на более или менее продолжительный срок к большой политической деятельности наравне с высокопоставленными лицами, ведущими эту игру. С достижением ряда политических целей герой осознает, что стоит на доступной ему вершине гражданской жизни, и оставляет общественное поприще для частной жизни. Для гениев уход от политической игры равнозначен смерти; эта мысль наиболее подробно развита Зотовым в романе «Фра-Диаволо» (1839), где речь идет в том числе и о падении Наполеона.

В «Леониде», как и в других романах, Зотов то и дело принимается, по его собственным словам, «вместо будуарных сцен описывать битвы,

³⁴ В 1836 г. были изданы «Рассказы о походах 1812-го и 1813-го годов прапорщика Санкт-Петербургского ополчения Р. М. Зотова», отражающие реальный опыт и в незначительной степени перекликающиеся с текстом «Леонида».

³⁵ *Зотов Р. М.* Леонид, или Некоторые черты из жизни Наполеона. М., 1994. С. 435.

стоившие жизни тысячам, принесшие и победителям, и побежденным много славы, а пользы — никому»³⁶. Но в данном случае автор ведет речь только о самом внешнем в общественной жизни, описывая перемещения войск во время известных сражений и тексты политических договоров. Подоплеку же, истинную мотивировку этих событий Зотов дает в «романических» главах, предлагая своеобразное домысливание пружин «политики». Только гений Наполеона равно проявляется во «внешней» и «внутренней» дипломатиях. И сухие документальные главы содержат психологическую характеристику его поступков, и главы романические демонстрируют его «внешнее» политическое поведение. Наполеон, принимающий участие в судьбе Леонида, одновременно занят важнейшими государственными вопросами, но автор везде подчеркивает его «порывы пылкости», делающие гения живым человеческим существом: «Обыкновенно неразговорчивый, когда дело шло о всяком другом предмете, Наполеон вдруг оживлялся при описании военных планов; отрывистые его фразы растягивались и плодились; суровость нрава и обращения превращались в итальянскую, живую жестикуляцию»³⁷. Именно такой герой идеален для авторской системы. И, хотя по временам способен на «низкие» чувства и действия, на забвение общественных интересов, он тотчас же возвращается к человеческой норме, показывая чудеса в «гражданской жизни».

Само понятие *политика* в «Леониде...» объясняется неоднозначно. Советчики Евгения, давшие ему в детстве наставления «в духе правды, силы и страха Божия», объясняют направляемому ими в «большой мир» герою: «Цель общества, пружина всех действий человеческих, мерило взаимных отношений людских есть собственная выгода каждого; покорство силе (нравственной или физической) есть первое условие общежития»³⁸. Там же дается представление о равной необходимости «правды и твердой воли» и «кротости и уклончивости» для достижения «справедливой пользы». Но сам герой мало что способен сделать во имя этой «пользы», пока его не вовлекают в сферу тайной дипломатии. Первоначально

³⁶ Там же. С. 183.

³⁷ Там же. С. 247. Именно этими порывами объясняются военные успехи и поражения Наполеона. См., например, описание кампании 1809 г. (С. 351–356) и др.

³⁸ Там же. С. 48.

он лишь пассивный наблюдатель, однако позднее включается в нее на правах активного деятеля: Леонид, сначала безвольно подчинявшийся планам графини Авроры, вскоре находит в себе силы к исполнению сложных поручений, связанных с проникновением под вымышленным именем в иллюминатские и розенкрейцерские ложи Европы. Вывод героя из обретенного опыта таков: «...высокая цель — это по большей части один предлог, скрывающий или личные пользы, или злонамеренные замыслы. Всякое тайное частное усилие *против порядка, существующего в обществе*, разрушает связи гражданства». Единственный возможный заговор — «к возвращению престола законному правителю»³⁹, то есть к восстановлению status quo. Сам Наполеон подтверждает это: «Цель их — низвержение всех престолов, всех властей. Вот свобода, которой они хотят!»⁴⁰ Однако именно заговоры являются движущей силой европейской и русской политики в последующих романах Зотова. Объясняя все поступки и желания людей их политическими устремлениями и состоянием государства, романист нигде не фиксирует «политику» как некую данность, исключая отдельные пафосные высказывания, противоречащие всему сюжету (как в «Леониде...»). Зотов, разумеется, верноподданный монархист, но в его исторической концепции монархия фигурирует как некий абстрактный символ, одно из вещественных проявлений «политики». Статика принципиально невозможна в общественной жизни; поэтому неизменные национальные качества не играют особой роли в исторической перспективе, и в прошлом первенствуют сиюминутные требования «гражданской жизни». Зотов иногда перечисляет свойства национальных характеров, как бы отдавая дань созданной Загоскиным в историческом романе модели: «Ни в какой земле вы не найдете в женщинах столько живости, любезности, непринужденности и страсти к волокитству, как в Польше»⁴¹. Но реальное применение национальных моделей описания прошлого Зотов практически исключает.

Примерно то же самое обнаруживается и в нравственной сфере человеческого существования. Поступки героя, бесстрастно или

³⁹ Там же. С. 343.

⁴⁰ Там же. С. 350.

⁴¹ Там же. С. 142.

сочувственно фиксируемые автором, нередко не соответствуют представлениям читателей о нормах морали: Леонид не хранит верности своей идеальной возлюбленной — Наташе, изменяя ей и с графиней, и с горничной. В романах из иных, более удаленных эпох, герои допускают еще большие вольности — чего стоит хотя бы оправдываемое автором убийство Груни в «Таинственном монахе» (эта сцена подробно разобрана А. Скабичевским⁴²). Отношение автора к любви стало притчей во языцех и дало критикам повод упрекать его едва ли не в пропаганде мусульманства⁴³. Но дело не только в происхождении романиста и не в скандальности адюльтерных сцен, которыми Зотов пытался (небезуспешно) привлечь интерес публики. Поведение его героев в сфере интимной жизни основано все на той же мобильной системе «политических» постулатов: все их измены возлюбленным — большей частью не прихоть, а исполнение требований, накладываемых новым образом жизни на «гражданской» арене. Связь Леонида с заговорщицей Авророй, на что неоднократно намекает сама графиня, является удачным и важным ходом в игре «тайной дипломатии»; следствием этой связи становится и быстрое продвижение Леонида на новом поприще, и даже спасение Наполеона. Таких интерпретаций исторических событий у Зотова поистине огромное количество. Будуар — вот место, где вершится большая политика; войны же и договоры — только внешние атрибуты и следствия ее внутренней деятельности.

Здесь романист допускает значительные преувеличения в угоду собственной идее. Образ гения — Наполеона — является связующим звеном между двумя сюжетными линиями «Леонида», но образы Петра I, Павла I и других российских венценосцев Зотову не удалось. Политические интриги и все, что с ними связано, представлены внешне весьма изобретательно, но это по большей части только маскирует тяготеющую к тенденциозности трактовку социальной жизни. Полное отсутствие хоть какого-нибудь внешнего правдоподобия в этом и последующих романах Зотова (исключениями являются лишь некоторые

⁴² Скабичевский А. М. Наш исторический роман в его прошлом и настоящем. Стлб. 763–766.

⁴³ Там же. Стлб. 754 и след. См. также: Белинский В. Г. [Рец.:] Леонид, или Некоторые черты из жизни Наполеона. Изд. 2-е // Белинский. Т. 4. С. 319.

из его произведений о событиях 1812 г.⁴⁴) не могло привлечь новых поклонников к сочинениям писателя.

Толстой недаром перечитывал «Леонида», работая над «Войной и миром». Конечно, для описания истории-случайности нужна определенная философская установка. Требовалась цельность изображения, первоначально достигавшаяся единством описания прошлого и настоящего. Это касается замысла «Декабристов», в которых от описания людей прошлой эпохи Толстой планировал перейти к современности. Дальнейшая история «Войны и мира» всем известна. В статье «Несколько слов по поводу “Войны и мира”» Толстой ясно выразил то, что проявилось уже в работе над «Казаками»: «...заявление о пренебрежении автора к условным формам прозаического художественного произведения могло бы показаться самонадеянностью, ежели бы оно было умышленно и если бы оно не имело примеров в истории»⁴⁵. Художественное воспроизведение истории требует не формальной верности литературному или историческому канону, а точности описания неповторимых душевных движений. А линейность этих движений раскрывается в «Войне и мире» в точности в тех же формулах, что и в «Казаках»: «Людовика XVI казнили за то, что они говорили, что он бесчестен и преступник <...>. Потом Робеспьера казнили за то, что он был деспот. Кто прав, кто виноват? Никто. А жив — и живи: завтра умрешь, как мог я умереть час тому назад»⁴⁶. Соприкосновение с историей совершается не в авторском тексте, а в сознании персонажа. А для героев Толстого все исторические события не закономерны, а случайны, интерпретация уникального стечения обстоятельств в рамках повествования не предполагается.

Однако в цельном мире «книги» исторические факты, которые при всей своей удаленности и незначительности необходимы для проникновения в «душевную жизнь» персонажей, наконец обретают фиксированное положение в структуре произведения. «Течение жизни» передается в судьбах людей, изображаемых Толстым, осмысление происходящего — в «философских» главах. Между ними — главы исторические,

⁴⁴ Романы «Бородинское ядро и Березинская переправа» (СПб., 1844), «Два брата, или Москва в 1812 году» (СПб., 1850).

⁴⁵ Толстой. Т. 16. С. 7.

⁴⁶ Там же. Т. 10. С. 30.

поставляющие материал для философии случая⁴⁷. Логика писания истории отображена в дневниках Толстого: «Каждый исторический факт необходимо объяснять человечески и избегать рутинных исторических выражений. Эпиграф к Истории я бы написал: “Ничего не утаю”»⁴⁸. Толстой стремится не скрывать факты, как можно более полно воспроизводя события прошлого. Но значение исторического факта в его системе репрезентаций уже иное, нежели предложенное Пушкиным в «Капитанской дочке»⁴⁹. На смену строгому сцеплению тщательно подобранных фактов приходит безграничный набор случайностей. Толстой говорил А. В. Жиркевичу: «В “Войне и мире” отдельные лица ничего не значат перед стихийностью событий»⁵⁰. Но ничего не значат и отдельные события; изображение жизни как она есть потому и производит в эпопее столь ошеломляющее впечатление, что невозможно не поддаться очарованию исходной установки — «заставить любить жизнь в бесчисленных, никогда не истощимых всех ее проявлениях» (из письма П. Д. Боборыкину)⁵¹. Художественное осмысление истории меняется — из цепочки фактов она превращается в безграничное собрание случаев. И значение этой трансформации сложно переоценить.

Рассуждая о специфике толстовского историзма, исследователи неоднократно поднимали вопрос о продолжении пушкинской традиции: «В сущности, только Лев Толстой в “Войне и мире” вернулся на путь «Капитанской дочки» — в смысле естественного и жизненного сочетания личных судеб вымышленных героев с историческими событиями и судьбами народа»⁵². Но ради этой естественности Толстой существенно изменяет принцип художественного представления истории, оказав тем самым огромное влияние на все будущие репрезентационные схемы.

⁴⁷ Логическим завершением данного подразделения стало издание 1873 г., которым Толстой остался недоволен по причине исчезновения «бесконечного лабиринта сцеплений» (Толстой. Т. 62. С. 69). См.: Бабаев Э. Г. О единстве и уникальности «Войны и мира» // Яснополянский сборник 1988. Тула, 1988. С. 67–84.

⁴⁸ Толстой. Т. 46. С. 212.

⁴⁹ См.: Сорочан А. Ю. Мотивировка в русском историческом романе 1830–1840-х годов. С. 73–83.

⁵⁰ Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1978. Т. 2. С. 17.

⁵¹ Толстой. Т. 61. С. 100.

⁵² История русского романа. М; Л., 1962. Т. 1. С. 201. См. об этом: Ищук Г. Н. Лев Толстой — читатель Пушкина // Яснополянский сборник 1982. Тула, 1984. С. 57–67.

И ключевым, разумеется, оказался сюжет, связанный с Отечественной войной.

Модель, предложенная Толстым, претерпевала различные трансформации. Е. А. Салиас попытался упростить ее⁵³, Г. П. Данилевский пошел по иному пути. В 1880-х гг. Данилевский является одним из самых популярных исторических романистов. Его книги становятся явственным продолжением пушкинской традиции, раскрытие «правды факта» оказывается едва ли не единственной целью исторической прозы в этой модификации. Именно поэтому, пожалуй, несправедливы упреки в заимствовании у Толстого, особенно часто звучавшие в связи с романом «Сожженная Москва» (1886). В 1885 г. Данилевский посетил Толстого в Ясной Поляне⁵⁴; после этого Толстой практически заставил Данилевского опубликовать роман⁵⁵. Рассуждения о соперничестве с Толстым сам автор считал «издевательством»⁵⁶; в этом нет ничего удивительного — пушкинский опыт для романиста оказался важнее толстовского. Все поздние романы Данилевского подтверждают, что в репрезентации исторических событий он отталкивается от пушкинских установок. В «Сожженной Москве» их отчасти заслонял «толстовский» сюжет⁵⁷, а в последнем завершенном романе Данилевского сюжет избран как раз пушкинский — и «Черный год» демонстрирует отказ от «случайности» истории ради построения некой «закономерности».

⁵³ См. об этом: Сорочан А. Ю. От осуждения к обсуждению: Репрезентации декабристской идеологии в русской исторической беллетристике XIX века // Литература и человек (Писатели, читатели, филологи). Тверь, 2007. С. 61–63.

⁵⁴ Г. П. Данилевский написал по итогам визита очерк «Поездка в Ясную Поляну»; см. об этом: Сорочан А. Ю. Читатель в гостях у писателя (Визит Г. П. Данилевского в Ясную Поляну: Тема и вариации) // О литературе, писателях и читателях. Вып. 2. Тверь, 2005. С. 86–92.

⁵⁵ См.: Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 590–592.

⁵⁶ Свиясов Е. В. Г. П. Данилевский // Русские писатели: Биографический словарь. М., 1992. Т. 2. С. 82.

⁵⁷ Принципы соотношения факта и вымысла в «Сожженной Москве» рассмотрены в статье: Строганова Е. Н. В. В. Перовский: «Историческое лицо» и литературный персонаж // Война 1812 года и русская литература: Исследования и материалы. Тверь, 1993. В этой же работе показано, как использует Данилевский толстовские и пушкинские находки, насыщая роман «необработанной жизненной правдой» (с. 43).

Целостное воплощение исторической коллизии в цикле произведений предполагало обращение и к материалу Отечественной войны. В художественно-публицистических книгах Н. А. Полевого⁵⁸ 1812 год становится частью «уроков истории»; но если обратиться к исторической романистике, то наиболее характерен пример Д. Л. Мордовцева, в сочинениях которого история также постигается с оглядкой на опыт современности; романист формирует представление о смысле и уроках прошлого. Но исторические коллизии репрезентируются на весьма своеобразной основе⁵⁹.

В начале 1880-х гг., после сочинений на украинском языке, научных исследований и публицистических работ, исторических произведений о петровской эпохе, появляются романы, в которых окончательно определяется оригинальная творческая манера писателя. И самым объемным был «Двенадцатый год» (1880), занимающий очень важное место и в творчестве Мордовцева, и в раскрытии данной темы в русской прозе. Здесь традиционная патриотическая фразеология соединилась с экспериментальным подходом литератора к истории. Проявилось это, в частности, в выборе главного героя, точнее — героини.

Писатель, становящийся персонажем, — явление для конца XIX в. не самое тривиальное. Из прототипов и объектов пародирования авторы превратились в полноправных действующих лиц. Н. А. Дурова, пожалуй, из женщин-литераторов чаще других становилась персонажем беллетристических сочинений. Впрочем, уже сама писательница предвосхитила автобиографическими по преимуществу сочинениями произведения последующих беллетристов. И сама стала персонажем книг, более или менее увлекательных и занятных. Редкое сочинение о 1812-м годе обходилось без упоминания Дуровой и ее подвигов. Но в книгах Мордовцева эти упоминания имеют особый смысл.

Исследователи обращали внимание на опыты психологического анализа «женской души» в романе Мордовцева «Великий раскол»,

⁵⁸ *Полевой Н. А.* История Наполеона. Т. 1–5. СПб., 1844–1848; *Полевой Н. А.* Русские полководцы. СПб., 1845 и др.

⁵⁹ См.: *Сорочан А. Ю.* Квазиисторический роман в русской литературе XIX века: Д. Л. Мордовцев. Тверь, 2007.

повести «За чьи грехи?»⁶⁰ и романах из древних времен⁶¹. Этому можно найти биографические объяснения⁶². Отмечали и упрощенное построение внутренних монологов, и модернизацию душевной жизни, и стереотипное изображение женских характеров. Все это касается и судьбы персонажа Дуровой в той интерпретации, которую дал ей Мордовцев.

Писатель обращался к истории Отечественной войны трижды: в рассказе «Кто-то вернется?» и в романах «1812-й год» и «Вельможная панна». В рассказе Дурова только упоминается, в «1812-м годе» она становится главной героиней, а в «Вельможной панне» Дуровой посвящены несколько глав в заключительной части книги. Но первому из этих произведений предшествовало обращение Мордовцева к истории Дуровой в цикле очерков «Русские женщины нового времени» (1872–1875). И в этом многократном возвращении беллетриста к одному сюжету, для Мордовцева вообще-то типичном, есть глубокий смысл. Мордовцев писал: «Женщины ярко и отчетливо, как гулкое эхо, выражают все то, чем жила, крепла, скорбела русская земля»⁶³. Дурова вписывается в создаваемый беллетристом ряд исторических фигур, как «женщина в мужском мундире»; но в этом отношении ее можно сравнить только с княгиней Дашковой. И, конечно, для Мордовцева Дурова — это писательница в длинной галерее женщин-писательниц в очерках Мордовцева — от Княжнинной до Екатерины Великой. С точки зрения писателя, обращение к судьбам литераторов дает превосходное представление об историческом прошлом и способствует прояснению основной идеи; героем повествования о важных исторических событиях становится писатель. Именно литература — это «борьба за идею правды и добра, за чистоту человека»⁶⁴. И в таком литературном ряду Дурова предстает воительницей, сражающейся с косностью и пороками.

Две стороны характера «кавалерист-девицы» (женщина в роли мужчины и писательница) и разрабатываются в романе «1812-й год».

⁶⁰ Панов С., Ранчин А. Д. Л. Мордовцев и его историческая проза // Мордовцев Д. Л. За чьи грехи? Великий раскол. М., 1990. С. 29–30.

⁶¹ Мордовцев Д. Л. Замурованная царица... С. 365.

⁶² См., в частности: Момот Д. С. Даниил Лукич Мордовцев: Очерк жизни и творчества. Ростов-на-Дону, 1978. С. 41–50.

⁶³ Мордовцев Д. Л. Русские женщины нового времени. М., 1875. С. IX.

⁶⁴ Там же. С. 72.

Самое начало романа указывает на более чем аккуратное использование «Записок кавалерист-девицы» Дуровой. Лунная ночь. Семнадцатилетняя барышня, готовящаяся к побегу. Непременный поцелуй маменьки — редкая родительская ласка, помянутая и в первоисточнике. И, конечно, сентенции, с которыми не хочет смириться героиня: «Мама говорит, что женщина — раба, жалкое существо, игрушка мужчин... Нет, я не хочу этого — я буду свободна!»⁶⁵ Сравним с «Записками кавалерист-девицы» Дуровой: «Женщина, по ее мнению, должна родиться, жить и умереть в рабстве; что вечная неволя, тягостная зависимость и всякого рода угнетение есть ее доля от колыбели до могилы»⁶⁶. Как видим, сходство разительное. И примеры такого использования «Записок...» можно продолжить. Встречи Дуровой с императором — практически точное повторение мемуарного текста. В тех фразах, которые писательница выделила курсивом, Мордовцев не меняет ни слова. Есть в романе и присоединение к казачьему эскадрону, и награждение «Георгием», и встречи с Кутузовым, и контузия, и многое другое. Завершается книга в том же самом месте, где обрываются «Записки...», — возвращением на «тихие берега Камы».

Роман насыщен цитатами из вроде бы документальных источников — писем, записок, донесений. Значит ли это, что «Записки...» Дуровой просто используются как основной из таких источников — как документ, точно воспроизводящий исторические события? Будь так, оказался бы «1812-й год» в одном ряду с книгами В. П. Авенариуса и Ал. Алтаева — биографическими повестями для юношества, в которых дается идеальный образец построения собственной судьбы в соответствии с нехитрыми жизненными принципами. Но книга Мордовцева оставляет куда более странное впечатление — и никуда это впечатление не исчезает при повторном чтении.

Мордовцев в 1879–1880 гг., во время написания романа, скорее всего знал истинную дату рождения Дуровой. В момент побега из родительского дома ей было не семнадцать, а двадцать три года; эти даты

⁶⁵ Мордовцев Д. Л. Полн. собр. исторических романов, повестей и рассказов: В 36 т. Пг., <1914>. Т. 3. С. 2.

⁶⁶ Дурова Н. А. Избр. соч. кавалерист-девицы. М., 1988. С. 34.

упомянуты в биографии Дуровой, опубликованной в «Вятских губернских ведомостях» (1866). У Мордовцева было немало корреспондентов в Вятке, и уже во время писания очерка он знал правду, хотя не знал, судя по всему, о муже и сыне Дуровой (статья Н. Н. Блинова с этими данными попала в редакцию «Исторического вестника», когда роман был уже сдан Суворину)⁶⁷. Почему же Мордовцев, который писал исторический роман, использует не документальный источник, а художественный вымысел?

Но возвратимся к описанию бегства Дуровой из дома, начальные эпизоды которого мы уже рассматривали. Героиня созерцает конец весны: «И весь весенний говор природы, и сны золотые наяву – уходят в невозвратное прошлое... Птицы воротятся опять, а грезы не воротятся»⁶⁸. Далее героиня представляет людей «земными паразитами на атоме вселенной», а небо – «пустым, холодным, бесконечным пространством»⁶⁹. «Если бы они не были ничтожествами, они создали бы на земле рай»⁷⁰. Героиня воображает себе двух лебедей – духов времени, которым люди кажутся «роем сереньких мошек». И далее идет всем известное описание «роевой жизни», природы и истории, «не знающих скачков». Восходящие к Л. Н. Толстому приемы в описании событий 1812 года и их причин были неизбежны в эту эпоху: «Случилось то, что согласно всему ходу дел человеческих должно было случиться неизбежно»⁷¹. Опираясь на этот постулат, Мордовцев доходит до прямых заимствований из «Войны и мира». Ключевые эпизоды, появляющиеся в его огромном романе, ничего общего не имеют с «Записками кавалерист-девицы». В самый разгар битвы при Фридланде Бенигсен думает только о гречневой каше, на переправе в Тильзите спутники Дуровой рассуждают: «Что это за сборище? И почему все эти массы толпятся у берега?»⁷². Совершенно иным, нежели у Дуровой, предстает и Кутузов. В «Записках...» восторженно описывается

⁶⁷ Издана работа гораздо позднее: *Блинов Н. Н.* «Кавалерист-девица» и Дуровы: (Из Сарапульской хроники) // *Исторический вестник*. 1888. № 2. С. 414–420.

⁶⁸ *Мордовцев Д. Л.* Полн. собр. исторических романов, повестей и рассказов. Т. 3. С. 20.

⁶⁹ Там же. С. 21.

⁷⁰ Там же. С. 22.

⁷¹ Там же. С. 316.

⁷² Там же. С. 55–56.

«маститый старец», Дурова не замечает в полководце никаких недостатков. У Мордовцева героине бросаются в глаза и слабость, и старость Кутузова. А в эпизоде, когда фельдмаршал жует куриное крылышко, почти не вслушиваясь в донесения с поля битвы, и произносит: «Голубчик, посмотрите, нельзя ли что-нибудь сделать?» – все становится на свои места. Образ Дуровой попадает в роман, написанный целиком «в манере Толстого»; используется сюжетная канва «Записок» там, где она не противоречит «Войне и миру». Выходит, автор всецело полагается на опыт маститого предшественника.

Но и это не совсем так. Такой ответ на вопрос о построении романа «1812-й год» был бы слишком прост. Мордовцев использует исторические факты иначе, нежели Толстой. И подбор источников у него странный. Письма Давыдова к Пушкину и Загоскину цитируются обильно. Но это не документы, а литературные сочинения, рассчитанные на публикацию (известно, что Загоскин собирался приложить тексты поэта-партизана к переизданию «Рославлева»⁷³, а Пушкин – к «Запискам...» Дуровой⁷⁴). Афиши Ростопчина – тоже произведения «поэтические», записки Сперанского – попытка оправдаться перед потомками. Можно привести огромное количество литературных цитат, в ряду которых особую роль играет одна, повторяющаяся в разных вариантах во всех трех художественных произведениях Мордовцева, где упоминается Дурова.

Во всех перечисленных текстах повторяется одна и та же сцена, которой нет и не может быть в «Записках...»; анализ соответствующих фрагментов помогает прояснить специфику исторического видения зрелого Мордовцева. Итак, В. А. Жуковский после Бородинского сражения читает собравшимся у костра героям своего «Певца во стане русских воинов». Звучат фрагменты, адресованные присутствующим в книге персонажам, и таким образом их роль в событиях обретает некую

⁷³ Загоскин строит описание внешности и характера Фигнера («мрачного артиллерийского офицера») на цитатах из писем Давыдова. См.: Библиографические записки. 1861. № 18. С. 552–553.

⁷⁴ Именно в таком ключе следует воспринимать письмо Давыдова к Пушкину от 10 августа 1836 г., содержащее в дополнение к «Запискам кавалерист — девицы» ряд исправлений, уточнений и личных воспоминаний (*Пушкин*. Т. 16. С. 151–153).

завершенность. Дурова присутствует на заднем плане и наблюдает вдохновенное чтение и реакцию на него. В ее собственном описании Бородино связано с «адским днем» и контузией. Мордовцев же дает серию возвышенных, поэтических картин, главная из которых многократно повторяется. Жуковский и Карамзин выражают в романе взгляды автора: «Область знания – бесконечна... И пылливость духа человеческого – бесконечна. <...> Могущество мысли — безгранично»⁷⁵. Поэтому Жуковский, читающий из блокнота черновые наброски, больше сообщает о великой битве, чем авторы множества реляций и историки-исследователи. В романе «Вельможная панна» реакция Дуровой на чтение Жуковским своих стихов такова: «У Дуровой вырвался из груди глубокий вздох, словно стон, все взглянули на нее <...>. Дурова поняла глубокое горе поляка. У нее все осталось, все это свое, родное»⁷⁶. «Потрясение», «смятение» – вот лучшее описание реакции слушателей. Точно так же в рассказе «Кто-то вернется?» (1899) лишившийся руки офицер Красильников рассказывает на вечере, как ему привелось слушать Жуковского у костра. Большой частью слушатели – потомки казаков, поэтому особое внимание уделяется атаману Платову, признанию его заслуг и его смерти. Однако Мордовцеву удается избежать патетики, варьируя реакцию слушателей: «Впрочем, тогдашние барышни на Дону не знали, что такое обморок»⁷⁷. Мордовцев демонстрирует, насколько полно и глубоко толкует историю поэт, художник.

Сходные приемы (литературные дуэли, тексты в исполнении авторов, прерывающие развитие сюжета) встретятся в большинстве книг Мордовцева. Пушкин, Гоголь, Грибоедов и Плетнев читают стихи друг друга в романе «Железом и кровью». Читает своих современников-поэтов герой романа «За всемирное владычество». Читает пушкинские строки автор в «Державном плотнике». И везде литературный текст становится основой восприятия исторических событий; история видится именно в зеркале литературы. Иногда такое отношение к художественному

⁷⁵ Мордовцев Д. Л. Полн. собр. исторических романов, повестей и рассказов. Т. 3. С. 78.

⁷⁶ Мордовцев Д. Л. Вельможная панна. Курск, 1995. С. 561–563.

⁷⁷ Мордовцев Д. Л. Полн. собр. исторических романов, повестей и рассказов. Т. 8. Кн. 2. С. 201.

слову обретает почти карикатурные черты: в первой части романа «Двенадцатый год» Пушкин, Кюхельбекер, Грибоедов и дети Сперанского играют в петербургском саду, при этом все декламируют стихи⁷⁸. Другая «балаганная» сцена – московский благотворительный базар – сделана куда эффектнее. Стремление вывести как можно больше исторических лиц дает в данном случае противоположный результат, но автор насыщает роман не столько историческим, сколько литературным контекстом. Для характеристики такой прозы, в которой история опирается на литературу, а не наоборот, мы и будем употреблять термин «квазиисторический».

И именно в такой прозе Дурова-героиня выглядит вполне уместно. Она — писатель, автор и в то же время — персонаж, действующий по литературным законам: недаром Мордовцев так много внимания уделяет гипотезе, согласно которой идею побега Дуровой подсказала история Параша-сибирячки. Многократно интерпретированная в поэзии, прозе и драматургии, эта литературная история – отправная точка «дуровского сюжета», далее развивающегося не по законам истории, а в соответствии с его единственно истинной поэтической интерпретацией. И поэтому во всех трех эпизодах Дурова присутствует рядом с читающим Жуковским. А в контексте романного целого – рядом с Толстым, с Ростопчиным, с Карамзиным и Крыловым. И – добавим – рядом с Пушкиным. Неоднократно повторяется в романе формула «изданные Пушкиным записки». Пушкин, как мы знаем, «Записок...» Дуровой не издавал; из писем неясно даже, читал ли он книгу целиком. Но Дурова попадает в литературный ряд; книга ее – литературный, а не документальный источник. И писательница попадает на арену не истории, опирающейся на факты, а квазиистории, отталкивающейся от художественного слова. Здесь «Записки кавалерист-девицы» оказываются как раз незаменимы — особенно если учесть скудость исторических сведений о Дуровой и полноту картины, воссозданной в ее произведении.

Подобную же «литературность» темы Отечественной войны неоднократно используют авторы исторических произведений для детей

⁷⁸ См. Сорочан А. Ю. Грибоедов — герой Д. Л. Мордовцева // А. С. Грибоедов. Хмелитский сборник. Вып. 9. Смоленск, 2008. С. 195–202.

и юношества, в которых все описание прошлого сводится к серии уроков, сюжет становится лишь поводом для них.

Подобные установки можно обнаружить в книгах Л. Чарской, Н. Северина и др. В произведениях С. М. Макаровой следование нормативам исторической беллетристики для взрослых становится еще более очевидным. Ее роман «Грозная туча» (1888), выдержавший до 1917 г. более десятка изданий, очень сильно напоминает «Двенадцатый год» Мордовцева. Романистка представляет читателям мозаику исторических эпизодов, весьма прихотливо сменяющих друг друга. При этом патриотическая идея не выносится на первый план; многие фрагменты посвящены французам, изображаемым с той же симпатией, что и русские. Вымышленные персонажи на равных правах сосуществуют с историческими; в романе для юношества этому способствует общая интонация повествования, поскольку книга представляет собой ряд экскурсов в историю народа. Юным читателям адресованы развернутые географические описания, содержащие узнаваемые «общие места»: «Москва существует около семи с половиною столетий. Это один из самых обширных городов. Построен он, подобно Риму, на семи холмах. Самый высокий из этих холмов, Боровицкий, находится в центре Москвы»⁷⁹. Используются и сведения из истории культуры — прежде всего в диалогах и монологах: «...вот та молодая девушка разговаривает в эту минуту с Шлегелем. Его-то вы, верно, знаете, нашего известного поэта и мыслителя Августа Вильгельма Шлегеля. Он воспитатель детей госпожи Сталь и бежал вместе с нею из Вены»⁸⁰. Подобные отступления и «познавательны», и создают исторический колорит. Они уравнивают в правах героев выдуманных и реальных; все персонажи существуют в едином культурном контексте. С. М. Макарова не перегружает роман излишними подробностями, быстро переходя от одних событий к другим. Вообще, мозаичность свойственна и другим ее историческим произведениям. И в композиции книги реализуется стремление автора рассказать «обо всем», отыскать в истории что-то интересное для всех читателей. Историческая коллизия интересна лишь в том случае, если прошлое

⁷⁹ Макарова С. М. Грозная туча. М., 1995. С. 162.

⁸⁰ Там же. С. 187.

становится отправной точкой для серьезных размышлений о настоящем. Здесь опять на помощь приходит литература. Как и «Двенадцатый год», роман Макаровой населен героями-литераторами — как любителями, так и профессионалами. И заданный Мордовцевым тип отношений истории и литературы реализуется в «Грозной туче» с завидной полнотой. На страницах романа появляются Гнедич, Крылов, Батюшков, Милонов, рассуждающие о «могуществе слова». Писатели в один голос решают: «...дело не в силе, а в одушевлении»⁸¹. Вечные образы и темы приближают историю к читателю, судьбы простых людей, неразрывно связанные с судьбами великих, помогают продемонстрировать важность прошлого для настоящего. Естественно, финал романа дидактичен, но дидактизм этот органически связан с исходным материалом. Охарактеризовав события 1812 года, автор объясняет их непреходящую важность для своих современников так: «От грозы воздух очищается, и эта вражда гроза заставит нас еще сильнее полюбить свое отечество»⁸².

Усиление интереса к истории в беллетристике 1870–1900-х гг. приводит к развитию «квазиисторических» репрезентационных техник: осознание ценности прошлого для настоящего требует соответствующих эстетических установок для воссоздания опыта прошлого. И в «квазиисторических» произведениях Вс. С. Соловьева, Д. Л. Мордовцева и других обнаруживается стремление перейти от тенденциозных построений на историческом материале к созданию корпуса текстов о «связи времен», а затем — к установлению связей между прошлым и настоящим и к построению непротиворечивой картины, включающей и опыт прошлого, и факты настоящего. Возрастающая роль литературных реминисценций способствует развитию основной мысли, не затемняя смысл, а помогая соотнести новый сюжет с теми, которые уже известны читателю.

Изучение исторической прозы об Отечественной войне позволяет поставить целый ряд весьма интересных проблем. Первые романы появляются в 1830-е гг., когда изображаемые события отделены от авторов

⁸¹ Там же. С. 224, 225.

⁸² Там же. С. 378.

и читателей сравнительно небольшим промежутком времени. Однако эти события предельно схематизируются — недавняя история становится средством для выражения вполне определенных тенденций. Позднее романистика об Отечественной войне усложняется, появляются все более сложные и объемные изображения событий, отдаляющихся во времени. Но в конце столетия мы наблюдаем массовый возврат к упрощенному описанию исторических коллизий.

Думается, этот феномен можно объяснить, обратившись к проблеме формализации исторических жанров, в первую очередь — романа; все многообразие репрезентаций истории возможно свести к нескольким продуктивным формам: исторический материал оказывается либо основой, либо посредником. И постепенное осознание ценности истории, связи времен может быть оформлено схематически. В данном случае мы можем попытаться вписать систему репрезентаций истории в рамки литературной аксиологии. Место истории в системе эстетических ценностей, отраженной в художественной литературе, на протяжении XIX столетия постепенно меняется. Первоначально история — только средство для воспроизведения схем идеологических или сюжетных: *тенденция / сказка — история — художественное представление*. Но примитивность этой схемы (заимствованной в одном варианте из литературы XVIII столетия или выведенной в другом варианте в начале XIX в.) оказывается самоочевидной; и потому история включается в систему репрезентаций по-иному: *факт / случай / история — художественный текст*. Однако выбор между фактом и случаем, виртуозно осуществляемый в пушкинской прозе, невозможен при сколько-нибудь поверхностном рассмотрении материала. Использовать две вариативных системы в рамках одного текста слишком сложно; потому в системе ценностей исторической литературы возникает иное, более гармоничное построение: *факт / случай — история — художественное воплощение*. Однако в дальнейшем происходит решительное изменение аксиологической системы. История становится не средством, а первоосновой художественного мира. Формируется нарративная структура исторической литературы, в которой опыт минувшего логически связан с опытом настоящего и будущего, а связь времен оказывается не декларацией, а реальной составляющей реконструкции времени: «в нарративе (историческом, литературном или повседневно-бытовом) каждое событие

значимо, поскольку отсылает к иным, позднейшим событиям⁸³. У Мордовцева, например, эта новая система существует в следующей форме: *история — искусство — художественный текст*. В упрощенной форме данного типа исторических построений исключается среднее звено, но единство истории и литературы остается незыблемым, непосредственный переход от истории к морали (на современном материале) пусть и примитивен, но подчеркивает изменившееся положение истории в системе художественных ценностей. Как легко заметить, именно эти трансформации и обнаруживаются в исторической романистике XIX в., посвященной Отечественной войне. Значимое событие оказывается символическим «началом века» и рассматривается как своего рода рубеж, начало «исторического изображения».

Повышение роли художественного осмысления истории способствует «творческому самораскрытию во времени человеческого содержания»⁸⁴. Видимо, именно таков смысл истории для русской литературы. Рассматривая тексты об Отечественной войне (вполне возможно обратиться и к иным жанрам, помимо романа), мы прослеживаем пути, которыми осуществлялось это самораскрытие, и наиболее ясно различаем формы репрезентации истории, которые возможно выделить и классифицировать на протяжении всего XIX в.

⁸³ *Зенкин С.* Критика нарративного разума // Новое литературное обозрение. 2003. № 59. С. 344.

⁸⁴ *Исупов К. Г.* Философия и эстетика истории в русской литературе XIX века // Литература и история. Вып. 2. СПб., 1997. С. 142.

В. А. Доманский

ИЗОБРАЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА В РУССКОЙ ПОЭЗИИ: ОТ ВЫСОКОЙ АРХАИКИ К РОМАНТИЗМУ

Отечественная война 1812 года явилась для самосознания русского общества событием всемирно-исторического масштаба. Русской словесности, для которой заканчивался период ученичества, предстояло отобразить эту войну посредством эстетических категорий и осознать роль отдельного человека и народа в громадном историческом событии. Первый непосредственный отклик война 1812 года нашла в поэзии. Стихи поэтов и народная словесность того времени стремились выразить чаяния и настроения всех сословий русских людей, запечатлеть патриотический подъем народа в борьбе с врагом. Но арсенал художественных средств у молодой литературы был пока сравнительно небольшой, поэтому первоначально пришлось обратиться к опыту воспевания побед русских воинов и прославления деяний царей и полководцев, имеющемуся в поэтике классицизма. Использовались хорошо разработанные жанры: ода, гимн, дифирамб, песня, героическая поэма, которые доминировали в это время в отечественной литературе.

Во многих поэтических произведениях об Отечественной войне были использованы поэтические приемы, характерные для изображения войны в эстетике классицизма: «К патриотам» М. В. Милонова (1812); «Видение плачущего над Москвою россиянина, 1812 года октября 28 дня» В. В. Капниста (1812); «Гимн лиро-эпический на прогнание французов из Отечества» Г. Р. Державина (1812–1813); «Пожар Москвы в 1812 году» Н. М. Шатрова (1814).

Интересно, что Н. М. Карамзин, В. А. Жуковский и К. Ф. Рылеев также прибегали к архаической поэтике (послание Жуковского «Вождю победителей. Писано после сражения под Красным» (1812), оды

© В. А. Доманский

Карамзина «Освобождение Европы и слава Александра I» (1814) и Рылеева «Любовь к Отчизне» (1813), «Князю Смоленскому» (1814)).

Одним из самых первых военных стихотворений, написанных сразу же после взятия армией Наполеона Смоленска, – города, с которым связаны героические страницы древней истории Российского государства, – явилось стихотворение М. В. Милонова «К патриотам. Писано в 1812 году, по занятии французами Смоленска»¹.

Жанр этого стихотворения — гимн-воззвание. В нем содержатся две смысловые доминанты — обличение русских воинов и полководцев в осторожности и призыв к немедленному действию в борьбе с врагом. Автор обращается к ярким примерам героизма и аллюзиям, восходящим к мифологизированной отечественной истории и прежде всего истории славян. Назначение этих примеров — поднять героический дух российских воинов. Среди них легко узнаваемая цитата, восходящая к клятве князя Святослава перед битвой с греками: «Сразим, иль всяк костями ляжет»².

Стихотворение имеет простую и ясную композицию. Вначале – энергичный зачин с краткими утвердительными и вопросительными предложениями, риторическими вопросами:

Цари в плену — в цепях народы!
Час рабства, гибели приспел!
Где вы, где вы, сыны свободы?
Иль нет мечей и острых стрел?
<...>
Почто не в бой? он нам ли страшен?³

В зачине содержатся и емкая характеристика исторической ситуации, и упрек россиянам в отсутствии должного героического подъема в борьбе с врагом. Затем представлена схематическая картина пожара Смоленска, которая должна пробудить у воинов жажду мести и мужество.

¹ Милонов М. В. К патриотам // Сатиры. СПб., 1819. С. 65–67.

² Ср.: «Так не посраим земли Русской, но ляжем здесь костями, ибо мертвым не ведом позор» (Повесть временных лет // Троицкая летопись / Реконструкция текста М. Д. Приселкова. СПб., 2002. С. 87–88).

³ Милонов М. В. К патриотам. С. 65.

Решительно и призывно звучат односоставные побудительные предложения:

Уже верхи смоленских башен
 Виются пламенным столбом!

 К мечам! вперед! блажен трикраты,
 Кто первый смертью упредит!
 Развейтесь, знамена победны,
 Героев-предков дар наследный,
 За их могилы биться нам!⁴

Автор полагает, что борьба будет смертельной: на весах истории судьба России и Европы. Но мужество предков вернется к россиянам, ведь оно — «героев-предков дар наследный». Заканчивается стихотворение утверждением веры в победу россиян, достойных славы своих предков.

Предложенная автором композиционная схема построения стихотворения традиционна. Ее элементы (зачин, риторические обращения), хотя в ином порядке, уже имелись в древнерусских воинских повестях и в «военных» одах XVIII в. (репрезентация темы, исторические аллюзии, дидактические примеры, аллегорическая образность). Однако в послании Милонова появляется новое понимание освободительной войны, которая должна перерасти в войну за освобождение Европы:

Восстань, героев русских сила!
 Кого и где, в каких боях
 Твоя десница не разила?
 <...>
 Один, один врагу удар —
 И вся Европа отомстится:
 Здесь Бельт от крови задымится,
 А там — всплывает Гибралтар!⁵

⁴ Там же. С. 65.

⁵ Там же. С. 67.

Сходную композиционную схему представляет «Военная песнь, написанная во время приближения неприятеля к Смоленской губернии» Ф. Н. Глинки (июль 1812 г.). В ней появляется поэтическая формула, варианты которой будут повторяться во многих стихотворениях других поэтов: «Свобода или смерть!» «Песнь» Глинки, написанная в предромантической стилистике, предполагает высокую степень суггестии благодаря использованию поэтом глаголов действия, риторических вопросов и звукописи, передающей особую атмосферу военной грозы:

Раздался звук трубы военной,
Гремит сквозь бури бранный гром:
Народ, развратом воспоенный,
Грозит нам рабством и ярмом!
<...>
Теперь ли нам дремать в покое,
России верные сыны?!
Пойдем, сомкнемся в ратном строе,
Пойдем — и в ужасах войны
Друзьям, отечеству, народу
Отыщем славу и свободу
Иль все падем в родных полях!⁶

Рассмотренные выше стихотворные тексты и им подобные объединяет общий поэтический мотив, который можно обозначить как «час мужества». Он оказался настолько устойчивым в традиции отечественной поэзии, что сохраняется даже в знаменитом стихотворении А. А. Ахматовой «Мужество»:

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет⁷.

⁶ Глинка Ф. Н. Соч. М., 1986. С. 10.

⁷ Ахматова А. А. Стихотворения и поэмы. Л., 1977. С. 212 (Библиотека поэта).

Одним из интереснейших военных стихотворений, написанных с использованием архаической поэтики классицизма, является послание А. Х. Востокова «К россиянам. В октябре 1812 года»⁸.

Жанр послания применительно к данному стихотворению условен. По своей архитектонике и по характеру языковых средств он больше соответствует оде, воспевающей русского царя, победу русского оружия в кровопролитной войне и гневно обличающей французского императора, предводителя захватнических орд. Жанр оды определил отбор архаической лексики, иногда даже «архаических неологизмов» («оружемощны длани», «уста злохульные», «молниевидный меч»), использование ораторско-публицистического стиля и характерных для оды стилистических фигур. Вместе с тем новое содержание оды потребовало разработки новой композиционной структуры и поэтических приемов художественного воздействия на читателя.

Обратимся к композиции стихотворения, которая, как этого требует поэтика классицизма, имеет четкое логическое строение. Каждая ее часть хорошо продумана и структурирована, а ода в целом представляет собой цепочку тезисов, иллюстраций и выводов к ним, что определяет эмоционально-содержательную «палитру» оды. Начинается она с экспозиции — краткой характеристики исторического времени («година испытаний»):

Година страшных испытаний
На вас ниспослана, россияне, судьбой. (С. 337)

Затем следует определение главной темы: готовность соотечественников к смертельной борьбе («час мужества»):

Нет, нет! Еще у вас оружемощны длани,
И грудь геройская устремлена на бой. (С. 338)

Русские воины, сражаясь с врагом, не только защищают свои дома, освобождают отечество, но и несут свободу народам Европы:

⁸ Востоков А. Х. К патриотам. Писано в 1812 году, по занятии французами Смоленска // Русская поэзия: 1801–1812. М., 1989. С. 337–339. Дальнейшие ссылки даются в тексте с указанием страницы.

И до конца вы устоите,
Домов своих, и жен, и милых чад к защите;
И угнетенной днесь Европы племенам
Со смертью изверга свободу подарите. (С. 338)

Далее разворачивается тема нашествия врага и описание его жестоких деяний. Воздействие на читателя достигается негативными образными характеристиками Наполеона («бич людей», «одет в броню коварства», «граблением питает ратны силы») и сравнением его армии с саранчой («как саранчу пустил по селам и градам»). Заканчивается обличительная строфа своеобразным рефреном — проклятием врагу:

Но цепи и могилы;
Проклятие и вечный срам
Собирают в дань Наполеону! (С. 338)

Центральное место в оде Востокова занимает образ Александра I, которого автор представляет как милосердного царя, «друга человечества», «отца подданных» (слава царю). Вместо реального описания сражения русской армии с Наполеоном используется аллегорическая символика: царь-богатырь достает из ножен свой меч и поднимает народ на борьбу с вражеской армией, которая изображена как сборище чудовищ:

Друг человечества! Ты должен был извлечь
Молниевидный свой против злодея меч
И грозное свершать за всех людей отмщенье. (С. 338)

Победу над врагом обеспечивают военачальники. Кульминация сражения изображается в духе классицизма – аллегорически, как борьба Кутузова-Алкида (Геракла) с Наполеоном-Антеем:

Кутузов, как Алкид,
Антея нового в объятиях теснит.
От оживляющей земли подняв высоко,
Собраться с силами ему он не дает. (С. 338)

Тема битвы логически переходит в оде в тему славы героям, многие из которых легли костями на поле брани:

Но изочту ль вас всех, герои знамениты,
Которыми враги отражены, разбиты,
И коих доблестью Россия спасена?
Священны ваши имена
У благодарного останутся потомства.
И вы, которые легли на брани сей,
Встречая славну смерть средь Марсовых полей... (С. 339)

Заканчивается ода *гимном мирной жизни*, прославлением победившей России и верой в возрождение сожженной Москвы:

Так оживем мы все, гремя победны песни
И прославляя мир, благое божество.
Тогда разделят все россиян торжество,
Тогда и ты, Москва, священный град, воскресни,
Как Феникс златокрыл, из праха своего! (С. 339)

Востоков в своей оде дал наиболее полную классическую схему военно-патриотической лирики с множеством тем, ее характеризующих. В других текстах, написанных с использованием высокой архаики, авторы преимущественно касаются одной или нескольких тем, например, пожара Москвы или изгнания неприятеля из России. Последней теме посвящено тяжеловесное стихотворение Г. Р. Державина «Гимн лиро-эпический на прогнание французов из Отечества», в котором узнается высокопарность риторического стиля XVIII в. Ода не представляет значительного поэтического достижения в изображении войны. Она перенасыщена архаической лексикой и аллегорической условностью, в которой нашествие Наполеона на Россию показано как появление библейского Люцифера — зверя из бездны:

Открылась тайн священных дверь!
Ишел из бездн огромный зверь,
Дракон, иль демон змиевидный;
Вокруг его ехидны
Со крыльев смерть и смрад трясут,
Рогами солнце прут;
Отенетя вкруг всю ошибками сферу,

Горящу в воздух прыщут серу,
Холмят дыханьем понт,
Льют ночь на горизонт
И движут ось всея вселенны⁹.

Чуть ли не красками дантова «Ада» поэту удалось нарисовать чудовищную картину явления в мир дьявола, каким представлен в оде Наполеон. Эта традиция изображать Наполеона дьяволом, злодеем, врагом человечества была настолько сильна, что русские поэты изошрялись, подбирая самые зловещие и ужасные определения для характеристики французского императора¹⁰.

Пожалуй, больше всех преуспел в этом очернении Наполеона Н. Д. Иванчин-Писарев, написавший «Акростих» о французском императоре, в каждой строчке которого подбирал самые уничижительные его характеристики:

Нерона злобнее, Калигулы гнуснее,
Аттилу лютостью, коварством превзошел;
Пил кровь, ругался всем, что в мире есть святее,
Ограбив свой народ, чужими завладел,
Лия коварства яд, союзы расторгая,
Европу в дику степь хотел преобратить;
Отличен зверством был, в веках блистать мечтая;
Но что всего странней — мнил россов покорить!.. (С. 344)

⁹ Державин. Т. 3. С. 138–139.

¹⁰ Традиция обличения Наполеона надолго закрепилась в русской литературе, хотя после ссылки и смерти французского императора оценки стали амбивалентными: его могли одновременно называть «великим человеком» и «тираном», как, например, А. С. Пушкин в стихотворении «Наполеон» (1821). И только после возвращения праха Наполеона с острова Св. Елены в Париж в 1840 г. и торжественного его перезахоронения в Доме Инвалидов Луи Филиппом оценки стали меняться. М. Ю. Лермонтов в стихотворении «Последнее новоселье» (1841) едва ли не первым в русской поэзии изображает Наполеона высоким романтическим героем, которому Франция после кровавой якобинской диктатуры обязана своим могуществом и славой. Вместе с тем в интерпретации Лермонтова Наполеон является одинокой и трагической личностью, преданной политиками и своим народом, но спустя девятнадцать лет после смерти его стали почитать вновь как национального героя.

Сражение с врагом в оде Державина, как и у Востокова, изображено условно:

А только агнец белорунный,
Смиренный, кроткий, но челоперунный,
Восстал на Севере один, –
Исчез змей-исполин!¹¹

Сопоставление русского императора Александра I с «белорунным агнцем», который без труда победил ужасного Люцифера, слишком тривиально и не вызывает эстетических переживаний и размышлений, как, впрочем, и вся остальная часть оды. Она лишена поэтического блеска и энергии, так как строится по уже известным образцам: обличение Наполеона («второго Навуходоносора») и его войска («новых орд Тамерлана») и прославления россов, продолжателей славы Димитрия Донского, Петра I, Потемкина, Румянцева, Суворова. Не спасает художественную сторону торжественной оды и включение Державиным динамичной батальной сцены, где автор гремит, вещает и мечет поэтические молнии. Она тоже написана слишком абстрактно и безжизненно:

И гром о громы ударялся,
И молнии с молниями секлись,
И небо и земля тряслись
На Бородинском поле страшном,
На Малоярославском, Красном.
Там штык с штыком, рой с роем пуль,
Ядро с ядром и бомба с бомбой,
Жужжа, свища, сшибались с злобой,
И меч, о меч звуча, слал гул;
Там всадники, как вихри бурны,
Темнили пылью свод лазурный;
Там бледна смерть с косой в руках,
Скрежещуща, в единый мах

¹¹ *Державин*. Т. 3. С. 139.

Полки, как класы, посекала
И трупы по полям бросала...¹²

Для усиления художественного воздействия своих произведений поэты-архаисты нередко обращаются к народно-песенным жанрам и прежде всего к жанру плача. Главными темами этого жанра становятся пожар первопрестольной Москвы и судьба России. Примером такого жанра, соединяющего в себе плач и видение, является стихотворение В. В. Капниста «Видение плачущего над Москвою россиянина, 1812 года, октября 28 дня». Автор не был непосредственным участником московских событий 1812 года, так как в это время находился в своей малороссийской усадьбе. Поэтому художественный прием видения оказался для него наиболее приемлемым, чтобы описать события этого времени в первопрестольной столице. При всей рыхлости структуры стихотворения Капниста, обилии поэтических штампов и общих мест, в нем прослеживается ясная логическая цепочка развития авторской мысли. Горестная молва — Москва погребена среди развалин; реакция поэта — ужас, неутолимая скорбь, одиночество; роптанье поэта на Бога, который допустил разрушение святынь и гибель первопрестольной; видения — появление старца Гермогена, дух Пожарского, изгнание французов; вера автора в возрождение Москвы из пепла.

Для стихотворения Капниста характерны логическое построение, преобладание эпического начала над лирическим, длинноты, лексические архаизмы, высокое косноязычие, традиционные образы и поэтические формулы. Патриотические и гражданские чувства поэта заявлены слишком официально и нелично. При чтении текстов, касающихся сходной тематики, например, стихотворения Н. М. Шатрова «Пожар Москвы в 1812 году», не возникает живого читательского отклика. Изображение войны 1812 года — ключевого явления в русской истории — и ее конкретных событий требует другой образности и поэтических средств, которых нет в арсенале классической поэзии XVIII века. В классических текстах «высоких» жанров (ода, гимн, послание) война изображается абстрактно. Она — сражение царей или полководцев,

¹² Державин. Т. 3. С. 145–146.

которые представлены в виде античных или библейских героев (например, битва Алкида с Антеем), простые солдаты отсутствуют. Враг условен: он — чудовище, дьявол, изверг. В стихотворениях описаны народные бедствия, есть гнев и ненависть к врагу, но нет живой человеческой боли, живого чувства, преобладает официальная риторика. И это во многом определяется традицией, идущей от классицизма.

Новая поэзия, для которой война 1812 года послужила творческим импульсом, начинает преодолевать литературные стереотипы. И это хорошо видно на примере известного послания «К Дашкову» К. Н. Батюшкова. Его «правильный и чистый язык, звучный и легкий стих» (*Белинский*. Т. 1. С. 164) выгодно отличаются от тяжеловесных архаических текстов. Но дело не только в пластике формы, но и в способах передачи чувств и мыслей лирического героя. Это переломное стихотворение в творчестве Батюшкова. Поэт веселья и наслаждений, как его воспринимали современники, создает стихотворение, совершенно не похожее на предыдущие его творения. В первой части послания он без всякой риторики и поэтических штампов просто и безыскусно рассказывает о бедственном состоянии Москвы и ее жителей после пожара. Однако это стихотворение не только о военных невзгодах, но и о новой философии жизни, которая открылась поэту. Изменилась система координат: французы, носители величайшей в мире культуры, просвещения, перед которыми ранее благоговел поэт, выступили варварами, захватчиками, несущими русскому народу немыслимые невзгоды и страдания. Мир, перевернутый войной, предстал перед поэтом как «море зла», и человек чувствует свою полную незащищенность. Не спасают ни культура, ни отечественные святыни, ни вера предков. Все в одночасье разрушено. Стихотворение обладает необычным до того времени психологическим воздействием, которое достигается звукописью, использованием повторов и анафоры, конкретных реалистических деталей, органично соединенных, по мнению В. А. Кошелева, с условными классическими образами¹³. Своеобразный нерв послания — сопоставление двух столиц — цветущей, «златоглавой Москвы» и Москвы, превращенной в груду развалин:

¹³ См.: *Кошелев В. А.* Константин Батюшков: Странствия и страсти. М., 1987. С. 162.

И там, где роскоши рукою,
Дней мира и трудов плоды,
Пред златоглавою Москвою
Воздвиглись храмы и сады, —
Лишь угли, прах и камней горы,
Лишь груды тел кругом реки,
Лишь нищих бледные полки
Везде мои встречали взоры!..¹⁴

Вторая часть стихотворения — поэтическая медитация, раскрывающая состояние души лирического героя, обожженной войной и жаждущей мести. Здесь отсутствуют заранее продуманный план, силлогизмы, характерные для высокой архаики. Стихи выплескиваются из души поэта, как поток эмоций, откровений, клятв и обещаний. Их магия оказывается настолько сильной, что лирические интонации сохранились даже в стихах русских поэтов XX в. (Ю. Друниной, С. Орлова, А. Межирова). И это не случайно: стихотворение в годы войны с фашизмом было широко известно, так как входило в поэтический сборник 1942 г., подготовленный С. Машинским и выпущенный большим тиражом для поднятия патриотического духа воинов, сражавшихся на фронтах Великой Отечественной войны¹⁵.

Конечно, ранний романтик К. Батюшков не мог полностью игнорировать поэтическую традицию изображения войны и военных подвигов, идущую от XVIII в., поэтому в его стихотворении «Переход русских войск через Неман 1 января 1813 года» появляются обязательные для описания батальных сцен в эстетике классицизма «щиты, мечи и брони». Вместе с тем имеется реалистический образ, недопустимый в стихотворениях предшественников, но поражающий воображение своей беспощадной реалистичностью:

И хладный, как мертвец,
Один среди дороги,

¹⁴ Батюшков К. Н. Избр. соч. М., 1986. С. 58.

¹⁵ Отечественная война 1812 года в русской литературе: Сб. / Вст. ст. С. Машинского. М., 1942. Следует отметить, что первый такой сборник небольшого объема был выпущен в свет еще в самом начале войны в 1941 г. издательством «ОГИЗ»: Отечественная война 1812 года в русской поэзии. М., 1941.

Сидит задумчивый беглец,
Недвижим, смутный взор вперив на мертвы ноги¹⁶.

Эта грубая реалистичность будет характерна потом для наиболее правдивых военных стихотворений времен Великой Отечественной войны, как, например, стихотворения С. Гудзенко «Перед атакой».

Своеобразный симбиоз высокой одической традиции, романтической элегии и застольной песни представляет собой поэма В. А. Жуковского «Певец во стане русских воинов» – безусловно, самое значительное явление военной поэзии эпохи Отечественной войны 1812 года. Главный секрет необычайной популярности поэмы заключается в том, что она, как и послание Батюшкова «К Дашкову», вызывает «читательское сопереживание»¹⁷. Достигается этот эффект языковыми средствами (легкостью, гибкостью и благозвучием обновленного языка, фоникой, звукописью); необычным построением, напоминающим структуру древнегреческой трагедии, где роль протагониста играет поэт, а роль хора — воины, участники военных действий, собеседники и даже собу- тыльники. Патриотический пафос поэмы обладает своей исключительной силой воздействия на читателя благодаря разворачиванию нескольких главных мотивов — «кровавого боя», смерти, подвига, дружбы, вина. Поэт не описывает непосредственно боя и картин героизма воинов, но они возникают ассоциативно, связанные с образами военачальников и отличившихся на войне героев, о которых говорится в произведении Жуковского. Эпический сюжет поэмы составляет история – исторические персонажи, военные события. Ее лирический сюжет строится на интимном чувстве дружбы, братства, патриотизма. Объединяющим является мотив вина, круговая чаша. Двенадцать раз в поэме поднимают кубок поэт и русские воины, посвящая его в едином порыве «чадам древних лет» и выдающимся персонажам русской истории, отчизне, русскому царю, «ратным и вождям», сраженным в бою, мщенью, «святому братству», любви, музам, Богу, прощанью и новому свиданию.

¹⁶ Батюшков К. Н. Избр. соч. С. 211.

¹⁷ См.: Сахаров В. И. Отечественная война 1812 года и русская поэзия первой трети XIX века // Отечественная война 1812 года и русская литература XIX века / Отв. ред. В. Ю. Троицкий. М., 1998. С. 121.

Последние два тоста поэт объединяет в один, тем самым подчеркивая неразрывность дружеских уз и единение поэта, а шире – любого человека, с «ратными», вождями, народом, родиной в героические моменты истории. Заключенная здесь идея круговорота жизни будет впоследствии ведущей в главном произведении об Отечественной войне 1812 года — романе Л. Н. Толстого «Война и мир».

Еще одна очень характерная особенность поэмы Жуковского: в ней органично соединены надличностные и личностные ценности. Есть отчизна официальная, страна с героической историей и прославленными персонажами, но любовь к такой отчизне рациональная, «головная». Вместе с тем есть и другая родина:

Страна, где мы впервые
Вкусили сладость бытия,
Поля, холмы родные...¹⁸

Жуковский впервые заговорил об интимном, личном для каждого человека чувстве родины. И это в героической поэме, в которой всегда доминировали общие интересы, надличностные ценности.

Если упомянутые выше поэты обращались к войне 1812 года как к одной из тем их поэтического творчества, то для Д. В. Давыдова и Ф. Н. Глинки она стала главной темой и определила их жизнь и судьбу. Денис Давыдов впервые в русской поэзии создал образ поэта-воина, удальца, рубаки, весельчака, и этот образ оказался настолько ярким, что реального Давыдова современники отождествляли с его героем, как в наше время В. С. Высоцкого с персонажами его песен. Поэт-воин еще до Отечественной войны 1812 года в своих знаменитых посланиях к Бурцеву явился родоначальником нового направления в русской поэзии, которую стали называть «гусарской»¹⁹. Ей в свое время отдали дань даже Пушкин и Лермонтов, не говоря уже о многочисленных подражателях. И это была не только поэзия, но и стиль жизни, поведения. По мнению В. Э. Вацура, Давыдов значительно расширил границы поэтического, эстетизируя удальство, буйство, пирушки, что требовало «резко экспрессивных форм

¹⁸ Жуковский. Т. 1. С. 227.

¹⁹ См.: Эхейнбаум Б. М. От военной оды к «гусарской песне» // Эйхенбаум Б. М. О поэзии. Л., 1969. С. 148–168.

словесного изображения»²⁰. Гусарская поэзия органично вошла в литературу о войне 1812 года и уже воспринималась неразрывно с ней. Ее отголоски отчетливо слышны даже в упоминаемой выше поэме Жуковского. Но сам Давыдов в 1812–1814 гг. в свою военную поэзию ничего существенного не добавил. Его наиболее известная военная песня «Я люблю кровавый бой...» фактически есть развитие прежних мотивов «гусарской музыки». Вместе с тем появляется и новый мотив — мотив смерти, который связан с ухарством и буйством.

Свои самые значительные военные стихи Давыдов создаст после войны, когда она станет предметом его рефлексии. От жанра дружеских посланий, застольной песни поэт переходит к жанру романтической элегии. Нужна была временная дистанция для осмысления войны и формирования новых способов ее изображения. Меняется и сам поэт, пройдя через горнило военных испытаний и ударов судьбы. В стихотворении «Партизан» на место прежнего лирического героя-гусара приходит уже не просто лихой удалец, но истинный патриот, глубокий, мыслящий человек, отказавшийся от земных радостей в военную годину. Давыдову удалось создать обаятельный образ русского военного человека, передать его психологию. Этот образ оказался настолько убедительным и интересным для русской литературы, что он, как и сам автор, герой-партизан, позднее становится предметом воспевания в стихотворениях современников. Создаются стихотворные послания к поэту-партизану («К поэту-партизану» П. А. Вяземского, «Партизан Давыдов» Ф. Н. Глинки, «Денису Давыдову» А. С. Пушкина), а в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» один из привлекательнейших героев — Василий Денисов — является «поэтическим сыном» Дениса Давыдова.

1814–1818 гг. называют элегическим периодом творчества Давыдова, связанным с углублением лирической рефлексии. Но все его девять элегий и несколько написанных в это время стихотворений посвящены любви и адресованы возлюбленным поэта. В них, в противовес Жуковскому, он создает новую романтическую концепцию любви. Его лирический герой не унылый мечтатель, а страстный человек, для

²⁰ Вацура В. Э. Денис Давыдов — поэт // Давыдов Д. Стихотворения. Л., 1984. С. 10. (Библиотека поэта).

которого истинная любовь — «безумие» и «бешенство желаний»²¹. Таким образом, характер удальца, гусара, партизана проявляет себя и в любовной лирике поэта. Вместе с тем собственно «военное» произведение «Бородинское поле» (1829) является философской элегией, полной грустных медитаций поэта о прошедших военных событиях, ударах судьбы, участии героев Отечественной войны (П. И. Багратиона, Н. Н. Раевского, А. П. Ермолова), безвозвратном уходе героической эпохи богатырей и настоящих патриотов своего отечества. Эта элегия, как и «Бородино» Лермонтова, — упрек негероическому времени, обмельчавшему в суете жизни молодому поколению.

Ф. Н. Глинка, безусловно, является главным художественным летописцем Отечественной войны в прозе. В военной поэзии он значительно расширил жанровые границы, сблизив ее с народной песней, военными песнями, античными гимнами. И сами его произведения, благодаря интонационному богатству и напевности, стали восприниматься как народные песни. Впервые в военной поэзии появился целый цикл песен, лирическим героем которых является простой русский солдат²². При этом стихотворения Глинки, как отмечал Л. Г. Фризман, «проникнуты стремлением не только выразить народное осмысление происходящих событий, но и сказать о них просто, безыскусной народной речью»²³.

Ф. Н. Глинка одним из первых поэтов в русской литературе осознал и отразил народный характер войны 1812 года, объясняя в своем программном стихотворении «1812 год (Отрывок из рассказа)» причину гибели наполеоновской армии во время ее похода в Россию:

Не трогать было вам народа,
Чужезычны наглецы!
Кому не дорога свобода?..
И наши хмурые жнецы,
Дав селам весть и Богу клятву,
На страшную пустились жатву...

²¹ См.: Вацуро В. Э. Война 1812 года и эволюция русской элегии. Историческая элегия. Элегия Д. Давыдова // Вацуро В. Э. Лирика пушкинской поры: Элегическая школа. СПб., 1994. С. 186.

²² См.: Глинка Ф. Н. Подарок русскому солдату. СПб., 1812.

²³ Фризман Л. Г. 1812 год в русской поэзии. М., 1987. С. 11.

<...>

Беда грабителям! Беда

Их конным выюкам, тучным ношам:

Кулак, топор и борода

Пошли следить по их порошам...²⁴

Главную ценность в творческом наследии Глинки, посвященном событиям войны 1812 года, представляют все же не стихи и военные песни, а его «Письма русского офицера». Эта книга военных дневников под разными заглавиями выдержала несколько изданий при жизни автора, а затем издавалась неоднократно после его смерти, в том числе и в военном 1941 году (в сокращенном варианте), когда она была особо востребована. Последнее издание «Писем русского офицера», еще настоящему и не оцененных в отечественной истории и литературе, было осуществлено сравнительно недавно, в 1990 г. В них передано живое дыхание жизни с многочисленными военными подробностями и деталями, яркими картинками и характеристиками, а также первыми эмоциональными реакциями и оценками автора, настоящего патриота и гражданина своего отечества.

Имеется основание говорить о том, что Лермонтов в период написания знаменитого стихотворения «Бородино» шел вслед за автором «Писем русского офицера» при описании картин подготовки к Бородинскому сражению, хода сражения и его завершения. Имеются очевидные совпадения и в конкретных деталях, и в отборе лексических и стилистических средств.

Поколение поэтов, современников Отечественной войны 1812 года, выполнило свою миссию, создав целую библиотеку патриотических произведений об этом грозном событии, значительно обновив арсенал поэтических средств для его отображения и передачи чувств и настроений современников. И все же высочайшие литературные образцы стихов об этом героическом времени были созданы писателями другого поколения, успешно усвоившими опыт своих предшественников. Для них война была уже больше материалом их поэтической

²⁴ Глинка Ф. Н. Стихотворения: 1810–1880. М., 1986. С. 71.

и философской рефлексии. Но и этим далеко не исчерпывается заслуга литературы о 1812 годе. В своей известной работе Г. А. Гуковский продемонстрировал, как в военной поэзии формируется пласт концептов, слов-сигналов, которые впоследствии составят образную систему декабристской лирики²⁵.

Вместе с тем, как показывает ретроспективный взгляд на стихотворное наследие этого времени, оно оказывало свое непосредственное влияние на творчество поэтов других эпох и оказалась особенно востребованным в годы другой Отечественной, народной войны.

²⁵ Гуковский Г. А. Пушкин и русские романтики. М., 1965. С. 186.

Н. Л. Вершинина

**КНИГА А. Н. ЯХОНТОВА
«НАРОДНАЯ ВОЙНА 1812 Г.»
КАК ИЗДАНИЕ ДЛЯ НАРОДНОГО ЧТЕНИЯ**

Книга псковского литератора Александра Николаевича Яхонтова (1820–1890) «Народная война 1812 г.» входит в фонд так называемой «юбилейной» литературы: ее первая публикация (1883) отметила семидесятилетие Отечественной войны, а последнее издание (1912) — столетнюю годовщину этого события. Между тем функциональность текста мало отразилась на его языковой и стилевой специфике, включая обязательный для сочинений такого рода казенно-патриотический пафос и аллюзии на современность с неперменным славословием в адрес власти¹. Книга Яхонтова изначально была рассчитана на «коллективно-го» читателя, на его «эпическую сущность», если прибегнуть к выражению Д. Е. Максимова, отмечающего новаторство М. Ю. Лермонтова в образе солдата-рассказчика в стихотворении «Бородино». «Собирательность» образа выражалась его многосоставностью, достигаемой посредством разноязычия: речь рассказчика не исключительно эмпирична или возвышенно-патетична, потому что за ним — «не столько *я* <...>, сколько *мы* <...> русского народа вообще»².

Универсальность адресата-читателя (выраженная на психологическом, сословно-социальном, этическом, языковом уровнях) предопреде-

¹ Именно такой характер имели «юбилейные» издания в своем основном массиве: *Борин Я.* Борьба великанов: Отечественная война 1812 г. Для школ и народных чтений. М., 1912; *Васенко С. В.* Год великого испытания: (Отечественная война). Для народа и начальных школ. СПб., 1911; *Дучинский Н. П.* Император Александр Благословенный и Отечественная война. М., 1912; *Назаревский В. В.* Столетие Отечественной войны 1812 года: Чтения для фабрично-заводских рабочих. М., 1912 и др.

² *Максимов Д.* Поэзия Лермонтова. Л., 1959. С. 164, 165.

лила востребованность книги Яхонтова в широком диапазоне времени, не регламентированном известными условностями, неизбежными в судьбе сочинений, писанных «на случай». Свободному бытованию в кругу чтения способствовал и жанр книги Яхонтова, отвечающий воззрениям автора как просветителя-подвижника: бесспорно, он одобрял тип издания, «учрежденного», как значилось на титульном листе, «по высочайшему повелению, министром народного просвещения Постоянной Комиссии по устройству народных чтений». По-видимому, Яхонтов сумел в предельной степени реализовать интенции таких изданий, представив в своем роде образчики — по меркам «массовой» словесности³. Этим можно объяснить редкую, даже для сочинений такого жанра, популярность книги Яхонтова: она выдержала одиннадцать изданий, причем восемь из них увидели свет после смерти автора (1883, 1886, 1890, 1893, 1896, 1898, 1901, 1903, 1906, 1911, 1912).

Яхонтову (в силу особенности своего дарования склонному к переводческой деятельности, к культурному посредничеству⁴) удалось, по-видимому, найти литературный аналог, аутентичный не «исторической», а «коллективной» памяти, по классификации М. Хальбвакса: «в определенные моменты» индивид «способен вести себя просто как член группы, вызывая в памяти и поддерживая *безличные воспоминания...*»⁵. Такой «момент» в книге Яхонтова «Народная война 1812 г.», бесспорно, фиксирует особое состояние духа, когда переживания многих образуют общность — и, соответственно, *компилятивность* стиля перестает восприниматься как черта, свидетельствующая о статусе издания, не претендующего на художественность впечатления и авторскую персонализацию. «Разноголосица» преобразуется в многоголосие, осознанно сохраняемое сочинителем и обретающее в конечном счете действительность гражданского лиризма.

³ В «Указателе книг по истории и общественным вопросам» книге Яхонтова была дана следующая аттестация: «Очень доступный рассказ о войне 1812 г. в патриотическом духе для неподготовленного читателя» (Указатель книг по истории и общественным вопросам. СПб., 1909. С. 18).

⁴ См.: *Вершинина Н. Л.* «Безупречный рыцарь» нового времени Александр Николаевич Яхонтов: Монография. Псков, 2011.

⁵ *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память // <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (Курсив мой. — Н. В.)

«...Историю, — пишет М. Хальбвакс, — интересуют главным образом различия, и она оставляет в стороне сходства, без которых, однако, не было бы памяти, поскольку люди помнят только факты, ставшие опытом для одного сознания, что позволяет памяти связать их друг с другом, словно вариации на одну или несколько тем. Только таким образом ей удастся дать нам сжатое представление о прошлом, мгновенно объединяя народы и личности, медленные коллективные процессы и символически представляя их на примере нескольких внезапных изменений, несколькими примерами. Именно так она нам представляет единую и всестороннюю картину»⁶.

Повествовательным строем книги Яхонтов подчеркивал, что ряд использованных в ней источников, равно как и выводимых персонажей, переосмыслен в свете «безличной» памяти. Рупором ее выступает «составитель»⁷: применительно к Яхонтову, его будто бы служебная функция выражается возведением конкретного к общему, частного к целому, неповторимого к узнаваемому.

На первой странице Яхонтов указал источники (как делал это и в других своих трудах «для детского и народного чтения» по образцу популярных в его время «учебных» книг): «Материалом для настоящего чтения служили, между прочим: “История войны 1812 г.”, Данилевского; “История нашествия Наполеона на Россию в 1812 г.”, Батурина; “Двенадцатый год”, Шалфеева; “Рассказы старушки о 12-ом годе”, Тольчевой; “Война и мир”, гр. Толстого»⁸. Состав источников, как уточнялось в одном из позднейших изданий, подразумевал и «другие книги»⁹ (а также сочинения малых форм) с указанием или без указания авторства и названия: например, стихотворение А. Н. Майкова «Сказание о 1812 годе», а в сводном тексте 1912 г., о котором пойдет речь ниже, — «Перед гробницею святой...» А. С. Пушкина и «Бородино»

⁶ Там же.

⁷ Народная война 1812 г. / Сост. А. Яхонтов. СПб., 1883.

⁸ Там же. С. 3. Очевидная опечатка: «История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 г.» (1-е изд. — СПб., 1823–1824) написана не Батуриным, а Д. П. Бутурлиным.

⁹ Народная война 1812 г. / Сост. А. Н. Яхонтов. Изд. 7-е. СПб., 1901. С. 3. Далее ссылки на это издание.

М. Ю. Лермонтова¹⁰. Примечательно, что стихотворения Пушкина и Лермонтова вошли в корпус книги уже без участия Яхонтова — они были внесены в текст кем-то другим, но в той же стилистике, согласно законам преобразованного «составителем» жанра, оказавшегося наилучшим вместилищем «коллективной» памяти.

Именно подход к источникам — как принадлежащим не только персональному автору, но и, без исключения, *всем* — обеспечил сочинению Яхонтова продолжительную продуктивную жизнь, не стесненную сторонними факторами, открывающую читателю «доступ» в пределы текста. Первая знаменательная фраза книги несла в себе не только общенациональный, но и общечеловеческий посыл: «Как в жизни человека бывают годы бедствий и тяжелых испытаний, о которых память в нем остается навсегда, так и в жизни нашего дорогого отечества бывали годы бедственных и тяжелых, которые никогда не забудутся»¹¹. Похожей фразой Яхонтов открывал свои «Воспоминания царскосельского лицеиста», где лиризм и эпосность также являлись в соположении, но в последнем случае исходной данностью стало конкретное лицо: «Особенность стариковской памяти — воспроизводить до мельчайших подробностей обстоятельства и обстановку давно минувшего времени, сколько-нибудь напечатлевшиеся в уме и воображении»¹².

И в тех, и в других «воспоминаниях» способ выражения подчеркивал неуловимость грани между существенным для *всех* и для *каждого* — между неповторимостью личного переживания и общим настроем духа. В книге о 1812 году вступительная фраза, восходящая к популярному труду И. Шалфеева, сохраняла элемент информативности, однако подразумевала «переусвоение» нейтральной информации, к которой «присоединяли» себя и «составитель», и читатель. Сравнивая близкие по времени издания Шалфеева, «переписывающий» источники Яхонтов мог заметить возрастание торжественности тона наряду с лаконизмом,

¹⁰ Толычева Е., Яхонтов [А. Н.] [Яхонтов и Е. Толычева]. Народная война за веру, царя и отечество. Рассказ старушки и старика о войне 1812 года. СПб., 1912. С. 70, 74–75. Книга имеет две обложки, совершенно одинаковые: на первой — Е. Толычева и Яхонтов, на второй — Яхонтов и Е. Толычева.

¹¹ Народная война 1812 г. / Сост. А. Н. Яхонтов. С. 3.

¹² Яхонтов А. Н. Воспоминания царскосельского лицеиста: 1832–1838 // Русская старина. 1888. Т. LX. № 10. С. 101.

не допускающим ответного живого отклика: «Шестьдесят лет назад Россия пережила тяжелый год» (1873)¹³; «В начале нынешнего столетия России пришлось пережить тяжелый 1812 год» (1874)¹⁴. Создавая собственный «зачин», Яхонтов, напротив, привносил дух сопричастности, ведущий к осознанию необходимости принимать *на себя* «тяготы», перенесенные и переносимые отечеством: «Всякий слышал о временах татарщины и о той смутной поре, когда Москва была взята поляками и спасена Мининым и Пожарским...»¹⁵

И далее читателю задавался совсем не тот временной и пространственный диапазон, который предлагали издания, послужившие Яхонтову источниками. Читатель не находил в его книге обозрения политических событий, открывавшего, к примеру, труд Д. П. Бутурлина «История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году»: «В то время как раздел Польши переменал вид восточной части Европы, увеличивая могущество трех дворов, разделивших оную, Франция, возрожденная революциею, приняла направление, которого не могли остановить две коалиции, следовавшие одна за другой»¹⁶. При чтении Яхонтова не возникало ощущения «гордого величия» от созерцания панорамы, подобной той, которая развертывалась в «Описании Отечественной войны в 1812 году» А. И. Михайловского-Данилевского: «Границы, начертанные произволом <...>, простирались через земли, горы и реки, лишали средние и южные германские государства сообщения с Северным морем и, протянувшись за Эльбу, коснулись Балтики и стремились к черте прусских крепостей, занятых на Одере французскими войсками»¹⁷. Со своей позиции Яхонтов смотрел словно бы *сквозь* историко-географические реалии и устремлялся в знакомую читателю

¹³ [Шалфеев И. И.] Двенадцатый год: Три чтения для народа И. И. Шалфеева. СПб., 1873. С. 3.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Народная война 1812 г. / Сост. А. Н. Яхонтов. С. 3.

¹⁶ [Бутурлин Д. П.] Нашествие императора Наполеона на Россию в 1812 году: С официальных документов и других достоверных бумаг российского и французского генерал-штабов, сочиненная его императорского величества флигель-адъютантом, полковником Д. Бутурлиным. Ч. 1. Изд. 2. СПб., 1837. С. 1.

¹⁷ [Михайловский-Данилевский А. И.] Описание Отечественной войны в 1812 году, по высочайшему повелению сочиненное генерал-лейтенантом Михайловским-Данилевским. Ч. 1. СПб., 1839. С. 19.

современность, подобно Лермонтову в «Бородино» или Толстому в романе «Война и мир». Соотношением времен и стилей «составитель» издания, предназначенного «народу», передавал процесс формирования «народной» памяти, подобно тому, как в романе-эпопее ту же задачу решал Л. Н. Толстой: «Я <...> стал писать со времени 1812 года, которого еще запах и звук слышны и милы нам, но которое теперь уже настолько отдалено от нас, что мы можем думать о нем спокойно»¹⁸.

ПЕРЕФРАЗИРУЯ ШАЛФЕЕВА: «Еще и теперь есть старики, которые помнят, как в двенадцатом году император французский, Наполеон, привел на нас несколько народов»¹⁹, – Яхонтов придал тому же мотиву задушевность и убедительность конкретности: «...но найдутся еще, быть может, и теперь старцы, которые сами видели, в детстве, и живо помнят нашествие французов»²⁰. Тем самым он приблизился к образу видения и изображения эпохи своим основным «соавтором» — Т. Толычевой (Е. Толычева, Т. Толычова и др. — псевдонимы писательницы Е. В. Новосильцевой (1820–1885)). Начав печататься в жанре «мемуарных записей» о войне 1812 года с середины 1860-х гг., Толычева выдвинула в центр свидетельства живых еще очевидцев, их ракурс восприятия «великого» сквозь «малое», отображающего, «для дополнения» исторической картины, «частный быт»²¹. Яхонтов мог читать обратившую на себя внимание книгу Т. Толычевой «Рассказы очевидцев о двенадцатом годе»²²; ссылается же он на другую ее работу, впервые увидевшую свет в 1878 г. и пережившую к 1912 г. одиннадцать изданий, — «Рассказ старушки о двенадцатом годе».

Идея «коллективной» памяти в этом сочинении Т. Толычевой выражена особенно отчетливо. В авторском предисловии относительно «старушки» пояснено, что она — «лицо вымышленное» и необходима

¹⁸ Толстой. Т. 13. С. 54.

¹⁹ [Шалфеев И. И.] Двенадцатый год. С. 3.

²⁰ Народная война 1812 г. / Сост. А. Н. Яхонтов. С. 3.

²¹ Толычева Т. Рассказы о двенадцатом годе // Детское чтение. 1865. Т. 1. С. 3. См. также: Острейковская Н. В. Творчество Е. В. Новосильцевой в литературно-общественном контексте 1860-х — 1880-х гг. Автореф. <...> канд. филол. наук. Тверь, 2010.

²² [Толычева Т.] Рассказы очевидцев о двенадцатом годе Т. Толычевой. М., 1873. (Изд. 2: 1912).

сочинительнице для сведения разрозненных свидетельств о 12-м годе в единый текст: «...моя старушка не что иное как нить, связывающая между собою истинные факты»²³. Отталкиваясь от идеи Шалфеева: «Еще и теперь есть старики, которые помнят...» – Яхонтов находит у Толычевой подлинные рассказы «стариков» и «старушек», населяющих ее издания²⁴, и использует эту возможность, чтобы создать многоликий (в точном смысле «составленный» из свидетельств многих), подвижный мир.

Динамичностью структурной организации с одной стороны, а с другой — устойчивой репутацией книги Яхонтова как образчика массовой словесности можно объяснить, что позднейшая брошюра «Народная война за веру, царя и отечество: Рассказ старушки и старика о войне 1812 года», выпущенная книгоиздательством Н. С. Аскаханова, соединила не только сочинения Яхонтова и Толычевой («переписанные» еще раз с дополнениями) и не только их заглавия (также видоизмененные), но и имена никогда не являвшихся реальными соавторами писателей-современников.

«Цепочка» памяти в этом случае делает примечательный зигзаг, о чем свидетельствуют многочисленные текстовые переключки и аналоги. Так, Яхонтов в книге «Народная война 1812 г.» воспроизводит эпизод въезда государя в Москву 11 июля 1812 г. не только по «запискам» «очевидца» — С. Н. Глинки²⁵, но и по материалам, которые находит в указанной книге Т. Толычевой. В сводном издании 1912 г. эпизод представлен уже в новом словесном изложении. Позднейший, оставшийся неизвестным, интерпретатор воспринимает книгу Яхонтова двояко: как хранилище «коллективной» памяти (с учетом и вклада Толычевой, чье имя выносится на обложку) и как самостоятельный источник заново творимого текста, родственного прототипам, но имеющего, соответственно, уже иной состав. «Породненные» тексты рождают третий, исходящий от анонимного «соавтора», и так далее — «цепочку» можно продолжить.

²³ [Толычева Т.] Рассказ старушки о двенадцатом годе Т. Толычевой. М., 1905. (Изд. 9). С. 3, 4.

²⁴ См., например: [Герасимов П. Ф.] Рассказ о двенадцатом годе богадельника Набилковского заведения Павла Федоровича Герасимова. Сообщ. Т. Толычевой. М., 1882.

²⁵ Народная война 1812 г. Сост. А. Н. Яхонтов. С. 16.

Сопоставление обнаруживает непрерывность текста, адресованного «народному» читателю, не только на генетическом, но и на онтологическом уровне:

Яхонтов А.Н. Народная война 1812 г. СПб., 1901. С. 16–17.	Толычева Т. Рассказ старушки о двенадцатом годе. М., 1905. С. 7.	Толычева Е., Яхонтов [А. Н.] Народная война за веру, царя и отечество: Рассказ старушки и старика о войне 1812 года. СПб., 1912. С. 8.
В полночь на Поклонной горе встретил народ своего государя. Священник, в облачении, поднес ему серебряное блюдо, на котором лежал крест, а престарелый диакон держал свечу, разливавшую сияние в безлунную и беззвездную ночь. Поравнявшись с причтом, государь вышел из коляски, положил земной поклон и приложился ко кресту. Священник возгласил: <i>Да воскреснет Бог и расточатся врази Его!</i>	На Поклонной горе, под самой Москвой, ждали царя с хлебом и солью крестьяне села Фили. <...> Во главе толпы стоял священник с крестом и диакон с зажженной свечой. Как завидел их царь, приказал остановить коляску, вышел, положил земной поклон и приложился к кресту. Все заметили, что на нем лица не было; знать, чувяло его сердце, что много русской крови прольется. Священник подал ему крест и промолвил: «Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его».	Медленно, сквозь густые толпы, двигалась коляска государя. На пути, в селах, навстречу к нему выходило в облачениях, с крестами, сельское духовенство. На Поклонной горе его встречало духовенство из ближней церкви: священник держал на серебряном блюде крест, дьякон стоял с зажженной свечой. Государь остановил лошадей, вышел из коляски, положил земной поклон и приложился ко кресту. Окружающий народ, охваченный глубоким чувством, тихо заговорил: «Наполеону не победить нас: для этого нужно всех нас перебить...»

Ориентируясь на «детей и народ»²⁶, составители книг для «общедоступного» чтения создавали, в буквальном смысле, *прозрачные* структуры, позволяющие видеть, как творится текст, и улавливать в его архитектонике знаки времени. Закономерно, что в 1912 г., в одиннадцатом издании «Народной войны 1812 г.» Яхонтова, другой, по-видимому, «продолжатель» переписал конец книги в соответствии с изменившейся действительностью, отдаленной в содержательном и иных отношениях от момента первой публикации. Яхонтов остановил движение текста на событиях, которые были актуальны для людей его времени: «Таким образом, память о народной войне 1812 года увековечена в храме Христа Спасителя, строившемся почти столетия и освященном 26 мая 1883 года...»²⁷ Неизвестный «продолжатель» довел движение «коллективной» памяти до 1912 г.: «Чтобы должным образом почтить память героев заметных и незаметных, проливших кровь свою в этот знаменательный год — ныне, через 100 лет, все места битв и столкновений с врагом будут посещаться, всюду будут служить панихиды и благодарственные молебствия, всюду будут поставлены памятники. Но лучшим памятником была и останется *благодарность* в сердцах отдаленных потомков тех, кто умел душу свою положить — защищая родную землю»²⁸.

Труд Яхонтова к моменту завершения своей судьбы активно обновляемого текста либо совсем утратил указание на имя сочинителя (в изданиях 1906, 1911 и 1912 гг.), либо обрел «соавторов», спутников-продолжателей, иногда представленных самим «составителем» в списке источников, как, например, Т. Тольчева. Заявленная как издание для народного чтения, книга в буквальном смысле стала общим достоянием. В этом качестве она сохранила способность быть продолженной в пределах любого времени, не утрачивая ценности содержания и этических ориентиров, в равной степени принадлежащих прошлому и будущему.

²⁶ [Тольчева Т.] Рассказ старушки о двенадцатом годе. С. 3.

²⁷ Народная война 1812 г. / Сост. А. Н. Яхонтов. С. 110.

²⁸ Народная война 1812 года. СПб., 1912. С. 102.

В. А. Котельников

ПРЕДПОСЛЕДНИЙ ЮБИЛЕЙ ИМПЕРИИ

Столетний юбилей Отечественной войны 1812 года пришелся на время разрушения национально-имперской государственности в России. Симптомы этого процесса, признаки грядущей смуты и революционных перемен были уже очевидны в 1912 г., а вскоре, на фоне последнего российского юбилея — трехсотлетия Дома Романовых, отмечавшегося в следующем, 1913 г., — они стали еще более явными и угрожающими.

Обзор книжной и журнально-газетной печати 1912 г. показывает, что память о наиболее славных для страны за истекший век событиях отчасти угасала, отчасти по-прежнему служила поводом для казенно-патриотической риторики; в ряде случаев к ней обращались с целью активизировать гражданское самосознание или преподать моральные уроки современникам. Преимущественно же в ознаменование юбилея публиковались относящиеся к эпохе 1812 г. новые материалы по военной, политической, социальной и бытовой истории, наряду с которыми выходили многочисленные тематические сборники и компиляции, составленные по общеизвестным источникам.

В юбилейном году завершился фундаментальный коллективный труд «Отечественная война и русское общество»¹, в котором была дана наиболее полная и подробная картина войны, представленной как общенародная борьба с порожденным революционной Францией поработителем Европы. Заслугой авторов этой «своего рода энциклопедии войны» А. А. Измайлов считал то, что «русское общество, русский народ впервые занимали этих историков войны ничуть не меньше, чем

¹ Отечественная война и русское общество: 1812–1912: В 7 т. / Под ред. А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова и др. М., 1911–1912.

Александр и Наполеон, Барклай и Кутузов, Даву и Лористон»². Проводя идею пробуждения национальных сил перед лицом опасности, авторы труда, возможно, имели в виду указать на необходимость и возможность нового подъема этих сил в кризисную для России пору. Но обстоятельства 1910-х гг. не оставляли никаких надежд на это, и победные деяния армии и народа в Отечественной войне теперь все определеннее выглядели достоянием героического прошлого, постепенно переходящего в область национального предания.

Тем не менее, из тех деяний все еще пытались извлечь вдохновляющий пример для современности. Юрист, профессор Петербургского политехникума, тогда член ЦК партии кадетов, Н. А. Гредескул открыл юбилейный год своей статьей «1812–1912» в «Биржевых ведомостях» именно с той целью, чтобы напоминанием о былых победах возбудить гражданский энтузиазм в соотечественниках и внушить надежду на осуществление в стране социально-политических реформ. Но — «вспоминая славу 1812 года — не значит ли это беречь раны 1912 года?» — вопрошает он и, решительно отвергая такой взгляд, указывает на сходство между двумя эпохами, которое «заставляет нас признать в России 1912 года все ту же надежную Россию 1812 года»³. С характерным либерально-демократическим оптимизмом он вновь возлагает все надежды на «народ». Этот «народ» пришедшие в политику интеллигенты думского призыва продолжали считать действительным и единым субъектом истории, — исходя по-прежнему из отвлеченных представлений о «народе» и несмотря на полувековой, с 1861 г., опыт «народной свободы». «Как в 1812 году на историческую сцену выступил сам народ, так и теперь на этой исторической сцене находится тот же народ, мобилизовавшийся к участию в судьбах своего государства в 1905–1906 годах. Только задача теперь перед народом, в известном смысле, более трудная, чем та, какая стояла перед ним в 1812 году. Тогда перед народом была задача *внешняя*, теперь задача *внутренняя*. Тогда надо было спасти государство от иноземного нашествия — теперь надо водворить в нем

² Измайлов А. Юбилей двенадцатого года // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1912. 28 апреля. С. 3.

³ Гредескул Н. А. 1812–1912 // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1912. 1 января. С. 1.

внутренний порядок, надо благополучно совершить с государством величайший *внутренний* перелом: переход от абсолютизма к представительному образу правления»⁴. Допуская на этом переходе некие «междоусобия», Гредескул совершенно не представляет себе, какой размах они примут, когда в движение придут русские низовые массы. Он уверен, что осуществление «народом» демократического дела не поколеблет «надежной России», только нужно «беречь кровь» и «наваливаться друг на друга *внутри* своего собственного государства» «с величайшей осторожностью»⁵.

Подобные обращения деятелей либерального круга к «памяти двенадцатого года» — ради пропаганды партийных программ и укрепления веры в возможность правильного «народовластия» — в 1912 г. уже не имели опор в реальности.

В какой-то мере еще могло быть оправданным стремление напомнить о той эпохе ради воскрешения «чувства самоуважения и национального достоинства» в «сумрачные дни упадка высших идеалов»⁶, о чем писал анонимный автор журнала «Верность» на Рождество 1912 г., когда церковь возносила благодарственные молитвы за избавление от «нашествия галлов». Уместным было вспомнить о нашествии и в свете религиозно-этической проблематики, обострившейся с возобладанием в мире тенденций насилия и дегуманизации, чему в те же рождественские дни посвятил свою статью в журнале «Душеполезное чтение» Н. Николин. Он реминисцентно вовлек в текст центральную нравственную тему «Преступления и наказания», чем, конечно, усилил эффект своей проповеднической речи. Наполеон, писал он, «мечтал основать всемирную монархию, в которой было бы воплощено полное господство человеческого разума и торжество человекобожеской культуры <...>, не признавал ничего святого, по совести разрешал себе кровь⁷ и обман»⁸. Продолжение темы

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Верность. 1912. № 51. 5 декабря. С. 41–42.

⁷ В романе Разумихин резюмирует выведенную Раскольниковым формулу «наполеоновской морали»: ты «все-таки кровь *по совести* разрешаешь, и, извини меня, с таким фанатизмом даже... <...> Ведь это разрешение крови *по совести*, это... это, по-моему, страшнее, чем бы официальное разрешение

у автора далеко от либерального оптимизма: после победы в Отечественной войне «русское общество воспрянуло духовно», но впоследствии наступил «нравственный развал», и ныне еще более усилилась угроза антихристианского духа⁹.

В 1912 г. был завершен составленный К. А. Военским обширный свод материалов по истории Отечественной войны¹⁰, вошедший в историковедческую базу многих позднейших исследований. В разных изданиях также публиковались хранившиеся в архивах документы, свидетельства о лицах и событиях 1812 года, чему, естественно, уделил место (правда, очень небольшое) журнал «Русский архив». На его страницах появились сведения об участнике войны С. М. Иконникове¹¹, записи И. М. Снегирева «Пожар Москвы», «Московские храмы по уходе французов»¹², письма из архива Н. О. Котлубицкого¹³, воспоминания А. И. Васильчиковой¹⁴. Н. Г. Высоцкий приводил свидетельства об истреблении французами ценнейших документов из Архива вотчинного департамента в Кремле, о постое наполеоновских солдат в московском доме Ю. А. Нелединского-Мелецкого, книгами из библиотеки которого они устилали двор, чтобы не ступать по мокрой земле¹⁵.

Интересные данные о французской администрации в занятой Наполеоном Москве разыскал историк М. В. Клочков, опубликовавший их в «Историческом вестнике»¹⁶. В том же номере печаталась основанная на архивных документах пятого департамента Сената (1817 г. № 951)

кровь проливать, законное...» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1973. Т. 6. С. 202–203).

⁸ *Николин Н.* Духовно-нравственное значение событий 1812 года по разуму Православной Церкви (к 25 декабря) // Душеполезное чтение. 1912. № 12. С. 574.

⁹ Там же. С. 579–582.

¹⁰ Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года: В 3 т. / Сост. К. Военский. СПб., 1909–1912. К. А. Военский подготовил и популярную книгу «Година бед — година славы. 1812 год», которая была издана тиражом в 150 тысяч экземпляров.

¹¹ *Русский архив.* 1912. № 8. С. 630–632.

¹² Там же. № 5. С. 134, 212.

¹³ Там же. С. 244–248.

¹⁴ Там же. № 9. С. 133–135.

¹⁵ Там же. № 10. С. 250–251.

¹⁶ *Клочков М. В.* Муниципалитет и комиссары Москвы, учрежденные французами в 1812 году // *Исторический вестник.* 1912. № 8. С. 582–614.

статья историка К. В. Кудряшова о раскрытом в 1814 г. заговоре сосланных в Томск поляков (преимущественно военнопленных), организованном Мартыном Вонсовичем, который еще раньше был сослан за держание фальшивых ассигнаций и другие преступления. «Заговорщики ставили своей целью, — сообщает автор, — захватить в свои руки правительственную власть в Томске и, провозгласив основы нового государственного строя, двинуться из Сибири во внутренние губернии России, “на помощь Наполеону, который вторгнется в Россию четырьмя армиями”»¹⁷. Прежде всего они рассчитывали взять Казань, а по дороге присоединять к своему отряду поднятое на восстание население. «Политическую программу» они изложили в «Манифесте его императорского величества Н. Б.», текст которого приводится в статье. В преамбуле значилось (написание подлинника): «Повелел истребить противное Богу. Сверх обыкновенно и изданным законам, но через республики повелено в точности опровергнуть правление». После изложения пунктов следовало: «Если бы кто по сим пунктам не наблюдал и смел бы быть ослушным и не хотел бы повиноваться или противоречил, то после того поступка не будет более жить двух дней»¹⁸.

Благодаря местным деятелям впервые получали освещение некоторые события, происходившие в российских губерниях во время нашего пребывания. Говоря о настроениях людей в Калужской губернии, Б. Беляев замечает, что, «кроме естественного страха перед непобедимым врагом, в России того времени были и другие темные и дурные стороны, которые сильно затрудняли, а при неблагоприятных условиях могли сделать совсем невозможной народную войну с Наполеоном», чье вторжение в Россию «было не только шествием физической *силы*, но и вступлением *соблазна*»¹⁹. В подтверждение он ссылается на выражения недовольства в местном образованном обществе и среди крестьян, нередко поднимавших бунты, как то случилось в деревне Обухово. По материалам Витебской ученой архивной комиссии В. И. Глыбовский подготовил для массового читателя подробное изложение исторических фактов

¹⁷ К-шов К. Томский заговор // Там же. С. 622.

¹⁸ Там же. С. 635–636.

¹⁹ Беляев Б. Страница из истории 1812 года // Душеполезное чтение. 1912. № 7–8. С. 432.

в книге «1812 год в Витебской губернии», а хранитель древностей Смоленского городского историко-археологического музея В. И. Грачев проделал такую же работу в книге «Смоленск и его губерния в 1812 году».

В «Актах, издаваемых Виленскою комиссиею...»²⁰, кроме служебных документов французского командования и местной администрации, сведений о разбоях наполеоновских солдат в Литве и Белоруссии, помещен подписанный представителями княжества Литовского акт о немедленном присоединении всех жителей Литвы к варшавской конфедерации, которая видела в Бонапарте своего избавителя от «московских цепей» и надеялась с его помощью восстановить Польшу в границах 1772 г. Однако на замыслы и поведение поляков очень скептически смотрел действовавший тогда в Литве и в западных губерниях видный наполеоновский администратор А. Д. Пасторе. В своих воспоминаниях о 1812 году²¹ он оставил крайне неблагоприятный о них отзыв. Возможно, таким взглядом на поляков объясняются интерес к его мемуарам в России и то, что «Исторический вестник» счел возможным привести в своей рецензии данный отзыв, резко расходившийся с распространенным мнением, что французы полякам симпатизируют и помогают. Непосредственно столкнувшись с поляками в Ковно, Пасторе писал: «Слабохарактерные и преданные всевозможному злу, на какое увлекает слабость, алчные до блеска и ничегонеделанья, поляки из гордости выходят из спокойного состояния, чтобы по необходимости вернуться в рабство, и их воля, никогда не предвидевшая препятствий, приходит в упадок, когда перед их глазами появляется препятствие». С презрением отозвавшись о большинстве поляков, Пасторе об остальных заметил, что они «тщеславятся своим богатством, чтобы вырвать помощь, говорят о чести, чтобы добиться орденов, и украшаются своей древней свободой, лишь чтобы лучше продать ее»²².

²⁰ Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов. Т. XXXVII. Вильна, 1912.

²¹ *Pastoret A. de. Souvenirs inédits de la campagne de 1812 // Revue Bleue. 1912. 27 Juillet, 3 Août.*

²² [Б. л.] Заграничные исторические новости и мелочи // Исторический вестник. 1912. № 9. С. 1107.

Разумеется, не обошлось без «парадных» публикаций, хотя число их было сравнительно невелико и тон был более сдержанный, чем в прежние времена.

В открывающей августовский номер «Исторического вестника» статье «Торжество России в борьбе с Наполеоном» историк-публицист Б. Б. Глинский все-таки продемонстрировал известную независимость как от понятий и языка официоза, так и от тривиальных взглядов на деятелей эпохи. Он позволял себе критично взглянуть на роль Александра I (впрочем, после работ Н. К. Шильдера и великого князя Николая Михайловича это не требовало особенной смелости), акцентировал общественную и народную инициативу в борьбе с нашествием, говорил даже о том, что «проповедь духовенства и агитация дворянства» «фанатизировали население, которое и начало воспринимать идею о пришествии антихриста во образе Наполеона за реальный факт»²³. Он решился восстановить «положительную страницу» в биографии «ненавистного временщика» и напомнить, что «Россия обязана Аракчееву» вовремя приготовленной для Бородинского сражения мощной артиллерией, числом превышавшей наполеоновскую²⁴. Наконец, он великодушно отказался от упреков тем, кто вместе с Бонапартом «когда-то поработал нам на гибель»: «Всему забвенье, всем историческое прощенье!..»²⁵ Но он не мог отказаться от традиционного провозглашения монолитного единства царя и народа в этом «великом подъеме народных сил, где последний русский поселянин вместе с своим самодержцем слились воедино и представили собою ту мощную народную твердыню, о которую разбилась грозная коалиция “двадесяти язык”»²⁶.

В изданиях для широкого читателя (и тем более для простонародья) юбилейные статьи изобиловали прежними верноподданническими клише, и, хотя они явно представляли собой уже ископаемые речевые образования и не могли быть живым выражением монархических настроений, их продолжали использовать без всяких видоизменений, как то делал, в частности, священник Иоанн Васильев,

²³ Исторический вестник. 1912. № 8. С. XVI.

²⁴ Там же. С. XLII.

²⁵ Там же. С. XLVIII.

²⁶ Там же.

писавший о «главном устое — любви народа к царю и властям, царем поставленным»²⁷.

Несколько иной вид получает этот распространенный в юбилейных публикациях мотив, когда излагается в жанре исторического анекдота, не лишённого к тому же некоторого стародворянского изящества, в заметке «Русская борода в 1812 году»²⁸. Подпись «Кн. П. П. В.» и манера рассказа позволяют предполагать, что автор ее — князь Павел Петрович Вяземский. Но он умер в 1888 г., а в заметке цитируются не те «Воспоминания» А. П. Бутенева, которые печатались в «Русском архиве» в 1881 г. и которые мог читать П. П. Вяземский, но выбранные из них «Воспоминания о 1812 годе», которые отдельной книжкой издал сын мемуариста К. А. Хрептович-Бутенев в 1911 году²⁹. Возможно, отсылку к этой книге и к принадлежащим ее издателю примечаниям в данную заметку вставил П. И. Бартенев. А. П. Бутенев в «Воспоминаниях» приводил ответ Александра I полковнику А.-Ф. Мишо де Боретуру на предложение Наполеона начать мирные переговоры: «Скорее уеду в дальние края моего царства и *отрощу себе бороду*, но не соглашусь подписать стыд моего отчества». После этих слов государя в заметке следует извлечение из упомянутой книги: «В примечаниях к ней читаем: “Любопытно сопоставить эти знаменитые слова с отзывом Наполеона, который на острове Св. Елены говорил: будь я русским царем, я *отростил бы себе бороду* и держал бы в руках всю Европу”. По милости Божией нам не пришлось прибегнуть к такой решительной мере»³⁰.

Затем автор заметки приводит рассказ княгини З. А. Волконской о кучере Илье³¹, который правил погребальной колесницей, везшей тело Александра I из Таганрога в Москву. Московский распорядитель траурного шествия требовал строгого соблюдения церемониала, в соответствии с которым кучер должен быть в парадной ливрее и без бороды. Илья отвечал, что он «никогда не оставлял козел и никому не согласится

²⁷ Иоанн Васильев, свящ. Царь и народ: (К Бородинским торжествам) // Верность. 1912. № 33. 19 августа. С. 3.

²⁸ Русский архив. 1912. № 9. С. 159–160.

²⁹ Бутенев А. П. Воспоминания о 1812 годе. М., 1911.

³⁰ Русский архив. 1912. № 9. С. 159.

³¹ По изданию: Oeuvres choisies de la princesse Zénéide Volkonsky. Paris; Carlsruhe, 1865. P. 231.

уступить эту честь». «Гофмаршал настаивал, — продолжает Волконская, — <...> но он должен был уступить в конце концов. Адьютант идет рассказать Илье о том, что происходило: “Ты носишь бороду (говорит он ему) и потому не можешь сидеть на козлах в Москве”. “Ну что ж, я побреюсь”, — отвечал Илья. Вы знаете, как русскому мужику дорога его борода. Илья ее сохранил»³². Заключает заметку автор следующими словами: «Княгиня Зинаида Александровна вовсе не вспоминает по этому поводу известных слов государя. Но не правда ли, невольно напрашивается сопоставление? И сколько взаимной любви в этих будто бы на первый взгляд несогласных воззрениях царя и крестьянина!»³³

В юбилейный год страницы периодических и книжных изданий — от журналов, газет до учебных хрестоматий и брошюр для народного чтения, — естественно, наполнялись литературным материалом на тему Отечественной войны. Происхождение и качество его было весьма различным. Текстам знаменитых писателей девятнадцатого века нашлось, конечно, определенное место — и это была лучшая, хотя далеко не новая литературная дань памяти 1812 года. Так, вышедший 26 августа номер еженедельного «военно-народного журнала» «Верность» почти весь отдан произведениям Г. Р. Державина, В. А. Жуковского, П. А. Вяземского, И. И. Дмитриева, Ф. И. Тютчева, М. Ю. Лермонтова, А. С. Пушкина, И. А. Крылова и др. «Военный сборник» напечатал в седьмом номере стихотворение Д. В. Давыдова «Бородинское поле», К. В. Елпатьевский составил скромный по объему, но представительный сборник «1812 год в русской поэзии». Но, рассеянные в небольших подборках или печатаемые поодиночке, подобные тексты оставались малозаметными в общем потоке публикаций.

Количественно преобладала и повсюду попадалась на глаза читателю продукция другого рода, изготовленная по заказу редакторов и издателей или по собственному почину авторов, спешивших вовремя и небезвыгодно откликнуться на годовщину. Вполне понятно появление юбилейно-литературных поделок в массовых изданиях; в солидных журналах и сборниках они выглядят странно. Трудно представить себе

³² Русский архив. 1912. № 9. С. 159–160.

³³ Там же. С. 160.

причины, заставившие «Исторический вестник» напечатать рассказ Б. А. Щетинина «Отрубленный палец (Эпизод из эпохи Отечественной войны)»³⁴. Автор выдает свое сочинение за найденную у букиниста рукопись, но даже не пытается воссоздать взгляд и речь человека того времени и той среды, которые представлены в рассказе. Пошловато-чувствительное описание отношений любвеобильной вдовушки и ее юного квартиранта драматизируется сценой вторжения в дом французских солдат, которые отрубили хозяйке палец вместе с кольцами; все завершается возмездием насильникам. И по сюжету, и по банальности повествовательных приемов такая вещь могла удовлетворять только вкусам низового читателя.

Наиболее популярным жанром в тот год был очерк, рисующий события и героев Отечественной войны. Компилятивный в фактическом содержании, он все-таки приносил некоторую пользу в деле просвещения, если был грамотно написан и обладал некоторыми литературными достоинствами. Отнюдь не все очерки такими свойствами отличались; торопливым авторам и издателям было некогда следить за ходом мысли и стилем, и поэтому главный раздел одной из книг мог завершаться у них таким пассажем: «15 декабря Россия была совершенно очищена от неприятельских войск. Этим, собственно, да еще уборкой валявшихся по всем дорогам трупов и окончилась Отечественная война»³⁵.

Неизменный интерес к теме патриотического подъема, военных подвигов и триумфов, солдатского героизма, за неимением свежих литературных разработок темы и подлинного фольклора, вывел на рынок множество имитаций народного творчества и стилизованных рассказов для народного чтения. Из последних сравнительно удачными можно счесть «Рассказы из времен 1812 года» С. Пронского, печатавшиеся в нескольких номерах «Варшавского военного вестника». Вместе с тем выходили и беззастенчивые спекуляции, например, сборник «Боевые новые песни. Нашествие Наполеона I на Москву 1812 года...»³⁶. К Отечественной войне имела отношение лишь одна первая «песня», и начиналась она так:

³⁴ Исторический вестник. 1912. № 8. С. 569–581.

³⁵ Столетие Отечественной войны. СПб., 1912. С. 40. Автор не указан.

³⁶ Боевые новые песни. Нашествие Наполеона I на Москву 1812 года. Сборник военных и народных песен. Сочинение Н. [И.] Красовского и Д. Назарова. М., 1912.

В тысяча восемьсот двенадцатом году
Объявил француз войну.
На матушку первопрестольную Москву,
На всю Россию славную.

Недалеки от подобных «изделий» некоторые литературные тексты специального юбилейного московского издания — двухнедельного журнала «Тысяча восемьсот двенадцатый год». На его веленевых страницах рассыпаны разнообразные стихотворные опусы А. Скринина (псевдоним А. В. Скрипицына) и Н. Каменского, печатаются «поэма в прозе» «Сон Богатыря» А. Левшина, «историческая пьеса в 4-х картинах» «В Отечественную войну» И. И. Успенского, претендующая выразить народное отношение к событиям той поры. Некую литературную загадку представляет собой рассказ «Небесная метла (Из смоленской хроники 1812 года)», помещенный в первом и втором номерах за подписью «А. Смоленский». Написал его талантливый критик и беллетрист А. А. Измайлов, оставив читателей в недоумении относительно своих намерений. Хотел ли он представить образчик «ретростиля» в связи с обращением к той эпохе, или его просто увлекли быт и нравы поместного дворянства тех лет, и он невольно, без всякой рефлексии прибег к той манере, в которой некогда этот материал разрабатывался? Во всяком случае, выглядит это как малоудачное — и у Измайлова неожиданное — подражание романтической повести 1830-х гг.

Одним из немногих авторов, посмотревших на Бородинскую баталию глазами человека 1912 г., оказался писатель и журналист П. А. Россиев. Оглядывая знаменитое поле, он живым пером воскрешает героико-поэтические картины былого и увенчивает их исполненным патетики, хотя несколько бессвязным финалом: «Многое изменилось тут: распаханы курганы, вырублены леса. Кровавая быль сметается, стирается. Красивым теням наше время становится нектати. Поколения бредили Наполеоном, как Байроном, а теперь? Кутузов не был любимцем, тем более кумиром, ни отцов, ни детей. Но Ермолов, Багратион, даже Кутайсов и Милорадович оставили по себе память, одетую в красоту и величие»³⁷.

³⁷ *Россиев П.* Поездка в Бородино // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1912. 22 января. С. 3.

Особенно колоритен конец очерка, не лишенный некоторого символического значения. Монахиня Спасо-Бородинского монастыря матушка Глафира рассказала автору о том, как в августе приезжали из Москвы господа с кинематографом. «Хотели представить, как происходило сражение в двенадцатом году. Нанимали здешних крестьян, обряжали их в тогдашнюю одежду, брали войско, две пушки, всё, как следует быть. <...> Ничего не вышло. Как зарядил дождь, да три дня и не переставал. Господа обиделись, двести рублей погубили и уехали в Москву ни с чем. А уж как старались, вот уж старались: и в костюмы одевались, и бороды приклеивали, и все такое. Карл Иваныч — Наполеон-то самый, — немец он. Уж так хлопотал! А только ничего не вышло. . .

Вот оно: “от великого до смешного — шаг”...»³⁸

На грани смешного (а отчасти и за ней) оказывается в те дни энтузиаст эры электричества и кинематографа естествовед М. В. Новорусский, выступивший в «Новом русском журнале для всех». Упоенный достижениями научно-технического прогресса, он искренне жалеет Наполеона, который «сошел с исторической сцены, никогда не выдавши фонаря с газовым рожком»³⁹, и несчастных его современников, которые не знали бактериологии, органической химии, не умели получать мочевины и даже светильный газ. «Теперь, когда все крупные города буквально залиты электрическим светом, нам очень трудно представить себе, как жили по вечерам культурные люди сто лет тому назад. Мраку духовному вполне соответствовал мрак физический»⁴⁰, — заключает о той эпохе просвещенный автор. В Отечественной войне этого пропагандиста цивилизации особенно огорчает отсутствие быстрых средств передвижения и связи: «Идут кровопролитные стычки. Смоленск берут штурмом. Вы думаете, что вся Россия изо дня в день волнуется ожиданием и жаждет свежих сведений? Ничуть не бывало! Ведь ни железных дорог, ни телеграфов тогда не было. Из Смоленска курьер не мог принести в Петербург сведения ранее, чем через трое суток. А через два, либо три дня эти сведения появятся в

³⁸ Там же.

³⁹ *Новорусский М.* Чего не знали при Наполеоне // *Новый журнал для всех.* 1912. № 6. Стб. 86–87.

⁴⁰ Там же. Стб. 87.

петербургской газете»⁴¹. Немногим лучше обстояли дела и у «более культурных европейцев»: «Великая армия двигалась в неизвестную страну без карт, компасов, без метеорологических и географических сведений. Сам великий полководец, несмотря на свой военный гений, не имел для своего движения удобного железнодорожного вагона и для своих распоряжений — телеграфных, а тем более телефонных проводов»⁴².

Замечательно прокомментирован ученым утилитаристом эпизод встречи Наполеона с Гегелем в Йене. Философ уклонился от объяснения сути своего учения завоевателю Пруссии, и в этом столкновении Новорусский увидел «готовую картину тогдашнего умственного состояния. Наполеон ищет практического дела и знаний, служащих практике. А знаний реальных почти не было. Была метафизика. Она кружила головы, увлекала, словно мираж в пустыне, и поглощала духовные силы развитого поколения, которые, при других условиях, могли бы быть отданы на разработку науки и на приобретение положительных знаний»⁴³.

О чем еще жалеет автор, так это о неразвитости французской промышленности, из-за чего у Наполеона пушки были «отнодь не стальные и не нарезные. Тогда еще не умели отливать большие болванки из стали и тем более сверлить их. Знаменитая фирма Круппа, недавно праздновавшая свое собственное столетие, <...> первое нарезное орудие приготовила только в 1846 году, да и то было только трехфунтовое»⁴⁴. Вероятно, Новорусскому хотелось бы более ранних и значительных успехов в этом деле — чтобы французы уже тогда имели нарезные крупнокалиберные орудия и могли эффективнее уничтожить противника. Апологет прогресса в 1912 г. не слышит крупновской канонады и не чувствует запаха синтезированного в Германии иприта на полях мировой войны, которая уже перешагнула балканский порог.

В том же «Новом журнале для всех» появились две интересные по материалу и мысли статьи Л. Герасимова (псевдоним публициста

⁴¹ Там же. Стб. 84.

⁴² Там же. Стб. 84–85.

⁴³ Там же. Стб. 85.

⁴⁴ Там же. Стб. 88.

Ф. Г. Сиротского). Хотя он признавал двигателями истории прежде всего классовые интересы (не в марксистской их трактовке, однако), он верно усмотрел сходство в том, во имя чего и как сопротивлялись французам испанцы и русские. Провозглашаемые Наполеоном «священные слова революции», призванные, по его замыслу, возбудить освободительное движение в массах и действительно разжигавшие революционные настроения во многих странах, вдруг оказались бесполезными. «Народ просто не понимал его... Крайне характерно, — замечает автор, — что первой страной в Европе, охваченной *народной* войной против Наполеона, была не Пруссия, где так широко развернулась агитация против него, а слабая и политически отсталая Испания. Здесь не было того мещанства, той буржуазии, к которой апеллировал Наполеон. Испания, фанатическая в своей религиозности, отсталая и некультурная, видела в Наполеоне только врага, чужеземного завоевателя, поработителя ее национальной независимости и разрушителя католической церкви, дерзкого посягателя на святую папскую власть. Единодушное восстание испанского народа оказалось сильнее даже прекрасно организованного войска»⁴⁵.

Герасимов приводит слова Наполеона (из «*Mémoires du Napoléon*») о том, что ждало его по переходе через русскую границу: «В России нам предстояла новая Испания, но Испания без границ, без средств, без городов». Наполеон рассчитывал на те же «священные слова» и стратегию овладения страной с помощью внутренних дестабилизирующих ее сил — стратегию, которую западная экспансия и в конце двадцатого — начале двадцать первого века интенсивно использует на восточных территориях. Наставления Наполеона отправляемому в Варшаву архиепископу знаменательны, и Герасимов цитирует их очень кстати: «Русские не смогут занять всего огромного пространства их страны. Необходимо организовать в тылу у них возмущение, устроить очаги восстания повсюду <...>. Это движение должно сделаться всеобщим, как только можно будет его поддержать каким-либо энергичным военным делом»⁴⁶.

⁴⁵ Герасимов Л. Наполеон и Россия // Новый журнал для всех. 1912. № 12. Стб. 114.

⁴⁶ Там же.

Возмущения возникали, но воспользоваться ими в своих целях Наполеон не смог. «Крестьянские восстания сразу принимали характер пугачевщины, разгрома и яростной мести, уничтожавшей своим стихийным проявлением всякий революционный смысл»⁴⁷.

Основываясь на данных, опубликованных «Журналом Министерства юстиции», Герасимов рассказывает, как напуганное беспорядками местное дворянство прибегало к помощи наполеоновского войска, и «таким образом, русские помещики с большим патриотизмом умиряли русских крестьян при помощи *французской* вооруженной силы»⁴⁸. Однако по мере вторжения «великой армии» вглубь ненависть крестьян все более сосредоточивалась на французах, и с этого времени «война действительно становилась народной», а «"священные слова" у нас усиленно эксплуатировались» теперь уже властями, призывавшими народ бороться «за свободу»⁴⁹.

Во второй статье⁵⁰ Герасимов дал весьма критичный социально-политический портрет «народного императора», продолжив тем самым небольшой ряд серьезных публикаций по истории наполеоновской эпохи. Вписывается в этот ряд и основательный обзор Н. Кудрявцевым того, как в Германии изучается французская военная литература о Наполеоне⁵¹. С удовлетворением автор в заключение своего обзора констатирует конец великого мифа: «Во Франции исчезла теперь наполеоновская легенда, но воцарилось научное уважение к гениальному корсиканцу»⁵².

Часть периодических изданий отозвалась на юбилей немногочисленными и не очень весомыми публикациями — как «Биржевые ведомости», где в 1912 г. появились упомянутые выше выступления Н. А. Гредескула и П. А. Россиева и с 18 марта велась состоящая из нескольких строк рубрика «Дневник 1812 года». В «Журнале Министерства народного просвещения» только публикация Г. П. Георгиевского

⁴⁷ Там же. Стб. 117.

⁴⁸ Там же. Стб. 118.

⁴⁹ Там же. Стб. 118–120.

⁵⁰ Герасимов Л. Наполеон I // Новый журнал для всех. 1912. № 8. Стб. 79–86.

⁵¹ Кудрявцев Н. Наполеоновские отзвуки: (Взгляд на толкование немцами французской военной литературы о Наполеоне // Военный сборник. 1912. № 7. С. 89–104; № 8. С. 95–116.

⁵² Там же. № 8. С. 115.

«Кутузов в переписке с родными»⁵³ в сентябрьском номере напоминала о деятеле эпохи, хотя непосредственно к Отечественной войне она отношения не имела. Однако в том же номере была помещена большая статья П. А. Ровинского, посвященная двухсотлетию отношений России с Черногорией⁵⁴. Никаких материалов о двенадцатом годе решили не давать редакции «Вестника Европы», «Русского богатства» и других изданий.

Следующая, 125-летняя годовщина Отечественной войны пришла на 1937 год.

⁵³ *Георгиевский Г. П.* Кутузов в переписке с родными // Журнал Министерства народного просвещения. 1912. № 9. С. 1–36 (вторая пагинация).

⁵⁴ *Ровинский П. А.* Двухсотлетие отношений России с Черногорией (1711–1911 г. // Там же. Раздел «Современная летопись». С. 1–50.

**ПУБЛИКАЦИИ
И СООБЩЕНИЯ**

Н. П. Николев

**РЕЧЬ, ГОВОРЕННАЯ
ВЕРЕЙСКОЙ ОКРУГИ ПОМЕЩИКОМ
НИКОЛАЕМ ПЕТРОВИЧЕМ НИКОЛЕВЫМ
СОБСТВЕННЫМ И СОСЕДНИМ КРЕСТЬЯНАМ
1812 ГОДА АВГУСТА 12 ДНЯ**

Публикация М. Г. Альтшуллера

Николай Петрович Николев (начало 1750-х гг. — 1815) во второй половине XVIII в. считался одним из самых известных писателей. Зрители восхищались его трагедиями «Пальмира» (1787) и «Сорена и Замир» (1875); комедия «Розана и Любим» (1776) выдержала к 1800 г. около тридцати представлений; очень популярной была комедия «Победа невинности, или Любовь хитрее осторожности» (1788). Стихи, особенно хвалебно-пародийные, в которых автор скрывается под маской то В. К. Тредиаковского, то отставного солдата¹, пользовались шумным успехом и заучивались наизусть. Некий романтический ореол создавала и слепота поэта: современники называли его русским Гомером и русским Мильтоном.

Однако к началу XIX в. слава Николева сильно померкла. Так, С. Т. Аксаков признавался, что до знакомства с Николевым в 1812 г. «не имел никакого понятия о знаменитости Николева» и очень удивился, узнав, что тот является автором пародической оды, написанной от имени Тредиаковского².

Оставив Петербург после убийства императора Павла I, Николев жил то в Москве, то, летом, в своей подмосковной, где у него был громадный дом, «выстроенный наподобие замка в три этажа с английским садом», и даже собственный театр³. Здесь, в подмосковной, и встретил он войну 1812 года.

¹ Две оды на взятие победоносным российским воинством города Очакова 1788 года декабря 6 дня, сочиненные первая г. Тредиаковски^м в царстве мертвых, вторая отставным солдатом Моисеем Слепцовым. СПб. 1789

² Аксаков С. Т. Литературные и театральные воспоминания // Аксаков С. Т. Собр. соч.: В 4 т. М., 1956. Т. 3. С. 10, 17.

³ Памятник друзей Николаю Петровичу Николеву. М., 1819. С. 26.

11 июня (все даты приводятся по старому стилю) 1812 г. французская армия перешла Неман. 6 августа был взят Смоленск, и войска Наполеона двинулись по направлению к Москве. Крестьяне, напуганные нашествием, обеспокоенные объявленным в манифесте царя набором в ополчение, гибелью Смоленска, обратились за разъяснением («в числе шестисот пришли к слепцу требовать его совета и помощи») к помещику, который пользовался их несколько суеврым уважением⁴.

12 августа Николев произнес перед собравшимися крестьянами взволнованную патетическую «Речь», которая, несомненно, была воспринята даже его слушателями в контексте знакомых им царских манифестов, написанных А.С. Шишковым. Эти манифесты у читателей, особенно у малообразованных, малограмотных и вовсе неграмотных крестьян и купцов, вызывали горячие патриотические чувства. Скептически настроенная интеллигенция испытывала неловкость от их чрезмерного пафоса («Мы смеялись нелепости его манифестов и ужасались их государственной неблагопристойности...») — писал П. А. Вяземский). Представители низших сословий восхищались их искренним патриотизмом и высокой торжественностью изобилующего славянизмами и архаизмами слога: «...присутствующие ударяли себя по голове, рвали на себе волосы, ломали руки, видно было, как слезы ярости текли по этим лицам, напоминающим лица древних. Я видел человека, скрежетавшего зубами»⁵. Даже скептик Вяземский должен был признать, что «большинство, народ России читали их с восторгом и умилением»⁶.

Нечто подобное должны были испытывать и крестьяне, слушая «Речь» благообразного слепца, опиравшегося на посох (массивную трость с бриллиантовым набалдашником, подаренную ему императором Павлом⁷).

Однако жизнь вносила свои коррективы в трогательный миф о единстве властей и народа в общем патриотическом порыве. Центральная часть речи Николева посвящена разъяснению манифеста от 18 июля 1812 г. о созыве народного ополчения. Крестьяне, оказывается, хотя и боялись чужеземного нашествия («приходите ко мне с трепетом»), не очень доверяли царским словам («не слышите уже и обещания, данного вам государем»). Более всего они были озабочены необходимостью покинуть родные дома. Рисковать своей жизнью они тоже

⁴ Биограф Николева рассказывает, что, несмотря на свою слепоту, он иногда по ночам «уходил прогуливаться в Англинский сад, где все тропинки были ему известны. Занятый размышлениями, он произносил или какие-либо слова или декламировал, и это подало повод собственным и соседним крестьянам почитать его за чернокнижника...» (Памятник друзей Николаю Петровичу Николеву. С. 25–26).

⁵ *Ростопчин*. С. 270.

⁶ *Вяземский П. А. Записные книжки (1813–1848)*. М., 1963. С. 270 (Лит. памятники).

⁷ См. ст. М. Г. Альтшуллера в наст. сб.

не хотели, а временная мобилизация, с их скептической точки зрения, запросто могла превратиться в четвертьвековую рекрутчину. Речь Николева, таким образом, представляет собою уникальное свидетельство о подлинных настроениях простого народа⁸.

В остальном «Речь» посвящена разъяснению текущих событий, которые комментируются оратором с вполне официозной точки зрения, и сопровождается пафосным призывом бороться с чужеземными захватчиками.

Стилистически «Речь» опирается на царские манифесты. Однако же с некоторыми коррективами: перед нами живое устное (хоть и зафиксированное на бумаге) обращение к слушателям, а не письменный документ, предназначенный для чтения, даже если он читается вслух. Поэтому в нем больше разговорно-просторечных интонаций и лексем, чем в нарочито книжных, изобилующих церковнославянизмами манифестах Шишкова. Этот второй стилистический пласт речи Николева ориентирован на известные «Афиши 1812 года, или Дружеские послания от главнокомандующего в Москве к жителям ее» Ф. В. Ростопчина⁹.

В отличие от официальных манифестов, «афиши» Ростопчина написаны подчеркнуто народным, точнее псевдонародным, даже заливчатским языком. Изысканный, хорошо образованный остроумец Ростопчин, владевший французским едва ли не лучше, чем русским, возможно, хотел своими «афишами» представить как бы иную, вторую ипостась народного патриотического мироощущения. С одной стороны — официальные государственные манифесты, с другой — простое, обыденное, вульгарное народное сознание, не менее патриотичное, чем в манифестах, но выраженное по-простонародному развязно, даже грубо. Характерно в этом отношении начало уже первой афиши, изображающей русского простолюдина, который начинает свои шапкозакидательские речения, «выпив лишний кружок водки на тычке <...>, вышед из питейного дома»¹⁰.

Николев владел народным русским языком не хуже Ростопчина. Об этом свидетельствуют его комедии, особенно «Розана и Любим», а трагедии («Пальмира», «Сорена и Замир», «Светослав») отличаются выразительным, архаичным, несколько тяжеловесным слогом. В своей «Речи» он вполне удачно соединил торжественную архаику Шишкова с просторечием Ростопчина, но без его грубости и развязности.

Как Шишков и Ростопчин, Николев взывает к патриотизму своих слушателей, напоминая им о славном прошлом («искони непобедимые вои русские»),

⁸ О несоответствии истинного поведения народа казенно-патриотическим заявлениям говорил С. Н. Искюль в докладе «1812. Война и мир — мифы и документальная реальность» на конференции Study Group of Eighteenth — Century Russia VIII International Conference, Durham University, UK, July 4–9, 2009. См. также: *Искюль С. Н. 1812 год. СПб., 2008* (Роковые годы России: документальная хроника).

⁹ См., напр.: *Ростопчинские афиши 1812 года. СПб., 1889.*

¹⁰ *Ростопчин. С. 209.*

о кулачных боях, в которых побивали одним махом десятки, а грудью пробивали стены и т.п.

Язык «Речи», как у Шишкова, изобилует архаизмами и славянизмами (искони, инако, токмо, вои, паки, крепи (т.е. крепости) и грады, огонь, изженет и пр.), на синтаксическом уровне постоянны инверсии: пес гладный, злодей козненный и т.п.

В то же время встречаются и слова фольклорно-просторечные с уменьшительными суффиксами, придающие речи интонацию сердечного, «запросто», обращения к слушателям: соседушки, матушка, солдатушки. Николев наверняка знал и хорошо помнил известную работу Шишкова «Разговоры о словесности между двумя лицами Аз и Буки» (1811). Автор ее считал такие слова характерными для поэтики фольклора, видел в них отражение доброты и чувствительности народного самосознания: «Старинное наше стихотворение любило <...> в нежных и приятных сочинениях уменьшительные имена. <...> <Они> не одно умаление значат, но также и красоту вещи или просто учтивость и ласку»¹¹.

Чтобы продемонстрировать свою близость народному мироощущению, Николев, как и Ростопчин, употребляет диалектизмы («локтать»), не гнушается даже грубоватым просторечием, называя французов «бусурманской сволочью» (впрочем, это слово в XVIII — начале XIX вв. имело менее экспрессивно-отрицательное значение, чем в наши дни, и значило лишь «сброд», «бродяги»).

Речь Николева, несомненно, имела большой успех. Неясно, поверили ли мужики высокопарным уверениям своего слепого господина, но у образованных патриотов она вызвала интерес: в том же 1812 г. «Речь» была напечатана отдельной брошюрой.

Ученики и друзья Николева считали «Речь» настолько существенной в его творческом наследии, что включили ее в сборник, посвященный его памяти (1819), а самый преданный ученик Николева С. А. Маслов подробно остановился на этом эпизоде в краткой биографии своего учителя.

Впервые: *Николев Н. П.* Речь, говоренная Верейской округи помещиком Николаем Петровичем Николевым собственным и соседним крестьянам 1812 года августа 12 дня. Б. м. [1812].

Речь перепечатана без изменений в изд.: Памятник друзей Николаю Петровичу Николеву. М., 1819. С. 34–43. Здесь приводится по первой публикации.

¹¹ Собр. соч. и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1824. Т. 3. С. 98, 85–86.

Миряне! Из коих одни Богом и государем мне подчиненные усердные и послушные мои поселяне, роды в течение двух столетий роду моему верою и правдою служащие¹; другие суть добрые мои соседы!.. Вы пришли ко мне вопросить: правда ли, что француз, царства нашего супостат, опустошил и выжег Смоленск, валится несметною силою на Москву, и что гибель нашей родины неизбежна?.. Благодарю вас, други! что вы прежде, нежели поверили сей молве, пришли поверить то на моей правде! Такая ваша ко мне доверенность веселит мое сердце и обяывает меня как христианина, как любящего детей своих отца и друга неллицемерного соседушек своих, дать вам ответ по чистой совести; но прежде, чем то, друзья мои, исполню, попеняю вам и вопрошу вас самих.

Как! Вы ли, искони непобедимые вои русския, памятные и поныне богатырскими своими подвигами, чьи предки, отцы, братья и сыны не токмо в ратных полях поражали и разбивали миллионныя толпищи со-противников своих, опровергали и рассыпали вдребезги... пыль и прах крепии и грады вражеския... Но даже чье знаменитое молодчество и для одной забавы на боях кулачных творило чудеса неслыханныя... проби-вала стены грудию, гнала сотни одиначкою, швыряла по десятку одним замахом, вы ли, вопрошаю вас, приходите ко мне с трепетом? Верите молве, сатаню вымышленной, а бесами распущенной? И чады ли тех праотцев, коих лучшая клятва была: *да будет нам стыдно*², не стыдятся ныне верить лже, страшиться сволочи бусурманской и с унылою душою отпускать братий и сынов своих на временное ополчение?..³ Ах! Видя уныние ваше и слыша плач и рыдание матерей, детей и жен ваших, не верю и не хочу верить ни тому, что вижу, ни тому, что слышу! Но хотя бы то и было, так лучше хочу верить, что вы унываете и рыдаете от вашего недоумения и недоверия, а не от боязни буйных полчищ французских и недоброхотства к милой родине вашей! Вы, боясь наборов рекрутских⁴ и отпуская ныне по единому от десятка на временную службу в поля же ваши, мечтаете, будто бы вы отпускаете их за границу в поля чужие; а мечтая так, вы прощаетесь с ними, будто отпускаете их за тридцать земель, за десятое царство без надежды свидеться, и оттого... о, заблужденные! не слышите уже и обещания, данного вам государем, отцом нашим, героем, спасителем, жертвующим своим покоем и готовым пожертвовать и своюю жизнью для целости и блага любезнейшего

ему царства русского; не слышите, повторяю, обещания, высочайшим манифестом обнародованного, что по отражении и прогнании общего врага, воины, сыны и братья ваши, паки возвратятся в объятия родственные: вот истинная причина вашей унылости и рыдания хозяек и детей ваших! Неожидаемый врага на земли ваш приход и незапный общий вызов вас на ополчение смутил ваши разумы, потряс вашу бодрость и навлек страх и уныние...⁵ Извиняю вас, други мои! Нечаянность ужасна... но как инако?.. Теперь не понимаете ли вы сами, что помощь скорая необходима, что не токмо грех и стыд роптать, прятаться, убегать или сокрушаться, отпуская часть от семейств ваших на защиту дорогого нам отечества: но даже вы должны без призыву, сами собою готовиться в случае крайности; лететь орлиным полетом, львиною яростью и неустрашимостью силача русского... победителя татар, ляха, турка, шведа, прусака и всех иноземных бусурманов мира, которые в старину оружием прадедов и отцов ваших, а потом и вашим собственным казнили неоднократно в защиту храма Божьего, престола, государства и родного царства русского... Так, други послушные! Должны... непременно: должны — и я уже вижу огонь рвения в сверкающих очах ваших, ощущаю пламень разъяренного на врага вашего дыхания, вижу и радуюсь!.. О дети покорные!.. готовьтесь... готовьтесь, с чем бы ни было: с косою, серпом, топором, дубиною и рогатиною!..⁶ Неситесь!.. поражайте злодея козненного!.. пса гладного!.. дерзнувшего потоптать ваши нивы, пожрать ваш хлеб насущный, полоктать⁷ ваши квасы, браги... меда... вашу кровь... кровь бесценную... Богу, царю и родине во всех веках посвящаемую! Вы дома, друзья, а враг посреди сельдбищ ваших есть пришлец нахальной, волк хищный и кровожаждущий... Французов горсть, а русских миллионы... Их ли устрашимся мы?.. Нет, нет!.. Я имею одного сына⁸ и сердце мое не тоскует, но бьется от радости, что он понес грудь свою и кровь мою в защищение любезнейшего отечества! А если б и я не лишен был зрения, тогда б и меня не здесь, а там... там, противу лица врага нашего, пришли вы спросить бы об истине; но буде потребуете? И теперь... лишь дайте придержаться хоть единому из вас... готов, готов с вами!.. положить жизнь мою, умереть; или, облитый потом рвения и кровию врага нашего, возвратиться паки на гнездо мое, дабы весь остаток жизни приносить вседневно благодарные молитвы моему Господу, даровавшему мне радость при наклонении дней моих, послужить царю

и отечеству!.. Теперь, дети и други мои!.. буду ответствовать на вопросы ваши: так, Смоленск врагами занят и выжжен, но не опустошен: вы сами видели, что я лишь сию минуту возвратился из Вязьмы; от почтенного и доброго нашего соседа князя Бориса Владимировича Голицына⁹: он только что в сию ночь из армии прибыл; сам был живым свидетелем под Смоленском славного сражения воинства русского, соотечественников и братьев наших, и он-то мне сказывал, что хотя Смоленск и пуст¹⁰, но не от врага, а оттого, что все жители заблаговременно со всем своим добром из него выбрались; дабы от случившегося от бомб пожара не лишиться напрасно своего имения: враг же разбит нашими был с потерей немалой части войск своих; храбрые и верные сыны отечества: генерал Дохтуров и генерал-лейтенант Раевский положили у него на месте более 20 тысяч и столько же в полон, мы же потеряли не более четырех¹¹. Сказывают, что родные наши солдатушки с такою яростию и храбростию дрались, что шесть полков наших гнали тридцать, под предводительством неаполитанского короля; а многие бросили ружья, чтобы успеть куда-нибудь наострить лыжи для спасения своей храбрости¹². Вы смеетесь, друзья? Смеетесь, смеетесь!.. И никогда супостат не одолеет русского, не токмо завладеет матушкой каменной Москвой...¹³ Впереди ее охраняют искусные головы начальников, каменные груди солдатушек, а средо зрячий ум и добрая совесть, *разумение* и *умение* Ангела ее хранителя... Вот вам вся правда; бодритесь, уповайте и покамест убирайте поля ваши, приготовляйте брашно и пиво, чтоб было чем попотчевать возвратившихся с победою родных и соседей ваших. А вы, душевные пастыри стада сельского, окрестных приходов священники! Продолжайте с коленопреклонением молитвы ваши к Вездесущему Богу и Творцу всяческого! Да ниспошлет силу и успех русскому воинству, и да изженет всех врагов со земель отца отчества Александра Первого! Идите с Богом, с Богом; я надеюсь скоро сказанную вам правду подтвердить напечатанным известием¹⁴. А между тем и я помолюсь живу Богу Спасителю и угоднику прихода нашего Иоанну Предтечу; да в день праздника нашего 29 августа, во славу героя имени 30 дня Святителя Александра Невского порадует нас торжеством воинства русского; а 25 сентября, в день Сергия Чудотворца, праздника села соседняго... и праху вражеского не отыщем на землях русских.

- ¹ Род Николевых вел свое происхождение от переселившегося в Россию в XVII в. французского полковника Д. Николь-Деманора (см.: *Кочеткова Н. Д. Николев Николай Петрович // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. СПб., 1999. С. 350.*
- ² Возможная реминисценция из «Повести временных лет», год 6479 (971). Речь Святослава: «...ляжемь костьми, мертвыи бо срама не имамь. Аще ли побѣгнемь, срамь имамь...» (См.: *Повесть временных лет: В 2 ч. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 50 (Лит. памятники).*
- ³ Эти и последующие разъяснения и уговоры Николева показывают, что собравшиеся крестьяне более всего были озабочены не нашествием французов, а царским манифестом от 18 июля 1812 г. о созыве народного ополчения. В нем, в частности, говорилось, что Московская губерния «примет самые скорые и деятельные меры к собранию, вооружению и устроению внутренних сил, долженствующих охранять первопрестольную столицу нашу Москву» (цит. по: *Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова: В 2 т. / Изд. Н. Киселева и Ю. Самарина. Берлин, 1870. Т. 1. С. 428).*
- ⁴ В ответ на манифест о созыве народного ополчения москвичи постановили выставить по одному ратнику с каждых десяти душ. Петербургское дворянство последовало этому примеру. См.: *Искюль С. Н. 1812 год. (Роковые годы России: документальная хроника) СПб., 2008. С. 128.*
- ⁵ В манифесте говорилось: «Вся составляемая ныне внутренняя сила не есть милиция или рекрутский набор, но *временное* (курсив мой. — М. А.) верных сынов России ополчение, устрояемое из предосторожности в подкрепление войскам и для надлежащего охранения отечества. <...> и по прошествии надобности, то есть по изгнании неприятеля из земли нашей, всяк возвратится с честью и славою в первобытное свое состояние и к прежним своим обязанностям» (Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Т. 1. С. 428). «Верные сыны России», однако же, впали, по словам оратора, в «страх и уныние». Они не очень поверили словам манифеста, что их не в рекруты забирают (на 25 лет), что ополчение образуется только временно и что вскоре мобилизованные возвратятся по своим домам. Нам неизвестно, в какой степени убедило мужиков красноречие слепца, призывавшего их «лететь орлиным полетом, львиною яростию» и пр.
- ⁶ Для ополченцев катастрофически не хватало оружия. Ср. слова Ростопчина: «...так как недостаточно было ружей, то ополченцев вооружили пиками — бесполезными и безвредными» (*Ростопчин. С. 281*). Отсюда, возможно, и призывы Николева поражать врага подручными средствами.
- ⁷ Локтать — пить по-собачьи, прихлебывая языком. У Даля с пометой: *тмб*.
- ⁸ Н. Н. Николев (1779–1835) с перерывами служил в армии с 1785 по 1820 г. Участвовал в войнах с Наполеоном, неоднократно отличался в сражениях (1813–1815). См.: *Кочеткова Н. Д. Николев Николай Николаевич // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. СПб., 1999. С. 349–350; Серков А. И. Русское масонство: 1731–2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 591; Bakunine T. Repertoire biographique des francs maçons Russes. Paris, 1967. P. 368.*

- ⁹ Б. В. Голицын (1769–1813) — генерал-лейтенант. Музыкант, литератор, переводчик. Член «Беседы любителей русского слова» (как и Николев, который был почетным членом «Беседы»). Участвовал во всех сражениях войны 1812 г. Тяжело ранен в битве при Бородино. Умер в Вильно 6 января 1813 г.
- ¹⁰ После кровопролитной битвы 5 августа русские войска оставили Смоленск 6 августа. Город был объят пламенем и не так пуст, как повествует оратор. Ср. рассказ очевидца: «И дома, церкви и башни объялись пламенем — и все, что может гореть, запылало! <...> вопль старцев, стоны жен и детей <...> чернобагровое облако дыма засело над городом, и ночь присоединила темноту к мраку и ужас к ужасу. Смятение людей было так велико, что многие выбегали полунагими и матери теряли детей своих. Казаки вывозили младенцев из мест, где свирепствовал ад» (*Глинка Ф. Н. Письма русского офицера*. М., 1985. С. 149–150). Далеко не «все жители» и отнюдь не «со всем своим добром» покинули город: «Часть населения, кто в чем был, бросилась за уходящими русскими войсками, часть осталась» (*Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию: 1812 год*. М., 1992. С. 102–103).
- ¹¹ Эти сведения, вероятно, заимствованы из «Афиши» Ростопчина от 14 авг. Николев мог получить ее раньше появления в печати или узнать о ее содержании из окружения Ростопчина или от него самого. Впрочем, может быть, сам Ростопчин (что наиболее вероятно) воспользовался рассказом Голицына. Ср.: «4 — го числа император Наполеон, собрав все свои войска <...> пришел к Смоленску, где был встречен <...> корпусом генерал-лейтенанта Раевского. Сражение <...> сделалось кровопролитнейшим. Храбрость русских превозмогла многочисленность и неприятель был опрокинут. Корпус генерала Дохтурова, пришедший на смену утомленного, но победившего <...> Раевского, <...> вступил в битву. <...> Неприятель, расстроенный столь сильным поражением, остановился и, потеряв больше двадцати тысяч человек, приобрел в добычу старинный град Смоленск <...>. Жители все несколько дней до сражения вышли из города. С нашей стороны урон убитыми и ранеными простирается до 4000 человек. В плен взято множество войска...» (*Ростопчин*. С. 213).
- ¹² Ср. этот рассказ с той же «Афишей»: «Три полка кавалерии и три казаков опрокинули 60 эскадронов неприятельской кавалерии под начальством неаполитанского короля» (*Ростопчин*. С. 243–244). Неаполитанский король — Мюрат, командовавший кавалерией.
- ¹³ Французы вошли в Москву 14 сентября 1812 г.
- ¹⁴ Кажется, Николев имеет здесь в виду «Афишу», напечатанную 14 августа, два дня спустя после его речи. Это подтверждает наше предположение о том, что Ростопчин, вероятно, использовал (возможно, письменное) сообщение Голицына, которое Николеву стало известно во время его визита к «доброму соседу Борису Владимировичу».

ПИСЬМА Д. В. ДАВЫДОВА К А. И. ЧЕРНЫШЕВУ

Публикация и перевод Н. Л. Дмитриевой

Публикуемые семь писем Дениса Давыдова к графу, генералу Александру Ивановичу Чернышеву (1785–1857), командующему армейскими партизанскими отрядами в 1812–1814 гг., иллюстрируют один из эпизодов заграничных походов русской армии после разгрома наполеоновских войск в 1812 году. Это, по сути дела, не письма, а донесения, написанные в условиях военной кампании. Все они относятся к сентябрю 1813 г.; события разворачиваются на берегах Эльбы. Первые пять написаны из Цербста за очень короткий период: два первых в один день — седьмого числа. Четвертое и пятое — тоже в один день — десятого сентября, с промежутком всего в один час: через час после сообщения о вероятном занятии Дассау Давыдов пишет краткую записку с подтверждением этого известия. Эти письма — живое свидетельство исторических событий: они написаны непосредственно на месте действия, естественно, без каких-либо черновиков, в них есть сокращения, вставки пропущенных слов, в них можно отметить некоторую синтаксическую несогласованность (письмо от 28 августа / 9 сентября).

Письма Давыдова интересны не только как документ, как свидетельство исторического события — это еще и весьма любопытный образец эпистолярного творчества первой половины XIX в. Первое, что поражает, — это язык донесений. Хотя хорошо известно, что языком переписки в России был французский и официальная переписка в большом числе случаев велась именно на нем, однако тот факт, что в боевых условиях, в разгар кампании военные донесения пишутся на языке врага, представляется, по меньшей мере, неосторожным. Перед нами — ясное свидетельство билингвизма, объясняющего парадоксальное явление в истории русской культуры: рост патриотических чувств образованного дворянства не противоречил выражению этих чувств на ставшем в силу исторических событий враждебным языке. Сергей Глинка в своих «Записках», рассказывая о дружбе с «генералом 1812 года» Александром Тучковым, отмечает, что их переписка велась по-французски. Вероятно, к определенному выражению антифранцузских чувств во французских донесениях Давыдова можно отнести написание слова «французь» со строчной буквы (впрочем, и «пруссаки» написано так же). Дело в том, что по нормам французского написания названия нацио-

нальностей пишутся с прописной буквы, а авторы французских писем XIX в. вообще злоупотребляли прописными буквами.

Что еще бросается в глаза при чтении этих писем — они написаны в вынужденной спешке, буквально «на коленке», однако, несмотря ни на что, автор не забывает каждое свое послание закончить принятой изысканной формулой вежливости «Честь имею быть с глубочайшим почтением и т.д., и т.п.». Что это — сила этикетного канона? Несомненно, но видится тут и чувство искреннего уважения, и проявление собственного достоинства, и подтверждение высокой культуры эпистолярия XIX в.

Эти семь писем — небольшое, но, тем не менее, репрезентативное свидетельство времени.

Письма Давыдова к Чернышеву хр.: РО РГБ. Ф. 330 (Чернышевы). Р III. К 28. Ед. хр. 11. Письма обнаружены и предоставлены для публикации И. В. Кощненко. Впервые опубликовано: *ПЛ*. 2012. № 3. С. 16–26.

1.

Mon Général,

Depuis hier soir je n'ai pas eu de nouveaux renseignements. Un espion, qu'on m'a amené, n'a rien voulu avouer, je l'envoie au quartier général de Votre Excellence. Il faudrait faire prendre un de ces coquins au bord de l'Elbe. Cela ferait, je vous jure, une grande influence sur ses confrères. J'attends encore des nouvelles de l'autre côté, que j'aurai soins de vous faire aussitôt parvenir.

Le colonnel Grekoff doit certainement vous faire le rapport de l'enlèvement du transport de pain et d'eau de vie par les prussiens. Si l'on endure ces infamies, je ne sais s'il y aura quelque sûreté pour nous modérer. J'avais conseillé au colonnel d'envoyer les voitures avec les vivres droit à Coswig; mais il m'a représenté qu'il avoit un ordre au nom de Votre Excellence de les diriger par Stacelis.

Il y est aussi venu un officier prussien¹ qui a été fait prisonnier par les français et qui est parvenu à Selchag. Je le retiens car il vient de Mersebourg et je suis prévenu qu'il y a un homme suspect qui doit de là nous² faire une visite. J'aurai des éclaircissements là-dessus dans quelques heures et si ce n'est pas le même, je l'adresserai très poliment au gén<éral> Hirschfeld.

¹ пруссиян *вписано*

² de là nous *приписано на полях*

J'ai l'honneur d'être avec la plus haute considération et le plus profond respect

Mon Général

Votre très humble et très obéissant serviteur

D. Davidoff

7 Sep<tembre> 1813

Zerbst

8 h<eures> du m<atin>

P. S. On m'apporte dans le moment une lettre de vous.

Перевод:

Генерал,

Со вчерашнего вечера не получал новых сведений. Шпион, которого мне привели, не пожелал ничего сказать, я отправляю его на главную квартиру вашего сиятельства. Надо бы поймать одного из этих мошенников на берегу Эльбы. Это, клянусь, сильно повлияло бы на его собратьев. Жду новостей с другой стороны, которые постараюсь тотчас же вам сообщить.

Полковник Греков¹, несомненно, доложил вам о похищении пруссаками транспорта с хлебом и водкой. Если будут продолжаться подобные гнусности, не знаю, можно ли быть сколь-нибудь уверенным, что мы сумеем сдержаться. Я советовал полковнику послать обозы с провиантом прямо в Косвиг; но он передал, что у него приказ за подписью вашего сиятельства провести их через Stacelis.

Сюда попал один прусский офицер, которого взяли в плен французы, и он добрался до Selchag. Я его удерживаю, потому что он из Мерзебурга, а меня предупредили, что есть подозрительный человек, который оттуда должен нам нанести визит. Я разумею все на этот счет через несколько часов, и если это не тот человек, я его очень учтиво направлю к генералу Хиршфельду².

Чсть имею быть с глубочайшим почтением и уважением, генерал, вашим нижайшим и покорным слугой

Д. Давыдов

7 сентября 1813

Цербст

8 часов утра

P. S. Мне только что принесли письмо от вас.

- ¹ Греков Тимофей Дмитриевич (1770(1774?)–1831) — получил чин полковника в конце 1812 г., в 1813 г. командовал Атаманским полком.
- ² Хирифельд Карл Фридрих, фон (1747–1818) — прусский генерал.

2.

Mon Général,

Monsieur le major Arnind qui vous remettra cette lettre est justement le même dont j'ai eu l'honneur de parler à Votre Excellence. Je lui dois personnellement beaucoup pour tous les services qu'il a bien voulu nous rendre et je ne saurai mieux m'acquitter envers lui qu'en l'adressant à Votre Excellence. Veuillez bien, mon général, le remercier de tous ses soins. C'est un bien digne et brave homme.

Il pourra vous dire tous les excès que commettent les prussiens et à quelle sorte de contributions ils mettent les habitants du pays.

Je viens encore d'apprendre qu'outre leurs mauvais procédés à notre égard ils ont de même envoyé à la poursuite du transport expédié par les officiers, que le général Wintzengerode a envoyé pour la levée des vivres. Faites nous justifier, mon général !

Si la nouvelle de la bataille gagnée est vraie, je m'en réjouis bien sincèrement et prie Votre Excellence de recevoir là-dessus mes félicitations. C'est dommage que nous n'en ayons aucuns détails. J'espère que vous ne nous refuserez pas la grâce de nous les faire parvenir.

Recevez, je vous prie, mon Général, l'assurance sincère de mes sentiments respectueux, avec lesquels j'ai l'honneur d'être
mon Général
votre très humble et obéissant serviteur

D. Davidoff

7 Sep<tembre>

Zerbst

Midi

P. S. J'ai écrit ce matin au lieutenant-colonel Holst <?> et lui ai mandé toutes les nouvelles que j'avois reçues³ de l'autre côté.

³ reçues *вписано*

Перевод:

Генерал,

Майор Arnind, который передаст вам это письмо, тот самый, о котором я имел честь рассказывать вашему сиятельству. Я самолично весьма обязан ему за все те услуги, которые он сообразовал нам оказать, и не вижу лучшей возможности отблагодарить его, как направив его к вашему сиятельству. Сообразовайте, генерал, поблагодарить его за все его старания. Это очень достойный и честный человек.

Он может вам рассказать обо всех безобразиях, совершаемых пруссаками, и о том, какие контрибуции они налагают на местных жителей.

Только что узнал к тому же, что помимо всех их подлостей в наш адрес, они хотят захватить офицерский транспорт, который генерал Винценгероде¹ послал на сбор провианта. Помогите нам добиться справедливости, генерал!

Если весть о выигранном сражении верна, искренне радуюсь и прошу ваше сиятельство принять на этот счет мои поздравления. Жаль, что мы не знаем подробностей. Надеюсь, вы не откажете нам в милости их сообщить.

Примите, пожалуйста, генерал, искреннее уверение моего почтения, с каковым честь имею быть, генерал, вашим нижайшим и покорным слугой

Д. Давыдов

7 сентября

Цербст

полдень

P. S. Я написал сегодня утром подполковнику Хольсту <?> и уведомил его обо всех известиях, которые получил с другой стороны.

¹ *Винценгероде* Фердинанд Федорович (1770–1818) в 1813–1814 гг. — командир русского корпуса Северной Армии.

3.

A Son Excellence Monsieur le Général de Czernichev,
Chevalier de plusieurs ordres, en Son Quartier Général

Mon Général,

J'ai reçu aujourd'hui à 3½ h<eures> l'ordre au nom de Votre Excellence de faire construire des bateaux et des radeaux pour le passage d'un corps

d'armée près de Rosslau. Les planches, les clous et les ouvriers sont prêts et je ferai tout ce qui peut dépendre de moi pour accélérer cet ouvrage. J'ai envoyé de suite rassembler les ouvriers desquels il y a 50 hommes⁴ à Zerbst, 30 à Rosslau et 30 à Coswig. Je les emploierai d'abord à la coupe du bois, ce qui, j'espère, ne peut durer plus d'un jour et demi — et c'est le principal. Les planches sont déjà à une demie lieu de l'Elbe et je pourrai très facilement les transporter, car j'ai⁴ ici des voitures toutes prêtes depuis quelques⁵ jours. Je suis bien fâché de n'en avoir pas été prévenu auparavant, car l'ouvrage aurait déjà beaucoup avancé. D'ailleurs⁶ il ne⁷ s'agissait que de la construction d'un pont dont j'ai fait les préparatifs en matériaux.

Veillez bien aussi, mon Général, me faire savoir votre ordre, que si en cas que le régiment⁸ de Grecoff marchait d'ici dois-je rester à Zerbst et puis-je garder un parti? C'est un fait très essentiel à éclaircir: car les Cosaques feront des difficultés pour me l'accorder. Comme M-r le colonel Grecoff vient de refuser un parti de 12 cosaques pour l'envoyer à Barby pour retirer les bateaux submergés, malgré que je lui ai dit avoir reçu l'ordre⁸ de Votre Excellence verbalement par le lieutenant Pandwich. Mais il veut avoir un ordre par écrit et ne se contente pas, ou ne se fie pas à moi, quoique je lui aie⁹ représenté l'avoir reçu de bouche par un officier envoyé par vous. Il faudra donc renoncer pour aujourd'hui de retirer ces bateaux et d'enlever le maire qui seul met obstacles aux habitants de la faire de propre gré. Je vous prie, mon Général, de vouloir bien¹⁰ croire que je ne négligerai aucun moyen pour remplir les intentions de Votre Excellence pour la construction des bateaux, quoique je sois très novice sur ce point et qu'il ne faudra me reprocher que mon peu¹¹ d'intelligence et non manque de zèle.

Agréé, je vous prie, mon Général, l'assurance de mon respect le plus profond et l'estime la plus distinguée avec lesquels j'ai l'honneur d'être

⁴ j'ai вписано

⁵ зачеркнуто pour (фр. для)

⁶ зачеркнуто et (фр. и)

⁷ не вписано

⁸ Зачеркнуто ven<ant> (фр. происходящий)

⁹ аie вписано

¹⁰ bien приписано на полях

¹¹ peu вписано

Mon Général
Votre très humble et obéissant serviteur

D. Davidoff

Zerbst 6½ du soir
28 août
1813
9 sept<embre>

P. S. Je désirerais pourtant savoir, combien de troupes doivent passer d'une fois et quel est le temps qu'on veut nous accorder pour la construction des bateaux.

Перевод:

Его сиятельству господину генералу Чернышеву,
кавалеру многих орденов
на его главную квартиру

Генерал,

Я получил сегодня в 3½ часа приказ от имени вашего сиятельства строить лодки и плоты для переправы армейского корпуса около Рослау.

Доски, гвозди и рабочие готовы, и я сделаю все, что от меня зависит, дабы ускорить эту работу. Я тотчас же распорядился собрать рабочих, из которых 50 человек из Цербста, 30 — из Рослау и 30 из Косвига. Сначала я велю им готовить материал, что, я надеюсь, продлится не дольше полутора дней — и это главное. Доски уже в полумиле от Эльбы, и я легко смогу их перевезти, поскольку у меня здесь подводы готовы вот уже несколько дней. Я очень досажую, что меня не предупредили прежде, потому что работа уже бы продвинулась. Впрочем, сначала речь шла о строительстве моста, для которого я приготовил материалы.

Соблаговолите также, генерал, передать мне ваше распоряжение, должен ли я оставаться в Цербсте и могу ли я взять себе отряд в случае, если полк Грекова уйдет отсюда? Этот вопрос необходимо разрешить: поскольку казаки станут препятствовать тому, чтобы мне его дали. Поскольку г. полковник Греков отказался взять отряд из 12 казаков, чтобы отправить его в Барби, дабы вытащить потопленные лодки, хотя я ему растолковал, что получил устный приказ вашего сиятельства через лейтенанта Пандвича. Однако он желает иметь письменный приказ и не доверяется или не доверяет мне, хотя я ему сказал, что получил его из

уст офицера, посланного вами. Итак, придется отказаться на сегодня от возможности выгадать лодки и взять приступом городского старшину, единственного, кто ставит препоны жителям, готовым сделать это по своей воле. Прошу вас, генерал, поверить, что я все средства употреблю, дабы выполнить волю вашего сиятельства для постройки лодок, хотя я и весьма неопытен в этом деле, и упрекнуть меня можно будет только в недостатке разума, но не усердия.

Примите, прошу вас, генерал, уверение в моем глубочайшем почтении и уважении, с каковыми честь имею быть,

генерал,

вашим нижайшим и покорным слугой

Д. Давыдов

Цербст 6½ вечера

28 августа

1813

9 сентября

Р. С. Я хотел бы однако знать, сколько людей должно переправиться за один раз и сколько времени нам дается на постройку лодок.

4.

Mon Général,

Je reçois dans le moment la nouvelle, que les françois ont quitté Dessau hier à 9 heures du matin. J'ai l'honneur de vous envoyer le rapport que j'ai reçu et je vais tâcher d'avoir des renseignements positifs. Comme il y a de l'autre côté beaucoup de bateaux submergés par les françois il seroit indispensable d'y envoyer un parti de cosaques pour obliger les habitants à les retirer. Veuillez bien, mon Général, faire donner l'ordre par écrit au colonel Grecoff de laisser faire passer de l'autre côté un parti, soit de son régiment, soit de ceux qui sont à Rosslau et ne voudriez-vous pas avoir la bonté de lui prescrire, que j'aie une 50-tième de casaques dans ma pleine disposition et un officier avec, que¹² je puisse employer en cas de nécessité.

¹² *зачеркнуто dont* (фр. который)

Car ce serait toujours un trop long retard s'il falloit attendre les ordres de Votre Excellence en réponse au rapport que j'ai l'honneur de vous faire.

Ci-joint est le registre des matériaux que nous a fourni Rosslau et Zerbst — et j'ai fait écrire à Coswig pour la mettre à pareille réquisition. Je tâcherai d'avoir autant de bois sec que je pourrai pour la construction du radeau et je verrai s'il n'y a pas quelques vieilles baraques qu'on puisse abattre près de l'Elbe. Le lieutenant Pandwich s'est rendu à Rosslau. Les ouvriers y sont déjà et les voitures pour le transport des planches et du bois. Demain j'y ferai aussi une visite, car j'ai encore quelque chose à arranger avec le maire. Je ne puis assez me louer de cet homme. Il fait tout ce qui dépend de lui. J'ose persuader Votre Excellence, que¹³ si nous parvenons à retirer les bateaux de l'autre côté les choses iront vite et bien; mais que si nous négligeons de les prendre, cela peut tirer en longueur. J'attends là-dessus vos ordres.

J'ai l'honneur d'être avec le plus profond respect et la plus parfaite estime, mon Général, votre très humble et obéissant serviteur

D. Davidoff

10 sept<embre>

1813

29 d'août 8½ du m<atin>

Zerbst

P. S. S'il est vrai que les françois qui étoient à Dessau se soient retirés par le chemin de Leipzig, il est probable que ceux de Wittenberg se replient de même, ou qu'il y reste bien peu de monde.

Перевод:

Генерал,

Тотчас получил известие, что французы оставили Дессау вчера в 9 часов утра. Имею честь отправить вам рапорт, который я получил, и постараюсь добыть достоверные сведения. Поскольку с другой стороны имеется много затопленных французами лодок, необходимо было бы послать туда отряд казаков, дабы заставить жителей их вытащить. Со-благоволите, генерал, отдать письменный приказ полковнику Грекову

¹³ в тексте qui

пропустить с другой стороны отряд, либо из его полка, либо из тех, что стоят в Росслау, и не могли бы вы оказать любезность, предписать ему предоставить 50-ю часть казаков в мое полное распоряжение и с ними одного офицера, которых я бы мог применить в случае необходимости, коль скоро все бы очень затянулось, если ждать распоряжений вашей светлости в ответ на рапорт, который я имею честь вам предоставить.

Прилагаю реестр материалов, которые мы получили из Росслау и Цербста — и я написал в Косвиг, дабы там произвести такую же реквизицию. Я постараюсь раздобыть столько сухого леса, сколько смогу, для постройки плота и посмотрю, нет ли ветхих сараев близ Эльбы, которые можно разломать. Лейтенант Пандвич отправился в Росслау. Рабочие уже там, как и подводы для транспортировки досок и леса. Завтра я тоже туда нанесу визит, ибо мне надобно кое-что уладить с городским старшиной. Я очень доволен этим человеком. Он делает все, что от него зависит. Смею уверить ваше сиятельство, что если мы сумеем вытащить лодки с другой стороны, дело пойдет быстро и хорошо; но если мы не сделаем этого, дело может затянуться. Жду ваших распоряжений на этот счет.

Имею честь быть с глубочайшим уважением и совершенным почтением, генерал, вашим нижайшим и покорным слугой

Д. Давыдов

10 сентября / 29 августа

1813

8 ½ утра. Цербст.

P. S. Если это правда, что французы, бывшие в Дессау, ушли по дороге на Лейпциг, вероятно, французы из Виттенберга тоже отступают, или их там осталось совсем немного.

5.

Mon Général,

Je viens de savoir très positivement, que les françois ont évacué Dessau et se sont retirés sur Leipzig. On assure aussi que ceux de Wittenberg se replient de même: je m'empresse d'en informer Votre Excellence.

J'ai l'honneur d'être avec le plus profond respect,
mon Général,

votre très humble et obéissant serviteur

D. Davidoff

10 sep<tembre>

9½ h<eures>

Перевод:

Генерал,

Только что узнал совершенно достоверно, что французы оставили Дессау и отступили к Лейпцигу. Подтверждают также, что французы из Виттенберга тоже отступают: спешу сообщить об этом вашему сиятельству.

Честь имею с глубочайшим почтением,

генерал,

оставаться вашим нижайшим и покорным слугой

Д. Давыдов

10 сентября

9½ часов

6.

Mon Général,

Je suis arrivé à Artern à 8½ h<eures> où j'ai pris aux environs 2 officiers westphaliens et 10 soldats, que j'ai l'honneur de vous envoyer. Il est presque inutile d'en vouloir questionner les habitants d'ici¹⁴. Pas moins d'en tirer aucun éclaircissement et j'ignore jusqu'à présent grâce à eux si Querfurt est occupé par l'ennemi ou non. Quelques personnes m'ont assuré pourtant en route, qu'il y a un corps ennemi¹⁵ d'environ 17000 h<ommes> qui est venu de Francfort qui se trouve aux environs de Jena. Les informations que j'ai tâché de prendre là-dessus dans les différents villages que j'ai passés confirment ce bruit. Je n'ai pu savoir au juste où se trouve le général Tilheman. Les rumeurs sur son compte diffèrent les unes des autres. J'aurai

¹⁴ d'ici *вписано*

¹⁵ епнемі *вписано на полях*

l'honneur de faire à Votre Excellence mon second rapport de Querfurt. *Si l'on m'y laisse entrer*¹⁶.

Je suis avec le plus profond respect,
mon Général,
votre très humble et obéissant

D. Davidoff

Artern
25/13 sep<tembre> 1813
8¾ h<eures> du m<atin>

Перевод:

Генерал,

Я прибыл в Артерн в 8½ часов и в окрестностях взял 2 вестфальских офицеров и 10 солдат, которых честь имею послать вам. Почти бесполезно расспрашивать о них здешних жителей. Также невозможно вытянуть из них какие-либо сведения, и из-за них я по сию пору не знаю, занят неприятелем, или нет, Кверфурт. Несколько человек по дороге уверяли меня, что неприятельский корпус примерно из 17000 человек, пришедший из Франкфурта, в окрестностях Йены. Справки, которые я постарался навести об этом в различных деревнях, через которые я проехал, подтверждают этот слух. Я не смог достоверно узнать, где находится генерал Тильман. Слухи на его счет сильно разнятся. Буду иметь честь передать мой другой рапорт из Кверфурта. *Если мне дадут туда войти.*

С глубочайшим почтением,
мой генерал,
ваш преданный и покорный

Д. Давыдов

Артерн
25/13 сентября
1813
8¾ часа утра

¹⁶ фраза в тексте подчеркнута

7.

Mon général

La nouvelle de l'affaire de Cassel a été reçu ici avec toute l'admiration qui lui est dûe. Le prince Royal de Suède a été pendant très longtemps inquiet de n'avoir pas de vos nouvelles et il a témoigné autant de satisfaction de voir arriver des dépêches de la part de Votre Excellence, qu'il a marqué de contentement sincère de vos succès. Il n'y a pas de choses aimables qu'il n'ait dit publiquement à votre égard; il n'y a de moindre détail qu'il ait laissé échapper; et pendant tout le dîner où j'ai eu l'honneur d'être admis le sujet de la conversation rouloit sur les marches difficiles et forcées que vous avez faites, les difficultés que vous avez surmontées et les succès de votre entreprise. Son Altesse Royale m'a chargé de vous dire, mon Général, que non seulement vous avez rempli les intentions, mais qu'il ne connoît guère personne qui puisse répondre de la réussite d'une expédition pareille. Son dessein est de vous en féliciter personnellement. Il n'a pas voulu que personne hors moi fût chargé de porter les clefs de Cassel à S<a> M<ajesté> l'Empereur et la comission que vous avez bien voulu me donner m'a valu de la part du prince Royal la croix de l'Epée. Je vous supplie, mon Général, de recevoir mes respectueux remerciements. Si votre entrée à Cassel a été triomphale, mon arrivée ici n'a pas été *moins brillante*¹⁷. *On se m'arrachoit de tous côtés*¹⁸ pour avoir des détails sur tout ce qui vous concernoit. Admiration générale: *motus*¹⁹ aux jaloux.

Le général de Wintzengerode a été entièrement satisfait d'avoir des nouvelles de Votre Excellence. Il s'étonne de la rapidité de votre expédition et des marches que vous avez faites dans les défilés. Il connoît beaucoup le pays et se récria hautement sur les difficultés que vous remportiez. Il m'a beaucoup questionné sur les intentions de Votre Excellence. J'ai dit que vous attendiez les instructions qu'il vous donneroit et que si vous étiez trop pressé par l'ennemi, vous comptiez vous retirer dans la direction de Domitz. Il a été enchanté que vos intentions *sympathisent*²⁰ avec les siennes.

¹⁷ moins brillante в тексте подчеркнуто

¹⁸ начало фразы в тексте подчеркнуто

¹⁹ motus в тексте подчеркнуто

²⁰ sympathisent в тексте подчеркнуто

J'espère, mon Général, qu'au Grand Quartier Général la nouvelle de votre affaire fera le même effet qu'ici. Je ne pourrai certainement porter²¹ toutes les félicitations, dont on me charge pour vous. Je ferai diligence autant que cela dépendra de moi pour revenir bien vite près de vous. En attendant recevez, je vous prie, mon Général, l'assurance de ma haute considération et de mon sincère attachement, avec lesquels j'ai l'honneur d'être,
mon Général,
votre humble et obéissant serviteur

D. Davidoff

Dessau 1813 6. 0:

P. S. Veuillez bien vous charger de mes compliments pour le colonel Benkendorff et Boëttcher. Scoëffing est toujours malade.

Перевод:

Генерал,

Известие о Кассельском деле¹ получено здесь с должным восхищением. Наследный принц Шведский² очень волновался, не имея известий от вас, и выказал столько же удовлетворения по получении депеш вашего сиятельства, сколько искреннего удовольствия от ваших успехов. Каких только любезностей он не произнес во всеуслышание в ваш адрес; он не упустил ни малейшей подробности: во все время обеда, на котором я имел честь присутствовать, разговор шел о трудных ускоренных переходах, которые вам пришлось совершить, о сложностях, которые вы преодолели, и об успехе вашего предприятия. Его королевское высочество поручили мне передать вам, генерал, что вы не только выполнили задуманное, но что он не знает никого, кто бы мог столь успешно осуществить подобный поход. Он намеревается лично поздравить вас. Он не пожелал, чтобы кому-либо, кроме меня, было поручено передать ключи от Касселя его императорскому величеству, а поручение, которое вы благоволили мне дать, стоило мне ордена Меча со стороны наследного принца. Умоляю вас, генерал, примите мою почтительную благодарность. Если ваше вступление в Кассель было триумфальным, то и мое появление здесь оказалось *не менее блестящим. Меня наперебой распрашивали со*

²¹ porter *вписано*

всех сторон об обстоятельствах вашего дела. Всеобщее восхищение. *Молчите*, завистники.

Генерал Винценгероде полностью удовлетворен известиями от вашего сиятельства. Он удивляется быстроте вашего похода и переходов во время марша. Он хорошо знает страну и во всеуслышание рассказал о тех трудностях, которые вам пришлось преодолеть. Он меня подробно расспросил о дальнейших намерениях вашего сиятельства. Я ответил, что вы ждете его предписаний, и что, если неприятель вас начнет торопить, вы намереваетесь отступить в сторону Дёмица. Он очень рад, что ваши замыслы *сходятся* с его желаниями.

Надеюсь, генерал, что в главной генеральной квартире известие о вашем деле произведет такое же впечатление, как здесь. Не могу, конечно, передать все поздравления, которые вам посылают через меня. Потороплюсь, насколько это будет в моих силах, вернуться в ваше распоряжение. А пока примите, генерал, уверение в моем высочайшем уважении и искренней преданности, с каковыми честь имею быть,

генерал,

вашим нижайшим и покорным слугой

Д. Давыдов

Дессау 1813. 6. 0:

P. S. Соболаговолите передать мой поклон полковнику Бенкендорфу и Бётчеру. Шёффинг все еще болен.

¹ 18 (30) сентября 1813 г. столица Вестфальского королевства город Кассель был взят отрядом Чернышева.

² Наследный принц Шведский Карл Юхан (Бернадот Жан Батист Жюль, Jean-Baptiste Jules Bernadotte, 1763–1844) в 1813–1814 гг. был главнокомандующим Северной армией.

Н. А. Хохлова

ИСТОРИЯ ДРУЖБЫ: ПИСЬМА Д. В. ДАВЫДОВА к П. Д. КИСЕЛЕВУ

Дружеский круг Д. В. Давыдова известен давно, и открытие новых имен здесь вряд ли возможно. До сих пор преимущественное внимание уделялось изучению его литературных связей и отношений (с Пушкиным, Боратынским, Вяземским, Языковым и др.). Что касается того круга знакомых Давыдова, которые принадлежали к высшей военной и государственной администрации, как, например, А. А. Закревский и П. Д. Киселев, то в советское время подобные исследования были или невозможны, или заведомо идеологически предвзяты. Вот почему знаменательным фактом представляется сравнительно недавняя публикация писем Д. В. Давыдова А. А. Закревскому, осуществленная М. Фалалеевой¹. Цель настоящей работы — продолжить тему, изучив историю дружеских отношений поэта-партизана с П. Д. Киселевым.

Павел Дмитриевич Киселев (1788–1872), несмотря на разнообразие своих служебных поприщ, известен прежде всего как один из выдающихся деятелей в области решения крестьянского вопроса в России. Автор реформы государственных крестьян 1842 г., он был авторитетнейшим советником и при выработке положений 1861 г. Его архивное наследие весьма велико. Фонд 143, хранящийся в РО ИРЛИ, представляет собой одну из частей этого наследия, причем исторически наиболее значимую². Среди эпистолярных документов фонда, а они составляют абсолютное большинство, — 19 писем Д. В. Давыдова П. Д. Киселеву за 1815–1839 гг. (ед. хр. 27). Письма дошли до нас в копиях, выполненных акад. Н. Ф. Дубровным (копии датируются рубежом веков). Местонахождение автографов неизвестно.

¹ Письма Д. В. Давыдова / Подгот. текста, вступ. ст. М. Фалалеевой // Река времени. Кн. 5. М., 1996. С. 83–107.

² См. обзор этого фонда: *Хохлова Н. А.* П. Д. Киселев и его архив в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2009–2010 годы. СПб., 2011. С. 148–234. Две другие части архива хранятся в РГИА (Ф. 958) и РГБ (Ф. 129).

Хотя они не принадлежат к разряду вновь найденных документов, полностью, как отдельный комплекс, эти письма никогда не публиковались, несмотря на то, что их значение было осознано еще в 1880-х гг. — на начальных этапах изучения и обработки архива П. Д. Киселева. Большой вклад в это дело внес его племянник Д. А. Милютин, военный министр, выдающийся либеральный деятель пореформенной России. В 1887 г. в журнале «Русская старина» в ряду некоторых других эпистолярных документов архива он опубликовал, причем не полностью, всего два из указанных 19 писем: от 7 авг. и 15 ноября 1819 г., любопытных, по его мнению, «как выражение тогдашнего направления передовых людей в русской армии»³.

Действительно, обнаруженные Д. А. Милютиным письма представляют значительный интерес: они ярко характеризуют общественно-политическую позицию Давыдова. Впоследствии письмо от 15 ноября 1819 г. приобрело хрестоматийную известность, так как воспроизводилось буквально во всех очерках его жизни и творчества: «Мне жалок Орлов с его заблуждением, вредным ему и бесполезным обществу <...>. Как он ни дюж, а ни ему, ни бешеному Мамонову не стряхнуть самовластие в России», — писал Давыдов по поводу революционных замыслов М. Ф. Орлова.

Текст письма принято было цитировать по известному трехтомному изданию сочинений Давыдова 1893 г. под ред. А. О. Круглого, где были опубликованы все те же два письма 1819 года⁴. Сравнив эту публикацию с публикацией Д. А. Милютина, мы обнаружили, что это простая перепечатка, причем с явной модернизацией пунктуационного режима. Но главное — А. О. Круглый проигнорировал указание Д. А. Милютина о том, что письма приводятся не полностью.

Исследователи вряд ли подозревали об ущербности данной публикации, как и о том, что эти два письма — лишь фрагмент довольно большого эпистолярного памятника. Между тем еще в 1935 г. В. Н. Орлов в известной работе «Судьба литературного наследства Дениса Давыдова» не только указал точный архивный адрес писем, привел количественные и хронологические характеристики, но и дал обзор их содержания⁵.

Вот почему на первый взгляд кажется парадоксальным, что до сих пор такой «первоклассный», по выражению того же В. Н. Орлова, материал остается неопубликованным в полном объеме. Однако при более внимательном изучении этих эпистолярных текстов парадоксальность приобретает черты закономерности.

³ Русская старина. 1887. Т. 55. Июль. С. 228–231.

⁴ Сочинения Дениса Васильевича Давыдова / Со статьей о литературной деятельности Д. В. Давыдова и примечаниями, составленными А. О. Круглым. Т. 1–3. СПб., 1893.

⁵ Орлов Вл. Судьба литературного наследства Дениса Давыдова // Лит. наследство. Т. 19–21. М., 1935. С. 336–337.

Действительно, в советское время слишком многое в давыдовских письмах должно было восприниматься как идеологически неуместное, и прежде всего — сам факт его дружбы с одним из наиболее приближенных к Николаю I лиц, Киселевым. Напротив, все, так сказать, уместное, все, что могло прямо или косвенно служить доказательством причастности Давыдова к первой преддекабристской организации — Ордену русских рыцарей, было выявлено и опубликовано не как фрагменты писем к конкретному историческому лицу, но лишь в качестве аргументации этого факта. Личность Киселева при этом игнорировалась настолько, что порой его имя как адресата писем вовсе не упоминалось и заменялось абстрактным «друг». Наиболее ярко, если не сказать абсурдно, эта тенденция проявилась в исследовании С. С. Ланды «Дух революционных преобразований» — исследовании в целом очень полезном и содержательном. Он полагает Давыдова «превосходно осведомленным в делах Ордена русских рыцарей» и привлекает письма к Киселеву для доказательства тезиса об идеологической близости с М. Ф. Орловым. Комментируя письмо от 15 ноября 1819 г., исследователь утверждает: «Его (т.е. Давыдова. — Н. Х.) общие рассуждения о военной службе не предполагают отказа от революционной деятельности. Ему не по пути с успешно делавшим карьеру Киселевым». Вообще, с точки зрения истории декабристского движения, данные письма интересны лишь постольку, поскольку в них, по словам С. С. Ланды, «отчетливо просвечивается колоритная личность не только поэта-партизана, но и его близкого приятеля — умного и пылкого М. Ф. Орлова»⁶. «Просвечивается» ли в них личность адресата писем, так и остается неизвестным...

По поводу слишком явного и необоснованного стремления включить Давыдова в декабристский круг В. Н. Орлов не без сарказма писал: «с недавних пор наблюдается тенденция подгримировывать Давыдова под политического бунтаря, породнить его с декабристами <...>. Это не отвечает действительному положению вещей. К дворянским *революционерам* Денис Давыдов не принадлежал. Он был типичным фрондёр — то есть оппозиционером, бунтарем внутри своего класса. <...> Тот огорчительный факт, что Денис Давыдов не принадлежал к лагерю дворянских революционеров своего времени и более того — к концу жизни поддался консервативно-националистическим настроениям, не умаляет ни обаяния его личности, ни его значения как выдающегося деятеля русской военной истории»⁷.

⁶ Ланда С. С. Дух революционных преобразований. М., 1975. С. 155. Автор цитирует и ранее не публиковавшиеся письма (от 12 августа 1818 г., 2 декабря 1819 г. и 24 февраля 1823 г.).

⁷ Орлов В. Н. Певец-герой: Денис Давыдов // Орлов В. Н. Избранные работы. Л., 1982. С. 159, 173.

Тем не менее, недвусмысленное указание М. В. Нечкиной на причастность Дениса Давыдова к Ордену русских рыцарей⁸ заставляло позднейших исследователей трактовать вопрос о его общественно-политической позиции с большой долей осторожности. Публикуемые письма служат важнейшим материалом для его решения.

История дружбы Давыдова и Киселева никогда не была предметом не только специального исследования, но даже общих суждений (мы имеем в виду литературу, посвященную как Давыдову, так и Киселеву). Попытаемся реконструировать эту историю, поскольку публикуемые письма – едва ли не единственное и, во всяком случае, самое яркое и значительное свидетельство этой дружбы.

Киселев был четырьмя годами младше Давыдова: он родился в Москве в 1788 г. Есть достаточные основания утверждать, что они познакомились еще в детстве или отрочестве, на что указывает общий круг знакомых, в числе которых — А. И. Тургенев и П. А. Вяземский⁹, а главное — признание самого Давыдова (в письме от 24 февраля 1823 г.): «Нужно ли мне уверять тебя, что все, что до тебя касается, все интересует меня, и что и начальником Главного штаба, и главнокомандующим, и мирным домоседом ты для меня будешь все тот же Паша Киселев, тот же друг, которого я привык любить и люблю с того времени, как без галстухов с распущенными власами мы шныряли по Московскому бульвару».

Занимаясь обработкой архива Киселева, мы имели возможность подробно изучить дружеский круг его переписки и можем утверждать, что эта детская уменьшительная форма имени — Паша — встречается только у Давыдова и А. А. Закревского.

Следующий этап дружеских отношений связан с Кавалергардским полком, куда Давыдов был зачислен в нач. 1801 г. В сентябре 1804 г. как автор антиправительственных стихов он был переведен в Белорусский гусарский полк и возвратился в Петербург только в 1806 г. Здесь он встретился с Киселевым, который в октябре этого года был также зачислен в Кавалергардский полк. А. А. Закревский, С. Г. Волконский, А. Ф. и М. Ф. Орловы, А. С. Меншиков — кавалергарды, члены так называемого «полкового общества» — составляли круг общих знакомых Киселева и Давыдова. Характеризуя поколение, к которому принадлежали члены «передового кавалергардского кружка», академик Н. М. Дружинин указывал на исторические реалии, которые отразились на формировании их сознания: «Киселев вышел из того дворянского поколения, которое с детства слышало разговоры о тирании Павла и либеральных планах его преемника,

⁸ Нечкина М. В. Движение декабристов. Т. 1. М., 1955. С. 133–134.

⁹ Дружбу с П. А. Вяземским и Давыдов, и Киселев сохранили до конца дней.

в юности пережило тильзитское унижение и возвышение Сперанского, в начале самостоятельной жизни было охвачено патриотическим подъемом 1812 г. и боролось с владычеством Наполеона. <...> Кавалергардский полк, аристократический по составу своего офицерства, был одним из важнейших аккумуляторов сословно-дворянской фронды. Товарищами и друзьями юного Киселева были не только будущие сановники Николая I — Закревский, Меншиков, Левашев — но и будущие крупные декабристы — Михаил Орлов, Лопухин и Волконский. Наряду с проявлениями молодечества и бретерства передовых кавалергардов интересовали вопросы политической жизни»¹⁰.

В истории дружбы Давыдова и Киселева этот второй этап чрезвычайно важен для понимания сущности их отношений. Это был период интеллектуального роста, выработки идейно-политических и нравственных убеждений. Именно тогда детская привязанность переросла в дружбу, которая имела своим основанием единство представлений о высших жизненных целях. Мысль о добре и благоденствии отечества, идея жертвенности с одинаковой силой будут звучать в письмах Алексея и Михаила Орловых, Киселева и Давыдова. Она и была тем высшим смыслом, которому, каждый по-своему, они следовали до конца, но роковым образом разошлись в представлениях о путях достижения этого благоденствия... Размежевание не коснулось Давыдова и Киселева; в известном смысле они остались единомышленниками. Именно поэтому их дружба выдержала испытание временем и неравенством служебных положений.

В эпоху наполеоновских войн, в Отечественную войну 1812 года, в период заграничных походов и вплоть до Венского конгресса можно обнаружить несколько точек пересечения в их биографиях.

Боевое крещение оба получили в кампанию 1807 г.: Давыдов чуть раньше, в январе 1807 г. — в сражении при Вольфсдорфе, а Киселев в июне — в сражении при Гейльсберге (в ходе последнего Давыдов, как адъютант П. И. Багратиона, находился в авангарде русских войск). Затем оба отличились в битве при Фриланде, а спустя месяц стали свидетелями свидания двух императоров в Тильзите, запечатленном в известном очерке Давыдова «Тильзит в 1807 году»¹¹.

В 1812 г. Киселев был назначен адъютантом к гр. М. А. Милорадовичу. Случилось так, что это назначение сыграло решающую роль в его дальнейшей карьере. Возвышению послужило, в сущности, случайное обстоятельство, известное из его позднейшей автобиографической записки. М. А. Милорадович тяготился всякой отчетностью, письменной и устной. Но поскольку Александр I

¹⁰ Дружинин Н. Социально-политические взгляды П. Д. Киселева // Вопросы истории. 1946. № 2–3. С. 36. Н. М. Дружинину принадлежит фундаментальный труд «Государственные крестьяне и реформы П. Д. Киселева» (М.; Л., 1946; 1958. Т. 1–2).

¹¹ Давыдов Д. В. Материалы для современной военной истории (1806–1807). III. Тильзит в 1807 году // Давыдов Д. Военные записки. М., 1982. С. 80–104.

требовал от него постоянных донесений, то Киселев, обладавший даром слова и ясностью изложения, был избран для личных докладов императору. При этом он так понравился, что 2 апреля 1814 г. был назначен флигель-адъютантом и с тех пор пользовался неограниченным доверием. О расположении к нему государя красноречиво свидетельствует тот факт, что в числе всего трех флигель-адъютантов он был назначен в свиту Александра I на Венский конгресс. После «Ста дней» он сопровождал императора в Париж.

С этого времени, с 1815 г., начинается резкое расхождение в судьбах друзей. Если служебная биография Киселева представляет собой неуклонное восхождение к вершинам власти, где он вполне заслуженно снискал репутацию выдающегося государственного деятеля, то биография Давыдова — это цепь досадных неудач и недоразумений, горестное сознание нереализованных возможностей. Объяснить искреннюю, горячую привязанность неблагонадежного в глазах правительства и по сути опального поэта-партизана к неизменно удачливому любимцу двух императоров¹² можно, лишь памятуя о тех идеалах, которыми была скреплена их дружба.

Неравенство положений обнаруживается уже в первом из публикуемых писем, датированном 10 июня 1815 г. Давыдов просит помощи у Киселева в критический момент, когда чаша его терпения переполнена. Речь идет о известном «ошибочно» производстве его в генерал-майоры и немотивированном удерживании в Варшаве вел. кн. Константином Павловичем, в то время как он рвался в действующую армию. Скупое делясь пережитым, подчеркивая чрезмерность нанесенных обид, он с горькой иронией констатирует: «это ничего», «это все ничего», «это много» — и заканчивает письмо так: «Если ты не возьмешь на себя надоедать князю Петру Михайловичу обо мне и не выхлопочешь в скором времени, чтобы меня вытребовали в армию, тогда я скажу: это слишком много!»

До выхода Давыдова в отставку, то есть до 1823 г., переписка была регулярной. Об этом можно судить не только по датировкам, но и по встречающимся иногда недоуменным репликам в связи с отсутствием писем в течение нескольких месяцев. После 1823 г. и до кончины поэта-партизана (22 апреля 1839 г.) переписку следует характеризовать как эпизодическую. Пик ее интенсивности приходится на 1819 г., к которому относится треть всех писем.

Переписка приобрела столь оживлённый характер, так как в период с февраля 1818 г. по март 1820 г. оба они находились в близком и даже непосредственном взаимодействии по службе. Чтобы прояснить фактическую сторону этого взаимодействия и тем самым — содержание публикуемых писем, нам

¹² С 1819 по 1828 гг. Киселев был начальником штаба 2-й армии; с 1829 по 1834 гг. — наместником княжеств Молдавия и Валахия (официально — полномочный председатель диванов княжеств Молдавия и Валахия); с 1837 по 1856 гг. — министром государственных имуществ и, наконец, с 1856 по 1862 гг. — послом России во Францию; в 1839 г. возведен в графское достоинство.

необходим подробный экскурс в биографии обеих персонажей нашей статьи данного периода, тем более что в летописях жизни Давыдова он, по сути, составляет «белое пятно».

Прологом к назначению Киселева на высокий пост начальника штаба 2-й армии послужили три его командировки в расположение этой армии, совершенные по высочайшему повелению. Еще до возвращения в Россию, в октябре 1815 г., находясь в свите императора, он получил задание отправиться в южные губернии, где была расквартирована 2-я армия «для выбора нижних чинов в гренадерские и кирасирские полки, а также для осмотра некоторых полков 2-й армии»¹³. Кроме того, от Аракчеева он получил предложение «заехать в Крым для расследования <...> о злоупотреблениях по винному откупу» (Т. 1. С. 19). Командировка продолжалась полгода: с октября 1815 г. по апрель 1816 г. Как царский эмиссар Киселев был наделен широкими полномочиями и блестяще справился со всеми возложенными на него поручениями.

Чрезвычайно обстоятельный доклад, который он представил Александру I по результатам этой поездки, его необычные — по отзыву императора — «откровенность и прямодушие» (Т. 1. С. 40) способствовали росту исключительного расположения и доверия к нему монарха. А спустя непродолжительное время Киселев приобрел репутацию наиболее авторитетного эксперта по делам гражданского и военного управления южными губерниями России.

Непосредственным поводом ко второй его командировке послужили злоупотребления во 2-й армии по интендантской части. Здесь нам придется вникнуть в обстоятельства этой истории, отголоски которой звучат в ряде писем Давыдова.

К 1816 г. армия находилась без необходимых запасов хлеба, подрядчики обанкротились. Чтобы исправить положение, генерал-интендантом 2-й армии был назначен статский советник С. Жуковский, «выбранный самим императором как способный чиновник по интендантской части в 1-й армии» (Т. 1. С. 37).

Как лицо, призванное искоренить злоупотребления, С. Жуковский встретил недоброжелательное отношение и противодействие со стороны тех лиц, которые были причастны к снабжению армии, и по этому поводу написал жалобу в Петербург, причем указывал, что виной всему — главнокомандующий армией, Л. Л. Беннигсен. По существу это был донос, в котором характеризовались значение и деятельность не только Л. Л. Беннигсена, но и всех высших чинов. Следствием доноса С. Жуковского был рескрипт Александра I главнокомандующему, которым повелевалось не мешать генерал-интенданту в его распоряжениях, а содействовать всеми средствами. На этот рескрипт, датированный 30 апреля

¹³ *Заблоцкий-Десятовский А. П.* Граф П. Д. Киселев и его время. Т. 1. СПб. 1882. С. 18. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.

1817 г., последовало письмо Л. Л. Беннигсена государю от 15 мая, в котором содержалась следующая просьба: «назначить кого-либо из лиц, счастливых доверием вашего величества <...> сделать <...> верный и точный доклад о лжи и правде, заключающихся в помянутых донесениях. Я дам тому лицу средства углубиться во все разыскания» (Т. 1. С. 39).

Александр I удовлетворил просьбу Л. Л. Беннигсена и назначил Киселева «для проверки всех дел интендантства <...> с приказанием: исследовать в точности несогласия, происшедшие между главнокомандующим, его начальником штаба и генерал-интендантом армии, который обвинял их в преступлениях по должности, <...> и в то же время осмотреть все войска и передать им нововведения...» (Там же. С. 39). Также Киселеву было поручено инспектировать гарнизоны, госпитали и военные школы.

Последний пункт поручений немаловажен: в публикуемых письмах одна из часто обсуждаемых тем — военные школы, их устройство, методы обучения и цели. Киселев был прекрасно осведомлен в данном вопросе, с которым вплотную столкнулся годом раньше Давыдова. На этот раз его командировка продолжалась с июля по ноябрь 1817 г.

Киселев — такова его отличительная черта — не был простым исполнителем; сформулированную императором задачу он осмыслил как сверхзадачу: не только обнаружить зло и констатировать его наличие, но предпринять все возможное для его искоренения. Поэтому прежде всего он делал ставку на собственное деятельное участие в жизни армии, которое дало бы толчок к положительным изменениям во всех сферах — управления, снабжения, боевой подготовки.

С другой стороны, как человек, приближенный к императору, он считал своей обязанностью исправить состояние армии настолько, чтобы его доклад мог удовлетворить государя. В автобиографии он писал: «Занимаясь экономическими интересами армии, я исполнял и свои другие обязанности. Я инспектировал полки и к большому сожалению видел, насколько эта армия, отдаленная от центра высшей администрации, отстала, и сколько злоупотреблений вкралось и поддерживалось как законное дело. Не желая, с одной стороны, обманывать своего государя, который выказал мне так много доверия, а с другой стороны, не считая нужным, для пользы дела, выказывать слишком большую строгость и разглашать о состоянии этой армии, — я поставил себе в обязанность оставаться среди нее насколько было необходимо для того, чтобы дать полный толчок, возбудить ревность и желание делать добро в большей части полковых командиров, которыми я не мог нахвалиться. Я возвращался инспектировать полки по два и по три раза, чтобы составить свое донесение в то уже время, когда улучшения становились ощутительными и могли обещать впоследствии другие, более положительные. Этот способ доставил мне не только дружбу всех, которые искренно желали добра, но и счастье не сделать ни одного человека несчастным» (Т. 1. С. 46).

Киселев проявил незаурядные дипломатические способности, расследуя донос С. Жуковского. Следовало раскрыть не только экономическую суть дела, но и то, какую роль сыграли «личности» между генерал-интендантом и руководством армии — главнокомандующим, начальником главного штаба (А. Я. Рудзевичем) и корпусными командирами (И. В. Сабанеевым и А. И. Горчаковым).

Расследование по так называемому «делу Жуковского» продолжалось до начала 1820-х гг.¹⁴ Письмо Давыдова от 12 августа 1818 г. передает накал страстей, которые разгорелись вокруг него. Жуковский, который поначалу произвел на Киселева впечатление «человека замечательного ума» (Т. 1. С. 41) в действительности оказался крупным аферистом. Его кипучая деятельность по изобличению недостатков в интендантской части, осуждение руководства армии и прочее «имело целью лишь удаление всех посторонних влияний в сделках <...> с подрядчиками...» (Там же. С. 47). Добившись независимости, при попустительстве Л. Л. Беннигсена он пустился в злостные злоупотребления.

Командировка 1817 г. имела широкий резонанс и в самой армии, и в Главном штабе, и при дворе¹⁵. «Киселев при исполнении поручений, на него возложенных, — пишет А. П. Заблоцкий-Десятовский, — не предлагал от себя крутых мер, а должное наказание <...> предоставлял определить суду. Но тем не менее не мог избежать вражды тайной и явной. Это его огорчало» (Там же. С. 47).

Далее автор, подтверждая эту мысль, впервые приводит выдержку из письма Давыдова от 12 августа 1818 г., в котором тот уверяет, что «почитающие» его друга абсолютно преобладают.

Командировка Киселева и доклад, который он представил Александру I (аудиенция состоялась в Москве 6 декабря 1817 г. и длилась 5 часов)¹⁶, имели

¹⁴ Об этом узнаем из писем Киселева А. А. Закревскому. В июле 1819 г. расследование было окончено, а его материалы отправлены в Главный штаб. Однако потребовалось продолжение расследования: «Дело Жуковского, — сообщал Киселев в письме от 27–29 ноября 1819 г., — мне главнокомандующий поручил окончить. Я составил комиссию, в которую членами назначил генерал-аудитора Иванова и Юшневского, оба чиновники отличнейшие нравственностью их...» (СБРИО. Т. 78. С. 52). После того как дело вновь было передано в Петербург, Жуковский стремился всячески его запутать. Киселев негодовал по этому поводу в письме от 15 марта 1822 г.: «Перестанете ли вы слушать вздорные извороты Жуковского. Он сверх выпрошенных ужасных цен подрядчика надбавил ему произвольно 100.000 руб. и на 1.400.000 вопреки законов сделал кондиции <...>. Казна же всем сим потеряла даром <...> третью часть подрядной суммы...» (Там же. С. 95).

¹⁵ Об этом свидетельствуют письма его друзей: А. А. Закревского, А. С. Меншикова и А. Ф. Орлова.

¹⁶ Тезисы доклада П. Д. Киселева см.: *Заблоцкий-Десятовский А. П.* Граф П. Д. Киселев и его время. Т. 1. С. 47–48.

исключительно важные последствия для руководства 2-й армии и для него лично. Отставка Л. Л. Беннигсена была предreshена. Император пожелал произвести смену руководства армии по окончании высочайшего смотра, который предполагено было провести в апреле-мае 1818 г. во время объезда им южных губерний.

По-видимому, уже в ходе аудиенции Киселев получил новое задание — подготовить к этому смотру войска 2-й армии. В январе 1818 г. из Москвы он вновь отправился в Тульчин.

С одной стороны, его кандидатура не вполне отвечала специфике поручения: ведь он был кавалерийский офицер; пехотная и артиллерийская части были ему не вполне знакомы. Но, с другой стороны, он знал эту армию изнутри и зарекомендовал себя как дипломатичный и деятельный ставленник императора. Он не нуждался в официальных полномочиях, которые могли бы показаться оскорбительными руководству армии. Очевидно, Александром I был принят во внимание и тот личный мотив, который мог им руководить: смотр 2-й армии был в то же время и смотром тех преобразований, той работы, которую он проделал здесь начиная с 1816 г. На кон были поставлены его карьерные соображения и его дальнейшая судьба. Киселев более чем кто-либо был заинтересован в успешном проведении смотров. Они прошли блестяще. «Наконец, — писал он А. А. Закревскому 4 мая 1818 г., — экспедиция моя совершенно кончилась и совершенно благополучно — не мог ожидать того, что случилось, все без изъята довольны. Государь уверился, что донесения мои были сходны истине, армия же — что пребывание мое здесь для выгод ее было необходимо. По приказам увидишь, <...> сколько милостей ознаменовали <...> сражения при Старом Константинове и Тирасполе. Старик (Л. Л. Беннигсен. — Н. Х.) отпущен и благословляет имя государя; все для всех исполнено. Рудзевич удаляется и (*Толь*) в предмете. Витгенштейн главнокомандующим <...> со всем тем я могу поступить в число *надутых*; по крайней мере, употребил время, ко мне милостивое, на пользу многих...»¹⁷

Кадровые изменения должны были коснуться и поста начальника главного штаба армии. С мая 1816 г. эту должность занимал генерал-лейтенант А. Я. Рудзевич. Как пишут А. Н. Акинъшин и М. Д. Долбилов, «строевой генерал, не имевший покровителей при дворе и не искусенный в интригах, он тяготился своей должностью, что отчетливо видно из его <...> писем к П. Д. Киселеву»¹⁸. Действительно, на протяжении 1816–1819 гг. А. Я. Рудзевич

¹⁷ СБРИО. Т. 78. С. 3.

¹⁸ Тульчинский штаб при двух генералах: Письма П. Д. Киселева А. Я. Рудзевичу (1817–1823) / Публ., вступ. ст., коммент. А. Н. Акинъшина и М. Д. Долбилова. Воронеж, 1998. С. 4. Обзор содержания этих писем см.: Хохлова Н. А. П. Д. Киселев и его архив в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного Отдела Пушкинского Дома на 2009–2010 годы. СПб., 2011. С. 187–192.

постоянно апеллировал к нему как к «сильному человеку» и эксперту по делам 2-й армии, ходатайствуя о собственной отставке.

22 февраля 1819 г. А. Я. Рудзевич был назначен командиром 7-го пехотного корпуса. Место начальника главного штаба занял Киселев (в формулярном списке назначение датируется тем же числом). Хотя и ожидаемое, оно стало сенсацией в военных кругах, и прежде всего потому, что Киселев, произведенный в генералы лишь в 1817 г. (генерал-майор), обошел многих. Даже Давыдов в письме А. А. Закревскому не смог не обмолвиться: «...уже многие известные по службе своей бригадные генералы искали для себя места начальников штаба — что же вышло? Назначили Киселева начальником главного штаба армии...»¹⁹

Это было поистине назначение «сверху», без обычных в подобных случаях согласований с главнокомандующим. Поэтому П. Х. Витгенштейн расценил его как акт недоверия Александра I и в письме от 16 марта 1819 г. даже просил «уволить от командования армию» (Т. 1. С. 62).

Киселеву удалось очень быстро погасить неудовольствия, наладить взаимоотношения с П. Х. Витгенштейном и фактически стать первым лицом в руководстве 2-й армии при недостаточно инициативном в силу своего возраста и особенностей характера главнокомандующем. Чрезвычайно благоприятствовало его службе то, что в это время ключевые посты в руководстве Главного штаба занимали его близкие друзья: генерал-квартирмейстером был кн. А. С. Меншиков, дежурным генералом — А. А. Закревский. После отставки в 1823 г. начальника Главного штаба, П. М. Волконского, который также покровительствовал Киселеву, и смены руководства Штаба позиции Киселева несколько ослабели.

Все друзья, в том числе и Давыдов, с пристальным вниманием и не без опасений следили за тем, как его приняли во 2-й армии, ободряли и давали советы²⁰ (именно об этом идет речь в публикуемом письме от 14 июня 1819 г.).

Послужной список Давыдова 1818–1820 гг. таков: 19 февраля 1818 г. он был назначен начальником штаба 7-го пехотного корпуса и прослужил в этой должности год, до февраля 1819 г. 22 февраля 1819 г.²¹ он получил ту же должность начальника штаба, но уже 3-го пехотного корпуса и опять занимал ее лишь год — до февраля 1820 года²². 17 марта взял заграничный отпуск «для излечения болезни» с зачислением по кавалерии.

¹⁹ СБРИО. Т. 73. С. 518–519.

²⁰ Подробнее об участии А. А. Закревского и А. Ф. Орлова см.: *Заблоцкий-Десятовский А. П.* Граф П. Д. Киселев и его время. Т. 1. С. 70–72.

²¹ Точная дата указана биографом Д. В. Давыдова В. В. Жерве (*Жерве В. В.* Партизан-поэт Денис Васильевич Давыдов. Очерк его жизни и деятельности. 1784–1839. СПб., 1913. С. 95). Следовательно, назначение обоих — и Киселева, и Давыдова — состоялось в один день.

²² По сведениям В. В. Жерве, в течение этого времени Давыдов неоднократно бывал в продолжительных отпусках: «12 ноября 1818 г. он отправился в отпуск

Для того чтобы уяснить реалии служебной биографии Давыдова, а главное, понять, в какой период общение с Киселевым могло быть непосредственным, а в какой — лишь эпистолярным, необходима небольшая историческая справка.

Еще во время военных действий, в 1814 г., согласно указу от 28 октября, российские сухопутные войска были разделены на две армии. 1-я армия, состоявшая к 1818 г. из пяти корпусов, располагалась в западных, центральных и частично — южных областях России с главной квартирой в Могилеве-на-Днепре²³. Ее возглавлял М. Б. Барклай-де-Толли, а после его кончины в 1818 г. — Ф. В. Остен-Сакен. Начальником главного штаба с 1815 г. был И. И. Дибич.

2-я (или Южная) армия состояла из двух пехотных корпусов: шестого и седьмого и располагалась в юго-западных губерниях России и в Бессарабии. Главный штаб находился в Тульчине. Отдаленная от столиц, расквартированная в глухих российских провинциях, а также в областях, недавно присоединенных к России, к тому же существенно меньшая по численному составу, она заметно проигрывала 1-й армии как в боевой подготовке, так и по многим другим статьям. Служба в ней считалась менее престижной.

Теперь внесем необходимые уточнения в биографию Давыдова 1818–1820 гг. Из вышеизложенного следует, что его служба в 1818–1819 гг. как начальника штаба 7-го пехотного корпуса протекала во 2-й армии, а затем он был переведен в 1-ю на должность начальника штаба 3-го пехотного корпуса. Собственно этим обстоятельством и объясняется сам факт существования переписки двух друзей, которая возникла по необходимости. Следует при этом отметить, что географически они не были слишком удалены друг от друга: штаб 3-го корпуса располагался в Кременчуге, а значит, друзья могли не только переписываться, но и встречаться.

Каковы могли быть непосредственные взаимодействия Киселева и Давыдова по службе?

Не имея документальных свидетельств, исходя лишь из фактов биографии Киселева, истории назначения его начальником главного штаба 2-й армии, принимая во внимание то исключительное доверие, которое оказывал ему Александр I в делах, связанных с судьбами этой армии, мы можем с большой долей осторожности предположить, что назначение Давыдова (февраль 1818 г.) могло состояться при известном участии Киселева. Последний не мог не знать о постоянных служебных перемещениях своего друга в течение 1815–1817 гг. — тот явно

на два месяца, но показывался в отпуску до 1 июня 1819 г.; 22 декабря того же 1819 года он снова уезжает на два месяца и опять показывается в отпуску до 17 марта 1820 года» (Там же. С. 102).

²³ См. «Карту районов расположения армий, отдельных корпусов и казачьих войск в 1817 году» в кн.: Столетие военного министерства. 1802–1902. Исторический очерк развития военного управления в России. / Сост. Н. А. Данилов. Т. 1. СПб., 1902, между с. 240 и 241.

не находил себе места в мирное время. Отправившись в январе 1818 г. в расположение 2-й армии, дабы подготовить ее к смотру, Киселев был крайне заинтересован в эффективных кадрах, в помощниках, в людях, на которых он мог опереться и которым доверял. А таких в армии было немного. Во всяком случае, он, безусловно, был осведомлен о готовящемся назначении и должен был выразить свое мнение, которое в тот момент было исключительно авторитетным.

Непосредственное общение двух старых друзей могло происходить именно (и только) в период подготовки и проведения смотров, то есть в первой половине 1818 г. В дальнейшем их пути разошлись: по окончании смотров Киселев уехал из армии и появился здесь в феврале 1819 г. уже в должности начальника штаба — как раз тогда, когда Давыдов перешел в 1-ю армию. Единственный след их прямого взаимодействия обнаружен нами в письме Киселева к А. А. Закревскому от 11 апреля 1818 г. Сообщая о репетиции смотров, он признавался: «на 7-й корпус я более считаю (т.е. рассчитываю. — Н. Х.)»²⁴.

Период 1818–1820 гг. в биографии Давыдова изучен крайне односторонне, лишь в плоскости декабристской тематики — как время его наибольшей близости к деятелям Южного общества²⁵. Близости, как справедливо указывал В. Э. Вацуру, «и чисто географической, и идейной. Он дружен с М. Ф. Орловым; он свой человек в Тульчине и Каменке. Его ближайшие покровители, сослуживцы и друзья поддерживают тесные связи с активнейшими деятелями будущего декабризма: Пестель, И. Г. Бурцов — доверенные лица П. Д. Киселева, М. А. Фонвизин — Ермолова, С. Г. Волконский станет зятем Н. Н. Раевского. Да и сами Киселев и Ермолов занимают в военной администрации особое положение: они тронуты духом оппозиции настолько, что будущие декабристы рассчитывают на них как на прямых союзников»²⁶.

²⁴ СБРИО. Т. 78. С. 2.

²⁵ Помимо указанных выше работ М. В. Нечкиной и С. С. Ланды, см., например: Пугачев В. В. Денис Давыдов и декабристы // *Декабристы в Москве*. М., 1963. С. 107–142; *Тартаковский А. Г.* 1812 год и русская мемуаристика. М., 1980. С. 165 и след.

²⁶ Вацуру В. Э. Денис Давыдов — поэт // Денис Давыдов. Стихотворения / Вступ. ст., составл., подготовка текста и примеч. В. Э. Вацуру. Л., 1984. С. 17 (Б. п.). Характерно, что деятельность Киселева на посту начальника штаба 2-й армии также привлекала исследователей главным образом в связи с темой «П. Д. Киселев и Южное общество декабристов». Особое внимание уделялось следующим ее аспектам: степень осведомленности Киселева о деятельности тайного общества, его личные планы как либерала и умеренного реформатора в связи с этой деятельностью; отношения Киселева с членами и руководителями Южного общества: П. И. Пестелем, М. Ф. Орловым, С. Г. Волконским, И. Г. Бурцовым, Н. В. Басаргиным и др. Наиболее полно все эти вопросы проанализированы А. В. Семеновой в книге «Временное революционное правительство в планах декабристов» (М., 1982). По замыслу декабристов, в случае победы

Письма Киселеву, повествующие о повседневной армейской жизни, об общих знакомых и сослуживцах, о самообразовании, о военно-сиротском отделении в Херсоне позволяют проникнуть в реалии жизни Давыдова — начальника штаба корпуса. Из перечисленных тем наименее известная — интеллектуальные занятия высшего офицерского состава армии, круг их чтения, самообразование. Между тем из писем следует, что именно эта сфера была полем притяжения для обоих, существенным мотивом их взаимоотношений.

В «Историческом очерке возникновения и развития в России Генерально-го штаба» приведен обзор «ученой, литературной и вообще умственной деятельности офицеров квартирмейстерской части», который позволяет восполнить данный пробел²⁷. Речь в нем идет об их топографических, военно-исторических и литературных занятиях. К первым двум направлениям принадлежат работы по описанию отдельных кампаний периода наполеоновских войн и составление «общего свода всех сведений “о военных силах” европейских государств».

Большое внимание уделено проекту Киселева — задуманному им в 1816 г. «Полному историческому начертанию всех с турецкою державою военных действий от времен Петра Великого до последнего мира»: названы участники этой работы, ее источники, план, результаты, указаны причины «несочувственного к ней отношения некоторых высших представителей квартирмейстерской части», которое и явилось препятствием для ее завершения.

По мнению автора обзора, военно-ученая и литературная деятельность свитских офицеров протекала в рамках общего «оживления» русской мысли и литературы:

«В Петербурге, по почину начальника штаба гвардейского корпуса, генерал-майора Николая Мартемьяновича Сипягина, составилось “общество любителей военных наук”, которое издавало с 1817 до 1819 года, довольно богатый в отношении содержания “Военный журнал”. При штабах армий, в Могилеве и Тульчине, офицеры собирались и посвящали много времени чтению, беседам и взаимному самообразованию²⁸. <...> Еще в 1813 году появилась газета “Русский инвалид”; <...> Наличие двух военных изданий, журнала и газеты, не могла не побуждать к литературной деятельности <...>. Сочинения Жомини, хотя

Киселев наряду с А. П. Ермоловым, Н. С. Мордвиновым и М. М. Сперанским должен был стать членом этого правительства.

²⁷ Столетие Военного министерства. 1802–1902. Главный штаб. Т. IV. Часть 1. Кн. 2. Отд. 1. СПб., 1902 (подзаголовок данного тома). С. 384–392.

²⁸ Что касается 2-й армии, то речь идет о так называемом «Обществе главной квартиры», о которой Н. В. Басаргин подробно рассказал в своих «Записках» (*Басаргин Н. В.* Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск, 1988. С. 51, 59). В исследованиях, посвященных Южному обществу, этот рассказ трактуется как важный источник.

и написанные на французском языке, и особенно некоторые его идеи сделались более популярными у нас, чем в Западной Европе. <...> К тому же времени относятся первые труды А. И. Михайловского-Данилевского, начиная с “Записок 1814–1815 годов”, а также и штабная деятельность знаменитого нашего партизана Д. В. Давыдова, <...> прославившегося также своим сочинением под заглавием “Опыт теории партизанского действия”²⁹.

О круге чтения и научно-образовательных запросов Давыдова можно судить на основании его писем от 7 августа, 15 ноября и 2 декабря 1819 г. В них обсуждаются экономические сочинения, политические трактаты, труды по военной истории. А об интеллектуальных запросах Киселева — благодаря описанию его библиотеки, сделанному академиком Н. М. Дружининым по сохранившимся каталогам тульчинской библиотеки³⁰. Его можно рассматривать как своего рода комментариев к указанным выше письмам Давыдова — столь очевидна общность их интеллектуальных интересов.

В определенной связи с ними находятся и педагогические опыты обоих. В ряде писем Давыдова речь идет о Херсонском военно-сиротском отделении — военном училище, которым он управлял в течение полутора месяцев весной

²⁹ Столетие Военного министерства. 1802–1902. Главный штаб. Исторический очерк. Т. IV. Ч. 1. Кн. 2. Отд. 1. СПб., 1902. С. 391–392.

³⁰ «Наряду с философскими творениями Платона и Локка, естественнонаучными энциклопедиями и монографиями, художественными произведениями Рабле, Вальтер-Скотта и Байрона мы находим здесь большое количество книг, посвященных истории и политике. Особое и почетное место занимают здесь античные авторы, начиная с Геродота и Фукидида, кончая Плутархом и Ювеналом. Но основное ядро библиотеки составляют не они, а французские публицисты XVIII и начала XIX веков. Киселев имел у себя не только корифеев просветительной литературы — Вольтера и Монтескье, Руссо и Мабли, — но и второстепенных писателей предреволюционной эпохи — Мирабо, Рейналя, Вольнея — и представителей позднейшей политической мысли — Шатобриана и Бенжамена Констана. Английская социально-политическая литература была представлена сочинениями Бентама и Адама Смита, итальянская — старым трактатом Маккиавелли. Исторические книги, которые составляли не менее значительную часть библиотеки, включали в себя английских историков вольтеровской школы — Юма, Гиббона, Фергюсона, известного немецкого историографа Иоганна Мюллера, представителей исторической мысли периода реставрации — Гизо и Тьера. Кроме того, в библиотеке Киселева было немало работ, посвященных европейским переворотам, особенно французской революции XVIII в., и имелся специальный раздел — сочинений о России европейских путешественников и публицистов. Нет никакого сомнения, что умственные интересы Киселева развивались в том же основном направлении, в каком проявляла себя политическая мысль всего передового поколения» (*Дружинин Н.* Социально-политические взгляды П. Д. Киселева // Вопросы истории. 1946. № 2–3. С. 40).

1819 г., в то время, когда в этом городе располагался штаб 3-го пехотного корпуса, а затем оставил на попечение Киселева и его адъютантов (прежде всего И. Г. Бурцова). Поскольку этой теме в письмах уделено много места, необходимо подробнее рассказать о том, что представляло собой это училище.

В 1798 г. по указу Павла I в Петербурге был учрежден Военно-сиротский дом и вместе с ним создана целая сеть его отделений при гарнизонных полках в провинции для сыновей неимущих дворян и офицеров, а также для солдатских детей. Во всех этих отделениях было определено «содержать 16.400 малолетних солдатских сыновей с ежегодным отпуском на этот предмет 520.000 р. Воспитанников провинциальных Отделений предписывалось обучать “всему строевому и до военной части службы и ее порядка принадлежащему, грамоте, арифметике, барабанщицъей науке...”. По достижении 18-летнего возраста таковые воспитанники определялись на службу в полки...»³¹

Представители интеллектуальной военной элиты — офицеры квартирмейстерской части — взяли на себя инициативу военной подготовки и образования нижних чинов, отнюдь не довольствуясь состоянием сложившейся системы.

Выдающихся результатов на этом поприще добился М. Ф. Орлов, начальник штаба 4-го пехотного корпуса (1817–1819 гг.), сослуживец Давыдова по 1-й армии. Его опыт как руководителя Киевского отделения Военно-сиротского дома последний и стремился перенять, как видно из письма от 11 июня 1819 г. Тем не менее, Давыдов руководствовался иными побуждениями, которые не имели ничего общего с просветительской программой декабристов. Смысл существования таких училищ он видел единственно в том, что они могут «подарить армию хотя 20^ю добрыми фельдфебелями в год», — говорится в том же письме.

Киселев был его единомышленником в деле военного образования. Убедившись, как пишет А. П. Заблоцкий-Десятовский, в недостатке учебных заведений в Новороссийском крае, он пришел к мысли об «учреждении при пехотных корпусах военных училищ и кадетских рот для воспитания сирот и детей бедных офицеров и чиновников» (Т. 1. С. 50).

Единомышленниками они были и во взглядах на военное дело, находясь в рядах жесткой оппозиции А. А. Аракчееву. Впоследствии Давыдов, «состарившийся в старых, но несравненно более светлых понятиях», жестко критиковал окончательно победившую в царствование Николая I фронтоманию³².

Общий круг интересов и занятий, общность взглядов на существо военного дела — вот что составляло смысл дружеских отношений Давыдова и Киселева

³¹ Лалаев М. Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их управлению. 1700–1880. СПб., 1880. С. 82.

³² Подробно об этом писал В. В. Жерве (Жерве В. В. Партизан-поэт Денис Васильевич Давыдов. С. 102–104).

в 1818–1820 гг. Однако неверно было бы идеализировать эти отношения, преувеличивая степень их близости друзей. О том, сколь разные это были люди — по своему складу, по природе дарований, можно судить на основании их отношения к штабной работе.

Едва прослужив полгода в должности начальника штаба 3-го пехотного корпуса, Давыдов окончательно решил, что для него «нет места в мирное время», что он «готов сесть на коня и явиться на *настоящую службу* (то есть на войну. — Н. Х.), а не в *кукольную комедию*»³³.

20 сентября 1819 г. он написал решительное письмо А. А. Закревскому, адресуясь к нему не как к «государственному человеку», а как к «истинному другу», дабы тот взвесил его план просить об отпуске «до излечения болезни за границу, <...> чтобы, возвратясь, считаться по кавалерии и выйти из начальников штаба»³⁴. Далее он писал: «...что я в существе службы моей? Не правитель ли канцелярии корпусного командира? <...> Какие же бумаги проходят чрез мои руки? Стоят ли они взгляда умного человека? Требуют ли они хоть минуту размышления?

Между тем я 19-й год в службе и ни минуты не имел своей! Где я убил и убиваю последние дни лучшей части жизни моей? В непросвещенных провинциях, в степях, в городках и деревнях; еще коли бы я тем приносил пользу отечеству; но какая польза ему, что я подписываю: “к сведению, справиться там-то и предписать и донести о том-то?” Во сто раз глупее меня человек не то ли сделает? Итак, скажи прямо, любезный друг, не прав ли я, что оставляю честным образом ныне занимаемое мною место? И неужели за то в военное время не употребят меня? Кажется, я не из тех генералов, которыми можно пренебрегать в решительные минуты?»³⁵

Получив желанный отпуск, Давыдов с ликованием писал ему же 23 марта 1820 г.: «Наконец я свободен: учебный шаг, ружейные приемы, стойка, размер пуговиц изгоняются из головы моей! Шварцы, Мартыновы, Гурки и Нейдгарты, торжествуйте, я не срамлю ваше сословие! Слава Богу, я свободен! Едва не задохся; теперь я на чистом воздухе!»³⁶

В этом признании многозначительно все: и противопоставление обретенной свободы службе, в которой «едва не задохся», и перечень одиозных имен, рядом с которыми Давыдов не желает видеть свое. Не только характер службы, но и лица, с которыми приходилось ее нести, зачастую вызывали у него отторжение. Не случайно, узнав в конце весны того же 1820 г. об открывшейся

³³ Из писем Д. В. Давыдова А. А. Закревскому от 20 сентября 1819 г. и 3 мая 1820 г. (СБРИО. Т. 73. С. 518 и 523 соотв.).

³⁴ СБРИО. Т. 73. С. 518.

³⁵ Там же. С. 519.

³⁶ Там же. С. 520.

возможности служить вместе со своим кумиром — Н. Н. Раевским-старшим³⁷, он готов был вновь стать начальником штаба, но уже 4-го корпуса и «секретно» просил А. А. Закревского попридержать его вакантным до времени окончания своего отпуска: «Признаюсь, что мне очень хочется послужить с Николаем Николаевичем, мне дураки и изверги надоели»³⁸.

Сетования на «душную должность» встречаются и в письмах Киселеву: «...оставлю место Гуркам и Нейтгартам. <...> я на войну готов, куда хотят, всюду пойду, но задыхаться в моей должности — слуга покорный! Я списывался с Закревским, как способнее *отдать хомут и дугу*...» (письмо от 2 декабря 1819 г.); «...душная моя должность, как тюрьма, гасит даже воображение мое, в него так много вкралось прозы, что я себя не узнаю» (письмо от 15 ноября 1819 г.).

Последнее признание чрезвычайно важно. Мы рассматриваем его как своего рода ключ к пониманию феноменологии сознания Давыдова. Почему все же он не находил себе места в мирное время? В биографиях поэта-партизана эта особенность лишь констатируется, но истолкований не имеет³⁹.

Приведенная цитата — очевидное доказательство того, что он жаждал поэзии, а не прозы жизни, его воображению необходима была пища⁴⁰. Штабная должность ни малейшим образом не согласовалась с этими насущными потребностями его сознания. Иное дело — война. Человек, в основе многообразных дарований которого лежало творческое начало, он воспринимал войну именно как творчество. Очевидно, в данном случае как никогда уместно выражение «военное искусство». Без творчества, без искусства — военного, поэтического, проявляющегося разнообразно в жизни и в общении, но в общении с незаурядными людьми, — без этого Давыдов действительно не находил и не мог найти себе места⁴¹.

³⁷ Раевский Николай Николаевич (1771–1829), участник Отечественной войны, генерал от кавалерии, член Государственного совета. «В 1816 г. назначен командующим 3 пех. корпусом, а затем командующим 4 пех. корпусом и удостоился за прекрасное состояние одного Высочайшего благоволения 1 февраля 1820 г.» (Русский биографический словарь. Притвиц — Рейс. СПб., 1910. С. 401).

³⁸ СБРИО. Т. 73. С. 525.

³⁹ Например, А. Петров в словарной статье о Д. В. Давыдове писал: «Частые служебные перемещения Давыдова показывают, что он не находил себе места для служебной деятельности в мирное время (Русский биографический словарь. Дабелов-Дядьковский. СПб., 1905. С. 21).

⁴⁰ Примечательно, что у Давыдова нет ни одного стихотворения, датированного 1819–1820 гг.

⁴¹ В. Г. Белинский, пытаясь понять Давыдова «как оригинальную личность, как чудный характер», писал: «Он был поэт в душе; для него жизнь была поэзией, а поэзия жизнью, — и он поэтизировал все, к чему ни прикасался...»

Осознавал ли Киселев внутренние причины метаний своего друга? Вряд ли можно ответить на этот вопрос. Во всяком случае, он никак не мог согласиться с тем, что место начальника штаба, по выражению Давыдова, «совершенно пустое» (из письма от 7 августа 1819 г.). Человек несомненно выдающихся способностей, Киселев видел свое призвание в службе, которую понимал в высоком смысле — как служение на благо отечества. Так же понимал ее и Давыдов, и это, конечно, их сближало. Однако творческим человеком, подобно ему, Киселев не был. Эта стихия не была ему близка и могла служить скорее взаимному отторжению. Природа этих людей была слишком различной.

Существует документ, в котором чрезвычайно емко запечатлелось жизненное кредо Киселева. Это его письмо М. Ф. Орлову, датируемое, предположительно, 1819 или 1820 годом⁴². Знаменательно, что оно было опубликовано (Д. А. Милотиным) в той же подборке «Отечественная война 1812 года», где впервые появились и отдельные письма Давыдова Киселеву, причем как бы в pendant им: в письме последнего также содержится критика революционных «мечтаний» М. Ф. Орлова и предлагается своя позитивная программа⁴³.

Оно известно исследователям: «В историографии, — пишет М. А. Давыдов, — давно уже предпринят анализ споров о будущем России между Киселевым, Д.В. Давыдовым и М. Ф. Орловым, происходивших в период их совместной службы во 2-й армии»⁴⁴.

Несмотря на значительный объем, мы считаем уместным привести его здесь полностью по следующим основаниям: как необходимый комментарий к вопросу о близости идейно-политических взглядов Киселева и Давыдова; как документ, в котором автор дает исчерпывающую характеристику своего отношения к службе и определяет ее значение; наконец, по соображениям археографического и текстологического порядка. Дело в том, что в тексте, подготовленном для печати Д. А. Милотиным, оказалось много неточностей (рукопись представляет собой крайне трудный для прочтения черновой автограф со множеством исправлений). Н. Ф. Дубровин собственноручно снял с него копию, которая содержит существенные разночтения с публикацией. Данное письмо после необходимой сверки с автографом приводим по копии Н. Ф. Дубровина.

(Белинский В. Г. Сочинения в стихах и прозе Дениса Давыдова // Белинский. Т. 4. С. 353).

⁴² Письмо дошло в виде чернового автографа: РО ИРЛИ. Ф. 143 (П. Д. Киселев). № 20.

⁴³ Русская старина. 1887. Т. 55, июль. С. 231–233.

⁴⁴ Давыдов М. А. «Оппозиция его величества»: Дворянство и реформы в начале XIX века. Москва; Göttingen, 1994. С. 127. Здесь содержится сопоставительная характеристика социально-политических воззрений Давыдова и Киселева.

Все твои суждения в теории прекраснейшие, в практике неисполнительные. Многие говорили и говорят в твоём смысле, но какая произошла от того кому польза? Во Франции распри заключились тиранством Наполеона, в Англии — прекращением власти министерской; в Германии — маленьким инквизиционным трибуналом. Везде идеологи, вводители нового в цели своей не успели, а лишь дали предлог к большему и новому самовластию правительств. Мы с тобою разствуем в мнениях, я полагаю, потому, что смотрим на них разным образом. Ты смотришь в подзорную трубу, в которой механизм весь устроен редактором «Минервы», пылким воображением твоим, киевским бездействием и скукою... Я гляжу, защуря один глаз, дабы предметы видеть не в бесконечной и бесполезной отдаленности, но сколько можно вблизи и в настоящем их виде. Кто из нас смотрит основательнее? — рассуди и сознайся.

Каждый век, каждый народ имел несколько знаменитых мужей, коих гений предшествовал времени, раскрывал сокрытые для прочих тайны будущего и был для сограждан своих водителем и подпорою. Но века проходят, все тлеет, — а гений их живет посреди нас и научает нас жить. Подражать им есть добродетель; но каждому мнить, что он рожден занять место сих блистательных украшений человечества — есть химера вредная, для людей пагубная и заключающая в себе бедствия беспредельные. Скажи, если бы все те, коими управляют, захотели бы в свою очередь быть правителями, те, которые обязаны слушать, заговорили бы и звукоприятными выражениями предложили новые системы правления, новое для государства бытие — неужели благоразумие дозволило бы терпеть и согласиться на все введения, на все безумствия, которые появились бы из толпы народной? — Тут несомненно нашлись бы благонамеренные, и представилось бы много желательных улучшений, но вместе с ними появились бы и люди 93 года, и предложения развратные, и порядок заменился бы пагубною анархией, и блистательные для некоторых минуты обратились бы в плачевные для них и для народа последствия. Я полагаю, что гражданин, любящий истинно Отечество свое и желающий прямо быть полезным, должен устремиться по мере круга действия своего к пользе дела, ему доверенного. Пусть каждый так поступает, и более будет счастливых. Общее зло менее чувствительно, чем частное; общее искореняется веками, обстоятельствами, судьбою; частное увеличивается или

уменьшается облеченными властью; а от министра до будочника, от фельдмаршала до капрала — каждый чин, каждое звание влиянием своим полезен быть может. Постановления закона без людей и без нравственности народной останутся безмолвны и будут для государства, как золотые надписи скудных италийских богаделен, где великолепие и богатство сидят на преддверии, а голод томит в одре чертогов призренного.

Я думаю, что мысли мои с духом времени не сходны; что Греч не будет меня хвалить, что ряд пылких учеников лица и громада тунеядцев московских провозгласят недостойным *гасителем*; другие назовут рабом власти, но я суждения их презираю, и мыслей своих не переменяю. Обращусь к тебе.

Занятия наши признаем пустыми и бесплодными для себя и для других: кройка мундиров, тактика Клейнмихеля — согласен. Но если при том пожертвуешь собою в пользу благосостояния безмолвных жертв политического образования государств, в пользу почтенных, скажу я, мучеников-солдат наших, если тягостную участь их усладишь, переменишь хотя несколько варварский обычай, если кровопийцы их железною рукою низвергнутся, если корысть, отнимающая насущное содержание их, изоблится, и люди, определенные на страдание, почувствуют отраду и благословят неизвестную подпору неизвестного благодетеля своего, какая награда может с тем сравниться! И кто более исполнил долг человека, долг гражданина — тот ли, который хотя несколько был полезен, или тот, который провел жизнь в мечтаниях, говорил о счастии вселенной — и никого счастливым не сделал.

Ты знаешь и уверен, сколь много я тебя истинно уважаю, но мысли твои неправильны и, конечно, с сердцем твоим не сходны: неудовольствие, грусть, сношение с красноречивыми бунтовщиками — и, я сознаюсь, несправедливое бездействие, в котором ты оставлен, были и есть тому причины. Скинь с себя тебе неприличное. Не словами, но делом будь полезен, оставь шайку крикунов и устреми отличные качества свои на пользу настоящую. Преобразователем всего не каждому быть можно, но я повторю: каждому определено, каждому предназначено увеличивать блаженство общества, а ты, Орлов, от доброго отшельцем быть не должен.

В суждениях моих могу ошибаться, но цель есть благонамеренная и потому одинакая с твоею. Разница в том, что ты даешь волю воображению

твоему, а я ускромняю свое; ты ищешь средств к улучшению участи всех и не успеешь, а я — нескольких и успеть могу; ты полагаешь, что исторгнуть должно корень зла, а я — хоть срезать дурные ветви; ты определяешь себя к великому, а я — к положительному.

На листах обширные письма мои доказывают тебе, любезный Орлов, сколь приятен мне разговор с тобою и сколь желательно мне убедить тебя, что слова, что мечтания не прибавляют ни на волос блаженства, что добрый исправник, по мне, полезнее всякого крикуна-писателя, мистиков, членов библейских и всех благотворительных обществ, — словом, что относительно к добру я предпочитаю действие сколь ни малое, но точное всем великим, обширным замыслам и блаженство, единственно на красноречивых прениях основанное.

Нам неизвестны письма Киселева к Давыдову, но представляется вполне правдоподобным, что такого же рода увещевания — в той части, которая касается отношения к службе, признания многими, в том числе Давыдовым, «занятий наших <...> пустыми и бесполезными», могли быть адресованы и ему. 15 декабря 1819 г. Киселев писал к А. А. Закревскому: «Дениса увидишь в Москве, обрати его к службе и к делу; он способен и избалован, как все Давыдовы, которые ждут смерти Сакена⁴⁵, чтобы царствовать по 1-й армии»⁴⁶.

В этом отзыве невозможно не ощутить ноту высокомерия. Нет, он не причислял Давыдова к «крикунам-писателям», «мистикам», «громде туняйцев московских» и уж тем более не сравнивал его с «пылкими учениками Лицея». Но поэзия, которой был предан его друг, вряд ли сочеталась с позитивизмом его собственной жизненной программы.

Киселев, А. А. Закревский, А. С. Меншиков, Н. М. Сипягин — все близкие друзья — составляли когорту «государственных мужей», чьи идеалы всецело были сосредоточены на «пользе службе». Давыдов в этом дружеском кругу занимал особое место, сам сознавал свою особость и имел обыкновение сокрушаться (искренне ли?) по поводу «проклятого стихотворства», которое много повредило ему «в мнении людей сухой души и тяжкого рассудка» (из письма от 15 ноября 1819 г.).

Известен поздний отклик Киселева на первое посмертное собрание сочинений Давыдова, появившееся в 1860 г., критичность которого весьма многозначительна: «Записки Давыдова, — отмечал он в своем дневнике, —

⁴⁵ Остен-Сакен Ф. В., граф, генерал от инфантерии, главнокомандующий 1-й армией (см. о нем примеч. к письму от 14 июня 1819 г.).

⁴⁶ СБРИО. Т. 78. С. 57.

не составляют творения, заслуживающего большого внимания и доверия. Тот, который составлял эти “Записки”, хотел издать книгу из лоскутков и не зная достаточно характера и ума Давыдова. Он был поклонник всего, что могло льстить *некоторым*, и слепо подчинялся беглым впечатлениям того круга, в котором проводил время»⁴⁷. Так сдержанный и проницательный Киселев с высоты своего положения и прожитых лет вспоминал о неумном, «распашном» поэте-партизанине.

Письма 1820–1839 гг. (всего их 11) не содержат принципиально новых сведений из области служебной, личной или творческой биографии Давыдова. Тем не менее, многим событиям они придают более выразительные краски, вносят дополнительные акценты в присущую ему систему жизненных, нравственных и общественно-политических ценностей. Например, в представлении о семье и семейном, по его словам, «ощутительном счастье». Незадолго до отставки, в письме от 24 февраля 1823 г., строя планы на будущее, Давыдов предполагал жить «домоседом»: «ни шагу ни на балы, ни на обеды, ни на вечера, все это мне огадилось. К тому же, ты знаешь меня: я могу молчать в обществе, пока какая-нибудь искра не упадет в пороховой магазин души моей, а нынче ставят всякое лыко в строку <...>, к чему же мне против воли попасться в список карбонариев, тогда как я с ребячества моего избегал всякого рода секретные общества, врал много, но преступных намерений не имел. Осторожность моя простирается теперь до того, что в целую жестокою нынешнюю зиму я камина не топил, боясь, чтобы не оставались в нем *уголья* (slagbone)».

Вместе с тем нельзя сказать, что письма вовсе не содержат нового фактического материала для биографии Давыдова. Можно указать по крайней мере на три факта, существенно проясненные благодаря им.

Из писем конца 1820 — начала 1821 г. узнаем о той роли, которую сыграла Киселев и его адъютант И. Г. Бурцов в подготовке к изданию «Опыта о партизанской войне»⁴⁸. Переписка с И. Г. Бурцовым шла через Киселева, ему же Давыдов поручил организовать во 2-й армии подписку на книгу.

Большой интерес для военной биографии Давыдова и для русской военной истории представляет письмо от 26 февраля 1828 г., которое можно охарактеризовать как реляцию о военных действиях отряда Давыдова в ходе русско-персидской войны. Подробнейшим образом описана операция по изгнанию Гассан-хана из Бамбакской долины. Письмо начинается с очень важного признания Киселеву: «...ты один из главных лиц того тесного круга друзей моих, который по большему углублению моему в жизнь уменьшается

⁴⁷ Цит. по: *Заблоцкий-Десятовский А. П.* Т. 3. СПб., 1882. С. 362–363. Под «некоторыми» следует понимать кумиров Давыдова: П. И. Багратиона, А. П. Ермолова, Н. Н. Раевского-старшего.

⁴⁸ Подробнее об этом см. статью И. В. Кошкиенко в наст. сб.

от недоверчивости, приходящей с опытностью, и разочарований от заблуждений юности. Я твоим мнением дорожу более всего на свете и, следовательно, обязан излагать тебе все, со мною случившееся после всякого необыкновенно для меня происшествия».

«Необыкновенным» было то, что заслуги Давыдова не только не были признаны, но сама сущность предпринятой им военной операции совершенно искажена в угоду И. Ф. Паскевичу. В донесении Николаю I сообщалось, что его отряд «преследовал бегущего неприятеля». Вот почему он счел необходимым другу и знатоку военного дела, каким был Киселев, подробнейшим образом изложить весь ход операции. Возможно, Давыдов рассчитывал на его заступничество.

Из письма от 12 апреля 1838 г. впервые узнаем о неизвестной ранее попытке Давыдова определиться на военную службу. Получив известие о кончине А. А. Вельяминова, командующего войсками Кавказской линии, он писал Киселеву: «Я чувствую, что место, которое он занимал, по мне, и я надеюсь, что меня на него станет. Там и жгут порох, и требуются труды кабинетные, и честность неколебимая. <...> Поговори о сем, с кем нужно и как старинный друг поручись за меня. <...> Извини, что я отвлекаю тебя от важных занятий твоих; но кроме тебя у меня нет другой опоры. Откровенно скажу тебе, что кроме этого места я никакого не возьму добровольно...»

Стать начальником Кавказской пограничной линии было давней мечтой Давыдова. Хорошо известно о его попытке в 1821 г. определиться на это место при содействии А. П. Ермолова и А. А. Закревского — попытке, окончившейся неудачей, после чего Давыдов принял окончательное решение об отставке. Тем интереснее, что спустя 17 лет надежды возобновились. Излишне говорить, что они не сбылись — через год Давыдов скончался.

Для характеристики дружеских отношений Давыдова и Киселева особенно показательное письмо, написанное под впечатлением от известной дуэли последнего с генерал-майором Н. И. Мордвиновым (1823 г.). Можно составить своего рода антологию откликов на нее — начиная с официального письма Александра I и кончая пересудами А. Я. Булгакова. Но письмо Давыдова по искренности и страстности переживаний — единственное в этом ряду. Получив, наконец, известие о благополучном для своего друга исходе дуэли, он писал: «Любезный Киселев! Ей-богу я не могу тебе изъяснить всю радость мою; спешу тебя поздравить от всей души, но не менее поздравляю жену твою и себя. Более писать не могу от радости. Сердце мое полно и голова вверх дном. Прости, уведомь, как это было?» Вообще, лейтмотив дружеских признаний Давыдова — а они звучат в каждом письме — таков: «я не любимца царского, а Киселева люблю душевно». В их отношениях не было соперничества, но, несомненно, было лидерство — и оно принадлежало Киселеву.

Подводя итог, отметим, что история дружбы Давыдова и Киселева более всего примечательна с точки зрения феноменологии поколения, к которому они принадлежали. Анализируя важнейшие составляющие их мировоззрения —

отношение к государственному и общественному устройству, к службе, к тому, что в ту эпоху именовалось «правилами», мы приходим к заключению, что они идентифицируются как люди одного круга. Круга, по определению современного историка М. А. Давыдова, «не декабристской и не аракчеевской России». Эти люди составляли оппозицию не в разрушительном, но в созидательном смысле — «опозицию его величества». Несмотря на известное противоборство консервативной и либеральной тенденций внутри нее, представители элиты русского общества вполне ощущали, как можно убедиться на примере публикуемых писем, свое идейное родство. Не будучи соратниками в буквальном смысле, они оказались таковыми в смысле историческом.

Эта мысль имеет вполне документальное подтверждение: при знакомстве с фундаментальным двухтомным изданием Н. Ф. Дубровина «Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского», включающим почти исключительно эпистолярное наследие, обнаруживается, что все корреспонденты Закревского были близко знакомы между собой, состояли в переписке, а потому она звучит полифонически. Множество голосов — каждый по-своему, но неизменно в дружеском, доверительном тоне — обсуждает зачастую одни и те же события.

В первый том «Бумаг» вошли и письма Давыдова Закревскому. Публикуемые ныне письма необычайно органично соотносятся с ними и с контекстом всего издания, как бы расширяя его рамки.

Второй том, вышедший в 1891 г., открывается перепиской А. А. Закревского с Киселевым. Предыстория этой публикации такова. Киселев, у которого не было прямых наследников, завещал свой архив одному из племянников — Д. А. Милютину, о котором мы уже упоминали в начале статьи. В 1886–1887 гг. он занимался его «разборкой»⁴⁹, а 1891 г. часть материалов, а именно почти всю переписку, имеющую историческое значение, переслал акад. Н. Ф. Дубровину. Таким образом у последнего появилась возможность опубликовать переписку Закревского с Киселевым.

В 1896 г. ученый возглавил редакцию журнала «Русская старина». Здесь он задумал осуществить серию публикаций из архива Киселева. В редакторской заметке к первой из них (к письмам П. А. Вяземского) сообщалось: «Эта переписка, помимо общего исторического значения, служит весьма важным материалом для биографии многих лиц, находившихся в сношениях с графом Киселевым, для живой обрисовки современных ему деятелей и характеристики общества того времени. <...> я имел случай близко познакомиться с весьма важным значением переписки графа П. Д. Киселева и получить согласие просвещенного наследника на издание ее»⁵⁰.

⁴⁹ Подробно о первых этапах освоения архива Киселева см.: *Хохлова Н. А.* П. Д. Киселев и его архив в Рукописном отделе Пушкинского Дома. С. 151–155.

⁵⁰ *Дубровин Н.* Архив графа П. Д. Киселева // *Русская старина*. 1896. Т. 88. № 12. С. 677.

В планах Н. Ф. Дубровина было издать переписку с М. Ф. Орловым и С. П. Сумароковым; письма к П. Д. Киселеву С. Г. Волконского, Д. В. Давыдова, А. С. Меншикова, Н. А. Старынкевича. Мы можем это утверждать, поскольку ныне все эти материалы, хранящиеся в РО ИРЛИ в фонде П. Д. Киселева, имеются лишь в копиях, выполненных рукой академика и частично снятых в Военно-ученом архиве (Ф. 143. Ед. хр. 20–22, 23–24, 25, 26, 27, 28 и 29 соответственно).

Следовал ли он первоначальному замыслу издать весь этот эпистолярный массив в виде серии публикаций в «Русской старине» или задумал опубликовать отдельным томом — так же, как и «Бумаги графа А. А. Закревского», или, наконец, эти письма дополнили его собрание материалов по истории декабристов, над которым он работал в последние годы жизни — нам неизвестно⁵¹. Скоропостижная смерть (12 июня 1904 г.) прервала работу ученого. Где именно в тот момент находились автографы всех указанных документов, сказать трудно. Во всяком случае, в личном фонде Н. Ф. Дубровина в Архиве Академии наук и в фонде журнала «Русская старина», хранящемся в РО ИРЛИ, их нет. Предпринятые нами поиски автографов писем Давыдова в РГВИА (в прошлом — Военно-ученый архив) также не дали результатов. В то же время переписка Киселева с Закревским, опубликованная, как мы знаем, Н. Ф. Дубровиным еще в 1891 г., полностью дошла до нас и в виде подлинников хранится ныне в фонде П. Д. Киселева (Ф. 143. Ед. хр. 5–19).

Мы не исключаем и иного возможного вектора поисков давыдовских писем. В. Н. Орлов в статье «Судьба литературного наследства Дениса Давыдова» упоминает о неудавшейся попытке П. Н. Давыдова, внучатого племянника Д. В. Давыдова, издать архив своего знаменитого родственника, который в 1900-е годы хранился у него, в его саратовском имении⁵². П. Н. Давыдов собирался приступить к изданию дважды: в 1901 и в 1907 гг. Об этом известно из его публичных обращений, содержавших просьбу о присылке к нему давыдовских материалов с целью публикации. Можно предположить, что Н. Ф. Дубровин откликнулся на нее и прислал подлинники писем, оставив у себя копии, по которым можно было осуществлять набор.

Издание архива не состоялось. Вскоре (около 1910 г.) П. Н. Давыдов скончался. В дальнейшем, как пишет В. Н. Орлов, архив Д. В. Давыдова переходил из рук в руки и из учреждения в учреждение, «что, разумеется, не могло не отразиться на его сохранности, и ныне находится в Военном отделе Ленинградского отделения Центрального исторического архива (фонд № 717)»⁵³.

⁵¹ О последнем замысле сообщается в статье В. Е. Рудакова «Учено-литературная деятельность Н. Ф. Дубровина» (Исторический Вестник. 1904. № 8. С. 552).

⁵² Орлов Вл. Судьба литературного наследства Дениса Давыдова. С. 317.

⁵³ Там же. С. 317. Впоследствии передан в РГВИА (Ф. 194).

Остается предположить, что письма были утрачены (как утрачены письма «литературных» корреспондентов Давыдова). Тем большее значение имеют опубликованные материалы. Нам удалось выявить следующие письма от 29 сентября 1820 г. и от кон. 1824 г., которые приводит (не полностью) А. П. Заблоцкий-Десятовский (Т. 1. С. 122–194). Оба — хотя и по разным поводам — написаны в знак утешения: первое в связи с ожидаемым, но не состоявшимся производством Киселева в генерал-адъютанты, второе — по случаю смерти его сына⁵⁴. По замечанию А. П. Заблоцкого-Десятовского, к Давыдову «Киселев <...> вообще охотно обращался в минуты, когда душа его скорбела» (Т. 1. С. 194). Кроме того, в издании 1860 г., на которое мы уже неоднократно ссылались, опубликована записка Давыдова к Киселеву от 1824 г. по поводу поручика Данича⁵⁵.

Значение писем поэта-партизана многообразно. Мы стремились раскрыть его с максимальной полнотой. Но есть и такой аспект, который не нуждается в дополнительных истолкованиях, — это стиль и язык писем. Совершенно очевидно, что перед нами выдающийся памятник эпистолярного искусства первой трети XIX в.

«Неизданных писем Дениса Давыдова, — отмечал В. Э. Вацуро, — десятки, если не сотни. Он писал много — о своей службе, хозяйственных заботах; он отправлял коротенькие незначащие записки своим многочисленным знакомым. Но в этом разнородном и неравноценном эпистолярном наследии есть письма, полные захватывающего интереса. Когда Давыдов пишет Пушкину или Языкову, или Вяземскому о поэзии, П. Д. Киселеву — о политике и общественной жизни, А. А. Закревскому о себе самом или Е. Д. Золотаревой — о своей любви к ней, — его речь преображается, обретая те “резкие черты неподражаемого слога”, которые находил Пушкин в стихах и прозе Давыдова»⁵⁶.

10 июня 1815. Варшава

Любезный Киселев, я уверен в твоей дружбе и ты, верно, мне поможешь. Вот дело о чем идет: ты знаешь, что я был произведен в генералы и два месяца носил мундир, как вдруг получаю именное повеление, дабы я не считал себя произведенным впредь до разрешения. Это ничего, мне стоило только переменить эполеты. Представлен я был к Георгию 3го класса; конгресс и высадка Бонапарте отправили

⁵⁴ Единственный сын П. Д. Киселева, Владимир, род. 7 июня 1822 г., ум. 7 февраля 1824 г.

⁵⁵ Давыдов Д. В. Сочинения. Ч. 3. М., 1860. С. 160–161.

⁵⁶ Вацуро В. Э. Рассказы о Денисе Давыдове // Вацуро В. Э. Записки комментатора. СПб., 1994. С. 250.

представление это в долгий ящик. Это все ничего. Выступают войска, все спешат к своим местам; я, бывший старший в Ахтырском гусарском полку, скачу в армию, но, приехавши в армию, остановлен великим князем, который меня уже держит и не пускает в армию другой месяц¹. Веселит меня холостыми зарядами, когда я хочу драться — это много! Я писал к Ермолову, к Дибичу, умолял их вытащить меня отсюда Христом да Богом, ни слова ответа. — Это много! Писал к кн. Петру Михайловичу, просил его довести до сведения Государя, что я не хочу ни чина, ни креста, которые мне следуют, только чтобы бросили меня к моему месту или в авангард. Он велел мне сказать, что из Гейльбруна отвечать будет — ни слова, а вы подвигаетесь... это много! Если ты не возьмешь на себя надоедать князю Петру Михайловичу обо мне и не выхлопочешь в скором времени, чтобы меня вытребовали в армию, тогда я скажу — это слишком много!

Прости, любезный друг, постарайся и пиши ко мне в Варшаву.

¹ В 1814 г., командуя Ахтырским гусарским полком, за сражение под Бриенном Давыдов получил чин генерал-майора. В конце этого же года в приказах по армии было объявлено, что он произведен «по ошибке» и вновь переименовывается в полковники. В это время, находясь в отпуске в Москве, он употребил все усилия, чтобы вернуть чин. События «Ста дней», выступление российских войск в составе 7-й антифранцузской коалиции (письмо написано за 8 дней до битвы при Ватерлоо) заставили Давыдова отправиться в Ахтырский полк, но в Варшаве он был удержан вел. кн. Константином Павловичем под тем предлогом, что тот «имеет повеление останавливать всех штаб- и обер-офицеров, едущих из отпусков в армию» (из письма Д. В. Давыдова к А. А. Закревскому от 1 июня 1815 г. (СБРИО. Т. 73. С. 509)). Это был мнимый предлог; истинные причины длительного удержания Давыдова в Варшаве неизвестны. Очевидно, имел место целый комплекс причин: его известное вольнодумство и фрондерство, личная антипатия к нему Константина Павловича, а также независимость действий, проявленная Давыдовым в 1813 г. при взятии Дрездена. Чин генерал-майора был возвращен ему в конце 1815 г. после письменного обращения к Александру I (при посредничестве А. А. Закревского) со следующим объяснением: его «смешали с двоюродным братом, А. Л. Давыдовым, производства которого не желал государь» (Сборник биографий кавалергардов: 180–1826 / Сост. под ред. С. Панчулидзева. СПб., 1906. С. 37 (Статья Н. Советова)). Киселев действительно мог ходатайствовать за Давыдова перед императором: с сент. 1814 по май 1815 г. он состоял в свите Александра I на Венском конгрессе, а в июне — сентябре 1815 г.

сопровождал его в Париж. Как член свиты он общался и с кн. П. М. Волконским, который неизменно сопутствовал императору во всех его заграничных поездках (в письме упоминается как «князь Петр Михайлович»). Отголосок пережитого в 1815 г. запечатлелся в очерке Д. В. Давыдова «Воспоминания о цесаревиче Константине Павловиче» — как в общей характеристике вел. кн., так и в отдельных эпизодах, восходящих к 1815 г.

2.

12 августа <1818 г.>. Умань

Любезный Киселев, я получил письмо твое от 17 июня. Писал бы тебе чаще, да боюсь, дурак, чтобы ты не смеялся надо мною, как мы смеялись с тобою в Старом Константинове над письмами Левушки Нарышкина и *тонкостями* Щербатова¹. Но, так и быть, пишу и буду писать. Во-первых, начну разбирать письмо твое: ты пишешь, что слухи, которые к нам дойдут о Рудзевиче, не без основания. Но какие слухи? Никаких до нас не доходило, кроме удержания его на своем месте². А Сталь глухой сначала было согласился на предложение, потому что ему посылалось «в генерал-лейтенанта, а не в генерал-интенданта», да после и отказался. Я бы ему дал первое, чтобы только принял последнее; честным людям цены нет³.

Жуковский в тисках и, несмотря на собственные и гальперсоновы способы, вряд ли вывернется. Нет, брат, и не один он в тисках! Каждый день открывается новое. В этой истории есть и старик (но не колдун), и Баба Яга, и пошлый дурак (Андржейкович), и дядька Ричард (Волков), и нечистый дух (фактор)⁴. Один Рудзевич прав, как я.

Истинно, как ты говоришь, все это мерзость из мерзостей. Lacretelle говорит: Il y a un tel prestige dans la gloire militaire (ибо 45-летняя беспорочная служба и семимесячное хорошее ли, худое ли боре-ние, но все боре-ние с величайшим полководцем вселенной и веков, есть точно слава) dans celle surtout qui a été acquise pour la défense d'une cause légitime, qu'on peut la comparer au prestige du trône. Un guerrier qui se dégrade fait autant de peine a l'imagination qu'un Roi déshonoré*.

* Воинская слава обладает таким престижем, особенно та слава, которая добыта при защите законного дела, что ее можно сравнить с престижем трона. Во-

Ты сожалеешь о добре, которое сделал, видя столько неблагодарных; это минутная досада, а не постоянное чувство. К тому же, сколько я могу знать, тебе столько благодарных и столько почитающих тебя в нашем корпусе, что весело слушать.

По прочтении письма твоего я при некоторых генералах, полковых командирах и офицерах нарочно стал говорить о неблагодарности вообще и потом привел тебя в пример. Все одним голосом — от принца Андрея⁶ и Засядки⁷ до последнего офицера восстали на меня и просили меня уверить тебя, что ты заслужил в корпусе нашем вечную и совершенную благодарность и что одни подлецы могут быть против тебя. Вот слова их; ты можешь вообразить, с каким удовольствием я исполняю это поручение. К тому же, уверяю тебя, что это истинно общее о тебе мнение и что, исключая Вас⁸, который, видно, в душе (если ее имеет) скрывает к тебе злобу, Беннигсена (которому следовало бы выменять твой образ), но который тебя ругает, и, может быть, дв<ух> или тр<ех> скрытных врагов, — все прочие, верь моей чести, все тобой не могут нахвалиться.

Сожалею, что будущий прусский король умен и напитан Ансильоном, сожалею, душевно сожалею!⁹ Какая перспектива пруссакам! «*Considerations sur la revolution de France*» я ожидаю на днях из Франции, а драгоценную рукопись читаю вместо акафиста¹⁰.

Н. Н. Раевский тебе истину сказал, что во время перемещения нашего корпуса на новые квартиры я завернул в Киевскую губернию. Но это удовольствие было сопряжено с пользой: так как Херсонское военно-сиротское отделение поступает под надзор корпусного командира, то хочу устроить его на манер Киевского. Ты знаешь Херсон — этот южный Нерчинск, этот гроб всех чувствований и удовольствий, и потому я с горя и от желания быть сколько-нибудь полезным в мирное время, я скопировал совершенно все заведения, все устройство киевского отделения и по приезде моем в Херсон займусь просвещением юношества

ин, который обесчестил себя, представляет собой столь же печальное явление, как и обесчещенный король (*фр.*).

(только не на манер моего корпусного командира)¹¹. Denis maître d'école à Corinthe*¹².

Описание твое маринованного огурца или тыквы заставило меня одного хохотать, как дурака. Да кто предмет его? Неужели он смеет равняться со мною в постоянстве?¹³

Что тебе еще сказать? Нашу корпусную квартиру упрятали так, что почти сообщения не имеем с 18 дивизиею, ибо проезду нет через уланскую сечу (поселение) графа Витта. Сей атаман теперь здесь проездом в Бердичев, вчера весь вечер сидел у меня и рассказывал о своих маневрах при государе. Был ли ты тогда? И правда ли, что Царь восхищался и говорил, что ничего подобного не видал¹⁴.

Граф Витгенштейн смотрел некоторые полки 18 дивизии и, вообразив, что Тамбовскому опять неудача. Ты знаешь Розена, он с ума сходит и оттого с учебного места не сходит¹⁵. Титов опился и умер¹⁶; твой Адамов отказался от полка,¹⁷ а Благовещенский просит комендантское место в крепостях, в которых давно уже назначены коменданты. Он так давно боится Оренбургской линии, что год уже как не командует: «*Унтер-офицеры на линию!*», и оттого желает, чтобы его от нее избавили. Ему хочется крепость в таком месте, где бы он мог успокоить *слабость* свою¹⁸.

Попроси Меншикова¹⁹, чтобы он куда-нибудь пристроил с хорошим жалованьем старого моего бздуна Штегмана²⁰. Он беден как Иов, имеет большое семейство, служит 40 лет и в этом месте совершенно не способен. Я бы желал на его место дивизионного квартирмейстера 18 дивизии Гейдехена. Впрочем, пусть дадут кого хочут, только чтобы избавили меня от почтенного дурака Штегмана. Мне кн. Петр Михайлович²¹ обещал, но, видно, забыл.

Пора бы кончить, но дай еще поговорю.

Желательно знать, как будет подряд с 1го января? Если опять на год, то опять казне убыток. Ты знаешь, что полки всегда берут ниже подрядчиков, но какой полковой командир будет рисковать на круглый год? Следовательно, это опять попадет в руки первых. Если бы разделили на трети, и торги делались не так, как делаются, то есть чтобы при-

* Денис — учитель школы в Коринфе (фр.).

сутствующий генерал не прежде объявлял полковые цены, как при последней переторжке, то всегда бы оставалось за полковыми, ибо они возьмут всегда ниже подрядчиков, и оттого выгода была бы и полкам, и казне. Так нет. Именно сказано: полковые цены объявляются генералом при первом торге и по третьем только он может сделать в них изменения. Вот подрядчики не являются до третьей переторжки (где уже полки не имеют голоса) и, не имея соперников, то просят, что хотят. Контракты заключают и полки, которые часто в половину могли бы взять ниже, остаются в стороне²². Довольно болтать. Прости, любезный друг, люби по-старому, но пиши по-новому, то есть почаще. Душевно тебя любящий

Денис.

Впервые фрагмент данного письма (4-й и 5-й абзацы) был опублик.: *Заблочкий-Десятовский*. Т. 1. С. 49.

¹ Упомянутое событие относится к весне 1818 г., когда в Тирасполе и Староконстантинове проходил высочайший смотр 2-й армии (ставка находилась в Староконстантинове). *Нарышкин* Лев Александрович (1785–1846), генерал-адъютант, генерал-лейтенант. Участник кампании 1806–1807 гг., Отечественной войны и заграничных походов. «Время с 1816 по 1818 г. Нарышкин провел во Франции в составе корпуса гр. М. С. Воронцова (своего двоюродного брата. — *Н. Х.*). 23 марта 1824 г. вышел в отставку и вскоре женился на Ольге Станиславовне Потоцкой» (*Русский биографический словарь*. Нааке – Накенский. Николай Николаевич старший. СПб., 1914. С. 92). Л. А. Нарышкин приходился свяком П. Д. Киселеву, женатому на С. С. Потоцкой, сестре О. С. Потоцкой. «...тонкостями Щербатова». — По-видимому, имеется в виду *Щербатов* Алексей Григорьевич (1776–1848), генерал от инфантерии, московский генерал-губернатор, член Государственного совета. Подобные колкие, уничижительные отзывы о нем встречаются в переписке Киселева с А. А. Закревским 1828 г. в связи с важным эпизодом Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. — осадой крепости Силистрия. Киселев писал 5 окт. 1828 г.: «...барич кн. Щербатов, пробив 20 дней в бездействии пред Силистриею, сказался больным...» (*СБРИО*. Т. 78. С. 160). Как и Л. А. Нарышкин, А. Г. Щербатов в 1818 г. находился за границей. Поэтому можно предположить, что письма, над которыми «смеялись» Давыдов и Киселев, были посвящены событиям европейской жизни.

² Речь в письме Киселева — человека, хорошо осведомленного в делах А. Я. Рудзевича и даже принимавшего в них личное участие, — могла идти о возможной его скорой отставке с поста начальника штаба 2-й армии

(см. об этом вступ. статью; подробно: Тульчинский штаб при двух генералах: Письма П. Д. Киселева А. Я. Рудзевичу (1817–1823) / Публ., вступ. ст., коммент. А. Н. Акиншина и М. Д. Долбилова. Воронеж, 1998).

- ³ *Сталь* Карл Густавович (1787–1853), генерал от кавалерии. После открытия злоупотреблений С. Жуковского был назначен генерал-интендантом 2-й армии (занимал этот пост с ноября 1818 по дек. 1819 г.).
- ⁴ Речь (в иносказательной форме) идет о расследовании дела Жуковского (см. об этом вступ. статью) и лицах, к нему причастных. *Гальперсон* — подрядчик. «*Старик*» — главнокомандующий 2-й армией, Л. Л. Беннигсен (это прозвище фигурирует в переписке Киселева с А. А. Закревским). Кто подразумевается под «Бабой Ягой», неизвестно. В чем конкретно состояло участие генерал-майора И. Андржейковича в деле Жуковского, также неизвестно. Из переписки П. М. Волконского с А. А. Закревским от января — марта 1821 г. следует, что в феврале этого года вследствие некоего поступка, совершенного по неосмотрительности, И. Андржейковичу была объявлена отставка. 4 марта 1821 г. А. А. Закревский писал начальнику Главного штаба: «Андржейкович истинно раскаивается в своем поступке, поставляя причиною то единственно, что он по долгу признательности к графу Беннигсену хотел кончить его поручение; но теперь со слезами признавался мне, что он сделал это весьма необдуманно и просит определить его, куда угодно будет Государю». (СБРИО. Т. 73. С. 149). «*Дядька Ричард*» — персонаж лубочной сказки о Бове Королевиче. *Волков* — полковник, член военного суда (аудиториата) 2-й армии, а с 1820 г. его председатель (презус). В переписке Киселева с А. А. Закревским встречаются довольно противоречивые отзывы о нем. Первый — в письме Киселева от 17–23 мая 1819 г.: «Волков — человек острый и дело знающий» (СБРИО. Т. 78. С. 10); один из последних — в письме А. А. Закревского Киселеву (от 1 февраля 1822 г.): «...ежели бы не было от тебя письма, я его принял бы как *каналю*; ты некогда писал ко мне о нем невыгодно; видно, время показало тебе, что он не так дурен» (Там же. С. 255). *Фактор* — «поверенный в делах, маклер для оказания мелких услуг <...>. Обычно факторами были евреи небольших городов и местечек, неимущие бедняки» (*Байбурин А., Беловинский Л., Конт Ф.* Полузабытые слова и значения: Словарь русской культуры XVIII–XIX вв. СПб.; М., 2004. С. 546).
- ⁵ Давыдов размышляет о возможности оправдания главнокомандующего 2-й армии, Л. Л. Беннигсена (1745–1826), который оказался замешан в деле Жуковского. Он справедливо пишет о нем как о человеке выдающейся военной биографии (на военной службе с 1759 г.; в русской армии с 1773 г.). Давыдов ведет отсчет от этой даты: «*45-летняя беспорочная служба*». В начале войны с Францией 1806–1807 гг. Л. Л. Беннигсен семь месяцев был главнокомандующим русской армией — «*семимесячное борение*». Представление о величии воинской славы неразрывно связано с представлением о моральном совершенстве воина. В подтверждение этой мысли Д. В. Давыдов приводит цитату из *Лакретеля*

(Лакретель Жан Шарль Доминик, де (Lacretelle, Jean-Charles-Dominique de (1766–1855), французский историк и журналист, один из первых исследователей истории Французской революции).

⁶ Горчаков 2-й, Андрей Иванович (1779–1855), князь. Командующий 7-м пехотным корпусом (с февр. 1818 по февр. 1819 г.), генерал-лейтенант. А. И. Горчаков был непосредственным начальником Давыдова, поэтому его именем, как первенствующего лица в корпусе, он открывает список.

⁷ Засядко Александр Дмитриевич (1779–1837), генерал-лейтенант, выдающийся артиллерист, выпускник Артиллерийского и Инженерного корпусов. В 1819 г. произведен в генерал-майоры и назначен дежурным генералом 2-й армии. В 1820 г. в связи с учреждением артиллерийского училища был назначен его начальником и оставил строевую службу.

⁸ Очевидно, имеется в виду Васильчиков Илларион Васильевич (1775–1847), генерал-адъютант, генерал от кавалерии, видный государственный деятель. С 1817 г. — командующий Гвардейским корпусом, с 1818 г. — командир 1-го резервного кавалерийского корпуса. В 1838 г. был назначен председателем Государственного совета и Комитета министров. И. В. Васильчиков был шефом Ахтырского гусарского полка, которым командовал Давыдов.

⁹ В мае 1818 г., сразу после окончания Высочайшего смотра 2-й армии, Киселев по повелению Александра I отправился на встречу прусскому королю Фридриху Вильгельму III, который должен был прибыть в Россию вместе с наследным принцем (будущим прусским королем Фридрихом Вильгельмом IV) по случаю рождения наследника российского престола — вел. кн. Александра (будущий имп. Александр II, род. 14 апреля 1818 г.). Последний приходился прусскому королю внуком — он был первенцем его дочери Фредерики Луизы Шарлотты Вильгельмины (вел. кнж. Александры Федоровны, впоследствии императрицы) и зятя — вел. кн. Николая Павловича (будущий имп. Николай I). Согласно формулярному списку, Киселев до 5 июля 1818 г. состоял при наследном принце и передал свои впечатления от общения с ним Давыдову. Этим и вызвана комментируемая реплика. *Фридрих Вильгельм IV* (1795–1861) — с 1840 г. король Пруссии. Приходился братом имп. Александре Федоровне и дядей имп. Александру II. Получил хорошее образование. Одним из его наставников с (1810 г.) был Ж.-П.-Ф. *Ансильон* (Ancillon Jean-Pierre-Frederic, 1766–1837), проповедник, историк, королевский историограф, политический философ, а впоследствии министр иностранных дел. Сожаление Давыдова («какая перспектива пруссакам!») обусловлено предположением о том, что «напитанный Ансильоном» будущий прусский король будет придерживаться тех же реакционных взглядов, что и его учитель (последний, будучи министром, ратовал за сохранение реакционного политического устройства Европы образца 1815 г.). По отзыву племянницы Фридриха Вильгельма IV, королевы Вюртемберга Ольги Николаевны, «он был недоволен демократическими

- стремлениями эпохи, ненавидел либерализм; в своих мечтах <...> уносился в средние века, где находил идеал общественного строя» (*Федорченко В.* Дом Романовых: Энциклопедия биографий. Красноярск; Москва, 2003. С. 196).
- ¹⁰ Имеется в виду сочинение Ж. де Сталь «*Considération sur les principaux événements de la Révolution française*» (3 vol. Paris, 1818).
- ¹¹ О военно-сиротском отделении в Херсоне см. вступ. ст. *Корпусной командир* — А. И. Горчаков (см. прим. 6).
- ¹² Это шутивное выражение, как и именование Херсона «южным Нерчинском», основано на географическом сопоставлении: древнегреческий город Коринф располагался на северо-востоке Пелопоннесского п-ва, у побережья Коринфского залива; Херсон находится в устье Днепра, близ его впадения в Днепровский лиман.
- ¹³ О ком идет речь, установить не удалось.
- ¹⁴ *Витт* Иван Осипович (1781–1840) граф, генерал-лейтенант; известен как начальник военных поселений в Новороссии. «В 1817 г. Витту было поручено формирование Бугской уланской дивизии <...>. В начале мая 1818 года император Александр приехал для осмотра вновь сформированной дивизии и остался очень доволен. “Все, что я видел сегодня, превзошло мои ожидания”, — объявил он Витту. 6 мая за скорое формирование дивизии Витт был произведен в генерал-лейтенанты» (Сборник биографий кавалергардов. С. 449).
- ¹⁵ *Розен* Роман Федорович (1782–1848), командир Тамбовского полка (1814–1819), впоследствии генерал от инфантерии. Как сообщают А. Н. Акиншин и М. Д. Долбилов, «на императорском смотре 2-й армии в апреле 1818 г. Тамбовский полк был аттестован как наихудший по фронтовой подготовке» (Тульчинский штаб при двух генералах... С. 113).
- ¹⁶ Сведения об этом лице не обнаружены.
- ¹⁷ Рассказывая о поручении императора Киселеву, — подготовить 2-ю армию к Высочайшему смотру 1818 г., А. П. Заблоцкий-Десятовский сообщает следующие подробности: «...в январе месяце 1818 года, прямо из Москвы, Киселев опять возвратился в Тульчин, взяв с собою полковника Адамова, из гвардейских гренадер, и двух унтер-офицеров с музыкантом для передачи войскам всех правил и порядков, принятых в гвардии» (Т. 1. С. 52). По сведениям А. Н. Акиншина и М. Д. Долбилова, Адамов 1-й, подполковник, в 1819 г. был командиром Охотского полка, а затем командиром учебного батальона при Главной квартире 2-й армии (Тульчинский штаб при двух генералах. С. 110).
- ¹⁸ В «Списке штаб-офицерам по старшинству» ([СПб.], 1819) значится Благовещенский, полковник Георгиевской батальонной команды. «Оренбургская укрепленная линия — система оборонительных сооружений для защиты юго-восточной границы России. Построена в 1736–1739 гг. по правому берегу р. Яик (Урал) от Каспийского моря до р. Уй <...>. Общая

протяженность 1800 км. Для обороны оренбургской укрепленной линии привлекались регулярные войска. <...> Упразднена в 1862 г.» (Военный энциклопедический словарь. М., 2002. С. 1078).

- ¹⁹ *Меншиков* Александр Сергеевич (1787–1869), князь, генерал-адъютант. С 1816 г. — директор канцелярии начальника Главного штаба. Впоследствии — морской министр, адмирал. Наряду с А. А. Закревским А. С. Меншиков оказывал Киселеву как начальнику штаба 2-й армии большую помощь и поддержку, особенно на первых этапах деятельности. Об этом свидетельствуют его письма Киселеву (РО ИРЛИ. Ф. 143. № 28).
- ²⁰ *Штегман* (Штенгман) Христофор Осипович, генерал-майор. В письме А. А. Закревского к Киселеву от 31 мая 1820 г. имеется следующее упоминание о нем: «От старика Штенгмана имею давно письмо о назначении его в Кинбурн; но надо, чтоб нынешний комендант оттоль вышел, тогда и можно будет туда его назначить» (СБРИО. Т. 78. С. 226).
- ²¹ *Волконский* Петр Михайлович (1776–1852), св. князь, начальник Главного штаба с момента его основания (1815 г.) и до 1823 г. В 1826–1837 гг. — министр Императорского двора и уделов.
- ²² *Снабжение армии осуществлялось на основании положения «О провиантском управлении»,* изданном 23 марта 1816 г. (Столетие Военного министерства. Т. V. Ч. I. Главное интендантское управление. Исторический очерк. СПб., 1903. С. 466).

3.

11 июня <1819 г.>. Кременчуг

Я писал тебе длинное письмо в Тульчин, но, видно, ты еще не читал его, ибо, верно, я имел бы ответ на него. Нынче узнал я, что ты все еще продолжаешь течение свое вокруг планеты своей, которая поутру, когда волосы, прикрывавшие темя, упадут на плечи, очень похожа на комету, видимую ныне на севере¹.

Уведомь, пожалуйста, как ты нашел военно-сиротское отделение в Херсоне? Неужто в таком же *неподвижном* положении, как я оставил его после шестинедельного моего управления, в которое я, однако же, успел переломать все скамьи и лавки, как домовою построить новые и открыть уже классы².

Мне пишут, что тебе докладывали о недостатке суммы для платежа по новой методе учителям, но это вздор. По старой методе употреблялось, кажется, на 20 или на 25 человек по одному учителю, теперь на каждую залу по одному; зал всех, кажется, 6. Вели выбрать лучших

учителей на каждую залу по одному, остальных в шею и получаемое ими жалование прибавь оставшимся и помощникам их. Верь мне, чтобы надзор только был за смотрителем отделения, то будет достаточно наличной суммы и доходов от провианта, чтобы отделение не уступало Киевскому отделению, которое при всех постройках, перестройках, заведениях имеет экономии 3000 руб., и все это в полтора года Орлова управления; есть учителя, которые получают до 500 руб. жалованья³.

Пожалуйста, брат, присылай иногда бросить взор на отделение какого-нибудь из доверенных твоих, но честного и благородного человека⁴. Право, это не лишнее будет для пользы общей. Хотя я в отделении и посторонний человек, но не понимаю еще, как можно быть равнодушным там, где дело идет подарить армию хотя 20^{то} добрыми фельдфебелями в год. Пиши мне, ради Бога, когда будешь иметь хоть минуту свободную и верь, что я не любимца царского, а Киселева люблю душевно.

Р. С. Орлов в восхищении, что произведен... в вице-президенты Киевского библейского общества⁵. От нас (из 12 дивизии) 5 полков пошли в Грузию и две артиллерийские роты.

¹ О личной жизни Киселева до женитьбы (август 1821 г.) можно судить лишь по очень редким косвенным репликам, содержащимся в письмах его друзей. Можно предположить, что речь идет о Юлии Александровне Татищевой (ок. 1775–1834, урожд. Конопка), жене известного дипломата Д. П. Татищева (1767–1845). А. Ф. Орлов в письме от 22 марта 1818 г. (РО ИРЛИ. Ф. 143. № 47. Л. 1) весьма игриво — в том же тоне, что и Давыдов, — упоминает «М^{ме} Т.», с которой ему довелось встречаться на балах в Варшаве (письмо посвящено знаменитой речи Александра I при открытии Сейма и описанию празднеств, которые затем последовали). В письме Н. А. Старынкевича от 8 (20) августа 1818 г. имеется довольно большой пассаж об «испанке» — замужней женщине, с которой Киселев был, очевидно, близко знаком: «Вы знаете, конечно, что Испанку я проводил в самую Испанию (Д. П. Татищев в 1815–1821 гг. был посланником в Мадриде. — *Н. Х.*). В том положении, в каком она была отправлена туда, я думал исполнить сим и долг дружбы моей к вам и признательности к ней и уважения» (Там же. № 29. Л. 29). Об интересе Киселева к этой женщине свидетельствует и письмо А. С. Меншикова (от 1 февраля 1820 г.), где, наконец, она названа по имени: «Татищева приехала, что, вероятно, тебе небезызвестно. Ни климат Испании, ни вывихнутые дорогою члены не препятствуют ей по-прежнему блистать и танцевать в обществах» (Там же. № 28. Л. 6). Подобные же

- «космогонические» сравнения Давыдов использует и в письме от 2 декабря 1819 г. Чем они обусловлены, неясно.
- ² О военно-сиротском отделении в Херсоне см. вступ. статью.
- ³ Деятельность М. Ф. Орлова как руководителя Киевского военно-сиротского отделения — горячего сторонника, популяризатора и новатора в области применения ланкастерской системы в России — подробно исследована С. Я. Боровым в статье «М. Ф. Орлов и его литературное наследие» (*Орлов М. Ф. Капитуляция Парижа*. М., 1963. С. 287–288. (Лит. пам.)). Здесь уместно указать на одну существенную неточность: педагогическая деятельность М. Ф. Орлова была столь бурной, что в связи с ней о предшествовавших мерах правительства в области народного образования не упоминается вовсе или упоминается неопределенно: «Приехав в Киев, — пишет С. Я. Боровой, — Орлов застал там небольшую школу грамоты...» (С. 287). В действительности это было одно из отделений учрежденной в кон. XVIII в. системы военных училищ — Киевское отделение Военно-сиротского дома, которое М. Ф. Орлов и возглавлял в течение трех лет.
- ⁴ Летом 1818 г. штаб 7-го корпуса (2-я армия) был переведен из Умани в Херсон и оказался весьма отдален от главной квартиры армии, располагавшейся в Тульчине. Этим и продиктована просьба Давыдова (сам он с весны 1819 г. служил уже в 1-й армии, начальником штаба 3-го пехотного корпуса).
- ⁵ *Библейское общество* (полное название: Общество для распространения Священного Писания в России) создано в декабре 1812 г. по указу Александра I. «Имело целью объединение христиан для борьбы с прогрессивными идеями, порожденными <...> революцией во Франции. Во главе Библейского общества стояли видные сановники и представители высшего духовенства. <...> Всего в стране было 289 отделений Библейского общества <...>. Закрыто в 1826 г.» (Советская историческая энциклопедия. Т. 2. М., 1962. С. 398). М. Ф. Орлов как один из руководителей Союза благоденствия (член коренного союза), получив назначение в Киев, развернул там агитационную работу в соответствии с тактикой декабристов. Он считал необходимым «использовать для пропаганды и Библейское общество как одну из немногих ячеек, легально существовавших в условиях аракчеевского режима. <...> Одним из наиболее примечательных моментов киевской главы биографии Орлова была произнесенная им 11 августа 1819 г. речь в отделении Библейского общества, вице-председателем которого он был избран» (*Боровой С. Я.* М. Ф. Орлов и его литературное наследие. С. 286). Очевидно, на основании данного письма может быть уточнена дата избрания М. Ф. Орлова вице-председателем, т.к. Давыдов сообщает об этом в ряду свежих новостей. Его скепсис продиктован идейно-политическими разногласиями и разностью во взглядах на военную службу (подробнее об этом см. письмо 7).

4.

14 июня <1819 г.>. Кременчуг

Приехав сюда, любезный Паша, я не нашел своего сопливого принца¹, он марает шпанским табаком харю свою, особо перед каждою дивизиею корпуса и выбирает юнкеров на тряску. Но нашел сыпучий песок по улицам, квартиру без стульев, без столов, с оборванными обоями и очаг почти среди гостиной. Теперь кой-как все сладил, по песку езжу на дрожках, а квартиру оклеил и замазал². Здесь канцелярия корпусного штаба в совершенной исправности, так что любо! Жаль только, что гг. корпусные командиры отрывают от дел старших адъютантов и употребляют их на место своих, поступивших у иных в наложники, у других в конюшие, дворецкие и экононы. Я об этом говорил кн. Петру Михайловичу в бытность мою в Петербурге, но даром; ссориться же с *говенным мешком* при малых привилегиях корпусного начальника штаба не хочется, ибо проигрыш рядом с игрою³. Я же более году на сем месте остаться не намерен, или возьму дивизию (коли дадут), или поеду за границу до излечения болезни — для придирки считаться по армии. Вот мои предположения.

Что ты подельываешь во 2-й армии, друг любезный? Как тебя приняли, как глядят на тебя старо-младшие? Неужто оправдывают Жуковского? Уведомь, ради Бога, о всем, я не употреблю во зло твою доверенность⁴. Правда ли, что Мячислас выгнал мать из Тульчина и что она, сопровождаемая всеми заимодавцами, выступила в Умань?⁵ Остереги Мячисласа; говорят, что Милорадович, собрав всех своих заимодавцев, идет на соединение графине, и тогда предпримут совокупное действие на Тульчин⁶. Это, брат, стоит Наполеоновой армии 1812 года. Как-то Мячислас отвертится с начальником своего штаба Хоцкевичем, командующим кавалериею — Четвертинским и горбатым крокусом Лядуховским?

Знаешь ли, что некоторый человек начал сожалеть о Сипягине. Привыкнув с давнего времени к такому начальнику штаба, который был (надо правду сказать) мастер своего дела и знал всю подноготную корпуса наизусть, мудрено приучить себя к немецкому любезнику, всегда пустому офицеру, и который не мог недавно отвечать даже на вопрос: к которому времени велено кавалерийским полкам прибыть в Петербург на маневры? Он рылся, рылся, искал-искал памятную записку, не нашел, извинился и убежал... Это уж плохо! Сипягин не так

отвечал бывало, когда спрашивали его, в котором месяце перестроили воротники в таком-то баталионе или такой-то человек второй шеренги откуда поступил и когда?⁷

Я знал, что, побывав в краю черкесов⁸, ты уверишься, что система истребления, которую избрал Ермолов, прилична тому краю, ибо люди, которые тебе говорили противное, все миролюбивые; иные из инвалидного богоугодного заведения, называемого советом⁹, а другие просто из гражданской богадельни, именуемой Сенатом. Ермолов, брат, человек необыкновенный и при всей страсти своей к христианскому истреблению, право бы, воздержался, если бы видел в том бесполезность.

Мы Сцакена¹⁰ (потому что то и дело слезает сцасть с лошади, ибо уже моча не держится) своего ждем к 23 или 24 июлю. Смотры будут по дивизиям: гусарская в Павлограде, 26-я в Полтаве, а 15-я — в Лубнах. 1 августа он отъедет в Киев и, осмотрев 4-й корпус, поедет на *могилу* свою или [в] Могилев¹¹. Долго ли мы будем под командою 80-летних Вурмзеров¹² и 90-летних Болио?¹³ Все видят выгоду давать начальство людям в полноте жизни, но подлое себялюбие говорит и действует против.

Прости, милый друг, пиши и люби верно тебя любящего

Дениса.

¹ По-видимому, речь идет о герцоге Евгении (Евгений-Фридрих-Карл-Павел-Людвиг) Вюртембергском (1788–1857). Брат имп. Марии Федоровны, с 1796 г. он находился на русской службе; известен как видный военный деятель, с 1814 г. — генерал от инфантерии. В июле 1818 г. был назначен командиром 1-го пехотного корпуса.

² В письме Давыдова А. А. Закревскому, написанному чуть раньше, 10 июня, встречаем те же сетования: «...я приехал сюда в первых числах сего месяца и хлопочу с утра до вечера: клею, мажу и штукатурю. Вот что значит обабиться. Бывало, кроватью *мать сыра земля*, а кровлею синее небо, а нынче...» (СБРИО. Т. 73. С. 516). В апреле 1819 г. Давыдов женился на С. Н. Чирковой (1795–1880) и приехал к месту нового назначения (начальник штаба 3-го пехотного корпуса) вместе с женой.

³ Первое из упоминаемых лиц — П. М. Волконский (см. о нем прим. 21 к письму 2); второе, по-видимому, — Ф. В. Остен-Сакен (см. далее прим. 10).

⁴ Речь идет о назначении Киселева начальником штаба 2-й армии (22 февраля 1819 г.). Подробно об этом см. вступ. статью.

⁵ Имеется в виду знаменитая красавица и авантюристка Софья Константиновна Клавоне (в 1-м браке гр. Витт), супруга (с 1798 г.) Станислава Феликса (Щенсного) Потоцкого, крупного польского магната, известного

политического деятеля, генерала от инфантерии российской службы. С 1772 г. Тульчин стал семейной резиденцией Потоцких, превратившись, благодаря стараниям Потоцкого-Щенсного, в важнейший торгово-промышленный центр Брацлавщины. Еще одним владением Потоцких был г. Умань, знаменитый своим парком Софиевка. Парк был основан в 1796 г. и назван в честь жены Софии; «подарен» ей ко дню именин в мае 1802 г. (здесь она была и похоронена; скончалась в Берлине 12 ноября 1822 г.). Их сын, Мечислав Потоцкий (брат С. С. Потоцкой-Киселевой), после смерти отца (1805 г.) заявил о своих имущественных притязаниях. В 1820 г. он изгнал свою мать из Тульчинского дворца и захватил его силой. Его отличительными чертами, пишет В. Святелик, были скупость и жестокость; он прославился «скандальными похождениями, притеснениями подданных. Его судебных дел хранится великое множество» (*Святелик В.* Легенда, пришедшая к Пушкину // *Знамя.* 1989. № 8. С. 219). Статья посвящена «утаенной любви» Пушкина — С. Киселевой и происхождению легенды о Марии Потоцкой, легшей в основу поэмы «Бахчисарайский фонтан»). В 1845 г. за аморальный поступок он был сослан в Саратов (см. об этом: *Колмаков Н. М.* Очерки и воспоминания с 1816-го г. // *Рус. старина.* 1891. Т. 70, июнь. С. 676–677). Бесконечные имущественные споры, в которых участвовал и И. О. Витт, единокровный брат С. С. Киселевой, продолжалась в 1820-е гг. П. Д. Киселев принимал в них участие, отстаивая права своей супруги. «*Сопровождаемая всеми заимодавцами*» — Расточительная, склонная к авантюрам Софья Потоцкая-старшая имела множество долгов. Как установил В. Святелик, в 1810 г. она приобрела в Крыму земли с целью создать город-курорт Софиополис. Впоследствии по решению суда они стали собственностью дочерей, Софьи и Ольги, «при условии, что, возможно, понадобится продать эти земли для уплаты материнских долгов» (*Святелик В.* Легенда, пришедшая к Пушкину. С. 215). Подробно о семействе Потоцких см. документальную повесть польского исследователя Ежи Лоека: *Lojek J.* Dzieje pieknej Bitynki. Warszawa, 1982.

- ⁶ *Милорадович* Михаил Андреевич (1771–1825), граф. По воспоминаниям Ф. Ф. Вигеля, после смерти Потоцкого-Щенсного «пасынки и падчерицы вдовы графини Потоцкой (то есть его дети от первого брака. — *Н. Х.*) завели с нею ужасный процесс, оспаривая законность ее брака, следственно, и законное рождение ее детей <...>. Сие понудило ее, наконец, приехать в Петербург. <...> Министрам и сенаторам рассыпала она лесть и ласки <...>. Главным адвокатом в ее деле был сумасброд граф Милорадович, который влюбился в молоденькую дочь ее Ольгу» (*Вигель Ф. Ф.* Записки. М., 2000. С. 472–473). Другим мотивом «совокупного действия» для М. А. Милорадовича, также владельца имений в Малороссии, могли быть собственные долги (его отличительной чертой была расточительность). В 1819 г. его финансовое положение оказалось критическим: он должен был платить по огромным займам, но был освобожден от уплаты процентов благодаря высочайшему

- повелению министру финансов» (Русск. биогр. словарь. Маак – Мятлева. М., 1999. С. 183. (Неопубл. материалы к Русск. биогр. словарю: В 8 т.)).
- ⁷ *Сипягин* Николай Мартемьянович (1785–1828) — выдающийся представитель российской военной элиты первой четверти XIX в. С 1813 г. — начальник штаба корпуса М. А. Милорадовича («некоторый человек» — по-видимому, М. А. Милорадович). Именно здесь завязалось его близкое знакомство с Киселевым, который в 1812 г. был назначен адъютантом к М. А. Милорадовичу. В начале 1810-х гг. оба были произведены во флигель-адъютанты (Н. М. Сипягин — в 1811 г., Киселев — в 1814). Таким образом, до 1815 г. они находились в непосредственном общении и на военной, и на придворной службе. Разумеется, Давыдов знал об этом и потому сообщал новость, которая могла представлять для Киселева личный интерес.
- ⁸ В июле 1819 г. Киселев инспектировал Черноморское войско в связи с доносом есаула Вареника (см.: *Заблюцкий-Десятковский А. П.* Т. 1. С. 66–67).
- ⁹ Т. е. Государственным советом.
- ¹⁰ *Остен-Сакен*, фон дер, Фабиан Вильгельмович (1752–1837), генерал-фельдмаршал, главнокомандующий 1-й армией. Выдающийся военачальник, герой войны 1812 г. и заграничных походов русской армии. Происходил из старинного курляндского рода баронов Остен-Сакен. В 1821 г. возведен в графское, а в 1832 г. княжеское Российской империи достоинство. Командование 1-й армией было последним этапом служебной биографии Остен-Сакена. Назначен на эту должность 8 июня 1818 г. (после кончины бывшего главнокомандующего, М. Б. Барклая-де-Толли) и занимал ее почти до самой смерти. Уволен от должности в нач. 1835 г. в связи с упразднением 1-й армии. С августа 1818 г. состоял членом Государственного совета.
- ¹¹ Имеется в виду главная квартира 1-й армии, которая располагалась в Могилеве-на-Днестре.
- ¹² *Вурмзер* (Wurmser) Дагоберт-Зигмунд (1724–1797), австрийский рейхс-генерал-фельдмаршал (генералиссимус). Назначен на эту должность за два года до смерти, 11 декабря 1795 г., в возрасте 72 лет.
- ¹³ Правильно: *Больё*. Beaulieu Jean-Pierre (1725–1820), барон, австрийский генерал. В 1796 г. возглавил итальянскую армию, но, проиграв ряд сражений с Наполеоном, в июле того же года передал командование армией Вурмзеру.

5.

7 августа 1819 Кременчуг

Любезный друг! Сейчас получил мозаик твой, или из лоскутьев составленное письмо твое, с приказами и отношением к отцу Арсенью о херсонском военном отделении. Ты очень хорошо делаешь, что хоть иногда бросаешь взгляд на несчастных жертв шолудей, Либгарда¹, бес-толочи, Ланжерона², равнодушия и правительства. Но еще лучше, что

предложил Бурцова, он известен по знаниям и уму своему, как древний друг мой, соименитый ему герой, по разврату и собутыльничеству³; но прошу и умоляю тебя не выпускать инженерного подпоручика Вороневского из отделения⁴. Он малый преспособный, пусть он будет вторым под Бурцовым, который найдет в нем хорошего помощника, тем более, что ему воротиться нельзя к Федорову, от которого я исторг его и который на него зубы грызет, ибо без него не может доказать, что прямая линия короче кривой, по которой он целый век служит, что *доказывают* его сослуживцы.

Рад очень, что ты в упреки всех предсказателей и астрологов сошелся с графом Витгенштейном; иначе не могло быть с человеком открытого характера и молодцом душою и делами⁵. Ей-ей, сожалею, что я тебя старше по службе, — право, с удовольствием послужил бы с тобою; впрочем, уверен, что сожаление мое недолго продлится... Если уже назначено мне судьбою быть обойденным, то пусть лучше обойдет умный и деятельный человек, как ты, нежели какой-нибудь ленивый скот, в грязи валяющийся⁶. Божусь, что я это от души говорю. Люди прошедшего столетия не поймут меня, ибо их мысли и чувства падали к стопам Екатерины, Зубова и Грибовского! Слова: *Отечество, общественная польза, жертва честолюбия и жизни* для нее известны были только в отношении ко власти, от которой они ждали взгляд, кусок емали или несколько тысяч белых негров. Впрочем, я не говорю, что я хочу всегда под тобою остаться, нет! Дай Бог после и мне быть тебя чиновнее, то есть полезнее России, ибо первое у меня ценится последним. «*C'est l'utilité qui donne la valeur*»*, — говорит *Сей*, и сие слово я отношу как к государственному хозяйству, так и <к> нашему быту⁷. Вспомни, что Вяземский сказал обо мне в послании своем:

Врагам был грозен не по чину,
Друзьям ты не по чину мил⁸.

Тогда и я стоил более многих, даже полезных людей, — теперь я, как червонец в денежных погребках графини Браницкой!⁹ Но погоди, кто знает, что будет? Может быть, перевороты государственные вытащат сундуки из-под сводов, и червонцы в курс пойдут.

* «Это польза, которая дает цену» (*фр.*).

Каталог твой о нынешних и будущих занятиях твоих весьма хорош¹⁰. Дай Бог тебе исполнить все, что ты предпринимаешь, ибо рвение твое имеет целью общую пользу. Я тебя всегда любил, ты знаешь это, но теперь тебя более и более почитаю при каждом о тебе известии. Продолжай, брат, дави могучею стопою пресмыкающихся!

Ко мне прислали на тысячу рублей книг. Я теперь весь зарыт в них и предпринял курс фортификации в Бусмаре¹¹, государственное хозяйство в Сее¹² и *politique constitutionnelle* в Benjamin-Constant и Bentham¹³, коих у меня полное сочинение. Время много перед руками, давай учиться, тем свободнее, что место начальника штаба совершенно пустое.

Выпиши себе *Œuvres de Benjamin-Constant* и *Choix de rapports, opinions et discours prononcés à la tribune nationale*, 4 vol. Не всем иметь Монитор. Преинтересные сочинения! Иногда на досуге взглянешь в них и будешь доволен...

Прежде выписывали за дурное поведение в Грузию, брат Алексей¹⁴ выписал двух офицеров за него в 1-ю армию. Я недавно получил от него <письмо>, он в октябре месяце будет в Георгиевске осматривать полки, следующие к нему в Грузию из нашей и вашей армии¹⁵. Неужели правда, что они идут на смену его полкам, и неужто он променяет славных стрелков, *закаленных* в перестрелках, на журавлей наших, которые даже заряжать ружья не умеют.

Прости, любезный друг. Когда можешь урвать минуту, пиши к любящему тебя душою

Денису.

Впервые: Русская старина. 1887. Т. 55, июль. С. 230–231 (публикация Д. А. Милютина, не полностью: без первого и двух последних абзацев). В таком виде текст перепечатан: Сочинения Дениса Васильевича Давыдова / Со статьей о литературной деятельности Д. В. Давыдова и примечаниями, составленными А. О. Круглым. Т. 3. СПб., 1893. С. 231–232. При полном совпадении текстов имеется множество отступлений в синтаксическом режиме, который явно модернизирован А. О. Круглым.

- ¹ *Либгард*, генерал-майор, комендант в Херсоне (Список генералам с означением имен, знаков отличия и старшинства в чинах. [СПб.], 1819. С. 155).
- ² *Ланжерон* А. Ф. (1763–1831) упоминается в этом ряду как человек, облеченный высокой должностью — управляющего Новороссийским краем (1815–1823).
- ³ Обыгрывается совпадение фамилий. Иван Григорьевич *Бурцов* (1794–1829), видный военный историк и теоретик. В 1817–1819 гг. занимал руководящее положение в «Военном журнале», издававшемся при Генеральном штабе. Член «Союза спасения» и «Союза благоденствия», представитель умеренного крыла южных декабристов. С 1818 г. — адъютант Киселева; спустя год назначен состоять по особым поручениям при нем. В 1822 г. получил звание полковника и был переведен в квартирмейстерскую часть: управлял канцелярией Киселева и заведовал учебным батальоном. Именно ему Давыдов отправил на отзыв свой «Опыт о партизанах» (см. письмо 9). *Бурцов* Алексей Петрович (?–1813), гусарский поручик, сослуживец Давыдова по Белорусскому гусарскому полку (1804–1806). Известен как «буян и забияка»; адресат стихотворений Давыдова: «Бурцову» (1804), «Гусарский пир» (1804).
- ⁴ С аналогичной просьбой Давыдов обращался и к А. А. Закревскому (письмо от 20 сентября 1819 г.): «Недавно на мой счет ездил в Киев инженерный офицер Воронежский, чтобы совершенно дать тот же ход учению и в Херсонском отделении. Киселев говорил мне, что хочет назначить туда Бурцова — он человек отличный, но имеет другие обязанности и будет делать туда одни наезды, что неудовлетворительно. Пожалуйста, держись инженерного подпоручика Воронежского, которого ты определил туда по моему представлению, он отличных познаний, молод и из кожи лезет от честолюбия. Позволь ему также прямо к тебе адресоваться в случае необходимой нужды по учебной части отделения» (СБРИО. Т. 73. С. 519–522). В свою очередь, Воронежский направил Давыдову следующий рапорт (от 24 июля 1819 г.): «Херсонское военно-сиротское отделение, находившееся под начальством вашего превосходительства во время пребывания в Херсоне корпусного штаба 3-го пехотного корпуса, приняло, по предписанию вашему, образ учения по ланкастерской методе, полезнейшей и легчайшей для преподавания первоначальных наук. В короткое время по устройению сей методы имеет уже отделение сие все средства на успешное обучение воспитанников, чем обязано оно единственно неусыпному попечению и издержкам вашего

превосходительства. Хотя ваше превосходительство удалились уже отсюда, но и поныне не оставляете заботиться о Херсонском военно-сиротском отделении и благодетельствовать оному. Независимо от множества учебных предметов, вами уже пожертвованных, ныне пожертвованы вашим же превосходительством и доставлены чрез обер-аудитора Буркова печатные таблицы для классов. Они послужат отделению нашему памятником неослабной вашей благотворительности...» (Сочинения Дениса Васильевича Давыдова. Изд. 4-е, испр. и доп. Т. 3. М., 1860. С. 137–138).

- ⁵ О том, каковы были опасения Давыдова и других близких Киселеву лиц, А. А. Закревского и А. Ф. Орлова, в связи с назначением его на должность начальника штаба 2-й армии, см. вступ. ст. Опасения, как следует из письма, оказались напрасны. Спустя менее года после назначения, 7 декабря 1819 г., главнокомандующий 2-й армией, П. Х. Витгенштейн, писал Киселеву: «Нелестно могу вам сказать, что все более и более радуюсь иметь столь достойного помощника, как ваше превосходительство» (РО ИРЛИ. Ф. 143. № 59. Л. 83).
- ⁶ В 1819 г. и Давыдов, и Киселев имели звание генерал-майора. Но Давыдов был произведен в 1814 г., а Киселев — в 1817 г. Предсказания Давыдова относительно карьеры Киселева сбылись: в 1828 г. последний был произведен в генерал-лейтенанты, а в 1834 г. — в генералы от инфантерии. Давыдов закончил свою военную карьеру в звании генерал-лейтенанта.
- ⁷ *Sei* (Say) Жан Батист (1767–1832), французский буржуазный экономист, родоначальник вульгарной политэкономии.
- ⁸ Цитата из стихотворения П. А. Вяземского «К партизану-поэту» (1814). В начале 1810-х гг. Давыдова и П. А. Вяземского уже связывала близкая дружба, которая запечатлелась в их многолетней переписке (Письма поэта-партизана Д. В. Давыдова к князю П. А. Вяземскому (Остафьевский архив) // Старина и новизна. Кн. 22. Пг., 1917. С. 18–71). П. А. Вяземский посвятил также Давыдову стихотворения: «К партизану-поэту (В 1814 г.)», «Д. В. Давыдову (1816 года)», «Эперне (Денису Васильевичу Давыдову)» (1839–1854). Как пишет В. Э. Вацуро, обращенные к Давыдову стихи Жуковского, Вяземского, Пушкина и др. «составляют своего рода антологию, которую сам Давыдов тщательно собирал и переписывал» (*Вацуро В. Э. Денис Давыдов — поэт // Давыдов Д. Стихотворения. Л., 1984. С. 19. (Лит. пам.)*). Первое посмертное собрание сочинений поэта, подготовленное его сыном, завершалось разделом «Стихотворения, посвященные Д. В. Давыдову» (*Давыдов Д. В. Сочинения. Т. 3. М., 1860. С. 176–205*).
- ⁹ Имеется в виду *Браницкая* Александра Васильевна (урожд. Энегельгардт) (1754–1838). Огромное состояние, которым она обладала (28 млн. руб.), сложилось благодаря родственным связям и выгодноному замужеству. Племянница Г. А. Потемкина (он приблизил ее ко двору и всячески ей покровительствовал), в 1781 г. она вышла замуж за гр. Ксаверия Браницкого, великого коронного гетмана польского. В 1824 г. пожалована в обер-гофмейстерины. Владелица обширных владений в Южной России, в том числе имения Белая Церковь, где и скончалась.

- ¹⁰ Содержание этого «каталога» неизвестно. Можно предположить, что важнейшую его часть составлял план работы Киселева над историей турецких войн (см. об этом во вступ. ст.).
- ¹¹ *Бусмар* Анри-Жан (Henri-Jean Boussard) (1747–1807), инженер. Родился во Франции. Сначала служил во французских войсках, но в 1792 г., когда крепость Верден перешла к пруссакам, перешел к ним на службу инженер-майором. Сочинение Бусмара «*Essai général de fortification*» (1797) «в свое время считалось классическим; в нем изложена долговременная фортификация в связи с атакою и обороною крепостей» (Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. Т. 5. СПб., 1891. С. 67).
- ¹² О *Сее* см. прим. 7. Возможно, речь идет о следующем сочинении этого весьма плодovitого и популярного автора (Сей выдавал себя за популяризатора и комментатора идей А. Смита, но в действительности вульгаризировал его учение): «*Catéchisme d'économie politique, ou Instruction familière qui montre de quelle façon les richesses sont produites distribuées et consommées dans la société*» (Paris, 1815). Книга выдержала 6 изданий, последнее — в 1818 г.
- ¹³ *Констан* де Ребек (Constant de Rebecque) Бенжамен Анри (1767–1830), французский и швейцарский писатель, общественный деятель. В историю мировой литературы вошел как автор романа «Адольф» (1815 г.). *Бентам* (Bentham) Иеремия (1748–1832), английский философ, правовед, теоретик утилитаризма. Согласно «*Catologue général des livres imprimés de la Bibliothèque Nationale*» и другим каталогам, на момент написания письма единственным «полным сочинением» Б. Констана, содержащим «*курс politique constitutionnelle*», было следующее издание: «*Collection complète des ouvrages publiés sur le gouvernement représentatif et la constitution actuelle de la France, formant une espèce de cours de politique constitutionnelle*» (Paris, 1818–1820. 7 parties en 4 vol.). Под «*полным сочинением*» И. Бентама, очевидно, следует понимать трехтомное издание его трактатов: «*Traité des législations civile et pénale. Précédés de principes généraux de législation, et d'une vue d'un corps complet de droit: terminés par un essai sur l'influence des temps et des lieux relativement aux lois*» (3 vol. Paris, 1802).
- ¹⁴ А. П. Ермолов приходился Давыдову двоюродным братом.
- ¹⁵ То есть из 1-й и 2-й армий.

6.

25 октября 1819. Кременчуг

Я к тебе пишу на отвагу от неизвестности, в Тульчине ли ты или нет, ибо слух носится, что ты поехал в Петербург для совещания о чуме, которая, говорят, сильнее и сильнее, ближе и ближе. О появлении ее в окрестностях Хотина я узнал в Одессе, а здесь уверили меня, что она уже в Бендерах¹.

В Кишиневе давно чума, но другого рода — эта не морит, а родит да грабит².

Наконец я был в Одессе. Город хорош, но Ланжерон еще лучше. Истинный начальник порто-франко, врет без пошрины. Сверх того, поверишь ли, что в день почти его найти нельзя, он прячется и, скакавши из дома в дом, уверяет каждого хозяина, что он *dans les horreurs de la poste*^{*} и что едет домой, тогда как его целый тот день не бывает дома. Назвал одну улицу Софиевской в честь двум Софьям Потоцким³; назвал другую улицу Ланжероновской, как будто он так отягчен бессмертием, что может бросать его на улицу.

По-видимому, он влюблен в Брютершу⁴, хочет на ней жениться и думает, что к ней ревнует его Калиновская; но что лучше всего, это то, что Калиновская⁵, которая умирает от любви к Орлову, точно ревнует Ланжерона к Брютерше.

Более писать некогда, у меня на дворе ждут 380 уродов, присланные в полки из Литовского корпуса, иду выбирать из них неспособных. К тому же боюсь даром много разговориться, и впрямь, если тебя нет в Тульчине, хорош я буду.

Прости, верный твой друг

Денис.

P. S. У меня есть к тебе просьба, в которой отказ от тебя нимало меня не убьет, следственно, скажи правду просто и без затей: есть ли у тебя вакансия в адъютанты? Ежели есть, и ты никого на нее в виду не имеешь, то нельзя ли взять Сумского гусарского полка штабс-ротмистра Реада. Он был некогда адъютантом храброго Никитина⁶ и малый хороший. Впрочем, ты знаешь, как эти просьбы делаются, а я знаю, как о них отказы объявляются.

¹ Проявив незаурядное личное мужество, в октябре 1819 г. Киселев, несмотря на предостережения сослуживцев и друзей, в частности, А. Ф. Ланжерона, отправился в охваченную чумой Бессарабию. П. Х. Витгенштейн в письме от 4 ноября 1819 г. благодарил его за «благоразумные распоряжения <...> к прекращению заразы и к дальнейшему обеспечению Бессарабского края» (РО ИРЛИ. Ф. 143. № 59. Л. 80).

* в ужасе от почты (*фр.*).

- ² Намек на супругу полномочного наместника Бессарабской области А. Н. Бахметева — Викторию Станиславовну Бахметеву (ур. гр. Потоцкая, дочь Станислава Феликса Потоцкого-Щенсного; в 1-м браке Шуазэль-Гуфье). Вот как характеризовал ее Ф. Ф. Вигель: «В 1819 году властвовал еще Бахметев или, скорее, супруга его <...>. Как полька, любила она деньги и оттого любила дикую еще Бессарабию, в которой видела для себя золотой рудник. Как полька любила она роскошную жизнь, всякий вечер принимала у себя гостей и часто делала балы <...>. Общество при ней процветало, тешилось, а земля платила за его увеселения...» (*Вигель Ф. Ф. Записки. С. 464. Родит да grabit.* — В 1816 г. у Бахметевых родилась дочь Варвара.
- ³ См. о них прим. 5 к письму № 4. «Среди польской аристократии, — пишет В. Святелик, — существовал обычай присваивать географическим местам собственные имена <...>, но у матери Софии Киселевой он превратился буквально в манию: ее именем назван прекрасный парк в Умани, парк в Мисхоре, улица в Одессе (теперь улица Короленко)» (*Святелик В. Легенда, пришедшая к Пушкину // Знамя. 1989. № 8. С. 215.*)
- ⁴ Давыдов неточно воспроизводит фамилию. Речь идет об известной одесской красавице, дочери полковника, Елизавете Адольфовне Бриммер, с которой впоследствии А. Ф. Ланжерон вступил в брак (это была его вторая жена).
- ⁵ Сведения о Калиновской (по-видимому, урожд. Потоцкой) крайне скудны. Г. Гераков упоминает о своих визитах к ней (она принадлежала к аристократическому кругу Одессы) вне какой-либо связи с А. Ф. Ланжероном (*Гераков Г. Продолжение путевых записок по многим российским губерниям, 1820 и начала 1821-го. Пг., 1830. С. 72–76.*)
- ⁶ *Никитин* Алексей Петрович (1777–1858), граф, генерал от кавалерии, герой Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов. Проявил замечательную храбрость в сражении при Бородине.

7.

15 ноября <1819>. Кременчуг

Ты так мил, что не могу не платить тебе тою же монетою — на длинные письма отвечать длинными письмами, хотя мне, право, не по чему разгуляться: душная моя должность¹, как тюрьма, гасит даже воображение мое, в него так много вкралось прозы, что я себя не узнаю. Заговорили было, что Австрия на нас вооружается, от радости трубка упала из зуб моих и я взглянул на саблю мою, снедаемую ржавчиной. Но вскоре узнал, что штыки немецкие поднялись на мысли народные, то есть я увидел, что они намерены колоть воздух, и я со вздохом велел закурить трубку и раскрыл «Воинский устав о пехотной службе». Да простит мне

Михаил Идеолог², скучное время пришло для нашего брата солдата! Что мне до конституциональных прений! Признаюсь в эгоизме; ежели бы я не владел саблею, и я, может быть, искал бы поприща свободы, как и другой; но, обнажив ее раз с тем, чтобы никогда не выпускать из руки, я знаю, что и при свободном правлении я буду рабом, ибо все буду солдатом! Двадцать лет идя одной дорогою, я могу служить проводником по ней, тогда как по другой я — слепец, которому нужно будет схватиться за пояс другого, чтобы идти безопасно. Мне жалок Орлов с его заблуждением, вредным ему и бесполезным обществу. Я ему говорил и говорю, что он болтовнею своею воздвигает только преграды в службе своей, которою он бы мог быть истинно полезным отечеству! Как он ни дюж, а ни ему, ни бешену Мамонову³ не стряхнуть самовластие с России. Этот домовый долго еще будет давить ее тем свободнее, что, расслабясь ночью грезой, она сама не хочет шевелиться, не только привстать разом. Но мне он не внимает!

Опровергая мысли Орлова, я также не совсем и твоего мнения, что бы ожидать от правительства законы, которые сами собою образуют народ. Вряд ли оно даст нам другие законы, как *выгоды оседлости* для военного поселения или рекрутский набор в Донском войске!⁴ (простите, донские казаки, хранители русской армии и спасители от изнурения легкой нашей кавалерии!). Как военный человек я все представляю себе в военном виде. Я представляю себе свободное правление как крепость у моря, которую нельзя взять блокадою, приступом — много стоит: смотри Францию. Но рано или поздно поведем осаду и возьмем ее осадюю, не без урона рабочих в сапах, особенно у гласиса, где взрывы унесут немалое их число; зато места взрывов будут служить ложементами⁵ и осада все будет подвигаться, пока, наконец, войдем в крепость и раздробим монумент Аракчеева. Что всего лучше, это то, что правительство, не знаю почему, само заготавливает осаждающим материалы — военным поселением, рекрутским набором на Дону, соединением Польши⁶, свободою крестьян⁷ и проч. Но Орлов об осаде и знать не хочет; он идет к крепости по чистому месту, думая, что за ним вся Россия движается, а выходит, что он, да бешеный Мамонов, как Ахилл и Патрокл (которые хотели вдвоем взять Трои), предприняли приступ... Но довольно об этом.

Присланную тобою ко мне тетрадь об образовании стрелков я дал переписывать, и коль скоро будет готова, пошлю ее к Орлову. Вряд ли

какие я могу сделать на нее замечания. Эта часть так мне мало известна, что не смею и приниматься сказать тебе мнения мои, однако постараюсь.

Недавно выписал я новую книгу о Малой Азии⁸. Эта страна нам почти неизвестна, то есть топографическая часть ее. Я из нее выписываю все, что касается до берегов Черного моря в Анатолии, и даже что касается до глубины этой провинции. Может быть, выписка моя полезна будет тому, кто будет командовать высадным войском в Анатолии⁹, которая есть сердце Турецкой империи и куда, следовательно, мы должны будем устремлять истинный удар наш¹⁰. О, если бы я командовал этим войском! — *Il y a du romanesque, il y a de la poésie dans cette expedition!** И она точно по мне! Но увы! репутация моя умного человека поглощается мнением, что я ветрен и бесхарактерен — следовательно, пустой человек. Проклятое мое остроумие и стихотворство много мне повредили в мнении людей сухой души и тяжкого рассудка. Но что же делать? Поздно уже верить, что я не поэт, и молчать с неподвижным взором, как будто я думаю. Каков есть, таков и представляюсь, но помню, как глубокомысленные мудрецы искали способ поставить яйцо стоймя и как его Колумб поставил¹¹.

Ты мне, бывши в Крюкове, говорил, что у тебя есть письма Суворова к Дерибасу (кажется, 52 письма**). Если не можешь подарить одного настоящего, то вели всех их списать и пришли копии — ты меня тем очень одолжишь, и они мне несколько даже нужны¹².

Не радовался ли ты, как российское серебро сыпется в Польшу?¹³ Нет солдата польской армии, который не получил 2 или 3 рубля серебром за ученья, тогда как нашим за Бородино дано было по 5 руб. бумажками, и то так долго отлагали, что половина только получила награждение сие, ибо другая часть легла около Малоярославца, Вязьмы и Красного.

Уведомь о здоровье чумы, все ли она в том же цветущем положении, как и прежде и не выходит ли она замуж за желтую лихорадку? Жаловались на Наполеона — это лучше. Как хочешь, а без завоевателя, голода или чумы свету быть нельзя. Провидение кому-нибудь из трех да покровительствует.

* Сколько романтического, сколько поэзии в этой экспедиции! (фр.).

** Первая цифра читается неотчетливо, возможно, 32.

Прости, любезный друг, пиши почаще и так же пространно, как последнее письмо, которое меня веселило как письмо умное, но которое обрадовало меня еще более, чем веселило, ибо оно доказательство твоей дружбы, которой я достоин по истинной моей к тебе привязанности и по знанию твоих дарований.

Мне было сказано, что ты уехал в Петербург толковать со жрецом смерти Аракчеевым о способе унять сестрицу его¹⁴. Но теперь говорят, что граф Витгенштейн туда поехал, а ты остался. Уведомь обо всем и верь нелицемерной и истинной дружбе

Дениса.

Р. S. Ты Американцу (Толстому) советуешь идти в гражданскую службу, а я ему советую ехать в чужие края. Что у нас гражданская служба в его чине?¹⁵

Впервые: Русская старина. 1887. Т. 55, июль. С. 228–230 (публикация Д. А. Милютина; имеются существенные сокращения, предведомленные вступительной ремаркой публикатора: «Приводим выписку из письма Дениса Давыдова к П. Д. Киселеву <...>, любопытного как выражение тогдашнего направления передовых людей в русской армии»). Повторная публикация (Сочинения Дениса Васильевича Давыдова / Со статьей о литературной деятельности Д. В. Давыдова и примечаниями, составленными А. О. Круглым. Т.3. СПб., 1893. С. 232–234) является републикацией текста, подготовленного Д. А. Милютиным. Однако, в отличие от последнего, А. О. Круглым опущены какие-либо указания на то, что письмо приводится не в полнотекстовом варианте. В советское время благодаря исследовательской литературе, посвященной Давыдову и М. Ф. Орлову, изучению их связей с декабристами, данное письмо как наиболее яркое и последовательное выражение идейно-политических воззрений поэта-партизана приобрело хрестоматийную известность. Современная оценка этого документа, лишенная идеологической ангажированности, предпринята М. А. Давыдовым (*Давыдов М. А. «Оппозиция его величества»: Дворянство и реформы в начале XIX века.* М.; Göttingen, 1994. С. 127–129).

¹ 22 февраля 1819 г. Давыдов был назначен начальником штаба 3-го пехотного корпуса. Штабная (а не командная) должность, служба в пехотных войсках, а не в кавалерии — все это резко дисгармонизировало с его идеалом военной службы. Подробнее об этом см. вступ. ст.

² Михаил Федорович Орлов.

³ *Дмитриев-Мамонов* Матвей Александрович (1790–1863), граф, генерал-майор. Сын фаворита Екатерины II, А. М. Дмитриева-Мамонова. Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов. Один из основателей преддекабристской тайной организации «Орден русских рыцарей». Обладатель

огромного состояния, М. А. Дмитриев-Мамонов в жизни отличался разного рода причудами и странностями. В 1826 г. отказался присягнуть Николаю I, был объявлен сумасшедшим с установлением опеки. В 1840–1860 гг. страдал полным душевным расстройством. По предположению М. В. Нечкиной, базирующемуся, в частности, на данном письме, которое, по мысли ученого, свидетельствует о широкой осведомленности Давыдова относительно политических замыслов М. Ф. Орлова и М. А. Дмитриева-Мамонова, поэт-партизан был причастен к «Ордену русских рыцарей» (Нечкина М. В. Движение декабристов. Т. 1. М., 1955. С. 133–134).

⁴ Давыдов имеет в виду наиболее одиозные законопроекты периода царствования Александра I, связанные с реформированием армии. Учреждение военных поселений было продиктовано стремлением сократить расходы на содержание армии, которая ввиду политических замыслов императора в мирное время должна была сохранить свой численный состав. Военные поселения были задуманы в 1810 г., но в широких масштабах стали создаваться только после Отечественной войны, в 1816 г. Инициатором и непосредственным исполнителем задуманного был А. А. Аракчеев. В том же русле чрезмерной регламентации происходило изменение статуса Донского казачьего войска: от иррегулярных войск (нач. XVIII в.) к регулярной армии. Окончательно казачество было лишено самоуправления в 1775 г., после восстания Е. Пугачева. «В 1802 г. территория Донского казачьего войска была разделена на округа. Было введено положение о военной службе Донского казачьего войска, установившее 30-летний срок службы с собственным оружием и двумя конями» (Сов. воен. энцикл. Т. 3. М., 1977. С. 244). Особая приверженность Давыдова к донским казакам объясняется тем, что они принимали активное участие в партизанском движении во время Отечественной войны 1812 г. Тема благодарности «донцам» звучит и в поэзии Давыдова — в автобиографических строках стихотворения «Партизан»: «Его любовь — кровавый бой / Родня — донцы, друг — конь надежный...»

⁵ Давыдов называет инженерные сооружения, применявшиеся в XVI–XIX вв. при защите и взятии крепостей. *Сапа* — траншея, скрытно отрываемая в зоне огня противника для приближения к его укреплениям. *Гласис* — пологая насыпь перед рвом, которая была обязательным элементом ограды крепости. Гласис сооружался с целью улучшения обзора и обстрела из крепости. *Ложмент* — неглубокий, до одного метра, окоп для стрельбы лежа или с колена. (Сов. воен. энцикл. Т. 7. М., 1979. С. 247; Т. 4. М., 1977. С. 449; Т. 5. М., 1978. С. 18 соответственно.)

⁶ Среди перечисленных Давыдовым животрепещущих вопросов «польский вопрос» в это время отличался особенной остротой. Реформаторские замыслы Александра I в отношении Польши состояли в том, чтобы присоединить к основанному согласно решениям Венского конгресса Царству Польскому западные российские губернии, которые ранее, до

разделов Польши, ей принадлежали. Планы императора, восторженно воспринятые поляками, в российском обществе вызвали единодушное возмущение, которое Давыдов, как следует из письма, вполне разделял. «Отрицательное отношение к польским планам Александра I, — пишет А. А. Корнилов, — было одинаково присуще как консервативным, так и либеральным и даже радикальным кругам. <...> В среде, близкой к самому императору, между молодыми генералами его свиты предполагалось подать ему особую записку, составленную М. Ф. Орловым. Среди военной молодежи <...> это вызвало <...> такое возбуждение, что они заговорили о цареубийстве <...>. Не менее резко и сильно <...> протестовал <...> консервативно настроенный историограф Н. М. Карамзин, подавший Александру I в 1819 г. свою знаменитую записку, в которой он решительно отвергал право самодержавного монарха распоряжаться русскими землями, как своею частною собственностью» (*Корнилов А. А. Русская политика в Польше со времен разделов до начала XX века. Пг., 1915. С. 24*).

⁷ Интересно отметить, что адресат письма сам в 1816 г. представил Александру I записку «О постепенном уничтожении рабства в России». Опубл.: *Заблочкий-Десятовский А. П.* Т. 4. С. 197–199. Этот поступок Киселева, несмотря на известную смелость, был вполне в духе времени, в духе умонастроений посленаполеоновского периода. Можно указать на любопытное совпадение: по некоторым свидетельствам, М. Ф. Орлов в 1815 г. представил Александру I «адрес о ликвидации крепостного права, который подписали также кн. И. В. Васильчиков, гр. М. С. Воронцов, Д. Н. Блудов» (*Боровой С. Я. М. Ф. Орлов и его литературное наследие // Орлов М. Ф. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма / Изд. подгот. С. Я. Боровой и М. И. Гиллельсон. М., 1963. С. 281*).

⁸ Возможно, подразумевается одно из следующих изданий: *Morier J. Second voyage en Perse, en Arménie et en Asie Mineure fait de 1810 à 1816, avec le journal d'un voyage...* / Trad. de l'anglais par M***. Paris, 1818. 2 vol.; *Kinneir J. Voyage dans l'Asie Mineure, l'Arménie et le Kourdistan, dans les années 1813 et 1814...* / Trad. de l'anglais par N. Perrin. Paris, 1818. 2 vol.; *Walpole R. Memoirs relating to European and Asiatic Turkey.* 2 ed. London, 1818–1820. 2 vol.

⁹ Анатолия — азиатская часть Турции.

¹⁰ С одной стороны, предпринятая Давыдовым работа находилась в русле военно-топографических занятий офицеров квартирмейстерской части. С другой, — в русле непосредственных занятий Киселева как составителя «Полного исторического начертания всех с турецкою державою военных действий от времен Петра Великого до последнего мира», над которым он трудился с 1816 г. (подробнее об этом см. вступ. ст.). С нач. 1820-х гг. военная среда была охвачена ожиданиями войны с Турцией. Так, в переписке Киселева (особенно в письмах к нему А. Ф. Ланжерона) эта тема звучит постоянно. Таким образом, и большой труд Киселева, и занятия Давыдова

были характерны для своего времени: «Война с Турциею становилась все более и более вероятною. В Главном штабе его величества с начала двадцатых годов начали скопляться записки и мемуары о предстоявших военных действиях» (Столетие Военного министерства. Главный штаб. Т. IV. Ч. 1. Кн. 2. Отд. 1. С. 388).

- ¹¹ Давыдов использует один из знаменитых рассказов о Христофоре Колумбе — «колумбово яйцо». «По преданию, один из гостей кардинала Мендозы, прослушав рассказ Колумба об открытии им Америки, воскликнул: “Так это же так просто!” Но когда Колумб предложил ему поставить яйцо острым концом на стол, гость не сумел этого сделать. Колумб же поставил яйцо, расплющив его кончик» (Макаров В. И., Матвеева Н. П. От Ромула до наших дней: Словарь лексических трудностей художественной литературы. М., 1993. С. 140).
- ¹² *Рибас* Осип Михайлович (don Joseph de Ribas-y-Voyons) (1749–1800), адмирал, основатель Одессы. Один из сподвижников А. В. Суворова в русско-турецкой войне 1787–1791 гг.: «оказал большое содействие при знаменитом штурме крепости Измаил <...>, составил план штурма, одобренный Суворовым <...>. Суворов <...> говорил, что для него с Рибасом нет ничего невозможного; великий полководец брался, как говорят, с Рибасом и отрядом в 40000 овладеть Константинополем» (Рус. биогр. словарь. Рейтерн – Рольцберг. СПб., 1913. С. 170).
- ¹³ С конца 1814 г. главнокомандующим польской армией был вел. кн. Константин Павлович, фактически — наместник Царства Польского. Подробно о положении польской армии, ее финансовом обеспечении, уровне вооружения Давыдов писал в очерке «Воспоминания о польской войне 1831 года», где, в частности, говорится: «Польским войскам было назначено жалованье, значительно превосходящее оклад, определенный российским; оружие всякого рода, порох и заряды были высылаемы с избытком из России; крепости были улучшены по новейшим системам <...>» (Давыдов Д. В. Сочинения / Сост. А. О. Круглый. Т. 2. СПб., 1893. С. 208). Здесь же он указывает суммы («от 72 до 106 миллионов рублей»), которые были выделены для развития торговли и промышленности Польши.
- ¹⁴ Каламбур, смысл которого раскрывается благодаря письму Киселева к А. А. Закревскому от 27–29 ноября 1819 г.: «Неужели чумный батальон мы к вам отправим на поселение; и одного Аракчеева там довольно, сестрицу его (чуму) пристойнее оставить за Днестром, она оцеплена, и вот пример для брата» (СБРИО. Т. 78. С. 52).
- ¹⁵ *Толстой* («Американец») Федор Иванович (1782–1846), граф, был близким другом Давыдова и приятелем Киселева. Дважды разжалован в солдаты за дуэли и различные бесчинства. Во время Отечественной войны 1812 г. проявил исключительную храбрость и вернул себе офицерское звание. Затем вышел в отставку и поселился в Москве, вел самый широкий образ жизни, участвовал в многочисленных дуэлях. Сведений о том, что он продолжил службу, нет.

Однако из данного письма, а также из письма Киселева к А. А. Закревскому от 15 декабря 1819 г. (СБРИО. Т. 78. С. 57), следует, что друзья были озабочены его положением и предпринимали попытки устроить его на службу. Толстому принадлежит стихотворение «Надпись к портрету Давыдова».

8.

2 декабря 1819. Кременчуг

Письмо твое начинается так: «За что ты меня отправил в Петербург в то самое время, как я был на Пруте и несколько сотен верст отлетал на казачьем седле? Несправедливо, брат Денис, обижать трудящихся! Ты не дурак, но москвич в Кременчуге». А я спрошу тебя: за что ты в отчаянии, что никто не знает в России, что ты стер гузно на казачьем седле, на котором я целый век езжу и никогда не стирал и не стираю его? Невежда в астрономии, мне ли исчислять течение планет? Я узрел только в нынешнем году, как ты проходил сквозь круг *Венеры* в 1818^М году в Виннице — и чрез твое письмо, что твой *Марс* теперь подле Солнца¹. К тому же, право, у нас и не ведают, чтобы так было опасно на границе Молдавии! Сомнение в опасности тем основательнее, что граф Витт поднялся в поход в вашу сторону, и Желтухин командует авангардом². Если хотите поугагать нас, перемените, по крайней мере, вождей ваших... Какая чума, когда я знаю, что Бахметьева без окурения бумажек и омыwania червонцев хапает их обеими руками, и живехонько!³ Вчера Орлов⁴ был у меня проездом в Москву на 28 дней — я ему давал читать твои письма, он велел мне написать тебе, что уведомление твое о Бюхне⁵ прекрасно. (Если ты забыл его, то вот оно: он тебе пишет, что едет в Петербург с намерением оставить службу, дабы во фраке иметь право говорить, а ты мне пишешь: «Я спрашиваю у него, кто та скотина, которая мешает ему тем же заниматься и в мундире? Вот люди странные, которые неведомо почему считая себя силою могучей, объявляют, что они защитники тех, которые защищать себя не просили и не просят».)

Но насчет ожидания нашего законов от самого правительства — он говорил, что ты похож на гуся Пиго-Лебрюна, который топчется в грязи в ожидании благотворного дождя⁶. Посылаю тебе обратно письмо Пихельштейна, пусть послужит оно вступлением к приказам

Казачковского — так, как письмо Конано введением к сочинениям к<нзя> Ал. Ник. Голицына и Александра Тургенева⁷.

Есть ли у тебя Correspondance inédite, officielle et confidentielle de Napoléon?⁸ Любопытное и полезное собрание! Если нет, то выпиши — ты будешь доволен.

Ты пишешь, что я опять в отпуске, — да, любезный друг! Еще на этот год может быть возвращусь, но на будущий оставлю место Гуркам и Нейтгартам⁹. Какие бы не были домашние обстоятельства, я на войну готов, куда хотят, всюду пойду, но задыхаться в моей должности — слуга покорный! Я списывался с Закревским, как способнее *отдать хомут и дугу*¹⁰; он мне дал совет, по которому буду следовать. Зашумят оружием, неужто мне откажут честь сломить голову? А откажут? Не мне убыток. Я врубил имя свое в 1812^й год. Я каждый день счастливее в новом быту своем — имею угол, где не только на соломе, но и на диване могу лежать, курить трубку и читать — перо, чернильница, бумага и ум. Чего мне более? Скоро вступит в свет наследник моих добродетелей, которому уже 4 месяца — и счастье мое удвоится, — это ощутительное счастье, а не наш дым!¹¹ Что мы? Когда и Суворов на одре смерти сказал: «70 лет гонялся я за славою; стою у гроба и узнаю мечты ея!» Не думай, однако же, чтобы намерение мое было совершенно оставить службу, сохрани меня Бог! Пока буду в силах ездить верхом, мыслить и рубиться, я всегда буду солдат. Но я хотел показать тебе, что если забудут меня к войне, — я имею, чем утешиться, и не буду просить милостыню у славы. Прости, милый, любезный и почтенный Паша, — ни к кому так много не пишу, ты имеешь дар заставить заболтаться меня. Прости и пиши к верному твоему другу

Денису.

¹ См. прим. 1 к письму 3.

² Об И. О. Витте см. прим. 14 к письму 2. *Желтухин* Петр Федорович (1777–1829), генерал-майор, с 1817 г. — командир лейб-гвардии Гренадерского полка; известен своей жестокостью.

³ Имеется в виду В. С. Бахметева, супруга полномочного наместника Бессарабской области, А. Н. Бахметева. О ней и ее корыстолюбии см. прим. 2 к письму 6.

⁴ Имеется в виду М. Ф. Орлов.

⁵ Прозвище С. Г. Волконского.

⁶ *Пиго-Лебрюн* (Charles-Antoine-Guillaume Pigault de l'Épinois) (1753–1835), французский писатель и драматург. Очевидно, речь идет о персонаже одной

из пьес Пиго-Лебрюна, собрание которых вышло в 1818–1819 гг. (Pigault-Lebrun. Théâtre. 6 vol.).

- ⁷ Смысл сравнения не вполне ясен. *Козачковский* (Казачковский) Кирилл Федорович (1760–1829), генерал-лейтенант, в 1819–1820 гг. — командир 16-й пехотной дивизии (в этой должности его сменил М. Ф. Орлов). А. А. Закревский в письме Киселеву от 2 июня 1819 г. так отзывался о нем и отдаваемых им приказов: «Казачковский чудак, но преусердный к службе и не вор, разве теперь избаловался, я его знаю хорошо по Финляндии; он отдает чудесные приказы, полюбопытствуй и несколько оных прочти» (СБРИО. Т. 78. С. 196). Здесь же, в письме от 31 августа 1820 г., есть упоминание о Пихельштейне: «Несчастному Пихельштейну сделай при случае, что возможно будет» (Там же. С. 231). Что касается «сочинения» кн. А. Н. Голицына и А. И. Тургенева, то, возможно, это некий документ, относящийся к деятельности Библейского общества, председателем которого был А. Н. Голицын (министр духовных дел и просвещения), а секретарем А. И. Тургенев (директор департамента духовных дел иностранного исповедания). Сведений о *Конано* — авторе введения к этому «сочинению» — обнаружить не удалось. Скорее всего, предметом иронии Давыдова является стиль приказов и «сочинения».
- ⁸ Имеется в виду след. изд.: Napoléon Bonaparte. Correspondance inédite, officielle et confidentielle, avec les cours étrangères, etc. Paris, 1819–1820. 7 vol.
- ⁹ По поводу этого замечания см. вступ. ст. *Гурко* (Ромейко-Гурко) Леонтий Осипович (1785–1852), полковник, командир 3-го батальона лейб-гвардии Семеновского полка; впоследствии генерал от инфантерии, командующий войсками Кавказской пограничной линии и в Черномории (1842–1845). В воспоминаниях М. И. Муравьева-Апостола имеется крайне негативный отзыв о нем как о бесчестном и жестоком командире (*Муравьев-Апостол М. И. Семеновская история 1820 года // Мемуары декабристов: Южное общество. М., 1982. С. 180–181*). *Нейдгард* Александр Иванович (1784–1875), генерал от инфантерии, генерал-адъютант, начальник штаба Гвардейского корпуса (1826), командир Отдельного Кавказского корпуса (1843–1844).
- ¹⁰ Возможно, имеется в виду письмо от 20 сентября 1819 г. (СБРИО. Т. 73. С. 518–520).
- ¹¹ Первенцем четы Давыдовых был сын Василий.

9.

29 ноября. <1821>. Москва

Благодарю тебя, любезный друг, за письмо твое, а более еще Ивана Григорьевича за замечания его. Они отличны и пришли вовремя. Я не только по ним исправил книгу мою, но даже поместил в нее всю статью о партизанах I^{го} отделения с весьма малою переменою.

Вы так меня расхвалили, что едва я не возмечтал быть Жомини партизанов! Насилу рассудок пришел в помощь. Теперь я тружусь перепечатанием моего «Опыта», который должен выйти из типографии в конце будущего месяца¹. Так как ты вызвался сам на подписку для 2^й армии, то посылаю тебе *известие о сей книге*, раздай сколько можешь. Деньги собирай у себя, и когда я доставлю экземпляры, то перешли деньги ко мне. Однако чтобы знать, сколько нужно будет, то по раздаче листиков уведомь о числе подписавшихся.

Закревский еще здесь, его удержала болезнь жены, но думаю, этою неделю или в начале будущей поедет. Ты все мне пишешь, чтобы я еще писал и пространнее — но, право, не смею! Сколько раз я начинал писать тебе и о слухах, и о приключениях, но, рассмотря письмо мое, бросал его в огонь. Уведомь, будешь ли зимою сюда? Куда бы ты меня одолжил, за других не отвечаю, однако кроме американца², который тебя истинно любит. Я не знаю, почему бы тебе не приехать сюда? По словам твоим, у вас все покойно, да к тому же Валдавия и Малахия превратились в пустыню³, магазины в вашей стороне не учреждаются, деньги вам не посылаются. О чем же думать? Валяй-ка брат к нам хоть недели на две. Прости, любезный и почтенный друг, брось меня в ноги твоей супруги, а сам поцелуй ее в плечико, когда она им пожмет вопреки глупого твоего запрещения.

Повтори еще благодарность мою Ивану Григорьевичу и извините меня перед ним, что на сей почте не пишу — право, некогда —

Твой друг верный Денис.

¹ Об истории подготовки и издания «Опыта теории партизанского действия», об участии в этой работе Киселева и его адъютанта И. Г. Бурцова см. статью И. В. Кошкиенко в наст. сб.

² Т.е. Ф. И. Толстого («Американца»). См. о нем прим. 15 к письму 7.

³ Дунайские княжества Молдавия и Валахия. Речь идет о последствиях чумы 1819 г.

10.

27 декабря 1821. Москва

Очень благодарю тебя, любезный и почтенный друг, за присылку замечаний Сабанеева, хотя они не могут мне ни к чему послужить. Ты справедливо называешь их *бреднями*; я на будущей почте пришлю к тебе мои замечания на них, и ты увидишь, кто из нас прав, кто виноват.

Не могу того же сказать о И. Г. Бурцове. Ответ мой на замечания его он увидит в новом тиснении; я не только все почти исправил по желанию его, но даже целые его периоды включил в новое издание. Вот критик истинный! Ежели когда-нибудь вздумаю писать еще, ни к кому другому не прибегну, как к нему и прошу его не отказать мне в своих замечаниях, основанных на логике, а не на желчи, как замечания Сабанеева. Пожалуй-ста, пусть сие останется между нами, ибо я душевно его почитаю. Слабости сии свойственны человеку, который, как ни говори, а все прожил лучшую часть жизни своей в 18^м, а не в 19^м столетии¹.

Посылаю тебе шесть экземпляров нового издания: один графу, другой тебе, третий Михайле Орлову, четвертый И. Г. Бурцову, пятый И. В. Сабанееву, шестой Алек. Яков. Рудзевичу.

Хотя я тебе послал 300 листиков для подписки, но вижу, что не могу сего числа экземпляров доставить тебе, и потому сделай подписку на 150 или, много, на 200. Уведомь, пожалуйста, когда будут собраны деньги, я немедленно отправлю книги, ибо они готовы будут на будущей неделе.

Судьба моя еще не решена — бросят ли меня на Балкан или на Кавказ? Вот уже месяц тому назад, как Ермолов представил меня в командиры 22 дивизии и начальником кавказской линии. Я потому на это согласился, что сему краю сделано новое образование и начальник оного будет управлять как гражданскою так и военною частию². Скажи на сие твое мнение, которое я, может, более уважаю, нежели ты думаешь. Место для меня отличное; но чувствую, что буду терзаться, как Прометей, услыша стукотню за Дунаем!³

Ежели не в силу придет — постарайся тогда вытащить меня на поле брани, да только дайте мне команду поблистательнее, то есть авангард или какой-нибудь сильный отдельный отряд. Будь уверен, что будете мною довольны. Не прими это в шутку — право, я на тебя только полагаюсь в сем случае. Дай мне ход, скажу спасибо.

Прости, <брат> и любезный друг. Целую прах ног жены твоей и рекомендую ей мою жену и дочь, носящую ее имя.

Твой верный друг Денис.

Повторяю извинение мое Ивану Григорьевичу, что и на сей почте не пишу ему — ждут письмо сие. Впрочем, ответ мой в книге, которую я ему посылаю, на которую прошу новых замечаний.

Впервые фрагмент письма (первый абзац) опубли.: *Заблоцкий-Десятовский А. П.* Т. 1. С. 95–96.

¹ *Сабанеев* Иван Васильевич (1770–1829), генерал-лейтенант, с 1824 г. — генерал от инфантерии; командир 6-го пехотного корпуса (2-я армия). Этот генерал суворовской школы, несмотря на странности характера, желчность (прозвище Сабанеева — Лимон) импонировал передовой части молодого поколения офицеров. Вот отзыв о нем Киселева из письма А. А. Закревскому от 24 января 1822 г., во многом совпадающий с отзывом Давыдова: «Сабанеев <...> со мною живет в ладу и в ужасной переписке, отнимающей у меня много время, но которую я не прекращаю, ибо, при всех странностях его, правила его честны и непоколебимы; опытность имеет большую и просвещение, непонятное для человека, родившегося в Ярославле — тому 56 лет» (СБРИО. Т. 78. С. 88).

² Именно это преобразование заставило А. П. Ермолова искать новую кандидатуру на должность начальника кавказской линии, которую в то время занимал генерал-майор Сталь 2-й. (Кавказская укрепленная пограничная линия — система кордонных укреплений русских войск на Кавказе в XVIII–XIX вв.). По его мнению, последний не соответствовал новым требованиям, когда «надобен и солдат хороший, и вместе разумеющий дела гражданские». Почти на протяжении года — с кон. 1821 по кон. 1822 г. — А. П. Ермолов делал представления начальнику Главного штаба П. М. Волконскому о назначении на эту должность Давыдова. Об этом узнаем из его переписки с А. А. Закревским; последний приватным образом информировал о реакции на эти представления. В апреле 1822 г. стало известно об отказе, но А. П. Ермолов продолжил хлопоты, как видно из его письма к А. А. Закревскому: «О Денисе (Давыдове) не ожидаю никакого благосклонного отзыва, хотя я в последних числах августа еще писал к Петрахану (князю П. М. Волконскому). Теперь по новому образованию управления Кавказской области мне еще более нужен начальник деятельный, и генерал-майор Сталь 2-й совершенно не годится. Не понимаю, почему насчет Дениса столь несправедливое предубеждение? Неужели вечно продолжается молодость человека без перемены?» (СБРИО. Т. 73. С. 396). Это обращение также было отклонено: «Получил от Дениса (Давыдова) уведомление, что вновь еще по просьбе моей отказано его сюда назначение. Конечно, уже не стану говорить о нем вперед, но это не заставит меня не примечать, что с ним поступают весьма несправедливо. Впечатление, сделанное им в его молодости, не должно простираться и на тот возраст его, который ощутительным весьма образом делает его человеком полезным. Таким образом можно лишать службы людей весьма годных, и это будет или каприз, или предубеждение. Признаюсь, что это мне досадно...» (СБРИО. Т. 73. С. 404). «Эта неудача, — пишет Н. Советов, — удручающим образом подействовала на Давыдова; он решился немедленно выйти в отставку

и получил ее 14 ноября 1823 г.» (*Советов Н. Д. В. Давыдов // Сборник биографий кавалергардов. С. 39*).

³ Давыдов передает царившее в 1821 г. настроение: в связи с восстанием А. Ипсиланти, восточным кризисом ожидалась война с Турцией.

11.

13 апреля <1822>. Москва

Любезный мой Киселев! По здешним слухам о войне с турками я полагаю тебя немало занятым и потому боюсь отрывать тебя от занятий твоих мелочными моими требованиями. Я послал к тебе 200 экземпляров чрез корпус Н. Н. Раевского¹. Дежурный полковник сего корпуса Дубельт уведомляет меня, что он послал их к тебе с каким-то курьером. Уведомь, ради Бога, получил ли ты их и распродал ли? Вот уже два месяца, как я от тебя ни слова не имею. Пожалуйста, препоручи кому-нибудь собрать деньги за розданные экземпляры и переслать сюда по почте поскорее. Ты меня очень одолжишь.

У нас здесь такие слухи, что не знаешь, чему верить. Поутру все кричат о войне, а вечером заключают мир. Сегодня слухи о первом не переменяются, и все говорят, что к вам и деньги, и заряды посланы и посылаются. Не забудь, брат, обо мне, ежели у вас что-нибудь затеют, даром, что я отец семейства, а, право, не испорчу ничего. О Кавказе пришел отказ, говорят, что это место генерал-лейтенантское, а не генерал-майорское. Следовательно, надо мне несколькими годами похолодеть и пораскиснуть, чтобы надеяться получить место, где нужен и огонь, и деятельность.

Слышал ли ты о повелении, разосланном Балашовым 5^м его губерниям?² Я его читал печатным.

Он приказывает, чтобы с половины мая, то есть в самое рабочее время, каждый помещик прислал на бессменную работу дорог половину работников; то есть у кого 100 душ, следовательно, 50 тягол (и это еще очень счастливо, ежели на 100 душах 50 тягол), тот должен прислать 25 работников, а 25 оставшимися работниками работать на 100 душ. Здесь вопль поднялся, ибо это совершенное разорение и помещикам, и крепостьянам.

Напиши, ради Бога, хоть страничку — где ты был все это время, где теперь, что делаешь, что намерен делать — все, все. Неужели ты сомневаешься о участии, которое я беру во всем том, что до тебя каса-

ется, — очень бы ты был несправедлив, ибо сверх дружбы моей к тебе я в тебе вижу человека. Прости, друг почтенный и любезный. У богоподобной твоей супруги целую ручки.

Твой верный друг Денис.

Поздравляю с Крейцем³.

- ¹ Т.е. через 4-й корпус (1-я армия), которым командовал Н. Н. Раевский-старший.
- ² *Балашов* Александр Дмитриевич (1770–1837), генерал от инфантерии, министр полиции (1819). «Уволен от этой должности (за вхождением Министерства полиции в состав Министерства внутренних дел) и назначен генерал-губернатором округа из Воронежской, Орловской, Рязанской, Тамбовской и Тульской губерний» (*Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917: Библиографический справочник. СПб., 2002. С. 62).
- ³ Очевидно, речь идет о назначении во 2-ю армию *Крейца* Киприана Антоновича (1777–1850), графа, генерал-майора (командир 3-й драгунской дивизии 7-го корпуса). Н. Ф. Дубровиным прочитано неверно: Кренц.

12.

24 июня <1822>. С. Новозерцкое

Любезный и почтенный мой Киселев! Два письма твоих получил, одно с деньгами, другое пустое. Благодарю тебя за то и другое, но более за последнее. Оно таково, что деньги не могли бы придать ему цены, и приложенное при нем письмо Инзова не могло охладить его.

Известия еще не имею, но теперь, кажется, могу уже поздравить тебя отцом семейства¹. Узнаешь, любезный друг, что не все мечта в здешнем свете для человека чувствующего. По словам твоим, ты пре-дугнаешь стремление сердца к новым предметам и помышляешь уже об эпитафии бригадира, — и я не прочь от этого; надо говорить правду: мы лаем на месяц, тогда как лисицы у ног вертятся!

Мне прискорбно, что ты судишь о греках Мореи как о греках одесских. Оставь мне мое заблуждение! Я и тем доволен, что уже полтора года, как они борются без помощи — и борются не без успеха. Почему знать, что будет?² Если французы перед революцией не продавали изно-ма и коринки, то они хуже еще делали: они прыскались духами и маза-лись помадою — что же после наделали?

Et de leurs pieds on peut voir la poussière
 Empreinte encore sur les bandeaux des Rois³.

Ты хочешь, чтобы я писал к тебе чаще, это мне к сердцу, но со всем желанием моим угодить тебе, о чем я буду писать? Уверять тебя в моей дружбе? Ты не тот человек, который бы довольствовался словами, к тому же я твердо уверен, что ты во мне* и знаешь, что не схожу на берег при противном ветре. С кем пустился в море, с тем и иду, хотя бы меня с берега устрицами манили.

Писать о политике? Я дал себе слово не говорить даже о Полетике, который был министром нашим в Америке⁴.

Писать о себе? Слушай же: я три месяца тому назад продал деревню, которая была в 70 верстах от Москвы, и купил подмосковную в 30 верстах⁵. Местоположение чудесное! Натуральное озеро версты в 3 длины и в полторы ширины, рощи одна возле другой, оранжереи и все принадлежности к жизни. Живу припеваючи. Звуки палок и барабанов не слышу, гусиным шагом ходят у меня одни гуси, езжу на охоту, читаю, пишу, целуюсь с женою и нянчу ребенка, гляжу, как пашут, сеют, жнут, косят и совершенно доволен моею судьбою. Вот занятия для меня бесценные, но для писем ничтожные, ибо письма требуют разнообразия, а настоящая жизнь моя однообразна, как поле под нивою. Итак, прости, милый и почтенный друг. Больших писем не ожидай и не мерь по ним дружбу мою, которая беспредельна.

Денис.

P. S. Я приступил ко второму изданию моего «Опыта», несколько сделал изменений и прибавлений, также увеличил планы и прибавил число оных. Нужны теперь деньги; ради Бога, присылай скорее оставшиеся, их не более, как 460 руб., но они мне чрезвычайно нужны. Пожалуйста, не отлагай долее двух или трех недель.

¹ Сын Киселева, Владимир, род. 7 июня 1822 г. Умер в младенчестве (7 февраля 1824 г.).

² Речь идет о греческом восстании под предводительством А. Ипсиланти. Поначалу Киселев, как и большинство представителей российской военной элиты, был горячим сторонником оказания военной помощи единоверцам-

* Далее пропуск в тексте.

грекам в их борьбе с османским игом. Однако впоследствии, как можно судить по комментируемому фрагменту, отказался от этой мысли. «Со временем, — писала О. В. Орлик, — когда стало совершенно ясно, что Россия не вступит в войну с Турцией, острота суждений по поводу греческих дел у одних стала притупляться, а у других даже возникла потребность заявить о своем осуждении повстанцев» (*Орлик О. В.* Политика России и международные отношения на Балканах в начале восточного кризиса // История внешней политики России. Первая половина XIX в. М., 1999. С. 200). Восстание возникло в результате деятельности «Филики Этерия» («Общество друзей»), тайной патриотической организации, основанной в Одессе в 1814 г. О жизни греческой диаспоры в Одессе Киселев был хорошо осведомлен благодаря регулярной переписке с А. Ф. Ланжероном, одесским градоначальником. По-видимому, к 1822 г. его мнение об одесских греках совпадало с мнением последнего, который писал: «... по правде сказать, чем больше я вижу греков, тем больше нахожу, что они не стоят того, чтобы сражаться за них» (РО ИРЛИ. Ф. 143. № 83. Л. 34). Давыдов предостерегает Киселева: об этнических греках (греках Мореи (Пелопоннеса)) нельзя судить так же, как о колонистах — одесских греках.

³ «И отпечаток праха с его ног можно видеть на венце королей» (имеется в виду Наполеон Бонапарт). Цитата из стихотворения П.-Ж. Беранже «Бог простых людей» («Le Dieu des bonnes gens», 1817).

⁴ *Полетика* Петр Иванович (1778–1849), чиновник Коллегии иностранных дел, с 1817 г. — посланник в Филадельфии; литератор.

⁵ Имение Приютово.

13.

24 февраля <1823>

Любезный Киселев, я знаю, что ты приезжал в Тульчин в половине генваря и по сие время не писал к тебе! Причина сему не что иное, как слово, которое я дал себе избегать всеми способами от беззаконной мерзости какого-нибудь почтмейстера и кривого толка, даваемого летучим словам С.-Петербургским шпионским комитетом. Вот почему я со всеми моими друзьями прекратил письменное сношение. Теперь же пишу к тебе по оказии, с одним молодым человеком, назначенным в вашу армию. Уведомь (также по оказии), как ты съездил в Берлин, как новый Тезей победил ты чудовище, преградившее путь тебе, и с которым я прежде сражался без успеха, как возвратился ты, что делаешь и что намерен делать?¹ Нужно ли мне уверять тебя, что все, что до тебя касается, все интересует меня и что и начальником Главного штаба, и главнокомандующим, и мирным домоседом ты для меня будешь все тот же

Паша Киселев, тот же друг, которого я привык любить и люблю с того времени, как без галстука и с распущенными волосами мы шныряли по Московскому бульвару².

Что до меня касается, то скажу тебе, что я счастлив, как нельзя быть счастливее; жена добрая, сын и дочь! Ты знаешь, что я отпрегся, но еще в хомуте. Сей хомут хочу решительно сбросить с себя в сентябре месяце³. Разочарованный от призраков, пора прилепиться к истинному благополучию, исполнившему все надежды моего сердца. Кто ищет добра, пользуясь уже добром! Образ жизни моей будет таков, какой я веду уже три года: я жить буду без выезда всю весну, лето и до глубокой осени в подмосковной, прелестной своим местоположением; семья моя, книги, бумага с пером и собачья охота одушевят оную. Зиму я буду в Москве, но все домоседом; ни шагу ни на балы, ни на обеды, ни на вечера, все это мне огадилось. К тому же ты знаешь меня: я могу молчать в обществе, пока какая-нибудь искра не упадет в пороховой магазин души моей, а нынче ставят всякое лыко в строку. Скобелев не один, он, подобно тарантуле, рассеял по всей России миллионы своих детищ, к чему же мне против воли попасться в список карбонариев, тогда как я с ребячества моего избегал всякого рода секретные общества, врал много, но преступных намерений не имел. Осторожность моя простирается теперь до того, что в целую жестокую нынешнюю зиму я камина не топил, боясь, чтобы не оставались в нем *уголья* (charbone).

Податель письма сего — молодой человек Прибытков, которого брата ты знаешь, — весьма мне кажется остер и будет способен к службе⁴. Дай ход ему, чем меня очень обяжешь.

Прости, друг любезный, знай, что ты мало имеешь людей, которые более бы тебя любили и уважали, как давний и верный твой друг

Денис.

Р. С. Скажи мое почтение изящной Софии и поцелуй будущего *владельца мира*.

¹ 12 ноября 1822 г. в Берлине скончалась теща Киселева, С. К. Потоцкая. Зная о ее предсмертной болезни, в сентябре Киселев повез свою жену (С. С. Потоцкая была очень привязана к матери) в Берлин для прощания с нею. Однако в живых они ее уже не застали. Под «чудовищем» подразумевается вел. кн. Константин Павлович, который задержал Киселева в Варшаве в связи с оформлением заграничного паспорта для С. С. Потоцкой. Давыдов намекает на

собственное заточение в Варшаве в 1815 г., когда его в течение полугода удерживал здесь вел. кн. (см. комм. к письму 1).

² Имеется в виду Тверской бульвар — излюбленное место прогулок москвичей.

³ См. прим. 2 к письму 10.

⁴ Возможно, имеется в виду Прибытков, капитан, ротный командир лейб-гвардии Финляндского полка (1825 г.) (Столетие Военного министерства. Систематический указатель к историческим очеркам столетия Военного министерства / Сост. Затворницкий Н. М. Вып. 2. СПб., 1910. С. 200).

14.

2<5> июня <1823>. Новозерцкое

Нынешнее утро было для меня ужасное — вечер восхитительный! Получаю записку, в которой спрашивают меня, не знаю ли чего о тесте и о Мордвинове? Я подумал, какое ты можешь иметь сношение с сим человеком, кроме неприятного, — и немедленно послал узнать у *вопросительной почты*, что это значит? Между тем меня поистине дрожь взяла, Бог знает, что мне лезло в голову! Получаю ответ неудовлетворительный, т.е., что вы дрались, но о следствии драки ни слова.

Веришь ли, что я целый день не свой был! Ты знаешь, что я ни льстить, ни лукавить не умею, кого люблю, того люблю всеми силами сердца, да что об этом говорить, наша дружба не с вчерашнего дня. Будучи сам отец семейства мне представились и жена твоя, и ребенок твой, и ты — все в ужаснейшем виде, я хотел послать нарочного в Москву к брату твоему узнать о тебе, но в то время, как человек садился в телегу, получаю письмо с вашей стороны, где меня уведомляют, что ты здоров совершенно и что противник твой убит¹. Любезный Киселев! Ей-богу, я не могу тебе изъяснить всю радость мою; спешу тебя поздравить от всей души, но не менее поздравляю жену твою и себя. Больше писать не могу от радости. Сердце мое полно и голова вверх дном. Прости, уведоь, как это было? Я воображаю тебя, когда ты, ехавши драться, взглянул на жену и на сына и когда, возвратясь, увидел их!.. Надо быть счастливым мужем и отцом, чтобы это чувствовать и понимать.

Твой верный друг Денис.

¹ Речь идет о дуэли Киселева с генерал-майором И. Н. Мордвиновым, которая состоялась 24 июня 1823 г. Ее история известна из воспоминаний адъютанта Киселева, Н. В. Басаргина (*Басаргин Н. В. Записки*. Красноярск, 1985).

С. 22–23). Она относится к числу наиболее известных дуэлей перв. пол. XIX в. (См. *Гордин Я. А.* Дуэли и дуэлянты. СПб., 1997. С. 57–60). Дуэль была спровоцирована, как пишет А. П. Заблоцкий-Десятовский, «тайными врагами» Киселева, которые «искали случая устроить скандал, который, компрометируя Павла Дмитриевича, заставил бы его удалиться из армии» (*Заблоцкий-Десятовский А. П.* Указ. соч. Т. 1. С. 174). Непосредственным поводом к дуэли явилось отстранение И. Н. Мордвинова от командования бригадой, инициированное Киселевым после происшествия в Одесском полку, который входил в состав этой бригады. (Командир полка Ярошевицкий был избит перед строем.) И. Н. Мордвинов получил смертельное ранение. Его вдове, Е. Н. Мордвиновой, Киселев определил ежегодное денежное пособие и выплачивал его до конца ее жизни. Обзор архивных материалов, относящихся к дуэли, см.: *Хохлова Н. А.* П. Д. Киселев и его архив в Рукописном отделе Пушкинского Дома. С. 201–202.

15.

26 февраля 1828. Москва

Сто лет, любезнейший друг Павел Дмитриевич, я не писал к тебе и от тебя не получал ни слова! Причину твоему молчанию немудрено мне знать: хлопоты твои неисчислимы и продолжаются не с вчерашнего дня. К тому же где было бы искать меня письму твоему? Судьба швыряла меня четыре раза через Кавказ с тех пор, как мы с тобою расстались! Что же касается до причины моего молчания, то оно оправдывает самая кочующая жизнь моя и болезнь, от коей я едва не отправился далее Грузии и даже Индии и от коей я едва только теперь начинаю оправляться¹.

Отъезд человека верного в твою сторону дает мне случай писать тебе откровеннее, нежели бы я писал по почте, и я тем с жадностью пользуюсь, ибо ты один из главных лиц того тесного круга друзей моих, который по большому углублению моему в жизнь уменьшается от недоверчивости, приходящей с опытностью и разочарованием от заблуждений юности. Я твоим мнением дорожу больше всего на свете и, следовательно, обязан излагать тебе, все со мною случившееся после всякого необыкновенного для меня происшествия.

Ты помнишь, с каким восторгом я поскакал в Грузию, несмотря на разлуку с семейством моим и даже с мирными привычками 12-летней праздной жизни? Право, дух мой возродился тогда, как Феникс из пепла! И в какое время послали меня? Когда все было в смущении в Москве

насчет вторжения неприятеля, когда *самые сведущие* люди о происшествиях в Грузии уверяли меня, что уже там 100 тысяч персиян, что они идут усиленными маршами к Тифлису, от коего они в 200 верстах, что горские народы поднялись на нас и что Ермолов против всей этой грозы не может собрать более 8000 человек. Словом, я погружался в самый кипяток обстоятельств. Приехав в Грузию, я нашел дела хотя в лучшем положении, нежели как полагали их в Москве, однако не в розовом цвете. Горские народы были покойны, но персияне со стороны Карабаха находились в 150 верстах, а со стороны Эривани в 130 верстах от Тифлиса. Первыми начальствовал Аббас-Мирза, их было около 45 тысяч; вторыми — Сардарь Эриванский, их было 12 тысяч. Пока Аббас-Мирза стоял неподвижно, Сардарь старался возбуждать Казахскую провинцию к мятежу и производил набеги даже до окрестностей Тифлиса.

Между тем войска наши собрались. Мадатов² разбил авангард Аббас-Мирзы под Шамхором. Тогда Паскевич послан был из Тифлиса с частию войска, там находившегося, подкрепить отряд Мадатова и взять над всеми войсками, назначенными действовать против Аббас-Мирзы, командование; а я послан был командовать отрядом против Сардаря. У Паскевича было около 8000, у меня около 3000 под ружьем.

Тебе известна победа под Елисаветполем; хотя она происходила не так, как сказано в газетах, но успех все оправдывает, следовательно, тут нечего говорить³.

Вот что случилось с моей стороны:

Я нашел отряд мой у урочища Джелал-Оглу, занимавшийся строением крепости и там заложеной, Сардарь с 8000 стоял у оконечности озера Гёкши при Чубухии на речке Балыкчае в Гамзечиманнской долине; другая часть его войск (4000) под командою брата его, Гассан-хана (теперь в плену у нас), занимала Бамбакскую долину и прямую дорогу, на Эривань ведущую; мы разделены были хребтом Безобдала.

Я получил повеление изгнать Гассан-хана из Бамбакской долины и там расположиться. Перейдя хребет Безобдала с 1600 человек пехоты, 700 конницы и 9 орудиями, ибо прочую часть моего отряда мне велено было оставить на работе крепости и для защиты оной. Я нашел авангард неприятеля у <нрзб.> и прогнал оный. Оставя сильный отряд конницы в сей долине при Караклисе для наблюдения за Сардаром, который по Гамзечиманской долине мог прийти ко мне в тыл, я ре-

шился наперекор повеления оставаться в Бамбакской долине, идти далее с тем предположением, что если узнаю о движении Сардаря в тыл ко мне, то, пользуясь промежуточным положением моим между ним и Гассан-ханом, разбить их поодиночке. Я нашел Гассан-хана со всем отрядом его на самой черте границы нашей, при урочище Миряги, он готов был к отпору, я атаковал его и сбил с трех весьма твердых каменистых позиций, дело продолжалось до ночи и до тех пор, пока он бежал у меня из виду.

Не довольствуясь сим, я на другой день пошел еще далее, настиг Гассан-хана не доходя до Судагента верст 5 и преследование прекратив только в 50 верстах от Эривани. Этот успех так перепугал Сардаря, что вместо того чтобы ему идти мне в тыл, он оставил берега озера Гёкчи, бежал к Эривани и вместе с Гассан-ханом заперся в сей крепости. С тех пор не только <не> были набеги к Тифлису, но ни один персиянин не переезжал даже за пределы своей границы.

Возвратясь в Джелал-Оглу, я узнал о поражении Аббас-Мирзы при Елисаветполе — тем заключилась осенняя кампания.

Я не хвастаюсь, любезный друг, ибо бить персиян пехотою и артиллериею не есть слава; я говорю о службе своей в том крае для того, что теперь превознесли службу людей ничтожных и поставили ее выше моей, тогда как и моя, и их служба весьма посредственны; еще моя тем важнее, что я побил неприятеля тогда, как он был в задоре наступательном, а они не дрались, а гонялись за персиянами, потерявшими и дух, и стойкость.

В ноябре месяце я получил повеление распустить отряд мой и возвратиться в Тифлис, то же получил повеление и Паскевич. Этому причина была, что снега, завалив дороги в горах, сделали уже проезд неприятелю чрез оные невозможным, и необходимо было доставить войскам нашим покой и отдохновение на квартирах.

Я прибыл в Тифлис, где не застал Ермолова. Он, желая не касаться до магазинов, собираемых им для весенней кампании, ходил тогда в Лезгистан, поднявшийся во время вторжения Аббас-Мирзы в Грузию, и в наказание за мятеж наложил на оный обязанность прокормить до весны прибывшие в Грузию 20¹⁰ дивизию и Уланскую дивизию.

Вскоре после приезда моего в Тифлис прибыл и Паскевич. Так как по отбытии Ермолова он был старшим, все к нему явились⁴. Он всех

разругал — от генерал-лейтенанта Вельяминова⁵ до последнего солдата, от губернатора до регистратора, от полицеймейстера до квартального.

Довольно смешной был со мною случай: я приехал к нему*, что до меня он не коснется, ибо между нами никакого сношения не было, да и быть не могло: он командовал отрядом в Карабахе, я командовал отрядом на Эриванской границе; между нами было около 400 верст расстояния и у нас был общий главный начальник. Что же он мог иметь против меня? Не тут-то было!

Вообрази мое удивление, когда после важного его поклона он <с> пеною во рту и трепещущим от злости голосом сказал мне: «Вы не удостоили меня ни разу рапортом?» Я в недоумении спросил его: «Каким рапортом, в<аше> в<ысоко>п<ревосходительство>? Я не знал, где вы и что делаете?» Я, право, счел, что он с ума сошел, и отвечал ему: «Я полагал, ваше в<ысоко>п<ревосходительство>, что, командуя отрядом, рапорты мои должны были быть посылаемы к тому, кто препоручил мне отряд, от кого я получил инструкцию и получил повеления, как действовать».

— Да разве вы не читали в приказах, что я ваш корпусный начальник?

— Читал, но вместе с тем читал и то, что в<аше> в<ысоко>п<ревосходительство> под командою старшего корпусного начальника, который наш общий начальник. Впрочем, вы командовали отрядом, подобно мне, а я довольно служил, чтобы знать, сколько иногда главному начальнику необходимо нужно не допускать известия правому отряду о том, что происходит в левом отряде, и наоборот. К тому же, известия и рапорты мои должны были проходить чрез неприязненные земли и почти в виду неприятеля, который мог бы узнать вместо вас, что у меня делается, — вот почему я относился одному генералу Ермолову, а не вашему в<высоко>п<ревосходительству>.

Он заключил тем, что это пустая отговорка. Впоследствии он, смягчась, признался мне, что против меня ничего не имел неприязненного, но что сделал мне сей выговор для того, чтобы в городе и в войсках не сказали, что он меня пощадил потому, что я родня Ермолову (какой хохлацкий расчет!). Между тем я узнал, что он секретно донес в Петербург, что

* Далее пропущено слово; по смыслу: «думая», «полагая».

дело с Гассан-ханом ничего не значит и что оно не что иное, как следствие поражения им Аббас-Мирзы под Елисаветполем, тогда как я узнал о победе его, возвратясь уже с экспедиции моей, ибо сражение при Елисаветполе было 13го, а мое при Мирачахе 21го, и тогда как и отдален был от него непроходимыми горами и расстоянием в прямую линию более, нежели на 400 верст!

Спустя несколько дней я, воспользуясь бездействием, долженствовавшим продолжиться до весны, отпросился на шесть недель в отпуск. Приехав в Москву, я увидел в газетах награждения войскам, бывшим под командою Паскевича, а о моих не видал ни слова, почему решился писать к Дибичу и просить его о уведомлении меня — не навлек ли я на себя каким-либо неумышленным проступком гнева государя?⁶ Дабы я мог или оправдаться, или заслужить оный проступок в наступающей кампании. Сам же торжественно отказался от всех награждений за прошедшую, настоящую и будущую службу, только чтобы наградили моих подчиненных. В этом письме я ввернул фразу довольно странную, вот она: «Что же касается до меня, то я служу 27^й год, в течение сей эпохи не было ни одной войны, в коей бы я не находился, и никогда жадность к наградам не руководствовала моею службою, что доказывает сравнение мелочных знаков отличия, носимых с военным именем, которым я имею счастье пользоваться в армии».

Дибич отвечал мне, что доводил до сведения государя письмо мое и что государь приказал мне сказать, что будучи уверен в усердии и известной моей храбрости, он никакой не имеет причины оказывать мне своего неблаговоления, но что при том не может сравнить дела моего при Мирачах и преследование бегущего неприятеля с решительным поражением Аббас-Мирзы при Елисаветполе. Как будто я просил сравнения? Я просил награду войскам, которые со своей стороны изгнали персиян из границ наших, как Паскевича войска изгнали оных со стороны Карабаха. Если б дело шло до сравнения, то и Паскевича войска не должны были бы получить награждения потому, что изгнание ими персиян из Грузии не можно сравнить с изгнанием Наполеона из России.

Возвратясь в Тифлис в начале марта, я нашел уже там Дибича⁷. Он взял меня в кабинет и сказал мне: «Вы, верно, недовольны моим ответом?»

— Недоволен, в<аше> в<ысоко>п<ревосходительство>, — отвечал я ему.

— Что делать, — продолжал Дибич, — теперь уже поздно для вас.

— Да я, собственно, о себе ничего не прошу, в<аше> в<ысоко>п<ревосходительство>, и повторяю торжественно, что не хочу награды ни за прошедшую, ни за настоящую, ни за будущую службу мою, только наградите моих подчиненных и дайте мне случай *открыть первому бал*, чтобы *первый и последний выстрелы были мои*, — вот все, о чем я вас прошу.

— Это может сделаться, — отвечал Дибич, — даю вам честное слово, что вы откроете первый наступающую кампанию, и об подчиненных ваших подайте записку.

Я ее подал, и он обещал опять, что первый я открою кампанию и что подчиненные мои будут награждены.

Сменяют Ермолова⁸. Я остаюсь, ибо хоть люблю и уважаю его, но служу не ему, а России и царю русскому. Назначают команды генералам, обо мне молчат, я продолжаю ждать, что будет. Наконец посылают авангардным начальником Бенкендорфа и немедленно дают команду (6000 пехоты и более 1000 кавалерии). Панкратьеву⁹ команду отдельную и самую блистательнейшую в целом корпусе. Ты сам знаешь, что Панкратьев даже и по вступлении моем вновь в службу 38¹⁰ генералами меня ниже. Это уже перешло меру терпения, я написал Дибичу, что ему известно, что я не просился в Грузию, а назначен был милостивым выбором государя и что не осрамил его выбор, изгнав неприятеля из той части Грузии, из коей предоставлено мне было его выгнать, что я без команды, когда как дают команды младшим меня по службе генералам, что* я не ропщу за сие на начальство и полагаю, что генералы сии пользуются доверенностию оно-го, а я лишен доверенности, почему, находя себя в корпусе лишним, прошу позволить мне за болезнию отъехать к Кавказским минеральным водам, а потом в Россию. Дибич отвечал, что ему неизвестно насчет предположения моего, будто бы начальство не имеет ко мне доверенности, что Бенкендорфу дан авангард по назначению самого государя, а Панкратьеву отдельная команда потому, что он ближе к оной меня (как будто я не мог там же быть на третий день? Она от Тифлиса была в 300 верстах) и что по неимению теперь никакой команды, которая бы могла быть мне вверена, назначение мне должно ожидать впредь от Паскевича, смотря по

* Далее фрагмент не поддается прочтению.

обстоятельствам будущих военных действий. Это слово в слово! Я отвечал ему, что, будучи удостоверен письмом е<го> в<высоко>п<ревосходительства>, что нет мне команды, я вижу, что не зная <на> желание мое служить с пользою сию кампанию, я не могу сего сделать без войск и собственно моею особою, следовать же за главною квартирою больным и без команды, влача двадцатишестилетнюю боевую мою службу, некогда уваженную, было бы для меня слишком тягостно, почему прошу отпуска к водам и потом в Россию.

Меня отпустили с радостью как докучного замечателя, и я уехал к водам, где получил в высочайшем приказе благодарность вместе с моими подчиненными 10 месяцев спустя после дела моего при Мирачах, которое даже в сем приказе и не названо, а просто глухо сказано: «за отличие, оказанное в сражениях против персиян».

Вот тебе, любезный друг, все мои приключения. Признайся, что я необыкновенно несчастлив; ревности много, но где не кинь, так клин!

Все сии огорчения так потрясли мою нравственность, что я занемог весьма серьезно и несколько раз был в опасности (всякий чувствует по-своему), теперь только начинаю оправляться и, если Бог даст, выздоровлю, то не попадусь уже в сети от лишней ревности!

Итак, прости, боюсь, что наскучил письмом моим, но, повторяю тебе, нельзя было мне не уведомить тебя обо всем, ибо мнение твое для меня слишком дорого. Прости еще, люби, как прежде верного друга

Дениса.

¹ Письмо посвящено описанию военных действий отряда Давыдова периода начала русско-персидской войны 1826–1828 гг. (Война была продиктована стремлением Персии возратить себе Восточное Закавказье. Закончилась Туркманчайским миром, по которому к России отошли Эриванские и Нахичеванские земли.) Этот этап военной биографии Давыдова хорошо известен благодаря ряду работ: *Жерве В. В.* Партизан-поэт Д. В. Давыдов. СПб., 1913; *Задонский Н.* Давыдов. М., 1979; *Маркелов Н.* Персидский поход Дениса Давыдова // Ставропольский хронограф на 1999 год. Ставрополь, 1999. С. 143–150 и др. Кроме того, самим Давыдовым был составлен «Журнал Персидской войны 1826–1827 гг.» (ЦГВИА. Ф. 717. № 36). Персидский поход нашел отражение и в лирике Давыдова (стихотворение «Полусолдат», 1826).

² Имеется в виду победа, одержанная И. Ф. Паскевичем в сражении под Елизаветполем 14 сент. 1826 г.

- ³ *Мадатов* Валерьян Григорьевич (1782–1829), князь, генерал-лейтенант. В 1816 г. по представлению А. П. Ермолова переведен в Отдельный Кавказский корпус, известен как его ближайший помощник; герой Кавказа.
- ⁴ И. Ф. Паскевич прибыл в Тифлис в августе 1826 г., но двоеначалие в армии продолжалось еще до марта 1827 г.: 28 марта 1827 г. он был назначен командиром Отдельного Кавказского корпуса с правами главнокомандующего.
- ⁵ *Вельяминов* Алексей Александрович (1785–1838), генерал-лейтенант, начальник штаба Отдельного Кавказского корпуса; с 1831 г. — командующий войсками Кавказской линии.
- ⁶ Представление Давыдова к награде было подписано А. П. Ермоловым весной 1827 г., о чем свидетельствует соответствующий аттестат от 2 мая 1827 г., выданный Давыдову (Сочинения Дениса Васильевича Давыдова. Изд. 4, испр. и доп. Ч. 3. М., 1860. С. 135–136).
- ⁷ Начальник Главного штаба И. И. Дибич в 1827 г. был отправлен Николаем I на театр военных действий ввиду разногласий между А. П. Ермоловым и И. Ф. Паскевичем для расследования положения дел.
- ⁸ Отставка А. П. Ермолова (20 марта 1827 г.) имела колоссальный резонанс в русском обществе. Впоследствии в статье «Воспоминания о польской войне 1831 года» Давыдов описал обстоятельства удаления Ермолова с Кавказа (*Давыдов Д. В.* Сочинения / Под ред. А. О. Круглого. Т. 2. СПб., 1893. С. 249).
- ⁷ Панкратьев Никита Петрович, генерал-адъютант, генерал-лейтенант (1788–1836). 5 июля 1827 г. был назначен командиром 20-й пехотной дивизии и в ходе русско-персидской войны одержал с ней ряд побед; награжден орденом св. Владимира 2-й ст. Н. П. Панкратьев «пользовался особенным расположением и покровительством фельдмаршала Паскевича, много способствовавшего блеску его военной карьеры» (Русский биографический словарь. Павел, преп. — Петр (Илейка). СПб., 1902. С. 257).

16.

10 октября <1828>. Москва

Друг любезнейший и почтеннейший, милый мой Киселев. Как я рад, что ты одним словом снял с меня гнет несносный! Знаешь ли, что я начинал на тебя сердиться и пенять тебе за твое преступное молчание? Я писал к тебе два письма, одно с Мадатовым¹, другое с Бакуниным². Зная труды и занятия твои, я не ждал от тебя длинного письма, но ждал одного слова, ибо то, о чем просил тебя, было для меня дело важное³. Ты, злодей, хоть бы кивнул головою! Но полно об этом говорить, дело прошлое, и я вполне удовлетворен тем, что ты ко мне по-прежнему.

Брат твой Сергей читал мне твоё письмо к нему, где, между прочим, ты препоручаешь ему сказать мне, что старания твои и Васильчикова были неудачны и что ты полагаешь, что весною дело может сладиться⁴.

Спешу уведомить тебя, друг любезный, что в течение сего года мучительная и опасная болезнь, вывезенная мною из Грузии, так усилилась, что не токмо я <не> годен на труды военные, но вряд в состоянии буду ещё год носить мундир. Я не только <не> могу уже теперь сам вызываться на поле ратное, но ежели по какому-либо случаю вспомнят обо мне, то прошу тебя и даю тебе право решительно объявить о моей телесной неспособности к подъятию беспокойств бивачной жизни. К тому же, между нами сказать, нужна и соразмерность лет с чином. Ныне генерал-майорский чин от ограниченности команд, по сему чину даваемых, соответствует прежнему штаб-офицерскому чину и потому требует той телесной подвижности, которую в 45 лет иметь неестественно. Ты не заключи, ради Бога, чтобы через то я требовал себе чина генерал-лейтенанта — нет, я не имею на сие права, живши без дела, тогда как другие служили. К тому же я не просил этого чина и тогда, как я служил противу персиян и во время боевой моей службы был обойден двумя генерал-майорами (Угрюмовым и Ушаковым), служившими в России на мирных полях экзерциции и на паркет⁵. Я говорю тебе о том потому только, что к болезни моей и чин мой, в коем служба требует больших телесных усилий, соделывают меня совершенно неспособным продолжать оную. Грустно произнестъ это слово и отстать от поприща, избранного мною с детства моего и от ремесла, к познанию которого я положил весь умственный капитал мой... но что делать? Дух бодр, да плоть немощна, как говорит пословица. Рад бы служить, да силы нет! Вот моя исповедь, пусть она послужит основанием твоим ответам на счёт мой, если когда-либо на мой счёт будут вопросы.

Сожалею, что здоровье твоё не избегло влияния климата, которого я довольно знаю, ибо некогда платил ему дань за Дунаем⁶; дай Бог тебе быть бодрым и здоровым, ибо как тебе, так всему свету скажу, что ты нужен отечеству, в этом никто меня не переуверит, пока жив буду.

Пожалуйста, друг любезный, помоги бывшему моему адъютанту Ломоносову, который под судом и коего сентенция будет много зави-

сеть от тебя⁷. Он мальчик молоденький. Я говорю в том отношении помощи, что если он подвергнется наказанию, дай ему немедленно случай быть в огне и заслужить его проступок. Весьма ты меня одолжишь.

Прости, будь таким же, как был к верному твоему другу

Денису.

- ¹ См. прим. 3 к предыдущему письму. На балканском театре русско-турецкой войны 1828–1829 гг. В. Г. Мадатов командовал 3-й гусарской дивизией.
- ² *Бакунин* Иван Михайлович (1802–1874). В 1829 г. — штаб-ротмистр, адъютант кн. В. Г. Мадатова. В февр. 1829 г. награжден Анненским крестом III ст. с бантом (*Сысоев В.* Бакунины. Тверь, 2002. С. 44).
- ³ Киселев участвовал в русско-турецкой войне 1828–1829 гг. сначала как начальник штаба 2-й армии, а затем как командующий 4-м резервным кавалерийским корпусом (1829). «Дело важное», о котором просил его Давыдов, касалось определения его вновь на службу в действующую армию. Подтверждение этому находим в письме А. А. Закревскому от 6 авг. 1828 г.: «Ты, верно, знаешь, — писал Давыдов, — что я не выдержал и просился на битвы — но мне добрые люди, коим я препоручил о том стараться, даже и *не отвечали!*» (СБРИО. Т. 73. С. 553). Дальнейшее содержание письма подтверждает эту мысль: состояние здоровья Давыдова таково, что он вынужден отказаться от своей просьбы.
- ⁴ Можно предположить, что речь идет о продлении аренды (она была крайне необходима Давыдову ввиду «денежного расстройтва»).
- ⁵ Об этом же, но более подробно Давыдов писал А. А. Закревскому 14 июня 1830 г.: «Неужели не уважат долготерпеливую и иногда блистательную мою службу? Тем более, что отставкой с чином я ни у кого дорогу не перебиваю. Тем более, что в первую кампанию Персидской войны почти в том месяце <...> произведены были младшие меня генерал-майоры в генерал-лейтенанты (Угрюмов и ген<ерал>-адъ<ютант> Ушаков)...» (Письма Д. В. Давыдова / Публ. М. Фалалеевой // Река времен. Кн. 5. М., 1996. С. 93).
- ⁶ Давыдов напоминает о своем участии в русско-турецкой войне 1809–1810 гг.
- ⁷ Сведения об этом лице не обнаружены.

17.

28 мая 1834. С. Маза Симбирской губернии
Сызранского уезда

Хотя ты меня забыл, совсем забыл, но я не могу забыть того, кого так давно люблю, могу сказать, братскою дружбою, и потому, невзирая на взаимное и долгое наше молчание, спешу поздравить тебя и уверить тебя, что мало кто более меня радуется твоему производству; будь в этом твердо уверен¹. Ты, конечно, при дворе не нуждался ни в лобызаниях, ни в рукожатиях по этому случаю, — но, зная тебя, как я знаю, думаю, что ты предпочтешь изъявление чувств старинного друга и ныне степного пахаря всем мадригалам челяди в золотых ливреях.

Сколько времени утекло с тех пор, как мы с тобою на выдальсь! Сколько событий разделяют эпоху нашего последнего свидания в Москве и письмом, теперь к тебе посылаемым! Где ты ни был, где я ни был! Но ты видал меня в газетах на казачьей кляче с нагайкою в руках, а я видел тебя в них государственным человеком; большая разница!

Я подаю голос — жду отголоска на *ау* мое. Верный друг Денис.

¹ Давыдов поздравляет Киселева в связи с производством в генералы от инфантерии (22 апреля 1834 г.).

18.

12 апреля 1838. Москва

Любезнейший и почтеннейший друг, Павел Дмитриевич! Не тебе время заниматься пустыми фразами, и потому приступаю прямо к делу, помощи, если можешь.

У нас слухи, что Вельяминов умер¹. Я чувствую, что место, которое он занимал, по мне, и я надеюсь, что меня на него станет. Там и жгут порох, и требуются труды кабинетные, и честность неколебимая. Все это мое дело, за все это я берусь, по крайней мере, в честности и в рвении не будет недостатка.

Поговори о сем, с кем нужно и как старинный друг поручись за меня. Можно — хорошо; не можно — так и быть, не в первый раз я встречу неудачу в моих предприятиях.

Извини, что я отвлекаю тебя от важных занятий твоих; но кроме тебя у меня нет другой опоры. Откровенно скажу тебе, что кроме этого

места я никакого не возьму добровольно, а для этого готов пожертвовать всеми моими необходимыми хлопотами и занятиями хозяйственными.

Преданный всей душою

Денис.

¹ См. о нем прим. 5 к письму 15.

19.

20 марта 1839. Маза

Хочется мне, чтобы ты прочел, любезнейший друг, одну бумагу, которая в здешнем краю наделала несколько шуму не по достоинству своему, а по обстоятельствам, которые породили ее¹. Не думай, чтобы имение мое было в чрезполосном владении с удельными крестьянами или с крестьянами государственных имуществ². Нет, мое имение, слава Богу, в *окружной меже*, следственно, я бы мог на все такие происшествия глядеть хладнокровно, если б во мне не билось сердце русское и без поддела русское и если б душа не болела при виде всякого противозакония. Прочти, пожалуйста, мою посылку и полюбуйся смыслу, в каком действует удел в нашей губернии. Это выходка против имения гр. В. В. Пушкина, детей которого попечителем гр. Бенкендорф³. Что ж после того другие помещики должны ожидать, помещики без связей, без родства, без покровителей? Меня иногда до того бесят подобного рода происшествия, что я бы не прочь от домогательства генерал-губернаторского места обеих этих губерний. Ты смеешься? А я уверен, что я много подобных дел мог бы остановить и много выполоть вредной травы с этих двух полей. Конечно, мудрено искоренить все беззакония, но по крайней мере с моим рвением и с моей честностию все-таки можно сделать много полезного. Независимо от рвения и честности, я с польской войны в третий раз в этой стороне; один раз прожил два года, другой — полтора, а третий — один год и все партикулярным человеком, простым помещиком, следственно, лучше всякого ревизора смог видеть все и вникнуть во все и потому знаю и местность, и людей, без дел живущих в этой стороне, и его управляющих. Но дело в том, что домогательство это трудно. Если б и определили генерал-

губернаторство для этих губерний, то много и без меня найдется на него охотников, живущих у самого источника благ и милостей, а между тем я и сам, как свешу свои способности, я и сам пугаюсь такого рода мест. Где, кажется, нашему брату — гусару, казаку, партизану управиться с такими обширными и многосложными обязанностями! Может быть, я смотрел на него не с той точки зрения или совсем не смотрел на него, а потому не видел его достоинств.

Но я забыл, что пишу министру, и потому повторяю тебе: не пренебреги бумагой, которую я к тебе посылаю, прочти ее, а письмо мое брось в камин и забудь о нем.

Душою тебя любящий и ею же и всей силою ума своего уважающий тебя

Денис.

- ¹ По мысли Давыдова, эта «бумага» должна представлять интерес для Киселева как министра государственных имуществ.
- ² Имеется в виду полученное за женой, С. Н. Давыдовой (ур. Чирковой), имение Верхняя Маза Сызранского уезда Симбирской губернии (см. о нем: *Романова Г. В.* Сызранское имение Давыдовых // Отечественные архивы. 1998. № 4. С. 92–93).
- ³ Речь идет об А. Х. Бенкендорфе (Бенкендорфы были помещиками Симбирской губ.). «Бенкендорф стал поверенным духовного завещания крупного симбирского помещика В. В. Мусина-Пушкина, скончавшегося в 1835 году. По решению суда в 1837 г. его имение в селе Заборовка Сызранского уезда было передано в распоряжение опекунского совета» (*Кузнецов А.* Именитый путешественник // Мономах. Ульяновск, 2006. № 3. С. 49). «Выходка», возможно, состояла в том, что губернские власти принуждали продать это имение вместе с крестьянами Ведомству уделов.

С. А. Васильева

Ф. Н. ГЛИНКА О ВОЙНЕ 1812 ГОДА

1812 год занимает в творчестве Ф. Н. Глинки особое место. Участник войны, он отразил многие ее события в «Письмах русского офицера» и «Письмах к другу», «Очерках Бородинского сражения» и многочисленных стихотворениях. Война с Наполеоном была настолько значима и в истории России, и в жизни самого Глинки, что отголоски ее встречаются в произведениях, написанных много лет спустя.

I.

Глинка был религиозным философом. Веря в существование загробной жизни, он многие бытовые явления наполнял мистическим содержанием, вкладывал в них пророческий смысл, а сны рассматривал как один из способов познания жизни, ее внутренних законов. Отношение к снам, видениям (которые являлись у Глинки пограничным состоянием между сном и бодрствованием) как к пророчествам нашло отражение и в его художественных произведениях. Многие записи Глинка обозначает как «сны», «видения», «из записок видящего», «слова и видения»¹. Сам автор объясняет появление в своем творчестве этого жанрового образования таким образом: «На *духовном горизонте* являлись *виды, образы*, иногда оставались *по три дня сряду, пока их не переносили на бумагу*: тогда уже исчезали из виду и памяти видящего. Видения являлись большею частью *на молитве* и сопровождались *такою* радостью, что *видящий*, полный восхищения и сладости, чувствовал чудесное, восхитительное, – как бы переносился совсем *в иной мир*. – Казалось, на земле оставались только его одежды!!! <...> в сем извлечении порядка не означено:

¹ См.: Государственный архив Тверской области (ГАТО), ф. 103, оп. 1, ед. хр. 1028–1037, 1041–1044, 1047. В ГАТО сохранился большой рукописный фонд литературных произведений и бытовых документов Глинки, поскольку долгие годы он был связан с Тверью и Тверской губернией, где вел активную общественную деятельность (был гласным Тверской думы, создал ремесленное училище, руководил археологической частью создаваемого Тверского краеведческого музея и пр.), занимался литературным творчеством.

порядка искать не должно. Тут все смешано, но зато *совокуплено* в одно целое»².

В Государственном архиве Тверской области хранится произведение, названное Глинкой «Слова и видения (из записок видящего)». В «видениях» Глинка пытается приблизиться к пониманию Бога, описать видевшихся ему ангелов, рисует аллегорические картины очищения души, выбора правильного жизненного пути и т.д. Не оспаривая Священного писания, Глинка предлагает свою версию сотворения Земли и других миров, возникновения жизни на других планетах, гибели цивилизаций. В одном «видении», например, он описывает сотворение Богом новой вселенной; в другом – жизнь на Солнце, мир великанов, планету, приговоренную к уничтожению. В этом отношении Глинка был, безусловно, новатором. К проблемам гибели и рождения планет-цивилизаций, существования других миров во вселенной и философия, и литература обратились значительно позднее.

Одно из «видений» датируется 26 августа 1823 г., днем Бородинской битвы. Сражение, во многом решившее судьбу всей войны, осмысливается Глинкой с религиозных позиций.

<Рис.³>

Так, как пишется икона Владимирския Богоматери (*).

(*) 26-го августа есть праздноство Владимирск<ой> Б<ого>м<атери>; 26 августа: битва Бородинская. Икона Вл<адимирской> Б<ого>м<атери> писана евангелистом Лукою! – Ею отведено от Рос<сии> нашествие татар.

На 27 августа 1823 года видящий видел икону Божией матери. *Поле* иконы было *золотое*, на нем *Мат<ерь> Бож<ия>* написана красками. У иконы *шесть крыл*. На самой иконе, под изображением (Владимирской м<атери> Б<ожией>) *красными буквами* написана – молитва:

Шестикрылая Матерь Божия, владычествуя *и в области серафимов* шестокрылых, введи мя, многогрешнаго р<аба> Б<ожия>, *и в те дальние круги* таинственные, да, Духом предстоя (там) Господу моему, радуюся! – Аминь! –

² Цит. по: Глинка Ф. Н. Опыты аллегорий, или иносказательных описаний, в стихах и в прозе / Сост., автор статьи и примеч. Ю. Б. Орлицкий. М., 2009. С. 256. Здесь и далее в цитатах курсив Ф. Н. Глинки.

³ Рисунки: схематичное изображение иконы с надписью «Владимирская», вокруг иконы — шесть крыльев.

(молиться по воскресеньям и всегда).

После видения сей иконы, которая улетала в высоты, видящий чувствовал, что и его душа, отлучаясь, улетала туда же. Боясь расстаться с душою, он восклицал: «Г<оспо>ди, пощади душу мою!» – И видел он (видящий) себя у серафимов. Эти шестокрылые одарены необъятными силами, но смиренны и покорны пред Господом. Они взяли душу видящего и полоскали ее, как грязную тряпицу. Так выражается сам видящий. Они полоскали ее во свете живом *для смывия* (как они говорили) *лукавства* с нее. Потом, мало-помалу, видящий спустился опять, как на парашюте, на землю.

<Рис.⁴> (*)⁵

После иконы видящий увидел *крест* весь чисто- и *блистательно-золотой*, около которого было *шесть* как бы орлиных крыльев, сложенных *по-серафимски*. =

= Распятый *как живой*. Глава Иис<уса> Х<риста> увенчана свежими розами, *алыми* и *белыми*. Распятый как бы улыбается, и серафимы поют ему. Около креста видно *восемь змей с золотыми головками*. – Тут также открылась *красными буквами*

Молитва:

Крест шестокрылый! Быстро и блистательно возносящийся к тем странам небес отдаленнейшим, где *шестокрылые серафимы*, с песнопением, во трепетном благоговении, молятся Тебе *с простою младенческою* и, хваляся Тобою, ликуют пред Господом во свете непомеркающем, *иже от света светов...* Увлеки, вознеси и меня за Тобою, *к тебе пригвожденного сердцем*, Тебя *объемлющего Духом: да и я*, премногогрешный! *воссорадуюсь с шестокрылыми* Твоему победоносному *светозарию* и, укрепленный Тобою, в оных, мне *без тебя* недосягаемых странах, *воссмотряю на Господа, спасающего мя!*

Аминь.⁶

⁴ Рисунок: распятие, вокруг — шесть крыльев.

⁵ (*) Сноска Ф. Н. Глинки приписана сбоку карандашом: «Грустно мне, что я рисую так безобразно такие высокие изображения! – Но я уже *заявил*, что вовсе *рисовать не умею!*»

Согласно преданию, Владимирская икона Пресвятой Богородицы написана святым апостолом и евангелистом Лукой еще при жизни Богородицы на доске стола, за которым совершало трапезу Святое Семейство. В начале XII в. патриарх Лука Хрисоверг послал специальный список в дар великому князю Юрию Долгорукому. Сын Юрия Долгорукого, Андрей Боголюбский, отправляясь с юга России на север, взял икону с собой. Проехав через Владимир, князь Андрей не смог заставить лошадей стронуться с места. Во время молитвы князю явилась Царица Небесная и повелела оставить чудотворную икону во Владимире. С тех пор икона стала называться Владимирской.

Русская церковь установила троекратное празднование Владимирской иконе, каждое связано с избавлением русского народа от иноземцев. Один из дней – 26 августа (по старому стилю), в память спасения Москвы от нашествия Тамерлана в 1395 г., в этот же день состоялась и Бородинская битва.

Значимым является количество крыльев, окружающих икону и распятие в «видениях» Глинки. Согласно иконографической традиции, с шестью крыльями изображались лишь серафимы – их относят к «высшей иерархии», они предстоят к Богу без посредства прочих (херувимы, тоже относящиеся к «высшей иерархии», изображаются четырехкрылыми).

Можно предположить, что это «видение» подтверждало мысль Глинки, часто встречающуюся в его произведениях, об избранности России, о Божественном покровительстве. Идея избранности часто встречается и в других видениях: «...имел он (видящий. – С. В.) одно видение, показывавшее *особенную* заботливость провидения о России. Раз, сидя в богатом доме В, почувствовал он в себе *нечто*, закрыл глаза и увидел идущих (вне дома, по воздуху) *святых*, в полном облачении, с кадилами, крестами. Кто это такие? Ему сказали: “Это московские и всея России чудотворцы: *Петр, Иона и Алексий*”⁷ и с ними *Николай Чудотворец*”. В самом деле, св. Николай шел тут же с своим *особенным крестом*. О цели их шествия сказано: “Это *святые* идут в помощь к Ангелам *спасать Россию*”. – Через несколько времени видящему представилось лентие, в середине каждого написан *Лик Спаса* и под оным слова: “Россия спасенная”. – Лентие имело все четыре края *внутри вогнутые*”⁸. Сны и видения сопровождали Глинку на протяжении многих лет и отчасти являлись источниками его художественных произведений, в том числе поэмы «Таинственная капля».

⁶ ГАТО, ф. 103, оп. 1, ед. хр. 1033, л. 7 об.–8 об.

⁷ Празднование памяти святителей Петра, Ионы, Алексия, Московских и всея России чудотворцев, установлено в один день, 18 октября (с 1596 г.); позднее к ним были причислены святители Филипп (1875) и Ермоген (1913).

⁸ ГАТО, ф. 103, оп. 1, ед. хр. 1033, л. 3 об.–4.

II.

В 1840-е гг. на «понедельниках» у Глинок, где собирались Тютчев, Хомяков, Шевырев, Погодин, Даль, Лажечников, «складывается обстановка, где память о войне 1812 года становится господствующим настроением»⁹. Глинка «много пишет о минувшей Отечественной войне, переиздает напечатанные ранее, еще в двадцатые годы, военные стихи из сборника “Подарок русскому солдату”»: в “Москвитяине” печатаются его воспоминания о кадетском корпусе, о генерале Милорадовиче, о походах русской армии»¹⁰. Отношения к событиям 1812 г. уже вполне отражены, но, как свидетельствуют рукописи, Глинка вновь и вновь пытается осмыслить и саму войну, и ее последствия в самых разных аспектах и самых разных жанрах.

Еще один текст, имеющий отношение к событиям 1812 г., датируется 1844 г. Глинка посетил глазную больницу и написал очерк «Глазная больница в Москве (1844. Март 16)»¹¹. Очевидно, в этой больнице автор познакомился с героиней второго очерка (в рукописи они следуют один за другим) – слепой вдовой А. А. Афанасьевой.

Глинка много раз ставил в своих произведениях проблему помощи бедным, инвалидам, пострадавшим от различных несчастий. Через несколько лет после окончания войны с Наполеоном он восхищается государыней Марией Федоровной: вместо гордых стражей в Павловске он находит «добрых израненных солдат». Ниже уточняет, что всего раненых солдат, несущих службу в Павловске, 2000 человек, а третью тысячу государыня берет на собственное попечение – они все сыты, одеты, обласканы и получают хорошее жалование¹². В этом автор видит «пример для богачей: пусть всякий также возьмет по несколько инвалидов. Они будут стражами его лесов, садов, надзирателями полей, сельских работ и проч., а он постарается успокоить защитников его спокойствия, верных слуг его отечества, – и тогда уже не так, как теперь, необходимы будут нам инвалидные дома, которыми по справедливости восхищались мы в чужих землях»¹³.

Проанализировав состояние благотворительности в Европе («О состоянии бедных и способах благотворить им»), он заключает: «Приятно рассуждать так о своих на чужбине; но еще приятнее было мне увериться, что и *поныне склонность* к благотворению господствует в сердцах многих соотечественников наших»¹⁴. В пример он приводит отклик на уведомление, напечатанное

⁹ Карпец В. И. «И мне равны и миг, и век...» // Глинка Ф. Н. Стихотворения. 1810–1880. М., 1986. С. 319.

¹⁰ Карпец В. И. Ф. Н. Глинка // Герои 1812 года / Сост. В. Левченко. М., 1987. С. 501.

¹¹ ГАТО, ф. 103, оп. 1, ед. хр. 986, л. 8–10.

¹² Глинка Ф. Н. Письма к другу / Сост., вступ. ст. и коммент. В. П. Зверева. М., 1990. С. 188–189.

¹³ Там же. С. 189–190.

¹⁴ Там же. С. 249.

им в «Русском вестнике», об «утративших все свое имущество в пожарах и разорениях, врагом причиненных»: на обратном пути положение уже было другим, «жилищем семейства сего была порядочная светлица, подле которой удобренная нива обещала достаточную жатву»¹⁵.

Героиня очерка «Живой остаток от пожара Москвы» тоже пострадала в 1812 г. Отдельными штрихами автор «Писем русского офицера» и «Очерков Бородинского сражения» воссоздает события Отечественной войны. История семидесятилетней А. А. Афанасьевой дает Глинке повод вновь вспомнить о войне с Наполеоном, о пожаре Москвы, включив в свой рассказ и «другой» взгляд на войну, соотнося восприятие русских и французов. Масштабность картины сохраняется, но приобретает и новые оттенки. Продолжает ретроспекцию изображение Москвы 1840-х гг.: она стоит ожившая, восстановившая силы, похорошевшая. Но, не будучи равнодушным, среди всеобщего благоденствия Глинка всегда умеет увидеть страдание: в очерке он привлекает внимание благодетелей к судьбе бедной слепой вдовы.

Живой остаток от пожара Москвы¹⁶

После великого сражения Бородинского полчища французские, еще огромные, страшные, но с знаменами уже вполовину разорванными, покрытые кровью, осмугленные порохом, жили одним желанием, двигались одною надеждою: желанием увидеть скорее Москву, надеждою развернуть свое знамя победы на священных стенах нашего Кремля. И сбылось это желание, исполнилась надежда! –

2-го сентября на полугоризонте Москвы, со стороны Смоленска, заметили подвижные тучи, из которых, по временам, вылетали красные космы огня и клубы сизого дыма. В 2 часа пополудни войска наполеоновы стояли уже на Поклонной горе. Между этими войсками красовались полки гвардии – единственные из орлов императорских, у которых пожар бородинский не спалил еще крыльев. – «Что представилось нам при первом взгляде на Москву (говорит один франц<узский> писатель)? Это не был просто город: это городá, сдвинутые вместе! это нечто более! это было видение воображения пылкого, обвороженного чарами восточных

¹⁵ Там же. С. 247, 249.

¹⁶ Печатается по рукописи: ГАТО, ф. 103, оп. 1, ед. хр. 986, л. 11–14. Установить, был ли опубликован этот очерк в 1840-е гг., не удалось.

обаятелей. Целый мир, целое *новое* творение представилось глазам наших воинов, не встречавших ничего подобного в пройденной ими Европе. – Это море пестроты и разнообразия, эти громадные здания – произведение веков, эти сады, зеленеющие на скатах холмов, эти вылетающие стрелами колокольни подле вековых своих церквей и все это под каким-то магическим покрывалом позолоты, ярких красок, серебра, синизны и лазури очаровало, обезумило наших воинов». Так говорит француз, вероятно *очевидец*. «Наполеон (рассказывает русский, конечно также очевидец), не видя никаких движений со стороны Москвы, приказал сделать сигнал из пушки. Через пять минут он уже был на лошади, свита и генералы окружили его. И вдруг вся эта *историческая* толпа <нрзб> во весь опор понеслась к Москве. Это был знак к движению. Весь авангард и часть армии, с невероятною быстротою помчались за предводителем. <Нрзб> строи артиллерии, конница, одетые шишаками и латами, скакали как на праздник во всю конскую прыть. Пехота неслась бегом. – Скрып колес, топот лошадей, звяканье оружия и шум бегущих и скачущих тысячей слились в один дикий, протяжный гул... Через 12-ть минут все очутилось у *Дорогомиловской* заставы». –

Но торжество неприятеля ненадолго! – В ту же ночь туманно-оловянное небо над Москвою окатилось огромным заревом.

«Один Кремль (говорит опять француз) стоял, еще не тронутым, как темная скала над красным морем сердитого огня. Сто *Везувий*, сдвинутых вместе, в самом пылу их подземной работы, могли бы разве дать понятие о страшном, громокипящем пожаре Москвы».

И все прошло! Москва сгорела, остыла, стряхнула пепел, стала отстраиваться и засияла шире прежнего. Колокола московские завели протяжную благовестную песнь, Иван Великий поправил золотую шапку свою под новым крестом и все пошло по-старому. Попечительная рука опоясала молодеющую Москву *новыми*, в виде лент, гульбищами, обставила садами! – И все забыто! Мы сходили в Париж и не заплатили ему тем же! – Недалеко от Рейна повстречали мы русского маркиганта, который шажком и пешком тянулся в Россию. «Откуда едешь, друг?» – спросили у него. «Из местечка Парижа!» – отвечал он с самым спокойным видом. И все забыто! – повторяю я. Но долго – и среди общей радости – не забывали горя своего *бедные*, которые имели мало, которых пожар московский лишил *всего*! – И правительство, и частная благотворительность шли

навстречу страдальцам. Но самые великодушные розыски не могли открыть всех *уголков*, отереть всех слез! – Притом же были и потери ненаградимые! – Много прошло лет, и все менее и менее оставалось несчастных, оплакивающих свою *лучшую участь* до 12-го¹⁷ года. И вот теперь открылась *одна* – живой отломок от великой эпохи крови, слез и торжества. Это бедная старушка 70 годов! Уже 11-ть лет как *лишенная зрения*, не видит она Москвы, но живо помнит пожар ее, в котором лишилась *всего*. Всякой, у кого беда и горе не ощипали еще перьев, летает на своих крыльях, стоит на *своих ногах*, говорит *сам за себя*. Но кто говорит *за бедных?!* – Есть, однако же, голос, который говорит за них. «И когда услышите этот голос, *не ожесточите сердец ваших!*» – Этот голос недавно еще отзывался в подземном стук Арарата!¹⁸ – Но для Москвы, всегда благотворительной, всегда чуткой и к тишайшему гласу нужды и бедности, довольно указать перстом на темный приют, *где страждут и просят...* и мы это охотно делаем. – Прилагая (в выноске) адрес¹⁹ мы говорим: «Помогите бедной больной старушке, которая пережила Москву *старую* и просит помощи у *новой*».

III.

Подвиги русских в 1812 г. Глинка воспевал в поэзии неоднократно. В 1818 г. вышел сборник «Подарок русскому солдату». События 1812 г. в сознании многих современников актуализировали аналогию с 1612 годом²⁰. Глинка вообще считал, что объективная оценка событий возможна лишь по прошествии некоторого времени: «Деяния современные взвешиваются потомством. Современник, невольно покоренный собственным и чуждым страстям, колеблясь между страхом и надеждою, не может быть беспристрастным судиею. Одно время поднимет завесу непроницаемости, за которою таились все действия, предприятия и намерения дворов европейских. Происшествия спеют и только в полной зрелости своей очевидны становятся. – Люди поздних столетий яснее нас будут

¹⁷ В автографе: XII-го

¹⁸ Извержение Арарата, наивысшей точки Армянского нагорья и Турции, зафиксировано в 1840 г.

¹⁹ Коллежская советница Анна Алексеевна *Афанасьева*, вдова, слепая, живет в *Пятницкой части, в пятом квартале, в приходе воскресенья славущего*, что в Монетчиках, в доме диакона. – Примеч. Ф. Н. Глинки.

²⁰ Подробнее см.: *Лейбов Р.* 1812: Две метафоры // Тартуские тетради. М., 2005.

видеть наше время»²¹. Глинка полагал, что «война 1812 года неоспоримо назваться может *священной*. В ней заключаются примеры всех гражданских и всех военных добродетелей. Итак, да будет история сей войны <...> лучшим похвальным словом героям, наставницею полководцев, училищем народа и царей»²². В поэзии Глинка и создавал такую историю войны, описывая взятие Смоленска и пожар Москвы, воспевая подвиги партизан Сеславина и Давыдова, рядовых русских солдат. С Денисом Давыдовым Глинку связывали дружеские отношения и после войны. В ГАТО сохранилась записка Давыдова, адресованная Глинке:

«Извините, любезнейший Федор Николаевич за неаккуратность мою: вчера я не успел переписать то, что вы мне дали; нынче перепишу и завтра рано доставлю вам все. —

Преданный вам Денис Давыдов
2-го марта вторник»²³.

Крымская война в 1850-е гг. всколыхнула воспоминания о 1812 годе. Война с Наполеоном напоминала о подвигах русских в былые времена и вселяла надежду на победу. Знаменитое стихотворение Глинки «Ура!», вышедшее отдельным изданием в 1854 г. и вызвавшее огромный резонанс²⁴, тоже начинается с восторженных похвал русской армии за подвиги прошлых лет, «когда о грудь нашу стальную // Расшибся сам Наполеон!»²⁵ Главные темы «Ура!» и воспоминания о 1812 годе нашли отражение и в поэтических произведениях Глинки 1850-х гг., которые публикуются ниже²⁶.

Наполеон в русской избе

Обманутый своею целью,
Несбывшейся, в *минувшем*, видя сон,
Один, под русскою метелью,
Сидит в избе Наполеон!
И сколько дум и сколько предприятий
Кружились смутно пред вождем,

²¹ Глинка Ф. Н. Письма к другу. С. 157.

²² Там же. С. 176.

²³ ГАТО, ф. 103, оп. 1, ед. хр. 1099, л. 10.

²⁴ См., например, письма к Глинке Д. Бибина (ГАТО, ф. 103, оп. 1, ед. хр. 1078), А. Дубельта (Там же, ед. хр. 1079), П. Киселева (Там же, ед. хр. 1080) и др.

²⁵ Глинка Ф. Н. Ура! СПб., 1854. С. 4.

²⁶ ГАТО, ф. 103, оп. 1, ед. хр. 989, л. 4, 16, 10.

Когда, в снегах, среди разбитых ратий,
Сидел пред русским он огнем:
Печь нашу – сделали камином,
Кругом все был наш снег да мрак,
Наш ветер выл над исполином
И *гикал* в поле наш казак!
И вот как думал он о ратях, об отчизне:
Конец. Не встала ль мысль одна:
«Как скользок и *лукав* путь жизни
И как нам слава неверна!!!»

Снигиреву

Давно ли был 612-й,
А год наш 812-й
На памяти уж Вашей был.
И о 12-м²⁷ писали Вы,
И в том 12<-м> рыдали Вы,
Как пеплом он Москву покрыл!!!
От нас потом отчалили
Те дни и та пора;
Не знаем мы, кричали ли
В дни Минина: «Ура!»
Но наше войско русское,
И в полночь и с утра,
Нашествие французское
Гналó своим: «Ура!»
Теперь птенцы орлиные,
Как встарь, крылами бьют
И Запада змеинные
Движенья стерегут!
И скоро повсеместная

²⁷ В автографе здесь в следующем стихе: XII

Придет опять пора,
Что грянет песнь чудесная,
Трем недругам известная
В трехбуквенном: «Ура!»

Н. М. Коншину²⁸

Сколько раз бывало,
Как в полях пылало,
И кругом стонало
Поле и гора,
Эхо повторяло
Русское *ура!*..
Памятна вам эта
Давняя пора!
Но на сцене света
Вновь пошла игра —
И, как в древней Трое,
Собралися трое, —
Все враги добра.
И, с конца апреля,
(Русский Бог велик!)
Разом в *трех* нацеля
Троегранный штык,
Гостю для закуски,
Гаркнем мы по-русски —
Русское *ура!* (Л. 10).

²⁸ В черновом автографе эпиграф: «И что мы русские пред светом скажем вслух!»

С. А. Кибальник

НЕИЗДАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ Н. И. ГНЕДИЧА

В РГИА (ф. 1093 (Архив П. Е. Щеголева), оп. I, № 331) хранится список (предположительно конца XIX в.) двух произведений Николая Ивановича Гнедича, выполненный рукой неустановленного лица. Авторство Гнедича обозначено карандашом, другим почерком (л. 1): «Неизданные произвед<ения> Гнедич (Н. И.)».

Лл. 2–4 этой рукописи занимает «Дифирамб на рождение П. А. Нилова» (помеченный автором списком 1816 г.), лл. 5–11 — драматический <«Отрывок комедии из жизни запорожских казаков»>¹ (так он обозначен в описании рукописи, датировка отсутствует — не позднее 1824 г., года смерти княгини Е. И. Кутузовой-Смоленской; см. ниже).

Содержание и язык обоих произведений скорее подкрепляют предположение об авторстве Н. И. Гнедича, чем заставляют усомниться в его справедливости: и потому что относятся они к людям, с которыми Гнедич был связан (П. А. Нилов), или к обстоятельствам, на которые он отзывался в других произведениях (Отечественная война 1812 года), и потому что одно из них написано по преимуществу украинским языком, которым он владел.

Петр Андреевич Нилов (1768–1839), «на рождение» которого написан «Дифирамб», в 1806 г. был тверским вице-губернатором, в 1812–1813 гг. занимал пост губернатора Тамбова, а в 1820–1823 гг. — губернатора Казани. Он был сыном тамбовского помещика А. П. Нилова, старинного приятеля Г. Р. Державина. В 1799 г. П. А. Нилов, в то время гвардейский офицер, женился на Прасковье Михайловне Бакуниной, которая была в родстве с Г. Р. Державиным и выросла в его доме. Посвященное ей стихотворение Державина «Параше» (1798) было написано как раз «на любовное искание Петра Андреевича Нилова»².

¹ Небольшие фрагменты из них ранее были приведены в моей статье: «Афинская звезда» // *Белые ночи. Очерки. Зарисовки. Воспоминания. Документы.* Л., 1989. С. 234, 236.

² *Державин.* Т. 2. Ч. 2. С. 184–186.

В доме Ниловых собирались Н. И. Гнедич, К. Н. Батюшков, историк и археолог К. М. Бороздин (1781–1848), приходившийся двоюродным братом хозяину дома; здесь бывали И. А. Крылов и В. А. Озеров. По всей видимости, Гнедич бывал в этом доме с первых лет своего пребывания в Петербурге, т.е. с 1803 г. Здесь, по словам Батюшкова, «время летело так быстро и весело»³. П. М. Нилова отличалась необыкновенной красотой (Батюшков даже признавался, что Прасковью Михайловну «опасно видеть»⁴). В одном из писем к Батюшкову Гнедич писал: «Приезжай в Петербург, а здесь еще и Ниловы, и Самарина, и Гнедич, тебя любящие и жалеющие о праздных днях, которые проводишь ты бог весть где»⁵. И в другом письме: «Сколько раз миллионов воображал я о тебе на вечерах Ниловских? Истинные люди. Жаль, что ты не тут»⁶. Занимая в течение нескольких лет, в том числе и в грозный 1812 год, пост тамбовского губернатора, П. А. Нилов проявил себя в этой должности совсем неплохо⁷.

«Дифирамб на рождение П. А. Нилова» представляет собой, как гласит его подзаголовок, «шуточное подражание некоторым строфам дифирамба Вахку Рамлера, по переводу Бенитцкого». Переводное стихотворение рано умершего поэта Александра Петровича Бенитцкого⁸ (1782–1809) «Дифирамб Бахусу» Гнедич полагал образцовым произведением. В конце апреля — начале мая 1809 г. в цитированном выше неопубликованном письме, написанном незадолго до смерти А. П. Бенитцкого от чахотки, он писал Батюшкову: «Кстати — скажи Жуковскому, что грех не поместить в его собрание (Собрание русских стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев российских и из многих других русских журналов: В 6 ч. М., 1810–1815, которое готовил к изданию В. А. Жуковский. — С. К.) такой превосходной вещи, как Бенитцкого “Дифирамб Бахусу”, напечатанной в “Цветнике” 1809, в марте. — У нас же и нет

³ Батюшков К. Н. Письмо сестрам от 1-го июля 1809 г. // Батюшков К. Н. Соч. М., 1886. Т. 3. С. 37.

⁴ Батюшков К. Н. Письмо Н. И. Гнедичу от конца декабря 1809 г. // Там же. С. 70. Об увлеченности Батюшкова П. М. Ниловой см.: Майков Л. Н. Батюшков, его жизнь и сочинения. М., 2001. С. 20–22; Кошелев В. А. Константин Батюшков: Странствия и страсти. М., 1987. С. 38–39.

⁵ Письмо Н. И. Гнедича к К. Н. Батюшкову от 2 сентября 1810 г. (Письма Н. И. Гнедича к К. Н. Батюшкову / Публ. А. В. Чернова) // К. Н. Батюшков: Исследования и материалы. Сб. науч. трудов. Череповец, 2002. С. 313. Письма печатаются с выделенными полужирным шрифтом исправлениями по автографу: РО ИРЛИ. Р. I. Оп. 5. № 56 (Гнедич Н. И. Письма (14) к К. Н. Батюшкову).

⁶ Письмо Н. И. Гнедича к К. Н. Батюшкову от 9 янв. 1811 г. (К. Н. Батюшков: Исследования и материалы. С. 319).

⁷ Грибоедовская Москва в письмах М. А. Волковой и В. И. Ланской. 1812–1818 гг. // Вестник Европы. 1874. Кн. 8. С. 630.

⁸ См. о нем: Степанов В. П. А. П. Бенитцкий // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 1: А — Г. М., 1989. С. 237–238.

дифирамбов, а это и единственный и прекрасный — чрезвычайный!»⁹ Шутливый «Дифирамб» Гнедича, разумеется, лишь в самой общей форме соотносится с оригиналом немецкого поэта-классициста Карла Вильгельма Рамлера (1725-1798), произведения которого вызывали ироническое отношение уже у Ф. Шиллера и И.-В. Гете. Представляя собой скорее пародию, чем стилизацию, он передает атмосферу дружеского веселья, царившего в доме Ниловых, и воссоздает образ счастливого баловня судьбы — хозяина дома.

**Дифирамб
на рождение П. А. Нилова — шуточное подражание
некоторым строфам «Дифирамба Вакху» Рамлера,
по переводу Бенитцкого
(1816)**

Хор

Эван, эвоэ, чудотворец!
О, Нилов, Диониса внук!
Тебе покорны огонь и воды,
Тебе, могучий винокур! —
Столкнем, столкнем, о други, кубки,
Его кипящие вином!
Эвое! радостно запляшем,
Его рожденье воспоем.

Хор

О Петр Андреевич, эвое!
Степей тамбовских властелин!
Ты в люльке счастьем возлелеян,
На лоне роскоши возрос;
Ты сын беспечности, свободы,
Ты пестун дружбы и любви!
Эвое! радостно запляшем,
Твое прославим торжество!

⁹ Письмо Н. И. Гнедича к К. Н. Батюшкову от конца апреля — начала мая 1811 г. // К. Н. Батюшков: Исследования и материалы. С. 327.

Строфа

Бледнеют сонмы винотворцев
При образе твоей трубы¹⁰;
И Вакх, тобою изумленный,
На торжество твое предстал:
Я зрю его, эван, эвоэ!

Хор

Отец наш, друг, и царь, и бог!
Вот он, венчанный виноградом,
На сыне дебрей восседит,
На пестром тигре, укрощенном
Волшебством твоего вина,
Которое трубою дивной,
На зависть злобных торгашей,
Извлек ты из плода Цереры
Себе на честь, на радость нам! —

О, Нилов, дивный труботворец!
Издrevле был ты чудодей:
Ты повелел — и вдруг в чертогах
Восстали горы на полу!
Ты рек — базары и качили <?>
Рождались в доме для гостей!
Ты пожелал — и дети Феба¹¹
На радостных твоих пирах
[Пропущено] медведями плясали
В угодность дружбе и любви...
Чего не в силах ласки сердца?
Чего не может взор один
Твоей супруги милонравной?
Ты с нею, Нилов, чародей!

¹⁰ П. А. Нилов изобрел тогда новую винокуренную трубу. (Примеч. в рукописи.)

¹¹ В. А. Озеров (покойный) и И. А. Крылов. (Примеч. в рукописи.)

Во втором произведении списка, драматическом <«Отрывке комедии из жизни запорожских казаков»>, казацкая семья является на бал-маскарад, чтобы увидеть жену (ко времени его написания, скорее всего, уже вдову) фельдмаршала М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленского (1745–1813), княгиню Екатерину Ильиничну Кутузову-Смоленскую (1754–1824), и прочесть ей «козацьку виршу» в честь ее мужа. «Отрывок» построен на комическом столкновении непосредственного поведения казаков и обычного светского этикета. Уроженец Полтавы, приходивший из казацкого рода Гнеденок со Слободской Украины, Гнедич рисует своих земляков с мягким юмором, за которым ощущается та нежность, с которой он до конца своих дней относился ко всему, связанному с Украиной.

Со своим родным краем Гнедич не терял связей никогда. Едва ли не каждое лето навещался он в свое родное село Бригадировка Богодуховского уезда Харьковского наместничества, где после смерти отца жила его сестра Г. И. Бужинская¹². Прочная связь соединяет с Украиной и творчество Гнедича. Так, например, поэт неоднократно вспоминал в разных своих произведениях пение слепцов-кобзарей — одно из самых сильных впечатлений своего детства, во многом определившее выбор его главного литературного дела — перевод эпической поэмы Гомера.

Обращение Гнедича к подвигу Кутузова также не случайно. В 1812 г., в страшные дни, предшествовавшие назначению на пост главнокомандующего, Гнедич напечатал в августовском номере «Санкт-Петербургского вестника» перевод сцены из трагедии Шекспира «Троил». Мудрый Одиссей на военном совете ахейцев говорит об отсутствии единоначалия как о главной причине неудачи в войне с Троей. Перевод предваряло замечание переводчика: «Не красота трагических должно искать в нем; чистое нравочение глубоких истин, коими он исполнен, заслуживает внимания; а всего более превосходные мысли о необходимости терпения и твердости в важных предприятиях»¹³.

Гнедич тяжело переживал первоначальное отступление наших войск. «Нет, любезный друг, — писал он к К. Н. Батюшкову 3 октября 1812 г., — из Москвы я не получал письма твоего и только сегодня, получив письмо твое от 4 сент-ября» из Владимира, узнал я, что ты жив, ибо, слыша по слухам, что ты вступил будто в ополчение, считал тебя мертвым и счастливейшим меня. Но видно, что мы оба родились для такого времени, в которое живые завидуют мертвым, — и как не завидовать смерти Николая Оленина (погибшего в Бородинском сражении сына директора императорской Публичной библиотеки А. Н. Оленина. — С. К.) — мертвые бо срама не имеют... *Скоро Наполеон заплатит за свое любопытство видеть Москву* — это слова Бенигсена в письме его к графу

¹² Подробнее см.: Кибальник С. А. Н. И. Гнедич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 1: А — Г. С. 585–588.

¹³ Санкт-Петербургский вестник. 1812. Ч. 3. № 8. С. 131.

Орлову»¹⁴. Если еще до назначения Кутузова Гнедич печатно говорил о том, что для спасения отечества нужен военачальник, то после разгрома наполеоновских войск он был в числе тех русских поэтов, чей голос выделялся на фоне потока славословия в адрес императора: они писали и о подвиге полководца.

Несмотря на краткость, «Отрывок из комедии...» представляет собой вполне цельное (одноактное) драматическое произведение (комедию или водевиль), которое, возможно, было предназначено для исполнения любительской труппой на каком-то празднике: у Олениных, Ниловых и т.п.¹⁵ Одним из импульсов к его написанию для Гнедича могла послужить «анекдотическая опера-водевиль в одном действии» А. А. Шаховского «Козак-стихотворец» (1812), одним из главных героев которого был С. Климовский. (Герой «Отрывка» Гнедича, казак Ивашко, тоже сочиняет вирши и считает себя внуком Климовского¹⁶.) Действие у Шаховского происходит в Малороссии, вскоре после Полтавской победы, и строится, как и «Отрывок» Гнедича, на сопоставлении русских героев (один из которых переодетый солдатом Князь) с простыми малороссами, говорящими по-украински.

Центральный мотив водевиля — прославление русского «Царя», т.е. Петра I. Однако в 1812 г. это прославление, конечно же, проецировалось на будущие победы царя Александра I. Как и в заключительной «козацкой вирше» Ивашко, об этих победах у Шаховского не только говорится¹⁷, но и не раз поется. «Отрывок» Гнедича, возможно, сознательно противопоставлен водевилю Шаховского в том отношении, что прославляет подвиг не царя, а полководца. Если в финале у Шаховского вначале Климовский декламирует, а затем «Хор» поет следующие строки:

За честью и славой бились мы в поли;
Вирой и правдой вик проживем;
Русское счастье — царь на престоли:
В нем мы защиту в гори найдем¹⁸.

¹⁴ ИРЛИ. Р. 1. Оп. 5. № 56. Л. 21 (опубл.: К. Н. Батюшков: Исследования и материалы. С. 330).

¹⁵ Примером подобных произведений может служить одноактная шутовская трагедия С. Н. Марина «Превращенная Дидона», исполненная у Олениных 5 сентября 1806 г. (*Марин С. Н. Didon, tragédie burlesque en un acte et en vers, traduite du russe avec quelques variantes* // Марин С. Н. Полн. собр. соч. М., 1948. С. 269–278). См. об этом: *Гиллельсон М. И.* Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л., 1974. С. 15; *Тимофеев Л. В.* В кругу друзей и муз. Л., 1983. С. 46–50.

¹⁶ Семен Климовский — казак, литератор первой четверти XVIII в., автор двух обширных рукописных сочинений в стихах, которые он поднес Петру I; ему приписывается авторство известной украинской песни «Йихав козак за Дунай».

¹⁷ Например, в самом начале Демин говорит о Царе: «Где мы, там и он, а где он, там и победа!» (*Шаховской А. А.* Козак-стихотворец: Анекдотическая опера-водевиль в одном действии. Изд. 2-е. СПб., 1817. С. 8).

¹⁸ Там же. С. 72.

то вирша Ивашко заканчивается так:

Кутузов козакив як птыц окрылив
 И ими французив як громом губя,
 На вики прославыв и их, и себя!
 На вик не погибне¹⁹ всеобщий сей глас:
 Кутузов-Смоленский отечество спас!

Некоторые параллели к «Отрывку» Гнедича из водевиля Шаховского отмечены в примечаниях к тексту.

<Отрывок комедии из жизни запорожских казаков>

Запорожец Максим Головченко
 Ганна, жена его
 Ивашко, сын
 Лакей

Входят (жена, пугаясь масок, <прячется> то за мужа, то за сына).

Максим. Здоровы булы, паніи и паненяты. Да будьте ласковы скажите, чи не тут добродейка княгиня Смоленская. Ось ходым-ходым по всим хатам, та не найдем ее. Дайте и нам поглядиты²⁰ на жинку нашего батька и спасителя. Гай-гай, що се хибя тут нема живого человека, щоб мини добитися от кого хоть повслова.

Ганна (*пугаясь и прятаясь*). Ох, лихо! що се?

Максим. То справды що се! О! яки ж носаты, яки рогаты! оце мары огородни (*хохочет*).

Ганна. Ох, матинки, я боюсь.

Ивашко. А чого ж ты, маты, боишься? Хибя забула, що у мене е шабля; хоть бы су булы чорты, то я их **заставлю зараз козачка танцюваты**²¹.

Максим. Мовчи бо Ивашку — ты зараз рад храброваты — весь в Климовского.

¹⁹ В рукописи: погибни

²⁰ В рукописи: поглядите

²¹ Здесь и далее выделено мной. — С. К. Ср. реплику Климовского в «Козаке-стихотворце» Шаховского: «Заставили царских злодеев доброго козачка пропрыгать» (*Шаховской А. А. Козак-стихотворец: Анекдотическая опера-водевиль в одном действии*. С. 24).

Ивашко. Эге, я недаром внук його.

Максим. Ну добре, добре — та зажми соби рот; тут нема чортыв; се все паны, добры люды, и що я бачу — се машкарад; я бував в них, як Потіомкин давав банкеты на Сичи.

Ганна (*говоря тихо*). Максиме — да де ж пани княгиня? може ее тут нема; може нас обманулы.

Максим. Постойте, язык до Кіева доводит, я допытаюсь. Эй, паны — послушайте, добры люды. Глянь — воны справды мовчат, як обморочены. Эй! машкарады, паны батьки! Глянь — се справды може навожденіе.

Ганна. Аминь, аминь, рассыпьтесь!

Ивашко. Батьку, та чи не рубнуты мини кого шаблею, щоб заговорив з нами.

Максим. Ни — постой — я с ним заговорю по-запорозьки, то може почуют. Чи е тут жива душенька — эй! чи вы люды, чи ни, ау!

Лакей (*приходя и зажимая ему рот*)²². Что ты горланишь здесь, неуч, а? Куда ты это зашел? а?

Максим. Ось насилу щось живе явилось; та тильки се щось дуже востре. Що ты, братику, таке, що мини рот зажимаешь?

Лакей. Что ты кричишь здесь?

Максим. Я не кричу, а говорю по-запорозки.

Лакей. Чей ты человек?

Максим. Я не человек, а малороссіянин; запорозскій козак Максим Головченко — да ще и внук Климовского. Оце моя жинка Ганна, оце сын мой Ивашко. Мы ехалы из Кіева, да все думали да гадали, як бы нам побачиты княгиню Смоленску, и пришли сюда из города, щоб на нее подивитися, щоб ей поклонитися; пытаемся де вона от усих глухих людей, а ты мини рот зажимаешь? То що ты за ледащо таке?

Ганна. Пане Максиме — годи бо сердитя; лучше пытай, чи туда мы зашлы, чи тут пани и чи можно ее бачиты? вон-вон! вона либонь там — там щось товпятыся <?>.

²² Ср. аналогичную ремарку в «Козаке-стихотворце» Шаховского: «Демин (*зажимая ему рот*). Полно, пан, кричать...» (*Шаховской А. А. Козак-стихотворец: Анекдотическая опера-водевиль в одном действии*. С. 38).

Ивашко. Батьку — да ходим наперед; ты хиба забув що козаки назады николы не бувають, ходим наперед, то и побачим княгиню.

Ганна. Постойте, постойте на час. Сыну! що ж ты скажешь пани, як побачишь. Ты гляды хорошенько кланяйся, поздравь ее с приездом, скажи — що вси ей так рады.

Максим. Ну, сыну, ты так не говори; се дуже по-паньски; а ты так попросту, по-запорозьки скажи: Здорова булла, пани наша маты. Ось мы як тоби рады, що и без просу пришли щоб тебе бачиты. А там уже и я за тобою скажу: Здорова, свитлійшая пани, здорова! да де ты оце була? да де ты оце жила? Зачим оце ты ездила в чужіе земли? покидала сторону да тебе вси²³ любят и бажают, и родня и дити и паны и цари. Да коли тоби наскучило в Петембурси, ты б приехала хоть до нас в Кіев, там мы бы тебе на руках вси носили.

Ганна (*перерывая*). А уж колы мини пани даст вымолвить слово и коли я заговорю ей, то нехай тилько слуха моих радостных речей. Пани матинко, скажу я ей, голубонько ты наша...

Максим (*перерывая*). Ганно, Ганно — ни, треба бо честь знаты, а то ты як роспустишь язык, то целый день и духу не переведешь та будешь лепетаты.

Ивашко. Батьку! да чи не лучше мини ничего не говориты, а просто сказаты ей виршу козацьку, що я в Кіеве скомпоновав.

Максим. Ганно! Од же Ивашко умнише нас обоих; вин выдумав лучше нас.

Ганно. Да вже недаром вин правнук Климовского.

Максим. Справды, сыну, прочитай княгини козацьку виршу; а ну, лышень, як ты будешь читаты?

Ивашко. Ось як:

Ой наши козаки рубили ляхив,
Рубили и турок, кололи татар;
От их запорозьких шаблей и списив²⁴
Носился над полем кровавый лишь пар!
Но их як Кутузов на Сичу водыв,

²³ В рукописи: всю

²⁴ Т. е. «копий». В рукописи: списив

Так не булы славны ни раз козаки:
Ничто булы горы, ничто байраки!²⁵
Кутузов козакив як птыц окрылив
И ими французив як громом губя,
На вики прославыв и их, и себя!
На вик не погибне²⁶ всеобщий сей глас:
Кутузов-Смоленский отечество спас!²⁷

²⁵ Байрак — овраг (укр.).

²⁶ В рукописи: погибни

²⁷ Ср., например, с песней, которую в водевиле Шаховского поет Демин «на голос Преображенского марша»:
Знают турки нас и шведы,
И об нас известен свет:
На сраженье, на победы,
Навсегда царь сам ведет;
С нами труд он разделяет,
Перед нами он в боях.
Счастьем всяк из нас считает
Умереть в его глазах
(Шаховской А. А. Козак-стихотворец: Анекдотическая опера-водевиль в одном действии. С. 8).

И. В. Кощенко

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ «ОПЫТА ТЕОРИИ ПАРТИЗАНСКОГО ДЕЙСТВИЯ» Д. В. ДАВЫДОВА

Теоретический труд Дениса Васильевича Давыдова «Опыт теории партизанского действия» увидел свет при жизни автора, как считалось до недавнего времени, дважды: в 1821 и в 1822 гг. Исследователи, опираясь на эпистолярные свидетельства самого Давыдова, утверждали, что книга вышла в начале июня 1821 г. Однако в известном издании цензурное разрешение дано 31 октября того же года. Недавнее исследование О. В. Асниной¹ объяснило это противоречие: в библиотеке двоюродного брата Давыдова, А. П. Ермолова, сохранилось два экземпляра книги с цензурными разрешениями от 4 апреля и 31 октября 1821 г. Издание, считающееся первым, на самом деле является переизданием, вышедшим на полгода позже.

Срочная доработка Давыдовым своей обширной статьи была вызвана критикой друзей, которым он успел отправить ее первые экземпляры (А. А. Закревскому, П. Д. Киселеву, А. П. Ермолову) и которые живо откликнулись на просьбу автора в предисловии: «Занимавшись словесностию на коне и в куренях солдатских, я чувствую, сколь необходимы для меня советы писателей. Вижу также, что многие из предложений моих требуют и дополнения и развития, а может быть и совершенного исключения. *Намерение мое было воспользоваться наставлениями как писателей, так и ученых военных людей прежде, нежели выдать в свет сей плод боевой моей жизни; но обстоятельства прошедших месяцев понудили меня поспешить печатанием сочинения сего, в надежде, что при всех недостатках оно, в нем найдется еще довольно доброго, чтобы принести пользу начинающим* (Курсив мой. — И. К.)». Об обстоятельствах, которые побудили Давыдова поторопиться с изданием книги, речь пойдет ниже, а вот результат такой поспешности не удовлетворил его ближайшее окружение. Поэтому было принято безотлагательное решение остановить переплет «Опыта»

¹ Аснина О. В. «Опыт теории партизанского действия» Дениса Давыдова в библиотеке А. П. Ермолова (к истории публикации текста) // Рукописи. Редкие издания. Архивы. Из фондов библиотеки Московского университета. М., 1997. С. 169–182.

и заняться очередной его переделкой. В приведенной цитате на месте выделенного нами последнего предложения в итоге появилось следующее: «Дабы удостовериться, которые места более других заслуживают порицания, я выдал в свет сей плод боевой моей жизни и просил всякого, кто не равнодушен к пользе службы, объявить мне замечания свои в журналах или в письмах. Попытка моя была не без успеха: некоторые военные люди прислали мне рассуждения свои, исполненные истины, и я не замедлил исправить погрешности сего сочинения»². Эта фраза ввела в заблуждение даже биографа Давыдова В. В. Жерве. Он считал, что изменения были внесены автором только во второе издание, вышедшее осенью 1822 г., и недоумевал, почему писатель 9 января 1822 г. преподнес Александру I неисправленный экземпляр своего труда³. Благодаря ермоловскому экземпляру, находке О. В. Асиной, загадка разрешилась.

В настоящем исследовании предпринимается попытка рассмотреть продолжительную историю создания «Опыта теории партизанских действий», включая и последний вариант, который остается неопубликованным.

Сразу после завершения заграничных походов 1813–1814 гг. Давыдов начал создание теоретического труда, который домысливался, трансформировался и в последние годы жизни автора. Первые упоминания о задуманном труде мы встречаем на страницах переписки Давыдова с боевыми друзьями. Судя по письму к А. И. Михайловскому-Данилевскому от 2 июня 1816 г., уже в начале этого года Давыдов представлял структуру будущей книги:

«1. Точное определение долга партизана. Общее обозрение истории первых партизанов в 1620^м году гр. Мансфельда и Христиана Бруншвецкого, и в 1742^м году Менцеля, Тренка, Надасти и Франкини.

2. Польза введения сего рода действия в российскую армию. – Мысли о образовании партий и рассуждение о операционных местных линиях в России, относительно к действию партизанов.

3. Некоторые новые замечания на войну партизанов, отданные примерами русских партизанов Фигнера, Сесловина, к<нязя> Кудашева и Чернышева.

4. Заключение»⁴.

² Давыдов Д. В. Опыт теории партизанского действия. М., 1822. С. V. В переиздании 1821 г. Давыдов, естественно, не стал сообщать об уже внесенных поправках, поскольку читатели не догадывались о существовании первого «неотшлифованного» издания, а поблагодарил за советы уже во втором издании, хотя оно не претерпело никаких кардинальных изменений, за исключением практически незаметных стилистических.

³ Жерве В. В. Партизан-поэт Денис Васильевич Давыдов: Очерк его жизни и деятельности. По материалам семейного архива и другим источникам. СПб., 1913. С. 107.

⁴ См. также нашу публикацию: Письма Д. В. Давыдова к А. И. Михайловскому-Данилевскому (1815–1837) // *РЛ*. 2012. № 3. С. 26–69.

Здесь же опытный партизан уверенно заявляет о своей позиции: «Я знаю, что сей особый род действия, принеся великую пользу российскому оружию, приобрел по сему много себе хулителей из числа чиновников, коих ограниченные способности отвлекали от отдельных препоручений, а оскорбленное самолюбие не прощало успехам осмелившихся разуметь лучше своих начальников. Но что на них смотреть? На войне мы им отвечали и будем отвечать успехами, а в мирное время возьмемся за оружие, которое, я надеюсь, не хуже сабли подтвердит права наши на признательность товарищей».

Вдохновленный идеей создания «общей истории партизанов», он довольно быстро реализовал ее: начальный вариант произведения был готов уже через полгода. 7 января 1817 г., из Киева, сообщая П. А. Вяземскому о «назначении» его членом Военного Общества при Гвардейском Главном штабе (членами его являлись также Жомини, Толь, Дибич, Бутурлин и «множество отличных офицеров»), Давыдов писал: «На днях я для их журнала⁵ посылаю мое новое сочинение: “Опыт о партизанах”. Я им уже его читал, и они были очень довольны⁶. Сотрудничество с «Военным журналом», где публиковались переводы сочинений и оригинальные статьи о военном искусстве, воспоминания очевидцев о недавних походах, стимулировало намерение Давыдова как можно быстрее завершить труд, столь необходимый русской военной теоретической мысли⁷. В одной из статей Ф. Н. Глинки, редактора журнала, был затронут вопрос, связанный с историей возникновения партизан, особенностями их действий («малая война»), при этом была сделана оговорка: «Обстоятельства 1812 года воскресили имя и в полном блеске открыли дарования партизанов и в наших армиях. Сотворенные сею войною, они принесли великую пользу армии в продолжении оной. Не стану распространяться здесь о их действиях: к общему удовольствию они уже описываются прекрасным пером известного партизана-писателя нашего Д. В. Давыдова»⁸.

⁵ Военный журнал (1817–1819). Здесь в разделе «Известия о военных добродетелях россиян» Давыдов опубликовал пять анекдотов (Военный журнал. 1817. Кн. 6. С. 40–41. Кн. 7. С. 52–53).

⁶ Старина и новизна: Исторический сб. Кн. 22. Пг., 1917. С. 22.

⁷ Давыдов считается первым в России теоретиком партизанской войны. В. И. Боярский в книге «Партизанство вчера, сегодня, завтра: Историко-документальный очерк» (М., 2003) замечает, что «в российских военных кругах еще до начала Отечественной войны 1812 г. имелось достаточно четкое представление о ведении партизанских действий» (с. 18). В пример приводится аналитическая записка, составленная перед войной полковником П. А. Чуйкевичем (*Безотосный В. М.* Аналитический проект военных действий в 1812 г. П. А. Чуйкевича // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Альманах. Вып. 7. М., 1996. С. 41–57), где среди конкретных рекомендаций командованию предлагался партизанский «род войны, который должно вести против Наполеона» (§ 8; Там же. С. 47–49). Документ имел служебный и засекреченный характер.

⁸ Военный журнал. 1817. Кн. 5. С. 58. Глинка не случайно подчеркнул появление книги о русских партизанах. В 1810-е гг. стало известно сочинение прусского

Однако Давыдов, советуясь с профессионалами, читая книги по военному искусству⁹, продолжал тщательную работу над рукописью, завершив ее только к 1819 г., что подтверждают письма этого периода. Так, в феврале 1819 г. А. П. Ермолов из Тифлиса напомнил Давыдову его обещание прислать «Опыт о партизанах», заметив, что «в сем роде не случилось мне ничего прочесть порядочного. <...> Музы, столько всегда тебе благосклонные, не перестают улыбаться тебе. Заставь и нас, жителей края отдаленного, усмехнуться на твои, острою и замысловатостью оригинальные произведения»¹⁰.

О том, что обновленный вариант «Опыта» был готов к 1819 г., свидетельствует и письмо Давыдова к В. А. Жуковскому, из которого мы узнаем, что последнему представлялись на дружеский суд не только стихотворения¹¹, но и текст первого теоретического труда Давыдова: «Любезный друг Василий Андреевич — опасаясь собственной лени, ты сам хотел, чтобы я назначил тебе срок, когда кончить поправку моего “Опыта” — срок тебе 31го генваря не далее. — 1го же февраля прошу отправить его в Киев чрез Михайлу Орлова — чем очень-очень одолжишь тебя душевно любящего и почитающего Дениса Давыдова»¹².

офицера Г. В. Валентини «Правила малой войны и употребления легких войск, объясненные примерами из французской войны майором Валентини» в переводе генерала-майора Гогеля (СПб., 1811). Давыдов, безусловно, знавший этот весьма объемный труд (785 стр.), в чем-то ориентировался на его строение, что сказалось в некоторых внешних элементах: схожей структуре оглавления (правда, у Валентини оно чрезвычайно подробное), наличии чертежей. Книга Валентини давала осмысление всего комплекса понятий, относящихся к малой войне и легким войскам. Давыдов же сформулировал концепцию партизанской войны в России, не преувеличивая ее значения и не сводя только к мелким набегам-налетам. Перевод, возможно, послужил для него идейным толчком к изложению собственных, проверенных опытом знаний, в чем можно убедиться, прочитав следующее утверждение Валентини: «Искусство вести малую войну никогда до систематического порядка науки доведено быть не может; а должно оно составлено быть из собрания практических правил, кои тогда только свою цену иметь будут, ежели они нам доставят способы, из опытов прошедших, извлекать правила благоразумия на подобные случаи для будущих времен» (С. 4).

⁹ См., например, письмо к П. Д. Киселеву от 7 августа 1819 г. (Сочинения Дениса Васильевича Давыдова / Вступ. ст. и примеч. А. О. Круглого: В 3 т. СПб., 1893. Т. 3. С. 232).

¹⁰ Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1862. Кн. 4. С. 224–225.

¹¹ Переписка между поэтами весьма оригинально отражает эту страницу творческой биографии Давыдова. См.: *Давыдов Д.* Стихотворения / Вст. ст., подгот. текста и примеч. В. Э. Вацуру. Л., 1984. С. 185–186. В 1820-е и 1830-е гг. Давыдов продолжал регулярно обращаться к Жуковскому с подобными просьбами (Там же. С. 202, 212, 213, 215). См. также: *Вацуру В. Э.* Записки комментатора. СПб., 1994. С. 262–272.

¹² РО ИРЛИ. № 28027. Публикуется впервые. Записка (об этом говорит ее прежнее оформление: словение в четыре раза) от 5 янв. без указания года. Уточнение

Помощь В. А. Жуковского в усовершенствовании слога этого сочинения, по всей видимости, стала постоянной, поскольку на более поздней писарской копии этой статьи середины 1820-х гг. имеется следующая приписка автора к неизвестному адресату: «Поправь эту тетрадь по той, которая правлена Жуковским красными чернилами и отдай последнюю мне, а эту оставь у себя — если тебе все равно»¹³. Этот вариант «Опыта теории партизанских действий для русских войск» был опубликован сыном Д. Давыдова в 1860 г. с многочисленными неточностями.

Копия рукописи в начале 1819 г. была также отправлена Закревскому, у которого автор регулярно интересовался: «Что мои “партизаны”?», а также просил: «...прикажи скорее переписать их и отдать Бутурлину, он имеет наставление от меня что с ними делать»¹⁴. Давыдов хотел представить свой труд императору, а потому просил Д. П. Бутурлина передать рукопись П. М. Волконскому, бывшему тогда начальником Главного штаба. Не дождавшись ответа, 18 мая 1819 г. автор пишет А. А. Закревскому: «Мне Бутурлин писал, что он уже давно отдал «Опыт о партизанах» мой князю П. М. Волконскому¹⁵; и что не имеет о нем ни слуху, ни духу. Я вторично писал и просил князя поднести его государю, но не имею ответа. Если такое будет поощрение нашей братьи, то многого не узнают! К слову пришло, я уверяю тебя без малейшего хвастовства, что никто еще не писал об употреблении легких войск, как я писал в известном тебе “Опыте”, и все, которые читали его, уверяли меня, что он достоин монаршего воззрения...»¹⁶ И через месяц не получив ответа от Волконского, Давыдов с разочарованием констатировал: «Так как я вижу, что “Партизаны” мои не подвигаются, и что к<князю> Петру Михайловичу не угодно их представить государю, то прошу тебя, любезного друга, исторгнуть их из кип бумаг его сиятельства и переслать сюда ко мне. Я пошлю их по почте прямо или по команде: как ты мне посоветуешь, авось ли они будут счастливее. Пожалоста, не замедли при-

датировки 1819 г. основано на биографических данных Давыдова, который в этот период пребывал в Москве (с 12 нояб. 1818 г. находился в двухмесячном отпуске, продленном затем до июня), однако в скором времени отбыл на место службы в Умань недалеко от Киева, где состоял начальником штаба 7-го пехотного корпуса. Жуковский, приглашенный обучать русскому языку будущую императрицу Александру Федоровну, с октября 1817 г. жил в Москве. Территориальной близостью поэтов объясняются характер и форма письма. 19 февр. 1819 г. последовал перевод Давыдова на должность начальника штаба 3-го пехотного корпуса, стоящего близ Херсона, что отдалило его от дружеского общения с Михаилом Орловым и Н. Н. Раевским. Давыдов, очевидно, еще до приказа успел получить рукопись «Опыта», правленную Жуковским. В скором времени Давыдов вновь вернется в Москву, чтобы 13 апреля жениться на С. Н. Чирковой.

¹³ РГВИА. Ф. 194, № 12.

¹⁴ РГИА. Ф. 660, № 107, лл. 46, 48 об.

¹⁵ В начале марта 1819 г., т.е. с момента передачи рукописи прошло более двух месяцев.

¹⁶ СБРИО. Т. 73. СПб., 1890. С. 515.

сылкою, я их буду ожидать с нетерпением. <...> Если увидишь Бутурлина, скажи ему, что стыдно забывать просьбы друзей и так долго не присылать черной тетради “партизанов” моих»¹⁷.

О содержании этой подноской рукописи можно составить представление благодаря хранящейся в РО ИРЛИ ее копии, носящей название «Опыт о партизанах» с посвящением государю¹⁸. Это еще весьма краткий труд, отразивший ту схему, которая была представлена Давыдовым в письме к Михайловскому-Данилевскому. Формулировки основных частей уже практически не претерпят изменений, содержание будет только обрастать новыми главами. В данной рукописи можно ознакомиться со следующими частями и их разделами: «Четыре эпохи появления партизанов в 1618-м, 1742-м, 1809-м и 1812-м годах», «Об образовании партий в российской армии», «Изложение новой системы сего рода действия» («О составе партии», «О партиях на марше», «Об образовании сельской извещательной стражи»), «О начальнике партии». Глава «Некоторые замечания на различные мнения о партизанской войне», которая исчезнет из последующих редакций, содержала неоднозначное суждение: «Мнения о полезнейшем действии партии были столь ложны, что даже в последнюю войну многие начальники ближайших к неприятелю корпусов, удерживали партизанов при себе, во время наступательного и отступательного движения армии посылая для прикрытия стрелков, батарей, и словом в линейную битву такие войска, кои определены для отдаленного действия. Ныне опыт согласил мнения; и поставил главным предметом поисков пресечение неприятельского сообщения, определил, что первый долг партизана состоит в том, чтобы безотлучно находиться в тылу, а не перед лицом и не на флангах противной армии»¹⁹.

В это самое время Давыдов получил любопытное письмо от К. Ф. Толя, генерал-квартирмейстера Главного штаба, который, «узнав стороною» о его «сочинении о малой войне», обратился к партизану с покорнейшей просьбой снабдить его «одним экземпляром оногo». «Государь император соизволил поручить мне сочинение правил о службе на передовых постах, и вообще во всех малых отрядах, – сообщил Толь. – Я уверен, что сочинение ваше немало облегчит труд мой и поможет с лучшею пользою выполнить поручение высочайше на меня возложенное»²⁰.

¹⁷ РГИА. Ф. 660, № 107. Л. 66. Письмо от 10 июня 1819 г. из Кременчуга. Бутурлин был известен своими военно-историческими сочинениями (см.: *Тартаковский А. Г.* 1812 год и русская мемуаристика: (Опыт источниковедческого изучения). М., 1980. С. 163–164). Давыдов наверняка просил и его сделать свои замечания в черновой копии «Опыта», которую и просил вернуть.

¹⁸ РО ИРЛИ. Р. 1, оп. 6, № 3. Л. 2. (Всего в рукописи 78 лл.)

¹⁹ Там же. Л. 12 об. — 13.

²⁰ Из письма К. Ф. Толя к Давыдову от 29 мая 1819 г. (СБРИО. Т. 73. С. 517).

Это заявление крайне взволновало и расстроило Давыдова, и без того обеспокоенного отсутствием новостей от Волконского, чем он тут же поделился с Закревским: «Вот, любезнейший друг, до чего промедлил князь Петр Михайлович Волконский представлением опыта моего о “Партизанах”. Толь <...> назначен сочинять о деле, которого он не понимает и, почерпнув из сочинения моего все, что нужно, сделает все труды мои *хоть брось*». Возникшую проблему Давыдов разрешил учтиво и деликатно, но вместе с тем со свойственной ему ироничностью и истинно солдатскою хитростью. В ответе Толю, где, по словам самого Дениса Васильевича, «помазано по губам, с маленьким щелчком по носу»²¹, он откровенно признался, что «мы живем для славы, <...> следовательно, ваше сердце поймет чувствования моего и простит благородной его слабости». Давыдов поставил единственное условие: «если вам угодно удостоить некоторые наблюдения мои помещением их в сочинение, <...> то покорнейше прошу отмечать мысли мои сими словами: *из сочинения Дениса Давыдова*. Сей подвиг справедливости будет приличен душе вашей и удовлетворен для моего честолюбия»²².

Между тем усилия Давыдова, направленные в течение еще целого года на то, чтобы с его рукописью познакомился Александр I, не увенчались успехом²³. Оформив отпуск по болезни (с 17 марта 1820 г.), в начале мая поэт-партизан, не теряя надежды, интересовался у Закревского, «можно ли через Л. В. Васильчикова поднести царю “Опыт” мой “О партизанах”. Тот, который у тебя в канцелярии переписывали, видно завалился в бумагах князя Петра Михайловича, так о нем и нечего говорить: у меня есть другая тетрадь, которую я дополнил и набело переписал. Причина, отчего я хочу поднести государю сочинение сие, основывается на желании пресечь совершенно путь сочинению Толя,

²¹ Из письма Давыдова к Закревскому от 17 июня 1819 г. из Кременчуга (СБРИО. Т. 73. С. 517).

²² Из письма Давыдова к К. Ф. Толю от <сер. июня> 1819 г. (СБРИО. Т. 73. С. 518).

²³ Давыдов обращался с просьбами к И. И. Дибичу, И. В. Васильчикову. Рукопись была также передана (вероятно, через П. М. Волконского) на рассмотрение Военно-ученому комитету при Главном штабе. Это зарегистрировано в предписании его директора И. Г. Гогеля Инженерному отделению комитета от 13 мая 1819 г. Заключение отделения было вынесено только в январе 1822 г., т.е. когда уже вышло переиздание этой книги (!), а сама рукопись была изменена ее автором. См. подробнее: Аснина О. В. «Опыт теории партизанского действия» Дениса Давыдова в библиотеке А. П. Ермолова. С. 176–177.

Такую настойчивость можно объяснить тем, что с помощью этой статьи Давыдов, возможно, надеялся сгладить некогда сложившееся негативное отношение к нему государя (см. ниже), хотел заявить о своих способностях не только на боевом поле, но и в теории военного искусства. Он, «отстранив все то, чему учатся опытом, а не на бумаге, первый изложил стратегические правила партиям и согласил действие их с действиями главной армии» (из письма Давыдова к Толю: СБРИО. Т. 73. С. 518).

– это сказано между нами. Пожалуйста, уведошь, возьмется ли Ларион Васильевич за сие; пока я был начальником штаба, то, конечно, мне нельзя было идти мимо князя Петра Михайловича, но теперь я по кавалерии²⁴, следовательно, командиров не имею, а так сочинение мое ничто как следствие опытов, полученных мною в партизанской службе, во время которой я считался в Ахтырском гусарском полку, коего шефом был Ларион Васильевич, то я уверен, что независимо благосклонности его ко мне, по одному сему резону он не откажется от моей просьбы»²⁵. Из этого письма становятся понятными мотивы, побудившие Давыдова к очередной переделке труда, и о первом из тех самых обстоятельств, которые вынуждали Давыдова не ждать императорского расположения и озаботиться скорейшим изданием произведения. Через месяц Давыдов оставил идею подношения рукописи и с чувством облегчения, смешанным с горечью обиды, констатировал: «И так никто не берется представить государю сочинение, хотя не столь полезное, как рассуждение о выпуске на погонах и о цвете темняков, но также не пустое, как об нем великие наши преобразователи думают!

Очень рад, что мне развязали руки, я его отдаю в печать и никому не подношу. И впрямь, с моей ли рожею подносить что-нибудь великим в мире?»²⁶

По совету А. А. Закревского Давыдов оставил «труды ума и опытов» «на произвол судьбы»²⁷. Несколько месяцев он уделил доработке сочинения, в результате которой значительно увеличился его объем. К концу осени 1820 г. он выбрал типографию. Наиболее подходящей ему казалась типография Инспекторского департамента, поскольку она находилась в ведении дежурного генерала Главного штаба, на должности которого пребывал А. А. Закревский. А следовательно, он мог менее опасаться цензуры. О своем желании Давыдов сообщил старинному другу в письме от 15 ноября 1820 г.: ««Опыт теории

²⁴ Занимая с марта 1819 г. «душную» должность начальника штаба 3-го пехотного корпуса (штаб располагался в Кременчуге), Давыдов давно желал получить отпуск для поправки здоровья – и вырваться из атмосферы муштровки, смотров и парадов. Наконец, 17 марта 1820 г. он получил заграничный отпуск с зачислением по кавалерии, т.е. по другому «роду оружия».

²⁵ Из письма Давыдова к А. А. Закревскому от 3 мая 1820 г. (СБРИО. Т. 73. С. 521–522).

²⁶ Из письма Давыдова к А. А. Закревскому от 3 июня 1820 г. из Москвы (СБРИО. Т. 73. С. 524). Здесь следует упомянуть о нескольких письмах Давыдова к Н. А. Муханову («Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина». Ч. 9. М., 1901. С. 321–323), которые были отнесены В. Н. Орловым ко времени подготовки «Опыта» к публикации (*Орлов В. Н. Судьба литературного наследия Д. В. Давыдова // Лит. наследство. Т. 19–21. М., 1935. С. 338*). Как нам удалось установить, эти пять писем (14 января — 9 марта) относятся к 1825 г. и связаны с работой Давыдова «Разбор трех статей, помещенных в записках Наполеона» (М., 1825).

²⁷ Из письма Давыдова к А. А. Закревскому от 26 июня 1820 г. из Кременчуга (РГИА. ф. 660. № 107, л. 74).

партизанского действия в России” я совершенно перекроил, и он уже готов. Мне хочется печатать его у тебя в типографии. Уведомь, можно ли это сделать, и для сего должен ли он предварительно пройти через жестокие руки цензоров»²⁸. Вероятнее всего, Закревский посоветовал отдать «Опыт» в руки обычных цензоров, а не военных.

Давыдов настойчиво стремился представить свой труд Александру I; об этом он пишет далее в том же письме: «В случае если мне захочется в рукописи доставить его царю, то как за то взяться, чтобы он опять не завалился в канцелярии князя Петра Михайловича»²⁹. 12 апреля 1821 г., после того как произведение уже было сдано в печать, Давыдов запрашивает начальника императорского Главного штаба, не «удостоил ли государь высочайшим вниманием сей плод опытности»³⁰. Это показывает, что рукопись и в этот раз была доставлена в канцелярию П. М. Волконского. Экземпляр рукописи, хранящийся сегодня в военной научной библиотеке Генерального штаба в Москве, открывался не только посвящением императору, но и эпитафией «Je ne suis qu'un soldat et je n'ai que du zèle»³¹. Эпитафия сохранилась только в подносной рукописи и предназначался для императора, чтобы завоевать его благосклонную оценку.

Итак, 4 апреля в московском Цензурном комитете было получено разрешение, и рукопись отправили в типографию С. И. Селивановского. 18 апреля 1821 г. Давыдов сообщил Михайловскому-Данилевскому: «“Опыт” мой печатается, и тебе назначен экземпляр. Думаю, что будешь доволен»³². А 12 июня извещает генерала Закревского, что сочинение его «на днях отпечаталось»³³. Сохранившиеся письма Давыдова лета 1821 г. снова помогают восстановить этот важный в творческой биографии эпизод. Партизан-теоретик признавался, что «хотя цензура и пропустила сочинение, но находятся в нем некоторые выходки и слова, на которые можно ошестиниться»³⁴, что он «занесся во многих местах <...>. Этот проклятый огонь невидимо и нечувствительно из меня изрыгается! Теперь буду осторожнее». Потому, прежде чем «пускать книгу сию в горние пределы и даже по белу свету»³⁵, автор предусмотрительно и настоятельно в ряде писем просил Закревского: «...пожалуйста, прочти все со вниманием, и если будешь моего мнения, то останови подавать экземпляры, царю и Волконскому назначенные, также и другие (кроме

²⁸ СБРИО. Т. 73. С. 527.

²⁹ Там же.

³⁰ Цит. по: Аснина О.В. «Опыт теории партизанского действия» Дениса Давыдова в библиотеке А. П. Ермолова. С. 177.

³¹ «Я только солдат, / И у меня нет ничего, кроме рвения» (фр.). Из трагедии Вольтера «Заира» («Zaïre», 1732 г.); стих 801. — И. К.

³² РО ИРЛИ. Ф. 325. № 124. Л. 62.

³³ СБРИО. Т. 73. С. 528.

³⁴ Из письма к А. А. Закревскому от 22 июля 1821 г. (СБРИО. Т. 73. С. 529).

³⁵ Из письма к А. А. Закревскому от 15 августа 1821 г. (СБРИО. Т. 73. С. 530).

твоего и проконсульского³⁶), и уведошь, что нужно переменить; я в осторожность остановил переплетение до твоего ответа. Странно было бы получить отставку от военной службы за военное сочинение. Полагаюсь во всем на тебя и на почтенного брата Алексея Петровича³⁷. Закревский, ставший, по-видимому, первым читателем именно печатного варианта, озабочился судьбой и друга, и его детища. Переданные ему экземпляры для императора, Волконского, а также для Толя, Бутурлина и Васильчикова, были возвращены Давыдову. Известно, что это издание также было отправлено давнему другу П. Д. Киселеву, однако судьба этого экземпляра «Опыта», так же, как и книги, отправленной Закревскому, остается неизвестной. Остальной тираж был уничтожен автором.

В сентябре Давыдов дождался советов товарища, которые были даны, скорее всего, при личной встрече (об этом также известно из письма Давыдова): «Мое счастье в том, что при всех залетах моих какое-то разнородное со мною благоразумие велело мне с тобою посоветоваться, иначе бы я попал впросак». В чем состояла суть замечаний генерал-адъютанта? По выражению Давыдова, его слова были «так справедливы, что нет отговорок»³⁸. Десятилетний опыт службы при Главном штабе наверняка помог ему безошибочно выявить те места, за которые Давыдова могли отправить в отставку. По-видимому, они касались общего тона книги, а не конкретики.

К осени 1821 г. в Москву после долгого заграничного путешествия вернулся А. П. Ермолов. Его экземпляр «Опыта теории партизанского действия», подписанный Давыдовым 20 июня, находился у Закревского. Весь сентябрь он провел в Москве, часто проводя время в обществе двоюродного брата. О степени участия Ермолова в переиздании книги, к сожалению, ничего не известно, но, думается, его, пусть даже незначительные, советы были учтены Давыдовым.

Экземпляр, отправленный П. Д. Киселеву, начальнику штаба 2-й армии, сыграл немаловажную роль в формировании «Опыта». Адъютантом Киселева состоял И. Г. Бурцов, с которым генерал обращался «запросто, как с близким человеком»³⁹. Он не приходился родственником другу Давыдова, известному «ухарю гусару Бурцеву», прославленному поэтом-партизаном. Но был «не менее храбрый до дерзости»⁴⁰. Современники находили его человеком «необыкновенно основательно образованным»⁴¹. Сравнивая И. Г. Бурцова со своим давним приятелем, его однофамильцем, Давыдов заключал, что он

³⁶ Имеется в виду экземпляр для Ермолова.

³⁷ Из письма Давыдова к А. А. Закревскому от 28 июля 1821 г. (СБРИО. Т. 73. С. 529).

³⁸ Из письма Давыдова к А. А. Закревскому от 15 августа 1821 г. (СБРИО. Т. 73. С. 530).

³⁹ Андреев В. Воспоминания из кавказской старины // Кавказский сборник. Т. 1. 1876. С. 73.

⁴⁰ Там же. С. 72–73.

⁴¹ Пущин И. И. Записки о Пушкине. М., 1934. С. 66–67.

«известен по знаниям и уму своему, как древний друг мой, соименитый ему герой, по разврату и собутельничеству»⁴².

Знакомство Давыдова и Бурцова произошло, вероятно, в штаб-квартире 2-й армии, располагавшемся в Тульчине. Благодаря изучению связей Давыдова с М. Ф. Орловым, В. Л. Давыдовым (его двоюродным братом) и др., установлено, что в 1818–1819 гг. Денис Васильевич часто бывал в Тульчине⁴³. Между ним и Бурцовым завязалась переписка, осуществлявшаяся в основном через П. Д. Киселева и А. Я. Рудзевича⁴⁴, командира 7-го пехотного корпуса. Давыдов весьма сожалел о гибели Ивана Григорьевича в 1829 г. в русско-турецкую войну: «А кого мне неизъяснимо жаль это Бурцова; <...>. Это был необыкновенных дарований и учености офицер»⁴⁵.

Прежде чем познакомиться с письмом Бурцова к Давыдову⁴⁶ (а оно — единственный сохранившийся знак дружбы, к тому же имеющий самое прямое отношение к предмету нашего исследования), необходимо отметить, что Иван Григорьевич был прекрасным публицистом, печатавшим свои переводы и статьи в «Военном журнале», «Отечественных записках», «Благонамеренном»⁴⁷. В одной из статей, вышедших в начале 1919 г. в «Военном журнале» — «Мысли о теории военных знаний», автор обозревал развитие этой области от приобретения первых простых понятий о военном искусстве до причин «превосходства теории прочих наук над теориею военных»⁴⁸. В заключительной части статьи Бурцов представил свои мысли об «истинном определении военных знаний и верном их подразделении», а также высказал пожелание, чтобы «просвещенные военные люди, блистательно ознаменовавшие способности свои в издаваемых описаниях разных походов, углубили внимание в основные правила теории и тем ускорили медленное их шествие. <...> Желательно, чтоб они, обратя внимание свое на другие не менее важные отделения теории войны и воспользовавшись материалами, рассеянными по разным сочинениям прошедших веков, произвели для современников и потомства достойные в сих новых родах

⁴² РО ИРЛИ. Ф. 123. № 27. Л. 6. Весь корпус писем Давыдова к П. Д. Киселеву подготовлен к публикации Н. А. Хохловой (см. наст. сб.).

⁴³ См., например: *Пугачев В. В.* Денис Давыдов и декабристы // *Декабристы в Москве*. М., 1963. С. 107–142.

⁴⁴ О содействии Рудзевича этой переписке свидетельствует письмо Давыдова Рудзевичу от 28 октября 1819 г., в котором он выражает благодарность за пересылку Бурцову его письма (*Задонский Н.* Избранные произведения. Т. 1. Денис Давыдов: Историческая хроника. М., 1980. С. 728).

⁴⁵ Из письма Давыдова к А. А. Закревскому от 23 сент. 1829 г. (СБРИО. Т. 73. С. 558).

⁴⁶ РГВИА. Ф. 194. № 68. Лл. 110–131 об.

⁴⁷ См.: *Ромм М. Д.* И. Г. Бурцов — публицист // *Временник Пушкинской комиссии*. Вып. 26. СПб., 1995. С. 203–208.

⁴⁸ *Военный журнал*. 1919. Кн. 2. С. 56, 58, 60.

творения, и, принеся всем гражданским обществам великую пользу, отечество свое прославили»⁴⁹.

Появление книги о теории русского партизанства неподдельно порадовало военного публициста. Для Давыдова же и замечания, и похвалы Бурцова как человека, посвященного во многие тонкости военной науки, имели высочайшую ценность. В отличие от друзей-литераторов Давыдова, Бурцова не интересовала цензурная сторона дела. Он рассматривал сочинение партизана с сугубо военной точки зрения. Давыдов в письме к П. Д. Киселеву от 29 ноября (без года) так отозвался о замечаниях по поводу «Опыта»: «Они отличны и пришли вовремя. Я не токмо по ним исправил книгу мою, но даже поместил в нее статью о партизанах 1¹² отделения с весьма малою переменою. Вы так меня расхвалили»⁵⁰, что едва я не возмечтал быть Жомини партизанов. Насилу рассудок пришел в помощь»⁵¹. Выявленные нами расхождения в текстах изданий 1821 г. позволяют, вне всяких сомнений, датировать это письмо 1821 г.

Разбор опыта изл.<ожения> Партиз<анского> действия И<ваном>
Гр<ригорьевичем> Бурцовым 21 г.⁵²
Милостивый государь

⁴⁹ Там же. С. 64–65.

⁵⁰ Давыдов получил сразу два письма: от Киселева, который, очевидно, тепло отозвался о книге в целом, и от Бурцова, приславшего ее обстоятельный разбор и справедливую похвалу. История этих писем отражена и в переписке Киселева и Закревского, который из-за почтовых задержек получил письмо друга, когда уже книга Давыдова отправилась в издательство: «Если увидишь Дениса, то скажи, что не отвечал на его письмо потому, что бумажным делом, но что с удовольствием прочел полезнейшую его книгу и буду отвечать с доставлением обширной рецензии» (29 сентября 1821 г.; СБРИО. Т. 78. СПб., 1891. С. 79). Только 19 нояб. он отвечал Киселеву: «Денису сказал, что ты после будешь отвечать ему и с рецензиею на его книгу; но он, прежде чем решился пустить в свет, прислал ко мне и просил оную прочесть со вниманием и сказать мое мнение, что я исполнил и не советовал в том виде пустить в каком написана. Он убедился в правде и теперь переделал и отдал в печать, следовательно, для рецензии напрасно не употребляй времени, а исполни, когда придет перепечатанную книгу» (Там же. С. 252). Закревский, видимо, письменно известил Давыдова о задержке ответа от Киселева, иначе бы Давыдов сообщил ему о полученной рецензии. Слова Закревского о том, что Давыдов воспользовался его советами «прежде чем решился пустить <книгу> в свет», также могли способствовать упрочению мнения исследователей о том, что дополнительная существенная правка была внесена только в последующее издание. К тому же в авторском предисловии к переизданию нет ни слова об каких-либо исправлениях, о которых Давыдов объявит только во втором издании, напечатанном, однако, практически без изменений.

⁵¹ РО ИРЛИ. Ф. 123, № 27. Л. 10.

⁵² Помета Д. В. Давыдова.

Денис Васильевич!

Случай доставил мне чтение вашего творения о партизанском деле, и разные впечатления, произведенные оным, побуждают меня взяться за перо. Не столько личное знакомство с вашим превосходительством, которое особенно уважаю, ни вызов вашего предисловия, приглашающего каждого к изъявлению замечаний своих, сколько ревнование к славе отечественной, благоговение ко всему изящному, внушают мне обязанность сказать мое мнение.

Русская военная литература, как известно вам, богата только фронтовыми уставами и прибавлениями к оным; следственно приходится питать наставления по ремеслу нашему в сочинениях чужеземных. Я покорялся сему закону, хотя с великим негодованием: читал много и утвердительно могу сказать, что ничего близкого, похожего даже на ваше произведение, не знаю. Лучшими в сем роде сочинениями у французов наиболее всех прочих народов, умевших по части военной, суть сочинение Ла Рошемона: *De la petite guerre ou de troupe légère*⁵³; но и в оных нет ни истинного начертания обязанностей партизана, ни связи подвигов его с целым объемом военных действий, ни должного понятия о составе его отряда. Не трудно постигнуть причину таковых недостатков: она само собою представляется вниманию наблюдателя. Ларошесмон, описывая партизана, снимал портрет с регулярных кавалеристов прусской или французской армии, переодетых только в легкоконных всадников. По сему какого успеха ожидать можно от таковых заблуждений?

Славно было бы усовершенствовать недоконченную отрасль сведений: но разом обхватить ее во всем целом, сообразить в составе, дать главным частям должное значение – одним словом, вырубить в один мах прекрасную статую из грубого, сырого пня – превосходно! Это могло быть произведением одной только рассудительной опытности, преисполненной избытком наблюдений.

⁵³ «О малой войне, или о легких войсках» (*фр.*) Бурцов, отслеживающий последние новинки в области военной мысли, имел в виду недавно вышедшее сочинение офицера и французского политического деятеля А. Ш. Э. П., графа Де Ла Рош-Эмона (Antoine Charles Étienne Paul La Roche-Aymon, comte de (1772–1849) «Des troupes légères, ou Reflexions sur l'organisation, l'instruction et la tactique de l'infanterie et de la cavalerie légères. Livre première. Des divers changemens qu'a subis l'emploi des troupes légères dans la tactique des armées. (Paris, 1817; «Легкие войска, или Размышления об организации, подготовке и тактике легкой пехоты и кавалерии. Первая книга. Различные изменения, которым подверглось употребление легких войск в тактике армий»). Среди французской военной литературы существовало еще одно обстоятельное произведение под названием, совпадающим с указанным Бурцовым, авторство которого принадлежит Т. А. ле Рою де Гранмезону (Thomas Auguste le Roy de Grandmaison); «La petite guerre, ou Traité du service des troupes légères, en campagne» (Paris, 1756; «Малая война, или Трактат о службе легких войск во время похода»).

Во всяком роде сведений трудно проложить новую стезю: но если войдем в разбор партизанского дела, несомненно, убедимся, что оно в отношении к затруднениям, встречаемым теориею, имеет пред всеми прочими отраслями войны преимущество. Правила выводятся из наблюдений: но когда доведется наблюдать с достаточною строгостию в жизни бурной, порывистой, летящей между опасностей и забот, и как мало людей способных к такому занятию? Нужно война, присоединяющего к пламенному воображению рассудок точный в разборе истин и смелый в развитии их. Много было отличных партизанов; наши армии особенно справедливо прославились обилием оных; почему все ее смелые защитники отечества приписывали свои успехи случаю, удаче, отваге. Что останется воинству от славных дел их? Одни воспоминания, неверные и малопоучительные. Сверх того, военное сословие целой Европы давно имело право ожидать, даже требовать от России собрания правил в сей отрасли войны. Никто кроме русского не мог отважиться представить свету точную и верную картину рысканий быстрого казачества, неподражаемых ни в одном из боевых свойств их, и никто не мог основательно изложить правила к устремлению громады сих наездников, ярых в битвах и покорных во внутреннем управлении, к устремлению их на священнейшее дело – защиту родного края. Ваше творение платит теперь ту дань Европе, и платит оную чистою и звонкою монетою.

Я сказал это и немедленно отдам отчет в моем заключении. Не намерен хвалить сочинение сие безусловно, не намерен соглашаться с тем, что нахожу противным моему мнению: но хочу сколь возможно кратче изложить то, что об нем думаю.

Всякое произведение разбираю я по трем отношениям: *по сущности и полноте мыслей, по порядку в изложении* (методе) и *по одежде оных* (стилю).

В общем разборе мыслей и правил, предложенных в «*Опыте теории партизанского действия*», я нашел надлежащую точность и основательность. Большая часть правил подкреплена ясными доводами, почерпнутыми из самой опытности, и сильна убеждающими в истине оных. Все, что доставило мне подробное рассмотрение сего, отношение заключается в следующем.

1) История партизанства не выдержана во всей полноте. На<и>большая часть явлений, показавшихся в сем роде, описаны в оной, но значительное число таковых оставлена без внимания. Но говоря о менее важных, нельзя однако умолчать о действиях генерала Кюстина в 1793^м году в окрестности Майнца, в боку и тылу австрийской армии. Если бы напротив него сказали, что Кюстин имел до 18 000 человек в своем отряде и по сему уже не принадлежит к числу партизанов, то на сие отвечаю: цель движений Кюстина, быстрота его набега, следствий от оного происшедшие и вообще характер летучего отряда, принадлежащий его войску, доставляют сему явлению полное право быть помещенным в описание партизанских дел. Таким же образом заслуживали бы места в описании

действия генерала Берга и подполковника Суворова в семилетнюю войну, как представлены в продолжении еного сочинения⁵⁴.

2) В сочинении на стр. 59 сказано: «Если бы случилось, что пути, исходящие радиусами из средоточия неприятелем занимаемого, соединились между собою не в дальнем расстоянии и в продолжении своем составили один путь: в таком случае было бы не нужно наблюдать каждый из них особым отрядом, а достаточно, оставя одну партию на важнейшем из путей, перенести другую на путь, составленный из соединения всех означенных». В пример поставлено положение французской армии в Дрездене и три пути, соединившие оную с Лейпцигом. Партизану назначено действовать между Носсеном и Фрабургом, а две другие дороги, севернее лежащие, оставлены без наблюдения.

По моему мнению, правило изложено весьма справедливо, но приведенный пример не вполне оному соответствует. Город Лейпциг, отстающий от Дрездена на 14–15 миль, составил средоточие боевых и жизненных запасов дрезденской армии, а по сему доставление оных должно было сколь возможно быть более пресекаемо. Особенно по той причине, что ближайšie к армии запасы суть самые важнейшие: на них основываются прямые начинания полководца, на них утверждается благонадежность войска и все последующие успехи. Но если для пресечения сих толико важных сообщений партизан будет действовать только между Носсеном и Фрабургом; то неприятель после первого узнания о его существовании, перенеся все свои сношения на вышине дороги, и чрез то нисколько не потерпит от его поисков. Мне кажется, что в положении, ответственном приведенному примеру, должно направить партизана на среднюю дорогу и действию его подчинить всё пространство, между всякими третьими дорогами лежащее. Устроив земскую извещательную стражу, рассыпав лазутчиков во все стороны, он оснует свое логовище между среднею и нижнею дорогами и, судя по движению запасов, будет направлять удары то на ту, то на другую дорогу. Таким образом, ничто не укроется от его прозорливости, и Дрезденская армия лишена будет всех ее ожиданий со стороны Лейпцига: ее источник важных запасов иссякнет для оной. Для вернейшего успеха можно бы укрепить сего партизана другим менее сильным, коего поставить на Носсенской дороге; дабы он служил соединением главному партизану с армиюю, его отправившею.

Возвратимся вновь к правилу. Действительно бесполезно направлять более, нежели одного партизана на тройное сообщение неприятеля и достаточно наблюдать один крайний путь, если только соединение сих нескольких дорог находится в ближнем расстоянии. Но не ближнее расстояние должно быть определено, и мне кажется, что если оное более двух переходов, тоже надлежит

⁵⁴ «Опыт теории партизанского действия» заканчивается главой «Критическое рассуждение об истреблении осадного транспорта Прусской армии в 1758 году».

устремлять партизана в средину сообщений: тем более еще когда точка соединения есть главная складка пособий для действия армии⁵⁵.

3) На странице 60^й сказано: «Считаю не нужным упоминать здесь о партизанах первого отделения, которые, находясь почти в середине неприятельской армии, обязаны действовать в промежутках ее, приравливать движения свои к движениям своей армии, и в случае нужды отступить к передовому ее корпусу».

Я думаю, что в теории партизанского дела, объемлющей оное во всем пространстве сие важное отделение не может быть оставлено без развития. Особенно, малое внимание писателя к партизану 1го отделения сильно противоречит тому обилию, с коим представлены правила, относящиеся до второго разряда, и означенная пустота мне кажется недостатком, вредящим полноте теории. Справедливо разделение партизанов на три разряда: на действующих вокруг боевого поля неприятельской армии; на пресекающих сообщение сего поля с основанием, и на устремляющихся на самое основание. От сего разделения проистекает и различная важность партизанского действия для пользы своей армии, как равно необходимость разных свойств характера в начальнике отряда, так, наконец, и самый состав войск сего последнего.

Отдаленный залет на основание неприятеля может быть уподоблен быстрому отблеску молнии, более приводящему в удивление, нежели наносящему вред. Оный может быть мгновенен и по основательному суждению редко полезен для своей армии. Партизан, решившийся наносить повторные удары в ужасном отдалении от своих войск и вблизи от черты неприятельского основания, обрек бы себя на неизбежную гибель и не достиг бы истинной цели. Отправление партизана сего рода может быть полезно только в таком случае, когда народ, обитающий страну, в коей заложено неприятельское основание, способен к восстанию против него; или, в другом случае, когда быстрым появлением, изумляющим стражу, защищающую какие-либо важные для неприятеля боевые предметы, можно надеяться предать оные истреблению; как, например пороховой завод, огромный складочный магазин, большой артиллерийский парк и тому подобное.

Начальнику такого рода отряда достаточно быть смелому и отлично деятельному, дабы по нанесению предназначенного удара, отлететь к своей армии. Войско его составлено быть должно из небольшого числа легких всадников.

⁵⁵ В переиздании Давыдов воспользовался вариантом, предложенным рецензентом, включив его в переработанном виде в текст главы «Изложение направления партий согласно с различными направлениями армий», подробно расписав варианты расположения «точки складки» и соответственно отделений партий (позднее Давыдов стал применять формулировку «разряд» партии, число которых осталось прежним – три разряда. См: *Давыдов Д. В.* Сочинения: В 3 ч. Изд. 4-е, испр. и доп. по рукописям авт. М., 1860. Ч. 1. С. 43).

Тут не нужны ни пушки, ни квартирмейстерские офицеры, ни медики: двух казаков себе достаточно.

Партизан второго разряда представлен во всех чертах своих с отличною верною во всем пространстве сочинения. Остается прибавить, что польза действий его несравненно важнее пользы набегов первого. Качества характера ему свойственного также отличны: при необходимой решимости, при великой деятельности, он должен быть рассудителен, предприимчив, богат в изворотах и сведущ в правилах стратегии.

Партизаны первого разряда, об коих слегка упомянуто в сочинении, заслуживают подробнейшего рассмотрения. Поле действия их есть поле окрестностей армии, а предмет действия сообразен различному положению сражающихся сил. Партизан сего рода отправляется от армии на опаснейший фланг неприятеля, судя по стратегическому отношению, т. е. на тот фланг, на который и сама армия намерена действовать; дабы, сбив оный, придвинуть противника к какой-либо сильной естественной преграде. Он залагает свое основание вне дальних неприятельских разъездов и из оною устремляет свои удары.

Следующая часть публикуемого письма (лл. 120–128), внесенная Давыдовым в собственное сочинение «с весьма малою переменою», соотнесена с текстом «Опыта теории партизанского действия»: в левой колонке приведен дальнейший текст письма, в правой – текст «Опыта теории партизанского действия» (1821). Вставка вошла в главу «О действии партии» (с. 134–141). В письме Бурцова курсивом отмечен текст, не вошедший в «Опыт»; в отрывке из произведения Давыдова также курсивом – текст, измененный или добавленный автором. Курсив с добавлением полужирного начертания — исправления, внесенные Давыдовым непосредственно в тексте письма: написанное Бурцовым зачеркнуто и сверху или на полях подписано свое.

В положении нерешительном, когда сопротивные силы наблюдают одна другую, не вдаваясь в важные действия, занятие партизана будет состоять в том, чтобы доставлять *своей армии самые вернейшие сведения* о сокровеннейших расположениях неприятеля и, в случае оп-

В положении нерешительном, когда сопротивные силы наблюдают одна другую, не вдаваясь в важные действия, занятие Партизана будет состоять в том, чтобы доставлять *сведение* о сокровеннейших *частных* расположениях неприятеля и, в случае оплошности оною, пора-

⁵⁶ Письмо И. Г. Бурцова приводится без перестановок некоторых частей текста, которые потребовались Давыдову для его произведения.

лошности оною, поражать *внезапно нравственную часть его* войск. До сего он достигнуть может искусным направлением своих розыскных отрядов, водимых вернейшими и способнейшими лазутчиками. Слабые числом, но *ужасные пронырством*, отряды сии должны быть если не составлены из людей, говорящих языком неприятеля; то, по крайней мере, вверены таковым чиновником, и сколько возможно приноровлены наружным видом своим к ближайшему с оным сходству. Проникая в средину расположения *неприятельских* сил, они особенно будут стараться перехватывать гонцов, отправленных с повелениями, расспрашивать у самих неприятелей об общих и частных слухах, господствующих в их войсках и узнавать об размещении главной *и подведомственных начальничьих* квартир.

Голова отряда, получая *наибыстрейшим образом* известия обо всем ими разведанном, отсылает оные немедленно к полководцу, а сам *подчинен будучи одному ток-*

жать части войск *отделяющиеся от главных сил его*. До сего он достигнуть может искусным направлением своих розыскных отрядов, водимых *верными и способными* лазутчиками. Слабые числом, но *сильные внезапностию и умножающиеся чрез неугомонную деятельность*, отряды сии должны быть если не составлены из людей, говорящих языком неприятеля, то, по крайней мере, вверены таковым чиновником, и сколько возможно приноровлены наружным видом своим к ближайшему с оным сходству. Проникая в средину расположения *противных* сил, они особенно будут стараться перехватывать *Адъютантов и всякого рода* гонцов, *отправляемых* с повелениями *или с донесениями*, расспрашивать у самих неприятелей об общих и частных слухах господствующих в их войсках и узнавать *о местопребывании* главной, *корпусных и дивизионных* квартир.

Начальник партии, получа известие обо всем разведанном *розыскными отрядами*, отсылает оное немедленно к Полководцу, а сам, *внушаемый прозорливостию и*

⁵⁷ Далее Давыдов частично меняет порядок некоторых предложений, взятых из письма Бурцова.

⁵⁸ Этот абзац Давыдов в письме Бурцова поправил, но в текст «Опыта» не включил.

мо внушению своего гения, решается на такое или иное предприятие⁵⁶. Пользуясь темнотою ночи или туманною погодою, он пробирается до предмета, который предназначил своему удару. Таким образом, весьма легко ему истребить или привести в смятение все, что расположено в тылу лагеря и не сохранено сильными и неусыпными прикрытиями. Засечь магазин, уничтожить гошпиталь, отхватить фуражиров, заполнить важного чиновника, не представляет для него чрезвычайных затруднений. Самое даже желание ворваться в главную квартиру, или ставку вождя, может тешить легкокрылое его воображение. Время занятия кантонир или зимних квартир, обыкновенно почитаемое временем отдыха для прочих войск, будет для партизана живейшею частью его действительности. Здесь, с расширением пространства, занимаемого неприятелем, уменьшится его бдительность, а предметы подлежащие поискам партизана, значительно умножатся. Разрывая сношения между частями противных войск; ужасая оные неожиданными появлениями, сопровождаемыми мечем и пламенем; он поселит гибельную недоверчивость в ратниках; подобно привидению будет казаться повсе-

метливостию своею, спешит привести в исполнение отважные свои предначертания⁵⁷. Время занятия кантонир или зимних квартир, обыкновенно почитаемое временем отдыха для прочих войск, будет для Партизана сего, живейшею частью его деятельности. Здесь с расширением пространства, занимаемого неприятелем, уменьшится его бдительность, а предметы, подлежащие поискам Партизана, значительно умножатся. Разрывая сношение между частями противных войск; ужасая оные неожиданными появлениями, сопровождаемыми мечем и пламенем, он подобно привидению будет казаться повсеместным. Действуя иногда совокупно с другими Партизанами сего отделения, иногда раздельно с ними, иногда даже в россыпь, с тем, чтобы сосредоточиться там, где менее его ожидают, поразить, скрыться и появиться на противоположной точке той, на которую он ударил — есть его дело. Самое желание ворваться в главную квартиру, и даже в ставку вождя, может тешить легкокрылое его воображение. Все удастся ему, только чтобы не оставляли его неусыпность и решительность, генихранители всякого отдельного начальника.

местным; *понудит начальство к обременительной осторожности, и тем образует зародыши вредных последствий для будущего похода.*

Вот легкий абрис *партизанского действия в случае взаимной наблюдательности двух армий*: рассмотрим теперь поведение *отряда сего* во время сражений и в последующих оным движениях, *отступных и наступных.*

С первого взгляда кажется, что в продолжении самого боя партизан не может принести решительной пользы своей армии, – и действительно: появление *тысячи или полутора тысяч всадников в боку, или тылу борящихся сил, хотя может отвлечь на время готовящееся нападение некоторой части войск; но без сомнения за сею маловажною выгодою последует разбитие, или даже истребление партизана.* Явная причина сему *заключается* в том, что во время сражения все части неприятельской армии находятся бдительными и способными противопоставить меньшей силе большую. Оружие же партизана состоит более в искусстве, нежели в силе; вернейший союзник его внезапность. Посему, я думаю, что в продолжении сражения партизан должен подойти столь близко к

Вот легкий абрис действия *Партизана первого отделения.* Рассмотрим теперь поведение *партии сей* во время сражений и в последующих оным движениях, *отступных и наступных.*

С первого взгляда кажется, что в продолжении самого боя Партизан не может принести решительной пользы своей армии, и действительно: появление *полторы тысячи всадников в боку или в тылу борящихся сил, хотя может отвлечь на время готовящееся нападение некоторой части войск, но без сомнения за сею маловажною выгодою последует разбитие или даже истребление партии.* Явная причина сему *состоит* в том, что во время сражения все части неприятельской армии находятся бдительными и способными противопоставить меньшей силе большую. Оружие же Партизана состоит более в искусстве, нежели в силе; вернейший союзник его внезапность. Посему, я думаю, что в продолжении сражения Партизан должен подойти столь близко к

боевому полю, чтобы иметь возможность розыскными отрядами в точности наблюдать за ходом боя и к окончанию оного готовиться начать свои действия. Положим сперва, что неприятель возымел поверхность над нашею армиею, и сия должна уступить поле сражения, *предаться* отступлению. В сие время беспорядок *их* есть отличительная черта, как в рядах побежденных, так и в рядах победителей: одна только нравственная сила составляет преимущество *первых*. Вот блистательная минута для удара решительного *отрядного вождя!* Для него не может быть неудачи: он вихрем несется по всей затыльной части врага; освобождает своих пленных; истребляет раненых неприятелей; рубит артиллерию, отдыхающую без прикрытия; заклепывает орудия; разгоняет спешенную конницу; и может быть, самые пехотные толпы, в беспорядке бродящие, предадут гибельному мечу своему. Нанеся таким образом чувствительный вред *врагу-победителю* — *вред, могущий иногда уравнивать потерю, претерпенную своею армиею*, он прорывается сквозь фронтную (*лицевую*) сторону неприятельских войск и стремится на присоединение к *своему* арьегарду. Нет никакого сомнения, что поражение

боевому полю, чтобы иметь возможность розыскными отрядами в точности наблюдать за ходом боя и к окончанию оного готовиться начать свои действия. Положим сперва, что неприятель возымел поверхность над нашею армиею, и сия должна уступить поле сражения, *обратиться к* отступлению. В сие время беспорядок есть отличительная черта, как в рядах побежденных, так и в рядах победителей: одна только нравственная сила составляет преимущество *последних*. Вот блистательная минута для удара решительного *Партизана!* Для него не может быть неудачи: он вихрем несется по всей затыльной части врага; освобождает своих пленных; истребляет раненых неприятелей; рубит артиллерию, отдыхающую без прикрытия; заклепывает орудия, разгоняет спешенную конницу, и может быть, самые пехотные толпы, в беспорядке бродящие, предадут гибельному мечу своему. Нанеся таким образом чувствительный вред победителю, он прорывается сквозь фронтную сторону *или на противное крыло* неприятельских войск и стремится на присоединение к арьегарду *своей армии*.

Нет никакого сомнения, что поражение такого рода, удачно исполненное, не токмо причинит веще-

такого рода, удачно исполненное, не токмо причинит вещественный вред неприятелю, но вместе с тем *разгонит нравственное торжество*, доставленное победою, ослабит преследование и послужит к возбуждению мужества в своих соратниках.

Представим теперь неприятеля, уступившего натиску сил наших и по оставлении боевого поля стремящегося к отступлению. Уже легкая конница авангарда нашего настигает его тыльные отряды, гнетет их и придвигает к главным его громадам (*колоннам*). За нею поспешают тяжелые наши войска. В сем случае, если бы можно было задержать неприятеля на некоторое время, то возобновился бы вторичный бой, *и предполагая уже* преимущество, одержанное нашею армиею, *должно надеяться, что первому разбитию последовало бы* может совершенное поражение *неприятеля*. Здесь два рода действия лежат на обязанности партизана. Если страна пресекаема теснинами, *и если отряд составлен из войск, способных к обороне оных*, долг партизана забежать на путь, по коему неприятель следует, захватить выгоднейшее и труднейшее место, и тут решиться принять на себя всю тя-

гивный вред неприятелю, но вместе с тем *разрушит нравственную силу*, доставленную победою, ослабит преследование и послужит к возбуждению мужества в своих соратниках.

Представим теперь неприятеля, уступившего натиску сил наших, и по оставлении боевого поля, стремящегося к отступлению. Уже легкая конница авангарда нашего настигает его тыльные отряды, гнетет их и придвигает к главным его громадам. За нею поспешают тяжелые наши войска.

В сем случае, если бы можно было задержать неприятеля на некоторое время: то возобновился бы вторичный бой, *который от* преимущества, одержанного *уже* нашею армиею, может *обратиться* в совершенное поражение. *Первенцы славы сей принадлежат Партизанам первого отделения, ибо они находятся ближе других к неприятельской армии*. Здесь два рода действия лежат на их обязанности. Если страна пресекаема теснинами, долг Партизанов забежать на путь, по коему неприятель следует, захватить выгоднейшее и труднейшее место, и тут решиться принять на себя всю тягость удара

гость удара неприятельской силы, задержать оную и тем самым подвергнуть натиску своей армии. Если же два вышесказанные условия не подлежат исполнению, то дело партизана непрерывными нападениями пресекать путь *неприятельского* сообщения, задерживать и разгонять *подкрепления*, *портить и трудить проходы*: одним словом, истреблять на сем пути все появляющиеся пособия и уничтожая средства, служащие к скорости отступления, *задерживать таковое движение, и сим равномерно стремиться к доставлению* своей армии удобного случая нанести вторичный удар неприятелю.

Итак, для достойного выполнения изложенного важного долга, лежащего на партизане 1го разряда, мне кажется, что и *характер головы отряда* и состав *сего последнего* не могут быть одинаковы с прежде описанными.

неприятельской силы, задержать оную и тем самым подвергнуть *ее* натиску своей армии. Если же два вышесказанные условия не подлежат исполнению, то дело Партизана непрерывными нападениями пресекать путь сообщения, задерживать и разгонять *войска, отделенные неприятелем для охранения оногo, портить мосты, трудные проходы и перевозить суда или лодки на свою сторону*: одним словом, истребляя на сем пути все появляющиеся пособия и уничтожая средства, служащие скорости отступления, *стараться всеми способами доставить* своей армии удобный случай нанести вторичное поражение неприятеля.

Итак, для достойного выполнения изложенного важного долга, лежащего на партизане 1го отделения, мне кажется, что и состав *сей партии* не может быть одинаков с прежде описанными⁵⁸.

Далее приводим продолжение письма Бурцова, не вошедшее в сочинение Давыдова. Отрывок, выделенный ниже курсивом, был перечеркнут Давыдовым сверху вниз, что, скорее всего, свидетельствует о несогласии автора с мнением Бурцова.

Ко всем редким качествам, необходимым для начальника партизанов 2го рода, надлежит присовокупить еще важнейшую черту — твердость духа, без которой нельзя ожидать решительной пользы от его действий: ибо все они превращены будут в легкие набеги, маловажные там, где противопоставится им осторожность. Сильный же духом муж не почит поприще свое увенчанным,

доколе не избрет решительного часа, обрекающего его и всех товарищей на славную гибель, долженствующую доставить своему воинству несравненные выгоды, за его добровольную жертву. Возмездием подвига своего, он будет почитать бытописание, переживающее столетия⁵⁹.

Состав партизанского отряда 1го рода в сообразности с предметом действия оному предназначенного, должен быть не весь из одних легких всадников.

Как занять теснину, покрытую лесом, или ущелье селения, казаками, вооруженными дурными ружьями и не имеющими штыков? Мне кажется, что полк драгун, два полка казаков и 4 или 6 орудий⁶⁰ конной артиллерии весьма бы хорошо соответствовали понятию своему о составе такого отряда. Кроме легкости и быстроты, оный заключал бы в себе известные способы истребления.

Но я давно бы уже должен был возвратиться к сущности самого творения и не вдаваться в плодовитые (и может быть весьма ошибочные) мои отступления, не терпимые в кратких пределах письма. Итак, возвращаясь ко второму отношению, по коему обсуживаю я сочинение, т.е. к *порядку мыслей*, обязываюсь сохранить всевозможную краткость.

Касательно *порядка* сего сочинения ничего нельзя сказать в порицание. Все истины представлены в тесной связи; ни одна не брошена на удачу, но главные выведены из общих правил стратегии, долженствующих, без сомнения, быть азбукою для всякого начальника партизанов; пространство, занимаемое каждым правилом, соответствует его важности, и значительное не загромождено мелочами; нет нигде скучных остановок, утомляющих читателя, напротив, быстрота и стремление, свойственные предмету, увлекают нечувствительно от причины к следствию.

В отношении к слогу многое сказать должно. Слог самообразный, подлинный, не имеющий похожего. Это уже достоинство, когда не сопряжено с другими неудобствами. Но еще, слог отлично сродный смыслу: живописный, богатый яркими красками, сильный уместными и большей частью хорошо избранными выражениями, являющими страсть писателя ко всему отечественному: ибо множество иностранных слов, одною только привычкою утвержденных, заменены благозвучными и свойственными предмету словами языка русского. Видно, что сочинитель писал с природы: жизнь и движение знаменуют каждую строку. Но при всех сих великих достоинствах слога встречаются два немаловажные недостатка, ничтожные в произведении обыкновенном, но весьма значительные в творении образцовом. Это слишком решительная смелость в оборотах, не одобряемых geniusом языка нашего и пренебрежение грамматических правил оного.

⁵⁹ Между этим и последующим абзацами Давыдов вписал: «соображаясь с предметом действия оной предназначаеваемого, ей не всей должно быть составленной из казаков».

⁶⁰ Зачеркнуто, сверху Давыдовым вписано: «и два орудия». Далее в тексте отсутствуют пометы и зачеркивания адресата.

Нет никакого сомнения, что ваше превосходительство допустило сии погрешности единственно почитая их маловажными: но все совершенное приятно видеть одинаковым как в главных, так и дробных частях, и сверх того, всякий принимающийся за перо, обязан повиноваться непреложным уставам языка.

Итак, излагая откровенно мое мнение, я думаю, что присоединяемая к сему записка, составленная из точнейшего разбора материальной части вашего творения, не бесполезна будет при втором тиснении. Я прошу ваше превосходительство принять оную с величайшей недоверчивостию и предать на суд людям более опытным в отечественном слове. Прошу принять оную знаком сильного желания моего быть сколько-нибудь полезным в труде, вами совершенном, а отнюдь не намерением исправить погрешности. Вы сами согласитесь, что право писателя не может принадлежать военному человеку, лишенному и времени и удобства беседовать с музами, воспитанному если не в боях и куренях⁶¹; то по крайней мере в шуме военной подвижности.

Я сказал уже выше; произведение, являющееся в свете для преждевременного забвения, следует игральцем для одних журналистов: внимание людей, не принадлежащих к их сословию, редко обращается на оное, или, утомленное легким просмотром, молчно обрекает его на ничтожество. Но я показал вам точку, с которой смотрю на «Опыт теории партизанского действия». Это подарок русской армии; дань европейскому воинству; творение равно славное и для языка, и для народа русского. Это в другом роде: «Опыт теории о налогах» Тургенева⁶², коим не похвалится ни одна чужестранная литература. Тому воздавать будут хвалы политики, доколе не обрушатся столпы государственных зданий; — этому будут возносить благодарность воины, пока люди не перестанут точить штыки и отпускать сабли для гибели нарушителей покоя!

Вот, милостивый государь, мнение о творении вашем соотечественника, в коем бьется сердце для славы, для блага России!

Имею честь быть с истинным почтением и совершенною преданностию,
милостивый государь,
вашего превосходительства
покорный слуга

И. Бурцов

Тульчино

5 октября 1821

⁶¹ Отсылка к давыдовскому вступлению, открывающему книгу: «Занимавшись словесностию на коне и в куренях солдатских, я чувствую, сколь необходимы для меня советы писателей».

⁶² *Тургенев Н.* Опыт теории налогов. СПб., 1818. Исследование Н. И. Тургенева сыграло самую положительную роль в развитии общественной и экономической мысли России XIX в. и породило живой и плодотворный интерес к финансовой науке.

Письмо Бурцова интересно и как образец эпистолярной прозы, и как образец критико-публицистического произведения того времени.

Дополняют картину подготовки «Опыта» обнаруженные в бумагах Давыдова «Замечания», составленные Иваном Васильевичем Сабанеевым⁶³. В. Н. Орлов упоминал о них, но посчитал их относящимися к статье Давыдова «Взгляд на отдельные действия генерал-адъютанта Чернышева во время кампании 1812, 1813 и 1814 годов»⁶⁴, поскольку они шли в одном корпусе с рукописью статьи (сразу после нее)⁶⁵. В первом же из замечаний речь идет об А. И. Чернышеве. Однако внимательное прочтение записей Сабанеева убедительно доказывает, что их содержание имеет прямое отношение к рассматриваемому в настоящей статье произведению Давыдова. При этом указанные Сабанеевым номера страниц с цитатами давыдовских строк соотносятся именно с содержанием первого издания книги.

Чей же экземпляр первого издания книги Давыдова попал в руки Сабанеева? Из письма Закревскому от 15 августа 1821 г. известно, что Давыдов «никому не дал ни одного экземпляра»⁶⁶, кроме трех, уже нам известных. Разгадка была обнаружена в письме самого Давыдова к Киселеву, из которого следует, что знакомство с «Опытом» произошло благодаря последнему — он часто бывал по служебным делам в Одессе, Кишиневе, Тирасполе. Скорее всего, сам Давыдов еще летом в письме при посылке книги Киселеву просил, чтобы он показал ее, кому сочтет нужным. Зная о добрых отношениях, существовавших между Сабанеевым и Давыдовым, Киселев после прочтения сочинения им самим и Бурцовым выполнил пожелание друга⁶⁷.

⁶³ Давыдов и Сабанеев были знакомы со шведской кампании 1808–1809 г., особенно тесно они общались, когда Давыдов был в 1818 г. переведен на юг России начальником штаба 7-го, с 1819 – 3-го пехотного корпуса, где Сабанеев уже командовал с 1816 г. (и до своей смерти в 1829 г.) 6-м корпусом 2-й армии. О последнем современники оставили самые противоречивые отзывы: от грубого и эгоистичного до честного, усердного, гуманного (см.: *Давыдов М. А.* Оппозиция его величества. М., 2005. С. 107). Ближайшие друзья Давыдова, Ермолов и Закревский, высоко ценили благородные чувства, «ум и правила сего достойного человека», «бесценного» «почтенного и постоянного камрада» (СБРИО. Т. 73. С. 194; Русский архив. 1912. Кн. 2. № 6. С. 198). П. Д. Киселев первоначально не разделял подобной точки зрения о Сабанееве, изменив свое мнение после его неосценимой помощи во время эпидемии чумы в Бессарабии в 1819 г. Характеристика же Давыдова в письме к Закревскому отражает двойственное мнение об этом генерале в военной среде: «Милый для нас с тобою, но ярый со всеми Сабанеев» (из письма Давыдова к Закревскому от 18 мая 1819 г. СБРИО. Т. 73. С. 516).

⁶⁴ *Орлов В. Н.* Судьба литературного наследия Д. В. Давыдова. С. 320.

⁶⁵ РГВИА. Ф. 194. № 22. Лл. 68–72 об.

⁶⁶ Из письма Давыдова к Закревскому от 15 августа 1821 г. (СБРИО. Т. 73. С. 530).

⁶⁷ Во второй половине 1821 г. и сам Киселев теснее сближается с Сабанеевым (см.: СБРИО. Т. 78. С. 81, 86, 88, 92).

Однако замечания Сабанеева были с долей скептицизма восприняты автором «Опыта», сравнившим их с дельными советами Бурцова. К тому же Давыдов вот-вот ожидал выхода исправленной книжки. 27 декабря 1821 г. Давыдов пишет из Москвы: «Очень благодарю тебя, любезный и почтенный друг, за присылку замечаний Сабанеева, хотя они не могут мне ни к чему послужить. Ты справедливо называешь их *бреднями*; я на будущей почте пришлю к тебе мои замечания на них, и ты увидишь, кто из нас прав, кто виноват. Не могу того же сказать о И. Г. Бурцове. Ответ мой на замечания его он увидит в новом тиснении; я не только все почти исправил по желанию его, но даже целые его периоды включил в новое издание. Вот критик истинный! Ежели когда-нибудь вздумаю писать еще, ни к кому другому не прибегну, как к нему и прошу его не отказать мне в своих замечаниях, основанных на логике, а не на желчи, как замечания Сабанеева. Пожалуйста, пусть сие останется между нами, ибо я душевно его почитаю. Слабости сии свойственны человеку, который, как ни говори, а все прожил лучшую часть жизни своей в 18^м, а не в 19^м столетии»⁶⁸.

Действительно, Сабанеев в своих замечаниях давал не столько конкретные советы, сколько высказывал свои соображения по поводу некоторых проблем, затронутых Давыдовым. Например, по поводу сомнения Давыдова в «том, чтобы одна стужа могла изгнать из России того, который ни зною Египта, ни снежным громадам Альпов не покорялся; так и в том, чтобы честь сия принадлежала исключительно линейному войску!»⁶⁹, Сабанеев писал: «Все делали свое дело, и стужа без войска не истребила бы французов. Но истинная причина, побудившая Наполеона к выступлению, заключается единственно в твердости самого государя, который, потеряв столицу, не считал потерей империи. И вот, по мнению моему, в чем именно ошибся великий полководец французов – нельзя помыслить, чтобы не видел он стратегической ошибки в движении на Москву (длина операционной линии сделалась чрезвычайно несообразною с пространством ее в ширину занимаемым). Но занятием оной полагал окончание войны с Россией»⁷⁰.

Некоторые замечания могли действительно вызвать недоумение, если не раздражение Давыдова. Например, по поводу фрагмента, посвященного тактике диверсионных действий партизан, которые изнуряли противника, лишали его «отдохновения», Сабанеев заявляет: «Так бы и должно, но сего не было. Французы пришли на Березину прежде всех партизанов, и Чичагов, ожидая неприятеля в Борисове, не имел ни малейшего о сем известия <...>. Не знаю, где были

⁶⁸ РО ИРЛИ. Ф. 123. № 27. Л. 11.

⁶⁹ В последующих работах Давыдов развил эти мысли: в 1825 г. выпустил отдельным изданием статью «Разбор трех статей в записках Наполеона», а в 1835 г. посвятил исследование вопросу «Мороз ли истребил французскую армию в 1812 году».

⁷⁰ РГВИА. Ф. 194. № 22, л. 69 об.

партизаны»⁷¹. Его мнение о способностях «летучих отрядов», состоящих в основном из казаков, таково: «Наездничество не имеет ничего общего с партизанами»⁷². Практически в финале «Замечаний» Сабанеев подытоживает: «Словом, между многими прекраснейшими идеями автора нельзя не заметить чего-то слишком методического, тяжелого, неподвижного...»⁷³

Давыдов, пожалуй, согласился лишь с одним утверждением: в одном из его примечаний к «Опыту» Сабанеев по ряду причин признал неудачным пускать конгревовы ракеты⁷⁴ из рук казаков. В издании 1822 г. Давыдов учел пожелание боевого генерала: это примечание было значительно сокращено до общей рекомендации иметь такие ракеты и совета, в каком случае их употреблять.

Таким образом, в круг сведений о работе над книгой необходимо включить и ранее неверно атрибутированные записи И. В. Сабанеева, которые, несмотря на неоднозначную реакцию Давыдова, подтверждают причастность их автора к тому весьма узкому кругу лиц, в истинности приязненных отношений которых Давыдов не сомневался ни на секунду.

Давыдов очень избирательно отнесся к рекомендациям, которые содержались в вышеупомянутых рецензиях, к одним прислушиваясь, а от других категорически отказываясь. Притом, что он внес необходимые коррективы, его стилистическая манера практически не изменилась, оставаясь по-давыдовски небрежной — в этом современники даже видели его личную особенность. Жуковский, постоянный редактор поэта-партизана, в одном из писем небрежность стиля Давыдова назвал «привлекательной» и нередко отказывался что-либо править⁷⁵. И в отношении стиля «Опыта теории партизанского действия» возникали разные мнения. Так, П. А. Вяземский упрекал А. И. Тургенева за критику «Истории партизанского движения» (так он по-своему назвал книгу): «Ты все хочешь грамоты; да что ты за грамотей такой? Есть ошибки противу языка, но зато есть и подарки языку. Уж этот мне казенный штемпель! Жжет душу...»⁷⁶

Итак, можно заключить, что желавший как можно скорее выдать новое исправленное издание «Опыта» Давыдов проделал эту работу за два месяца: с середины августа по октябрь «почистил» текст по замечаниям Закревского,

⁷¹ Там же. Л. 68 об.

⁷² Там же. Л. 70 об.

⁷³ Там же. Л. 72.

⁷⁴ Конгревовы ракеты – зажигательные ракеты, изобретенные в 1805 г. В. Конгревом. Длина ракеты была около двух метров. Дальность полета – до семи километров.

⁷⁵ См.: письмо В. А. Жуковского к Давыдову от 10 декабря 1829 г. (Жуковский В. А. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. М.; Л., 1960. С. 595).

⁷⁶ Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 2. СПб., 1899. С. 329 (письмо от 3 июня 1823 г.).

а в 10-е — 20-е числа октября 1821 г. (в печать книга была подписана 31 октября) рукопись уже переписывалась набело. Именно в этот период Давыдов, по его словам, «успел» сделать вставку из письма Бурцова, внося необходимые исправления прямо в его текст. Редакционная работа заключалась в следующем: были скорректированы и в различной степени сокращены главы: «Партизаны 1812 года», «О силе и составе партии», «О партии на марше», «Критическое рассуждение об истреблении осадного транспорта Прусской армии в 1758 году». Появляется важная глава «Изложение сущности всякого вообще военного действия», существенно расширяется и трансформируется глава «О действии партии», куда Давыдов включил отрывок из письма Бурцова. Общий объем увеличился со 197 страниц до 217, был добавлен один чертеж.

Давыдов, ожидая тираж обновленного «Опыта» к концу декабря 1821 г., заранее озаботился распространением книги в военных кругах, в чем ему помогал и Киселев, вызвавшийся на подписку для 2^й армии. «Раздай сколько можешь, — просил его Давыдов. — Деньги собирай у себя, и когда я доставлю экземпляры, то перешли деньги ко мне. Однако чтобы знать, сколько нужно будет, то по раздаче листиков уведоь о числе подписавшихся»⁷⁷. И, наконец, 27 декабря извещил друга: «Посылаю тебе шесть экземпляров нового издания: один графу, другой тебе, третий Михайле Орлову, четвертый И. Г. Бурцову, пятый И. В. Сабанееву, шестой Алек<сандру> Яков<левичу> Рудзевичу.

Хотя я тебе послал 300 листиков для подписки, но вижу, что не могу сего числа экземпляров доставить тебе, и потому сделай подписку на 150 или, много, на 200. Уведоь, пожалуйста, когда будут собраны деньги, я немедленно отправлю книги, ибо они готовы будут на будущей неделе»⁷⁸. Тираж был получен вовремя. Одним из первых, кому Давыдов отослал книгу с дарственной надписью на авантитуле, вновь стал его двоюродный брат, в библиотеке которого и сохранились оба экземпляра 1821 г. издания: «Его высокопревосходительству милостивому государю Алексею Петровичу Ермолову. От сочинителя. 1822-го года. 4-го генваря»⁷⁹.

В первую очередь (22 декабря) экземпляр был отправлен Александру I. Давыдов ожидал только одного — «благосклонного воззрения», о чем просил Петра Михайловича: «Не откажите, сиятельнейший князь, быть ходагем моим в сем случае, и, как ревностный распространитель военной науки, удостойте принять другой экземпляр сочинения сего⁸⁰ — он есть нелестный знак глубоко-

⁷⁷ РО ИРЛИ. Ф. 123. Л. 10 (письмо от 29 ноября 1821 г.).

⁷⁸ Там же. Л. 11 (письмо от 27 декабря 1821 г.).

⁷⁹ Научная библиотека МГУ. Ерм. VI/59; Ерм. XXVIII/2.

⁸⁰ Давыдов, до сих пор переживавший обиду на холодное отношение властей к судьбе его труда, напомнил о своих прежних попытках: «другой» — имеется в виду не следующий рукописный вариант, а уже отпечатанная книга. Таким образом, автор отметил свою маленькую победу, поскольку сочинение прошло

чайшего моего высокопочитания»⁸¹. Еще в июле, отправляя через Закревского экземпляры книги для царя и Волконского в первом издании (которые затем затребует у друга обратно), Давыдов делился планами о ее возможном переводе и не без иронии замечал, чтобы они «не вздумали мне сделать какого-нибудь подарка; я этого как огня боюсь, и доволен буду тем, что не осердятся»⁸². Давыдов, казалось, приложил для этого все силы, даже поменял название! Первоначально нейтральное: «Опыт о партизанах», впоследствии более профилированное: «Опыт теории партизанского действия»⁸³. Но его ожидания не оправдались.

Книга сразу же привлекла к себе внимание властей. Давыдов доказывал, что преимуществом России являются казацкие войска, мало стоящие казне, способные к скорым перемещениям, неустрашимые по природе и представляющие существенную боевую силу. Этот взгляд и насторожил военные и государственные верхи: «Опытом» оказались недовольны, усмотрев в нем невнимание к армейской дисциплине и воспевание казачьей вольницы (и это на фоне разрабатываемой с 1819 г. реформы казачьих войск, которые теперь должны были стать частью регулярной армии). К тому же в начале 1820-х гг., в связи с политической ситуацией (восстание Семеновского полка, революции в Южной Европе) и нарастанием освободительных устремлений в офицерской среде, власти крайне неодобрительно относились к напоминаниям о произошедшей победе в Отечественной войне 1812 г. П. М. Волконский 23 марта 1821 г. делился с И. В. Васильчиковым: «Давно пора перестать говорить о кампании 1812 года или, по крайней мере, быть скромнее. Если кто-либо сделал что хорошее, он должен быть доволен тем, что

через Московский цензурный комитет, а не через военную цензуру, которая рассматривала его два с половиной года, только в начале 1822 г. приняв решение о публикации уже совершенно устаревшего варианта.

⁸¹ Цит. по *Аснина О. В.* «Опыт теории партизанского действия» Дениса Давыдова в библиотеке А. П. Ермолова. С. 180. В этом же письме Давыдов весьма корректно намекает Волконскому о не доставленных прежде рукописных копиях, которые открывались посвящением Александру I: «Я не смел утруждать государя императора просьбою моею о позволении украсить слабое сие творение августейшим именем его» (Там же. С. 179). Подобное письмо Волконскому, еще летом отправленное при экземплярах первого издания, практически дословно совпадает с отосланным в декабре. Копии первых писем начальнику Главного штаба и императору сохранились среди писем Давыдова к Закревскому (РГИА. Ф. 660. № 107. Л. 123).

⁸² Письмо Давыдова к Закревскому от 22 июля 1821 г. (СБРИО. Т. 73. С. 528–529).

⁸³ О такой практике тех лет, когда запрещенная цензурой публицистика входила составной частью в научные статьи, писал и упоминавшийся в письме И. Г. Бурцова автор «Опыта теории о налогах» Н. И. Тургенев в письме от 7 мая 1819 г.: «Так как у нас нельзя прямо говорить то, о чем говорить надобно, то я и полагаю, что все это должно быть наряжено в одежду теории. Под сим покровом мы будем стараться распространять здравые идеи» (Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу. М.; Л., 1936. С. 282).

исполнил свой долг, как честный человек и достойный сын отечества...»⁸⁴. Этот курс правительства был очевиден. Еще в 1820 г. Давыдов, возражая Закревскому на мнение о частном характере воспоминаний, подметил: «Ты говоришь, что такие сочинения должно одним приятелям читать, а я думаю напротив. Благо есть, что про себя сказать, почему не говорить? Особенно в такое время, в которое стараются предать забвению и события, и людей, ознаменовавших сию великую эпоху, коей слава есть собственность России»⁸⁵. Подобная позиция побуждала Давыдова как можно быстрее издать «Опыт».

Теперь нам предстоит рассмотреть, как повлиял выход книги на дальнейшую военную карьеру писателя. Император, издавна недоброжелательно относившийся к Давыдову⁸⁶, мало отмечавший его заслуги в Отечественной войне, продолжал относиться к нему с большой долей подозрительности⁸⁷. Появление книги не изменило, как надеялся автор, а утвердило мнение Александра I о партизанах как о неблагонадежном лице, а сама она, очевидно, была расценена как своего рода вызов правительственной политике и сложившейся военной системе. В сентябре 1821 г. Давыдов хлопотал о переводе дивизионным командиром на Кавказскую линию под руководство А. П. Ермолова. На все многочисленные прошения Давыдова было отвечено отказом. Не помогли ни заступничество Закревского и Дибича, ни «домогательства» Ермолова (так он сам охарактеризовал свои бесконечные прошения руководству Главного штаба в течение четырех (!) лет – с октября 1821 г. по июль 1825 г.), пытавшегося доказать потребность армии в Давыдове, даже когда тот уже был в отставке⁸⁸. А в последний раз было «отказано таким образом, что я (Ермолов — *И. К.*) и рта не могу более разинуть. Жаль, что его хорошо не знают и остаются его способности бесполезными»⁸⁹. Давыдов решил выйти в отставку и получил ее 14 ноября 1823 г. Таким образом, его опасения получить отставку «от военной службы за военное сочинение» сбылись.

⁸⁴ Русский архив. 1875. № 5. С. 90.

⁸⁵ Письмо Давыдова к А. А. Закревскому от 6 июня 1820 г. (СБРИО. Т. 73. С. 525).

⁸⁶ Еще в юности Давыдов был переведен из Кавалергардского полка в Белорусский гусарский полк. Это связано либо с его литературными занятиями (вольный перевод и сочинение иносказательных сатирических басен — «Река и Зеркало» и «Человек и Ноги»), либо с серьезными нарушениями армейской дисциплины. Только через два года, в 1806 г., он был возвращен в гвардию.

⁸⁷ Накануне переиздания «Опыта», в августе 1821 г., Давыдов вместе с П. Вяземским и Ф. Толстым был заподозрен в распространении негативных мнений о политике России в отношении Греции, восставшей против турецкого рабства. Выручил Закревский, не давший хода «ложному доносу» (см. письмо Давыдова к Закревскому от 30 августа 1821 г.: СБРИО. Т. 73. С. 530).

⁸⁸ История этого перевода находит подробный отклик на страницах писем Ермолова к Закревскому (СБРИО. Т. 73. С. 372, 375, 378, 383, 384, 391, 396, 404, 409 и др.).

⁸⁹ СБРИО. Т. 73. С. 440.

Тем не менее, выход в свет «Опыта» сделал автора известным военным писателем. Патриотически настроенные друзья и, в первую очередь, будущие декабристы приняли книгу Давыдова с восторгом. Откликнулся на нее и Пушкин, знакомый с поэтом-партизаном с 1816 г., прислав ироничное дружеское послание:

Недавно я в часы свободы
Устав наездника читал
И даже ясно понимал
Его искусные доводы;
Узнал я резкие черты
Неподражаемого слога;
<...>
Перебесилась наконец
Твоя проказливая лира,
И, сердцем охладев навек,
Ты, видно, стал в угоду мира
Благоразумный человек!
О горе, молвил я сквозь слезы,
Кто дал Давыдову совет
Оставить лавр, оставить розы?
Как мог унизиться до прозы
Венчанный музою поэт,
Презрев и славу прежних лет,
И Бурцовой души угрозы!⁹⁰

«Опыт» стал столь востребован, что Давыдов решил предпринять второе издание. Уже 5 июня 1822 г. книга, как и две предыдущие 1821 г., была подписана к печати цензором Федором Чумаковым. Изменения в следующем издании произошли малозначительные. Раздел «Об образовании сельской извещательной стражи» не выделен отдельно, а вошел в состав предшествующего «Об учреждении пункта сношения с главной армиею и в нем госпиталя партии». Такое объединение сохранилось и в издании 1860 г. Сокращение объема на 7 страниц объясняется изменением оформления текста при печати (сжатие расстояния между абзацами).

В продажу книга поступила к сентябрю. Известно, что в работе над этим изданием Давыдову помогал писатель, журналист и редактор князь П. И. Шаликов. Сохранились три письма Давыдова к князю, в которых он искренне благодарил его за «очистку» книги и выражал настойчивое желание

⁹⁰ Пушкин. Т. 2. С. 274.

поделиться с ним как со своим сотрудником выручкой от ее довольно успешной продажи: «Кажется вам и отказать мне нельзя, ибо справедливость оного требует»⁹¹. Из контекста видно, что Шаликов, помимо редакторской работы⁹², наблюдал за печатанием в отсутствие автора в Москве⁹³, но решительно отказывался от предложенного вознаграждения. Финал этой истории неизвестен, но деликатность Давыдова, знавшего о трудном финансовом положении Петра Ивановича, и настойчивость «старого партизана»⁹⁴, вероятнее всего, способствовали тому, что Шаликов получил свое вознаграждение.

Более эта книга при жизни автора не печаталась. Тем не менее, некая неудовлетворенность подталкивала Давыдова к постоянным раздумьям над ее усовершенствованием. В планах Давыдова было привести больше примеров из истории партизанского действия, свидетельствующих о партизанской доблести. Благодаря А. И. Якубовича за лестный отзыв о его «слабом» труде, Давыдов рекомендовал ему взяться за описание собственных подвигов: «...потрудитесь и подарите меня сим начертанием, я им воспользуюсь при третьем издании “Опыта”, который дополню и последнею войною Мины

⁹¹ Пухов В. В. П. И. Шаликов и русские писатели его времени (по архивным материалам) // *РЛ*. 1973. № 2. С. 161. Третье письмо было опубликовано совсем недавно: Светлова Г. Г. Письмо Дениса Давыдова // *Наше наследие*. 2007. № 83–84. С. 18–19. Совершенно справедлива и датировка этих писем 1822 г., уточненная исследовательницей (В. В. Пухов, а вслед за ним и О. В. Аснина посчитали эти письма относящимися к 1821 г.). В пользу этого свидетельствуют не только даты цензурных разрешений, на которые опиралась исследовательница, но прежде всего данные о том, что в сентябре 1821 г. Давыдов еще перерабатывал «Опыт», готовя его к переизданию, и никак не мог утверждать, что его книга успешно расходуется.

⁹² Г. Г. Светлова предположила, что «исправления слога князем Петром Ивановичем <...> касаются поправок, которые ввел во второе издание автор» (Светлова Г. Г. Письмо Дениса Давыдова. С. 19), и указала на слова из авторского предисловия о замечаниях, по которым Давыдов исправил погрешности своего сочинения. Поправки, как мы убедились, были — но в переиздании, а во втором издании благодарность за замечания была обращена к военным людям. От Шаликова как опытного редактора могла быть принята скорее техническая поддержка (исправление опечаток, расстановка пунктуационных знаков) с незначительным выправлением слога для благозвучия. Так, например, в первом издании «обладаемая неприятелем область» заменена на «занимаемая», или в выражении «читатель решит, достиг ли я до моей цели» убрано лишнее «до». Примечания Давыдова в этом издании были вновь напечатаны постранично (как и в самом первом издании), в отличие от переиздания, где шли одним блоком в конце книги.

⁹³ С лета 1820 г. Давыдов жил в подмосковном имении Приютово в 70 верстах от Москвы.

⁹⁴ Характеристика, данная самим Давыдовым в письме к Шаликову от 8 сентября (Пухов В. В. П. И. Шаликов и русские писатели его времени. С. 161).

в Испании и моею 1812 и 1813 годах»⁹⁵. О переводе книги на европейские языки заходила речь в его переписке с Вальтером Скоттом, которому 10 января 1827 г. он отвечал: «Вы выражаете в своем письме желание получить представление о характере партизанской войны. Обстоятельства мешают мне немедленно удовлетворить ваше желание, но по возвращении из Персии я почту за честь и удовольствие послать вам мои “Воспоминания о действиях моего отряда в 1812 году” и мой “Опыт теории партизанского действия”, третье издание которого, вышедшее два года тому назад, я как раз пересматривал, исправлял и дополнял, когда мне пришлось отправляться воевать»⁹⁶. Владимир⁹⁷, который владеет обоими языками (русским и английским), охотно переведет вам мои воспоминания и замечания»⁹⁸. Был ли осуществлен этот перевод, остается неустановленным.

В середине 1828 г. Давыдов решился кардинально поменять замысел, отказавшись от первой, исторической, части и целиком посвятив третью примерам. Об этом он сообщал Вяземскому: «Разделяю его («Опыт» – *И. К.*) на три части: 1-я будет стратегическая, или наставление главнокомандующим, как употреблять партии, 2-я тактическая, или наставление начальникам партий, как действовать, а 3-я практическая, или изложение примеров, как начальникам партий принаравливать действия свои к местностям. Так как у меня есть прекрасная топографическая карта окрестностей Москвы и так как я пишу для русских, а не для иноземцев, то примеры сии будут приводимы к сей карте. Я думаю, что это сочинение не потонет в Лете и бесполезно не будет, разумеется, тем, кои читают, а не маршируют»⁹⁹. Книга и прежде имела трехчастное строение, но теперь, по замыслу автора, должна была претерпеть существенные изменения в содержательном плане.

⁹⁵ Из письма Давыдова к А. И. Якубовичу от 14 марта 1824 г. (Сочинения Дениса Васильевича Давыдова. Т. 3. С. 157).

⁹⁶ 23 марта 1826 г. Давыдов был назначен временным начальником войск в Кавказском отдельном корпусе во время войны с Персией. 25 ноября того же года уволен в отпуск с разрешением вернуться в Россию.

⁹⁷ Владимир Петрович Давыдов (1809–1882) – двоюродный племянник Д. Давыдова, сын Петра Львовича Давыдова. В. П. Давыдов был лично знаком с В. Скоттом (с ноября 1825 г.), через него состоялось заочное знакомство Дениса Васильевича с прославленным писателем.

⁹⁸ *Алексеев М. П.* <В. Скотт и Д. Давыдов> // Лит. наследство. Т. 91. М., 1982. С. 282. Чтобы подчеркнуть значимость и востребованность своего произведения, Давыдов, говоря о третьем издании, мог немного лукавить: номинально вышло три издания, из которых только два были известны широкому кругу читателей. Также непридуманно упомянут и год выхода последней публикации.

⁹⁹ Из письма Давыдова к П. А. Вяземскому от 20 июля 1828 г. // Старина и новизна. Кн. 22. С. 35.

К 1832 г. у Давыдова сформировалась и структура будущего издания: «“Опыт партизанского действия” – это будет составлять 1^й том, а 2^й будет заключать партизанские записки мои на 1812 год, которые я исправил и добавил, а некоторые статьи вычеркнул»¹⁰⁰. Такой тематический двухтомник стал бы замечательным памятником заслуг Давыдова в его собственном предприимчивом партизанстве и прославил бы его имя как теоретика этого рода войны.

Письма второй половины 1830-х гг. подтверждают серьезное намерение автора напечатать свое сочинение. 3 мая 1836 г. он сообщал Михайловскому-Данилевскому, что к зиме надеется «выдать четвертое издание “Опыта теории партизанского действия”»¹⁰¹; оно вылиты в другую форму и много исправлено по совету знающих свое дело военных людей, – между прочим незабвенного Бурцова, убитого за Арцрумом и обещавшего нам отличного полководца. В этом “Опыте” будет вся сущность партизанского искусства для русских войск»¹⁰². 5 ноября отмечал, что исправление книги он думает «скоро кончить»¹⁰³. Домашние и творческие хлопоты¹⁰⁴ оторвали Давыдова от завершения труда больше чем на год. К тому же, предвидя цензурные нарекания, ставшие постоянными по отношению к его статьям о войне 1812 г. и заграничных походах, он продолжал отшлифовывать произведение. В письме к Н. В. Путяте 10 октября 1838 г. Давыдов заявлял о том, что рукопись будет готова к январю (1839 г.), что он планирует ее «отдать в печать немедленно»¹⁰⁵. Слово «немедленно» указывает на близость долгожданного момента, на нетерпение автора, который столько лет работал над окончательным вариантом и решил, наконец, что очередная редакция станет последней. Однако и в это время нашлись неотложные дела: властями была поддержана инициатива Давыдова о перезахоронении на Бородинском

¹⁰⁰ Из письма Давыдова к П. А. Вяземскому от 14 мая 1832 г. Там же. С. 45.

¹⁰¹ Как мы уже успели убедиться, «четвертое издание» – не оговорка, не описка Давыдова, как считалось прежде. В письмах к посвященным в историю публикации «Опыта» им всегда учитывался и первый напечатанный «Опыт», а потому верно указывалась очередность готовившейся (как в письме к Михайловскому-Данилевскому, несомненно, знавшему о переиздании) или уже вышедшей публикации. В письме В. Скотту указание на три вышедших издания было мотивировано приданием весомости собственной книге. В приведенном же выше письме Якубовичу, не знавшему о дублете, Давыдов говорит о задуманном третьем издании.

¹⁰² Сочинения Дениса Васильевича Давыдова. Т. 3. С. 220–221. Подлинник: РНБ. Ф. 488, № 54. Л. 13–15.

¹⁰³ РО ИРЛИ. Ф. 325, № 69. Л. 3.

¹⁰⁴ Заботы об образовании подрастающих сыновей, которых он готовил к поступлению в учебные заведения Петербурга, а также предложение А. Ф. Смирдина издать собрание его сочинений в стихах и прозе, в результате чего Давыдов принял за пересматривать и дополнять свои прежние творения.

¹⁰⁵ Цит. по: Орлов В. Н. Судьба литературного наследия Д. В. Давыдова. С. 337.

поле праха Багратиона. К тому же старого партизана одолевал ревматизм. Скоропостижная смерть Давыдова 22 апреля 1839 г. не позволила осуществиться его мечтам.

Подготовленный к изданию последний вариант статьи был обнаружен нами в фонде Давыдова¹⁰⁶. В предисловии к рукописи Давыдов говорит о третьем издании, прекрасно сознавая, что читатель знаком только с первыми двумя изданиями. О том, что именно этот вариант должен был стать окончательным, подсказывает структура рукописи и, прежде всего, ее первая часть «О партизанской войне вообще», соответствующая заметке под таким же названием, опубликованной в пушкинском «Современнике» (т. 3)¹⁰⁷. Этот «удалец-партизан», как охарактеризовал свою статью сам автор, был послан Пушкину 2 июня 1836 г. с обычной просьбой: «Прочти со вниманием эту статью и исправь слог ее, потому что я ее писал с плеча, наскоро, – а между тем заметь: мысль богатая. Это открытие нового рудника силы империи <...> и намека, как из него бить монету славы»¹⁰⁸. Сравнение печатного и рукописного вариантов первой части «Опыта» позволило установить, какие именно поправки были внесены. Пушкин отбросил утяжеляющие конструкции, излишние обобщения, выстроил некоторые предложения логичнее. При этом давыдовский своеобразный стиль нисколько не пострадал, а статья приобрела стройность и легкость.

Двадцатидвухлетняя работа над «плодом боевой жизни» (1816–1838) убеждает в том, что для Давыдова эта книга была сверхважной, именно ее он воспринимал как свой вклад в историю. Еще в 1832 г. в предисловии к первому собранию своих стихотворений он отметил, что «Опыт теории партизанского действия» дает ему «право на адрес-календарь Глазунова и на уголок в Публичной библиотеке». В 1836 г. в письме к Пушкину назвал его «любимым сочинением», которое «теперь совершенно переделал»¹⁰⁹. Складывается ощущение, что мысль о своем детище целиком владела Давыдовым и не оставляла его в покое до конца жизни.

«Сочинения в стихах и прозе Дениса Давыдова» в трех частях, изданное в 1840 г. А. Ф. Смирдиным и задуманное как полное собрание сочинений, не включало «Опыт». Через восемь лет его сын издал в одном томе «Сочинения Давыдова» с существенным дополнением: перепечатал первую книгу партизана по публикации 1822 г. В 1860 г. сын писателя Денис Денисович собрал произведения и некоторые письма отца в три тома, куда вошел и «Опыт теории партизанских

¹⁰⁶ РГВИА. Ф. 194. № 14. Писарская копия с небольшими исправлениями автора.

¹⁰⁷ Об истории публикации статьи «О партизанской войне», подвергшейся вмешательству цензуры, см.: Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины». Из истории книги и прессы пушкинской поры. М., 1972. С. 256–259.

¹⁰⁸ Пушкин. Т. 16. С. 122.

¹⁰⁹ Пушкин. Т. 16. С. 136.

действий для русских войск». По заверениям Д. Д. Давыдова, эта и все «прочие статьи, уже помещенные в прежних изданиях <...> значительно дополнены и изменены» по найденным новым рукописям «покойного родителя»¹¹⁰. Однако в результате сверки этого текста с рукописью, хранящейся в РГВИА¹¹¹, обнаружились разночтения: свойственная Давыдову яркая стилистическая манера была нивелирована, изложение стало более сдержанным¹¹². Как не любил Давыдов такой, казалось бы, мелкой и необходимой правки издателей, ведь «одно переставленное слово часто отнимает всю душу периода»¹¹³. Отметим, что эта редакция была существенно изменена и самим автором, что коснулось даже заглавия: «Опыт теории партизанского действия» стал называться «Опыт теории партизанских действий для русских войск». Был возвращен эпитаф из Вольтера, имевшийся прежде только в подношной рукописи. Однако редакция, напечатанная в 1860 г., к сожалению, не отражала последнюю волю автора.

Рукопись же, готовившаяся Давыдовым для третьего (четвертого) издания, та, о которой он упоминал в переписке последних лет¹¹⁴, имеет совершенно иную структуру. Помимо исчезновения эпитафа и изменения заголовков (они стали более емкими), автор значительно сократил вторую (бывшую первую) часть «Постепенное усовершенствование партизанского действия» и отказался от дробления ее на разделы. Разросшееся вступление теперь обрело название «О партизанской войне вообще» и стало самостоятельной первой частью. Отказался Давыдов и от таких постоянных разделов, как «О выборе начальника партии», «Обязанности начальников партии», «О партии на марше», «О действии партии». Их заменили другие, вошедшие в третью часть: «Разделение партий на разряды и размещение их», «Партии 1-го разряда», «Сила партий 1-го разряда», «Партии 2-го разряда». Отсутствует часть, бывшая в издании третьей: «О прикрытии собственного сообщения и продовольствия». К сожалению, Давыдов не упоминает о ее судьбе: должна ли она была стать четвертой частью (т.е. речь может идти о несохранившемся рукописном тексте) или быть исключенной из обновленного «Опыта». В целом автор сосредоточил внимание на особенностях строения партизанской системы, на этот раз практически не рассматривая частные случаи расположения и действия отрядов.

¹¹⁰ Давыдов Д. В. Соч. Ч. 1. С. II.

¹¹¹ РГВИА. Ф. 194. № 11; № 12.

¹¹² Об этой особенности Д. Д. Давыдова подвергать переработке рукописи отца уже упоминалось в исследованиях. См.: Орлов В. Н. Судьба литературного наследия Д. В. Давыдова. С. 308. Гиллельсон М. И. От арзамасского братства к пушкинскому кругу писателей. Л., 1977. С. 58.

¹¹³ Из письма Михайловскому-Данилевскому от 5 ноября 1835 г. (Русская старина. 1893. Т. 77. С. 254–255).

¹¹⁴ Например, в письме к Пушкину он отмечал, что «теперь совершенно переделал» «Опыт» – некогда изданное «сочинение довольно обширного размера» (Пушкин. Т. 16. С. 122–123).

Таким образом, окончательная редакция столь разительно отличалась от предыдущих, что Денис Денисович, очевидно, не решился печатать текст, прежде неизвестный. Он издал один из более ранних вариантов, скорее всего, именно тот, о котором упоминал Давыдов в письме к В. Скотту и который ориентировочно можно датировать серединой 1820-х гг. (до 1828 г.).

Мы сочли уместным воспроизвести в рамках данной статьи тот фрагмент последнего варианта сочинения, внося изменения в который Давыдов руководствовался рецензией И. Г. Бурцова. Предлагаемая публикация двух разделов второй части – «Партии 1^{-го} разряда» и «Сила партий 1^{-го} разряда»¹¹⁵ – содержит приведенный выше, но уже творчески переработанный отрывок из письма Бурцова.

Нашу задачу мы видели в том, чтобы показать принципиальное различие между первоначальным обликом сочинения, запечатленным во втором издании 1822 г., и его редакцией, мыслимой автором как окончательная. Совершенно очевидно, что она нуждается в научно-комментированном издании. Выборочный анализ показал: в плане содержательном, композиционном, стилистическом этот текст представляет собой даже не редакцию, а полную переработку. Именно в таком виде Давыдов хотел опубликовать «Опыт теории партизанского действия для русских войск», поэтому мы считаем досадным упущением, что до сих пор авторская воля не реализована. Составители полного собрания сочинений Давыдова, которого, к сожалению, до сих пор не существует, неизбежно столкнутся с проблемой выбора текста. Мы имеем дело с очень нестандартной ситуацией: в силу уникальности текстов можно остановиться на публикации обоих.

Партии 1^{-го} разряда¹.

Партии 1^{-го} разряда, действуя на боевом поле неприятеля в промежутках главных сил его, должны прибегать к утонченнейшим замыслам в предприятиях и употреблять непрерывные неподвижность и изворотливость, для избежания объемов неприятельскими войсками. Они должны соединять хитрость с неусыпной осторожностью и уклоняться от схваток и боев, особенно таких, которые требуют некоторых усилий и борьбы, следственно и времени, их дело *мгновенный наскок, удар и бегство*, или, по русской поговорке, их дело: *убить да уйти*, – то не более относительно к действию оружием, потому что на боевом поле сосредоточивается, по всем путям шедшие с прикрытиями своими,

¹¹⁵ РГВИА. Ф. 194. № 14. Лл. 57 об.–70.

подвозы, которые, по взаимной между собою смежности, могут прикрытиями своими подкреплять друг друга. Сверх того на каждом шагу кочуют части неприятельской армии, или встречаются сильные команды, переходящие с места на место; следственно, при продолжительных выстрелах и долговременном шуме, производимом схваткою партии с каким-либо подвозом, охраняемым сильною частию войск, нападением на какой-либо отряд, на биваки, или на квартиры неприятеля, соблюдающего осторожность, – она, вместо причинения вреда ему, может сама быть охвачена со всех сторон превосходными силами, потерпеть поражение и даже погибнуть без малейшей пользы общему делу.

К тому же подвозы, находящиеся пред партиями означенного разряда, похищение или истребление которых есть главный предмет партизанской войны, не могут уже быть атакованы на походе, то есть, в положении самом удобнейшем для атаки: ибо они тут достигают определенного им места; где до израсходования или до раздачи всего того, что на них находится, они становятся в парки. Нападать же конницею на парки в их оборонительном построении, все то же, что нападать ею на укрепления; предприятие мудреное и вряд ли не более пагубное для нападающего, чем для обороняющегося, если последний умеет защищаться.

Из этого следует, что партии 1^{-го} разряда употребляются не столько на битвы, как на мгновенные похищения drobных частей неприятельской армии, или лучше сказать, более на *истребление*, нежели на *похищение* огромных предметов, ей принадлежащих, и поэтому их дело:

Ломать повозки; полкам, чиновникам всякого рода и маркитантам принадлежащие, в случае, что они рассеяны или находятся при слабых прикрытиях, и похищать или истреблять то, что на них находится.

Убивать лошадей и волов, на возку всякого рода подвод употребляемых, когда они кормятся не в середине парка, а вне или в отдалении от парка и нерадиво охраняемы.

Нападать внезапно на слабые команды войск, переходящие с места на место, на хлебопеков и на строевых лошадей, в коновязях стоящих, которые в ночное время легко могут быть рассеяны и даже угнаны табуном из предела боевого поля неприятельского, как то некогда бывало с нашею регулярною конницею, действовавшею против черкесских наездников.

Предавать огню сараи или конюшни, в которых иногда лошади эти помещаются. Тем же средством истреблять и разные временные складки провианта, фуража и артиллерийских снарядов.

Похищать ружья, обыкновенно в козлах пред биваками расставленные и даже внезапными наскоками из засад бросаться на орудия, стоящие на биваках, и увозить их с помощью крючей, к веревкам привязанных и возимых в тороках несколькими казаками, заранее для этого дела назначенными.

Словом множество представляется случаев, которыми партии этого разряда могут пользоваться для причинения вреда неприятелю и которых исчислить невозможно. Но все такого рода подвиги не что иное, как, так сказать, пажеские шалости; цвет, а не плод; лакомство, а не обед; игра, а не дело в сравнении с главными обязанностями их – и которые состоят:

В извещении главного начальства о том, что происходит в неприятельской армии, а именно: 1[°]) о замеченном ими малейшего частного или общего изменения в расположении, в обстоятельствах, в движениях и даже, ежели есть средство, в намерениях неприятеля; 2[°]) в причинении разрыва согласия и взаимного содействия различных частей противной армии, чрез перехвачения посланцев с повелениями по сему предмету. Следовательно, главный долг их:

Разведывать посредством лазутчиков, которые непременно должны находиться при каждой партии этого разряда, и немедленно извещать главнокомандующего армию о том, что происходит в главной и корпусных квартирах неприятельской армии, относительно частных и общих движений, и перемещений, о числе больных, раненых и умерших в этой армии; о числе наличного войска, ее составляющего; о числе и силе прибывших к ней подкреплений и о наличном количестве провианта и зарядов, при ней находящихся.

Перехватывать адъютантов и всякого рода гонцов и чиновников, из команды в команду, с места на место, для собственной надобности или с повелениями или за приказаниями переезжающих, и отобрав от них все нужные сведения, доносить об оных немедленно, и вместе с донесениями, отсылать пленных в Главную квартиру.

Сверх того, будучи извещены заблаговременно, их дело *тревожить* с тылу ту часть неприятельского войска, на которую главная

наша армия заблагорассудила напасть совокупными силами. Наш Фигнер сам вызывался на таковые предприятия: он с местопребывания своего, в тылу французского авангарда, стоявшего под Винковым², писал в Тарутинский лагерь одну удалую записку: «Ныне в полдень между большою армиею и авангардом побью команды и возьму несколько пленников. Немалая часть кавалерии неприятельской, находящейся в авангарде, будет обращена против меня. Уведомляю для того, что может быть наша армия сим воспользуется».^(*) Армия не воспользовалась, потому, что не готова еще была к начатию военных действий и до израсходования всего съестного в Москве неприятельскою армиею, также и до наступления суровой части года, употребляла все старание не к пробуждению, а к усыплению Наполеона в столице; но это уже было тайною главного нашего вождя³ и не касалось до Фигнера⁴.

О всеобщем отступлении неприятельской армии ко временному или к коренному полю запасов прежде всего узнают партизаны 1^{-го} разряда. Они спешат уведомить о том главнокомандующего армиею и ближайшего к ним партизана 2^{-го} разряда. Уведомления пишутся, заранее условленными цифрами. Каждый посланец, везущий уведомление, имеет при себе два или три человека в конвое, и старается, миновав деревни, избирать привалы в лесах или закрытых местах. Доставя бумаги в Главную квартиру, или одному из партизанов 2^{-го} разряда, он поспешно возвращается к своей партии. Посланцы сии избираются из числа самых расторопнейших наездников и направляются разными дорогами с одинаким известием. Таким образом, известие перелетает от партизана к партизану беспрепятственно. Сколько отступление неприятеля ни было бы стремительно, и тогда колонны его не будут в состоянии предупредить вестников о его движении, что достаточно для главнокомандующего армиею, чтобы действовать вопреки его замысла; столько времени, сколько нужно для прибытия против него армии нашей. Сим представится ей случай атаковать противную армию тогда, как оставя занимаемую ею стратегическую точку, она

(*) Из журнала входящих бумаг 1812 года, хранящегося в Главном штабе государя императора, там находится собственноручная эта записка, я ее видел и списал с нее копию слово в слово (примеч. Давыдова — И. К.).

не успела еще достигнуть до той, на которую метит. Обстоятельство весьма решительное, особенно в гористых областях, как Швейцария, или болотистых и каменистых, как Финляндия, – и вообще во всех тех, которые не изобилуют сообщениями.

Время бездействия главных сил неприятельских без условленного перемирия (как то было в 1807 году в Восточной Пруссии на Пассарге, после сражения при Прейсиш-Эйлау⁵, или в 1812 году между Двиною и Днпром пред битвою под Смоленском⁶, или в том же году после занятия Москвы, на Тарутинской позиции, или в 1813^м году в Саксонии, после сражения при Кульме)⁷, будет для каждого партизана 1го разряда живейшею частию его деятельности. Здесь с расширением пространства, занимаемого неприятелем, уменьшается его бдительность, а предметы, подлежащие поискам партизанов, значительно умножаются. Разрывая сношения между частями противных войск, ужасая их неожиданными появлениями, сопровождаемыми мечом и пламенем, деятельный и отважный партизан 1го разряда, подобно привидению, будет казаться повсеместным. Действуя иногда совокупно с другими партизанами этого разряда; иногда раздельно с ними, иногда даже вроссыпь с тем, чтобы сосредоточиться там, где менее его ожидают, поразить, скрыться и появиться на противулежащей точке той, на которую он ударил, – есть его дело, его единственное попечение, жизнь его. Самое желание ворваться в Главную квартиру и даже в ставку вождя противной армии, может тешить летучее воображение его, жаждущее славы и опасностей. Все удастся ему, только чтобы не оставляли его *неусыпность, решительность* и *присутствие духа* в гибельных обстоятельствах, – эти гении-хранители всякого отдельного начальника. Вот легкий очерк действий партизанов 1го разряда. Рассмотрим теперь поведение их во время сражений и в движениях отступательных и наступательных, последующих сражениям.

С первого взгляда кажется, что в продолжение самого боя партизан 1го разряда не может принести решительной пользы армии своей – и действительно: появление малого числа всадников в боку или в тылу борющихся сил, хотя и может отвлечь на время готовящееся нападение некоторой части войск; но без сомнения за сею маловажною выгодною последует разбитие, или даже истребление партии. Явная причина этому состоит в том, что во время сражения все части неприятельской

армии находятся под ружьем и что они бдительнее и способнее противуставить меньшей силе большую. Оруж<и>е же партизана более в искусстве, нежели в силе; вернейший союзник его: – *внезапность*, и потому, я думаю, что в продолжение сражения все партизаны 1^{-го} разряда должны с разных сторон подойти так близко к боевому полю, чтобы иметь возможность расторопнейшими всадниками, переодетыми в неприятельские мундиры, в точности наблюдать за ходом боя, и в конце оного, готовиться к начатию своего действия. Положим сперва, что неприятель возымел поверхность над нашу армию, и что последняя должна, уступив поле сражения, обратиться к отступлению. В это время беспорядок есть отличительная черта как в рядах побежденных, так и в рядах победителей: одна только нравственная сила составляет преимущество последних. Вот блистательная минута для удара партизанам решительным! Для них нет осечки: они вихрем несутся по всей затыльной части неприятельской армии, освобождают своих пленных, истребляют рассеянных и раненных неприятелей, рубят резервную артиллерию, отдыхающую без прикрытия, разгоняют спешенную конницу и может быть самые пехотные толпы, в беспорядке бродящие, предают гибельным своим лезвиям и дротикам.

Нанеся таким образом чувствительный вред победителю, они посредством сигнала, данного начальником, вроссыпь и одним махом обращаются назад и пробираются поодиночке и каждый своею дорогою на заранее условленное и известное им какое-либо урочище, в нескольких верстах, или десятках верст отстоящее от поля сражения. Нам памятно, какую сумятицу причинило одно появление нескольких сотен венгерских гусар в тылу победительной армии при Ваграме⁸, от которых едва ли спаслась бы Главная квартира Французской армии и сам Наполеон, если б эти сотни гусар явились не нечаянно для них самих, а с намерением напасть на эту Главную квартиру.

Нет никакого сомнения, что налет такого рода, удачно исполненный, не только причинит вещественный вред неприятелю; но потрясет и нравственную силу, доставленную победою, ослабит преследование и послужит к возбуждению мужества в своих соратниках. Известно, как под команду капитана Геркюля⁹ сокрытые в лесу несколько десятков французских конных егерей с несколькими трубачами, игравшими на трубах *сигналы к атаке* в тылу Австрийской армии, которая намеревалась

предпринять решительный натиск на Французскую армию при Арколе, остановили ее стремление¹⁰. И да не подумали бы, что лишняя осторожность австрийских генералов была виною этой внезапной остановки. Виною ей была не лишняя, а благоразумная осторожность, долженствующая руководить каждым начальником в подобном случае, пока он не удостоверится о силе неприятеля, находящегося в тылу его войск; но для этого нужно посылать несколько всадников для обозрения; обозрение требует времени, а время на войне есть одна из важнейших причин удач и неудач во всех предприятиях.

Представим теперь неприятеля, уступившего натиску главных сил наших и по оставлении боевого поля, стремящегося к отступлению. Уже легкая конница авангарда нашего настигает его тыльные отряды, гнетет их и подвигает к главным его громадам; за нею поспешают линейные наши войска. В этом случае, если бы можно было задержать неприятеля на некоторое время: то возобновился бы вторично бой, который от преимущества, одержанного уже нашею армиею, мог бы обратиться в совершенное поражение. Первенцы этой славы принадлежат партизанам 1^{-го} разряда. Здесь два рода действия лежат на их обязанности. Если сторона пресекаема теснинами; то долг их забежать на путь, по которому неприятель следует, захватить выгоднейшее и труднейшее место и тут решиться принять на себя всю тяжесть удара неприятельских громад, задержать их и тем самым подвергнуть натиску своей армии. Если же исполнение обоих условий превышает силы партии, то дело начальника ее бесперерывными нападениями пресекать путь отступления, задерживать и разгонять войска, отделенные неприятелем для охранения сего пути, портить или жечь мосты, заваливать трудные проходы и на реках перевозить суда, или лодки на свою сторону: одним словом, истребляя на пути отступления неприятеля все появляющиеся пособия и уничтожая средства, служащие к скорости ухода его, стараться всеми способами доставить своей армии удобный случай нанести неприятелю вторичное поражение и следственно решительную ему гибель.

Наконец, когда явятся партизаны 2^{-го} разряда, тогда сверх всех этих обязанностей, общий долг партизанов обоих разрядов состоять будет не только в преграждении отступления неприятеля, но и в том, чтобы ему не давать покоя на привалах, стоянках и ночлегах; днем не позволять отрядам, обозам, фуражирам и усталым удаляться от пути,

армией избранного, а ночью тревожить войска, останавливающиеся на ночлег или для отдохновения. В этом случае ведется очередь полкам, долженствующим каждую и целую ночь нападать с разных сторон на биваки неприятеля и содержать его в беспрестанном беспокойстве и бессоннице.

Сила партий 1^{-го} разряда.

По необходимости партии 1^{-го} разряда всегда быть в движении, или в готовности к движению, проходить самыми затруднительными путями, скрываться в теснейших пределах, дабы чрез то избегать нападения сильнейшего в сравнении себя неприятеля, – сила каждой из них должна соответствовать положению, требующему, чтобы партии эти были более, так сказать, неосязаемыми от летучести и малообъемности своей, чем тверды боевою силою.

Известно, что чем многолюднее часть войска, тем извороты и поместительность ее затруднительнее; чем малолюднее эта часть, тем она для подвижности и поместительности способнее. Однако если партиям этого разряда необходимы: малообъемлемость и подвижность, и сверх того непрестанные движения, тесные убежища, а часто и рассыпанные быстрые бегства, чтобы спасти себя от поражения, то надобно еще им довольно и силы, чтобы при собственных нападениях наносить неприятелю вред решительный. Иначе эти партии далеко не достигнут той цели, для которой они составлены. В этой-то пропорции состоит все затруднение. И подлинно, чрезмеру сильную партию 1^{-го} разряда 3000 человек, напри<ер> (maximum силы), которой долг действовать и кочевать в промежутках неприятельской армии, уподобить можно отряду, *отрезанному* от нашей армии и *окруженному* неприятельскими войсками; – он может нанести несколько ударов удачных в этом положении, но напоследок необходимо должен погибнуть. Слишком же слабая партия 1^{-го} разряда, например, пять или десять человек (minimum силы), есть уже не партия воинов, а что-то похожее на сборище лазутчиков, которые могут только разведывать о неприятеле, не дерзая нападать на самый слабейший разезд неприятельский, мимо их идущий, спасать себя не от завидной смерти для всякого воина, а от известного конца людей понос-

ных обязанностей. И так, не впадая ни в ту, ни в другую крайность и соображаясь с вышеизложенным положением и обязанностями партий 1го разряда, я полагаю, что сила этих партий, соответствующая положению и обязанностям их, есть от 80 до 100 всадников, которые должны быть избираемы из самых надежных, храбрейших и расторопнейших солдат и офицеров всех полков казачьих и легкоконных, находящихся в армии. Вот, по мнению моему, достаточная сила для партий 1го разряда.

С подобным колом войск можно всегда избегнуть боя с превосходящими силами, в случае неминуемости оно не погибнуть без обиды и причинить достаточный вред неприятельским отрядам или транспортам внезапными нападениями.

- ¹ Давыдов подразделял партизанские партии (несколько десятков всадников) на три разряда. Вблизи главной армии неприятеля действуют партии первого разряда. Партии второго разряда располагаются от поля действия партий первого разряда и на всем протяжении «поля запасов» или «временного основания» неприятельской армии. На выгодных частях территории государства неприятеля (его «коренного основания») производят поиски партии третьего разряда. Существовали еще экстренные партии, которые находились при авангарде армии для осуществления непредвиденных операций (*Давыдов Д. В. Соч. Ч. 1. С. 46*).
- ² У Винкова на правом берегу речки Чернишни расположился французский кавалерийский заслон с четырьмя пехотными дивизиями (всего в количестве 25000 человек) под командованием маршала Мюрата. В его задачу входило следить за передвижениями русской армии, которая занимала под Тарутином позицию на левом берегу этой же речки.
- ³ Т.е. М. И. Кутузова.
- ⁴ Главные силы российской армии с 2 по 18 октября были укрыты в Тарутинском лагере; главная квартира фельдмаршала Кутузова, занявшего выжидательную позицию, находилась в Леташевке. 18 октября русские войска успешно атаковали под Тарутином рискованно приблизившийся авангард Мюрата. Тарутинский бой ознаменовал переход русской армии в контрнаступление. Французская армия (110 тысяч) стала покидать Москву с 19 октября.
- ⁵ После кровопролитнейшего сражения при Прейсш-Эйлау 7–8 февраля 1807 г. на реке Пассарга не выявилось явное превосходство ни одной из воюющих сторон. На восстановление сил русско-прусской и французской армиям потребовалось более трех месяцев.
- ⁶ 3 августа 1-я и 2-я русские армии соединились под Смоленском, достигнув таким образом первого стратегического успеха. В войне наступила

небольшая передышка: по достижении Витебска Наполеон сделал остановку, чтобы привести в порядок войска, расстроенные после 400 км наступления в отсутствии баз снабжения. Только 12 августа Наполеон выступил на Смоленск.

- ⁷ В Богемии (ныне Чехия) под Кульмом русско-пруско-австрийские войска 29–30 августа 1813 г. разгромили французский корпус генерала Вандама. После чего Богемская армия простояла в Теплице полтора месяца до подхода из Польши свежей русской армии под командованием Беннигсена. В октябре окрепшие союзники двинулись обратно в Саксонию.
- ⁸ Ваграм (Wagram) – селение в Австрии, в 16 км от Вены, в районе которого 5–6 июля 1809 г. во время австро-французской войны произошло решающее сражение между французской армией Наполеона I и австрийской армией эрцгерцога Карла.
- ⁹ Эркюль (Hercule) – командир французского эскадрона эскорта «Роты гидов главнокомандующего» (Companie des guides du general en chef), т.е. роты личной охраны Наполеона.
- ¹⁰ Битва при Арколе – сражение 15–17 ноября 1796 г. французской армии под командованием генерала Наполеона с австрийской под командованием Альвинци. Битва закончилась разгромом австрийской армии. В последние часы битвы при Арколе Бонапарт приказал Эркюлю пробраться с пятьюдесятью всадниками и четырьмя или пятью трубачами через кустарник, чтобы атаковать край левого фланга австрийцев. Внезапная атака отряда посеяла замешательство в рядах неприятеля и способствовала успеху сражения.

А. Г. Шпигоцкий

ТЕКСТЫ ИЗ БИБЛИИ, ПРИМЕНЕННЫЕ К ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА

Публикация С. В. Денисенко, А. О. Дёмина

Афанасий Григорьевич Шпигоцкий (1809–1889) — украинский и русский поэт, входивший в кружок харьковских романтиков И. И. Срезневского. В 1830-е гг. написал несколько басен, романсов, «малороссийских мелодий», на русский язык переводил Ламартина, К. Делавиня. Наиболее известен его первый полный стихотворный перевод на русский язык «Конрада Валленрода» А. Мицкевича (М., 1832. См. об этом: *Чернобаев В. Г.* К вопросу о литературных связях Пушкина и Мицкевича: Пушкин и поэма Мицкевича «Конрад Валленрод» // Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. Т. 14. Каф. рус. лит. Л., 1938. С. 91–93). Перевел на украинский язык несколько стихотворений Пушкина. Печатался в столичных периодических изданиях (журналах «Вестник Европы», «Дамский журнал» и др.), в «Украинском альманахе» (1831).

Свой сборник автор посвятил Александру Семеновичу *Шишкову* (1754–1841), писателю, адмиралу, военному и государственному деятелю. С 1796 г. Шишков — член литературной Российской академии, с 1813 г. — ее президент. По инициативе и под руководством Шишкова с 1807 г. проходили частные собрания литераторов, а с 1810 г. эти собрания становятся публичными, под именем «Беседы любителей русского слова». Вскоре Шишковым было предпринято издание: «*Чтение в Беседе любителей русского слова*» (Кн. 1–19. СПб., 1811–1816). 9 (21) апреля 1812 г. он назначается на должность государственного секретаря и становится одним из ведущих российских идеологов времен Отечественной войны 1812 года. Находясь при армии, Шишков принимает участие в составлении важнейших приказов и рескриптов, редактирует воззвание и манифест о всеобщем ополчении, манифесты и рескрипты по ополчениям, известие об оставлении Москвы русскими войсками и проч.; сопровождает императора и в заграничном походе русской армии.

В основу настоящей публикации положен текст, чьим единственным источником является издание: [*Шпигоцкий А. Г.*] Тексты из Библии, примененные к Отечественной войне 1812 года. М., 1832. Ценз. разрешение от 18 авг. 1832 г. © С. В. Денисенко, А. О. Дёмин

В ходе подготовки текста к публикации в него были внесены следующие изменения:

Орфография последовательно приведена к современным нормам. Буквы *Ъ, ъ, ѳ*, последовательно заменяются *е, и ф*. Конечный *ъ* опускается. В именительном падеже множественного числа прилагательных и причастий вместо окончаний — *ия / -ья* последовательно печатается — *ие / -ые*. Окончания единственного числа мужского рода — *аго / -яго* заменены окончаниями *-ого / -его*. Безударное окончание прилагательных — *ой* сохранено, поскольку оно участвует в образовании рифмы. Слитные и раздельные написания частицы *не* с различными частями речи даются по современным нормам с учетом смысла. Последовательно проводится правило озвончения / оглушения *с / з* в приставках в зависимости от первого звука корня. Все имена нарицательные печатаются со строчной буквы, так же печатаются все прилагательные и местоимения. Исключения составляют слова *Бог, Господь, Творец, Отец, Владыка* в значении «Бог, почитаемый христианами», а также местоимения и притяжательные прилагательные, соотносимые с этими словами, — все эти слова печатаются с прописной буквы. Случаи слитного дефисного и раздельного написания слов приведены к современным нормам. Пунктуация приведена в соответствие с современными нормами без дополнительных оговорок. Авторские ссылки на библейские тексты, помещенные автором в конце книги без раскрытия цитат, проверены и раскрыты в подстрочных примечаниях; указаны и исправлены также случаи ошибочного цитирования.

*Его высокопревосходительству, господину адмиралу
и разных орденов кавалеру
Александр Семеновичу Шишкову,
с искренним высокопочтанием
посвящает
Афанасий Шпигоцкий*

Предисловие

Адмирал Александр Семенович Шишков, пламенный ревнитель языка русского, высокий сановник просвещения нашего и — тем он для всех сердец вечно незабвен — орган важнейших действий царя русского в священную Отечественную войну 1812 года, по изгнании Наполеона из пределов России сопровождавший победоносные знамена Александра Благословенного, говорит в своих «Кратких записках»: «В промежутках сих коротких переездов, имея довольно свободного времени, занимался я

чтением Священных книг, и, находя в них разные описания и выражения, весьма сходные с нынешнею нашею войною, стал я, не переменяя и не прибавляя к ним ни слова, только выписывать и сближать их одно с другим. Из сего вышло полное и как бы точно о наших военных действиях сделанное повествование. <...> Сблизив таким образом сии тексты, выбранные из разных мест Священного писания, находил я их толь ясно и подробно описующими все происходившие с нами приключения, что, бывши после с докладом у государя, попросил я позволения прочитать ему сии сделанные мною выписки. Он согласился, и я прочитал их с жаром и со слезами. Он также прослезился, и мы оба с ним в умилении сердца довольно поплакали»¹.

Суждение о важности сих выписок можно видеть в «Чтении в Беседе любителей русского слова» Чтен. 14, стр. 55². Я переложил их в стихи, стараясь как можно ближе держаться подлинника. Не смею думать о совершенстве труда моего, но как лестно он уже вознагражден: его высокопревосходительство осчастливил меня дозволением украсить мое слабое предложение посвящением его высокой особе. Сия оказанная мне снисходительность вечно для сердца моего будет одним из прекраснейших воспоминаний.

А<фанасий> Ш<пигоцкий>

¹ *Шишков А. С.* Краткие записки адмирала А. Шихова, веденные им во время пребывания его при блаженной памяти государе императоре Александре Первом в бывшую с французами в 1812-м и последующих годах войну. СПб., 1831. С. 80–81, 90–91. Цитируемый текст обрамлял выписки из Библии, которые публиковались и ранее в «Чтении в Беседе».

² «Суждение», помещенное после «Выписок из разных мест Священного писания» (Чтение в Беседе любителей русского слова. Чтение 15. С. 44–54; у Шпигоцкого ошибочно указано: «Чтен. 14»), принадлежит Д. Воронову: «Благонамеренность трудившегося над оными извлечениями может быть рассматриваема с различных сторон: во-первых, он показывает богатый и неисчерпаемый источник выражений нашего библейского языка, соответствующих различным понятиям различных отношений; во-вторых, излагает самые понятия и природу вещей, заключающихся в Св. книгах, которые, так сказать, влекут за собою великолепие слога; в-третьих, он с крайнею разборчивостию извлекает из писаний <...> изображение отдаленнейших происшествий, делает столь счастливое и близкое применение их к событиям наших времен...» (С. 55).

Кичливые помыслы воителя

Кто, как поток, переполненный тучей,
 Хлынул волнами, как бездной кипучей?¹
 Сердцем он — камень, и уголь — его взор,
 Думы — тлетворный, всегубящий мор.²
 Буйный, он мыслит: «На небо взыду я
 И воцарюся в надзвездных полях,
 Сяду на северных, горних скалах...
 Вышнему равен я, тучи топчу я,³
 Царь всех царей я!.. Росс! горе тебе:
 Дико гремящего моря волнами
 Двигну народы несметны в борьбе,
 Стены обрушу твои и с столпами,
 Прах их развею я ветра крылами.
 С тьмами народов и коней приду,
 Всадников сонм, колесниц приведу.
 Кровью детей твоих меч окровавлю,
 Стражей, оружием тебя окружу,
 Рвами, острогом тройным огражу,
 Копья на трепетны перси уставлю.
 Гром колесниц моих, ржанье коней
 Двигнут твердыни и бурей завоют,
 Меч мой вопьется в грудь силы твоей,
 Всадников тьмы тебя прахом покроют,
 Кони копытами стогны изроют.
 В прах твою мощь я повергну, скую,
 Стены рассыплю, богатства расхищу,
 Светлые дома — дам пламени в пищу,

¹ Иер. 46: 7: <«Кто это поднимается, как река, и как потоки волнуются воды его?»>

² Иов. 41: 16: <«Сердце его твердо, как камень, и жестко, как нижний жернов»>, 13: <«Дыхание его раскаляет угли, и из пасти его выходит пламя»>, 6: <«Кто может отворить двери лица его?»>

³ Ис. 44: 13–14: <«А говорил в сердце своем: “взойду на небо, выше звезд Божиих вознесу престол мой, и сяду на горе и сонме богов, на краю севера; взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему”>».

Камни, древа твои морю вдаю,
Землю увлажжу потоками крови,
Гроб обезгласит цевницы любви. —
В язвах восстонешь и ринешься в прах,
Дрогнут смятенны все земли и море.
С тяжкою мукой в померкших очах
Снидут с престолов владыки и в горе,
Свергнув венцы свои с царственных глав,
В трепете смертном сорвут багряницы;
Сядут на землю и, бледныя лица
С стоном склоняючи, скажут, взрыдав:
“Как ты рассыпался, город хвалимый,
В поле и на море силы краса?
Как ты погибнул, народ несразимый,
Мира дивящегося трепет, гроза?”
День роковой твой — день страшной години:
Грады взрыдают, восстонут пучины»⁴.
Гордый в сей думе, как бурный поток,
Хлынул, и волны весь край потопляют;
Шум устремления, гул его ног,
Гром колесниц его мир потрясают»⁵.

⁴ Иез. 25: 7: «...Я простру руку Мою на тебя и отдам на расхищение народам...», 26: 3–18: «...подниму на тебя многие народы, как море поднимает волны свои. <...> Копытами коней своих он истопчет все улицы твои, народ твой побьет мечом... <...> И разграбят богатство твое и расхитят товары твои, и разрушат стены твои, и разобьют красивые дома твои, и землю бросят в воду. <...> И сойдут все князья моря с престолов своих и сложат с себя мантии свои... <...> И поднимут плач о тебе, и скажут тебе: “как погиб ты, населенный мореходцами, город знаменитый, который был силен на море, сам и жители его, наводившие страх на всех обитателей его!”»

⁵ Иер. 47: 2–3: «...тогда возопиют люди, и зарыдают все обитатели страны. От шумного топота копыт сильных коней его, от стука колесниц его, от звука колес его, отцы не оглянутся на детей своих, потому что руки у них опустятся».

Разорение града

Горе несчастной! Ты ль в тяжелой невзгоде,
Град многолюдный, пустынным грустишь?
Ты ль, как вдовица, безродна в народе,
Стран обладатель, плен чуждый влачишь?
Стогны рыдающие в праздник безлюдны!
В прахе врата твои, стонут жрецы,
Девы убиты... (День горестный, трудный!)
Где же краса твоя, лавры, венцы?..
Ачно пришелец к бесценностям рвется,
Яростный враг всю красу исказил,
Рушил твердыни, святыне смеется,
Пламенем ярим все в пепл схоронил...
Зрел я безбожные толпища, грешны,
С воплем и буйством, развратны, мятежны,
Вшедши в дом Господа хульной стопой...
«Где, — они вопят, — вино и пшеница?...»
Жизнью томящаясь, с мрачной тоской
Матери смутно вращают зеницы...
Горе им, нежным! В грудь стонущу их
Дух изливался младенцев грудных!..
Город! кто щит твой? кто утешитель?
Чаша полна уже!.. где ж исцелитель?..
Все мимошедшие, дланями всплеснув,
Взором в лазури небес утонув:
«Это ли, — молвят, главой покаявая, —
Град, венец славы, отрада земная?...»
Мир и владыки, сам враг изумлен:
Ты ль, белокаменный, так омрачен!..

Молитва царя

Боже, зри скорбь мою! Грудь моя тлеет,
Горести полное, сердце мертвеет:

Мор обесчадил меня мечевой⁶.
 Враг издалеча несметные силы
 Ввел в мое царство на бой роковой,
 Ввел — и потоки толпы заградили,
 Всадники холмы цветущи покрыли.
 Буйный завопил: «Пределы пожечь,
 Дряхлым коней под копыты полечь,
 Девы — плененью, младенцы — хищенью,
 Юношей сонмы — мечей посеченью!..»⁷
 Бог! Вседержитель! Пошли мне Свой Дух:
 Глас Твой уьбет о кичливом и слух.
 Горы, пучины Ты движешь, и камень
 В воск переточит очей Твоих пламень.
 Правдою дивный, надзвездный, внемли!
 Бог препоясанный силой, Спаситель,
 В бурю ревущего моря смиритель!
 Что шуму волн Твоих грань у земли?..
 Знамений ужас всели в дерзновенных⁸,

⁶ Плач. 1: 1: <«Как одиноко сидит город, некогда многолюдный! Он стал, как вдова; великий между народами, князь над областями сделался данником»>, 4: <«Пути Сиона сетуют, потому что нет идущих на праздник; все ворота его опустели; священники его вздыхают; девицы его печальны, горько и ему самому»>, 10 <«Враг простер руку свою на все самое драгоценное его; он видит, как язычники входят во святилище его...»>, 20: <«Воззри, Господи, ибо мне тесно, волнуется во мне внутренность, сердце мое перевернулось во мне за то, что я упорно противился Тебе; отвне обесчадил меня меч, а дома — как смерть»>; 2: 2: <«Погубил Господь все жилища Иакова, не пощадил, разрушил в ярости своей все укрепления дочери Иудиной...»>; 4: 11–12: <«Совершил Господь гнев свой, излил ярость гнева Своего и зажег на Сионе огонь, который пожрал основание его. Не верили цари земли и все живущие во вселенной, чтобы враг и неприятель вошел во врата Иерусалима»>, 15: <«...и они уходили в смущении, а между народом говорили: "их более не будет!"»>.

⁷ Иудиф. XVI: 3, 4: <«Пришел Ассур с гор севера, пришел с мириадами войска своего, и множество их запрудило воду в источниках, и конница их покрыла холмы. Он сказал, что пределы мои сожжет, юношей моих мечом истребит, грудных младенцев бросит о землю, малых детей моих отдаст на расхищение, дев моих пленит»>, 14, 15: <«Горы с водами подвигнутся с оснований, и камни, как воск, растают от лица Твоего, но к боящимся Тебя Ты благомыслитив. Мала всякая жертва для воню благоухания, и всякий тук ничтожен для всесожжения Тебе, но боящийся Господа всегда велик»>.

⁸ Пс. 64: 4–9: <«Дела беззаконий превозмогают меня; Ты очистишь преступления наши. Блажен, кого Ты избрал и приблизил, чтоб он жил в дворах твоих.

Светлой надеждой порадуй смиренных⁹;
 И да возблещет в громовой броне
 Рать моя! Дух благочестия, света,
 Разума, мудрости, силы, совета,
 Дух Твой почует на мне и стране!¹⁰
 Славен и вечен Господь Вседержитель!
 Давший мне царство, мой щит от врагов.
 Он — моя слава — спасет от оков;
 Бог — мой помощник, врага сокрушитель!¹¹

Благословение свыше

Шествуй! Я — щит твой: я тьмой обыму
 Сети, крамолы; тебя, мой избранный,
 В сень Моих крылий на лоно приму.
 Броней правды Моей облистанный,
 Не ужаснешься виденья ночей,
 Беса, падающего в час полуночи,
 День потемняющих стрел и мечей.
 Узрят безбожника казнь твои очи:
 Окрест тебя, невредимый, умрут
 Тысячи, тьмы одесную падут.
 Благословляю! и светлые силы

Насытимся благами дома Твоего, святого храма Твоего. Страшный в правосудии, услышь нас, Боже, Спаситель наш, упование всех концов земли и находящихся в море далеко, поставивший горы силою Своею, препоясанный могуществом, укрощающий шум морей, шум волн и мятеж народов! И убоятся знамений Твоих живущие на пределах земли»>.

⁹ Иудиф. XVI: 15: <«Горы с водами подвигнутся с оснований, и камни, как воск, растают от лица Твоего, но к боящимся Тебя Ты благомилостив»>.

¹⁰ Ис. 11: 2: <«И почует на нем Дух Господень, дух премудрости и разума, дух совета и крепости, дух ведения и благочестия...»>.

¹¹ Пс. 17: 3: <«Господь твердыня моя и прибежище мое, избавитель мой, Бог мой, — скала моя; на Него я уповаю; щит мой, рог спасения моего и убежище мое»>, 47–49: <«Жив Господь и благословен защитник мой! Да будет превознесен Бог спасения моего, Бог, мстящий за меня и покоряющий мне народы, и избавляющий меня от врагов моих! Ты вознес меня над восстающими против меня и от человека жестокого избавил меня»>.

Путь твой орадужат вышней зарей;
И не преткнешься о камень ногой, —
В темных путях оне примут на крылы.
С верой ты аспида, змия сотрешь,
Льва, василиска пятой поперешь¹².

Воззвание царя к народу

Чада, на коней! В строи колесницы!
К броням и лукам! Крепите десницы!
К брани готовьте щиты и мечи!
Станем, воскликнем, труба зазвучи!
Ужас проникни враждебны станицы,
Лев задремавший от ложа воспрянь,
Трепет и пагуба с севера грянь¹³,
Горе злодею! Ужасна отчизны
Мечь за святыню, за род и сынов!¹⁴
Станет, погонит, постигнет врагов,
Даст им кровавые, страшные тризны;
И не уйти им в хуле укоризны:

¹² Пс. 90: 3–5: <«Он избавит тебя от сети ловца, от гибельной язвы. Перьями Своими осенит тебя, и под крыльями Его будешь безопасен; щит и ограждение — истина Его. Не убоишься истины в ночи, стрелы, летящей днем...»>; 7–8: <«Падут подле тебя тысяча и десять тысяч одесную тебя; но к тебе не приблизятся. Только смотреть будешь очами твоими и видеть возмездие нечестивым»>; 11–14: <«Ибо ангелам Своим заповедает о тебе — охранять тебя на всех путях твоих. На руках понесут тебя, да не преткнешься о камень ногою твоею. На аспида и василиска наступишь; попирать будешь льва и дракона. “За то, что он возлюбил Меня, избавлю его; защищу его, потому что он познал имя Мое”»>.

¹³ Иер. 46: 3–4: <«Готовьте щиты и копья, и вступайте в сражение; седлайте коней и садитесь, всадники, и становитесь в шлемах; точите копья, облакайтесь в брони»>; 9: <«Садитесь на коней и мчитесь, колесницы, и выступайте, сильные, ефиопляне и ливияне, вооруженные щитом, и лидияне, держащие луки и натягивающие их...»>; 4: 5–7: <«...и говорите и трубите трубою по земле; взывайте громко и говорите <...>. ...ибо Я приведу от севера бедствие и великую гибель. Выходит лев из своей чащи, и выступает истребитель народов: он выходит из своего места, чтобы землю твою сделать пустынею; города твои будут разорены, останутся без жителей»>.

¹⁴ 1 Мак. 3: 43: <«И говорили каждый ближнему своему: восставим низверженный народ наш и сразимся за народ наш и за святыню»>.

Всем им поникнуть на ниве гробов...¹⁵
 Гордый венчался и брани воздвигнул,
 Всеистребитель, царей развенчал,
 Рабству и гладу полмира предал,
 С бранью пределов вселенной достигнул.
 Деспота буйной гордыне внемля,
 Трепетна, смолкла рабыня-земля.
 Се!.. его воинства грозные клики!
 В плен его впали князья и владыки...¹⁶
 Но да изгонится страх из сердец¹⁷:
 Мощь, одоление — не в толпищах рати, —
 В Боге! Он крепкий. Он — силы венец!..
 Злобы, нечестия полон пришелец;
 Мы ж ополченны за храмы, за братий...¹⁸
 День Вседержителя, Бога богов,
 Вышнего день сей — день казни врагов.
 Господа меч их пожрет беспощадно:
 Господу жертвой в Полуночи холодной
 Кровь их пресытит Его, упоят¹⁹.

¹⁵ Пс. 17: 38: <«Я преследую врагов моих и настигаю их, и не возвращаюсь, доколе не истреблю их»>.

¹⁶ 1 Мак. 1:1, 2, 3, 4: <«После того как Александр, сын Филиппа, Македонянин, который вышел из земли Киттим, поразил Дария, царя Персидского и Мидийского, и воцарился вместо него прежде над Елладаю, — он произвел много войн и овладел многими укрепленными местами, и убивал царей земли. И прошел до пределов земли и взял добычу от множества народов; и умолкла земля пред ним, и он возвысился, и вознеслось сердце его. Он собрал весьма сильное войско и господствовал над областями и народами и властителями, и они сделались его данниками»>.

¹⁷ Пс. 26: 3: <«Если ополчится против меня полк, не убоится сердце мое; если восстанет на меня война, и тогда буду надеяться»>.

¹⁸ 1 Мак. 3: 19, 20, 21: <«ибо не от множества войска бывает победа на войне, но с неба приходит сила. Они идут против нас во множестве надменности и нечестия, чтобы истребить нас и жен наших и детей наших, чтобы ограбить нас; а мы сражаемся за души наши и законы наши»>.

¹⁹ Иер. 46: 10: <«Ибо день сей у Господа Бога Саваофа есть день отмщения, чтобы отмстить врагам Его; и меч будет пожирать, и насытится и упьется кровью их; ибо это Господу Богу Саваофу будет жертвоприношение в земле северной, при реке Евфрате»>.

Крепок и силен борец вас хранит²⁰.
В день Его ярости дрогнет вселенна.
Трепетна, вражая рать, разгромленна,
Серной бегущей, заблудшей овцой
Будет скитаться без пастыря, стражи²¹,
Вы ж, обгоняя орла быстротой²²,
Львами вы грянете в толпища вражди...²³
Ярость Господня на все племена;
Гневен, их стаи предаст он закланью,
Черному мору, мечей истерзанью.
Смрадные трупы пожрет глубина,
Кровью увлажнится гор вышина.
Царства! внимайте владыки вещанью,
Слушайте, смертные, слушай, весь свет
(Мир и живущие в нем человеки):
Смертные — зелье, их слава — расцвет;
Зелье иссохнет — и падает цвет;
Слово лишь Вышнего живо вовеки²⁴.

²⁰ Пс. 17: 3: <«Господь твердыня моя и прибежище мое, избавитель мой, Бог мой, — скала моя; на Него я уповаю; щит мой, рог спасения моего и убежище мое»>.

²¹ Ис. 13: 13–14: <«Для сего потрясу небо, и земля сдвинется с места своего от ярости Господа Саваофа, в день пылающего гнева Его. Тогда каждый, как преследуемая серна и как покинутые овцы, обратится к народу своему, и каждый побежит в свою землю»>.

²² Иер. 4: 13: <«Вот, поднимается он подобно облакам, и колесницы его — как вихрь, кони его быстрее орлов; горе нам! ибо мы будем разорены»>.

²³ 1 Мак. 3: 4: <«он уподоблялся льву в делах своих и был как скимен, рыкающий на добычу»>.

²⁴ Ис. 34: 1–4: <«Приступите, народы, слушайте и внимайте, племена! Да слышит земля и все, что наполняет ее, вселенная и все рождающиеся в ней! Ибо гнев Господа на все народы, и ярость Его на все воинство их. Он предал их закланию, отдал их на заклание. И убитые их будут разбросаны, и от трупов их поднимется смрад, и горы размокнут от крови их. И истлеет все небесное воинство; и небеса свернутся, как свиток книжный; и все воинство их падет, как спадает лист с виноградной лозы, и как увядший лист — со смоковницы»>; 40: 6–8: <«Голос говорит: возвещай! И сказал: что мне возвещать? Всякая плоть — трава, и вся красота ее — как цвет полевой. Засыхает трава, увядает цвет, когда дунет на него дуновение Господа; так и народ — трава. Трава засыхает, цвет увядает, а слово Бога нашего пребудет вечно»>.

Падение кипариса

Пышно Ливана краса, кипарис,
Высится сению лиственных риз,
В тучах вознесся под свод огнезвездной.
Влагой вспоенный, возрощенный бездной,
Реки к корням своим уклонил,
Темные рощи плечами накрыл.
Ветви роскошно расширились. Сильный,
Дола дубравы величьем томит,
Отрасли в горние тучи стремит.
Корни крепятся водами обильны.
Отрасли — сосен косматых рослей,
Ель вековая — ничто у ветвей;
В отраслях птицы небесны гнездятся,
Польные звери у ветвей рождаются,
Роды ликуют под сенью его.
И возгордился в величии шумном:
«Царь облаков я!» — рек в сердце безумном,
Рек, и прогневался Бог на него.
Вдал его князю и пагубам черным,
И раскрушен он по высям нагорным,
Ветви распались у дебрей лесных,
Отрасли стерты у бразд полевых,
Сонмы народны исшли из-под сени,
Огонь возжигают с былой своей тени...
Взвыли на стеблях звери дубров,
Птицы небесные с криком кружатся.
(Пусть же юдольны древа не кичатся,
Буйны величьем, не тмят облаков!)
Меркнет Ливан, о нем бездна рыдает;
Шум низверженья его, потрясает
Рощи, захваченны им под плеча.
Живших под буйным всех гибель убила,

Ад рукоплещет на жатве меча:
Жизнью цветущих хватает могила...²⁵
Лейтесь окрест, источники рек!
Пусть его черная бездна охлынет:
Да не взлуднеет, не встанет он век;
*Спросят, где был он, и след его сгинет!*²⁶

Пророчество

Суше и морю веселья привет!
Бог воцарился: возрадуйся, свет!
Окрест одянный тучею мгlistой,
Пламенем-предтечей врагов он палит,
Небо, увитое молнией огнистой,
Землю колеблет, пучины холмит.
Оком Всевышнего бездны сгорают,
Горы как воск от лица Его тают.
Миру явил Свою славу Творец:
Истину Вышнего небо вешало;
Лживого ж идола капище пало,

²⁵ Иез. 31: 3–6: <«...был кедр на Ливане с красивыми ветвями и тенистою листовою <...>. На сучьях его вили гнезда всякие птицы небесные, <...> и под тенью его жили всякие многочисленные народы»>; 8: <«Кедры в саду Божиим не затемняли его; кипарисы не равнялись сучьям его, и каштаны не были величиною с ветви его, ни одно дерево в саду Божиим не равнялось с ним красотою своею»>; 10–16: <«Посему так сказал Господь Бог: за то, что ты высок стал ростом и вершину твою выставил среди толстых сучьев, <...> Я отдал его в руки властителю народов <...>. И срубили его чужеземцы <...>. Это для того, чтобы никакие деревья при водах не величались высоким ростом своим и не поднимали вершины своей из среды толстых сучьев <...>. Шумом падения его Я привел в трепет народы, когда низвел его в преисподнюю, к отшедшим в могилу, и обрадовались в преисподней стране все деревья Едема, отличные и наилучшие Ливанские...»>.

²⁶ Иер. 51: 62: <«Ты изрек о месте сем, что истребишь его так, что не останется в нем ни человека, ни скота...»>, 64: <«И скажи: так погрузится Вавилон, и не восстанет от того бедствия, которое Я наведу на него, и они совершенно изнемогут»>.

Да постыдится же брения жрец!²⁷
 Свет лучезарного солнца живее,
 Месяц полночный блистает светлее:
 Вечный в блистаньи громов воспарил,
 Спас Свое царство и род благоверный²⁸;
 Смерть же в развратные души вложил.
 (Хульный язык их греху лишь служил,
 Злобных десницы — десницы неверны.)²⁹
 Царство святое! восстань, замени
 Ризы плачевные светлой одеждой,
 Полное славы, красуйся надеждой,
 Лик просветлевший — венцом осени!³⁰
 В Боге светися, светися, держава:
 Град облистала Всевышнего слава!..
 Тьма на вселенной, и мрак в племенах;
 Ты же в Господних лучах просвещенья,
 Светлый вожатай, возблещешь в царях;
 Взыдешь народам светилам спасенья.
 Вот издалеча уж чада спешат,
 К брани священной с полмира летят:
 Град! вознесися высоко, высоко,
 Светлым их сонмом лелей свое око!..³¹

²⁷ Пс. 96: 1–7: <«Господь царствует: да радуется земля <...>. Пред Ним идет огонь, и вокруг поपालят врагов Его. Молнии Его освещают вселенную; земля видит, и трепещет. <...> Да постыдятся все, служащие истуканам, хвалящиеся идолам. Поклонитесь пред Ним, все боги»>.

²⁸ Авв. 3: 11: <«Солнце и луна остановились на месте своем пред светом летающих стрел Твоих, пред светом сверкающих копьев твоих»>; 13: <«Ты выступаешь для спасения народа Твоего, для спасения помазанного Твоего. Ты сокрушаешь главу нечестивого дома, обнажая его от основания до верха»>.

²⁹ Пс. 143: 8: <«Которых уста говорят суетное, и которых десница — десница лжи»>.

³⁰ Вар. 5: 5–6: <«Встань, Иерусалим, и стань на высоте, и обратись на восток, и посмотри на детей твоих, собранных от запада солнца до востока словом Святаго, радующихся о Божием воспоминании о них. Они вышли от тебя пешие, будучи ведомы врагами, а приведет к тебе их Бог возносимых со славою, как царских сыновей»>.

³¹ Ис. 60: 1–4: <«Восстань, светись, Иерусалим, ибо пришел свет твой, и слава Господня возшла над тобою. Ибо вот, тьма покроеет землю, и мрак — народы;

Враг в багряницах и конных входил,
Наг же и пеший бежал с посрамленьем:
Гору высокую, Вышним веленьем
Ринув, ты с темной юдолью сравнил³².
Радуйся! длань твою враг твой кровавой,
Объяв колены твои, назовет³³
*Правды щитом, благочестия славою*³⁴.
Радуйся! царство твое раскует
Копья, мечи — на серпы и на плуги,
Брани потухнут, любовь расцветет,
Слюбятся царства, как братья, как други;
В радости мирной, в дубраве родной
Весь просветлеет под Сенью Благой.
Радуйся! мира богатства польются:
С золотом стадами верблюды пришли,
Камни драгие, ливан принесли,
Быстро, как птицы с птенцами несутся,
Облаком светлым летят корабли³⁵.
Радуйся, мирный оратай счастливый!
Морем зеленым зазыблются нивы;
Мир улыбнется, холмы веселя,
Пышная зелень оденет поля,
Овцы всстадятся, волы утучнеют,

а над тобою воссияет Господь, и слава Его явится над тобою. И придут народы к свету твоему, и цари — к восходящему над тобою сиянию. Возведи очи твои и посмотри вокруг: все они собираются, идут к тебе; сыновья твои издалека идут и дочерей твоих на руках несут»>.

³² Вар. 5: 6, 7: <«Они вышли от тебя пешие, будучи ведомы врагами, а приведет к тебе их Бог возносимых со славою, как царских сыновей; ибо Бог определил, чтобы всякая высокая гора и вечные холмы понизились, а долины наполнились, для уравнивания земли, чтобы Израиль шел твердо, со славою Божиею»>.

³³ Ис. 60; 14: <«И придут к тебе с покорностью сыновья угнетавших тебя, и падут к стопам ног твоих все, презиравшие тебя, и назовут тебя городом Господа, Сионом Святаго Израилева»>. *В издании ошибочно: Ис. 40.*

³⁴ Вар. 5: 4: <«Навек наречется от Бога имя тебе: «мир правды и слава благочестия»>.

³⁵ Мих. 4: 3–4: <«...и перекуют они мечи свои на орала и копья свои — на серпы; не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать, но каждый будет сидеть под своею виноградною лозою...»>.

Долы пшеницей златою зареют,
Радость пустыней услышит земля³⁶.
Вопль угнетения в песнь перелется,
С памяти сгинет крушение и мгла:
Щит твой спасеньем племен наречется,
Стражем у врат твоих станет хвала,
Солнце и месяц светильник твой вечный,
Свет немерцающий вышний, предвечный³⁷.

³⁶ Пс. 143: 11, 12, 13, 14: <«Избавь меня и спаси меня от руки сынов иноплеменных, которых уста говорят суетное и которых десница — десница лжи. Да будут сыновья наши, как разросшиеся растения в их молодости; дочери наши — как искусно изваянные столпы в чертогах. Да будут житницы наши полны, обильны всяким хлебом; да плодятся овцы наши тысячами и тьмами на пажитях наших; да будут волы наши тучны; да не будет ни расхищения, ни пропажи, ни воплей на улицах наших. Блажен народ, у которого это есть. Блажен народ, у которого Господь есть Бог»>. В издании ошибочно: Пс. 60.

³⁷ Ис. 60: 18: <«Не слышно будет более насилия в земле твоей, опустошения и разорения — в пределах твоих; и будешь называть стены твои спасением и ворота твои — славою»>, 20: <«Не зайдет уже солнце твое, и луна твоя не сокроется; ибо Господь будет для тебя вечным светом, и окончатся дни сетования твоего»>.

БИБЛИОГРАФИЯ

МАТЕРИАЛЫ К БИБЛИОГРАФИИ: ВОЙНА 1812 ГОДА В ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (1867–2011)

Составитель Е. О. Кудина

В начале работы по составлению библиографии, посвященной теме «1812 год и русская литература», предполагалось, что имеется, по крайней мере, одна или несколько монографий, в которых была бы представлена источниковедческая база по данному вопросу. Тем не менее, современной библиографии фундаментального характера, содержащей в себе научно-исследовательские материалы о художественной литературе 1812 года, обнаружить не удалось.

Создание как можно более полной, обширной библиографии видится нам делом будущего. Целью настоящей работы была подготовка материала об истории вопроса в отечественном литературоведении.

Произведения, посвященные войне с Наполеоном, появились уже в 1812 г. Это были прозаические и стихотворные тексты, пьесы, а также произведения, жанр которых трудно определить, например, ростопчинские афиши. После окончания войны было опубликовано большое количество материалов мемуарно-исторического характера: воспоминания участников и очевидцев событий. Позднее большой резонанс вызвало появление романа Л. Н. Толстого «Война и мир». Его по-разному оценивали и критики, и читатели, многие из которых являлись непосредственными участниками войны. Тема 1812 года возникала в творчестве русских писателей на протяжении двух столетий. Нельзя не отметить, что особый интерес к ней появлялся, как правило, в военные — в период Первой мировой войны и Великой Отечественной войны — и в юбилейные годы. Торжественными событиями были отмечены 25-летие (1837 г.), 100-летие (1912 г.), 150-летие (1962), 175-летие (1987 г.) войны — это нашло отражение в художественной и исследовательской литературе. К нынешнему 200-летию юбилею также приурочены различные мероприятия, в том числе издание сборников и монографий по теме.

Источниками для данной работы являются материалы указателя ИНИОН, серия «Литературоведение», за период с 1986 г. по настоящее время; «Российской книжной палаты» за 1979–1999 гг., а также баз данных информационно-поисковой системы «Русская словесность» ИРЛИ РАН: «Русская ли-

© Е. О. Кудина

тература XVIII — XIX вв.», «История русской литературы. Personalia: Первая половина XIX века», «История русской литературы XIX века» (на основе библиогр. указ. под ред. К. Д. Муратовой: М.; Л.: АН СССР, 1962), «История русской литературы XIX — начала XX века» (на основе библиогр. указ. под ред. К. Д. Муратовой: СПб: Наука, 1993). Поиск также осуществлялся по каталогам ведущих российских библиотек. Это машинописный каталог Библиотеки Академии наук в ИРЛИ РАН и электронные каталоги Российской национальной библиотеки, Российской государственной библиотеки, Президентской библиотеки. Кроме поиска и просмотра научной литературы в печатном варианте, был произведен контекстный расширенный поиск по авторитетным электронным источникам: Фундаментальной электронной библиотеке (ФЭБ), Русской виртуальной библиотеке (РВБ), материалам интернет-проекта *Ruthenia* и др. Был составлен список художественных текстов, в которых в той или иной степени отразилась тема 1812 года.

Безусловно, обнаружить все материалы, содержащие информацию по интересующей нас теме, было невозможно ввиду ограничения по времени; по этой же причине был затруднителен тотальный просмотр материалов *de visu*. Тем не менее, мы постарались собрать сведения о самых важных, базовых работах, которые попали в научный оборот, используются большим количеством авторов. На основе данных текстов можно составить представление о том, как изучался предмет исследования в разные периоды. За пределами нашего внимания остались материалы общего характера: например, почти все научные изыскания, посвященные роману «Война и мир», так или иначе затрагивают тему 1812 года. Также в данную библиографию не были включены работы, в которых рассматриваются параллельные темы в произведениях, имеющих отношение к 1812 году.

Выборочно были просмотрены сборники, посвященные истории войны 1812 года — в некоторых из них оказались статьи о художественной литературе. Кроме того, в круг нашего внимания попали хрестоматии и антологии с подборкой текстов по теме. Следует отметить, что многие работы раннего периода (XIX — начала XX вв.) лишь условно можно назвать литературоведческими, но, поскольку они имеют отношение к теме и иллюстрируют историю развития вопроса, они также были включены в данный указатель.

Материалы, вошедшие в настоящую библиографию, в первую очередь предназначены для исследователей литературы, чтобы помочь им ориентироваться в теме. Часть материалов аннотирована. Безусловно, составитель не претендует на исчерпывающую полноту: целью проделанной работы является подготовка к более масштабному изучению темы.

1. Справочные материалы

Липранди И. П. Опыт каталога всем отдельным сочинениям по 1872 год об Отечественной войне 1812 года. Отд. 1–2. Издание Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете. М., 1876. 116 с.

Военский К. А. Отечественная война в русской журналистике: Библ. сб. статей, относящихся к 1812 г. СПб: Тип. «Бережливость», 1906. 220 с.

Аннотация: Роспись журналов «Русская старина». 1870–1905 (С. 1–133), «Древняя и новая Россия». 1875–1881 (С. 137–142), «Исторический вестник». 1880–1905 (С. 145–187).

Продолжение работы опубликовано в журнале «Русский библиофил» за 1911 г.:

№ 2. С. 57–71: Роспись журнала «Русский архив». 1863–1910 (от Александр I до Голохвастов); № 3. С. 40–54: продолжение — до Паскевич; № 4. 71–91: окончание — до Юдин.

№ 6. С. 42–60: Роспись журналов: «Военный журнал». 1817–1859, «Военный сборник». 1858–1911, «Сборник Археологического института». 1878–1880.

№ 7. С. 62–76: Роспись журнала «Сборник Императорского Русского исторического общества». 1867–1911, «Вестник Европы». 1812–1826.

№ 8. С. 55–67: Роспись журнала «Сын отечества». 1812–1829.

Затворницкий Н. М. Наполеоновская эпоха. Библ. указ. Вып. 1. СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1914. 328 с.

Обозрение следующих изданий: «Русский архив», «Вестник Европы», «Военный сборник», Приложение к 43 т. «Записок Императорской академии наук», «Сборник Императорского русского исторического общества», «Исторический вестник».

Рейсер С. А. Патриотические идеи в русской литературе: Указ. лит. Л.: Лениздат, 1945. 103 с.

Аннотация: В указатель включены исследовательские материалы, посвященные теме войны 1812 г. в произведениях русских писателей и поэтов.

Каталог рукописных материалов о войне 1812 г. Л.: Гос. публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, 1961. 170 с. Сост. рус. части: Л. А. Мандрышкина, иностр. части: Т. П. Воронова, С. О. Вялова. Ред. В. Г. Гойман.

Аннотация: В 3-й раздел каталога (С. 79–89) включены воспоминания, дневники, записки по указанной теме, в 4-й раздел (С. 90–128) — художественные произведения, отзывы, критические статьи.

Отечественная война 1812 г. // История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: Анн. указ. книг и публ. в журналах. 1801–1856. М.: Книга, 1977. Т. 2. Ч. 1. С. 248–294.

Мешков В. М. Гроза двенадцатого года...: Путеводитель по книгам об Отеч. войне. М.: Пашков Дом, 2012. 288 с.

2. Научные издания и статьи

1867

Галахов А. Д. Русская патриотическая литература. 1812–1815 // Филол. зап. 1867. Вып. 1. С. 1–32.

1868

Норов А. С. «Война и мир». 1805–1812 с исторической точки зрения и по воспоминаниям современника: (По поводу соч. гр. Л. Н. Толстого «Война и мир»). СПб.: Тип. Деп. уделов, 1868. 58 с. Из № 11 «Воен. сб.» 1868 г.

1869

Витмер А. Н. 1812 год в «Войне и мире»: По поводу исторических указаний IV т. «Войны и мира» гр. Л. Н. Толстого. СПб.: Тип. Деп. уделов, 1869. 122 с.

Вяземский П. А. Воспоминания о 1812 годе // Рус. архив. 1869. № 1. С. 181–216.

Аннотация: В частности, критика романа Л. Н. Толстого «Война и мир».

Лесков Н. С. Герои Отечественной войны по гр. Л. Н. Толстому // Биржевые ведомости. № 66, 68, 70, 75, 93, 99, 109, от 9, 11, 13, 18 марта, 11, 12 и 25 апр.

1877

Липранди И. П. И. Н. Скобелев и В. А. Жуковский в 1812 году // Древняя и новая Россия. 1877. № 10. С 168–173.

1895

Драгомиров М. И. Разбор романа «Война и мир» с военной точки зрения. Киев: Н. Я. Оглоблин, 1895. 139 с.

Дубровин Н. Ф. Наполеон в современном ему русском обществе и русской литературе // Рус. вестник. 1895. № 2. С. 195–228; № 4. С. 214–243; № 6. С. 4–34.

1898

Грунский Н. К. Наполеон I в русской художественной литературе // Рус. филол. вестник. 1898. Т. 40. № 4. С. 193–290.

Тихонравов Н. С. Граф Ф. В. Ростопчин и литература в 1812-м году // Н. С. Тихонравов. Соч. Т. 3. Ч. 1. М., 1898. С. 305–379.

1899

Грунский Н. К. Наполеон в русской художественной литературе. Варшава: Тип. Варшав. учеб. округа, 1899. 132 с.

1911

Мендельсон Н. М. Ростопчинские афиши // Отечественная война и русское общество. 1812–1912. М.: Изд-е т-ва И. Д. Сытина, 1911. Т. 4. С. 83–91.

1912

Война и мир: Сб. / Под ред. В. П. Обнинского, Т. И. Полнера. М.: Задруга, 1912. 311 с.

Из содерж.:

Обнинский В. П., Полнер Т. И. [Вступ. ст.]. С. V — VII.

Полнер Т. И. «Война и мир» Л. Н. Толстого. С. 1–99.

Покровский К. В. История работы Л. Н. Толстого над романом «Война и мир». С. 100–112.

Покровский К. В. Источники романа «Война и мир». С. 113–128.

Перцев В. Н. Философия истории Л. Н. Толстого. С. 129–153.

Козловский Л. С. Война и мир в учении Л. Н. Толстого. С. 279–310.

Отечественная война и русское общество. 1812–1912. М.: Изд-е т-ва И. Д. Сытина, 1912. Т. 5. 236 с.

Из содерж.:

Игнатов И. Н. 12-й год и великосветское общество («Война и мир» Л. Н. Толстого). С. 11–42.

Сидоров Н. П. Отголоски 12-го года в русской повести и романе. С. 146–158.

Сидоров Н. П. Отечественная война в русской лирике. С. 159–171.

Каллаш В. В. Отечественная война в русской народной поэзии. С. 172–182.

Бродский Н. Л. Театр и драма в Отечественную войну. С. 183–191.

Введение // Отечественная война и ее герои в изображении лучших русских писателей: 1812–1912. СПб.: Типолит. «Бр. Ревинь» 1912. С. 5. (Бесплатное приложение к журналу «Дружеские речи», 1912).

Бродский Н. Л. Из литературных отражений Отечественной войны // Отечественная война и ее причины и следствия: Ил. сб. М.: И. Д. Сытин, 1912. С. 165–181.

Бродский Н. Л. и др. От составителей // Россия и Наполеон: Отеч. война в мемуарах, документах и художественных произведениях. Ил. сб. / Сост. Н. Л. Бродский, П. Е. Мельгунова, К. В. Сивков, Н. П. Сидоров. М.: Задруга, 1912. С. III — IV.

Всеволодский-Гернгросс В. Н. Театр в России в эпоху Отечественной войны. СПб.: Скл. изд. в кн. маг. т-ва М. О. Вольф, 1912. 198 с.

Гартевельд В. Н. Предисловие // 1812 год в песнях: Собр. текстов. 33 рус. и фр. песен эпохи нашествия Наполеона I в Россию в 1812 г. М.: Т-во К. И. Тихомирова, 1912. С. 5–8.

Горожанский Я. И. Предисловие // Отражение Отечественной войны 1812 года в поэзии, художественной и народной, и в литературе вообще: Юбил. сб. 1812–1912. СПб.: Училищ. Сов. при Святейшем Синоде, 1912. С. 5–6.

Дучинский Н. П. Предисловие // 1812 год в произведениях русских писателей и поэтов и юбилейный праздник в память 1812 года. М.: Т-во И. Д. Сытина; СПб.: Сельск. вестн., 1912. С. 3–5.

Каллаш В. В. [Вступ. ст.] // Двенадцатый год в воспоминаниях и переписке современников. М.: Т-во И. Д. Сытина, 1912. С. 5–6.

Лернер Н. О. [Вступ. ст.] // 1812 год в баснях Крылова. СПб.: Изд. Общины Св. Евгении, [1912]. С. 11–13.

Ч. Ветринский. [Чешихин-Ветринский В. Е.] Отечественная война в родной поэзии // Отечественная война в родной поэзии: Сб. худож. произведений о войне 1812 г. Н. Новгород: Изд-во «Нижегородский ежегодник» Г. И. Сергеева и В. Е. Чешихина, 1912. С. 3–4.

1913

Бирюков П. Л. Н. Толстой о Наполеоне I: По неизданным документам. (Из переписки Л. Н. Толстого с А. И. Эртелем) // Голос минувшего. 1913. № 1. С. 171–173.

Аннотация: Неосуществленный замысел Эртеля.

Покровский К. В. 1812 год в русской повести и романе. М.: О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1913. 10 с.

1914

Элиаш Н. М. К вопросу о влиянии Батюшкова на Пушкина // Пушкин и его современники: Материалы и исслед. / Комис. для изд. соч. Пушкина при Отд-нии рус. яз. и словесности Имп. акад. наук. Вып. 19–20. Пг., 1914. С. 1–39.

Аннотация: Рассматриваются стихотворения, посвященные теме войны 1812 года.

1915

Блох М. А. Война в изображении русских писателей: (А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь, Л. Н. Толстой, В. М. Гаршин, Л. Н. Андреев, В. В. Вересаев, нар. поэзия). [Двинск]: Электро-тип. «Дв. Листка», [1915]. 104 с.

Лернер Н. О. «Полководец» // А. С. Пушкин. Сочинения / Под ред. С. А. Венгерова. Т. 6. Пг.: Ф. А. Брокгауз — И. А. Ефрон, 1915. С. 474–476.

Сологуб Ф. Предисловие // Война в русской поэзии / Стихотворения выбраны Анс. Чеботаревской. Пг.: Кн-во б. М. В. Попова, [1915]. С. 5–6.

1916

Бродский Н. Л., Сидоров Н. П. Предисловие // Отечественная война в русской поэзии: Сб. / Сост. Н. Л. Бродский, Н. П. Сидоров. М.: Акц. о-во «Универсальная библиотека», [1916]. С. 3–8.

1927

Петровский М. А. Выражение и изображение в поэзии // Художественная форма: Сб. ст. М.: ГАХН, 1927. С. 51–80.

Аннотация: Книга Тьера о Наполеоне как источник эпизода о пленном казаке в «Войне и мире» Толстого (С. 59–60).

Цявловский М. А. Как писался и печатался роман «Война и мир» // Толстой и о Толстом: Новые материалы. М.: Толстовский музей, 1927. Сб. 3. С. 129–174.

1928

Виноградов А. Происхождение и смысл военных картин у Л. Толстого // Печать и революция. 1928. № 6. С. 58–75.

Аннотация: Батальная тема, в частности, война 1812 г. в романе «Война и мир».

Шкловский В. Б. Материал и стиль в романе Льва Толстого «Война и мир». М.: Федерация, 1928. 251 с.

Аннотация: В частности, об исторических и литературных источниках, посвященных войне 1812 г., и их использовании Л. Н. Толстым при создании романа.

1931

Бонди С. М. Начало повести // Новые страницы Пушкина: Стихи, проза, письма. М.: Кооп. изд-во «Мир», 1931. С. 104–108. См. также: *Бонди С. М.* Черновики Пушкина: Статьи 1930–1970 гг. 2-е изд. М.: Просвещение, 1978. С. 180–182.

Аннотация: О незаконченном наброске «В начале 1812 года...».

1933

Эйхенбаум Б. М. От военной оды к «гусарской песне» // Давыдов Д. Полн. собр. стихотворений / Под ред. В. Н. Орлова. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1933. С. 20–44. (Б-ка поэта. Большая сер.).

Эйхенбаум Б. М. Батальная тема в русской поэзии начала XIX в. // Зап. 1933. № 4. С. 67–72; № 5. С. 53–57.

1934

Тынянов Ю. Н. Пушкин и Кюхельбекер // [А. С. Пушкин: Исследования и материалы] / План тома, организация материала, литературная редакция, подбор материала и оформление И. С. Зильберштейна и И. В. Сергиевского. М.: Журнально-газетное объединение, 1934. С. 321–378. (Лит. наследство; Т. 16–18).

Лит. наследство. М.: Журн.-газ. об-ние, 1934. № 16/18: Александр Пушкин. См. также *Тынянов Ю. Н.* Пушкин и его современники. М.: Наука, 1969. С. 233–294.

Аннотация: Тема войны 1812 г. в творчестве Пушкина и Кюхельбекера.

1937

Петров С. М. Роман Пушкина о 1812 годе // Знамя. 1937. № 8. С. 239–261.

Аннотация: «Рославлев».

1938

Асмус В. Ф. Война в романе Льва Толстого «Война и мир» // Знамя. 1938. № 9. С. 280–304.

1939

Бродянский Б. Речь идет о войне // Лит. современник. 1939. № 7–8. С. 224–227.

Аннотация: В частности, об изображении Бородинской битвы в романе Толстого «Война и мир» (С. 224–225).

Гринберг И. Историческая живопись и историческая драма // Искусство и жизнь. 1939. № 11–12. С. 36–38.

Аннотация: В частности, о сравнении приемов изображения Бородинской битвы в «Войне и мире» Толстого и битвы при Ватерлоо в «Отверженных» Гюго.

Гуковский Г. А. Об источнике «Рославлева» // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Ин-т литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. [Вып.] 4–5. С. 477–479.

Мануйлов В. А., Модзалевский Л. Б. «Полководец» Пушкина // Пушкин: Временник пушкинской комиссии / Ин-т лит-ры. М.; Л.: АН СССР, 1939. Вып. 4–5. С. 125–164.

1941

Отечественная война // Героическое прошлое русского народа в художественной литературе. Сб. ст. / Отв. ред. Л. А. Плоткин. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1941. (ИРЛИ АН СССР). Оборонная серия. С. 31–45.

Аннотация: Отечественная война 1812 г. в русском фольклоре и литературе (В. А. Жуковский, И. А. Крылов, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Л. Н. Толстой).

Верховский Н. П. Батюшков // История русской литературы: В 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. 5. С. 392–417.

Аннотация: 1812 год в творчестве Батюшкова: стихотворения «Переход через Рейн», «Переход через Неман» (С. 406–410).

Вольпе Ц. С. Жуковский // История русской литературы: В 10 т. / АН СССР. Ин-т лит. (Пушкин. Дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. V. Литература первой половины XIX века. Ч. 1. С. 355–391.

Аннотация: «Певец во стане русских воинов». (С. 369–370).

Грушкин А. И. Война 1812 года в русской литературе // История русской литературы: В 10 т. / АН СССР. Ин-т лит. (Пушкин. Дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. 5. С. 315–326.

Грушкин А. И. «Рославлев» // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Ин-т литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. [Вып.] 6. С. 323–337.

Дурьлин С. Н. Лирой и мечом: (Из истории 1812 года) // Октябрь. 1941. № 9–10. С. 180–190.

Аннотация: Война 1812 года в жизни и творчестве Д. В. Давыдова, А. С. Грибоедова, В. А. Жуковского, Н. М. Карамзина, И. А. Крылова, Ф. Н. Глинки, К. Н. Батюшкова, К. Ф. Рыльева, С. Н. Глинки, И. И. Лажечникова, А. Ф. Воейкова, А. А. Дельвига, А. С. Пушкина.

Дурьлин С. Н. На путях к реализму // Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова: Исслед. и материалы. Сб. 1. М.: ОГИЗ; Гослитиздат, 1941. С. 163–250.

Аннотация: Тема войны 1812 года в стихотворении «Бородино» (С. 179–186).

Пиксанов Н. К. Русская художественная литература о всенародной борьбе с Наполеоном: (Отеч. война 1812 г.). М.; Л.: Гос. военно-морское изд-во НКВМФ СССР, 1941. 32 с. (Б-ка краснофлотца. Пушкинское общество).

Пумпянский Л. В. Стиховая речь Лермонтова // М. Ю. Лермонтов / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). М.: Изд-во АН СССР, 1941. Кн. 1. С. 389–424. (Лит. наследство; Т. 43/44).

Аннотация: «Бородино» и батальная тема в творчестве Лермонтова (С. 410–424).

1942

Иванов С. В. Поэт-воин // Давыдов Д. Стихотворения и статьи. Под ред. А. М. Еголина, Е. Н. Михайловой, И. Н. Розанова, М. М. Эссен. М.: Гослитиздат, 1942. С. 3–11.

Машинский С. И. 1812 год в русской литературе // Отечественная война 1812 года: Сб. М., 1942. С. 6–26.

Плоткин Л. А. Л. Толстой и Отечественная война 1812 года // Вест. АН СССР. 1942. № 2–3. С. 75–86.

Шкловский В. Б. Бородино в романе «Война и мир» // Лит. и искусство. 1942. 12 сент.

1943

Дурылин С. Н. Русские писатели в Отечественной войне 1812 года. М.: Сов. писатель, 1943. 124 с.

Аннотация: С. Н. Глинка, М. Н. Загоскин, А. А. Шаховской, В. А. Жуковский, А. С. Грибоедов, Д. В. Давыдов, Н. И. Тургенев, И. А. Крылов, И. И. Лажечников, К. Ф. Рылеев.

Ильинский Н. А. Художественная патриотическая литература 1812–1815 гг. Тбилиси: Изд-во Тбилис. гос. ун-та, 1943. 79 с.

1945

Ростоцкий Б. И. Героический образ: «Полководец» в Центральном театре Красной Армии // Театр. 1945. № 2. С. 6–10. См. также: Очерки истории русского советского драматического театра. В 3-х т. Т. 2. 1935–1945. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. С. 488, 525.

Аннотация: Об образе Кутузова в пьесе К. Тренева и романе Толстого «Война и мир».

Эйхенбаум Б. М. Кутузов в романе Л. Толстого «Война и мир» // Ленинград. 1945. № 21–22.

1946

Прянишников Н. Заметки о «Войне и мире» Льва Толстого: К 75-летию выхода в свет первого издания романа // Степные огни: Альм. Чкалов. отд. Союза сов. писателей. № 5. Чкалов: ОГИЗ, Чкалов. изд-во, 1946. С. 243–253.

Аннотация: «Бородино» Лермонтова, басни Крылова и «Дневник партизанских действий» Д. Давыдова как источники романа «Война и мир».

Розанов И. Н. Патриотическая лирика поэтов трех поколений в Отечественную войну 1812–1815 гг. // Уч. зап. Моск. ун-та. 1946. Вып. 118. С. 72–82.

Самарин Г. Отечественная война 1812 г.: М. И. Кутузов // Самарин Г. Патриотическая тема в песенном творчестве русского народа. Фрунзе: Изд-во Киргиз. филиала АН СССР, 1946. С. 105–117.

Аннотация: Образы М. И. Кутузова, М. И. Платова и Наполеона в песенном фольклоре.

1947

Благой Д. Д. Державин // История русской литературы: В 10 т. / АН СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. Т. 4. Литература XVIII в. Ч. 2. С. 383–429.

Аннотация: Отечественная война 1812 года в творчестве Г. Р. Державина (С. 403, 407).

Дурылин С. Н. Крылов и Отечественная война 1812 года // И. А. Крылов: Исслед. и материалы / Под ред. Д. Д. Благого и Н. Л. Бродского. М.: Гослитиздат, 1947. С. 147–186.

Никулин Л. В. Старая и новая Москва в литературе: Кратк. ист.-лит. очерк. М.: Моск. рабочий, 1947. 64 с.

Аннотация: Жизнь Москвы в 1805 и 1812 гг. в романе «Война и мир» (С. 35–36).

1948

Арнольд Н. С. Н. Марин: Крит.-биогр. очерк // С. Н. Марин. Полн. собр. соч. М.: Гос. лит. музей, 1948. С. 1–25. (Летописи Государственного литературного музея. Кн. 10).

Аннотация: Патриотические стихотворения, посвященные событиям войны 1812 года (С. 23).

Бродский Н. Л. «Бородино» М. Ю. Лермонтова и его патриотические традиции. М.; Л.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1948, 68 с. (Пед. б-ка учителя). См. также: *Бродский Н. Л.* Избранные труды. М.: Просвещение, 1964. С. 118–183.

Шкловский В. Б. М. И. Кутузов и Платон Каратаев в романе «Война и мир» // Знамя. 1948. № 5. С. 137–145.

1949

Глинка В. М. Пушкин и военная галерея Зимнего дворца. Л.: Изд. Гос. Эрмитажа, 1949. 225 с.

Залесский М. П. К вопросу о влиянии событий Отечественной войны 1812 г. на развитие русской литературы: (Жанры элегии, послания, баллады в лирике) // Уч. зап. Моск. обл. пед. ин-та. 1949. Т. 13. Труды кафедры рус. литературы. Вып. 1. С. 129–161.

Попов А. В. М. Ю. Лермонтов в первой ссылке // Труды Ставроп. пед. ин-та. 1949. Вып. 3. С. 6–112.

Аннотация: В частности, о стихотворении «Бородино».

Соловьев Б. О некоторых вопросах теории литературы // Знамя. 1949. № 7. С. 153–169.

Аннотация: «Война и мир» Л. Н. Толстого и «Рославлев, или Русские в 1812 году» М. Н. Загоскина (С. 159–161).

Мануйлов В. А. Отечественная война 1812 года в жизни и творчестве Пушкина. Л.: Пушкин. о-во, 1949. 16 с.

Мейлах Б. С. «Гроза двенадцатого года» // Звезда. 1949. № 3. С. 151–173. См. также: *Мейлах Б. С.* Пушкин и его эпоха. М.: Гослитиздат, 1958. С. 173–238.

1950

Бабкин Д. С. «Слово о полку Игореве» в переводе В. В. Капниста // Слово о полку Игореве: Сб. иссл. и ст. / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 320–399.

Аннотация: Патриотическая поэма Капниста «Плач россиянина над Москвой», посвященная событиям 1812 года (С. 324–325).

Жилин П. А. Контрнаступление Кутузова в 1812 г. М.: Воениздат, 1950. 192 с.

Аннотация: Образ Кутузова (С. 7) и пожар Москвы 1812 г. (С. 66) в романе Л. Н. Толстого «Война и мир».

1951

Абрамов В. А. Образ Кутузова в героической эпопее Л. Н. Толстого «Война и мир» // Уч. зап. Бурят-Монгольского пед. ин-та. 1951. Вып. 2. С. 19–50.

Литвин Э. С. Отечественная война 1812 года в русских народных песнях // Славянский фольклор: Материалы и исслед. по ист. народ. поэзии славян. АН СССР. Тр. Ин-та этнографии им Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. 13. М., 1951. С. 92–112.

Паперный З. М. В борьбе за подлинного Пушкина // Пушкин в школе. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1951. С. 142–200.

Аннотация: Тема «Пушкин и 1812 г.» в освещении советской критики (С. 164–169).

Шентаев Л. С. Русская историческая песня // Исторические песни. Л.: Сов. писатель, 1951. С. 5–50. (Б-ка поэта. Малая сер. 2-е изд.).

Аннотация: О песнях, посвященных войне 1812 года (С. 39–45).

Шик А. Денис Давыдов: «Любовник брани» и поэт. Париж: Возрождение, 1951. 327 с.

1952

Шепелева З. С. 1812 год в творчестве Пушкина // Уч. зап. Костром. пед. ин-та им. Н. А. Некрасова. Вып. 1. 1952. С. 97–132.

1953

Пушкин / В. В. Гиппиус, Б. С. Мейлах, А. С. Орлов, А. Л. Слонимский, Д. П. Якубович // История русской литературы: В 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. 6. Литература 1820–1830-х гг. / Под ред. Б. С. Мейлаха. М.; Л., Изд-во Акад. наук СССР, 1953. С. 159–328.

Аннотация: Отечественная война 1812 года в творчестве Пушкина (С. 166–170, 174, 238, 258, 262, 305–310 и др.).

Орлов В. Н. Денис Давыдов // История русской литературы: В 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. 6. Литература 1820–1830-х гг. С. 374–389.

Петров С. М. Исторический роман А. С. Пушкина. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 157 с.

Аннотация: Замысел романа «Рославлев» (С. 78–106).

Белинский В. Г. Очерки Бородинского сражения. (Воспоминания о 1812 г.). Сочинение Ф. Глинки. М., 1839. (Отеч. зап., 1839, т. VII, № 12) // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: АН СССР, 1953. Т. 3. С. 325–356.

Белинский В. Г. Бородинская годовщина В. Жуковского. (Отеч. зап. 1839, Т. VI, № 9) // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: АН СССР, 1953. Т. 3. С. 240–250.

Степанов Н. Л. Прозаики двадцатых-тридцатых годов // История русской литературы: В 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. 6. Литература 1820–1830-х годов. С. 501–562.

Аннотация: «Письма русского офицера» Ф. Н. Глинки, «Рославлев, или Русские в 1812 году» М. Н. Загоскина.

1954

Гай Г. Н. Пушкин в оценке Герцена. Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1954. 32 с.

Аннотация: 1812 год в творчестве Пушкина (С. 4–7, 10).

Дегтеревский И. М. Пейзаж в «Евгении Онегине» Пушкина // Уч. зап. Моск. гор. пед. ин-та. Т. 43. Каф. рус. лит. Вып. 4. М., 1954. С. 163–190.

Аннотация: Тема 1812 года и образ Наполеона (С. 177, 181–183).

Найдич Э. Э. Новое о трагедии Кюхельбекера «Аргивяне» // Лит. насл. 1954. Т. 59. С. 517–530.

Аннотация: Пролог «Аргивян» и драма Грибоедова «1812 год».

1955

Пудовкин В. А. Описание Бородинского поля в «Войне и мире» Л. Толстого // Пудовкин В. А. Избр. статьи. М.: Искусство, 1955. С. 60–123.

1956

Михайловская Н. М. Журнал «Сын отечества» периода Отечественной войны и становления декабризма: (1812–1818) // Уч. зап. Удмуртского пед. ин-та. 1956. Вып. 9. С. 57–83.

Томашевский Б. В. Пушкин. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956–1961.

Кн. 1: (1813–1824). С. 15–22, 47, 49, 53–54, 61–70, 117, 167–168, 559–561 и др.

Кн. 2. (1824–1937). С. 110, 112, 143–144, 156, 183, 208, 217, 226–227, 483–284.

Аннотация: Отечественная война 1812 года в творчестве Пушкина.

1957

Брискман М. А. К истолкованию басен Крылова о войне 1812 года // Тр. Ленингр. библ. ин-та им. Н. К. Крупской. 1957. Т. 2. С. 147–161.

Мурашов Н. Ф. Приемы раскрытия образа Наполеона у Л. Н. Толстого // Уч. зап. Винницкого пед. ин-та. 1957. Т. 5. Ч. 2. С. 32–46.

1958

Лотман Ю. М. Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. 1958. Вып. 63. 192 с.

Пятницкая Л. Б. Изображение народа и войны в «Бородино» (1837 г.) и «Валерике» (1840 г.) М. Ю. Лермонтова // Учен. зап. Горьк. пед. ин-та. Т. 26. Лит. и история СССР. 1958. С. 205–219.

Розова З. Г. Дневник партизана Д. Давыдова как материал для «Войны и мира» Л. Толстого // Тр. каф. рус. лит-ры Львовского ун-та. 1958. Вып. 2. С. 123–130.

Тимофеев В. П. Анализ языка стихотворения М. Ю. Лермонтова «Бородино» // Рус. яз. в шк. 1958. № 6. С. 41–45.

1959

Кузьменко А. Ю. В. В. Капніст і вітчизняна війна 1812 р. // Рад. літературознавство. Київ, 1959. № 1. С. 77–83.

Никулин Л. Роман Загоскина «Рославлев» // Загоскин М. Н. Рославлев, или Русские в 1812 году. М., 1959. С. 3–8.

Пухов В. В. В. А. Жуковский — составитель и издатель сборников стихотворений русских поэтов // РЛ. 1959. № 3. С. 186–188.

Аннотация: Жуковский как составитель и издатель «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году».

Скафтымов А. П. Образ Кутузова и философия истории в романе Л. Толстого «Война и мир» // РЛ. 1959. № 2. С. 72–94. Также: *Скафтымов А. П.* Нравственные искания русских писателей: Статьи и исследования о рус. классиках. М.: Худ. лит., 1972. С. 182–217.

1960

Мануйлов В. А. М. Ю. Лермонтов: Семинарий / Мануйлов В. А., Гиллельсон М. И., Вацуро В. Э.; Под ред. В. А. Мануйлова. Л., Учпедгиз, 1960. 461 с.

Аннотация: Война 1812 г. в творчестве Лермонтова и других писателей (С. 283–290, 320–322, 345, 359–360). К каждому разделу приложена библиография по теме.

1961

Базанов В. Г. От военно-патриотических гимнов 1812 года к «Деревне» Пушкина // Базанов В. Г. Очерки декабристской литературы: Поэзия. М.; Л.: Гослитиздат, 1961. С. 35–84.

Ефимова М. Т. Тема 1812 года в юношеских стихотворениях М. Ю. Лермонтова // Ежегодник научных работ 1960 г.: В 2 ч. Гуманитарные науки. Херсон. Гос. пед. ин-т им. Н. К. Крупской. Херсон, 1961. Ч. 1. С. 89–95.

Зайденинур Э. Е. [Вступительная статья: Поиски начала романа «Война и мир»: Пятнадцать набросков. (1863–1864)] // Лев Толстой:

В 2 кн. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Изд-во АН СССР, 1961. Кн. 1. С. 291–324. (Лит. наследство; Т. 69).

Лотман Ю. М. Русская поэзия начала XIX века // Поэты начала XIX века. Л.: Сов. писатель, 1961. Б-ка поэта. Мал. серия. 3-е изд. С. 5–112.

Аннотация: В частности, о войне 1812 г. в творчестве русских писателей.

1962

Алексеев М. П. [1812 г. в художественной литературе. Доклад на Объединенной научной сессии гуманитарных отделений Академии наук СССР, посвященной 150-летию Отечественной войны 1812 г. Краткое изложение] // Вестн. АН СССР. 1962. № 12. С. 115.

Антокольский П. Г. Страница русской поэзии // Лит. газ. М., 1962. № 126. 20 окт.

Аннотация: О стихотворениях «Гимн лиро-эпический на прогнание французов из отечества» Г. Р. Державина, «Певец во стане русских воинов» В. А. Жуковского и «К Дашкову» К. Н. Батюшкова.

Афонин Л. Н. Н. С. Лесков о народной войне 1812 года // Орловск. правда. 1962. 21 сент.

Аннотация: Лесков о войне 1812 года и романе «Война и мир».

Зайденинур Э. Е. Лев Толстой: Бородино и Кутузов // Октябрь. 1962. № 9. С. 164–171.

Кока Г. М. Художественный мир Пушкина // Кока Г. М. Пушкин об искусстве. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 5–61.

Аннотация: Тема войны 1812 г. и образы Кутузова, Барклая-де-Толли в стихотворениях «Полководец» (С. 42–46), «Художнику» (С. 49–52).

Кузнецов В. Поэт-партизан // Калининск. правда 1962. 18 окт.

Аннотация: В частности, об использовании Л. Н. Толстым материалов «Дневника партизанских действий 1812 г.» Д. В. Давыдова для романа «Война и мир».

Лотман Ю. М. Походная типография штаба Кутузова и ее деятельность // 1812 год: К столетию Отечественной войны. Сб. ст. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 215–232.

Сазонов П. Г. Философия истории и образы Кутузова, Платона Каратаева в романе «Война и мир» Л. Толстого // Труды Пржевальск. пед. ин-та. 1962. Вып. 9. С. 3–34.

Степанов А. В. О языке и стиле глав «Войны и мира», посвященных описанию Бородинского сражения // Рус. яз. в шк. 1962. № 6. С. 11–15.

Филиппова Н. Закончен ли пушкинский «Рославлев»? // РЛ. 1962. № 1. С. 55–59.

Фридман Н. В. Отечественная война 1812 года и современная ей литература // Лит. в шк. 1962. № 6. С. 3–9.

1963

Верецагина Т. Д. Особенности художественного отражения исторической действительности // Вестн. Ленингр. ун-та. 1963. № 11. Сер. экономики, философии и права. Вып. 2. С. 76–88.

Аннотация: Книга Е. В. Тарле «Нашествие Наполеона на Россию 1812» и роман Л. Н. Толстого «Война и мир».

Еремин М. П. Пушкин-публицист. М.: Гослитиздат, 1963. 445 с.

Аннотация: О войне 1812 в творчестве Пушкина (С. 13–37), «Записках кавалерист-девицы» Н. А. Дуровой (С. 249–252).

Залесский М. П. Сатирические жанры и литературная имитация фольклора в поэзии Первой Отечественной войны // Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та. Т. 116. Литература. М., 1963. Вып. 4. С. 219–262.

Клепиков С. А. Сатирические листы 1812–1813 гг.: Сводная библиография // Труды Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина. Т. 7. М., 1963. С. 176–318.

Лотман Ю. М. Тарутинский период Отечественной войны 1812 года и развитие русской общественной мысли // Тр. по рус. и слав. филологии. 1963. № 6. С. 8–19. (Учен. зап. Тарт. ун-та. Вып. 139).

Пугачев В. В. Толстой об отступлении русской армии в 1812 году и историческая действительность // Л. Н. Толстой: Ст. и материалы. Горький, 1963. (Учен. зап. Горьк. гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Т. 60). С. 221–223.

1964

Беккер Э. Г. «Бородино» Лермонтова — зерно «Войны и мира» Толстого // Лит. в shk. М., 1964. № 3. С. 27–33.

Максимов Д. Е. Поэзия Лермонтова. М.; Л.: Наука, 1964. 266 с.

Аннотация: Тема войны 1812 года в творчестве Лермонтова: стихотворения «Бородино», «Поле Бородина» (С. 117, 136–144, 159).

Петров С. М. Русский исторический роман XIX века. М.: Худ. лит., 1964. 439 с.

Из содерж.:

Исторический роман конца 20-х — начала 30-х годов. «Юрий Милославский» и «Рославлев» М. Н. Загоскина. «Рославлев» А. С. Пушкина. С. 61–109. «Война и мир» Л. Н. Толстого как исторический роман. С. 315–437.

Фридман Н. В. К. Н. Батюшков // Батюшков К. Н. Полн. собр. стихотворений. М.; Л.: Сов. писатель, 1964. С. 5–52.

Аннотация: Война 1812 года в жизни и творчестве Батюшкова: стихотворения «Переход через Рейн», «К Дашкову» (С. 32–41).

1965

Гуковский Г. А. Пушкин и русские романтики. М.: Худ. лит., 1965. 356 с.

Аннотация: 1812 год в русской литературе первой трети XIX в. (С. 75–77, 186–223).

Иезуитова Р. Поэзия русского классицизма // РЛ. 1965. № 3. С. 53–74.

Аннотация: В частности, о войне 1812 г. в творчестве В. А. Жуковского («Певец во стане русских воинов»), К. Н. Батюшкова («На развалинах замка в Швеции»), А. С. Пушкина («Воспоминания в Царском Селе»).

Саакян П. Т. А. С. Грибоедов и Отечественная война 1812 года // Лит. Армения. 1965. № 1. С. 79–84.

1966

Корчагина С. Т. О военной лексике и фразеологии в «Записках» Дениса Давыдова // Вопр. современного рус. яз. и истории его развития. 1966. С. 207–227. (Науч. труды Краснодар. пед. ин-та. Вып. 54).

Мейлах Б. С. Пушкин-лицеист и оппозиционное движение преддекабрьского периода: Пушкин и отечественная война 1812 г. // Пушкин. Итоги и проблемы изучения. М.; Л.: Наука, 1966. С. 158–167.

Потанов И. А. «Обратная кампания» Отечественной войны 1812 года и образ Кутузова в романе Л. Толстого «Война и мир» // Материалы 7 зональной науч. конф. литературовед. кафедр ун-тов и пед. ин-тов Поволжья. 1966. С. 32–34. (Волгоградский пед. ин-т им. А. С. Серафимовича.)

Пугачев В. В. Испанский «Гражданский катихизис <sic!>» и В. К. Кюхельбекер в 1812 г. // Русско-европейские литературные связи: Сб. ст. к 70-летию со дня рождения акад. М. П. Алексеева. М.; Л.: Наука, 1966. С. 109–114.

Реизов Б. Г. Пушкин и Наполеон // РЛ. 1966. № 4. С. 49–58. См. также: Реизов Б. Г. Из истории европейских литератур. Л., 1970. С. 51–66.

Саакян П. Т. Державин и война 1812 г. // Известия Арм. заоч. пед. ин-та. Ереван, 1966. № 5. С. 121–153. На арм. яз.

Аннотация: Отражение событий 1812 г. в творчестве Державина.

Черейский Л. А. К стихотворению Пушкина «Полководец» // Временник Пушкинской комиссии. 1963 / АН СССР. Отд-ние лит. и яз. Пушкин. комис. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1966. С. 56–58.

Чирков Н. «Война и мир» Л. Н. Толстого как художественное целое // РЛ. 1966. № 1. С. 43–65.

1967

Изергина Н. П. Н. А. Дурова — писательница // Учен. зап. Киров. пед. ин-та. Каф. лит. и рус. яз. Киров, 1967. Вып. 29. Т. 2. С. 60–90.

Петровский В. И. М. Ю. Лермонтов. «Бородино»: (Слово и образ) // Вопросы русской и удмуртской литературы: История и методика преподавания. Ижевск, 1967. Вып. 1. С. 25–40.

1968

Богуславский Г. Роман Г. П. Данилевского «Сожженная Москва» // Данилевский Г. П. Сожженная Москва. М.: Худ. лит., 1968. С. 5–25.

Бочкарев В. А. Трагедийные замыслы и наброски А. С. Грибоедова // Бочкарев В. А. Русская историческая драматургия периода подготовки восстания декабристов: (1816–1825). Куйбышев, 1968. С. 264–323. (Учен. зап. Куйбышев. пед. ин-та. Вып. 56.)

Аннотация: В частности, о драматическом плане «1812 год».

Жилин П. А. Гибель наполеоновской армии в России. М., Наука, 1968. 404 с. (АН СССР. Ин-т воен. истории М-ва обороны СССР).

Аннотация: Война 1812 года в романе Толстого «Война и мир» (С. 7, 61, 140, 151, 190).

Стенник Ю. В. О роли национальных поэтических традиций XVIII века в поэме Пушкина «Руслан и Людмила» // РЛ. 1968. № 1. С. 107–122.

О ранних стихотворениях Пушкина, посвященных войне 1812 г.: «Воспоминания в Царском Селе», «На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году». (С. 120–121).

1969

Ариповский В. И. К вопросу об эволюции лаконизма в художественной литературе // Некоторые теоретические проблемы русской литературы. Науч.-темат. сб. Ужгород, 1969. С. 3–17. (Ужгор. гос. ун-т.)

Аннотация: Отечественная война 1812 г. в романах М. Н. Загоскина «Рославлев» и Толстого «Война и мир» (С. 8–13).

Архипов В. Поэзия подвига // Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. М.: Правда, 1969. С. 3–45.

Аннотация: Патриотическая тема в творчестве Лермонтова («Поле Бородина», «Бородино» и др.)

Кока Г. М. Пушкин о полководцах двенадцатого года // Прометей. М., 1969. № 7. С. 17–37.

Некрасова М. А., Земцов С. М. Отечественная война 1812 года и русское искусство. М.: Искусство, 1969. 120 с.

Аннотация: Вторая глава посвящена произведениям художественной литературы, затрагивающим события войны 1812 года.

Саакян П. Т. Художественное изображение Отечественной войны 1812 года в русской литературе: (Первый период освободительного движения): Автореф. дисс.... д-ра филол. наук. / Тбилис. ун-т. Тбилиси, 1969. 123 с.

Шкловский В. Б. «Война и мир» Льва Толстого и поле Бородина // Неделя. М., 1969. № 52. 22–28 дек. С. 8–9.

Эйхенбаум Б. М. Из статьи «Очередные проблемы изучения Л. Толстого» // Эйхенбаум Б. М. О прозе: Сб. ст. Л.: Худ. лит. Ленингр. отд-ние, 1969. С. 185–200.

Аннотация: В частности, о войне 1812 г. в творчестве Толстого, Пушкина, Лермонтова, Грибоедова.

1970

Зінченко В. Г. «Війна і мир» Л. Н. Толстого та серія «1812 рік» В. В. Верещагіна: (Спроба співставлення) // Література і образотворче мистецтво. Київ, 1971. С. 88–113.

Познанский В. В. Очерки истории русской культуры первой половины XIX века. М.: Просвещение, 1970. 280 с.

Аннотация: «Бородино» и «Певец во стане русских воинов» В. А. Жуковского (С. 170–175).

Портнова Н. А. Лирика В. А. Жуковского в годы национального подъема: (1812–1814 гг.) // Науч. труды / Новосибирск. гос. пед. ин-т. Новосибирск, 1970. Вып. 59. С. 22–36.

Семенко И. М. Поэты пушкинской поры. М.: Худ. лит., 1970. 295 с.
Аннотация: *Война 1812 года в творчестве К. Н. Батюшкова и Д. В. Давыдова (С. 15–16, 97–98, 104, 109).*

Трофимов И. Т. Автограф А. С. Пушкина // Сов. архивы. М., 1970. № 3. С. 112–114.

Аннотация: *Первый беловой автограф стихотворения «Полководец».*

Шагалов А. Ш. Тема Наполеона в творчестве М. Ю. Лермонтова // Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина. 1970. Вып. 389. С. 194–218.

1971

Ицук Г. Н. Л. Н. Толстой и И. А. Крылов // Иван Андреевич Крылов: Докл. и сообщения, заслушанные на межвуз. науч. конференции (4–6 марта 1969 г.) / Калинин. пед. ин-т им. М. И. Калинина. Калинин, 1971. С. 58–75.

Аннотация: *«Война и мир» и патриотические басни Крылова.*

Лотман Ю. М. Поэзия 1790–1810-х годов // Поэты 1790–1810-х годов. Л.: Сов. писатель, Ленингр. отд-ние, 1971. С. 5–62.

Манаев Н. С. Панорамность как композиционный принцип батальной живописи первой половины XIX века и художественный прием в «Войне и мире» Л. Н. Толстого // Вопр. рус. и зарубеж. лит. Тула, 1971. С. 86–100.

Аннотация: *Особенности изображения Бородинской битвы в романе «Война и мир».*

Селиванов Г. А. Фразеология батальных картин в романе «Война и мир» // Лев Толстой: Проблемы языка и стиля. Тула: Тульский гос. пед. ин-т им. Л. Н. Толстого, 1971. С. 190–197.

Фридман Н. В. Поэзия Батюшкова / АН СССР. Отд. лит. и яз. Пушкин. комис. М.: Наука, 1971. 383 с.

Аннотация: *Роль событий 1812 года в творчестве К. Н. Батюшкова (С. 34, 44, 49, 58, 61, 64, 159, 162–193 и др.); батальная тема в лирике Батюшкова и Пушкина (С. 338–340).*

1972

Петрунина Н. Н. Новый автограф «Полководца» // Временник Пушкинской комиссии. 1970. Л.: Наука, 1972. С. 14–23.

1973

Портнова Н. А. Замысел неизвестного стихотворения В. А. Жуковского // РЛ. 1973. № 2. С. 162–165.

Аннотация: О наброске стихотворения «На победы русских в 1813 г.».

Щеблыкин И. П. «Рославлев» М. Н. Загоскина и «Война и мир» Л. Н. Толстого // Толстовский сборник. Вып. 5. Доклады и сообщения XII толстовских чтений. Тула, 1973. С. 111–118.

1974

Андроникова М. И. Кутузов у Льва Толстого // Андроникова М. И. От прототипа к образу: К проблеме портрета в литературе и в кино. М.: Наука, 1974. С. 23–53.

Аннотация: Война 1812 г. и образ Кутузова в романе «Война и мир».

Кузьмин А. И. Героическая тема в русской литературе. Пособие для учителя. М.: Просвещение, 1974. 304 с.

Из содерж.:

Патриотическая тема в русской литературе начала XIX века. С. 138–177.

Аннотация: Война 1812 года в творчестве В. А. Жуковского, К. Н. Батюшкова, Д. В. Давыдова, И. А. Крылова, Ф. Н. Глинки и др.

А. С. Пушкин: Историческая правда и поэтический вымысел. С. 178–221.

Аннотация: Война 1812 года в творчестве Пушкина: «Рославлев», «Воспоминания в Царском Селе», «Бородинская годовщина», «Полководец», «Наполеон», «Перед гробницею святой...» и др.

Героическая тема в творчестве М. Ю. Лермонтова. С. 222–245.

Война 1812 года в стихотворениях Лермонтова: «Поле Бородина», «Бородино», «Два великана» и др.

Проблемы войны и мира в творчестве Л. Толстого. С. 258–301.

Аннотация: Война 1812 года и ее участники в романе «Война и мир».

Петрунина Н. Н. «Полководец» // Стихотворения Пушкина 1820-х — 1830-х годов. Л.: Наука, 1974. С. 278–305.

Семенова З. И. Фразеология батальных картин в романе «Война и мир» // Материалы XII Толстовских чтений. Тула: Тульский гос. пед. ин-т им. Л. Н. Толстого, 1974. С. 121–126.

Сосницкая М. Д. Отечественная война 1812 года в баснях Крылова // Лит. в шк. 1974. № 6. С. 88–91.

Фрич Е. В. «Дневник Александра Чичерина. 1812–1813 гг.» как документ становления нового художественного сознания // Жанровое новаторство русской литературы конца XVIII–XIX вв.: Сб. науч. работ / Ленингр. пед. ин-т. Л., 1974. С. 42–47, 153–162.

1975

Герасимова Т. П. С. Н. Марин и Д. В. Давыдов: (Из истории гусарской песни) // Вопросы худ. метода, жанра и характера в русской литературе. Моск. гос. пед. ин-т им. Ленина. Сб. тр. М., 1975. С. 54–67.

Аннотация: Творчество поэтов — участников войны 1812 года.

Корчагина С. Т. Военно-партизанская лексика и фразеология в мемуарах Дениса Давыдова: («Военные записки»): Автореф. дис.... канд. филол. наук / Ленингр. пед. ин-т им. А. И. Герцена. Л., 1975. 21 с.

Михайлов О. Н. Певец во стане русских воинов // Поэзия. М., 1975. № 14. С. 5–22.

Аннотация: Патриотическая тема в русской поэзии: стихотворения, посвященные войне 1812 года (С. 9–13).

Стенник Ю. В. Традиции торжественной оды XVIII в. в лирике Пушкина периода южной ссылки («Наполеон») // XVIII век. М., 1975. Сб. 10. С. 107–112.

Фохт У. Р. Лермонтов: Логика творчества. М.: Наука, 1975. 192 с.

Аннотация: «Поле Бородина», «Бородино» (С. 49–50, 56–62).

1976

Мануйлов В. А. М. Ю. Лермонтов: Пособие для учащихся. 2-е изд. Л.: Просвещение, Ленингр. отд-ние, 1976. 176 с.

Аннотация: «Бородино» и тема войны 1812 г. (С. 96–99).

Митрофанова Г. А. О лубке про можайских крестьян-партизан 1812 г. // Народная гравюра и фольклор в России XVII–XIX вв.: Материалы науч. конф. М.: Сов. художник, 1976. С. 199–220.

Фомичев С. А. Басня Крылова «Волк на псарне» и ее литературный источник // Сравнительное изучение литератур: Сб. ст. к 80-летию М. П. Алексева. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1976. С. 31–34.

Аннотация: Басня «Волк на псарне» как отклик на события войны 1812 года.

1977

Андроников И. Л. Лермонтов: Исслед. и находки. М.: Худож. лит., 1977. 650 с.

Аннотация: Тема войны 1812 года в творчестве Лермонтова: «Бородино» (С. 82–99, С. 440–441 и др.).

Нечкина М. В. Грибоедов и декабристы. М.: Худ. лит., 1977. 3-е изд. 735 с.

Аннотация: Война 1812 года в жизни и творчестве Грибоедова. (С. 20, 80, 108, 126 и далее).

Симанович Д. Г. Недаром помнила Россия // Симанович Д. Г. Подорожная Александра Пушкина. Очерки. Минск: Мастац. літ., 1977. С. 31–47.

Аннотация: Об источниках стихотворения Лермонтова «Бородино».

1978

Жаркевич Н. М. Украинские мотивы творчества Ф. Н. Глинки как один из возможных источников романа Л. Н. Толстого «Война и мир» // Лев Толстой: проблемы творчества. Киев: Изд-во при Киев. гос. ун-те изд. объедин. Вища шк., 1978. С. 162–169.

Аннотация: О раннем варианте «Писем русского офицера».

Павлов А. На бородинских рубежах // Кубань. Краснодар, 1978. № 10. С. 105–108.

Аннотация: Материалы к истории романа «Война и мир».

Раевский Н. Жизнь за Отечество // Простор. Алма-Ата, 1978. № 1. С. 42–81; 1982. № 1. С. 106–126; 1982. № 1. С. 106–126.

Аннотация: Тема войны, в частности, Отечественной войны 1812 года в творчестве Пушкина.

Чубаков С. Л. Н. Толстой о партизанской войне // Неман. Минск, 1978. № 5. С. 162–168.

1979

Любавин М. А. О первой публикации «Певца во стане русских воинов» // РЛ. 1979. № 4. С. 191.

Аннотация: Об отдельном издании «Певца во стане русских воинов», датированном серединой февраля 1812 г.

Турбин В. П. О литературно-полемическом аспекте стихотворения Лермонтова «Бородино» // М. Ю. Лермонтов. Исслед. и материалы. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1979. 392–403.

1980

Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика: Опыт источниковедческого изучения. М.: Наука, 1980. 312 с.

Аннотация: «Записки современника» А. Ф. Воейкова, посвященные войне 1812 г.: См. указ. имен.

1981

Вацуро В. Э. 1812 год и мемуаристика // Вопр. лит. 1981. № 12. С. 260–266.

Киселева Л. Н. Идея национальной самобытности в русской литературе между Тильзитом и Отечественной войной (1807–1812): Автореф. дис.... канд. филол. наук / Тарт. ун-т. Тарту, 1981. 16 с.

Петрунина Н. Н. Проза 1800–1810-х гг. // История русской литературы: В 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Л.: Наука.

Ленингр. отд-ние, 1981. Т. 2. От сентиментализма к романтизму и реализму. С. 51–79.

Аннотация: В частности, о романе М. Н. Загоскина «Рославлев, или Русские в 1812 году». (С. 524–525).

Рассадин С. Б. Партизан: (Поэзия Дениса Давыдова) // *Вопр. лит.* 1981. № 6. С. 111–147.

Селезнев Ю. «Чтобы старые рассказывали, а молодые помнили!» // *Певец во стане русских воинов: Стихи о ратном подвиге.* М.: Молодая гвардия, 1981. С. 5–16.

Стенник Ю. В. И. А. Крылов — баснописец // *История русской литературы: В 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1981. Т. 2. От сентиментализма к романтизму и реализму.* С. 189–203.

Аннотация: О баснях, посвященных военным событиям 1812 г. (С. 198–201).

Фомичев С. А. Комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума»: Комментарий. М.: Просвещение, 1983. 208 с.

Аннотация: Замысел драмы Грибоедова о 1812 г. (С. 158, 197–199).

1982

Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М.: Высш. школа, 1982. 3-е изд. 529 с.

Аннотация: О стихотворениях Лермонтова «Поле Бородина» и «Бородино» (С. 316–318).

Войнич Л. В. Журнал «Сын отечества» в период 1812–1816 гг. // *Вопр. рус. лит.* Львов, 1982. Вып. 2 (40). С. 73–78.

Збировски З. Война 1812 года и образ Наполеона в поэзии русских романтиков // *L'Époque napoléonienne et les Slaves. colloque organisé à Jabłonna les 3–4 septembre 1980.* Wrocław: Zakład narodowy im. Ossolińskich, 1982. (Prace slawistyczne, 24). С. 71–79.

Михайлов О. Н. «Бивачных повестей рассказ» // *Давыдов Д. В. Военные записки.* М.: Воен. изд-во, 1982. С. 3–9.

Аннотация: 1812 г. в жизни и творчестве Д. В. Давыдова.

Тартаковский А. Г. К изучению текста «Писем русского офицера» Ф. Н. Глинки // Источниковедение отечественной истории: 1981. Сб. ст. М.: Наука, 1982. С. 190–208.

Удодов Б. Т. «С величием народа родится поэт...» // С. Н. Марин. М. В. Милонов. Стихотворения. Драм. произведения, сцены и отрывки. Письма. Воронеж: Центрально-Черноземное книж. изд-во, 1983. С. 149–167.

Аннотация: Тема войны 1812 г. в творчестве М. В. Милонова (С. 160–162).

Фридлендер Г. М. Пушкин и молодой Толстой // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1982. Т. 10. С. 216–237.

Аннотация: Тема войны 1812 г. и образ Наполеона в творчестве Пушкина и Толстого (С. 226, 236).

1983

Баевский В. С. Из разысканий о Пушкине и Лермонтове // Известия АН СССР. Т. 42. Сер. лит. и яз. М., 1983. Вып. 5. С. 464–474.

Аннотация: В частности, о творческой истории «Бородино» Лермонтова и влиянии на него стихотворения Т. Кемпбела «Гогенлинден».

Михайлова Н. И. Ода Пушкина «Вольность» и ораторские тексты 1812 года // Болдинские чтения. Горький, 1983. С. 160–168.

Янушкевич А. С. Жанровый состав лирики Отечественной войны 1812 года и «Певец во стане русских воинов» В. А. Жуковского // Проблемы метода и жанра. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1983. Вып. 9. С. 3–23.

1984

Вацуро В. Э. Денис Давыдов — поэт // Давыдов Д. Стихотворения. Л.: Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1984. С. 5–48.

Кимова Л. Х. «Сожженная Москва» и «Война и мир»: Традиции Льва Толстого в романе Г. П. Данилевского // Вестник МГУ им. М. В. Ломоносова. Филология. М., 1984. № 1. С. 44–49.

Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ / ИРЛИ; Отв. ред. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука, 1984. 206 с.

Аннотация: Тема войны в «Бородино» Лермонтова, «Войне и мире» Толстого и их связь с древнерусской литературной традицией (С. 202–203).

Пугачев В. В. Пушкин и 1812 год: (К истолкованию «Полководца») // Проблемы истории культуры, литературы, социально-экономической мысли: К 85-летию Г. А. Гуковского. Межвуз. науч. сб. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1984. С. 159–180.

Чубукова Е. Поэт и воин: (К 200-летию со дня рождения Дениса Давыдова) // Волга. Саратов, 1984. № 7. С. 145–148.

1985

Архипова А. В. Война 1812 года и эволюция русской прозы // РЛ. 1985. № 1. С. 39–56.

Каменных М. Г. Военная лексика эпохи Отечественной войны 1812 года. На материале мемуаров участников войны: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1985. 23 с.

Кашкина Л. И. Ораторские приемы в гражданско-патриотической лирике В. А. Жуковского // Науч. докл. высш. школы: Филол. науки. 1985. № 1. С. 16–22.

Аннотация: В частности, о стихотворениях «Певец во стане русских воинов» и «Вождю победителей».

1986

Березкина С. В. А. С. Кайсаров и В. А. Жуковский в военной типографии при штабе Кутузова: (По неопубл. воспоминаниям Н. А. Старынкевича) // РЛ. 1986. № 1. С. 138–147.

Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь умственные плотины: Очерки о книгах и прессе пушкинской поры. М.: Книга, 1986. 2-е изд., доп. 381 с.

Аннотация: О стихотворении А. С. Пушкина «Полководец» (С. 224–233) и статьях Д. В. Давыдова «Занятие Дрездена» и «О партизанской войне» (С. 218–224).

Войнич Л. В. Журнал «Сын отечества» в литературной и общественной борьбе 1812–1825 гг.: Автореф. дис... канд. филол. наук / Киев. гос. ун-т им. Т. Г. Шевченко. Фак. журналистики. Киев, 1986. 24 с.

Исупова С. М., Изергина Н. П. «Походные записки русского офицера» И. И. Лажечникова: (К пробл. жанра и своеобразия историзма писателя) // Малые жанры в русской и советской литературе: Межвуз. сб. науч. трудов. Киров, 1986. С. 41–60.

Лебедева Е. «Война и мир» Л. Толстого и «Свидание с Бонапартом» Б. Окуджавы // Ztschr. für Slawistik. Berlin, 1986. Bd. 31. H. 3. С. 380–382. См. также: Мир Высоцкого: Исследования и материалы. М., 1998. Вып. 2. С. 485–488.

Аннотация: О влиянии «Войны и мира» на роман Б. Ш. Окуджавы «Свидание с Бонапартом».

Михайлова Н. И. Творчество Пушкина и ораторская проза 1812 г. // Пушкин. Л.: Наука, 1986. Т. 12. С. 278–288.

Аннотация: Отражение войны 1812 года в литературе XIX в., в частности, в творчестве А. С. Пушкина.

1987

Азбелев С. Н. Бородино в народной поэзии // Рус. речь. М., 1987. № 4. С. 46–51.

Аринштейн Л. М. Жуковский и поэма о 1812 году Роберта Саути // Жуковский и русская культура. Л.: Наука, 1987. С. 311–322.

Беляев Ю. А. «За Отчизну раны святы» // И славили Отчизну, меч и слово: 1812 год глазами очевидцев. Поэзия и проза. М.: Современник, 1987. С. 5–24.

Вацуро В. Э. «Неприятель на носу» // Рус. речь. № 6. 1987. С. 19–25. См. также: *Вацуро В. Э.* Записки комментатора / ИРЛИ. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1994. С. 118–122.

Аннотация: Д. В. Давыдов как автор новеллы из «Table-Talk» А. С. Пушкина.

Дмитриева Т. Г. Генералы-сереброеды и Наполеон с выжигой // Рус. речь. М., 1987. № 4. С. 52–55.

Аннотация: Русская народная сказка о Наполеоне и ее связь с лубочными картинками о наполеоновском нашествии.

Кошелев В. А. Документ и вымысел в литературе периода Отечественной войны 1812 года: (Проза и поэзия К. Н. Батюшкова) // Факт, домысел, вымысел в литературе: Межвуз. сб. науч. тр. Иваново: ИвГУ, 1987. С. 65–77.

Аннотация: О формировании нового отношения к войне в творчестве Батюшкова.

Кошелев В. А. Константин Батюшков: Странствия и страсти. М.: Современник, 1987. 351 с. (Б-ка «Любителям рос. словесности»).

Аннотация: 1812 г. в жизни и творчестве Батюшкова (С. 133–186 и др.).

Максимов Э. Н. Человек на войне («Барабан Бородина» К. Мансера и «Война и мир» Л. Н. Толстого) // Типологические схождения и взаимосвязи в русской и зарубежной литературе XIX–XX вв.: Межвуз. сб. науч. тр. Красноярск: Красноярск. гос. пед. ин-т, 1987. С. 95–112.

Михайлов О. Н. Гроза двенадцатого года // Недаром помнит вся Россия...: К 175-летию Отеч. войны 1812 года. Сб. М.: Мол. гвардия, 1987. С. 3–10. (Б-ка юношества).

Аннотация: В сборник включены произведения русских писателей, записки, письма, воспоминания об Отечественной войне 1812 года

Михайлов О. Н. «Недаром помнит вся Россия...» // 1812 год в русской поэзии и воспоминаниях современников. М.: Правда, 1987. С. 3–10.

Муравьев В. Б. Современникам и потомкам // Певец во стане русских воинов: Рус. писатели — участники и современники Отеч. войны 1812 г. Сб. М.: Дет. лит., 1987. С. 5–36.

Аннотация: Отечественная война 1812 года в творчестве русских поэтов первой половины XIX века.

Мурьянов М. Ф. На Бородинском поле // Рус. речь. М., 1987. № 4. С. 25–29.

Аннотация: Бородинское сражение у Толстого и Лермонтова.

Охотин Н. Г. 1812 год в поэзии и поэзия в 1812 году // Русская слава: Рус. поэты об Отеч. войне 1812 г. М.: Книга, 1987. С. 5–48.

Пауткин А. И. Стилистика рассказа Ю. Тынянова «Дорохов» // Рус. речь. М., 1987. № 4. С. 55–60.

Аннотация: Рассказ о герое Отечественной войны 1812 г.

Серков С. Р. Предисловие // Клятву верности сдержали: 1812 год в русской литературе. М.: Моск. рабочий, 1987. С. 5–10. (Литературная летопись Москвы).

Серков С. Р. «Со шпагою и пером...» // Глинка Ф. Н. Письма русского офицера. М.: Воениздат, 1987. С. 376–382.

Смирнова Е. А. Поэма Гоголя «Мертвые души» / Отв. ред. С. Г. Бочаров; АН СССР. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1987. 200 с.

Аннотация: 1812 год (С. 8, 31–32, 180–182) и образ Наполеона (С. 60, 115–116).

Старк В. П. Под взглядом Пушкина и Соколова // Художник. М., 1987. № 9. С. 44–48.

Аннотация: Война 1812 г. и ее участники в стихах А. С. Пушкина и на портретах П. Ф. Соколова.

Строганова Е. Н. Пушкинская тема в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» // А. С. Пушкин: Проблемы творчества. Межвуз. тематич. сб. науч. тр. Калинин, 1987. С. 132–150.

Аннотация: Тема войны 1812 г. у Толстого и Пушкина («Рославлев», «Евгений Онегин»).

Толстой И. А. Пустой конверт // Нева. 1987. № 9. С. 188–191.

Аннотация: Об одном из эпизодов Отечественной войны 1812 г. в романе «Война и мир».

Фризман Л. Г. 1812 год в русской поэзии. М.: Знание, 1987. 63 с. (Новое в жизни, науке, технике. Сер.: Литература. 1987. № 8).

Цявловский М. А. Полководец / Публ. К. Богаевской // Лит. Россия. 1987. 2 сент. № 36. С. 16–17.

Аннотация: Образ М. Б. Баркляя-де-Толли в стихотворении Пушкина «Полководец».

Цявловский М. А. Пушкин и Отечественная война 1812 года / Публ. К. Богаевской // Лит. Россия. 1987. 6 февр. № 6. С. 9.

Аннотация: Фрагмент одной из глав неизданной книги Цявловского «Отечественная война 1812 года в жизни и творчестве Пушкина».

1988

Беляев Ю. А. Свидания через века. М.: Современник, 1988. 286 с.

Из содерж.:

Война 1812 года в творчестве писателей-очевидцев. С. 6–40.

Аннотация: Война 1812 года в произведениях Пушкина, Толстого, Батюшкова, Вяземского, Крылова, Жуковского, Карамзина, Ф. Глинки, С. Марина, Загоскина, Дельвига, Д. Давыдова, Лажечникова, Шатрова, Капниста, И. Калашикова, Милонова, Иванчина-Писарева, Р. Зотова, А. А. Бестужева-Марлинского, А. Вельтмана и др.

Гусар на крылатом коне: (Денис Давыдов и Пушкин). С. 209–237.

Бойцов М. Вести из Двенадцатого года // К чести России: Из частной переписки 1812 г. М.: Современник, 1988. С. 5–24.

Аннотация: В сборник вошли письма современников событий 1812 г., в том числе К. Н. Батюшкова, Н. М. Карамзина, Г. Р. Державина, П. А. Вяземского, К. Ф. Рыльева и др.

Волк С. С., Михайлова С. Б. В боях и походах двенадцатого года // России двинулись сыны: Записки об Отеч. войне 1812 г. ее участников и очевидцев / Сост. С. С. Волк, С. Б. Михайлова. М.: Современник, 1988. С. 3–26.

Глуценко Е. А. Военный рассказ за сто лет // Русский военный рассказ XIX — начала XX века: Сб. М.: Правда, 1988. С. 3–16.

Аннотация: Война 1812 года в творчестве Д. В. Давыдова и Ф. Н. Глинки (С. 3–4).

Емельянов Л. И. У истоков великой темы // «России верные сыны...»: Отеч. война 1812 г. в рус. лит. перв. пол. XIX в. Л.: Худ. лит. Ленингр. отд-ние, 1988. Т. 1. С. 3–24.

Канашкин В. Правдивый ратник художественно-исторического слова // Голубов С. Багратион; Из искры — пламя: Романы. Краснодар, 1988. С. 661–669.

Ковалева Т. В. Неизвестное письмо А. П. Ермолова Ф. Н. Глинке: (К истории публ. «Очерков Бородинского сражения») // РЛ. 1988. № 4. С. 176–180.

Петров С. «Багратион» С. Голубова // Голубов С. Багратион: Роман. Красноярска: Кн. изд-во, 1988. С. 337–342.

Старк В. П. К истории создания стихотворения «Полководец» // Временник Пушкинской комиссии. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1988. Вып. 22. С. 149–158.

1989

Горланов Г. Е. В поисках положительного идеала: («Бородино» М. Ю. Лермонтова) // М. Ю. Лермонтов: Проблемы идеала: Межвуз. сб. научн. тр. Куйбышев; Пенза: Куйбышев. гос. пед. ин-т, 1989. С. 97–105.

Иезуитова Р. В. Жуковский и Отечественная война 1812 г. // Иезуитова Р. В. Жуковский и его время. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1989. С. 135–159.

Левченко В. Г. Гроза двенадцатого года: (К 175-летию Бородинского сражения) // Собеседник. Вып. 9. М.: Современник, 1989. С. 170–178. См. также: Лит. учеба. М., 1987. № 5. С. 122–128.

Аннотация: Война 1812 г. в творчестве Пушкина.

Левченко В. Г. «...Мы братской трезной поминая...»: Из записных книжек // Слово: Лит., худож. и публицист. сб. М.: Современник, 1989. Вып. 1. С. 212–217.

Аннотация: Пушкин и герои Отечественной войны 1812 г.

Михайлова Н. И. Роман «Евгений Онегин» и ораторская культура первой трети XIX века // Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1989. С. 45–62.

Аннотация: В частности, тема 1812 года.

Немзер А. С. Начало века: О рус. поэзии 1801–1812 гг. // Русская поэзия: 1801–1812. М.: Худ. лит., 1989. С. 3–10.

Свиясов Е. В. Военная проза XIX века // Русская военная проза XIX века. Л.: Лениздат, 1989. С. 3–12.

Такишина Г. В. О своеобразии идиллии А. А. Дельвига «Отставной солдат» / Курск. гос. пед. ин-т. Курск, 1989. 14 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 37818 от 11.05.89.

Фризман Л. Г. От Бородина до «Бородина» // Бородинское поле: 1812 г. в рус. поэзии: Сб. М.: Дет. лит., 1989. С. 5–22.

Яковкина Н. И. Война 1812 г. и русская литература // Очерки русской культуры первой половины XIX века. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. С. 56–59.

1990

Вертлиб Е. А. 1812 год у Пушкина и Загоскина: (К вопросу об истоках русского самосознания). New York: Effect Publishing, 1990. 164 с. См. также: *Вертлиб Е. А.* Русское — от Загоскина до Шукшина: (Опыт непредвзятого размышления) / [Вступ. ст. А. Панченко]. СПб.: Б-ка «Звезды», 1992. С. 9–164.

Галин Г. А. «Письма русского офицера» и их автор Федор Николаевич Глинка // Глинка Ф. Н. Письма русского офицера. М.: Правда, 1990. С. 5–20.

Тартаковский А. Г. 1812 год глазами современников // 1812 год. Военные дневники. М.: Сов. Россия, 1990. С. 5–28.

1991

Тартаковский А. Г. Век XIX: Мемуаристика и современность // Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII — первой половины XIX в. М.: Наука, 1991. С. 121–221.

Аннотация: В частности, о роли войны 1812 г. в истории отечественной мемуаристики.

Саплин А. И., Саплина Е. В. Предисловие // Гроза двенадцатого года. М.: Мол. гвардия, 1991. С. 5–30. (История Отечества в романах, повестях, документах. Век XIX).

1992

Баевский В. С. «Генералам двенадцатого года» М. Цветаевой: текст, подтекст и затекст // Изв. АН. Сер. лит. и яз. М., 1992. Т. 51. № 6. С. 43–51. См. также Баевский В. С. Стихотворение Марины Цветаевой «Генералам двенадцатого года»: Текст и затекст // Studia Russica Budapestinensia: Материалы III и IV Пушкинологического коллоквиума в Будапеште. 1991, 1993. / Будапештский ун-т им. Л. Этвеша. Фак. гуманитар. наук. Кафедра восточнославянской и балтийской филологии. Будапешт, 1995. С. 263–272.

Аннотация: Историко-литературный комментарий к стихотворению.

Гулин А. В. Один из источников московских сцен 1812 года в «Войне и мире» // Яснополянский сборник. Тула, 1992. Вып. 18. С. 26–34.

Матяш С. А. О европейском и русском источниках «Бородина» Лермонтова // РЛ. 1992. № 3. С. 112–121.

Муравьева О. С. Пушкин и Наполеон: (Пушкинский вариант «наполеоновской легенды») // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1991. Т. 14. С. 5–32.

Нестерова Т. П. Типология характеров полководцев и военачальников в русской поэзии первой половины XIX века об Отечественной войне 1812 г. и устном народном творчестве / Моск. пед. гос. ун-т. М., 1992. 12 с. Библиогр.: С. 11–12. Рукопись деп. в ИНИОН РАН № 47244 от 4.11.92.

1993

Война 1812 года и русская литература: Исслед. и материалы / Твер. гос. ун-т ; [Отв. ред. М. В. Строганов]. Тверь: ТГУ, 1993. 174 с.

Из содерж.:

Строганов М. В. Сюжеты 1812 года и замысел трагедии А. С. Грибоедова «1812 год». С. 3–19.

Илюшин А. А. «Бородинское» имя жены А. С. Пушкина. С. 20–31.

Строганова Е. Н. В. А. Перовский: «Историческое лицо» и литературный персонаж. С. 32–51.

Ивинский Д. П. Князь П. А. Вяземский и 1812 год. С. 52–61.

О тексте книги Ф. Н. Глинки «Письма к другу». Публ. Л. Л. Ерохиной и М. В. Строганова. С. 70–97. Текст публикуется на С. 72–97.

Волкова Т. В. Война 1812 года и Тверская губерния: (Обзор краеведческих материалов). С. 98–115.

Русские глазами знаменитой француженки. Русские главы из книги Анны Луизы Жермены де Сталь «Десятилетнее изгнание» / Пер. с фр. Н. П. Анисимовой. Примеч. М. И. Митрохиной при участии М. В. Строганова. С. 116–174. Фрагмент из книги публикуется на с. 119–162.

Гулин А. В. Неизвестный источник «Войны и мира» // Начало: Сб. работ молодых ученых. М.: Наследие, 1993. Вып. 2. С. 101–107.

Аннотация: Мемуары Н. Е. Митаревского «Воспоминания о Бородинском сражении».

Дмитриева Н. Л. «Отрывок из неизданных записок дамы» // Незавершенные произведения А. С. Пушкина: Материалы науч. конф. М., 1993. С. 44–54.

Аннотация: 1812 год в романах Пушкина и Загоскина (Рославлев).

Нестерова Т. П. Русская поэзия первой половины XIX века об Отечественной войне 1812 г. и фольклор: Автореф. дисс. ... канд. наук, Филологические науки: 10.01.01 / М., 1993. <http://www.dissercat.com/content/russkaya-poeziya-pervoi-poloviny-xix-veka-ob-otechestvennoi-voine-1812-g-i-folklor>

1994

Болдина Е. Происшествие в доме князя Вяземского // Моск. журн. М., 1994. № 9. С. 13–15.

Аннотация: О прототипе Долохова в романе «Война и мир» — Р. И. Дорохове.

Вацуро В. Э. Война 1812 года и эволюция русской элегии. Историческая элегия. Элегии Д. Давыдова // Вацуро В. Э. Лирика пушкинской поры. «Элегическая школа». СПб.: Наука, 1994. С. 154–192.

Вацуро В. Э. Рассказы о Денисе Давыдове // Вацуро В. Э. Записки комментатора. СПб.: Гуманит. агентство «Академический проект», 1994. С. 233–273.

Карден П. Плутарховская традиция в романе «Война и мир» // Незвестный Толстой в архивах России и США. М.: АО «ТЕХНА-2», 1994. С. 499–511.

Аннотация: Батальная тема в «Войне и мире».

Кошелев В. А. Лев Толстой и «Подвиг Раевского» // Документальное и художественное в литературном произведении: Межвуз. сб. науч. тр. Иваново, 1994. С. 102–115.

Аннотация: Исторический факт и его художественное переосмысление в «Войне и мире».

Кулагин А. В. Об одной мифологеме в пушкинском «Полководце» // Болдинские чтения [1993]. Н. Новгород, 1994. С. 67–76.

Аннотация: Образы Баркляя-де-Толли и Кутузова.

Лотман Ю. М. Люди 1812 года // Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб.: Искусство — СПб, 1994. С. 314–330.

Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб.: Искусство — СПб, 1995. 845 с.

Из содерж.:

Пушкин и «Повесть о капитане Копейкине»: (К истории замысла и композиции «Мертвых душ»). С. 266–280.

Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комм. Пособие для учителя. С. 472–762.

Аннотация: О войне 1812 года (С. 507–508, 512, 521, 669, 683, 695–696, 701, 727, 744, 748–751).

Нестерова Т. П. Фольклорные истоки в изображении женских характеров в русской поэзии первой половины XIX века об Отечественной войне 1812 г // Филология = Philologica. Краснодар, 1994. № 3. С. 35–37.

Троицкий Н. А. Небываемое бывает? Война 1812 г. в изображении советских писателей // Родина. 1994. № 9. С. 68–72.

Ходанен Л. А. Фольклорные и мифологические образы в лирике Лермонтова: («Бородино», «Казачья колыбельная песня») // Рус. словесность. М., 1994. № 2. С. 32–36.

Boele O. «Нам бури, вихрь и хлад знакомы»: Осмысление зимы 1812 г. как союзницы, или Deus ex machina в русской литературе начала XIX в. // Studies in Slavic Literature and Poetics. Vol. 23. Dutch contributions to the Eleventh International Congress of Slavists, Bratislava. Aug. 30 — Sept. 9, 1993. Amsterdam; Atlanta, 1994. Vol. 23. P. 45–59.

1995

Антофеева И. Н. Смоленская эпопея 1812 года в «Войне и мире» Л. Н. Толстого: (Исторические источники) // Смоленщина на связи времен героических: Материалы докл. науч. конф., посвящ. 50-летию Велик. Победы. Смоленск: Смядынь, 1995. С. 183–190.

Немировский И. В. Генезис стихотворения Пушкина «Наполеон» (1821) // Пушкин: Исслед. и материалы / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). СПб.: Наука, 1995. Т. 15. С. 176–183.

Нестерова Т. П. Идеино-эстетическая функция изобразительных средств народной лирики в русской поэзии первой половины XIX века об Отечественной войне 1812 года // Актуальные проблемы преподавания филологии в рамках системы «ВУЗ — гимназия — прогимназия»: Межвуз. сб. науч. тр. Мичуринск: МГПИ, 1995. Ч. 1. С. 90–96.

Приказчикова Е. Е. «Записки кавалерист-девицы» Н. А. Дуровой и военная мемуарная литература первой половины XIX века: Автореф. дис. ... к. филол. н.: Спец. 10.01.01 / Урал. гос. ун-т. Екатеринбург, 1995. 21 с.

Самовер Н. В. Новые данные к биографии В. А. Жуковского: (Военные награды поэта за 1812 г.) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8: История. М., 1995. № 3. С. 58–65.

Тартаковский А. Г. «Великие воспоминания 1812 года» // 1812 год в воспоминаниях современников. М.: Наука, 1995. С. 3–22.

Тартаковский А. Г. «Стоическое лицо Баркляя...» // Новые безделки. Сб. ст. к 60-летию В. Э. Вацура. М.: НЛО, 1995/1996. С. 366–384.

Аннотация: Стихотворение А. С. Пушкина «Полководец» в литературно-историческом контексте эпохи.

Тотфалушин В. П. Военный совет в Филях по роману Л. Н. Толстого «Война и мир» и историческая действительность // События Отечественной войны 1812 года на территории Калужской губернии: Проблемы изучения. Источники. Памятники. Малоярославец: Изд-во ГП «Малоярославец. тип.», 1995. С. 86–91.

1996

Сатирические стихи 1812 г. Публ. [вступ. ст. и примеч.] В. М. Безотосного // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1996. Т. 7. С. 182–184.

Балонов Ф. Р. «Иже имать ум да почтет» // Нева. СПб., 1996. № 8. С. 237–239.

Аннотация: Представления Пьера Безухова о Наполеоне в романе Л. Н. Толстого «Война и мир». Лингвистический комментарий.

Балонов Ф. Р. «Чисел не ставим, с числом бумага станет недействительной...»: (Мнимый антихрист у Льва Толстого и Михаила Булгакова) // РЛ. 1996. № 4. С. 77–92.

Аннотация: Образ Наполеона в «Войне и мире» и в «Белой гвардии».

Лейбов Р. Г. 1812: Две метафоры // Тр. по рус. и славян. филологии. Литературоведение. Нов. серия. 1996. № 2. С. 68–104.

Аннотация: Описание событий 1812 года в официальных документах и художественной литературе.

1997

Бурдей Г. Д. Историзм русской поэзии в Отечественной войне 1812 года // Военно-исторические исследования в Поволжье: Сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1997. Вып. 1. С. 29–35.

Гулин А. В. Убийство купеческого сына Верещагина 2 сентября 1812 г. и его изображение в романе Л. Н. Толстого «Война и мир»: Тезисы выступления // Москва в 1812 году: Материалы науч. конф., посвящ. 180-летию Отеч. войны 1812 г. М.: Мосгорархив, 1997. С. 25–26.

Дурьлин С. Н. Русские писатели в Отечественной войне 1812 года // Публ. подгот. Л. Горовой // Воин. 1997. № 11. С. 65–74.

Ерохина Л. Л., Строганов М. В. «Очерки Бородинского сражения» Ф. Н. Глинки в «Войне и мире» Л. Н. Толстого // Культура и текст: Материалы Междунар. науч. конф., 10–11 сент. 1996 г. СПб.; Барнаул, 1997. Вып. 1: Литературоведение. Ч. 1. С. 113–117.

Мищенко Т. К. Н. М. Карамзин в 1812 году: По материалам библиогр. указателей // Второй этап Отечественной войны 1812 года: Проблемы изучения. Источники. Памятники. Малоярославец, 1997. С. 168–174.

Мищенко Т. К. «Мысли для истории Отечественной войны» — незаконченный план книги Н. М. Карамзина о войне 1812 года // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 1997. С. 219–228.

Лейбов Р. Г. Рассказ Лескова и «миф 1812 года» // Лотмановский сборник. М., 1997. Ч. 2. С. 328–339.

Аннотация: Реалии Отечественной войны 1812 г. в рассказе Н. С. Лескова «Зверь».

Прокофьева Н. Н. «Любви к Отечеству сильна над сердцем власть!»: Рус. драматургия нач. XIX в. // Лит. в шк. 1997. № 5. С. 22–30.

Аннотация: Пьесы, посвященные теме войны 1812 г. (А. А. Шаховской, С. И. Висковатый, А. С. Грибоедов, И. Н. Скобелев, А. С. Титов и др.).

Пугачев В. В. Кутузов и Лористон: («Война и мир» и реальность) // In memorem: Сб. памяти Я. С. Лурье. СПб.: Atheneum: Феникс, 1997. С. 329–341.

1998

Отечественная война 1812 года и русская литература XIX века: Сб. ст. М.: Наследие, 1998. 383 с.

Содерж.:

Горелов А. А. Отечественная война 1812 г. и русское народное творчество. С. 5–57.

Афанасьев Э. Л. Осмысление войны 1812 года в современной ей журналистике и литературе. С. 58–80.

Лебедев Е. Н. 1812 год и проблема познания народа в русской лирике первой половины XIX в. С. 81–115.

Сахаров В. И. Отечественная война 1812 года и русская поэзия первой трети XIX века. С. 116–131. См. также: *Сахаров В. И.* Романтизм в России: эпоха, школы, стили. М.: ИМЛИ РАН, 2004. С. 38–55.

Михайлова Н. И. Отечественная война 1812 года и русская ораторская проза. С. 132–162.

Троицкий В. Ю. Тема Отечественной войны 1812 года и формирование прозы русского романтизма. С. 163–194.

Прокофьева Н. Н. Отечественная война 1812 года и русская драматургия первой четверти XIX века. С. 195–218.

Макаров А. А. Отечественная война 1812 года в творчестве и мировоззрении А. С. Пушкина. С. 219–247.

Гуминский В. М. Гоголь и 1812 год. С. 248–265.

Бойцов М. А., Ильин В. В. Отечественная война 1812 года в эпистолярном наследии современников (первая треть XIX века). С. 266–320.

Ломунов К. Н. 1812-й год в «Войне и мире» Л. Н. Толстого. С. 321–343.

Гулин А. В. Исторические источники в «Войне и мире» Л. Н. Толстого (на материале одного батального эпизода). С. 344–368.

Пауткин А. А. А. С. Грибоедов в 1812 году: Штрихи к портрету // Рус. словесность. М., 1998. № 1. С. 17–21.

Пономарева Л. Г. Лицейская поэзия А. С. Пушкина как целостный художественный мир: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: (10.01.01). Омск, 1998. 24 с.

Аннотация: «Пушкин и Отечественная война 1812 г.: природа героического в лицейской лирике» (С. 14–16).

Пугачев В. В., Динес В. А. Ю. М. Лотман: О пушкинском понимании Баркляя и Кутузова // Лотмановские чтения. Саратов, 1998. С. 3–34.

1999

Вацуро В. Э. Лицейское творчество Пушкина // Пушкин А. С. Сочинения. Лицейские стихотворения 1813–1817. СПб., 1999. С. 419–438.

Аннотация: События войны 1812 года в творчестве Пушкина, Батюшкова, Жуковского, Вяземского, Державина, Д. Давыдова. (С. 432–435).

Гаспаров Б. М. Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. СПб.: Гуманит. агентство «Академический проект», 1999. 400 с. (Современная западная русистика. Т. 27).

Аннотация: Война 1812 г. и образ Наполеона в творчестве Пушкина и его современников (С. 5, 7, 41, 51–52, 65, 76, 82–171, 260–269, 281, 302–304, 318 и др.).

Горелов А. А. Отечественная война 1812 года и русское народное творчество // Русский фольклор: Материалы и исслед. СПб.: Наука, 1999. Т. 30. С. 120–150.

Залесский М. П. Русская патриотическая поэзия первой Отечественной войны (1812–1816 гг.). М., 1999. 332 с.

Ивченко Л. Л. Москва 1812 года в пушкинской лирике и прозе // Пушкин и Москва. М.: Изд. центр «Московедения», 1999. С. 301–317.

Кацунова Ф. З. Наполеоновский сюжет в творчестве В. А. Жуковского // Материалы к словарю сюжетов и мотивов русской литературы: Сб. науч. тр. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1999. Вып. 3: Литературное произведение: сюжет и мотив. С. 61–77.

Аннотация: Тема наполеоновских войн в творчестве Жуковского.

Мильчина В. Об источниках цикла «Наполеон» // Тютчевский сборник. 2. Тарту, 1999. С. 111–114.

Петрова Н. Л. «Гроза Двенадцатого года...» // Христианская культура: Пушкинская эпоха: По страницам традиционных Христианских Пушкинских чтений / Ред.-сост. Э. С. Лебедева. СПб.: СПб. Центр Православной культуры, 1999. [Вып.] 19. С. 10–27.

Аннотация: 1812 год в творчестве А. С. Пушкина, Д. В. Давыдова, Ф. Н. Глинки.

Проскурин О. А. «Полководец» в ретроспективе и перспективе // Проскурин О. А. Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест. М.: Новое лит. обозрение, 1999. С. 243–262.

Филиппова Н. Ф. Завещание критика-поэта // Вестн. Рос. гуманит. науч. фонда. М., 1999. № 1. С. 142–150.

Аннотация: «Объяснение» А. С. Пушкина в журнале «Современник» (1836 г.) в защиту своего стихотворения «Полководец» как последнее выступление в печати критика-поэта.

Шаврыгин С. М. Традиции высоких жанров XVIII века в поэзии А. А. Шаховского // Карамзинский сборник: Нац. традиции и европеизм в рус. культуре / ИРЛИ; Ульян. пед. ун-т; Отв.ред. С. М. Шаврыгин. Ульяновск: Ульяновск. гос. пед. ун-т, 1999. С. 113–120.

Аннотация: Поэма «Москва и Париж в 1812 и 1814 годах».

2000

Бартошевич В. В. А. С. Пушкин и генерал М. А. Дмитриев-Мамонов: (К истории одного заблуждения) // Бомбардир. СПб., 2000. № 10. С. 42–44.

Аннотация: Герой Отечественной войны 1812 г. в восприятии Пушкина и его современников.

Гроссман Л. П. Цех пера: Эссеистика. М.: Аграф, 2000. 558 с.

Из содерж.:

Лермонтов-баталист. С. 54–61.

Аннотация: «Бородино».

Стендаль и Толстой. С. 92–112.

Аннотация: Тема войны 1812 г. в «Войне и мире».

Исторический фон «Выстрела». С. 463–490.

Аннотация: Участник войны 1812 г. И. П. Липранди как возможный прототип героя пушкинского «Выстрела».

Гулин А. В. Москва 1812 года в романе Л. Н. Толстого «Война и мир»: (Мотивы православной эсхатологии) // Москва в русской и мировой литературе: Сб. ст. М.: Наследие, 2000. С. 156–169.

Иезуитова Р. В. «Русский Тиртей» // Бомбардир. СПб., 2000. № 10. С. 29–32.

Аннотация: Стихотворение «Певец во стане русских воинов» в творческой судьбе В. А. Жуковского.

Исупова С. М. Эволюция прозы И. И. Лажечникова: Проблемы метода и жанра: Автореф. дисс. ... канд. наук. Филол. науки: 10.01.01 / Тверь, 2000. <http://www.dissercat.com/content/evolyutsiya-prozy-i-i-lazhechnikova-problemy-metoda-i-zhanra>

Ким Рехо. Лев Толстой и Лао-цзы: (Теория «неделания» и образ Кутузова) // Мир филологии. М., 2000. С. 260–270.

Аннотация: Некоторые аспекты философии истории Л. Н. Толстого в свете учения Лао-цзы.

Краснов Г. В. Поэт и живописец: (К истолкованию стихотворения «Полководец») // Болдинские чтения. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та им. Н. Лобачевского, 2000. С. 97–102.

Питерцева Е. Ю. «Чужое слово» как элемент смысловой организации «Повестей Белкина»: Проблема литературной переклички // Пушкин: Историко-лит., лингвист., культурный аспекты: Сб. науч. ст. / СПб. ин-т (филиал) МГУ печати. СПб.: Изд-во «Пб. ин-т печати», 2000. С. 87–97.

Аннотация: Тема войны 1812 г. в творчестве А. С. Пушкина и А. Погорельского («Двойник, или Мои вечера в Малороссии»).

Пугачев В. В. Толстой и Клаузевиц: («Война и мир» и «1812 год») // Res traductologica: Перевод и сравн. изуч. литератур: К восьмидесятилетию Ю. Д. Левина. СПб.: Наука, 2000. С. 228–236.

Аннотация: «1812 год» К. фон Клаузевица в творческой истории «Войны и мира».

Смолицкий В. Г. Народная песня «Платов в гостях у французов» // Традицион. культура: Альм. М., 2000. № 2. С. 50–54.

Столбова Е. И. Французский художник Жерар Делабарт и пожар Москвы // Пушкинский музей: Альм. / Всерос. музей А. С. Пушкина. Науч. ред. Р. В. Иезуитова. СПб.: Дорн, 2000. Вып. 2. С. 114–119.

2001

Атаман Платов в песнях и преданиях. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2001. 240 с.

Из содерж.:

Смолицкий В. Г. Образ атамана Платова в народном творчестве. С. 9–36.

Добровольская В. Е. Рассказы об атамане Платове. С. 165–184.

Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. Материалы IX Всерос. науч. конф., Бородино, 4–6 сент. 2000 г. М.: Калита, 2001. 302 с.

Из содерж.:

Архангельская Т. Н. А. С. Норов — оппонент Л. Н. Толстого. С. 3–19.

Аннотация: Критика исторической концепции Л. Н. Толстого в работе А. С. Норова о «Войне и мире».

Федоров В. Н. Штрихи жизни и творчества П. А. Вяземского в эпоху 1812 года. С. 260–267.

Канунова Ф. З. «Ночной смотр» В. А. Жуковского: Эстетика перевода // Поэтика русской литературы: Сб. ст. М., 2001. С. 215–221.

Кирдина О. М. Бородино как высшее проявление «мысли народной» // Художественный мир русской литературы: Сб. науч. ст. Елабуга: Изд-во ЕГПИ, 2001. С. 36–40.

Аннотация: Бородинское сражение в романе Л. Н. Толстого «Война и мир».

Мартиновская А. Примечателен как поэт, военный писатель // Имена и судьбы. Самара, 2001. С. 37–42.

Аннотация: О творчестве Д. В. Давыдова.

Сидоров И. С. Две заметки о пушкинском «Полководце» // Philologica. Moscow; London, 2001. Т. 6. № 14–16. С. 71–84.

2002

Бойко С. Четыре свидания с Окуджавой: «Внутренний опыт» писателя как основа историзма в романе Б. Окуджавы «Свидание с Бонапартом» // XX век и русская литература. М., 2002. С. 202–222.

Гулин А. В. На Поклонной горе: Наполеон и Москва в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» // Лит. в shk. 2002. № 9. С. 7–12.

Гулин А. В. «Я все еще ратоборствую на Бородинском поле...»: (П. А. Вяземский — прототип и критик «Войны и мира») // Толстой и О. Толстом: Материалы и исслед. М.: Наследие, 2002. Вып. 2. С. 36–53.

Гуминский В. М. Гоголь, Александр I и Наполеон: К 150-летию со дня смерти писателя и к 190-летию Отечественной войны 1812 г. // Наш современник. М., 2002. № 3. С. 216–231. См. также: Наполеон. Легенда и реальность: Материалы науч. конференций и наполеоновских чтений. 1996–1998. М.: Минувшее, 2003. С. 232–268.

Аннотация: Отражение событий Отечественной войны 1812 г. в «Старосветских помещиках» и «Мертвых душах» Н. В. Гоголя.

Можарова М. А. «Презревший правды глас, и веру, и закон...»: (К 190-летию Отечественной войны 1812 г.) // Филология в системе современного университетского образования. М., 2002. Вып. 5. С. 123–126.

Аннотация: Отечественная война 1812 г. и русская литература XIX в.

Пильд Л. «Наполеон» Д. Мережковского: право на историсофию // Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia VIII: История и историсофия в литературном преломлении. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2002. С. 239–251.

Прохорова И. Е. Творчество П. А. Вяземского в 1812–1814 гг. и становление либерально-патриотической позиции в русской публицистике // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10, Журналистика. М., 2002. № 4. С. 73–86; № 5. С. 11–24.

Тихомиров С. А. Князь П. А. Вяземский в Вологде: (Очерк из истории эвакуации в эпоху наполеоновского нашествия) // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы X Всерос. науч. конф., Бородино, 3–5 сент. 2001 г. М.: Калита, 2002. С. 196–201.

Фрайман Т. Творческая стратегия и поэтика В. А. Жуковского (1800-е — начало 1820-х гг.). Тарту: Kirjastus, 2002. 161 с. (Dissertationes philologiae slavicae universitatis tartuensis. 10).

Аннотация: В частности, о войне 1812 г. в жизни и творчестве Жуковского.

Яковкина Н. И. Война 1812 года и русская литература // Яковкина Н. И. История русской культуры: XIX в. 2-е изд., стер. СПб.: Лань, 2002. С. 95—98.

2003

Наполеон. Легенда и реальность: Материалы науч. конференций и наполеоновских чтений. 1996–1998. М.: Минувшее, 2003. 444 с.

Из содерж.:

Померанц Г. С. Наполеонов комплекс в русской литературе. С. 195–201.

Кошелев В. А. Изводы национально-исторического «мифа» в творческом сознании Пушкина: (Пугачев и Наполеон). С. 213–231.

Усок И. Е. Наполеоновский цикл в поэзии М. Ю. Лермонтова. С. 269–275.

Тамарченко Н. Д. Наполеоновская тема у Толстого и Достоевского: («Преступление и наказание» и «Война и мир»). С. 284–302.

Волгин И. Л. Наполеоновская тема в творчестве Достоевского. С. 284–302.

Коган Г. В. «Наполеон и великий и теперешний»: Отзвуки газетной полемики 1860-х гг. вокруг имени Наполеона в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». С. 303–313.

Николюкин А. Н. «Свершитель роковой безвестного веленья...»: Наполеон Мережковского. 314–320.

Альтиуллер М. Между двух царей: Пушкин в 1824–1936 гг. СПб.: Академический проект, 2003. 354 с. (Современная западная русистика. Т. 47).

Аннотация: Война 1812 года, образы Александра I и Наполеона в творчестве Пушкина (С. 103–110).

Генис А. «Война и мир» в XXI веке // Октябрь. 2003. № 9. С. 174–181.

Аннотация: Батальная тема в романе Толстого.

Качурин М. Поручик Жуковский и два генерала // Новый журн. = The new review. Нью-Йорк, 2003. Кн. 230. С. 166–183.

Аннотация: Эволюция темы войны в творчестве русских писателей: В. А. Жуковского («Певец во стане русских воинов»), К. Н. Батюшкова («К Дашкову», «Переход русских войск через Неман», «Анекдоты о Раевском»), Л. Н. Толстого («Война и мир»), М. А. Булгакова.

Лисунов А. П. Отечественная война 1812 года в творчестве Пушкина // Вопр. филол. наук. М., 2003. № 1. С. 12–17.

Шухмин В. Князь Вяземский: поэт в ополчении 1812 года и после войны // История. Прил. к газ «Первое сентября». 2003. № 31 (авг.). С. 1–2. <http://his.1september.ru/2003/31/1.htm>

2004

Отечественная война 1812 года: Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2004. 880 с. Ред. колл.: В. М. Безотосный и др.

Из содерж.:

Каргаполова Н. А. Батюшков. С. 52.

Мальшкин С. А. Вяземский. С. 168–169.

Шведов С. В. Глинка С. Н. С. 191–192.

Бокова В. М. Ф. Н. Глинка. С. 192–193.

Каргаполова Н. А. Грибоедов. С. 207.

Парсамов В. С. Давыдов Д. С. 219–220.

Майорова А. С. Державин. С. 239–240.

Тихонов И. С. Дурова. С. 261–262.

Каргаполова Н. А. Жуковский. С. 279.

Парсамов В. С. Загоскин. С. 281–282.

Майорова А. С. Карамзин. С. 333–334.

Мальшкин С. А., Бокова В. М. Катенин. С. 337.

Безотосный В. М. Княжнин А. Я. С. 348–349.

Безотосный В. М. Княжнин Б. Я. С. 349.

Бокова В. М. Лажечников. С. 396.

Земцов В. Н. Лермонтов. С. 414–415.

Львов С. В. Марин. С. 443–444.

Майорова А. С. Мордовцев. С. 475.

Каргополова Н. А., Смирнов А. А. Пушкин А. С. С. 594–595.

Преснов В. А. Ростопчин. С. 624–625.

Преснов В. А. Ростопчинские «афишки». С. 625.

Парсамов В. С. Толстой Л. С. 703–704.

Эдельман О. В. Чаадаев. С. 767.

Парсамов В. С. Чичерин А. В. С. 786.

Вайскопф М. Я. Социальная проблематика войны 1812 года у Вельтмана // История, культура, литература: К 65-летию С. Ю. Дудакова. Иерусалим, 2004. С. 141–146.

Аннотация: «Лунатик» А. Ф. Вельтмана.

Есипов В. М. «И вот как пишут историю!» // Вопр. лит. М., 2004. Вып. 4. С. 254–267.

Аннотация: Легенда о герое Отечественной войны 1812 г. генерале Н. Н. Раевском в произведениях русской литературы XIX–XX вв.

Закревский Ю. А. О забытой поэме 1812 года // Мир библиогр. М., 2004. № 1. С. 31–32.

Аннотация: Вопрос об атрибуции В. Г. Анастасевичу анонимной поэмы «Аттила девятогонадесять века».

Замостьянов А. Из истории поэтической героики А. С. Пушкина // Пушкинский альманах: 1799–2004. М.: Нар. образование, 2004. С. 103–108. (Народное образование. 2004. № 5).

Кошелев В. А. Онегин и «гроза двенадцатого года» // Болдинские чтения [2003] / Гос. лит.-мемор. и природ. музей-заповедник А. С. Пушкина «Болдино»; Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. Н. Новгород, 2004. С. 213–223.

Лекманов О. А. О чем не забыло Отечество? Из комментария к одной пушкинской рецензии // Лотмановский сборник. М.: ОГИ, 2004. Вып. 3. С. 230–239.

Аннотация: Рецензия Пушкина на «Некрологию» Н. Н. Раевского, героя войны 1812 г.

Мусиенко С. Ф. Миф Наполеона в русской и польской прозе XIX в.: (На примере романов «Война и мир» Л. Толстого и «Пепел» С. Жеромского) // Миф Европы в литературе и культуре Польши и России: [Сб. материалов рос.-польск. конф.]. М.: Индрик, 2004. С. 190–204.

Сенькевич Т. В. Проблема личности и истории (образ Наполеона) в романах «Война и мир» Л. Н. Толстого и «Пепел» Стефана Жеромского // Русско-белорусское литературное взаимодействие: история, совр. состояние, перспективы. Материалы Междунар. науч. конф., 18–19 дек. 2003 г. Брест: БрГУ, 2004. Ч. 2. С. 125–130.

Фрайман Т. Державин и Жуковский: К вопросу о творческом наследовании // Пушкинские чтения в Тарту 3: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 220-летию В. А. Жуковского и 200-летию Ф. И. Тютчева. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2004. С. 9–29.

Аннотация: Стихотворения, посвященные войне 1812 г. («Гимн лиро-эпический...» и «Певец во стане русских воинов»).

Хаткова И. Н. Русский исторический роман 1830-х годов и роман М. Н. Загоскина «Рославлев, или Русские в 1812 году» // Филол. вестник. Майкоп, 2004. № 6. С. 32–40.

Ястребова Н. Г. Особенности фольклоризма стихотворений Ф. Н. Глинки об Отечественной войне 1812 года // Язык, литература, культура: диалог поколений. Сб. науч. ст. М.; Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2004. С. 290–294.

2005

Алешина А. А. Особенности военной темы в поэме Ю. Друниной «Дети двенадцатого года» // Русская литература XX века: Типологич. аспекты изуч. X Шешуковские чтения. М.: Моск. пед. гос. ун-т, 2005. Ч. 1. С. 274–276.

Монахова Е. Н. «Гроза двенадцатого года» и поэма «Руслан и Людмила» // Ангел Царя Александра. СПб.: Genio Loci, 2005. С. 109–123. (Христианская культура: Пушкинская эпоха. Вып. 25 / Сост. и ред. сер. Э. С. Лебедева).

Понько А. Д. А. С. Пушкин и Отечественная война 1812 года // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XII Всерос. науч. конф., Бородино, 6–8 сент. 2004 г. М.: Полиграф сервис, 2005. С. 358–372.

Аннотация: Отечественная война 1812 г. в поэзии А. С. Пушкина.

Чельшев Е. П. Бородино: («Времен связующая нить») // Вопр. филологии. М., 2005. № 1. С. 11–18.

Аннотация: В частности, о стихотворении М. Ю. Лермонтова «Бородино» в контексте событий Великой Отечественной войны.

2006

«Век нынешний и век минувший»: Культурная рефлексия прошедшей эпохи. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2006. Ч. 1. 486 с. (Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia. 10).

Из содерж.:

Парсамов В. С. Культурные рефлексии 1812 года: (Идиологема «Народная война»). С. 9–27.

Майдель Р., фон. О руке, кулаке и дубине народной войны. С. 28–49.

Аннотация: Тема Отечественной войны 1812 года в русской литературе.

Берсенева А. Исторический и литературный Кутузов // Историческая связь времен: духовность, нравственность, патриотизм. IX Иннокентьевские чтения. Материалы регион. науч.-практич. конф., 2 нояб. 2005 г. Чита: Центр. гор. б-ка им. А. П. Чехова, 2006. Ч. 1. С. 153–155.

Аннотация: Образ Кутузова в романе Л. Н. Толстого «Война и мир».

Грызлова И. К. «История похода в Россию» полковника артиллерии, маркиза Жоржа де Шамбре — один из источников романа Л. Н. Толстого «Война и мир» // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XIII Всерос. науч. конф., Бородино, 5–7 сент. 2005 г. М.: Полиграф сервис, 2006. С. 51–69.

Журина М. И. Отечественная война 1812 г. в «Наполеоновых шахматах» О. М. Сомова // Чтения, посвященные дням славянской

письменности и культуры: Сб. ст. междунар. науч. конф. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2006. С. 193–197.

Изотова Е. В. Французские мотивы в «Миргороде» Н. В. Гоголя // Филол. этюды. Саратов, 2006. Вып. 9. Ч. 1–2. С. 118–122.

Аннотация: Аллюзии на события войны 1812 г. в повести Н. В. Гоголя.

Лепешинская Т. А. Роман Л. Н. Толстого «Война и мир» как исторический источник в изображении событий Отечественной войны 1812 г.: Автореф. дис. ... канд. наук; Исторические науки: 07.00.09 / Ом. гос. техн. ун-т. Омск, 2006. 24 с.

Нестерова Т. П. Образ Наполеона и эсхатологические традиции в русской поэзии 1800–1810-х гг. // XVI Ежегод. Богослов. конф. Православ. Свято-Тихоновского гуманит. ун-та. М.: Изд-во Православ. Свято-Тихоновского гуманит. ун-та., 2006. Т. 2. С. 257–262.

Смолярова Т. Сочинение на Свободную Тему, или Об одном образе русской поэзии // Собрание сочинений: К шестидесятилетию Л. И. Соболева. Сб. М.: Время, 2006. С. 513–537.

Аннотация: О стихотворении А. С. Пушкина «Полководец».

Чельшев Е. П. Бородино: К 60-летию победы в Великой Отечественной войне // Человек — Искусство — Общество: Закон целого. К юбилею профессора Ю. Б. Борева. М.: Наука, 2006. С. 334–348.

Аннотация: Об актуальности стихотворения М. Ю. Лермонтова «Бородино».

2007

Гузаиров Т. Жуковский и Бородинские торжества 1839 г. // Пушкинская эпоха: Проблемы рефлексии и комментария: Материалы междунар. науч. конф., 15–17 сент. 2006 г. Пушкинские чтения в Тарту, 4. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2007. С. 318–331.

Закирова О. В. Качественные прилагательные как средство создания образа Наполеона // Семантика. Функционирование. Текст. Киров, 2007. С. 170–173.

Аннотация: Лингвистический комментарий к образу Наполеона в романе Л. Н. Толстого «Война и мир».

Изотова Е. В. Тема войны 1812 года в первом томе «Мертвых душ» Н. В. Гоголя // Филол. этюды. Саратов, 2007. Вып. 10. Ч. 1–2. С. 26–31.

Каргашин И. А. «Первое выражение языка народного есть разговор, речь живая...»: «Бородино» М. Ю. Лермонтова в свете исторической поэтики // Лит. в shk. М., 2007. № 8. С. 2–7.

Козлов В. Т. Неизвестное произведение Н. М. Карамзина «Военная песнь». Октябрь 1812 г. // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XIV Всерос. науч. конф., Бородино, 4–6 сент. 2006 г. М.: Полиграф сервис, 2007. С. 203–209.

Кунарев А. Богатырское племя: О стихотворении М. Ю. Лермонтова «Бородино» // Лит. в shk. 2007. № 8. С. 7–14.

Пилюгина С. В. Эпистолярные вставки в романе М. Загоскина «Рославлев, или Русские в 1812 году» // Малые жанры: теория и история. Сб. науч. ст. Иваново: Иванов. гос. ун-т, 2007. С. 67–72.

Фомичев С. А. 1812 // Фомичев С. А. Грибоедов. Энциклопедия. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 348.

Фатеева Ю. Г. Стилистическое своеобразие легенды А. В. Амфитеатрова «Наполеондер» // Русское литературоведение на современном этапе: Материалы VI науч. конф. М.: РИЦ МГУ, 2007. Т. 1. С. 41–44.

Аннотация: Народное предание об Отечественной войне 1812 г. в рассказе А. В. Амфитеатрова.

2008

Амбарцумов И. В. Образ Наполеона I в русской официальной пропаганде, публицистике и общественном сознании первой четверти XIX века. Магистер. дисс. РГПУ им. А. И. Герцена. Фак. соц. наук. Каф. рус. истории. СПб., 2008. Интернет-публикация. <http://www.museum.ru/1812/library/Ambartsumov/index.html>

Изотова Е. В. Образ Франции в творческом сознании Н.В. Гоголя: Автореф. дисс. ... канд. наук. Филологические науки: 10.01.01 / Саратов, 2008. <http://www.dissercat.com/content/obraz-frantsii-v-tvorcheskom-soznanii-nv-gogolya>

Аннотация: Одна из глав посвящена теме Отечественной войны 1812 года в сборнике «Миргород».

Кусов Г. И. Друг А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова — герой Л. Н. Толстого // Журналистика XXI века: исторический опыт и современное развитие. Владикавказ, 2008. Вып. 10. С. 106–113.

Аннотация: О герое войны 1812 г. Р. И. Дорохове — прототипе образа Долохова в романе «Война и мир».

Овчинников Г. Д. «Чего лучше быть русским?»: Граф Ф. В. Ростопчин — литератор. Владимир: Транзит-Икс, 2008. 184 с.

Аннотация: «Ростопчинские афиши» (С. 122–150).

Ранчин А. М. Трансформация героического в «Войне и мире» Л. Н. Толстого: Отечественная война 1812 г. // Russian Studies. Vol. 18. № 1. Сеул, 2008. С. 131–152.

Синдаловский Н. А. Война 1812 года в городском фольклоре // Нева. 2008. № 6. С. 234–245.

Шенле А. «Везувий зев открыл...» и тема городской катастрофы у Пушкина // И время и место: Ист.-филол. сб. к шестидесятилетию А. Л. Осовата. М.: Новое издательство, 2008. С. 187–197.

Аннотация: В частности, аллюзии на московский пожар 1812 г. в тексте стихотворения.

Яковлева И. П. Образ Наполеона в романе Б. Окуджавы «Свидание с Бонапартом» // Франция — Россия: Пробл. культ. диффузий. Тюмень, 2008. Вып. 2. С. 135–139.

2009

Пушкин и его современники: Сб. науч. тр. Вып. 5 (44). СПб.: Нестор-История, 2009. 448 с.

Из содерж.:

Хитрово Л. К. Тексты стихотворений В. А. Жуковского (По архивным материалам Пушкинского Дома) // С. 77–98.

Аннотация: В частности, об архивном экземпляре стихотворения Жуковского «Пловец», хранящемся в коллекции печатных листовок Отечественной войны 1812 г.

Фомичев С. А. Метель в контексте «Повестей Белкина». С. 275–284.

Аннотация: В частности, о событиях 1812 г. как основном историческом мотиве «Метели».

Беляев В. В. Россия и Наполеон в поэме Гоголя «Мертвые души» // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Сер. «Филология. Журналистика». Вып. 4. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2009. Т. 9. С. 65–70. http://www.sgu.ru/files/nodes/18614/filologiya_2009_4.pdf

Кобзарева А. В. Тема Наполеона в русской литературе XIX века (на основе романа Р. Зотова «Леонид» // Наукові записки Харківського національного педагогічного університету імені Г. С. Сковороди. Серія літературознавство. 2009. Випуск 3 (59). Электронная публикация.

http://nauka.hnpu.edu.ua/sites/default/files/fahovi%20vudannia/2010/Literaturoznnavstvo_naukovi_zapusku_59_1/3.html

Левис оф Менар Х. Александр Пушкин, Фридрих Левис Менар и роковой 1812 год // «От западных морей до самых враг восточных...»: Материалы III Таллинских Пушкинских чтений [30 мая 2009 г.] / Пушкинское об-во в Эстонии; Сост. В. Б. Бобылева, С. Иванова. Таллинн, 2009. С. 27–42.

Лямина Е. О функционировании русско-французского двуязычия в 1812 году: Мысли вслух на Москве-реке // Memento vivere: Сб. памяти Л. Н. Ивановой. СПб.: Наука, 2009. С. 70–94.

Аннотация: Ф. В. Ростопчин и 1812 год.

Смирнов А. А. Отечественная война 1812 года в творчестве М. Ю. Лермонтова // 1812 год: Люди и события великой эпохи. Материалы Междунар. науч. конф. М.: Кучково поле, 2009. С. 161–178.

Подосокорский Н. Н. Наполеоновская тема в романе Ф. М. Достоевского «Идиот»: Автореф. дисс. ... канд. наук. Филологические науки: 10.01.01/ Великий Новгород, 2009. <http://www.dissercat.com/content/napoleonovskaya-tema-v-romane-fm-dostoevskogo-idiot>

2010

1812 год в истории России и русской литературы: Материалы Всерос. науч. конф. (Смоленск, 15–17 нояб. 2010 г.). Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2010. 196 с.

Содерж.:

Егоров А. Г. Вместо предисловия. С. 5.

Андрущенко Е. А. Наполеоновская тема в творчестве Д. С. Мережковского: Спор с Толстым. С. 6–22.

Баевский В. С. М. Лермонтов и М. Цветаева: Два стихотворения о 1812 годе. С. 23–41.

Голубева Е. В. Образ Кутузова в романах Л. М. Раковского. С. 42–48.

Зубков К. Ю. Отсутствующая война: 1812 год в романе А. Ф. Писемского «Взбаламученное море». С. 49–56.

Иванов А. М. По праву памяти: Празднование 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г. в Вязьме. С. 57–64.

Карлик Н. А. Война и мир в афористике Л. Н. Толстого. С. 65–73.

Ковалева В. С. Смоленские страницы «Писем русского офицера (извлечения)» Ф. Н. Глинки: Синтаксический аспект. С. 74–80.

Королькова А. В. Афористика участников Отечественной войны 1812 года. С. 81–87.

Лышковская И. Н. Биография В. М. Вороновского — автора книги «Отечественная война в пределах Смоленской губернии». С. 88–94.

Павлова Л. В. «Наполеоновский» комплекс образных парадигм в творчестве Вячеслава Иванова. С. 95–105.

Подосокорский Н. Н. Наполеоновская биография генерала Иволгина. С. 106–116.

Приказчикова Е. Е. Война 1812 года в контексте мифориторической культуры: мемуарно-автобиографический аспект проблемы. С. 117–128.

Рогацкина М. Л. И. А. Бунин о Наполеоне. С. 129–137.

Рогацкина М. Л. Материалы к теме: «1812 год в газете «Рабочий путь» (Малютка): 1942–1943 годы». С. 138–141.

Романова И. В. Отечественная война 1812 года в художественном мире Иосифа Бродского. С. 142–157.

Смагина О. А. Рассказы Всеволода Иванова «При Бородине» и «Близ старой смоленской дороги»: Парадигмы образов. С. 158–172.

Тернова Т. А. Приемы героизации образа: Денис Давыдов в поэме А. Мариенгофа «Денис Давыдов». С. 173–182.

Шполянский Д. В. Отечественная война 1812 года в романе Георгия Владимова «Генерал и его армия». С. 183–189.

Четвертных Е. А. Опыты «русской идиллии» и война 1812 года. С. 190–196.

Ветиева Н. Ж. Тема Отечественной войны 1812 года на страницах пушкинского журнала «Современник» // Пушкин и время. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2010. С. 189–205.

Вольперт Л. И. Лермонтов и литература Франции. 3-е изд., испр. и доп. Тарту, 2010. 276 с. Интернет-публикация: www.ruthenia.ru/volpert/Volpert_2010.pdf

Аннотация: «Бородино» (С. 126, 185, 188), наполеоновская тема («Наполеоновский миф Лермонтова и Стендаля» С. 176–193 и др.).

Вольперт Л. И. Пушкинская Франция. 2-е изд., испр. и доп. Тарту, 2010. 570 с. Интернет-публикация: www.ruthenia.ru/volpert/Volpert_Pushkin_2010.pdf

Аннотация: 1812 г.: С. 118, 170, 358–359, 443, 481, 534.

Дупленко М. В. «Бородино» М. Ю. Лермонтова и Бородинское сражение в романе «Война и мир» Л. Н. Толстого // Лит. в shk. 2010. № 10. С. 33–35.

Щербаков В. И. Граф Ростопчин как историческое лицо и персонаж «Войны и мира» // Толстой и о Толстом: Материалы к комментариям. Вып. 4. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 164–187.

Аннотация: Ф. В. Ростопчин как деятель эпохи 1812 г.

2011

Вопр. лит. 2011. № 6.

Из содерж.:

Подосокорский Н. Н. 1812 год и наполеоновский миф в романе Ф. М. Достоевского «Идиот». С. 39–71.

Кормилов С. И. «Да, были люди в наше время...»: Лермонтов и 1812 г. С. 7–38.

Шраговиц Е. Б. Генезис «Батального полотна» Булата Окуджавы. С. 72–86.

Аннотация: В частности, тема войны 1812 г. в стихотворении.

Соболев Л. «Искажение действительности», или Как Лев Толстой в «Войне и мире» работает с источниками. 87–143.

Аннотация: Сопоставление военно-исторических источников с текстом романа.

Острейковская Н. В. Отечественная война 1812 года в мемуарных записях Е. В. Новосильцевой. С. 144–159.

Пономарев Е. «Письма русского офицера» Федора Глинки как «Путешествие на Запад». С. 160–190.

Есипов В. М. «Благослови Москву, Россия!» С. 191–204.

Подосокорский Н. Н. Наполеоновские войны в «Дядюшкином сне» Ф. М. Достоевского. 350–362.

Балакин А. Ю. Стихотворение «Переход русских войск через Неман 1 января 1813 года» и его автор: (История одной мистификации) // Пушкинская эпоха и русский литературный канон: К 85-летию Л. И. Вольперт. Пушкинские чтения, 5. Ч. 2. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2011. С. 293–308.

Новиков В. И. «Из пламя и света рожденное слово»: А. С. Пушкин и Отечественная война 1812 г. М.: Минувшее, 2011. 320 с.

Россинская С. В. Надежда Дурова: девица-кавалерист: Лит.-ист. исследование // Нов. библиотека. 2011. № 7. С. 8–25.

Сарбаи Л. Н. «Инонациональное» в творчестве русских писателей XIX века: Поволжские народы в Отеч. войне 1812 г. // Филол. науки. 2011. № 5. С. 36–45.

Аннотация: Поволжские народы в Отечественной войне 1812 года и их изображение в произведениях Д. В. Давыдова, Ф. Н. Глинки, С. Н. Глинки, А. Ф. Раевского, К. Н. Батюшкова, В. А. Жуковского.

Смолярова Т. Зримая лирика: Державин. М.: НЛЮ, 2011. 608 с.

Аннотация: О стихотворении «Гимн лиро-эпический на прогнание французов из Отечества» (С. 99–101).

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- Батюшков* — *Батюшков К. Н.* Соч.: В 2 т. М., 1989.
- Белинский* — *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 13 т. М., 1953–1959.
- Гоголь* — *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. М., 1937–1952.
- Давыдов* — *Давыдов Д. В.* Полн. собр. стихотворений. Л., 1933.
- Державин* — *Державин Г. Р.* Сочинения / с объяснительными примечаниями Я. Грота: В 9 т. СПб., 1864–1883.
- Жуковский* — *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2000.
- Лермонтов* — *Лермонтов М. Ю.* Полн. собр. соч.: В 6 т. М.; Л.,
- Пушкин* — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: [В 17 т.]. М.; Л., 1937–1959.
- Ростопчин* — *Ростопчин Ф. В.* Ох, французы! / Сост., вступ.ст., примеч. Г. Д. Овчинникова. М., 1992.
- Толстой* — *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. (Юбилейное). М.; Л., 1928–1959.
- ГПИБ — Государственная публичная историческая библиотека
- МГК — Московская государственная консерватория
- ОНИиМЗ РНБ — Отдел нотных изданий и музыкальных звукозаписей Российской национальной библиотеки
- ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея
- РГБ — Российская государственная библиотека
- РГВИА — Российский государственный Военно-исторический архив
- РГИА — Российский государственный Исторический архив
- РИИИ — Российский Институт истории искусств
- РЛ — «Русская литература», журнал
- РНБ — Российская национальная библиотека
- РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом)
- СБРИО — Сборник Императорского русского исторического общества

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абалихин Б. С. 35
Аббас-Мирза 427, 428, 430
Абрамов В. А. 539
Авдулина 134
Авенариус В. П. 271, 281
Азбелев С. Н. 557
Акиншин А. Н. 368, 391, 393
Акопян Л. О. 9
Аксаков С. Т. 335
Александр I 6, 26, 46, 48, 56,
58, 63, 64, 67, 68, 69, 95, 96,
106, 115, 129, 133, 134, 137,
154, 158, 171, 176, 181, 182,
183, 186, 189, 190, 191, 193,
217, 221, 222, 255, 291, 295,
298, 308, 318, 323, 324, 341,
363, 364, 365, 366, 367, 368,
369, 370, 382, 386, 387, 392,
393, 395, 396, 411, 412, 455,
461, 488, 489, 490, 508, 509
Александр Николаевич, вел.
кн. (Александр II) 95, 392
Александр Македонский 215,
516
Александр Невский 341
Александра Федоровна, имп.
95, 392, 464, 466, 468
Алексеев М. П. 493, 543, 546,
552
Алексеев П. А. 59
Алешина А. А. 578
Алтаев Ал. 281
Альтшуллер М. Г. 46, 48, 49,
57, 59
Амбарцумов И. В. 581
Амфитеатр А. В. 581
Анастасевич В. Г. 577
Андреев В. 469
Андреев Л. Н. 532
Андреев, офицер 128
Андрей Боголюбский 442
Андржейкович И. 387, 391
Андрянов (Адрианов), кира-
сир 122, 124, 133, 137, 144,
145
Андроников И. Л. 195, 206, 552
Андроникова М. И. 550
Андрущенко Е. А. 584
Анитов М. И. 180
Анненков П. В. 29
Ансильон Ж.-П.-Ф. 388, 392
Антокольский П. Г. 543
Антонолини Ф. 173, 192, 193
Антюфеева И. Н. 566
Апраксин С. С. 184
Аракчеев А. А. 86, 323, 365,
374, 408, 410, 411, 413
Арапов П. Н. 160
Аринштейн Л. М. 557
Ариповский В. И. 547
Арндт Э. М. 77
Арнольд Н. 537
Арсений, о. 400
Архангельская Т. Н. 573
Архаровы 42
Архипов В. 548
Архипова А. В. 556
Аскаханов Н. С. 314
Асмус В. Ф. 534
Ауман (Оман) В. 173, 186, 191
Афанасьев Э. Л. 569
Афанасьева А. А. 443, 444, 446

- Афонин Л. Н. 543
Ахвердов 132
Ахматова А. А. 293
- Бабаев Э. Г. 277
Бабкин Д. С. 538
Багговут 133
Багратион П. И. 57, 62, 85, 93,
122, 123, 125, 133, 135, 145,
178, 179, 180, 252, 253, 258,
305, 327, 363, 381, 495
Баевский В. С. 555, 563, 584
Базанов В. Г. 542
Байбурин А. 391
Байрон Дж. Г. 327, 373
Бакунин И. М. 433, 435
Бакунина П. М. 450
Балакин А. Ю. 586
Балашов А. Д. 420, 421
Балонов Ф. Р. 567
Бантыш-Каменский Д. Н. 78,
79
Бардовский Я. И. 65
Барклай-де-Толли М. Б. 6, 37,
38, 57, 93, 112, 318, 370,
400
Барсукова 126
Бартенев П. И. 324
Бартошевич В. В. 571
Басаргин Н. В. 371, 372, 425
Багтошков К. Н. 33, 34, 37, 39,
40, 41, 42, 43, 108, 111, 115,
116, 117, 192, 255, 287, 300,
301, 302, 451, 452, 454, 455
Бахметев А. Н. 407, 415
Бахметева (Бахметьева) В. С.
(урожд. Потоцкая) 407, 415
Безотосный В. М. 462
Бейль А. – см. Стендаль
Беккер Э. Г. 545
- Белинский В. Г. 22, 115, 195,
197, 207, 210, 267, 272, 275,
300, 376, 377
Беловинский Л. 391
Белый А. 195, 198, 201, 202,
203
Беляев Б. 321
Беляев В. В. 583
Беляев Ю. А. 557, 560
Бенигсен (Бенигсон, Бенниг-
сен) Л. Л. 57, 61, 93, 282,
365, 366, 367, 368, 388, 391,
454, 506
Бенкендорф А. Х. 358, 431,
437, 438
Бентам И. 373, 405
Беранже П.-Ж. 423
Берг Г. Г. 474
Бергер П. 20, 21
Бергсон А. 211, 212
Березкина С. В. 556
Берсенева А. 579
Бестужев А. А. 247
Бестужев-Рюмин А. Д. 78
Бетховен Л. Ван 179, 180, 181,
186, 187
Бибиков Г. И. 174
Бибин Д. 447
Бирюков П. 531
Благовещенский 389, 393
Благой Д. Д. 537
Блинов Н. Н. 282
Блох Г. А. 156
Блудов Д. Н. 412
Блюхер-Вальштатский Г. Л.
178, 186, 188
Боборыкин П. Д. 277
Бобров С. С. 49
Богданов А. К. 168
Богданов-Березовский В. 181

- Богуславский Г. 547
 Бойко С. 574
 Бойцов М. А. 560, 569
 Бокова В. М. 127
 Болдина Е.
 Болио – см.: Больё Ж.-П.
 Больё Ж.-П. 398, 400
 Бонди С. М. 198, 201
 Борин Я. 308
 Боровой С. Я. 396, 412
 Бороздин К. М. 451
 Бортнянский Д. С. 173, 174,
 192
 Боссер Ф. 185
 Боссюэт И. Б. 66, 67
 Бочкарев В. А. 547
 Боярский В. И. 462
 Браницкая А. В. (урожд. Энгельгардт) 401, 404
 Браницкий Кс. 404
 Бранкевич М. С. 74
 Христиан, герцог Брауншвейгский 461
 Бриммер Е. А. 407
 Брискман М. А. 541
 Бродский И. А. 584
 Бродский Н. Л. 530, 532, 537
 Бродянский Б. 534
 Буальдьё Ф. А. 156, 181
 Бужинская Г. И. 454
 Булгаков А. Я. 62, 63, 98, 382
 Булгарин Ф. В. 125, 130, 268
 Булич Н. Н. 79
 Бурдалу Л. П. 66
 Бурдей Г. Д. 568
 Бурков, обер-аудитор 404
 Бурцов А. П. 403, 491
 Бурцов И. Г. 371, 374, 381, 401,
 403, 417, 418, 469, 470–473,
 476, 477, 482, 484, 485, 486,
 488, 489, 494, 497
 Бусмар А.-Ж. 402, 405
 Бутенев А. П. 324
 Бутурлин Д. П. 310, 312, 462,
 464, 465, 469
 Вайскопф М. Я. 577
 Валентини Г. В. 463
 Васенко С. В. 308
 Васильев, граф 141
 Васильев, о. Иоанн 323, 324
 Васильчиков И. В. 392, 412,
 434, 466, 469, 489
 Васильчикова А. И. 320
 Вацуро В. Э. 195, 303, 304,
 305, 371, 385, 404, 463, 495
 Вельтман А. Ф. 560, 577
 Вельяминов А. А. 96, 382, 429,
 433, 436
 Вепхвадзе А. И. 145
 Вересаев В. В. 532
 Верещагин В. В. 127
 Верещагина Т. Д. 544
 Верстовский А. Н. 170, 194
 Вертер Ф. 156
 Вертлиб Е. А. 562
 Верховский Н. П. 534
 Вершинина Н. Л. 309
 Ветшева Н. Ж. 585
 Ветринский Ч. – см. Чешихин-
 Ветринский В. Е.
 Виардо Л. 218, 219
 Вигель Ф. Ф. 399, 407
 Виельгорский М. Ю. 96
 Викторов, офицер 128
 Виноградов А. 532
 Виноградов В. В. 554
 Винценгероде Ф. Ф. 137, 138,
 139, 140, 348, 358

- Висковатый С. И. 155
Витгенштейн П. Х. 56, 134,
141, 174, 175, 176, 178, 368,
369, 389, 401, 404, 406, 410
Витмер А. Н. 528
Витт И. О. 389, 393, 399, 414,
415
Воейков А. Ф. 96
Военский К. А. 320
Войнич Л. В. 554, 557
Волгин И. Л. 575
Волк С. С. 560
Волков, полковник 387, 391
Волкова М. А. 110, 451
Волкова Т. В. 564
Волконская З. А. 324, 325
Волконский П. М. 96, 369, 387,
391, 394, 398, 419, 464, 466,
468, 469, 489
Волконский С. Г. 362, 363, 371,
384, 415
Вольман Б. 172, 174
Вольней К.-Ф. 373
Вольпе Ц. С. 535
Вольперт Л. И. 585, 586
Вольтер М.-А. 373, 468, 496
Вонсович М. 321
Воробьев Я. С. 167
Воробьева Е. Я. 167
Воронецкий, инженер 401, 403
Воронов Д. 509
Воронова Т. П. 528
Вороновский В. М. 150, 151,
584
Воронцов М. С. 62, 130, 390,
412
Воронцов С. 79
Востоков А. Х. 101, 102, 103,
191, 294, 295, 296, 298
Вронченко А. П. 155
Всеволодский-Гернгросс В. Н.
530
Вурмзер Д.-З. 398, 400
Высоцкий В. С. 303, 557
Высоцкий М. 180
Высоцкий Н. Г. 320
Вяземский П. А. 38, 40, 41, 42,
68, 69, 70, 80, 81, 96, 101,
168, 192, 304, 325, 326, 336,
359, 362, 383, 385, 401, 404,
462, 487, 490, 493, 494, 528,
560, 564, 570, 573, 574, 576
Вяземский П. П. 324
Вялова С. О. 528
Гай Г. Н. 540
Галахов А. Д. 528
Галин Г. А. 562
Гальперсон, подрядчик 391
Гартевельд В. Н. 530
Гартман И. 191
Гаршин В. М. 532
Гаспаров Б. М. 570
Гассан-хан 381, 427, 428, 430
Гегель Г. В. Ф. 329
Гейдехен, квартирмейстер 389
Гендель Г. Ф. 193
Генералова Н. П. 223
Генис А. 576
Георгиевский Г. П. 331, 332
Гераков Г. В. 121–145, 407
Герасимов Л. (Сиротский Ф.
Г.) 329, 330, 331
Герасимов П. Ф. 314
Герасимова Т. П. 551
Геродот 38, 373
Гёте И.-В. 452
Гиббон Э. 373
Гизо Ф.-П.-Г. 254, 373

- Гиллельсон М. И. 412, 455,
495, 496, 542, 557
Гиндин С. И. 202
Гиппенрейтер Ю. Б. 16
Гиппиус В. В. 539
Глинка В. М. 538
Глинка И. Н. 146, 147, 149, 151
Глинка М. И. 149, 151, 152,
153, 160, 166, 167, 170, 181,
Глинка М. И., сестра композитора 151
Глинка П. И. 151
Глинка С. Н. 39, 72, 75, 95, 96,
111, 119, 148, 155, 314, 344,
535, 536, 576
Глинка Ф. Н. 91, 92–93, 94, 96,
109, 111, 113, 115, 119, 120,
123, 124, 142, 147, 148, 176,
177, 187, 293, 303, 304, 305,
306, 343, 439–449, 462, 535,
540, 550, 552, 555, 559, 560,
561, 562, 564, 568, 571, 576,
578, 584, 586
Глинский Б. Б. 323
Глухарев И. Н. 268
Глушченко Е. А. 560
Глыбовский В. И. 321
Гнедич Н. И. 287, 450–459
Гогель И. Г. 463, 466
Гоголь Н. В. 30, 218, 247–260,
284, 532, 559, 569, 574, 580,
581, 583, 587
Гойман В. Г. 528
Голике В. А. 26
Голицын А. Н. 65, 96, 126, 415,
416
Голицын Б. В. 341, 343
Голубева Е. В. 584
Гомер 335, 454
Гончаров С. А. 250
Гордин Я. А. 526
Горелов А. А. 569, 570
Горланов Г. Е. 561
Горожанский Я. И. 531
Горчаков А. И. 62, 367, 392,
393
Грабе П. Х. 133
Грандмезон Ф. 189
Грачев В. И. 322
Грачев П. В. 156, 157
Гредескул Н. А. 318, 319, 331
Грейг А. С. 126
Греков Т. Д. 346, 347, 350, 352
Греч Н. И. 43, 44, 96, 379
Грибовский А. М. 401
Грибоедов А. С. 157, 256, 257,
284, 285, 535, 536, 540, 546,
547, 548, 552, 554, 564, 568,
569, 576, 581
Гринбаум О. Н. 18, 197, 200,
201, 202, 204, 206, 207, 209
Гринберг И. 534
Гроссман Л. П. 571
Грот Я. К. 587
Гротгуз Э., фон 128
Грузинцов А. Н. 155
Грунский Н. К. 529
Грушкин А. И. 535
Грызлова И. К. 579
Гудзенко С. 302
Гузаиров Т. 580
Гуковский Г. А. 307, 534, 545,
556
Гулин А. В. 563, 564, 568, 569,
572, 574
Гуминский В. М. 255, 569, 574
Гурко (Ромейко-Гурко) Л. О.
375, 376, 415, 416
Густав III 143

- Даву Л.-Н. 318
Давыдов А. Л. 386
Давыдов В. П. 493
Давыдов В. Л. 470
Давыдов Д. В. 26, 31, 32, 33,
34, 37, 43, 44, 45, 93, 111,
112, 113, 114, 115, 130, 132,
144, 151, 283, 303, 304, 305,
325, 345–358, 359–438, 447,
460–506, 533, 535, 536, 539,
541, 543, 546, 549, 550, 551,
554, 555, 556, 557, 558, 560,
565, 570, 571, 573, 576, 584,
586, 587
Давыдов Д. Д. 495–496
Давыдов М. А. 377, 383, 410,
485
Давыдов П. Л. 493
Давыдов П. Н. 384
Давыдов С. И. 155
Давыдова С. Н. (урожд. Чир-
кова) 438
Даль В. И. 342, 443
Данилевский Г. П. 278, 310,
547, 556
Данилов Н. А. 370
Дашков Д. В. 54
Дашкова Е. Р. 280
Дашкова Т. 13, 14
Де Ла Рош-Эмон А. Ш. Э. П.
472
Дебречени П. 17
Дегтеревский И. М. 540
Дезаж Л. 219
Делабарт Ж. 573
Деминский Я. 189
Державин Г. Р. 29, 30, 31, 49,
50, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 96,
132, 155, 192, 290, 296, 297,
298, 299, 325, 450, 537, 543,
546, 560, 570, 576, 578, 586,
587
Дживелегов А. К. 317
Дибич И. И. 370, 386, 430, 431,
433, 462, 466, 490
Дидро Д. 97
Димитрий Самозванец 268
Динес В. А. 570
Дмитриев А. 73
Дмитриев Д. С. 269
Дмитриев И. И. 42, 49, 61, 65,
66, 67, 68, 100, 325
Дмитриев М. А. 73, 78
Дмитриева Н. Л. 564
Дмитриева Т. Г. 558
Дмитриев-Мамонов А. М. 410
Дмитриев-Мамонов М. А. 410,
411, 571
Дмитрий Донской 298
Добровольская В. Е. 573
Долбилов М. Д. 368, 391, 393
Долгорукий (Долгоруков) П.
И. 173, 177, 178, 179, 186,
187, 188
Долгоруков И. М. 177
Доминитис (Доминичис) 184
Достоевский Ф. М. 319, 575,
583, 585, 586
Доу Дж. 25, 26
Дохтуров Д. С. 93, 94, 341, 343
Драгомиров М. И. 529
Дружинин Н. М. 362, 363, 373
Друнина Ю. 578
Друскин М. С. 157
Дубельт А. Н. 420, 447
Дубровин Н. Ф. 44, 359, 377,
383, 384, 421, 529
Дупленко М. В. 585

- Дурова Н. А. 279, 280, 281,
282, 283, 284, 285, 544, 547,
566, 576, 586
Дурылин С. Н. 535, 536, 537,
568
Дучинский Н. П. 308, 531
Дюверне Ш. 219
Дюма А. (сын) 218, 271
Дюпен М. 213–214
- Евгений-Фридрих-Карл-Павел-
Людвиг Вюртембергский
398
Евзлин М. 16, 17
Евпраксия, кн. 126
Еголин А. М. 535
Егоров А. Г. 584
Егоров Б. Ф. 59
Екатерина II 79, 125, 131, 280,
401, 410
Екатерина Павловна, вел. кн.
63, 64
Елизавета Алексеевна, имп. 67,
128, 130, 184
Елпатьевский К. В. 325
Емельянов Л. И. 561
Еремин М. П. 544
Ермолов А. П. 92, 112, 137,
138, 148, 305, 327, 371, 372,
381, 386, 398, 405, 418, 419,
427, 428, 429, 431, 433, 461,
463, 466, 468, 469, 485, 488,
489, 490, 561
Ерохина Л. Л. 564, 568
Есенин С. А. 18, 19
Есипов В. М. 577, 586
Ефимова М. Т. 542
- Жаркевич Н. М. 552
Желтухин П. Ф. 414, 415
Жерве В. В. 369, 374, 432, 461
Жеромский С. 578
Жилин П. А. 71, 538, 547
Жиркевич А. В. 277
Жихарев С. П. 168
Жомини А. А. (Г. В.) 44, 45,
372, 417, 462, 471
Жуковский В. А. 54, 55, 56, 57,
90–99, 102, 103, 104, 105,
106, 107, 111, 117, 118, 155,
171, 173, 174, 191, 283, 284,
285, 290, 302, 303, 304, 325,
404, 451, 463, 464, 487, 529,
534, 535, 536, 542, 543, 545,
548, 550, 555, 556, 557, 560,
561, 566, 570, 572, 573, 575,
576, 578, 580, 582, 586, 587
Жуковский С. 365, 367, 387,
391, 397
Журина М. И. 579
- Зінченко В. Г. 548
Заблоцкий-Десятовский А. П.
365, 367, 369, 374, 381, 385,
390, 393, 400, 412, 419, 426,
Загидуллина М. В. 27
Загоскин М. Н. 97, 262, 263,
264, 265, 267, 268, 269, 274,
283, 536, 538, 540, 542, 545,
547, 550, 554, 560, 562, 564,
576, 578, 581
Задонский Н. 432, 470
Зайденшнур Э. Е. 542, 543
Закирова О. В. 580
Закревский А. А. 359, 362, 363,
367, 368, 369, 371, 375, 376,
380, 382, 383, 384, 385, 386,
390, 391, 394, 398, 403, 404,
413, 414, 415, 416, 417, 419,
435, 460, 464, 466, 467, 468,

- 469, 470, 471, 485, 487, 489,
490
Закревский Ю. А. 577
Залесский М. П. 538, 544, 570
Замостьянов А. 577
Зарин-Несвицкий Ф. Е. 269
Засядко А. Д. 388, 392
Затворницкий Н. М. 425, 527
Захаров И. С. 188
Захаров Р. 122, 133
Збировски З. 554
Земцов В. Н. 577
Земцов С. М. 548
Зенкин С. 289
Зильберштейн И. С. 533
Злов П. В. 175, 176, 190, 192
Золотницкая Л. 181
Зонтиков Н. А. 159, 161, 162,
163
Зорин А. Л. 256
Зотов Р. М. 156, 160, 167, 270,
271, 272, 273, 274, 275, 560,
583
Зубков К. Ю. 584
Зубов П. А. 401
Зубов П. П. 268
- Иванов, генерал-аудитор 367
Иванов А. М. 584
Иванов Вс. В. 584
Иванов Вяч. И. 584
Иванов С. В. 535, 583
Иванова Л. Н. 583
Иванчин-Писарев Н. Д. 297,
560
Ивинский Д. П. 564
Ивченко Л. Л. 570
Игнатов И. Н. 530
Иголкин, купец 126
Иеголь Е. А. 141
- Иеголь 128
Иезуитова Р. В. 545, 561, 572,
573
Изергина Н. П. 547, 557
Измайлов А. А. 317, 318, 327
Изотова Е. В. 580, 581
Иконников С. М. 320
Иловайский И. Д. 138, 139
Ильин В. В. 569
Ильин, капитан 126, 133
Ильинский Н. А. 536
Илюшин А. А. 564
Инзов И. Н. 421
Ипсиланти А. К. 420, 422
Искуль С. Н. 337, 342
Исупов К. Г. 289
Исупова С. М. 557, 572
Ищук Г. Н. 277, 549
- Кавос К. 156, 157, 160, 167,
168, 170, 171, 192
Кайсаров А. С. 105, 541, 556
Калиновская (урожд. Потоц-
кая?) 406, 407
Калита Иван 164
Каллаш В. В. 530, 531
Каменных М. Г. 556
Каменский Н. 327
Канашкин В. 561
Канунова Ф. З. 90, 91, 570, 573
Капнист В. В. 132, 290, 299,
538, 560
Капфиг 98
Карамзин Н. М. 40, 48, 60–70,
80, 81, 96, 100, 101, 132,
145, 192, 249, 284, 285, 290,
412, 535, 560, 568, 576, 581
Каратыгин П. А. 176
Каргаполова Н. А. 576
Каргашин И. А. 581

- Кардаш Е. В. 66, 67
Карден П. 565
Карл Юхан, принц шведский
358
Карлик Н. А. 584
Карнишина Л. М. 61
Карпец В. И. 147, 443
Катенин П. А. 256, 576
Каткарт У. 98
Каченовский М. Т. 132
Качурин М. 576
Кашин Д. Н. 173, 174, 175, 176,
177, 190
Кашкина Л. И. 556
Келдыш Ю. В. 158, 172
Кернер Т. 94
Кибальник С. А. 454
Кизеветгер А. А. 79, 188
Кизеветгер И. Г. 189
Ким Рехо 572
Кимова Л. Х. 556
Кирдина О. М. 573
Киреевский И. В. 96
Кирпичников А. И. 267
Киселев П. Д. 359–438, 447,
460, 463, 469, 470, 471, 485,
488
Киселева Л. Н. 553
Киселев Н. 47, 342
Клавоне С. К. 398
Клейнмихель П. А. 379
Клепиков С. А. 545
Климовский С. 455, 456, 457,
458
Клочков М. В. 320
Кнабе Ф. Ф., фон 137, 144
Княжнина Е. А. 280
Кобзарева А. В. 583
Кобяков Л. 175
Ковалева В. С. 584
Ковалева Т. В. 561
Коваленский И. М. 109
Кованько И. А. 109
Коган Г. В. 575
Козачковский (Казачковский)
К. Ф. 414, 416
Козлов В. Т. 581
Козловский Л. С. 530
Козловский О. А. 173, 187
Козодавлев О. П. 142
Кока Г. М. 543, 548
Колбасин Е. 60
Колмаков Н. М. 399
Колмогоров А. 202
Колумб Х. 413
Конано 415, 416
Конгрев В. 487
Кондратьев И. К. 269
Коновницын П. П. 62, 93, 94
Констан Б. А. 373, 405
Константин Павлович, вел. кн.
364, 386, 387, 413, 424
Конт Ф. 391
Коншин Н. М. 267, 449
Кормилов С. И. 22, 585
Корнилов А. А. 412
Королькова А. В. 584
Корсаков П. А. 108, 176, 190
Корчагина С. Т. 546, 551
Костомаров Н. И. 164
Костров Е. И. 100
Котлубицкий Н. О. 320
Кочеткова Н. Д. 46, 342
Кошелев В. А. 24, 41 300,
451 558, 565, 575, 577
Кощиенко И. В. 345, 381, 417
Краммер И. Б. 193
Краснов Г. В. 572
Красовский Н. И. 326
Крейц К. А. 421

- Круглый А. О. 360, 403, 410, 413, 433, 463
- Крылов И. А. 57, 74, 75, 77, 285, 287, 325, 451, 453, 531, 534, 535, 536, 537, 541, 549, 550, 551, 552, 554, 560
- Крюков 43
- Крюковской В. М. 155
- Кудрявцев Н. 331
- Кудряшов К. В. 321
- Кузмич А. 267
- Кузнецов А. 438
- Кузнецов В. 543
- Кузьменко А. Ю. 542
- Кузьмин А. И. 550
- Кукольник Н. В. 36
- Кулагин А. В. 565
- Кульнев Я. П. 178, 179
- Кунарев А. 581
- Кусов Г. И. 582
- Кутайсов А. И. 135, 136, 327
- Кутузов М. И. (Голенищев-Кутузов-Смоленский) 6, 35, 43, 48, 53, 54, 56, 93, 94, 105, 115, 123, 128, 134, 135, 136, 137, 139, 140, 141, 142, 143, 149, 176, 178, 186, 187, 188, 193, 251, 281, 282, 283, 295, 318, 327, 332, 454, 455, 456, 458, 459, 505, 536, 537, 538, 539, 542, 543, 544, 546, 550, 556, 565, 568, 570, 572, 579, 584
- Кутузова Е. И. (Голенищева-Кутузова-Смоленская) 450, 454
- Кутузовы–Неклюдовы 135
- Кюстин А. Ф., де 219, 473
- Кюхельбекер В. К. 131, 144, 285, 533, 540, 546
- Лажечников И. И. 443, 535, 536, 557, 560, 572, 576
- Лакретель Ж.-Ш.-Д. 392
- Лалаев М. 374
- Ланда С. С. 361, 371
- Ланжерон А. Ф. 94, 401, 403, 406, 407, 412, 423
- Ланская В. И. 110, 451
- Ланской С. Н. 93
- Лахути Д. Г. 9
- Ле Рой де Гранмезон Т. А. 472
- Лебедев Е. Н. 569
- Лебедева Е. 557
- Лебедева Э. С. 571, 578
- Левашев В. В. 363
- Левашева О. Е. 166
- Левенвольде К. К.
- Леви-Брюль Л. 15, 16
- Левис оф Менар Х. 583
- Левченко В. Г. 561
- Левшин А. 327
- Лейбов Р. Г. 446, 567, 568
- Лекманов О. А. 568
- Ленгард И. А. 186, 187
- Лепешинская Т. А. 580
- Лермонтов М. Ю. 18, 19, 22, 23, 28, 32, 33, 195–212, 297, 303, 305, 306, 308, 311, 313, 325, 532, 534, 535, 536, 537, 538, 541, 545, 547, 548, 549, 550, 551, 552, 553, 554, 555, 556, 559, 561, 563, 566, 571, 575, 577, 579
- Лернер Н. О. 531, 532
- Лесков Н. С. 529, 543, 568
- Лессепс Ж. Б. 139
- Либгард, генерал-майор 400, 403
- Липранди И. П. 527, 529, 571

- Лисунов А. П. 576
Литвин Э. С. 539
Лобанов В. В. 90, 91
Лобок А. М. 17
Лоек Е. 399
Локк Дж. 373
Ломоносов, адъютант 435
Ломоносов М. В. 55, 96, 201
Ломунов К. Н. 569
Лонгинов М. Н. 96, 130
Лонгинов Н. М. 130
Лопухин П. П. 363
Лористон Ж. А. 318
Лосев А. Ф. 9, 10, 11, 203
Лотман Ю. М. 59, 63, 105, 541,
543, 544, 549, 565, 570
Лоуэнталь Д. 12
Лузянина Л. Н.
Луи Филипп 297
Лукман Т. 20, 21
Лыжин Н. 67
Лышковская И. Н. 584
Львов А. Ф. 170, 191
Львов С. В. 577
Любавин М. А. 553
Любенков Н. 94
Любецкий С. М. 267
Людовик XIV 217
Людовик XVI 276
Лядуховский 397
Лямина Е. Э. 583
- Мабли Г. Б., де 373
Мадатов В. Г. 427, 433, 435
Мазепа И. С. 268
Майдель Р., фон 579
Майков А. А. 136
Майков Ап. А. 136
Майков А. Н. 310
Майков Л. Н. 451
- Майорова А. С. 576, 577
Макаркина Ю. В. 82
Макаров А. А. 569
Макаров В. И. 413
Макарова С. М. 286, 287
Макдональд Э.-Ж.-Ж.-А. 175,
188
Максимов Д. Е. 195, 209, 210,
308, 545
Максимов Э. Н. 558
Макферсон Дж. 100, 101, 103
Малиновский А. Ф. 165
Малиновский Б. 17
Малларме С. 228
Мальшкин С. А. 576
Мамай 143
Манаев Н. С. 549
Мандрышкина Л. А. 528
Манн Ю. В. 251, 252, 255
Мансерон К. 558
Мансо А. 218, 219
Мансфельд П. Э. II, фон 461
Мануйлов В. А. 195, 534, 538,
542, 552
Марин С. Н. 130, 137, 143, 144,
455
Мария Николаевна, вел. кн. 93,
96
Мария Федоровна, имп. 64, 66,
110, 134, 184, 186, 190, 192,
398, 443
Маркелов Н. 432
Мармонтель Ж. Ф. 45
Мартиновская А. 573
Мартос И. П. 129
Мартынов И. Ф. 49
Маслов В. И. 101
Маслов С. А. 52, 338
Матвеева Н. П. 413
Матяш С. А. 563

- Машинский С. И. 301, 536
Медянцев И. П. 227
Межиров А. 301
Мейлах Б. С. 538, 539, 546
Мекгрегор П. 100
Мельгунов С. П. 317
Мельгунова П. Е. 530
Мендельсон Н. М. 529
Меншиков А. С. 362, 363, 367,
369, 380, 384, 389, 394, 395
Меньшиков А. Д. 128
Мережковский Д. С. 574, 575,
584
Мешков В. М. 528
Милонов М. В. 175, 287, 290,
291, 292, 555, 560
Милорадович М. А. 31, 32, 57,
93, 98, 177, 178, 327, 363,
397, 399, 400, 443
Мильтон Дж. 335
Мильчина В. А. 570
Милюков П. Н. 79
Милютин Д. А. 360, 377, 383,
403, 410
Минин К. 6, 128, 129, 131, 133,
142, 152, 155, 158, 165, 312,
448
Мирабо О. Г. Р. 373
Митаревский Н. Е. 564
Митрофанова Г. А. 552
Митрохина М. И. 564
Михаил Феодорович 158, 162,
163, 164, 165, 167, 168
Михайлов О. Н. 551, 554, 558
Михайлова Е. Н. 535
Михайлова Н. И. 555, 557, 562,
569
Михайлова С. Б. 560
Михайловская Н. М. 541
Михайловский-Данилевский
А. И. 312, 373, 461, 465,
468, 494, 496
Мицкевич А. 213, 508
Мишо де Боретур А.-Ф. 324
Мищенко Т. К. 568
Модзалевский Б. Л. 124
Модзалевский Л. Б. 534
Можарова М. А. 574
Момот Д. С. 280
Монахова Е. Н. 578
Монахин Ф. Ф. 92
Монтескье Ш.-Л. 373
Мордвинов И. Н. 425, 426
Мордвинов Н. И. 382
Мордвинов Н. С. 372
Мордвинова Е. Н. 426
Мордовцев Д. Л. 279, 280, 281,
282, 283, 284, 285, 286, 287,
289, 577
Морков В. И. 160, 170
Моро Ж. В. 178
Мортье А. Э. 136, 139
Музалевский В. И. 172
Муравьев В. Б. 558
Муравьева О. С. 563
Муравьев-Апостол И. М. 39,
43
Муравьев-Апостол М. И. 416
Мурашов Н. Ф. 541
Мурьянов М. Ф. 559
Мусиенко С. Ф. 578
Мусин-Пушкин В. В. 438, 553,
555
Муханов Н. А. 467
Мюллер И. 373
Мюрат И. 98, 343, 505
Набоков В. В. 210, 250
Надеждин Н. И. 262, 270

- Назаревский В. В. 308
Назаров Д. 326
Найдич Э. Э. 196, 540
Нарежный В. Т. 270
Нарский И. В. 14
Нарышкин А. Л. 126, 128, 136, 140
Нарышкин Л. А. 136, 137, 138, 140, 141, 387, 390
Нарышкина М. А. 136
Наумов В. 67
Наумова Т. С. 82
Неверовский Д. П. 93
Нейдгард (Нейгарт) А. И. 375, 376, 415, 416
Некрасова М. А. 548
Нелединский-Мелецкий Ю. А. 192, 320
Нелидова Е. В. 141
Немзер А. С. 562
Немировский И. В. 566
Нестерова Т. П. 563, 564, 566, 567, 580
Нечкина М. В. 362, 371, 411, 552
Никитин А. П. 406, 407
Николай Павлович, вел. кн. — см. Николай I
Николай I 69, 160, 165, 171, 361, 368, 374, 382, 392, 411, 433
Николев Н. П. 46–59, 335–343
Николин Н. 319, 320
Николь-Деманор Д. 342
Николюкин А. Н. 245
Никулин Л. В. 537, 542
Нилов А. П. 450
Нилов П. А. 450, 451, 452, 453
Нилова П. М. (урожд. Бакунина) 450, 451
Новиков В. И. 586
Новиков Н. И. 129
Новорусский М. В. 328, 329
Новосильцева Е. В. (псевд.: Е. Толычева, Т. Толычова) 313–316
Норов А. С. 36, 88
Норов В. С. 83–89
Обнинский В. П. 529, 530
Овчинников Г. Д. 71, 582, 586
Оганесян М. О. 9
Одоевский А. И. 37
Ожеро П.-Ф.-Ш. 150, 151
Озеров В. А. 101, 155, 160, 451, 453
Окуджава Б. Ш. 26, 557, 574, 582, 585
Оленин А. Н. 136, 160, 454, 455
Оленин Н. А. 35, 136, 454
Оленин П. А. 136
Ольга Николаевна, королева Вюртембергская 392, 393
Орлик О. В. 423
Орлицкий Ю. Б. 440
Орлов А. Г. 126
Орлов А. С. 539
Орлов А. Ф. 362, 363, 367, 369, 395, 404
Орлов В. Н. 360, 361, 384, 467, 485, 494, 533, 539,
Орлов М. Ф. 360, 361, 362, 363, 371, 374, 377, 379, 380, 384, 395, 396, 406, 408, 410, 411, 412, 414, 415, 416, 418, 455, 463, 464, 470, 488
Орлов С. 301
Орлова А. А. 149
Орлов-Денисов Е. А. 151
Остафьев Н. 38

- Остен-Сакен Ф. В. 380, 398, 400
Остолопов Н. Ф. 41, 42
Острейковская Н. В. 586
Охотин Н. Г. 559
- Павел I 52
Павлов А. 553
Павлов А. А. 266, 267, 268, 269
Павлова Л. В. 262, 584
Палицын А. А. 6, 103, 104
Пандвич, лейтенант 350, 353
Панкратьев Н. П. 431, 433
Панов С. 280
Панченко А. М. 556, 562
Паперный З. М. 539
Парни Э. 45
Парсамов В. С. 169
Пастернак Б. Л. 82
Пасторе А. Д. 322
Пауткин А. А. 569
Пауткин А. И. 559
Пачини 185
Перовский В. В. 278
Перцев В. Н. 530
Песков А. М. 264
Пестель П. И. 371
Петин И. А. 35
Петр I 56, 73, 97, 128, 131, 144, 175, 275, 298, 372, 412, 455
Петров А. 84, 376
Петров С. М. 533, 540, 545, 561
Петрова Н. Л. 571
Петровский В. И. 547
Петровский М. А. 532
Петрунина Н. Н. 550, 551, 553
Петухов В. В. 16
Пиго-Лебрюн Ш.-А.-Ж. 414, 415–416
Пиксанов Н. К. 535
- Пильд Л. 574
Пилогина С. В. 581
Питерцева Е. Ю. 572
Пихельштейн 416
Платов М. И. 57, 86, 93, 94, 117, 118, 134, 176, 284
Платон 373
Платонов С. Ф. 164
Плейель 180
Плетнев П. А. 96, 284
Плоткин Л. А. 534, 536
Плутарх 126, 133, 373
Пнин И. Н. 124
Погодин М. П. 36, 62, 63, 66, 142, 443
Подмазо А. А. 19
Подосокорский Н. Н. 583, 584, 585, 586
Пожарский Д. М. 5, 128, 129, 131, 133, 142, 152, 155, 156, 158, 163, 165, 299, 312
Познанский В. В. 548
Покровский К. В. 530, 531
Полевой Н. А. 96, 175, 279
Полетика П. И. 422, 423
Полнер Т. И. 529, 530
Поляков А. В. 26
Полянский А. 188
Померанц Г. С. 575
Пономарев Е. 586
Понько А. Д. 579
Попов А. В. 538
Попов И. В. 106, 107
Попов, сотник 138, 139
Портнова Н. А. 548, 550
Потапов И. А. 546
Потемкин Г. А. 298, 404
Потоцкая О. С. 407
Потоцкая С. К. 424, 434
Потоцкая С. С. 399, 406

- Потоцкий (Щенный) С. Ф.
 399
 Прач И. 188
 Преснов В. А. 577
 Прибытков 424, 425
 Прийма Ф. Я. 59
 Приказчикова Е. Е. 566, 584
 Приселков М. Д. 291
 Прокофьева Н. Н. 154, 155,
 156, 157, 165, 256
 Пронский С. 326
 Проскурин О. А. 571
 Прохорова И. Е. 574
 Прянишников Н. 536
 Пугачев В. В. 371, 470, 545,
 546, 556, 568, 570, 572
 Пугачев Е. И. 411, 575
 Пудовкин В. А. 540
 Пумпянский Л. В. 535
 Путин В. В. 18
 Путята Н. В. 494
 Пухов В. В. 492
 Пушкин А. М. 39, 42
 Пушкин А. С. 13, 19, 23, 24, 25,
 26, 29, 30, 31, 31, 32, 34, 37,
 45, 63, 152, 191, 197, 199,
 202, 206, 207, 208, 209, 210,
 254, 255, 257, 262, 270, 277,
 283, 284, 285, 297, 303, 304,
 307, 310, 311, 325, 359, 385,
 399, 407, 455, 469, 491, 495,
 507, 531...586, 587
 Пушкин В. В. 437
 Пушкин В. Л. 39, 40, 41, 42,
 193
 Пушкина Е. Г. 42
 Пушин И. И. 469
 Пятигорский А. М. 17
 Пятницкая Л. Б. 541
 Рабле Ф. 373
 Радищев А. Н. 101, 102, 103,
 124
 Раевский А. Ф. 118, 586
 Раевский В. Ф. 109
 Раевский Н. Н. 57, 93, 112, 238,
 239, 305, 341, 343, 371, 376,
 381, 388, 420, 421, 464, 553,
 565, 576, 577
 Разумова Н. Е. 90
 Рамлер К. В. 451, 452
 Ранчин А. М. 280, 582
 Рассадин С. Б. 554
 Раупах Г. Ф. 187
 Реад, штабс-ротмистр 406
 Ребеккини Д. 261
 Реизов Б. Г. 546
 Рейналь Г. Т. 373
 Рейсер С. А. 527
 Ремизов А. М. 247
 Рибас О. М. 413
 Ровинский П. А. 332
 Рогацкина М. Л. 584
 Розанов И. Н. 535, 537
 Розен А. Е. 69
 Розен Е. Ф. 164
 Розен Р. Ф. 389, 393
 Розенов Э. К. 211
 Розова З. Г. 541
 Романов Ф. Н. 161
 Романова Г. В. 538
 Романова И. В. 262, 584
 Ромберг Б. 191
 Ромм М. Д. 470
 Россиев П. А. 327, 331
 Россинская С. В. 586
 Ростопчин Ф. В. 62, 71–81, 98,
 133, 217, 283, 285, 529, 577,
 582, 583, 585, 587
 Ростоцкий Б. И. 536

- Рош М. Д. 227
Руа К. 229
Рубакин Н. А. 11, 15
Рудзевич А. Я. 367, 368, 369,
387, 390, 391, 418, 470, 488
Румянцев А. И. 29, 126, 298
Руссо Ж. Ж. 373
Рыжкова Н. А. 172, 174, 178
Рылеев К. Ф. 290, 291, 535,
536, 560
- Саакян П. Т. 546, 548
Сабанеев И. В. 367, 417, 418,
419, 485, 486, 487, 488
Сазонов П. Г. 544
Салиас Е. А. 271, 278
Салтыков Д. Н. 173, 188
Салтыков Н. И. 76, 134
Самарин Г. 537
Самнер Дж. 219
Самовер Н. В. 566
Самойлов В. М. 191, 192
Санд Ж. 213–226
Саплин А. И. 563
Саплина Е. В. 563
Сарбаш Л. Н. 586
Сардарь Эриванский 427, 428
Сарти Дж. 174, 191
Сахаров В. И. 302, 569
Светлова Г. Г. 492
Свечинский И. Н. 155
Свиньин П. П. 268
Свиясов Е. В. 278, 562
Святелик В. 399, 407
Северин Н. 286
Сей Ж. Б. 401, 404, 405
Селезнев Ю. 554
Селиванов Г. А. 549
Селивановский С. И. 468
Семенко И. М. 549
- Семенова А. В. 371
Семенова З. И. 551
Семенова Н. С. 192
Семон М. 231
Сен-При Э. Ф. 93
Сен-Сир Л. Г. 175
Сенькевич Т. В. 578
Сергеев Г. И. 531
Сергеева-Клятис А. Ю. 255
Сергиевский И. В. 533
Серебрякова Г. И. 145
Серков А. И. 342
Серков С. Р. 559
Серов А. Н. 160
Сеславин А. Н. 151, 447
Сивков К. В. 530
Сигизмунд III 164
Сидоров И. С. 573
Сидоров Н. П. 530, 532
Симанович Д. Г. 552
Симонов К. М. 42
Синдаловский Н. А. 582
Сипягин Н. М. 372, 380, 397,
400
Сихра А. 176
Скабичевский А. М. 72, 271,
275
Скафтымов А. П. 542
Скобелев И. Н. 155, 424, 529,
568
Скотт В. 256, 270, 373, 493,
494, 497
Скрин А. (Скрипицын А. В.)
327
Скрынников Р. Г. 164
Скульская Е. 141
Слонимский А. Л. 539
Смагина О. А. 584
Смирдин А. Ф. 494, 495
Смирнов А. А. 577, 583

- Смирнова Е. А. 559
Смит А. 373, 405
Смолицкий В. Г. 572, 573
Смолярова Т. 580, 586
Снегирев И. М. 78, 320, 448
Собинин Б. 159
Соболев Л. И. 580, 586
Советов Н. 387, 419, 420
Соколова А. И. 269
Сократ 10
Солнцев Г. А. 135
Соловьев Б. 538
Соловьев Вс. С. 287
Сологуб Ф. К. 532
Сомов О. М. 579
Сорочан А. Ю. 262, 277, 278, 279, 285
Сосницкая М. Д. 551
Сперанский М. М. 48, 283, 285, 363, 372
Стабровский, о. Иоанн 150
Сталь Ж., де 286, 393, 564
Сталь К. Г. 387, 419
Старк В. П. 559, 561
Старынкевич Н. А. 556
Стендаль 214, 220, 225, 227–246
Стенник Ю. В. 547, 551, 554
Степанов А. В. 544
Степанов В. П. 451
Степанов Н. Л. 540
Столбова Е. И. 573
Столянский П. Н. 172, 175, 181
Строганов М. В. 564, 568
Строганов П. А. 93
Строганова Е. Н. 278, 559, 564
Стромилов С. И. 154
Стурдзи А. К. (в замужестве Эделинг) 128, 141
Суворин А. С. 282
Суворов А. В. 30, 31, 98, 179, 251, 298, 409, 413, 415, 474
Сумароков С. П. 384
Сурков А. А. 42
Сусанин И. 158–170
Сусанина А. И. 159
Сысоев В. 435
Такшина Г. В. 562
Тальва 100
Тамарченко Н. Д. 575
Тарановский К. Ф. 201
Тарле Е. В. 80, 121–125, 144, 145, 434, 544
Тартаковский А. Г. 14, 371, 465, 553, 555, 562, 567
Татищев Д. П. 395
Татищева Ю. А. (урожд. Конопка) 395, 396
Тацит 132
Тернова Т. А. 584
Тетерина 128
Тильман И. 355
Тимковский И. О. 141
Тимофеев В. П. 541
Тимофеев Л. В. 455
Титов А. А. 38, 154
Титов А. С. 389
Тихомиров С. А. 574
Тихонов И. С. 576
Тихонравов Н. С. 71, 72, 529
Толстой («Американец») Ф. И. 130, 410, 413, 414, 417
Толстой Л. Н. 13, 21, 25, 28, 30, 31, 32, 36, 44, 45, 63, 79, 82, 153, 227–246, 276, 277, 282, 283, 303, 304, 310, 313, 526, 528–587

- Толычева Е. – см. Новосильцева Е. В.
Толь К. Ф. 368, 462, 465, 466, 471
Томашевский Б. В. 541
Топоров В. Н. 16
Тормасов А. П. 93
Тотфалушин В. П. 567
Трелиаковский В. К. 335
Тренк Ф., фон 461
Троицкий В. Ю. 154, 256, 302, 569
Троицкий Н. А. 178, 179, 566
Трофимов И. Т. 549
Трошинский Д. П. 133
Турбин В. Н. 553
Тургенев А. И. 41, 67, 70, 98, 104, 105, 168, 362, 415, 416, 487
Тургенев И. С. 24, 29, 218, 223
Тургенев Н. И. 484, 489, 536
Тургенев С. И. 489
Тучков А. 344
Тучковы 35
Тынянов Ю. Н. 533, 559
Тьер Л. А. 373
Тютчев Ф. И. 325, 443, 578
- Уваров С. С. 157, 165, 168, 169, 171
Угрюмов П. А. 434
Удалов С. В. 169
Удино Н. Ш. 134, 135, 157, 165
Удодов Б. Т. 555
Усок И. Е. 575
Успенский И. И. 327
Успенский Н. В. 30
Ушаков С. Н. 434
- Фалалеева М. 359, 435
- Фатеева Ю. Г. 581
Федоров Б. М. 155
Федоров В. А. 148
Федоров В. М. 74
Федоров В. Н. 573
Федоров М. В. 155
Федорченко В. 393
Фергюсон А. 373
Фесенко О. П. 82
Фет А. А. 201
Фигнер А. С. 151, 283, 461, 500
Филарет, митрополит 96
Филиппова Н. Ф. 544, 571
Фильд Дж. 180, 191
Финдейзен Н. Ф. 172, 177, 192
Фишер Г. И. 41, 193
Флавий 132
Фокина К. В. 82
Фомичев С. А. 552, 554, 581, 583
Фонвизин М. А. 371
Фохт У. Р. 551
Фрайман Т. 575, 578
Фредерика Луиза Шарлотта Вильгельмина (вел. кнж. Александра Федоровна) 392
Фрейд З. 221
Фридендер Г. М. 555
Фридлянд Г. С. 145
Фридман Н. В. 544, 545, 549
Фридрих Великий 44, 217
Фридрих Вильгельм III 193, 392
Фридрих Вильгельм IV 392
Фризман Л. Г. 305, 560, 562
Фрич Е. В. 551
Фриш М. 82
Фукидид 373

- Хальбвакс М. 309, 310
Хаслингер Т. 193
Хаткова И. Н. 578
Хвостов Д. И. 46, 49, 51
Хиршфельд К. Ф. 346, 347
Хитрово Л. К. 582
Ходанен Л. А. 566
Холшевников В. Е. 201, 202
Хопылева Н. Ф. 128
Хохлова Н. А. 359, 268, 383,
426, 470
Хоцкевич 397
Хрептович-Бутенев К. А. 321
- Цебриков М. М. 150
Цявловский М. А. 532, 560
- Чарская Л. А. 286
Чеботаревская А. 286, 532
Чельшев Е. П. 579, 580
Черейский Л. А. 546
Черневич 133
Чернышев А. И. 344-358
Четвертинский 397
Четвертных Е. А. 585
Чешихин (Чешихин-
Ветринский) В. Е. 156, 531
Чирков Н. 546
Чиркова С. Н. 398, 438, 464
Чичагов В. Я. 143, 486
Чубаков С. 553
Чубукова Е. 556
Чуйкевич П. А. 462
Чуровский А. 267
- Шаврыгин С. М. 571
Шагалов А. Ш. 549
Шаликов П. И. 492
Шалфеев И. И. 310, 311, 312,
313, 314
- Шамбре Ж., де 579
Шатобриан Ф.-Р. 373
Шатров Н. М. 290, 299
Шаховской А. А. 96, 97, 130,
155-171, 256, 257, 455, 456,
457, 459, 536, 571
Шведов С. В. 576
Шевич И. Г. 135
Шевич М. Х. (урожд. Бенкен-
дорф) 135
Шевырев С. П. 443
Шекспир У. 254, 454
Шенле А. 582
Шепелева З. С. 539
Шептаев Л. С. 539
Шестакова Л. И. 149, 151, 152
Шестова К. И. 161
Шик А. 539
Шилз Э. 15, 16
Шилов Д. Н. 421
Шильдер Н. К. 323
Шишков А. С. 47, 48, 52, 55,
57, 58, 65, 336, 337, 338,
342, 507, 508, 509
Шкловский В. Б. 231, 234, 236,
242, 532, 536, 538, 548
Шопен Ф. Ф. 213
Шполянский Д. В. 585
Шраговиц Е. Б. 26, 585
Штегман (Штенгман) Х. О.
389, 394
Штейбельт Д. Г. 173, 180, 181,
182, 183, 189
Шубин 122
Шукшин В. М. 562
Шухмин В. 576
- Щеблыкин И. П. 550
Щеголев П. Е. 450
Щербаков В. И. 585

- Щербатов А. Г. 387, 390
Щегинин Б. А. 326
- Эдельман О. В. 577
Эйхенбаум Б. М. 195, 303, 533,
536, 548
Элиаш Н. М. 531
Эльфингтон 126
Энгельгардт П. И. 122, 133,
144
Эркюль (Hercule)
Эртель А. И. 531
Эссен М. М. 535
- Ювенал Д. Ю. 373
Юлий Цезарь 117
Юм Д. 373
Юнг К. -Г. 9, 11, 17
Юрий Долгорукий 442
Юшневский 367
- Языков Н. М. 247, 359, 385
Яковкина Н. И. 562, 575
Яковлева И. П. 582
Якубович А. И. 492, 494
Якубович Д. П. 539
Якушева Г. В. 245
Янковский Ю. З. 228, 245, 246
Янушкевич А. С. 55, 69, 90,
555
Ястребова Н. Г. 578
Яхонтов А. Н. 308–316
- Arnind 347, 348
- Bakunine Т. 342
Berger P. L. – см.: Бергер П.
Bernard-Griffits S. 214
Boele O. 566
- Chastagnaret Y. 214
- Débreczeny P. – см.: Дебрецени
П.
Diaz J.-L. 214
- Frolova-Walker M. 171
- Holst 247
- Kinneir J. 412
- Lacretelle J.-Ch.-D. – см. Лак-
ретель Ж.-Ш.-Д.
Lojek J. 399
Lubin G. 214, 219
Luckmann T. – см.: Лукман Т.
- Morier J. 412
- Pastoret A. de – см. Пасторе А.
Д.
- Roy C. – см. Руа К.
- Sand G. – см. Санд Жорж
Sémon M. – см. Семон М.
Shils E. – см.: Шилз Э.
Stendhal – см. Стендаль
- Taruskin R. 171
- Walpole R. 412

**Реалии и легенды Отечественной войны 1812 года:
Сборник научных статей**

Дизайнер обложки: Татьяна Федянина
Корректор Галина Кузьмина

Подписано в печать 1.12.2012
Формат 60×84 1/16
Бумага типографская. Объем 42 п. л.
Тираж 300 экз.
Издательство Марины Батасовой
(4822) 450–459, 8 920 684 6879